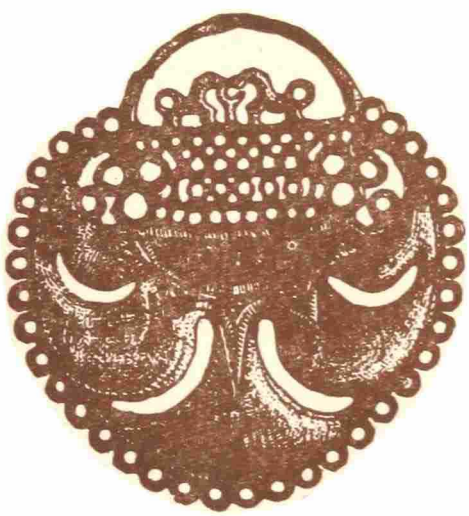
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1988 2

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь), Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерпрет, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева (зам. главного редактора), А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Бонгард-Левин Г. М., Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М. (Москва). Матхура: 150 лет археологических исследований . 5
Матюхин А. Е. (Ленинград). Макроорудия из палеолитических мастерских . . 23
Пхакадзе Г. Г. (Тбилиси). К изучению памятников Рион-Квирильского бассейна (IV — середина III тыс. до н. э.) 43
Балабина В. И. (Москва). Зооморфная пластика трипольского поселения Друцы I 58
Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А. (Киев). К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье 73
Карпушкина И. А., Арзаманов Г. Ф. (Москва). Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков нашей эры (на примере находок из Горгиппии) 84
Бокий Н. М., Плетнева С. А. (Кировоград, Москва). Захоронение семьи воина-кочевника X века в бассейне Ингула 99
Горский А. А. (Москва). О переходном периоде от доклассового общества к феодальному у восточных славян 116
Формозов А. А. (Москва). О двух документах 1860-х годов, касающихся древнерусской архитектуры 132
Финкельштейн М. И., Богатырев Е. Ф., Плаунов Н. А., Эрдманис Г. Э. (Рига). Применение радиолокационного подповерхностного зондирования в археологии 138

Публикации

Журавлев А. П. (Петрозаводск). Два поселения с асбестовой керамикой в Пегреме 143
Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е. (Киев). Погребение жрицы из Бердянского кургана 149

© Издательство «Наука», «Советская археология», 1988 г.

Терехова Н. Н., Мехтиев Т. С. (Москва, Баку). Технология изготовления кузнечных изделий из памятников Кавказской Албании на территории Азербайджана 167
Белецкий С. В. (Москва). Загадки печатей Геннадия Гонозова 174
Брайчевская Е. А. (Киев). О содержании изображений на браслете из клада у с. Городище Хмельницкой области 185
Моргунов Ю. Ю. (Москва). Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы 194
Панова Т. Д. (Москва). Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле 207

Заметки

Шевелёв В. В. (Таллин). Стоянка Наволок в Каргополье . . 219
Клюшинцев В. Н. (Николаев). Новые погребения культуры многоваликовой керамики в Побужье . 223
Миняев С. С. (Ленинград). Дурёны II — многослойное поселение в Западном Забайкалье 228
Шрамко Б. А. (Харьков). Детали оленьей упряжи в Скифии . 233
Коваленко С. А. (Москва). К вопросу о развитии орнаментации античной рельефной керамики 237
Смирнов К. А. (Москва). Костяной псалий со Старшего Каширского городища 242
Булава Л. А. (Краснодар). Биметаллический браслет из Прикубанья 243
Симонов Р. А., Хромов О. Р. (Москва). Пластина из Саркела 248
Лухтан А. Б. (Вильнюс). Клад из Кярнаве 251
Халилов Дж. А., Мусаев Д. Л., Мехтиев Т. С. (Баку). Находки китайского фарфора на городище средневековой Гянджи 256

Критика и библиография

Русанова И. П., Тимощук Б. А. (Москва). *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987 260
Мерперт Н. Я. (Москва). *Korfman M.* Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. B. I. Rhein, 1983 264
Большаков А. О. (Ленинград). О методе «структурной археологии» Патрика О'Мары 272
Борисковский П. И. (Ленинград). *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985 281
Кобылина М. М. (Москва). *Сидорова Н. А., Тугушева О. В., Забелина В. С.* Античная расписная керамика. Из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1985 282

Хроника

Седов В. В. (Москва). Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии 286
Смирнов К. А. (Москва). Всесоюзная конференция «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС» 290
Борисова В. В. (Москва). Пленум Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР «Методические основы охраны и использования памятников археологии» 295
Флёров В. С. (Москва). Вторая Международная конференция «Праболгары в Восточной и Центральной Европе в VI—X вв.». Шумен, 1986 300

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1988 2

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Bongard-Levin G. M., Koshelenko G. A., Munchayev R. M. (Moscow). One and a Half Century of Archaeological Investigations in Mathura 5
Matyukhin A. E. (Leningrad). The Macroliths from Palaeolithic Processing Shops 23
Pkhakadze G. G. (Tbilisi). The Sites of the Rioni-Kvirila Basin (The fourth-middle of the third millennia B. C.) 43
Balabina V. I. (Moscow). Zoomorphic Figurines from Drutsy I, a Tripolye Settlement 58
Kovpanenko G. T., Skory S. A. (Kiev). On the Study of the Scythian Burial Rite in the Ros Basin 73
Karpushkina I. A., Arzamanov G. F. (Moscow). Some Specific Features of the Architectural Orders in the Early Centuries A. D. (Gorgippia Finds) 84
Bokii N. M., Pletneva S. A. (Kirovgrad, Moscow). 10th-Century Family Burial of a Nomad Warrior in the Ingul River Basin 89
Gorsky A. A. (Moscow). On the Period of Transition from the Pre-Class to Feudal Society Among Eastern Slavs 116
Formozov A. A. (Moscow). About Two Documents of the 1860s Concerning Old Russian Architecture 132
Finkelstein M. I., Bogatyrev E. F., Plaunov N. A., Erdmanis G. E. (Riga). The Use of the Radar Subsurface Sounding in Archaeology 138

Publications

Zhuravlev A. P. (Petrozavodsk). Two Archaeological Sites in Pegrema Containing Asbestine Ceramics 143
Cherednichenko N. N., Fialko E. E. (Kiev). A Priestess' Burial in the Berdyansk Mound 149
Terekhova N. N., Mekhtiev T. S. (Moscow, Baku). Forging Technology in Caucasian Albania (Azerbaijan) 167
Beletsky S. V. (Moscow). The Riddles of Gennady Gonozov's Seals 174
Braichevskaya E. A. (Kiev). The Images on the Bracelet from a Hoard Found near the Gorodishche Village (Khmelnitsky Region) 185
Morgunov Y. Y. (Moscow). The Old Russian Fortified Settlements Around the Town of Lokhvitsy Mentioned in Chronicles 194
Panova T. D. (Moscow). Jewellery from the Digs in the Moscow Kremlin 207

Notes

Shevelev V. V. (Tallinn). The Navolok Camp Site in Kargopol 219
Klyushintsev V. N. (Nikolayev). New Burials of the Multiroller Pottery Culture in the Bug Basin 223
Minyaev S. S. (Leningrad). Dureny II — Multilayer Settlement in Western Transbaikalia 223
Shramko B. A. (Kharkov). Specific Types of Harness in Scythia 238

Kovalenko S. A. (Moscow). On the Problem of Ornamental Development of Antique Pottery 237
Smirnov K. A. (Moscow). A Bone Checkpiece from the Older Kashira Fortified Settlement 242
Bulava L. A. (Krasnodar). A Bi-Metallic Bracelet from the Kuban River Basin 243
Simonov R. A., Khromov O. R. (Moscow). A Plate from Sarkel 248
Lukhtan A. B. (Vilnius). A Hoard from Kyarnava 251
Khalilov J. A., Musayev D. L., Mekhtiyev T. S. (Baku). Finds of Chinese Pottery from Mediaeval Gyandzha 256

Book Reviews and Bibliography

Rusanova I. P., Timoshchuk B. A. (Moscow). *Rybakov B. A.* Paganism of Old Russia, Moscow, 1987 260
Merpert N. Y. (Moscow). *Korfman M.* Demircihüyük. Die Ergebnissebder Ausgrabungen 1975-1978. B. I. Rhein, 1983 264
Bolshakov A. O. (Leningrad). On the Method of «Structural Archaeology» of Patric O'Mara 272
Boriskovsky P. I. (Leningrad). *Stolyar A. D.* The Origin of Visual Art. Moscow, 1985 281
Kobylina M. M. (Moscow). *Sidorova N. A., Tugusheva O. V., Zabelina V. S.* Antique Painted Pottery from the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, 1985 282

Chronicle

Sedov V. V. (Moscow). International Symposium on Slavic Paganism in Yugoslavia 286
Smirnov K. A. (Moscow). The National Conference «The Tasks of Soviet Archaeology in the Light of the Decisions of the 27th CPSU Congress» . . . 290
Borisova V. V. (Moscow). The Plenary Meeting of the Research Council on the Protection of Cultural Monuments at the USSR Ministry of Culture «The Methdology of Protection and Use of Archaeological Sites» 295
Flerov V. S. (Moscow). The Second International Conference «The Protobulgarians in Eastern and Central Europe in the 6th-10th Centuries». Shumen, 1986 300

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУАК — Всеукраинская Академия наук
ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София
КАЭ — Кахетская археологическая экспедиция
ЛКМ — Лохвицкий краеведческий музей
ПУАК — Полтавская ученая архивная комиссия
РКМ — Роменский краеведческий музей
УРЕ — Українська Радянська Енциклопедія
AÉ — Archaeologiai Értesitõ. Budapeşt
AH — Archaeologia Hungarica. Budapeşt
ASIAR — Archaeological Survey of India, Annual Report
ASR — Archaeological Survey of India
BMAUP — Bulletin of Museums and Archaeology in Uttar Pradesh
EI — Epigraphia Indica
JASB — J. of the Asiatic Society of Bengal
JAOS — J. of the American Oriental Society
JISOA — J. of the Indian Society of Oriental Art
JRAS — J. of the Royal Asiatic Society. London
JUPHS — J. of the United Provinces Historical Society
MCA — Materiale şi cercetări archeologice. Bucuresti
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
SA — Studia Archaeologica. Budapest
SMYA — Suomen muinaismuisto yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН, Г. А. КОШЕЛЕНКО, Р. М. МУНЧАЕВ

МАТХУРА: 150 ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Матхурская школа скульптуры является одним из выдающихся явлений мирового искусства и, как считают подавляющее большинство современных исследователей, вершиной художественного творчества древней Индии. Важность этой школы определяется не только ее художественными достоинствами, но и огромным влиянием на развитие искусства Северной и Центральной Индии. Свидетельством популярности школы является как огромное число скульптурных произведений, вышедших из ее недр, так и широчайшее их распространение. По данным В. Агравалы (в 40-х годах нашего столетия), было известно примерно 5000 произведений матхурской скульптуры. Р. Шарма (в середине 80-х годов) увеличивает эту цифру в 2 раза[1] Находки матхурской скульптуры зафиксированы (по нашим подсчетам) в 27 пунктах: от Таксилы на западе до Западной Бенгалии на востоке, от Беграма на севере до Амаравати на юге.

Первые археологические открытия в Матхуре были сделаны в 1836 г. случайно, в ходе земляных работ. Эти находки были зафиксированы полковником Стэки [2, с. 567 сл.]. Они включали скульптуру, условно названную «Силеном», и столб от ограды (видимо, ступы), на котором была изображена женщина, стоящая на карлике и держащая в руках клетку с птицей[2].

Уже эти первые находки привлекли к Матхуре внимание специалистов и послужили основанием для проведения здесь первых археологических работ. Пионером археологического исследования Матхуры и всего окружающего ее района стал неутомимый исследователь генерал А. Каннингэм. В Матхуру А. Каннингэм прибыл, уже имея определенное представление о прошлом города благодаря внимательному изучению данных, содержащихся в повествованиях китайских паломников раннего средневековья, посещавших Матхуру и оставивших определенные сведения о ней. Первые раскопки в Матхуре были проведены А. Каннингэмом в январе 1853 г. [4, I, с. 231 сл., табл. XXIX—XL; III, с. 13 сл., табл. I—XVI]. Он сконцентрировал свое внимание на холме Катратила. Среди находок (главным образом буддийского характера), сделанных там, особое внимание привлекли столб от ограды с изображением женщины под деревом и ряд других архитектурных деталей. Чрезвычайно важным было открытие надписи (фрагментированной), в которой приводилась генеалогия царей гуптской династии вплоть до Самудрагупты [5]. А. Каннингэм уделил также значительное внимание разведочному обследованию как территории самого города, так и его окрестностей. В частности, он отметил наличие в окрестностях Матхуры ряда искусственных холмов, покрытых фрагментами кирпича и камня. Он считал, что они представляют собой руины храмов или фортов. Касаясь топонимики, он указывал, что часть этих холмов имеет названия в духе брахманистской традиции, а два — буддийской [4, I, с. 234].

В 1862 г. А. Каннингэм еще раз провел исследования в Матхуре. Основным объектом его работ и на этот раз был холм Катратила. Сно-

[1] В музее Матхуры к концу 70-х годов хранились, согласно официальным данным, 4371 скульптура, 2550 терракотовых статуэток, ок. 11 000 монет и т. д. [1, с. 76].

[2] Находки первоначально хранились в коллекции Азиатского общества (Калькутта), а затем были переданы в Индийский музей (там же) [3, с. 169 сл.].

ва был обнаружен ряд интересных скульптурных и архитектурных деталей. Наиболее важным открытием было обнаружение статуи стоящего Будды с надписью на пьедестале. В надписи говорится, что статуя посвящена монахиней, по имени Джайабхатта, в монастырь Яша Вихара в 230 г. [4, III 25 сл., № 4]. А. Каннингэм полагал, что здесь использована гуптская эра и поэтому статуя должна быть датирована 549/550 г. н. э. Р. Шарма, однако, полагает, что здесь использована «эра щака» («сакская эра»), и не исключает того, что здесь изображено не число 230, а 280. Таким образом, дата статуи должна быть либо 308, либо 358 г. н. э. [6, с. 77]. А. Каннингэм на основании данной находки считал, что буддийский комплекс здесь существовал вплоть до конца VI в. н. э. Конечно, на основании одной этой находки прийти к такому выводу нельзя, но дальнейшие исследования в общем подтвердили мысль А. Каннингэма.

Примерно в это же время были проведены строительные работы на холме Джамалпур. В ходе этих работ получено значительное количество находок, особенно архитектурных деталей. Ф. Гроуз, в частности, говорил о 30 базах, хотя А. Каннингэм упоминает только 15 [7, с. 10]. Надписи, имевшиеся на базах [8, с. 182 сл., № 1, 2, 5, 10—17, 21—23, 27; 9, с. 117 сл., № 1—10, 17—20], упоминают «вихару Хувишки» [10, с. 112, № 6], построенную в 47 г. по эре Канишки, и храм, посвященный Дадхикарнанаге [11, с. 3]. Эти базы колонн, вероятнее всего, принадлежали колоннаде внутреннего двора буддийского монастыря. Среди находок скульптуры особенно выделяется статуя, изображающая стоящего Будду — прекрасный образец матхурской скульптуры гуптского времени [6, рис. 139].

В 1869 г. Бхагаван Лал Индраджи обнаружил известную «львиную капитель» (украшенную изображениями львиных грифонов) на холме Саптарши. Она имела длинную надпись на кхароштхи, в которой сообщалось о создании «Гуха вихары», сангарамы, ступы и т. д. на средства Айясьи Камуйи — главной жены махакшатрапа Раджулы (Раджавулы) и матери кшатрапа Шодаши. Датируется надпись I в. до н. э., хранится в Лондоне, в Британском музее. Данная надпись до настоящего времени является одним из основных источников по щакскому (сакскому) периоду в Матхуре [12, с. 525—554; 13, с. 135—147; 14, с. 30—49; 15, с. 332—335; 16, с. 132—135]. Именно с изучения этой надписи началось исследование щакского периода в истории Матхуры. К сожалению, чтение и толкование надписи вызывают очень большие разногласия среди ученых. Последнее чтение и перевод опубликованы в 1981 г. [17, с. 1 сл.]. В тексте упоминается целый ряд лиц, неизвестных по другим источникам, содержится указание (предположительно) на «весь Сакастан» и т. д. Чрезвычайно важна информация относительно связей сакских (щакских) правителей Матхуры с северо-западной частью полуострова (ядром владений Раджувулы был Восточный Пенджаб), приверженности их буддизму, поддержки ими сарвастивадинов против махасангхиков и т. д.

В 1871 г. А. Каннингэм провел четвертую кампанию исследований в Матхуре. На этот раз исследовались холмы Канкали и Чаубара. На первом из них были найдены скульптура, явно джайнская по своему характеру, и 12 надписей (с датами от 5 до 98 г. по эре Канишки), а рядом с холмом Канкали, в Бхутешваре, — большой столб с рельефными изображениями, часть из которых до сего времени не расшифрована [18, с. 138; 19, с. 53]. Чаубара представляет собой гряду из небольших холмов. А. Каннингэм в той или иной степени исследовал 12 из них. Там были обнаружены золотой и стеатитовый реликварии, капитель персеполитанского типа (изображения четырех животных с человеческими головами, но с рогами) [3, ч. I, с. 186; ч. II, с. 483], несколько фрагментов гигантских статуй [7, с. 54].

После работ А. Каннингэма на этой цепи холмов продолжал свои исследования Ф. Гроуз, который нашел голову статуи Будды в «северном стиле», пьедестал от статуи Будды с надписью, в которой упоминаются

33 г и имя царя Хувишки, а также несколько мужских и женских фигур, фигурок животных, архитектурных фрагментов, несколько гротескных фигур. Особенно интересен столб с изображением отшельника Ршьяшринга. Между холмами Чаубара и Канкалитила найдено изображение Паршвы или Супаршвы с «капюшоном» из голов змей. Невдалеке найдено изображение Якши, в районе Паликхера — «вакхическая» группа [20, с. 124, 166; 21, с. 212 сл.]. Там же обнаружено несколько баз столбов, что заставляет думать, что в этом месте должен был располагаться какой-то храм. Заслуживают упоминания скульптурное изображение нага из Кукаргаюна и надпись, в которой упоминаются «50 год» и царь Хувишка. К югу от Бхутешвара Ф. Гроузом было найдено 11 плит от ограды и несколько столбов. В Матхурском музее в настоящее время хранятся 2 из них. На одном изображены женщина после купания и сцена из Весантары джатаки, на другом — изображение женщины с зеркалом и сцены из джатак [7, с. 54].

Благодаря обилию находок, которые давала земля Матхуры, серьезное значение приобрела проблема их сохранения. Ф. Гроуз, занявший пост коллектора в Матхуре, не только проводил здесь исследования и собирал вещи, но и добился создания в 1874 г. музея в Матхуре. Открыт он был для посетителей в 1881 г. [1, с. 75]. В 1930 г. для музея было построено новое здание, которое служит ему и сегодня. А. Каннингэм, однако, не очень считался с Матхурским музеем и, пользуясь своим положением директора Археологической службы, приказал передать ряд скульптур в Индийский музей в Калькутту (в 1882 г., когда он посетил Матхуру с целью ревизии музея). Среди них особого упоминания заслуживают скульптурная группа, найденная случайно именно в это время, изображающая Геракла, удушающего немейского льва [3, часть I, с. 19; 22, с. 109, табл. XXX], столб, несущий надпись на маурийском брахми (древнейшая надпись из Матхуры) из Арджунпура, статуя Джины из местности Рани-ки-манди (в г. Матхура) с датой «62 год» [3, часть I, с. 185].

В 1888—1891 гг значительные по масштабам раскопки были проведены А. Фюрером на холме Канкалитила. Основным результатом этих раскопок было открытие большого числа скульптур (несколько сот), главным образом джайнских. Они датируются временем со II в. до н. э. вплоть до XII в. н. э. Высказывалось предположение, что здесь находились по крайней мере две джайнские ступы [6, с. 79, 80]. Было обнаружено также значительное число надписей, которые служат очень хорошим источником для понимания истории общества Матхуры и организации здесь джайнской религиозной общины. А. Фюрер во время этих раскопок являлся куратором музея в Лакнау и отправил все эти находки в Лакнау, благодаря чему музей этого города стал важным центром по изучению искусства Матхуры. Однако необходимо признать, что эти раскопки не имели научного характера, к тому же А. Фюрер не подготовил отчета. В ежегодных отчетах о деятельности музея в Лакнау он чрезвычайно кратко рассказывал о ходе раскопок, при этом основное внимание уделялось перечислению сделанных находок. А. Фюрер не подготовил и сводного отчета о проведенных раскопках. Единственное, что было им сделано, — это несколько десятков таблиц рисунков объектов без всяких подписей. В дальнейшем эти таблицы с небольшими пояснениями опубликовал В. Смит, достаточно сурово отозвавшийся и о методах проведения раскопок [23]. Современные исследователи также считают, что эти раскопки не имели научного характера [6, с. 79; 7, с. 140]. На плане, приложенном к книге В. Смита, видны только беспорядочные обрывки стен, некоторое представление можно получить только о ступе. Часть надписей, найденных при работах А. Фюрера, была опубликована Дж. Бюлером [24; 25, с. 371—397; 26, с. 195—211; 27, с. 311—323]. Вещественный материал, полученный при этих работах, обладает огромной ценностью. Среди надписей встречаются и очень ранние — эпохи махакшатрапа Шодаши и более поздние — вплоть до XI в. Они дают очень большую информацию о джайнской общине в Матхуре. Замеча-

тельны и произведения искусства, которых насчитывается много десятков. Они включают главным образом фрагменты скульптуры и архитектуры джайнского характера, хотя есть некоторое количество и иных. Особое внимание привлекла одна из надписей, в которой упоминается «Водва ступа», «построенная богами». Исследователи на основании этой надписи пришли к выводу, что в начале новой эры в Матхуре имелись столь древние джайнские религиозные сооружения, что время их создания уже было забыто и поэтому население считало, что создателями их были боги [28].

В 1896 г. А. Фюрер провел работы на холме Катратила. Целью этих работ были поиски древнего храма Кешав дева. В конце XIX в. на этом холме находилась мечеть, построенная Ауренгзебом на месте разрушенного в 1669 г. храма, который иностранные путешественники видели еще в 1650 и 1663 гг. А. Фюрер считал, что средневековому индуистскому храму на этом месте должен был предшествовать более ранний. Однако поисковая траншея А. Фюрера, проведенная по краю холма (центр его был занят мечетью), привела только к открытию небольшой части древней буддийской ступы и короткой посвятительной надписи. В надписи говорится о том, что в 76 г. ступа была реставрирована царем Васишкой [7, с. 17—18; 29, с. 1—2]. Эта надпись ставит ряд вопросов относительно хронологии кушанских царей после Канишки, однако она никогда не издавалась, место нахождения ее в настоящее время неизвестно, и поэтому судить о правильности чтения ее сейчас невозможно [6, с. 80].

Следующий этап изучения прошлого Матхуры связан с деятельностью Радха Кришны (сначала почетный помощник куратора Матхурского музея, а затем почетный куратор музея) и Д. Фогеля. Радха Кришна начиная с 1909 г. проводил активную работу по сбору в музее Матхуры произведений искусства, найденных при случайных работах на территории города и его округи.

В 1911—1912 гг. им были произведены раскопки кушанского династийного святилища на холме Токри тила, невдалеке от селения Мат [30, с. 120—127; 31, с. 21—23; 32, с. 38—40]. Уже тогда обратили внимание на то, что в названии холма сохранились воспоминания о кушанской эпохе, поскольку в индийских источниках обычно используется термин «тохары», а не «кушаны» [16, с. 140]. Второе обстоятельство, которое также отмечалось в литературе, — это своеобразное местоположение памятника. Рядом с Токри тила нет никаких следов древних поселений. Святилище, следовательно, располагалось изолированно, на достаточно значительном расстоянии от Матхуры и в этом отношении не походило на святилища, остатки которых были зафиксированы на холмах Канкали, Катра, Джамалпур, Бхутешвар, каждое из них было расположено на расстоянии примерно часа ходьбы от города [16, с. 140].

К сожалению, архитектура этого династийного святилища выяснена была недостаточно, что объясняется, во-первых, тем, что холм на протяжении длительного времени служил своеобразной каменоломней для жителей селения, а, во-вторых, раскопки были проведены недостаточно тщательно. Как отмечается современными исследователями [16, с. 141], в ходе раскопок даже не ставились, например, следующие вопросы: предшествовало ли кушанскому святилищу какое-либо более раннее здание, подвергалось ли святилище перестройкам, когда оно было разрушено и т. д.

Архитектура этого святилища может быть представлена только в самых общих чертах: основу плана составляло большое прямоугольное помещение, внутри которого на продольной оси зафиксированы остатки каких-то круглых в плане структур. Характер находок позволяет прийти к выводу, что здание было насильственно разрушено. Можно предполагать, что это разрушение имело место в период падения власти кушан [16, с. 142]. В ходе раскопок было обнаружено не менее трех поврежденных «портретных» статуй, две статуи, видимо изображающие боже-

ства, целый ряд небольших фрагментов скульптуры, большая надпись. Термин «портретная статуя», естественно, весьма условен, все эти статуи лишены голов, и поэтому вести речь об их «портретности» нельзя. Насколько мы можем судить, портретность как стремление реалистически отобразить специфические черты внешнего облика человека не входила в задачу скульпторов Матхуры. Портретность в данном конкретном случае означала только то, что каждая из этих статуй имела надпись, указывающую кто именно был изображен.

Позднее в непосредственной близости от святилища были найдены части еще двух портретных статуй.

Только одна статуя была найдена in situ — в нише центрального круглого сооружения, расположенного прямо на продольной оси здания. Все остальные статуи и их фрагменты были разбросаны в полном беспорядке внутри здания. Статуя, найденная in situ, — это, по мнению большинства исследователей, изображение кушанского царя Вимы Кадфиза. Он изображен сидящим на троне, голова статуи, к сожалению, отсутствует. На пьедестале — надпись, в первых двух строках которой приводятся типичный для кушанской эпохи царский титул (maharajo rajatirajo devaputra kushanoputro shahi) и имя царя — Vematakshamasya или Vematakshumasya. Большинство исследователей полагают, что это слово составное и включает в себя имя «Вима» и какой-то эпитет в родительном падеже [33, с. 15]. Однако некоторые ученые считают это мнение ошибочным и отказываются видеть здесь имя Вима [34], что, однако, в последние годы не находит поддержки [16, с. 145]. В третьей и четвертой строках указывается, что некий человек (имя его не совсем ясно), имеющий титул bakanapati, построил святилище (devakula), создал сад, источник и водоем.

Здесь же найдено и изображение стоя, в рост царя Канишки (также без головы). В нижней части одежды — надпись с титулом и именем Канишки (maharaja rajatiraja devaputro Kanishko) Много дискуссий породила третья найденная в святилище статуя. Она также довольно сильно пострадала и, как обе предыдущие, лишена головы. Дискуссии порождены надписью, имеющейся на этой статуе. Она читается Shastana или Mastana. К сожалению, нельзя сказать, следовало ли за именем еще какое-либо слово, определявшее титул или ранг изображенного персонажа. Некоторые исследователи считали, что данная статуя является портретом сакского (щакского) сатрапа Каштаны, правившего в Уджайни (около 130 г. н. э.) [15, с. 46; 35, с. 250], другие же решительно отвергают это мнение [36, с. 31]. Очень сложные проблемы поставила большая надпись (на пьедестале статуи, от которой сохранилась только одна нога), составленная Фогелем из 14 отдельных кусков. К сожалению, текст ее сильно поврежден и местами не читаем [16, с. 146—148]. Из сохранившихся частей надписи можно понять, что данное сооружение было святилищем (devakula) деда Хувишки, имевшего титул maharaja rajatiraja devaputra. Святилище пришло в упадок и позднее было восстановлено сановником, имеющим титул mahadandanayaka, ради жизни и процветания Хувишки. Другие места надписи спорны.

Открытие святилища в Мате впервые дало значительные материалы для изучения кушанского периода в истории Матхуры. Одновременно оно породило дискуссию по целому ряду проблем, длящуюся до сего времени. Не касаясь всех аспектов этой дискуссии, отметим только самое основное. Значительные расхождения имеются, например, относительно характера культа, отправлявшегося в данном святилище. В. С. Агравала полагал, что храм в Мате являлся обычным шиваистским святилищем [37, с. 25, 31]. Большинство исследователей, однако, полагают, что здесь мы имеем дело с династийным храмом царей Кушанской династии, хотя целый ряд деталей остается спорным [16, с. 150—151]. Наиболее точную, с нашей точки зрения, оценку данных, полученных при исследовании святилища, дал Дж. М. Розенфилд [16, с. 152]: 1) здание являлось святилищем; 2) в святилище находились изображения царей и богов, причем первые преобладают; 3) царские

статуи представляют собой изображения людей, одетых в типичные индоскифские костюмы; 4) известны статуи только трех кушанских царей, поставленных в нем: Вимы, Канишки и Хувишки; 5) реальными патронами святилища являлись представители местной кушанской администрации; 6) святилище было построено, затем было позволено ему прийти в упадок, и, наконец, оно было перестроено — все это на протяжении периода приблизительно в полстолетия; 7) святилище насильственно разрушено. Точную дату этого события определить невозможно, но она, видимо, приходится на кушанский период или вскоре после его окончания.

Практически одновременно с работами в Мате производились раскопки на другом памятнике, по всей видимости, близкого характера, расположенном у д. Мора. Еще генералом А. Каннингэмом здесь была найдена большая надпись, сообщавшая, что в период царствования махакшатрапа Шодасы здесь существовало каменное здание (принадлежавшее некоему Тоше), в котором почитались пять героев из династии Вришни. В 1911—1912 гг. на холме, расположенном рядом с местом находки надписи, были проведены небольшие по масштабам исследования. В результате раскопок были обнаружены остатки круглого кирпичного здания и несколько больших кирпичей, каждый из которых имел надпись, упоминавшую дочь царя Брихасвамитры, правившего, вероятно, в конце II в. до н. э. в Каушамби. Были выявлены следы перестройки здания с применением камня, однако восстановить его устройство не представляется возможным. Были обнаружены также два скульптурных мужских торса, чисто индийских по стилю и изображению костюма, и нижняя часть стоящей женской фигуры, имеющей надпись, в которой упоминаются Канишка и Тоша [16, с.151, 152; 30, с. 120 сл.; 33, с. 130—132; 38, с. 48; 39, с. 194 сл.]. Конечно, очень трудно допустить, что Тоша этой надписи идентичен с Тошей надписи времени махакшатрапа Шодасы, тем не менее совпадение имен вряд ли случайно.

Хотя точная идентификация этих пяти героев — предмет оживленной дискуссии, однако [16, с. 152] совершенно несомненно, что в этом культе слились мифологические и, видимо, в меньшей степени исторические черты.

Активно работая по сбору материалов в Матхуре и ее окрестностях, Радха Кришна сумел добавить к коллекции матхурской скульптуры более 600 предметов. Среди его находок необходимо особо отметить несколько терракотовых плиток гуптского периода. Эти открытия, в частности, позволили высказать предположение, что цари гуптской династии возвели в Матхуре, на берегу Ямуны, храм Шивы или Вайснавы. Как известно, цари этой династии были сторонниками брахманизма, в частности бхагавитизма. Был найден также ряд надписей, в которых упоминались имена гуптских царей. Интересным открытием был восьмиугольный столб с квадратной базой, на вершине которого были представлены трезубец (тришула) и фигура с третьим глазом на лбу, держащая копье в правой руке. Этот памятник доказывает, что Матхура в гуптское время была центром культа Лакумеша (в контексте шиваизма). Надпись сообщает, что Удитапорья поставил два шивалинга в 61 г. гуптской эры (т. е. в 380 г. н. э.). Интересно то, что этот объект был найден невдалеке от известного шиваитского храма Рангешвара.

Деятельность Д. Фогеля была важна в другом отношении. Ему принадлежит первый печатный каталог Музея в Матхуре [7]. В нем впервые были обобщены достаточно значительные материалы, хранящиеся в музее, дано истолкование многих сюжетов, выявлены характерные особенности матхурской скульптурной школы. Дж. Фогель впервые систематически стал употреблять это понятие, подчеркивая своеобразие матхурской школы и ее роль в развитии искусства Индии [18, 31, 40].

В 30-х годах XX в. наиболее значительный вклад в изучение искусства Матхуры внес В. С. Агравала, исполнявший в эти годы обязанности куратора музея в Матхуре. Его деятельность была направлена в первую очередь на приведение в порядок и осмысление имеющегося в Мат-

хурском музее огромного материала. Поскольку со времени издания каталога Дж. Фогеля количество скульптур сильно возросло, В. С. Агравала предпринял издание нового, изданного несколькими выпусками. В нем учтен материал до 1939 г. (последнего года работы В. С. Аграваллы в музее) [32, 37, 38, 41].

В 40-е годы были проведены и небольшие по масштабам раскопки на окраине Матхуры — на холме Гокарнешвара тила. Холм занимает важное место в общей структуре застройки древней Матхуры: он расположен там, где древняя городская стена подходит к берегу р. Ямуны. Поводом для осуществления этих раскопок были случайные находки на нем. Особенно интересен скульптурный торс, чрезвычайно близкий по стилю и исполнению скульптуре из святилища в Мате, особенно одному торсу. Сходство столь велико, что высказывалось (кажущееся очень справедливым) предположение о том, что они были выполнены одним мастером [16, с. 142; 42, с. 597, 598]. Здесь же на холме находится и второе скульптурное изображение того же типа. На вершине холма расположен небольшой храм, в нем располагалась большая (больше человеческих размеров) статуя, чрезвычайно близкая по своему характеру к портретным статуям святилища в Мате. В данном храме статуя почиталась как изображение Махадео (Шивы) [20, с. 133; 43, с. 27]. По всей вероятности, на пьедестале имеется надпись, однако статуя заглублена в пол и увидеть ее невозможно. Все попытки местных археологических руководителей получить статую в Матхурский музей оказались безуспешными.

Холм Гокарнешвара тила дал значительное количество и других случайных находок. В 1947 г. куратором Матхурского музея К. Д. Баджпаи здесь были проведены раскопки [16, с. 142]. Холм практически целиком искусственный (общая высота культурных напластований достигает 12 м). Раскопки, однако, проводились только у подножия и имели незначительные масштабы. Тем не менее они дали значительное количество находок главным образом буддийского характера, датируемых гуптским временем (фрагменты статуй и кирпичи с надписями). Отчет об этих раскопках не был опубликован, и в силу этого невозможно судить, были ли сделаны какие-либо наблюдения статиграфического характера.

С момента достижения Индией независимости начался новый этап в изучении Матхуры. В 1953 г. были проведены первые научные раскопки в Матхуре. Исследования были организованы Археологической службой Индии. Руководили раскопками Венкат Рамайя и Валлабх Саран. Местом раскопок был избран холм Катра тила. Основная задача — получить полную стратиграфическую картину, всю свиту слоев. Нельзя не отметить принципиальное значение этого факта: впервые ставилась задача в сущности чисто историческая — получить данные для изучения истории города. К сожалению, масштабы раскопок были довольно ограниченными, а полный отчет о работах еще не опубликован. В печати появилась только краткая информация [44, с. 15, 16; 45]. Раскоп был заложен на расстоянии примерно 150 м к северу от возвышающейся в центре холма мечети Ауренгзеба. Материк был обнаружен на глубине около 14 м. В самом нижнем слое были найдены фрагменты лепной керамики. Очень интересно то, что в этом слое не было встречено ни одного фрагмента серой расписной керамики. Здесь присутствовали серая керамика (PGW) и черная лощеная керамика (PWB), напоминающая керамику Хастинапура. Исследователей поразило отсутствие «северной черной керамики» (NBP). Помимо керамики были также обнаружены терракотовые диски, шары, бусины, небольшая статуэтка птицы в форме лодки и фрагменты сосудов с отверстиями. Самый ранний слой в Катре на основании аналогий с другими центрами Северной Индии может быть датирован VI в. до н. э.

Следующий слой характеризовался присутствием северной чернолощеной керамики (NBPW). Он делится на три этапа. В самом раннем обнаружены остатки хижины, сделанной из бамбука и камыша, а также слабо обожженного кирпича. Находки, характерные для этого этапа:

костяные заколки (которые иногда называют «стилями»), бусы и амулеты из сердолика, терракотовые статуэтки (изображение богини-матери — сероглиняные, изображения животных, включая собаку, — красноглиняные), кольца. Следующий слой характеризуется новым набором находок: квадратные медные монеты; сердоликовые бусы; ушные подвески; медные (с примесью сурьмы) прутья; терракотовые статуэтки богини-матери из глины серого цвета, для которых были характерны налепные пояса; фигурки слонов (с глазами ромбовидной формы, телами, украшенными штампованным орнаментом — кружками, с украшениями на голове и огромными бивнями) и обезьян (с тремя ногами). Большинство терракотовых статуэток — красного цвета, но небольшая часть — серого. Все фигурки были выполнены в односторонних формах. В этом слое не было выявлено ни одного полного плана дома, однако некоторые наблюдения позволяют считать, что застройка имела некоторые черты регулярности. Этот слой относится к концу II в. до н. э. Затем следует слой запустения. В частности, были засыпаны все колодцы. Для третьего слоя характерны следующие находки: большое разнообразие бус (из агата, сердолика, лазурита, яшмы, раковин, фаянса, кости, хрусталя), медные кушанские монеты, каменные коробочки. В четвертом слое присутствуют терракотовые фигурки карликов, выполненные с помощью двухсторонних форм. Этот слой относится ко времени от 100 до 350 г. н. э. Пятый, самый верхний слой относится к гуптскому времени. Он датируется на основании монет, печатей, терракотовых статуэток (всадники на лошадях и слонах, изображение Найгамеша).

В 1954 г. в Матхурский музей поступило 38 скульптур, обнаруженных при приведении в порядок места предполагаемого рождения Кришны (Катра). Здесь же были найдены терракотовые статуэтки (от маурийского до гуптского времени), несколько терракотовых панелей с растительным орнаментом и несколько предметов, бесспорно связанных с индуистскими религиозными представлениями. Особенно примечательно обнаружение значительного числа фрагментов скульптур Вишну, на основании чего предполагается, что в древности и раннем средневековье здесь находился большой вишнуистский храмовый комплекс. Все эти объекты были получены благодаря активной деятельности К. Д. Виджжи, бывшего тогда куратором Матхурского музея [6, с. 83]. Им же были проведены небольшие по масштабам раскопки в нескольких местах на территории Матхуры и ее окрестностей и приобретен ряд случайно обнаруженных здесь произведений искусства. Среди них наибольшее внимание привлекает голова Будды — прекрасный образец «зрелого» гуптского стиля [6, с. 68, рис. 62], найденная в местности Камунда, откуда уже и ранее был получен ряд интересных находок.

Для изучения прошлого Матхуры и всего ее района особое значение имеют раскопки в Сонке, продолжавшиеся с 1966 по 1974 г. Сонк расположен на расстоянии 22 км к северо-западу от Матхуры; здесь на окраине деревни располагается искусственный холм — руины древнего поселения, зафиксированного еще в прошлом веке Ф. Гроузом [20, с. 383]. С того времени он, правда, сильно уменьшился в размерах (от 200 000 до 75 000 м²), однако оставшаяся часть позволила получить на значительной площади полную последовательность слоев и наметить основные этапы эволюции культуры Матхуры. Работы проводились под руководством Х. Хёртеля, директора Музея Индии и профессора Свободного Университета (Западный Берлин). К сожалению, пока издан только предварительный отчет о раскопках [46, с. 69—99].

В раскопках Сонка зафиксировано 40 последовательных слоев (сверху вниз): 1—5 — джатские; 8—11 — поздне- и раннесредневековые; 12—13 — постгуптские; 14—15 — гуптские; 16—22 — кушанские; 23—26 — докушанские — постшунгские; 27—28 — позднешунгские; 29—30 — среднешунгские; 31—32 — раннешунгские; 33—34 — маурийские; 35—36 — до- и раннемаурийские; 37—40 — периоды серой, черной и красной керамики.

В каждом из слоев имелся достаточно надежный датирующий материал, для ранних слоев также важную роль играли датировки на основании радиоуглеродного метода. В данном обзоре мы, естественно, не касаемся поздних слоев и их характеристики.

Достаточно обильные материалы раннесредневекового времени (VII—X вв. н. э.) контрастируют с небольшим количеством находок гуптского времени. Это позволило высказать предположение о том, что поселение в гуптский период (IV—VI вв. н. э.) было заброшено. Зафиксированы фрагментированная терракотовая плита с изображением крокодила и человеческой ноги, глиняная печать с надписью на гуптском брахми (читается: Арьягупта или Сурьягупта), курильница.

Кушанские слои представлены остатками жилищ и апсидального храма. К сожалению, нет ни одного дома, вскрытого полностью, хотя общее представление о характере жилища может быть получено. Храм располагался в середине незастроенной площади в центре жилого района. Здание храма пережило длительную и сложную историю. В ходе раскопок было зафиксировано семь различных этапов его существования и перестроек. Поскольку на том участке, где расположен храм, раскопки были остановлены, чтобы не разрушать вскрытые остатки храма, самые нижние части его (по мнению Х. Хёртеля, еще два строительных периода) остались неизученными. Возведение храма относится к раннекушанскому времени. В это время здание имело размеры 7,2× ×6 м. Ядром его являлось прямоугольное помещение, обращенное входом на восток, с апсидой в западной части. Боковые стены помещения очень сильно пострадали в результате земляных работ, произведенных в XIX в. Храм был посвящен индуистскому культу, доказательством чего явилось обнаружение каменного рельефа с изображением сидящей Матрики и двух адорантов, расположенных по обе стороны ее. Рельеф был найден на полу (четвертого строительного периода), перед платформой, видимо служившей алтарем и расположенной внутри пространства апсиды. Х. Хёртель считает, что данное здание является первым индуистским кирпичным храмом, построенным в кушанское время в районе Матхуры.

Для датировки кушанских слоев помимо отдельных находок монет важную роль сыграла находка клада из 130 кушанских монет (времени от Васудевы I до Канишки III). С определенностью можно говорить, что жители поселения исповедовали брахманизм, что следует из находок нескольких маленьких статуэток Вишну, Сканды, Куберы, Махишасура-Мадрини, Дурги и Матрики. Наиболее популярными, видимо, были культы Сканды Катрикейи и Матрики. Среди керамики самыми распространенными типами являются сосуды с носиком и сосуды со штампованным орнаментом (растительные мотивы, свастика и т. д.). Очень интересны находки нескольких бронзовых предметов. Один из них — почти квадратная пластинка с изображением мужчины и женщины. Мужчина изображен с сосудом в левой руке, у женщины кошачье (или львиное) лицо, она держит ребенка. И у мужчины, и у женщины правые руки подняты вверх в жесте абхаямудры. На второй пластинке изображен Катрикейя с длинным копьем. Эти небольшие пластинки, видимо, представляют собой самые ранние образцы брахманических металлических «икон».

Еще одной интересной находкой являлся каменный тимпан с изображением Гаруды, сражающейся с трехголовой коброй. Тимпан, явно, являлся частью архитектурного декора какого-то храма. Необходимо также отметить еще несколько интересных произведений искусства: терракотовую пластинку с изображением акробатов, круглую пластинку, воспроизводящую сцену нападения льва на быка, и т. д.

Нижележащие слои датируются монетами кшатрапов и царей династии Митра. Раскопки Сонка впервые дали достаточно твердые нумизматические основания для датировки ряда основных фактов истории Матхуры докушанского времени. Ясно, что кушанам предшествовали кшатрапы и правление царя Рамадатты (из династии Даттов). На ос-

новании нумизматических материалов доказывается правление в Матхуре царей династии Митра (Брахмамитра, Вишнумитра, Сурьямитра, Гомитра). Х. Хёртель считает, что время правления этой династии охватывает период примерно с 120 по 20 г. до н. э. Из этого слоя также происходит ряд важных находок: модель дома и несколько вотивных сосудов — все из обожженной глины, терракотовые фигурки (серого цвета), печать с надписью на брахми, читаемая Nandiharasa, серебряная punch-marked монета. Особенно интересен вотивный сосуд с изображением семи женщин по венчику. Каждая из них держит в руках сосуд. Х. Хёртель полагает, что этот вотивный сосуд является свидетельством почитания септаматрика уже в конце I в. до н. э.

Маурийские слои характеризуются фрагментами черной лощеной керамики (NBP), зафиксирована также фрагментированная терракотовая статуэтка серого цвета, изображающая богиню-мать, миниатюрная медная трисула. Ниже идут слои, датируемые временем с IV в. до н. э., в которых засвидетельствована черная и красная керамика, глубже черная и красная керамика встречается совместно с серой расписной керамикой. Серая расписная керамика (орнамент с использованием черной краски) — древнейшая керамика Сонка. По мнению Х. Хёртеля, самый ранний слой Сонка может быть датирован временем не раньше VIII в. до н. э. [46, с. 78].

Помимо вышеописанного «главного» раскопа был заложен еще один, на расстоянии примерно 400 м к северу от него [47]. Большое количество находок фрагментов архитектурных деталей и скульптуры заставляло думать, что помимо описанного ранее небольшого храма в центре жилой застройки городище должно было скрывать остатки и других (более монументальных) святилищ. Однако основная часть территории городища оставалась недоступной археологам. Среди полей только небольшая территория (ок. 2500 м²) оставалась необработанной. В середине ее располагалось небольшое святилище, объектом поклонения в котором служила древняя статуя — одна из случайных находок на городище. Именно на этой территории, в непосредственной близости от святилища, и был разбит новый раскоп.

На очень небольшой глубине здесь был обнаружен храм, который Х. Хёртель назвал апсидальным храмом № 2 (апсидальный храм № 1 вскрыт на «главном» раскопе). Выявлено два этапа его функционирования. Храм был построен на платформе (размеры 15×11,5 м). Здание, стоявшее на этой платформе, было продолговатым в плане (длина — 7,3 м) и ориентировано в направлении запад — восток. Вход находился в восточном торце здания, противоположная, западная его сторона была оформлена в виде полукруглой апсиды. Снаружи храм был окружен колоннадой. На раннем этапе колонны имелись по всем четырем сторонам, на позднем — отсутствовали со стороны входа. Внутри здания пространство внутри апсиды возвышалось над полом. Основным строительным материалом был обожженный кирпич (различных размеров на разных этапах), для перекрытия использовалась черепица. Здание храма возвышалось в середине обширного двора. Ранний этап храма может быть датирован временем Сурьямитры (первая половина I в. до н. э.). Время второго этапа датируется монетами Вимы Кадфиза и Канишки I.

Как отмечает Х. Хёртель, к сожалению, ничего нельзя сказать в настоящее время относительно характера культа, отправлявшегося в храме на раннем этапе. Для решения вопроса о характере культа на втором этапе существования храма основной материал дают находки произведений искусства. Особенно интересна каменная плита (перемычка над дверью), на которой в рельефе изображен, по всей видимости, двор царя Нагской династии. Другая интересная находка — также рельеф с изображением женщины, стоящей на карлике и держащей в руках ветку дерева (Салабханджика) — великолепный образец матхурской скульптуры. Наконец, еще одна находка — рельеф, изображающий человека, выходящего из пасти крокодила, похожего на рыбу. Р. Шарма

полагает, что это символическое изображение какого-то критического момента в истории Нагской династии [6, с. 87].

Основная часть скульптурных изображений явно связана с почитанием нагов либо в человеческом облике (с некоторыми змеиными атрибутами), либо в гибридной форме, сочетающей черты человека и животного. Одним из любопытных образцов является рельеф, изображающий нага, читающего книгу. В отличие от обычной схемы, согласно которой верхняя часть туловища у нага обычно человечья, а нижняя — змеиная, здесь обратная картина. Все эти находки позволили Х. Хёртелю высказать предположение, что (во всяком случае на втором этапе) в храме осуществлялся культ нагов.

Раскопки в Сонке сыграли значительную роль в исследовании прошлого района Матхуры. Хотя полный отчет еще не опубликован, однако уже опубликованные материалы дают достаточно стратифицированную картину развития материальной культуры с рядом надежно определенных узловых моментов. Важным является также то, что ряд произведений искусства встречен в точно определенных слоях. Это позволяет более надежно представить эволюцию стиля искусства Матхуры. Наконец, немаловажно также, что раскопки в Сонке, хотя и не прямо, подтвердили мнение, находящее сейчас все большую поддержку среди исследователей, согласно которому 78 г. н. э. является первым годом царствования Канишки I.

Примерно в это же время, что и исследования Сонка, проводились работы в Матхуре, организованные Археологической службой Индии. Их целью также были получение в первую очередь стратиграфической колонки, всей свиты культурных слоев и использование этих материалов для понимания истории города. Эти исследования проводились в ряде мест (Канкали, Амбриша, Махавидья, Хатхи тила, Комунда и т. д.). Руководителем работ был М. Джоши. Полный отчет о раскопах еще не опубликован, появилась только короткая информация, были изданы наиболее интересные находки терракотовых статуэток, полученных при раскопках [48, с. 53, 54; 49, с. 39—44; 50, с. 16, 17].

В результате этих исследований была получена следующая картина последовательности слоев. Период I — с VI до последних десятилетий IV в. до н. э. Основной тип керамики — серая расписная, но в верхних слоях она смешана с северной чернолощеной. Период II — от последних десятилетий IV в. до 200 г. до н. э. Основная часть керамики — северная чернолощеная, широко представлена также серая (без росписи) Период III — примерно от 200 г. до конца I в. до н. э. Последняя фаза распространения северной чернолощеной керамики, встречаются терракотовые статуэтки, выполненные в формах. Период IV — с I до III в. н. э. Этот период характеризуется керамикой со штампованным орнаментом, курильницами, большими сосудами и т. п. Период V — примерно IV—V вв. н. э. Для этого времени характерна красная керамика.

Более поздние слои, как правило, сильно разрушены, хотя находки позднего времени также встречались.

Авторы раскопок на основании полученных материалов следующим образом представляют себе историю Матхуры. Период I — это в сущности еще не город, а деревенское поселение, остатки которого зафиксированы в северной части у Амбриш тила. В период II поселения была возведена глинобитная стенка (ее остатки сейчас носят название Джулкот). В период III укрепления утратили свое значение и были заброшены. В период IV они, однако, были отреставрированы и расширены. В это же время, видимо, было построено что-то вроде внутренних укреплений в пределах городских стен. Было сделано несколько более частных наблюдений, важных, однако, для понимания истории города. Так, выяснено, в частности, что те сооружения, выложенные из терракотовых колец, которые ранее считались колодцами, в действительности являлись водоотстойниками. В районе Канкали тила, где в прошлом веке было найдено большое количество джайнской скульптуры, был обнаружен великолепный водоем, выложенный из жженого кирпича

типа, характерного для кушанского времени, и камня. Здесь же была найдена каменная плита с надписью, упоминающей 5-й год царствования Канишки.

Среди находок, полученных при раскопках, особое значение имеют терракотовые статуэтки, происходящие из хорошо стратифицированных слоев. В нижних слоях периода I терракотовых статуэток не найдено, в верхних уже встречены сделанные от руки фигурки животных и птиц. Период II (маурийский) характеризуется статуэтками оленя, лошади, собаки, птицы (в виде лодки), слона, обезьяны. Встречаются также фигурки богини-матери и мужские фигурки различных типов. Эти фигурки делались от руки, а головы их — в формах. В период III (шунгский) наиболее типичны пластинки, сделанные циликом в формах, и представляющие, как правило, пару — мужчину и женщину. Часты также игрушки. Период IV (кушанский) характеризуется терракотовыми статуэтками, сделанными от руки, в то время как головки этих статуэток выполнены в формах. Статуэтки часто покрываются ангобом. Часто встречаются фигурки нагов, якш, карликов, богинь-матерей и детей и т. д. Видимо, вследствие нарушенности слоев от V (гуптского) периода дошло небольшое количество находок терракотовых статуэток. Они могут быть охарактеризованы как классические, т. е. фигурки очень стройные и выразительные.

Примерно в те же годы проводились работы и на холме Говинднагар, в западной части города. Здесь всего было получено около 100 скульптур (подробнее см. [6, с. 92 сл.]). На территории холма площадью примерно 1000×750 м было начато строительство жилого поселка. В ходе строительства стали часто попадаться фрагменты скульптуры и архитектурные детали. Руководство музея в Матхуре стремилось побудить Археологическую службу Индии начать раскопки в этом районе, тем более, что часть находок, бесспорно, ушла к антикварам, скупавшим их. Среди наиболее интересных находок, полученных в это время музеем, оказались надписи, в которых упоминался монастырь Вирадатта Вихара.

В конце концов часть территории Говинднагара была объявлена запретной для строительства и там были проведены археологические раскопки, которыми руководил М. Джоши. К сожалению, официальный отчет о раскопках еще не опубликован, однако Р. Шарма, бывший в это время куратором музея в Матхуре и тесно сотрудничавший с М. Джоши, дает некоторую информацию о раскопках в своей книге, посвященной буддийскому искусству Матхуры. Р. Шарма указывает, что к моменту начала раскопок территория Говинднагара была довольно сильно повреждена, хотя кое-где сохранились «регулярные» слои. Он считает, что основная часть находок — буддийского характера и они, по всей вероятности, происходят из монастыря Вирадатта Вихара. Вместе с тем некоторая часть скульптур — бесспорно вишнуитского характера. Р. Шарма полагает, что основной удар по монастырю был нанесен в начале VI в., в период гуннского нашествия, хотя, возможно, какая-то жизнь там теплилась и позднее.

Р. Шарма считает, что находки в Говинднагаре столь важны, что без них невозможно написать историю искусства Матхуры, и соответственно специальную главу в своей книге посвящает описанию этих находок.

Говинднагар дал определенное количество терракотовых статуэток, хотя число их здесь меньше, чем в других районах Матхуры, что, однако, Р. Шарма считает случайностью. Среди архаических (домаурийских) терракотовых статуэток особого внимания заслуживают изображения богини-матери из глины серого цвета. Лица у них — в виде либо головы птицы, либо животного. Признаки пола особо подчеркнуты, очень характерны украшения на статуэтках (на шее, руках) в виде налепных полосок. К терракотам маурийского периода Р. Шарма относит группу, сочетающую в себе черты архаической терракотовой пластики с некоторыми новыми чертами. К архаическим чертам относятся се-

рый цвет, производство их не в формах, а от руки, упомянутая выше практика передачи украшений, подчеркнутое выделение половых признаков. К новым чертам Р. Шарма относит начало использования формы для изготовления головки статуэток [51, с. 147]. Лица у них только человеческое, овальное, с большими глазами. Прическа обычно выполняется тщательно, число украшений, переданных на статуэтке, — больше, чем раньше. Преобладают изображения женщины, хотя встречаются и мужские статуэтки, а также изображения животных.

Для шунгского периода характерным является использование форм для производства статуэток целиком. Появление новой техники, видимо, является ответом на широкую популярность этой отрасли искусства. В это время становится более разнообразным и набор статуэток. Появляются терракотовые статуэтки, изображающие Камадеву, Гайялакшми, Васудхару, Шридеви, якш. Становятся популярными парные изображения мужчин и женщин, часто весьма эротические. Цвет терракотовых статуэток — как серый, так и красный.

Р. Шарма считает, что упадок искусства коропластики в кушанское время порожден широким распространением каменной скульптуры. В это время начинают использоваться двойные формы для производства терракотовых статуэток, но в то же время возрождается практика изготовления статуэток от руки; появляется и несколько новых типов: Кубера и Харити, Махишасурамардини, Наги и Нагини и др. Для гуптского времени характерны изящные терракотовые статуэтки, очень часто повторяющие каменную скульптуру.

При раскопках в Говиндnагаре было получено большое число каменных архитектурных деталей. Р. Шарма на основании стилистического анализа находок предполагает, что строительные работы здесь велись с конца I в. до н. э. вплоть до конца гуптского времени. Однако получить сколько-нибудь целостное представление о характере застройки из-за сильной разрушенности не представляется возможным. Среди архитектурных деталей широко представлены столбы от ограды (vedika stambhas), поперечные плиты, перемычки дверей и т. д. На столбах, найденных в Говиндnагаре, представлены самые различные сюжеты: сцены из джатак, изображения людей и т. д. Поперечные плиты (Sucis), как обычно, украшены в большинстве случаев изображением лотоса. На основании стилистического анализа Р. Шарма относит большую часть из них к раннекушанскому времени. Имеется несколько дверных косяков с рельефными изображениями. Среди них особенно интересны воин кушанского облика с длинным копьем, изображение Бодисатвы (видимо, начала I в. н. э.). Из других архитектурных фрагментов, необходимо отметить львиный трон и его фрагменты, зонтики, нимбы. Скульптура, найденная на Говиндnагаре, может быть датирована временем с I в. до н. э. по VI в. н. э. Это главным образом буддийская по характеру скульптура, но имеется и некоторое количество изображений брахманического характера: фрагментированные статуи Вишну, Варжрапани, Куберы, целый ряд изображений Гаруды (разного типа) и т. д.

Надписи, найденные здесь, упоминают три даты: 12 г. Канишки — 90 г. н. э., 121 г. гуптской эры — т. е. 440 г. н. э. и 161 г. гуптской эры, т. е. 480 г. н. э. Можно полагать, что они в значительной мере подтверждают датировки, сделанные на основании стилистического анализа произведений искусства.

При раскопках Говиндnагара был обнаружен монетный клад, включающий 1543 монеты. Среди монет клада кшатрапских — 2, позднекушанских — 764, индо-сасанидских — 402, хуннских — 1, кидаритских — 1, неопределенных — 366. От других матхурских кладов примерно этого же времени он отличается почти полным отсутствием великокушанских монет (к числу которых могут быть отчасти отнесены только монеты Васудевы — 2 экз. и грубое подражание монетам Канишки — 2 экз.).

Раскопки в Говинднагаре были последними по времени археологическими исследованиями в Матхуре. Однако окончание этих работ, естественно, не означает прекращения работ по археологическому изучению этого региона. Продолжаются сбор и публикация случайных находок (скульптуры [52, с. 236, 237], надписей [53, с. 94—100]). Продолжается обработка и изучение материалов из раскопок в Говинднагаре [6; 54, с. 71, 72], издаются коллекции искусства Матхуры, хранящиеся в других музеях Индии [55].

Оканчивая рассмотрение истории археологического исследования Матхуры, мы хотели бы (правда, самым кратким образом) коснуться еще двух взаимосвязанных вопросов: изменения общей оценки матхурской школы (определения ее характерных черт) и выявления ведущей проблематики в исследованиях ее на протяжении 150 лет.

В период первого знакомства с матхурской скульптурой исследователи ее воспринимали как «греко-индийскую». Такому пониманию ее были, как нам кажется, две причины. Первая — чисто случайная. Среди нескольких тысяч произведений скульптуры, найденных в Матхуре, только в нескольких отчетливо сказывается античное влияние, и не столько с точки зрения стилистики, сколько в сюжете. К этой группе относятся изображение Геракла с немейским львом, две вакхические сцены и т. п. Именно эти произведения принадлежали к числу первых находок в Матхуре. Вторая причина заключалась в том, что в эти же годы открыта гандхарская школа искусства, в сложении которой действительно огромную роль сыграло античное искусство. Античный компонент здесь столь заметен, что в это время искусство Гандхары обычно называли «греко-буддийским». Поскольку памятники скульптуры Гандхары находили в очень большом количестве, создавалось впечатление, что именно это сочетание буддийского миропонимания и канонов эллинистического искусства и составляет характерную особенность искусства Индии в целом в это время. Проецирование концепций, создававшихся на базе исследования Гандхары, на всю Индию, включая Матхуру, было правилом. Этот подход к скульптуре Матхуры получил подтверждение в находках, сделанных в Матхуре, о которых мы писали выше. Именно в таких условиях и родилась концепция о «греко-индийской» школе Матхуры [18, с. 143]. При этом некоторые исследователи явно переоценивали как художественные достоинства этих произведений, так и степень близости их к эллинистическим прототипам. А. Каннингэм, например, считал, что матхурскую школу создало небольшое число бактрийских (имеются в виду греко-бактрийцы) скульпторов, работавших при дворе правителей в Матхуре. Особое место в этих ранних дискуссиях о природе искусства Матхуры занимала проблема соотношения между школами Матхуры и Гандхары. В. Смит считал, что обе школы совершенно различны, между ними не было ничего общего, при этом матхурская школа — более ранняя, чем гандхарская. Первую он называл «индо-греческой», вторую — «греко-буддийской» [56, с. 140, 156]. В. Смиту следовал А. Грюнведель [57].

Иную точку зрения разработали А. Фуше [58, т. I, с. 222, 615] и поддержавший его Дж. Фогель [18, с. 145]. Их идеи заключались в том, что греко-римские влияния достигли Матхуры позднее Гандхары и последняя была связующим звеном между миром собственно эллинистического искусства и школой Матхуры. Эти исследователи совершенно справедливо подчеркивали тесную связь матхурской школы с предшествующими стадиями развития искусства Индии (в частности, с Бхархутом и Санчи). Однако при этом допускался, как нам кажется, определенный «перегиб». С течением времени эти исследователи все более склонялись к тому, чтобы полностью отрицать всякое влияние эллинистического искусства, его идей и образов на матхурскую школу. В частности, изображение Геракла толковалось как воспроизведение Кришны [58, т. II, с. 605], в «вакхических сценах» отказывались видеть какое-либо влияние эллинизма [18, с. 82; 58, т. II, с. 151]. Однако подобное

понимание искусства Матхуры, полностью элиминирующее всякий греко-римский компонент в его сложении, вряд ли справедливо.

Таким образом, постепенно выкристаллизовывалось мнение о коренных различиях между Матхурой и Гандхарой.

В последнее время был сделан еще один шаг в этом направлении. Матхурская школа искусства стала противопоставляться гандхарской как единственная собственно «национальная» школа. Новое понимание этой школы приводило к тому, что, например, в длительной и ожесточенной дискуссии о месте и времени появления изображения Будды в индийском искусстве сторонники этой точки зрения безоговорочно отдавали пальму первенства Матхуре [6, с. 143 сл.; 59; 60, с. 235—244; 61, с. 30 сл.; 62, с. 57].

Сейчас стремление подчеркнуть традиционную сущность искусства Матхура, его национальный характер еще более усилилось. Иногда, например, делаются попытки даже исключить из сферы матхурского искусства такие образы и темы, которые трудно связать с традициями предшествующих этапов. Например, скульптуры из Мата отсекают от искусства Матхуры, связывая их целиком с бактрийской традицией [63].

Подводя итог нашему краткому очерку археологического изучения Матхуры, мы должны отметить следующее. В результате длительных работ, проводимых как (сначала) дилетантами, так (позднее) и специалистами, создан огромный фонд материалов: скульптуры, произведений мелкой пластики, надписей, монет. Этот огромный фонд материалов стал источником, позволившим прочесть многие неизвестные страницы истории древней Индии, особенно в эпоху саков (щаков), кушан, гуптов, выяснить основные черты и этапы развития одной из крупнейших художественных школ древней Индии. Однако этот обзор, как нам кажется, может также помочь выявить «белые пятна» и неразработанные проблемы.

Прежде всего необходимо указать на то, что не до конца решен вопрос о времени возникновения Матрухы. М. Джоши и А. Синха [49, с. 39] решительно отвергают мнение более ранних исследователей о возникновении Матхуры в VIII в. до н. э. и считают, что это могло произойти только в VI в. до н. э. Однако заново проанализировавший их материалы Б. Б. Лал утверждает, что II период (по М. Джоши и А. Синху) мог начаться около 700 г. до н. э., если не ранее [64, с. 109—112], т. е. слой I, по его подсчетам, должен относиться к IX в. до н. э. Окончательное решение этого вопроса важно также и для выяснения двух других: 1) темпа эволюции Матхуры (например, превращения сельского поселения в город) и 2) соотношения между данными археологии и письменной традиции относительно истории города.

Большим недостатком является отсутствие полных отчетов об археологических раскопках в Матхуре. Без полной публикации имеющихся материалов очень трудно решить целый ряд весьма важных вопросов истории Матхуры. Однако мы осмелимся высказать предположение, что даже полная публикация всех результатов раскопок последних десятилетий не решит ряда проблем Матхуры. Судя по тем кратким информационным заметкам, которые были опубликованы, в ходе этих раскопок не были найдены сколько-нибудь полные комплексы: жилые и общественные постройки, ремесленные мастерские и т. д. Одним словом, та реальная почва, на которой произросло искусство Матхуры, остается в сущности для нас совершенно не известной. Мы не имеем представления ни о жилищах рядовых граждан Матхуры, ни о дворцах знати, мы почти не знаем характера и уровня матхурского ремесла, не имеем мы представления ни об одном из буддийских или джайнских монастырей. Использование материалов Сонка только в очень слабой степени закрывает эту зияющую лакуну. Во-первых, Сонк — маленький населенный пункт, а Матхура — крупнейший центр кушанской власти в Индии. Уже одно это заставляет думать о том, что не может не быть значительной разницы между этими двумя населенными пунктами. Во-вторых, насколько мы можем сейчас судить, для Сонка характерно опре-

деленное единство в сфере религии, Матхура же, наоборот, отличалась разнообразием культов, которые исповедовали ее жители. Наконец, надо указать и на сравнительно небольшие масштабы раскопок в Сонке. Резюмируя, можно сказать, что Матхура нуждается в широкомасштабных археологических раскопках, которые дали бы представление об образе жизни ее жителей. Второй настоятельной потребностью является исследование мелких центров, окружавших Матхуру (типа Сонка). Поскольку Матхура не может быть понята вне более широкой территориальной структуры, представляется необходимым продолжение на современном методическом уровне исследований вокруг Матхуры.

Наконец, еще одной настоятельной потребностью является создание единого свода произведений искусства Матхуры, ныне разбросанных по множеству музеев Индии и зарубежных стран. Сведение воедино этого огромного материала, по всей видимости, поможет лучше выявить как основные характерные черты искусства Матхуры, так и этапы его эволюции.

Необходимо также указать на то, что в последние годы очень активно обсуждались проблемы, связанные с происхождением образа Будды [65—67]. Эти дисскуссии показали, что данная проблема не может быть решена традиционными методами — на базе в сущности только искусствоведческого анализа. Выявилась необходимость очень глубоко разрабатывать вопросы идеологии, в частности историю различных течений в буддизме, конкретную историю буддизма в различных областях субконтинента, в первую очередь в Матхуре [68].

В завершение нашего краткого обзора отметим, что в самое последнее время было сделано еще одно поистине сенсационное открытие: на городище Сангол (штат Пенджаб, район Лудхиана) в ходе раскопок буддийской ступы был обнаружен склад тщательно уложенных в специально выкопанном рве скульптурных рельефов матхурской школы. Сообщения об этом удивительном открытии появились во множестве газет и журналов всего мира. В конце 1985 г. в Национальном музее (Дели) была организована выставка этой замечательной коллекции [69]. Бесспорно, изучение этих находок даст новый импульс для исследования матхурской школы и ее роли в истории развития искусства всего субконтинента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Srivastava A. K., Shukla S. R.* Master Pieces in the Mathura Museum//BMAUP. 1977. № 19, 20.
2. *Stacy L. R., Prinsep J.* Note on the Discovery of a Relic of Grecian Sculpture in Upper India//JASB. 1836. V. V.
3. *Anderson J.* Catalogue of the Archaeological Collections in the Indian Museum. P. II. Calcutta, 1883.
4. ASR. 1871. V. I; 1873. V III.
5. *Fleet J. F.* Inscriptions of the Early Gupta Kings and their Successors (Corpus Inscriptionum Indicarum, v. III). Calcutta, 1898.
6. *Sharma R. C.* Buddhist Art of Mathura. Delhi, 1984.
7. *Vogel J. Ph.* Catalogue of the Archaeological Museum at Mathura. Allahabad, 1910.
8. *Dowson A.* Ancient Inscriptions from Mathura//JRAS. 1871. V. V.
9. *Mitra B. I.* Notes on Sanscrit Inscriptions from Mathura//JASB. 1870. V. XXXIX. P. 1.
10. *Banerjee R. D.* New Brahmi Inscriptions of the Scythian Period//EI. 1909—1910. V. X.
11. *Agrawala V. S.* Handbook of Sculptures in the Curzon Museum of Archaeology. Mathura — Allahabad, 1939.
12. *Indraji B.* The Northern Kshatrapas//JRAS. 1894. V. XXVI.
13. *Thomas F. W.* The Inscriptions on the Mathura Lion Capital//EI. 1907—1908. V. IX.
14. *Konow S.* Kharoshthi Inscriptions (Corpus Inscriptionum Indicarum. V. II, 1). Calcutta, 1929.
15. *Lohuizen-de Leeuw, van J. E.* The «Scythian» Period. Leiden, 1949.
16. *Rosenfield J. M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkley; Los Angeles, 1907.
17. *Mukerjee B. N.* Mathura and its Society. The Saka — Pahlava Phase. Calcutta, 1981.
18. *Vogel J. Ph.* The Mathura School of Sculpture//ASIAR — 1906, 1907. Calcutta, 1909.
19. *Sharma R. C.* Mathura Museum and Art. Mathura, 1976.
20. *Growse F. S.* Mathura, a District Memoire. 3ed ed. Allahabad, 1883.

21. *Growse F. S.* Supposed Greek Sculpture at Mathura//JASB. 1875. V. XLIV.
22. ASR. 1887. V. XVII.
23. *Smith V* The Jain Stupa and Other Antiquities of Mathura//Archaeological Survey of India. New Imperial Series. V. XX. North western Provinces and Oudh. V. V. Muttra Antiquities. Allahabad, 1901.
24. *Bühler G.* New Jaina Inscriptions from Mathura/EI. 1892. V. I.
25. *Bühler G.* Further Jaina Inscriptions from Mathura//EI. 1892. I.
26. *Bühler G.* Further Jaina Inscriptions from Mathura//EI. 1894. V. II.
27. *Bühler G.* Specimens of Jaina Sculptures from Mathura//EI. 1894. V. II.
28. *Bühler G.* A Legend of the Jaina Stupa in Mathura//Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, 1897.
29. ASIAR — 1906. Calcutta, 1909.
30. *Vogel J. Ph.* Explorations at Mathura//ASIAR — 1911-1912. Calcutta, 1916.
31. *Vogel J. Ph.* La sculpture de Mathura//Ars Asiatica. V XV. Paris — Brussel, 1930.
32. *Agrawala V S.* Catalogue of the Mathura Museum. IV. Architectural Pieces//JUPHS. 1951. XXIV.
33. *Jayaswal K. P.* The Statue of Wema Kadphises and Kushan Chronology//J. Bihar and Orissa Res. Soc. 1920. VI.
34. *Ghirshman R.* Begram. Cairo, 1946.
35. *Bachhofer L.* On Greeks and Sakas in India//JAOS. 1941. 61.
36. *Marshall J.* Greeks and Sakas in India//JRAS. 1947.
37. *Agrawala V. S.* Catalogue of the Mathura Museum. II. Images of Brahma, Vishnu and Siva//JUPHS. 1949. XXII.
38. *Agrawala V S.* Catalogue of the Mathura Museum. III. Jaina Tirthankaras and other Miscellaneous Figures//JUPHS. 1950. XXIII.
39. *Luders H.* Seven Brahmi Inscriptions from Mathura and Its Vicinity//EI. 1937. V. XXIV
40. *Vogel J. Ph.* Buddhist Art in India, Ceylon and Java. Oxford, 1936.
41. *Agrawala V. S.* Catalogue of the Mathura Museum. I. Buddha and Bodhisattva Images//JUPHS. 1948. XXI.
42. *Nagar M. M.* A New Statue of an Indo-Scythian King From Mathura//Proc. All-India Oriental Conference. 12th ses., 1943—1944. III. New Delhi, 1948.
43. Progress Report, Superintendant Archaeological Survey, Hindu and Buddhist Monuments. Northern Circle, 1921.
44. Indian Archaeology 1954—1955. A Review. New Delhi, 1956.
45. Annual Report on the Working of the Archaeological Museum, Mathura for the year, ending March 31. Mathura, 1955.
46. *Härtel H.* Some Results of the Excavations at Sonkh. A Preliminary Report//German Scholars on India. V II. New Delhi, 1976.
47. *Härtel H.* A Kushana Naga Temple at Sonkh//BMAUP. 1973. № 11—12.
48. Indian Archaeology. A Review. New Delhi, 1975—1976.
49. *Joshi M. C., Sinha A. K.* Chronology of Mathura — An Assessment, Puratattva//Bul. Ind. Archaeol. Soc. 1978—1979. № 10.
50. *Joshi M. C., Margabandhu C.* Some Terrakottas from Excavations at Mathura. A Study//JISOA. 1974. № VIII.
51. *Sharma R. C.* The Terracotta Art of Mathura//U. P. State Lalita Kala Akademy. Independence Silver Jubilee Number. Lucknow, 1972.
52. *Srivastava A. K.* Siva — Linga with Ganas, a New Find from Mathura//Artibus Asiae. 1981/82. V LXIII. № 3.
53. *Sharma R. C.* Newly Discovered Inscription of the Reign of Mahakshatrapa Sodasa from Mathura//Cultural Contours of India (Dr. Satya Prakash Felicitation Volume). P. II. Delhi, 1981.
54. *Iyer S. S.* Mathura Inscription of Huvishka, year 50//J. Epigraph. Soc. Ind. 1983. V. X.
55. *Dhavalikar M. K.* Mathura Art in the Baroda Museum. Baroda, 1971.
56. *Smith V. A.* Greco-Roman Influence on the Civilization of Ancient India//JASB. 1889. V. LVIII. P. 1.
57. *Grünwedel A.* Buddhist Art in India. L., 1901.
58. *Foucher A.* L'art greco-bouddhique du Gandhara. T. I. P., 1905. T. II. P., 1917.
59. *Cumaraswamy A. K.* Origin of the Buddha Image/Art Bulletin. 1927. V. IX. № 4.
60. *Agrawala V. S.* Indian Art. A History of Indian Art from the earliest times up to the third century A. D. Varanasi, 1965.
61. *Joshi N. P.* Mathura Sculptures. A Hand Book to Apperciate Sculptures in the Archaeological Museum, Mathura. Mathura, 1966.
62. *Sharma R. C.* Early Phase of Budduist Icon at Mathura//BMAUP. 1984. № 33, 34.
63. *Mukerjee B. N.* Art in the Kushana Empire: The Kushana Attitude to Art//International Seminar on Art of Kushana Age. December 16—22, 1984 at the State Museum, Lucknow, U. P., India. Preprint.
64. *Lal B. B.* Mathura: A Re-assessement of the Chronology of the Crucial Northern Black Polished Ware Horizon//Man and Environment. 1985. V. IX.
65. *Van Lohuizen-de Leeuw J. E.* New Evidence with Regard to the Origin of the Buddha Image//South Asian Archaeology. Papers from the 5th Intern. Conf. Assoc. South Asian Archaeologist in Western Europe/Ed. Härtel H. B., 1981.
66. *Myer P. R.* Budhisattvas and Buddhas: Early Buddhist Images from Mathura//Artibus Asiae. 1986. V XLVII. P. 2.
67. *Gribb J.* The Origin of the Buddha Image — the Numismatic Evidence//South Asian Archaeology. 1981. Proc. 6th Intern. Conf. Assoc. South Asian Archaeologist/Ed. Allchin B. Cambr., 1984.

68. *Бонгард-Левин Г. М., Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М.* Искусство Матхуры: некоторые итоги и перспективы изучения//ВДИ. 1987. № 3.
69. Kushana Sculpture from Sanghol (1st — 2nd Century A. D.). A Recent Discovery V I/Ed. Gupta S. P New Delhi: Nat. Museum, 1985.

G. M. Bongard-Levin, G. A. Koshelenko, R. M. Munchayev

ONE AND A HALF CENTURY OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN MATHURA

Summary

The authors discuss the history of the archaelogical investigations in Mathura (North India) from the beginning (1836 year) till to 1986. Mathura was one of the greatest centres of art in Ancient India particularly at the Kushan times. The authors also discuss the alterations of the estimations Mathura school of art and emphasize that some problems of the history of this school rest unsolved: the emergece of the school, the role of centralasian contribution in the process of the formation and change the school etc.

А. Е. МАТЮХИН

МАКРООРУДИЯ ИЗ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ

Общеизвестно, что в инвентаре ашельских, а также мустьерских и верхнепалеолитических памятников встречаются крупные орудия: чопперы, чоппинги, монофасы, протобифасы, пики, бифасы, колуны, топоровидные и ударные орудия. Наряду с ними в ряде индустрий отмечены изделия, которые трудно причислить к той или иной четкой категории макроорудий. К последним следует отнести секачи и сечки, выделенные в инвентаре Закарпатских палеолитических стоянок [1, с. 24], и рубящие орудия из мустьерской стоянки Кетросы в Черновицкой обл. [2, с. 13, 45, 46]. Несмотря на свою общую невыраженность, данные орудия, в частности секачи и сечки, хорошо выделяются по ряду морфологических, технологических и функциональных признаков [3, с. 295, 296]. Учитывая «простоту» нестандартных орудий, многие исследователи склонны датировать их ранним, в пределах палеолита временем [4, с. 85—105]. Однако такой подход не всегда оправдан. Метод строгих хронотипологических эталонов возможен лишь при наличии достоверных сведений о геологическом возрасте стоянок. Исключительно важное значение приобретает также выяснение их функционального типа. Другими словами, инвентари мастерской, базовой стоянки постоянного охотничьего лагеря и временного охотничьего стойбища, относящихся к одному и тому же времени, будут иметь различный типологический облик, что наглядно можно продемонстрировать на мустьерских стоянках Крыма [5, с. 16—19]. Кроме того, важно иметь в виду, что в инвентаре мастерских очень высок процент незаконченных орудий и заготовок, которые при использовании тип-листа Ф. Борда могут быть названы бифасами, чопперами, колунами и т. д. Подобное случилось с изделиями из мастерской на горе До (СРВ), датированными шеллем и ранним ашелем (сам памятник отнесен к разряду стойбищ) [6, с. 144—160]. Судя по всему, гора До — очень поздний памятник, выходящий, очевидно, за пределы палеолита вообще. Необходим углубленный анализ каменных изделий с учетом их морфологии, технологии изготовления, функции и особенностей сырья. Изделия, которые мы причисляем к орудиям, должны рассматриваться не как формальные понятия или абстрактные орудия, а как собственно орудия, т. е. предметы, пригодные для совершения той или иной работы. Так, к чопперам нередко причисляют изделия без выраженных рабочих морфологических признаков. Подобного рода «орудиями» нельзя ни рубить, ни резать, ни скоблить и т. п. На деле это могут быть нуклевидные изделия, незаконченные или неполучившиеся орудия, заготовки для орудий или морфологически не выраженные предметы.

Все макроорудия целесообразно разделить на оформленные и неоформленные [7, с. 162]. Последние членятся на три разновидности: а) заготовки на самой начальной стадии обработки; б) заготовки, прошедшие подготовительную обработку — уплощение, зауживание; в) предметы (некоторые секачи и ударные орудия), которые применялись в работе без какой-либо поправки. Изделия первых двух разновидностей, а точнее, заготовки топоров на разных стадиях первичной обработки, и были найдены на горе До.

Оформленные орудия включают: а) незаконченные (сломанные и незавершенные); б) законченные (грубые и стандартные); в) неполучившиеся (сломанные и неудавшиеся). По степени оформленности и объ-

ему обработанной поверхности среди законченных орудий можно выделить оформленные, элементарно оформленные и минимально оформленные орудия. Оформленные орудия — это чопперы, чоппинги, монофасы, протобифасы, бифасы, колуны, некоторые ударные и рубящие орудия, сечки, топоры и топоровидные орудия. К элементарно оформленным орудиям относятся многие рубящие и ударные орудия, некоторые монофасы, протобифасы и сечки. Наконец, минимально оформленными орудиями следует считать некоторые секачи, рубящие и ударные орудия.

В данной статье мы рассматриваем макроорудия, обнаруженные в Калитвенских мастерских, расположенных на территории Каменского р-на Ростовской обл. [8, с. 113, 114]. Они датируются палеолитическим временем [9, с. 110, 111] [1]. Находки встречены как на поверхности коренных песков, так и в непотревоженном состоянии. Вопрос о возрасте данных памятников в пределах палеолита до конца не решен. Ввиду небольшого количества орудий из отщепов приходится основываться главным образом на технике расщепления. Она в целом мустьерская. Многое прояснится после окончательного геологического исследования памятников и открытия новых стоянок.

Выразительные и многочисленные макроорудия найдены в инвентаре четырех мастерских. Изделия изготовлены из кварцита. Кости животных отсутствуют. Выделено четыре производственных типа мастерских [10, с. 125]. Мастерские первых двух типов непосредственно приурочены к выходам сырья (Калитвенка Iб, восточный участок, Калитвенка Iв, Калитвенка X). Здесь происходило полное (в том числе и самое грубое) раскалывание кварцита, изготовление крупных орудий и частично орудий из отщепов. Мастерские двух других типов не расположены непосредственно у обильных скоплений кварцита (Калитвенка I, Калитвенка Iа). Хорошо представлены основные стадии расщепления (кроме грубой), т. е. получение заготовок. Здесь обнаружено относительно много макроорудий и мало орудий из отщепов.

Найденные на Калитвенских мастерских макроорудия типологически разделены нами на чопперы, чоппинги, бифасы, колуны, а также рубящие орудия. Незаконченные формы в статье не рассматриваются. Мы выделяем оформленные, элементарно оформленные и минимально оформленные рубящие орудия. Строгих типологических аналогов этим орудиям в материалах Европы [11, с. 59, 60] и Африки [12, с. 35—52] нет. Иное значение этот термин имеет, например, в работах М. З. Паничкиной [13, с. 26—28] и П. И. Борисковского [14, с. 32]. Опишем полные модели рубящих орудий, чопперов и чоппингов.

К чопперам и чоппингам мы относим орудия, изготовленные из галек, валунов, кусков, плиток и весьма грубых отщепов. Обработка локализуется только на одном конце: у чоппера — с одной стороны, у чоппинга — с двух сторон. Боковые края и основание не обработаны, но они, будучи естественными участками, согласуются с рабочим лезвием. В отдельных случаях у орудий, изготовленных не из галек, частичной обработке (чаще всего притупливанию) подвергались аккомодационные участки. Если у изделия обработаны боковые края (т. е. сколы снимались перпендикулярно длинной оси орудия) и основание, то перед нами другое изделие — монофас или протобифас. Чопперы и чоппинги — это изделия, имеющие подлинные рабочие лезвия и согласующиеся с ними аккомодационные участки, т. е. орудия, которыми можно совершать те или иные операции. По-видимому, можно выделять сложные чопперы и чоппинги — изделия с двумя или тремя рабочими лезвиями.

Оформленные рубящие орудия в известной мере напоминают грубые бифасы, монофасы, колуны и тики (рис. 1, *1*, *3*; 2; 3, *2*; 4, *3*). Однако форма у них менее выработанная. Изготовлены из кусков, валунов, галек, плиток и крупных отщепов. В них могли переделываться и нуклеусы.

---

[1] В статье рассматриваются макроорудия, собранные во время полевых сезонов 1975, 1979, 1980 и 1981 гг.

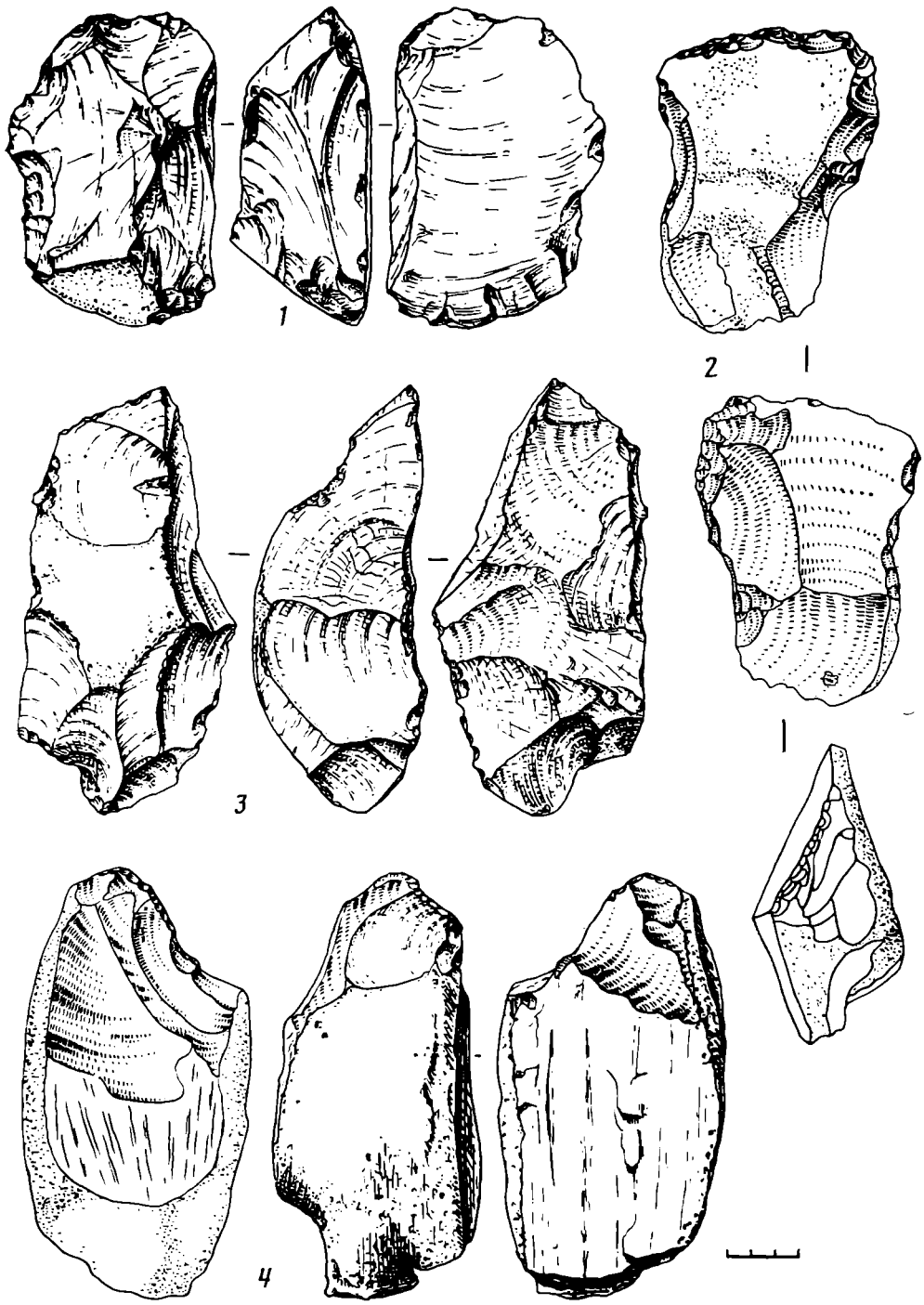


Рис. 1. Калитвенка I. Макроорудия. *1, 3, 4* — горизонт 9; *2* — подъемный материал

Объем обработанной поверхности — свыше 20—30%. Для данных орудий характерны целостная форма и взаимосвязь отдельных компонентов, хотя один из участков может быть необработанным. Боковые края, конец и основание, как правило, интенсивно обработаны как сколами, так и ретушью. Многие орудия подвергались первичному уплощению и общему зауживанию. Основанию придавались нередко зауженные пропорции, по-видимому, для более удачного зажима в руке. Форма лезвия — преимущественно заостренная или узкая выпуклая. Макроследы от работы фиксируются на лезвиях многих орудий.

У элементарно оформленных рубящих орудий объем обработанной поверхности — менее 20—30% (рис. 4, *1*; 5; 6, *1*; 7, *1*; 8, *2, 3*; 9, *3*). Данные изделия имеют целостную форму, что достигалось в результате согласования основных компонентов не только в результате обработки, но и соответствующего выбора исходных заготовок. При этом один, реже два элемента могут быть не обработаны. Исходная форма заготовок в ходе

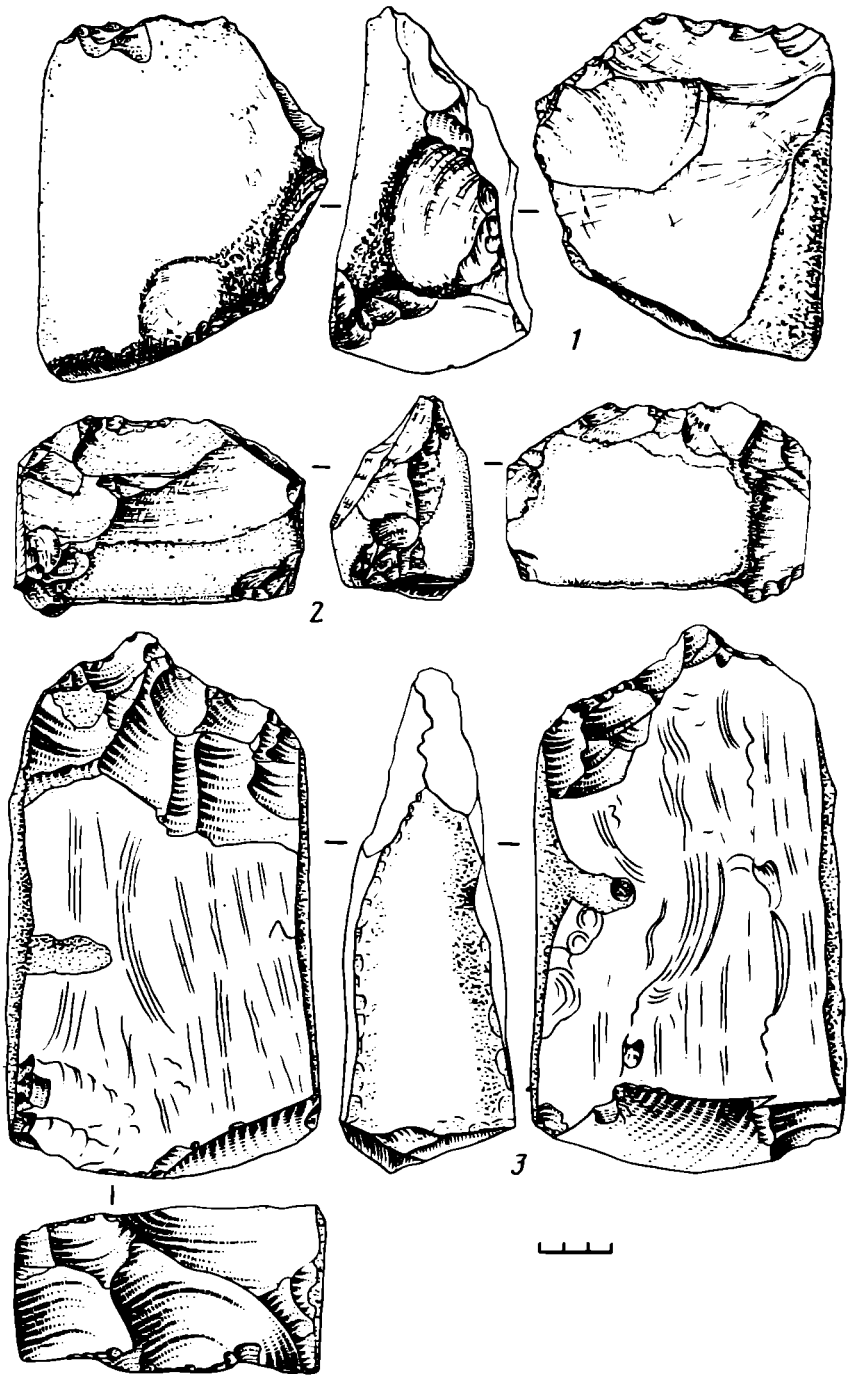


Рис. 2. Макроорудия. *1, 3* — Калитвенка Iв; *2* — Калитвенка I, горизонт 8

обработки заметно не изменялась. На одной, реже на обеих поверхностях орудий фиксируются следы частичного предварительного уплощения. Боковые края обрабатывались с помощью регулярных или несистематических сколов и ретуши. Края могут иметь прямые или вогнутые очертания. У некоторых изделий вогнутость или выемчатость обусловлена естественными контурами исходных заготовок на одном крае. На другом крае эти элементы получались в результате преднамеренной обработки. Основание у одних орудий не обработано, у других оформлено регулярными или нерегулярными сколами и ретушью, а также путем фрагментации. Данный участок у многих орудий имеет зауженные очертания, что достигалось отбором исходных заготовок. Рабочее лезвие, как правило, выделено мелкими сколами, регулярной или нерегулярной ретушью. Угол заострения — в пределах 60—80°. Следы работы отмечены на многих изделиях.

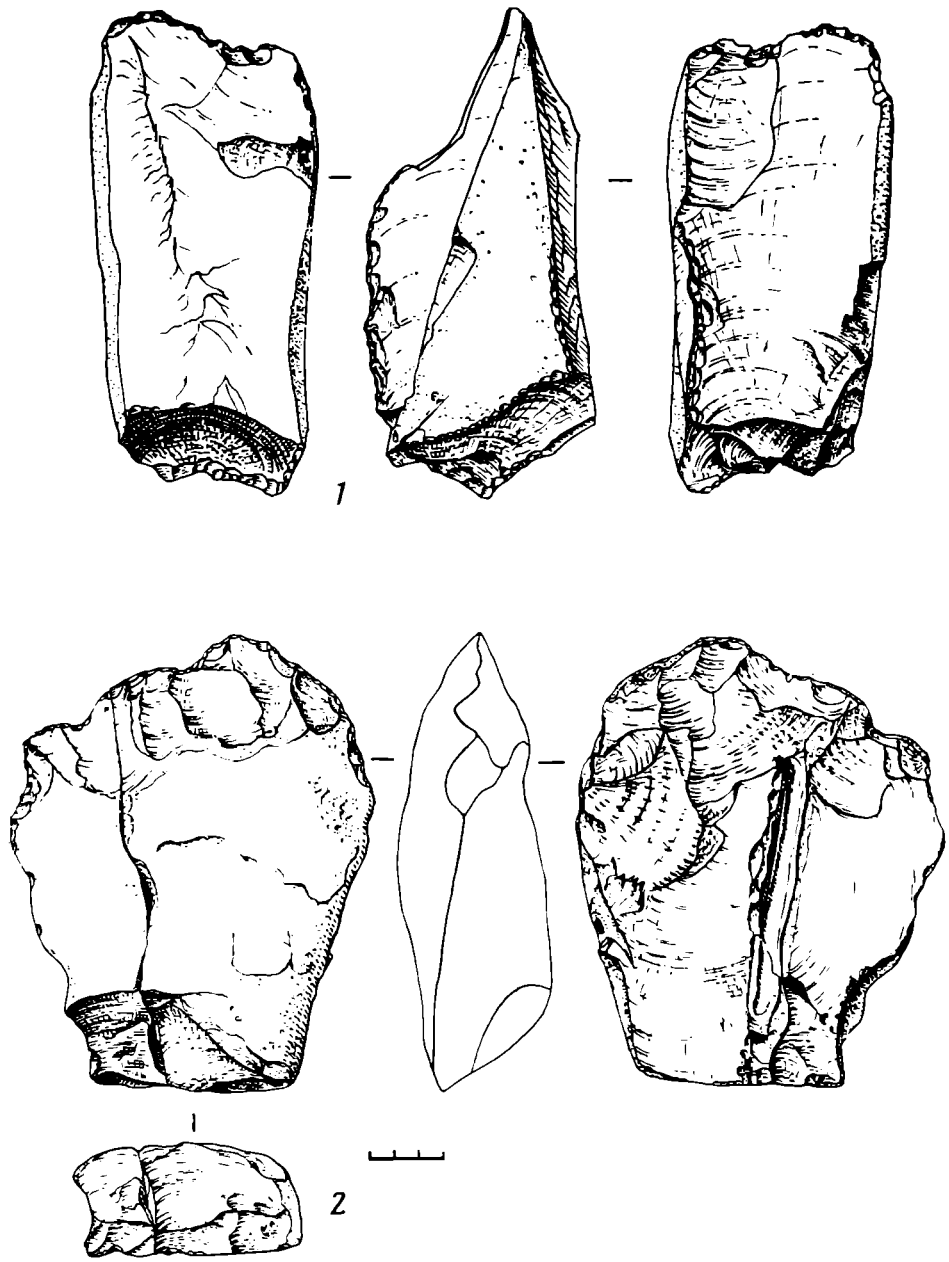


Рис. 3. Калитвенка Iв. Макроорудия

Минимально оформленные рубящие орудия — это изделия обычно больших и средних размеров (рис. 3, *1*; 7, *2*; 8, *4*). Часто изготавливались из кусков и крупных отщепов. Объем обработанной поверхности — не более 10%. Изделия имеют в целом симметричную форму, что обусловлено главным образом удачным выбором исходных заготовок. У многих орудий один, а нередко и два элемента не обработаны. Общее уплощение заготовок не проводилось. Боковые края, представленные нередко естественными гранями, оформлены нерегулярно или систематически лишь на отдельных участках, некрупными сколами. Края имеют прямоугольные, а также вогнутые очертания, что объясняется выбором нужных заготовок и соответствующей обработкой одного края. Основание у данных орудий часто не обрабатывалось или оформлялось частично. Его форма, в частности зауженная, обусловлена отбором заготовок. Рабочее лезвие обычно не выделено. Оно или узкое заостренное, или широкое поперечное. Угол заострения колеблется от 50 до 70° Макроследы от работы отмечены на многих орудиях. Рабочее лезвие может располагаться на конец или на боковом крае.

Таким образом, модель рубящих орудий вообще определяется с учетом морфологических, технологических и функциональных, а также приз-

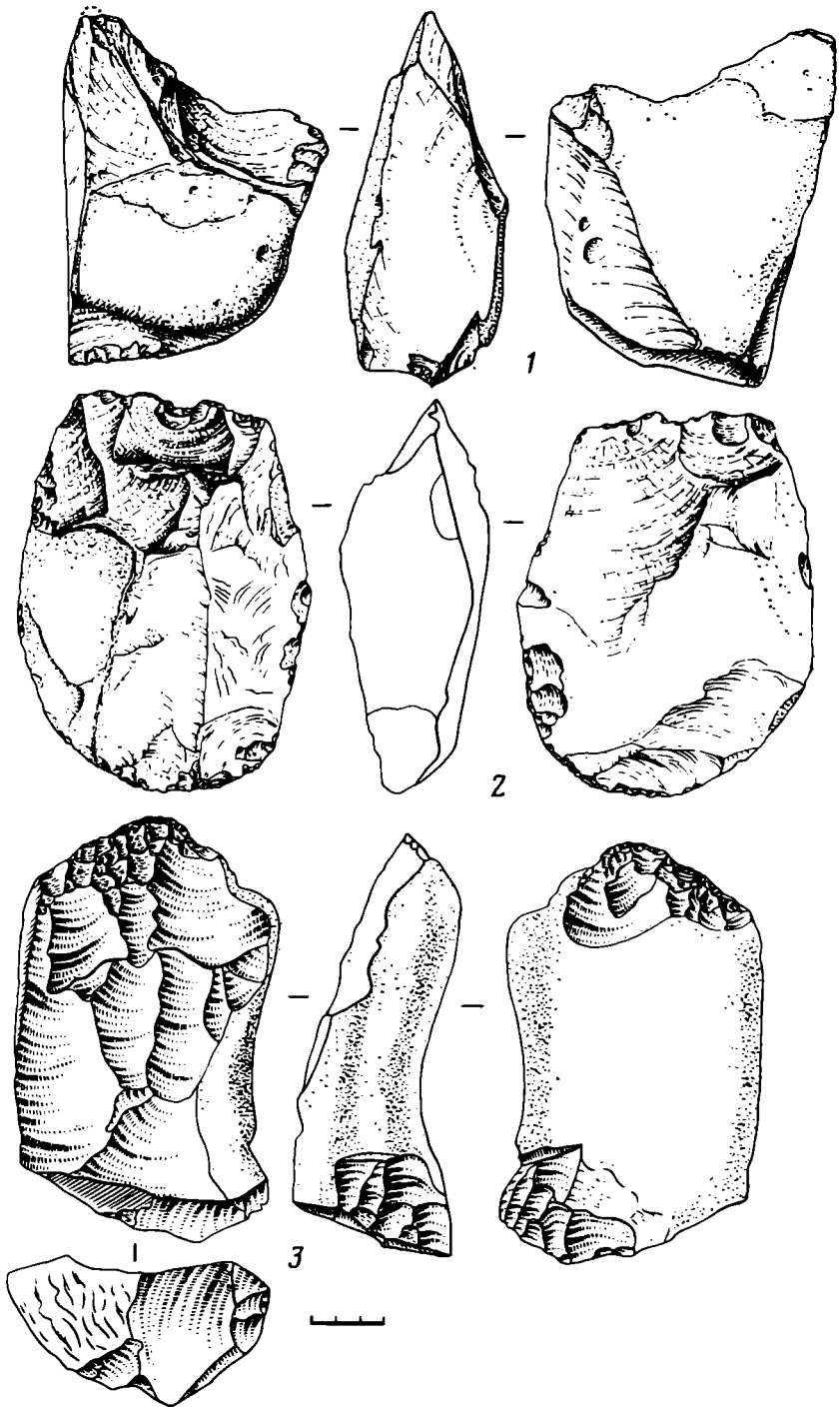


Рис. 4. Калитвенка Iв. Макроорудия

наков, связанных с характером исходного сырья. В связи с этим обобщенную модель рубящих орудий можно представить следующим образом: 1) форма невыразительная, но целесообразная; наблюдается согласованность обработанных и необработанных участков и вообще основных компонентов орудия; 2) предварительное уплощение и зауживание некоторых типов изделий; регулярное или несистематическое, но целесообразное оформление орудий сколами и ретушью, забивание кромок краев аккомодационных участков; 3) наличие макро- и микроследов от работы; согласованность морфологических и функциональных признаков; 4) сырье достаточно низкого качества; заготовками служили крупные отщепы и куски подходящей формы.

Рассматривая макроорудия как собственно орудия, важно акцентировать внимание на наличии у них основных структурных компонентов: рабочего лезвия, аккомодационных участков, пассивной зоны (рис. 5, *1*).

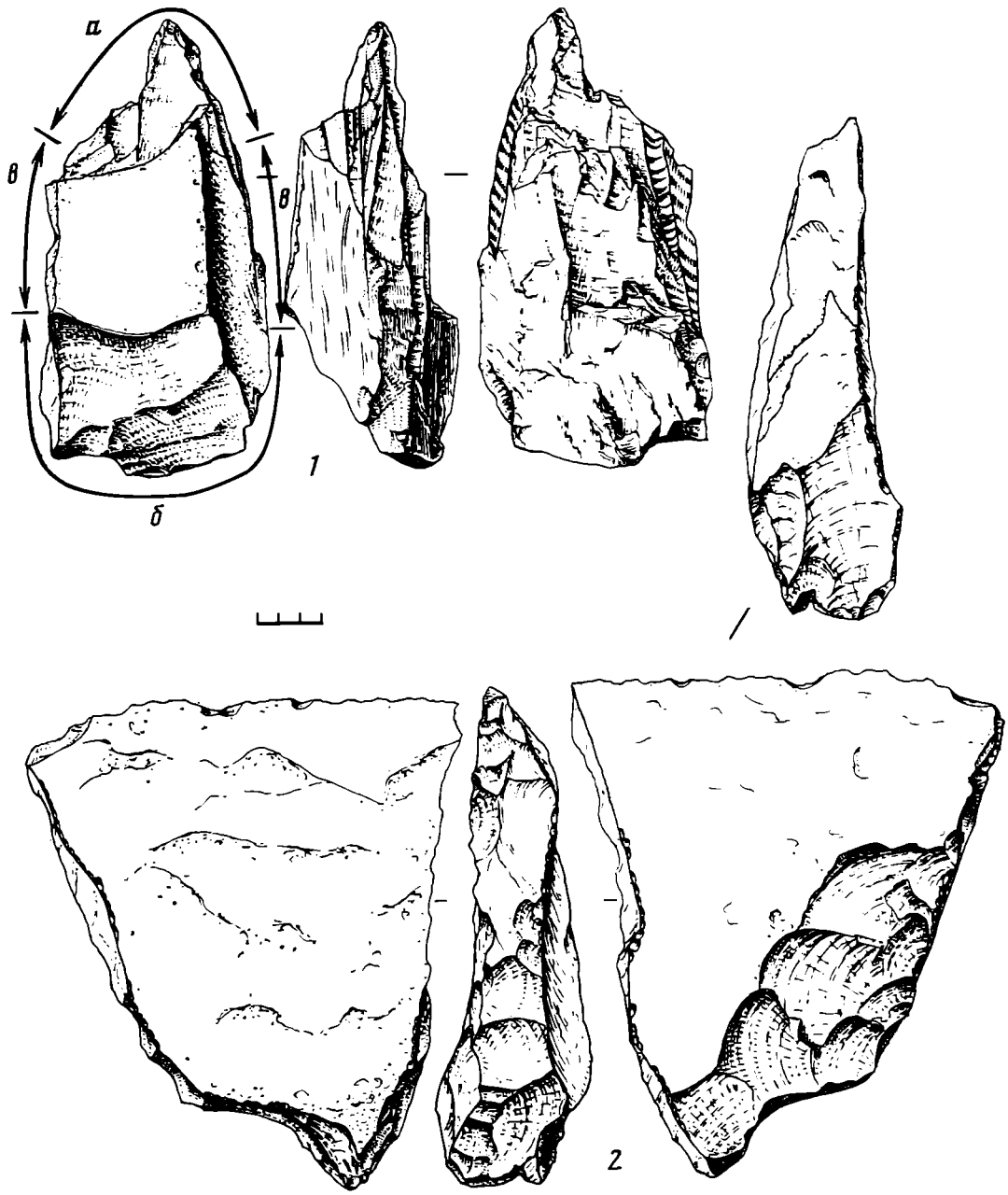


Рис. 5. Калитвенка I (углубление). Макроорудия. *а* — рабочее лезвие; *б* — аккомодационный участок; *в* — пассивная зона

Последняя в зависимости от размеров, кинематики и функции может отсутствовать.

Важными признаками, характеризующими модель всякого орудия, можно считать общую форму, форму и протяженность рабочих лезвий, характер детальной морфологии последних, угол заострения их и кромок, наличие, характер и форму аккомодационных участков, их соотношение с рабочими лезвиями, уплощение зауживания, фрагментацию изделий, характер оббивки, наличие ретушной отделки, ее характер и локализацию на рабочих и аккомодационных частях, толщину всех краев, характер и локализацию макро- и микроследов от работы и др.

В настоящей статье мы намерены провести изучение морфологии и технологии изготовления макроорудия из Калитвенских мастерских. Что касается их функции, то она должна стать предметом дальнейшего специального исследования. Здесь излагаются лишь предварительные результаты изучения функции орудий. Важно отметить, что многие изделия сильно патинированы, а отдельные повреждены. Необходима разработка особой методики анализа кварцитовых изделий, а также массовые эксперименты по использованию макроорудия в разных видах работ.

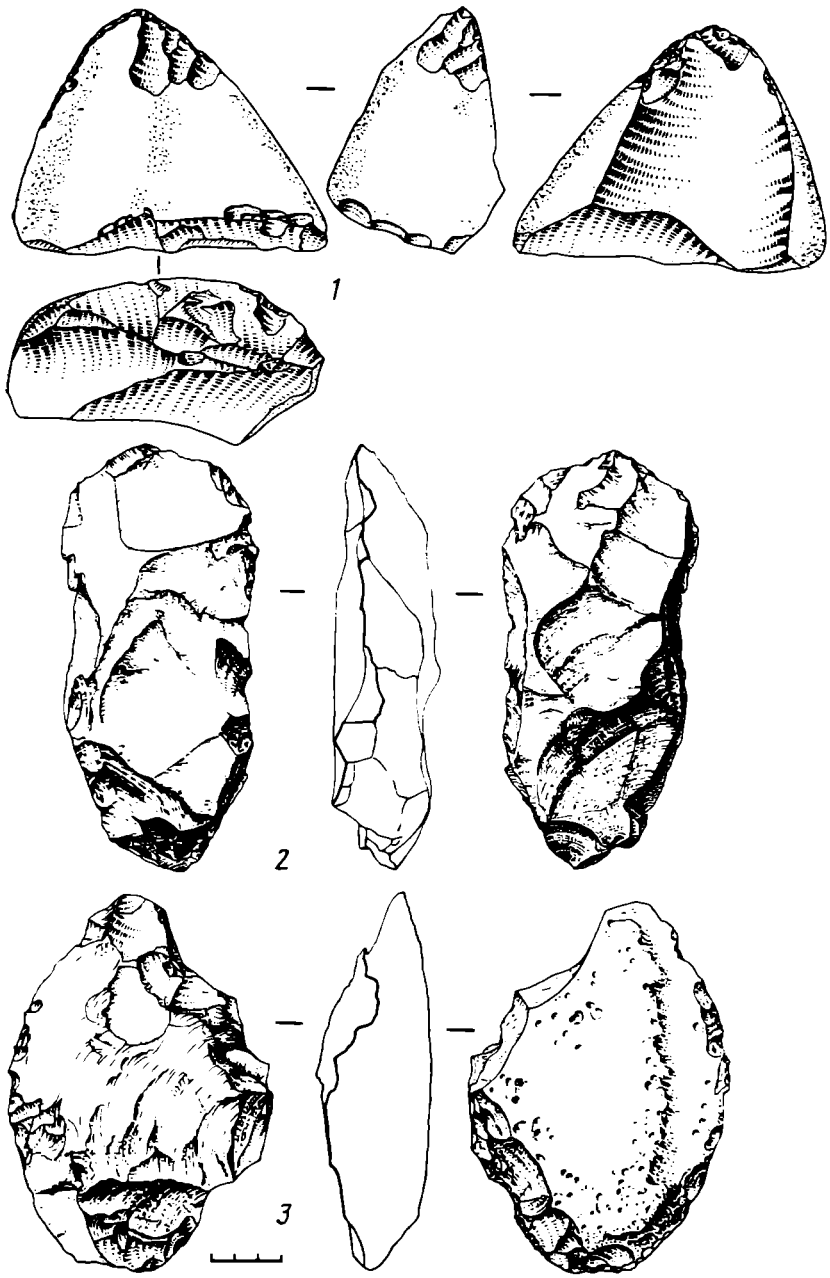


Рис. 6. Калитвенка I. Макроорудия. *1, 3* — углубление; *2* — шурф 12

При этом надо, конечно, иметь в виду, что следы износа на экспериментальных орудиях будут в известной мере отличаться от таковых на орудиях археологических. Как показывают современные лабораторные исследования, при проведении трасологического анализа археологических каменных изделий необходимо принимать во внимание влияние механических [15, с. 78—80; 16, с. 100—118] и химических [16, с. 118—147] процессов, происходящих в отложениях, откуда они происходят. Учитывая характер сохранности предметов, едва ли можно рассчитывать на абсолютную эффективность трасологического метода, тем более на использование его одного. Нужно принимать во внимание и другие методические подходы. На данном этапе исследования макроорудий мы исходим из формы, результатов частичного трасологического анализа и результатов предварительных экспериментов. Большое значение здесь приобретают макроследы износа. Попутно отметим, что исследование функции, по нашему мнению, это многоступенчатый процесс. Она выражена как в специфических признаках (следы изнашивания), так и в элементах морфологии, технологии изготовления и кинематики. Другими словами, изучать функцию можно только с учетом всех основных характеристик орудий.

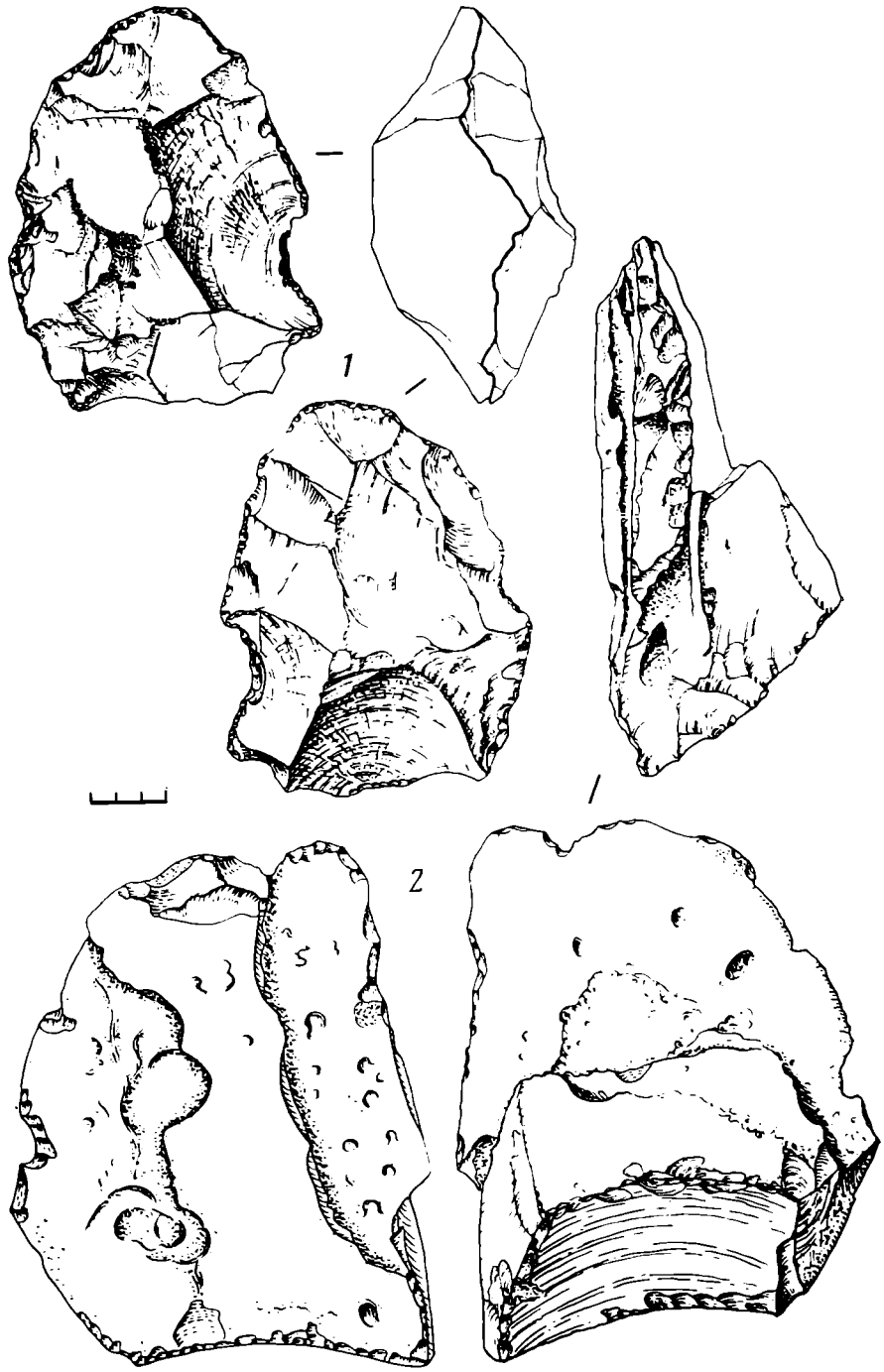


Рис. 7. Калитвенка I. Макроорудия. *1* — подъемный материал; *2* — углубление

Приступим к описанию орудий. На Калитвенке I макроорудия обнаружены в углублении, наверное, специально вырытом, а также в суглинках и супесях (раскопки 1975, 1979, 1980 гг. и шурфы) и на поверхности коренных песков. В раскопе и шурфах макроорудия найдены только в нижних литологических горизонтах. Есть основания полагать, что некогда в них залегали и находки, обнаруженные на поверхности. Поэтому все находки следует рассматривать как единое целое.

Углубление, приуроченное к коренному песку, имеет длину 1,8, ширину около 1 и глубину 0,5 м. Оно было заполнено макроорудиями, нуклевидными кусками, нуклевидными изделиями. Отщепов и нуклеусов мало. Выделено около 14 орудий: бифасы — 2 экз. и рубящие орудия 12 экз.[2] Предметы заметно оглажены и патинированы. Края отдельных изделий повреждены. Бифасы невыразительны и, вероятно, не закончены. На них

[2] Здесь и всюду в тексте речь идет о примерном количестве изделий.

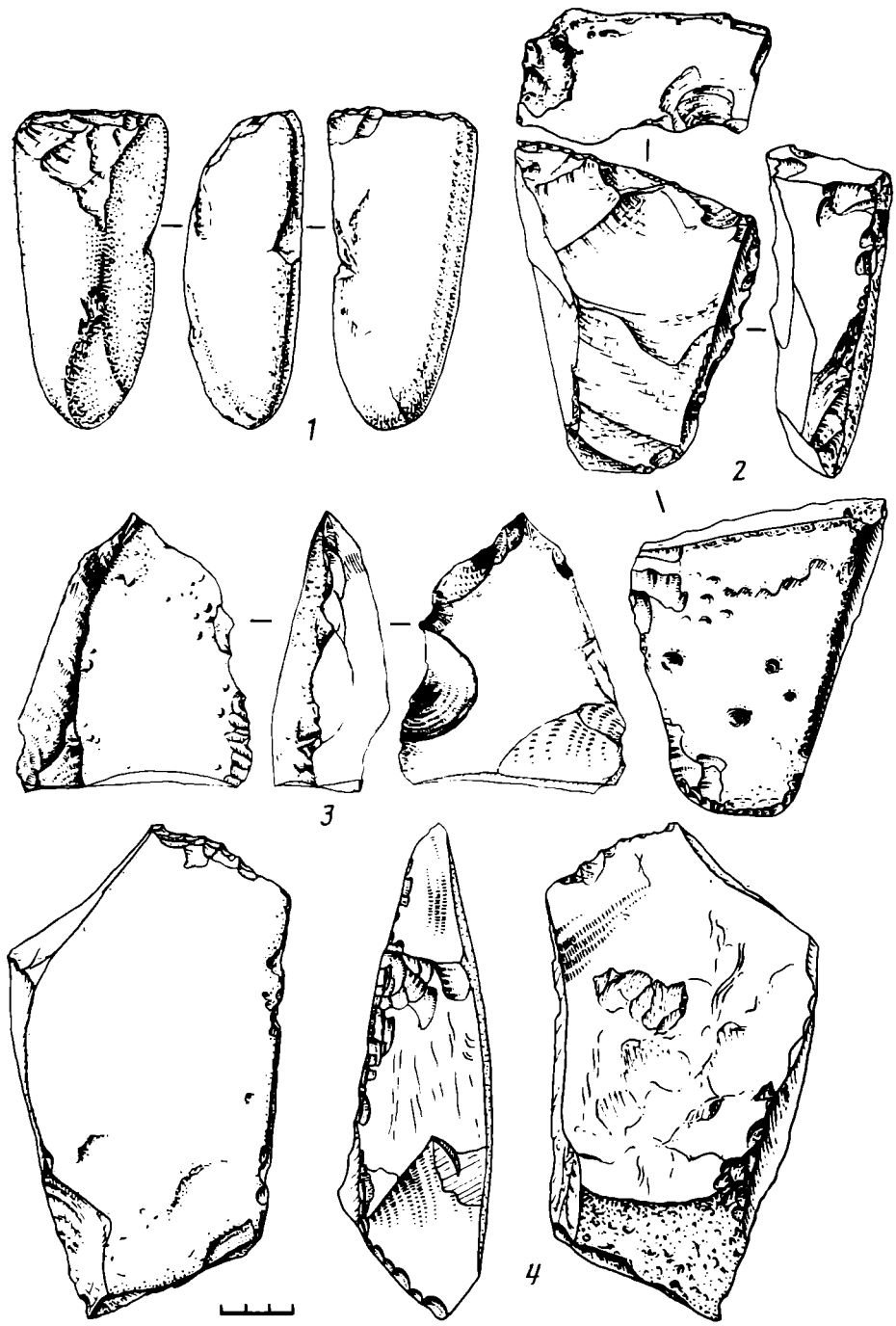


Рис. 8. Калитвенка I. Макроорудия. *1* — шурф 11; *2, 4* — горизонт 8; *3* — углубление

хорошо сохранились следы первичного уплощения заготовок: снятие сколов присходило с подготовленных ударных площадок. Оформленное рубящее орудие (1 экз.) длиной 25 см и весом около 6—7 кг изготовлено из кварцита очень плохого качества. Исходный кусок предварительно уплощен широкими снятиями. Орудие обработано дополнительно крупными и мелкими сколами. Кромки боковых краев на отдельных участках забиты. На дистальном конце с обеих сторон отмечена мелкая регулярная ретушь, слегка забивающая кромку. Линейные следы и заполировка лезвия не установлены.

Элементарно оформленные рубящие орудия (9 экз.). Имеют длину от 10 до 32, ширину от 7 до 19, толщину от 4 до 12 см (рис. 5; 6, *1*; 7, *1*; 8, *3*). Размеры самого крупного орудия 32,5×19×12 см, длина основной части орудий 15—20 см. Все орудия изготовлены из кварцита плохого качества. Исходными заготовками являются куски (5 экз.) и крупные отщепы (4 экз.). Орудия имеют конвергентные (4 экз.), дивергентные

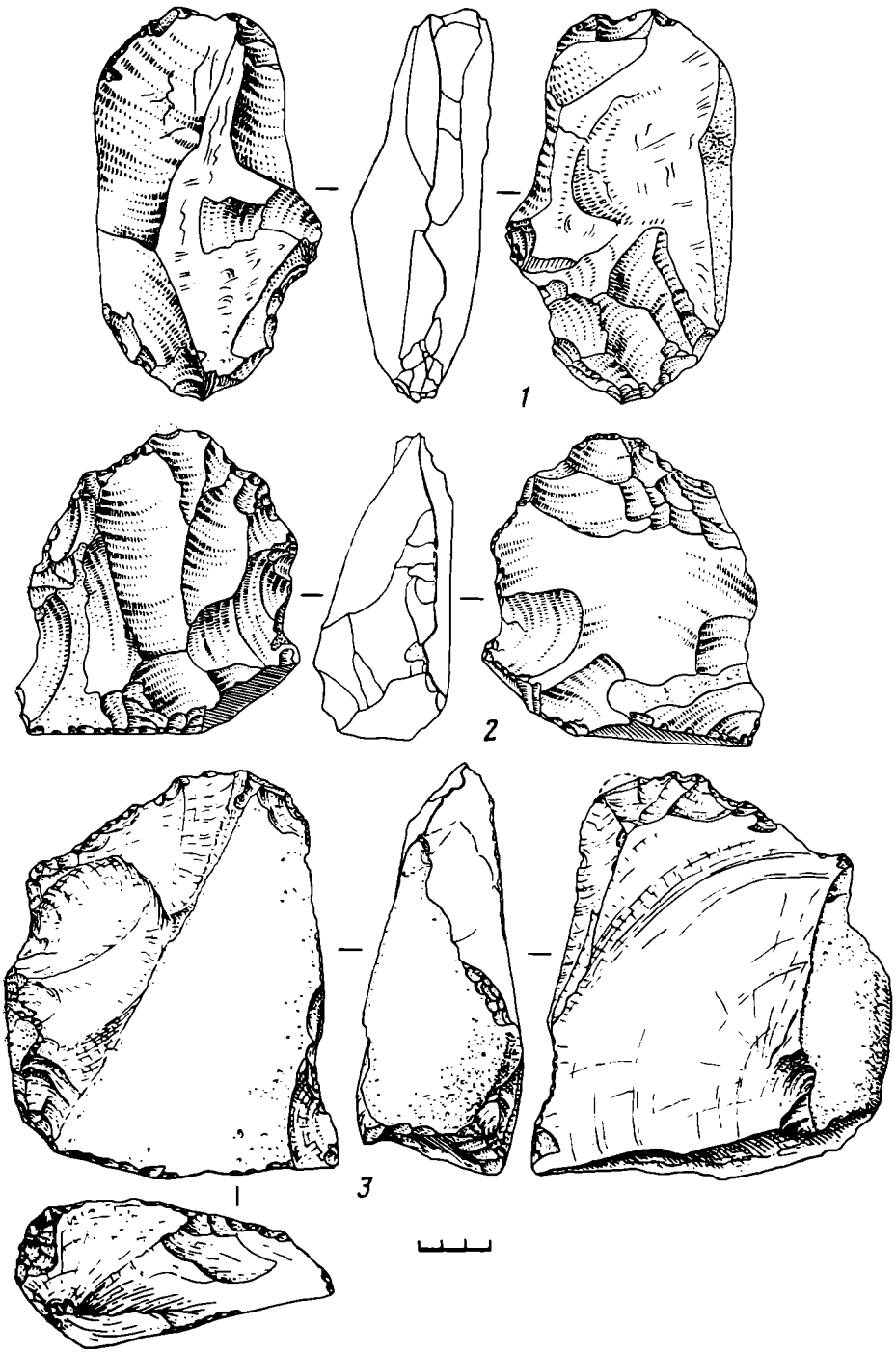


Рис. 9. Макроорудия. *1, 2* — Калитвенка Iв; *3* — Калитвенка I, подъемный материал

(3 экз.) и прямоугольные (2 экз.) очертания. У трех орудий конкретная форма обусловлена целенаправленной обработкой. Одно орудие можно назвать нуклевидным. Первичному уплощению подвергнуты два орудия — крупные отщепы снимались с крутых участков боковых краев (рис. 5, *1*). У двух других орудий уплощение было частичным — при выделении рабочего и аккомодационного участков (рис. 6, *3*). Преднамеренное зауживание края отмечено у 4 экз. (рис. 5, *2*). Оно осуществлялось крупными сколами. Боковые края кроме описанного приема оформлены крупными сколами (рис. 5, *2, 3*), регулярными и несистематическими мелкими сколами и ретушью (рис. 8, *3*). Форма краев разнообразная, в том числе выемчатая и крупнозубчатая. У трех орудий края не оформлены вовсе (рис. 5, *1*; 6, *1*). Интересно колуноподобное орудие с одним обработанным боковым краем (рис. 5, *2*). Основание оформлено у 5 экз. крупными, реже мелкими сколами (рис. 5, *1*; 6, *3*). Следует отметить

наличие основания-торца, полученного в ходе обработки (рис. 6, *1*). Обработка основания сводилась в отдельных случаях к его явному зауживанию (рис. 5, *2*) и получению выемок (рис. 5, *1*; 6, *3*). Рабочие концы имеют заостренную (5 экз.), выпуклую (3 экз.) и прямую (1 экз.) форму. Заостренная форма отмечена у самого крупного орудия. Лезвия оформлены крупными и мелкими сколами. У двух орудий дистальные концы не оформлены (рис. 5, *2*). Угол заострения рабочих лезвий 50—85° На лезвиях многих изделий отмечена регулярная и несистематическая ретушь с одной и с обеих сторон. Характерно отсутствие кончиков у ряда орудий. Нет оснований считать описанную ретушь ретушью утилизации. Кромка лезвия забита у трех орудий (рис. 5, *1*; 6, *1*). Более или менее четкие макро- и микроследы от работы выявлены лишь у одного предмета (рис. 6, *1*). У остальных наличие следов износа можно только допускать.

Минимально оформленные рубящие орудия (2 экз.). Длина их 14—22, ширина 13—19, толщина 6,2—12 см (рис. 7, *2*). Исходные заготовки — остроугольные куски (1 экз.) и полукраевой отщеп (1 экз.). Использовался кварцит плохого качества. Орудия имеют конвергентные (1 экз.) и прямоугольные (1 экз.) очертания. У одного орудия боковой край обработан по всей длине регулярной чешуйчатой и ступенчатой ретушью. На противоположном крае этого изделия получена крупная выемка. Основание, представленное гранями, оформлено у обоих орудий одним-двумя крупными сколами и регулярной ретушью (забивание) в отдельных местах, а также регулярной чешуйчатой однорядной ретушью и мелкими сколами (рис. 7, *2*). Дистальные концы у трех орудий выделены единичными мелкими сколами с одной стороны. Форма лезвий выпуклая (1 экз.) и заостренная (1 экз.). Угол заострения лезвий 65—80° Отмечены мелкие нерегулярные фасетки и забитость кромки на одном предмете (рис. 7, *2*). Линейные следы не установлены.

В раскопе и шурфах найдено 13 макроорудий, а на поверхности — 9 экз. Находки, происходящие из раскопов, приурочены к горизонтам 8—9. Изделия из горизонта 8 имеют лучшую сохранность. У них односторонняя патина, совсем нет оглаженности. Напротив, некоторые предметы из горизонта 9 патинированы с двух сторон, слегка оглажены и частично расслоены. Чопперов 2 экз. Их размеры 14×5, 5×5 и 10,7×9×5,7 см (рис. 8, *1*). Первый изготовлен из удлиненного валунчика, представленного грубозернистой породой, а второй — из массивного кварцитового отщепа. Оформлены крупными сколами. Угол заострения лезвий 85—90°. У чоппера из грубозернистой породы сильно забита кромка лезвия (рис. 8, *1*). Забита ли она в ходе использования, обработки или естественным путем, сказать трудно. Чоппингов 3 экз. Длина их 8,5—17,5, ширина 9,1—11,8, толщина 6—8 см (рис. 1, *4*; 2, *2*). Один чоппинг, возможно, переделан из радиального нуклеуса. Орудия изготовлены из кусков кварцита удовлетворительного качества. Основание и боковые края представлены широкими необработанными гранями. У укороченного чоппинга острые участки основания — грани заметно забиты (рис. *2*, *2*). Извилистые рабочие лезвия оформлены чередующимися сколами, имеют выпуклые и вогнутые очертания. Углы их заострения 65—90 и 75—80° Почти по всей длине лезвия удлиненного орудия тянется двусторонняя однородная регулярная ретушь (рис. 1, *4*). Кромка лезвия у данного изделия умеренно забита. У второго орудия ретушь на лезвии менее регулярная, односторонняя. Визуально и трасологически фиксируется легкая забитость кромок лезвий. Однако забитость не выражена в виде сплошной полоски. На кромке отмечены под микроскопом микровмятины, лунки. Кромка представлена не сплошной массой кварцита, а отдельными зернами. Нельзя уверенно сказать, это следы от работы или, может быть, результат разрушения породы. В любом случае на рассматриваемых орудиях макро- и микроследы износа четко не выражены.

Бифасов 2 экз., они типологически своеобразны. Один из них, топоровидный, найден в шурфе 12 (рис. 6, *2*), другой, миндалевидный, — на поверхности (рис. 7, *1*). Оба изготовлены из массивного отщепа и куска кварцита невысокого качества, обработаны с обеих сторон крупными

сколами. У топоровидного бифаса по одному краю и у основания отщепы снимались с подготовленных площадок, что привело к заметному зауживанию орудия. Противоположный край представлен естественной гранью. У миндалевидного бифаса края оформлены дополнительно мелкими сколами, а также частично двух- и трехрядной ретушью. Основание выделено крупными сколами. У топоровидного бифаса лезвие оформлено крупными и мелкими снятиями (рис. 6, *2*). Форма лезвий выпуклая и выпукло-вогнутая дуговидная. Углы заострения их 60—65 и 80—90° На лезвиях выявлена как регулярная забивающая (рис. 7, *1*), так и несистематическая ретушь (рис. 6, *2*). Линейные следы, заполировка и микрозабитость лезвий ввиду некоторой оглаженности изделий уверенно не фиксируются. На обоих боковых краях миндалевидного бифаса путем сильного забивания получены крупные выемки (рис. 7, *1*). Отдельные места одной из сторон сильно забиты. Вполне возможно, данный бифас дополнительно использовался как отбойник. Выемки могли служить местом зажима.

Оформленных рубящих орудий 5 экз. Длина их 11,5—22, ширина 7,4—12,5, толщина 3,9—8 см (рис. 1, *1*, *3*). Исходные заготовки — отщепы (1 экз.) и куски кварцита удовлетворительного и плохого качества (4 экз.). Форма орудий подтреугольная (4 экз.) и конвергентная (1 экз.). У всех изделий имеются грани на боковых краях и в зоне основания. Общее уплощение отмечено у двух орудий — снятие крупных и мелких отщепов с граней. Оформление боковых краев проводилось путем фрагментации (на наковальне), а также сколами и ретушью (рис. 1, *1*, *3*). Подобным образом осуществлено и зауживание изделий. У самого крупного орудия в ходе зауживания отщепы скалывались поперек боковых граней. Это свидетельствует о том, что перед нами орудийная обработка, а не снятие отщепов с площадки нуклеуса. Основание оформлено (рис. 1, *1*) крупными сколами (2 экз.) и нерегулярной ретушью (1 экз.). У двух орудий оно явно зауженo (рис. 1, *3*). На одном орудии отщепы (в зоне основания) снимались вопреки технологическим правилам — место удара скошено в направлении удара. Дистальные концы имеют заостренную (3 экз.), выпуклую (1 экз.) и вогнутую (1 экз.) форму. Они выделены широкими и мелкими сколами. У двух орудий отщепы снимались с подготовленных площадок. Угол заострения лезвий в пределах 55—90° Стоит отметить, что общий объем обработанной поверхности у некоторых рассматриваемых оформленных орудий в целом незначительный (рис. 1, *1*). Так, не все изделия прошли стадию предварительного уплощения. Однако оформление основных орудийных элементов осуществлено регулярным образом, что придает орудиям устойчивую и относительно выработанную форму. На лезвиях всех орудий отмечены мелкая довольно регулярная ретушь и редкие сколы с обеих сторон. Кромка лезвий забита у трех изделий. У одного орудия забитость отмечена как на кончике лезвия, так и на привершинной части края на длину 2—3 см. Линейные следы не обнаружены. Микроскопическому анализу мешает оглаженность некоторых предметов (рис. 1, *1*).

Элементарно оформленных рубящих орудий 4 экз. Длина их 13—35, ширина 7,3—22, толщина 4,8—9,5 см (рис. 8, *2*; 9, *3*). Размеры самого крупного изделия 35×22×9,5 см. Оно найдено на глубине 4,5 см от поверхности, в шурфе 14. Орудия изготовлены из крупного отщепа (1 экз.) и уплощенных кусков кварцита удовлетворительного и плохого качества (3 экз.); имеют подпрямоугольные (2 экз.), конвергентные (1 экз.) и дивергентные (1 экз.) очертания. Общему уплощению (снятие крупных отщепов с подготовленных площадок) подвергнуты два орудия (рис. 8, *2*). Боковые края представлены гранями и уплощенными участками, которые обработаны крупными, реже мелкими сколами, регулярной и несистематической ретушью с притупливанием кромок как по всей их длине, так и на отдельных участках. Форма краев относительно прямая, слегка вогнутая или выпуклая. Любопытно, что у самого крупного орудия на одном крае, ближе к основанию, получена крупная выемка, видимо, с целью удобного зажима. Основание представлено гранями и

уплощенными участками. У одного орудия (горизонт 9) основание оформлено с помощью удара о наковальню. У других изделий основание или не оформлено, или обработано регулярными и несистематическими сколами (чаще) и такой же чешуйчатой ретушью. Дистальные концы обработаны крупными и мелкими сколами с одной стороны, причем в двух случаях это было сделано с подготовленных ударных площадок. Форма лезвий слабовыпуклая узкая (1 экз.), заостренная (2 экз.) и выпуклая крупнозубчатая (1 экз.). Угол заострения 60—85° На рабочих лезвиях выявлена регулярная чешуйчатая и ступенчатая двусторонняя и односторонняя ретушь. У двух изделий кромка лезвий слегка забита (рис. 8, *2*; 9, *3*). Кромка лезвия у одного орудия под микроскопом выглядит зернистой. Четкие линейные следы, заполировка и пришлифовка не установлены. У более выразительного орудия обломан кончик. Нуклевидное орудие — это скорее всего переоформленный нуклеус (рис. 8, *2*).

Минимально оформленные рубящие орудия (2 экз.) обнаружены в горизонтах 8—9 раскопа (рис. 8, *4*). Их размеры 21,5×11×6 и 20×12×6 см. Изготовлены из плоского куска и укороченного отщепа без корки. Качество кварцита удовлетворительное. У одного изделия боковые края представлены гранями и обработаны регулярной чешуйчатой и ступенчатой ретушью почти по всей длине. У другого они оформлены путем частичной фрагментации и нерегулярной ретуши. Основание обработано частично сколами с обеих сторон. В результате этой операции основание у менее выраженного орудия приобрело зауженные пропорции. Дистальный конец у крупного изделия имеет выпуклые зубчатые очертания (рис. 8, *4*). У второго он частично сломан, возможно, в процессе использования. Угол заострения лезвий обоих орудий 55—60° На лезвиях данных орудий установлена регулярная чешуйчатая и ступенчатая ретушь с двух сторон. Кромка лезвия у выразительного орудия довольно острая на ощупь. Явной забитости ни визуально, ни под микроскопом на ней не обнаружено. Макро- и микроретушь не является ретушью использования и получена в ходе обработки.

Колуноподобные орудия (2 экз.) найдены на поверхности песков (рис. 1, *2*). Их размеры 13×9×6,4 и 10,3×10,5×5,3 см. Изготовлены из массивных краевых отщепов. Очертания орудий конвергентные и дивергентные. Боковые края и основание оформлены крупными и мелкими регулярными сколами, а также ретушью с подготовленных площадок. Широкие дистальные концы имеют слабовыпуклые очертания, угол заострения 60—65 и 80—85° На лезвиях отмечена регулярная крупная чешуйчатая ретушь (одно- и двухрядная). Кромки лезвий у орудий явно забиты. Существенно, что у одного изделия кромка расположена во фронтальной плоскости, а у другого смещена к брюшку. Может быть, это указывает на разную кинематику их использования.

Отбойники (2 экз.) весьма выразительны. Один из них представлен удлиненным куском кварцита плохого качества, другой — куском песчаника подпрямоугольной формы. Размеры их соответственно 20×10,5×7,1 и 12,5×8×8,4 см. У них регулярными сколами и ретушью оформлены аккомодационные участки. У кварцитового отбойника имеется рукоятка. Сильная забитость, а также негативы мелких сколов от ударов локализуются на конце, противоположном аккомодационному участку. Отбойники применялись для нанесения несильных, рассчитанных ударов, например для снятия некрупных отщепов с нуклеусов и при изготовлении орудий. Таким образом, отбойники являются преднамеренно изготовленными, т. е. изделиями.

На западном участке Калитвенки Iб на поверхности песков найдено четыре макроорудия. Интерес представляет топоровидное орудие. Оно имеет легкую двустороннюю оглаженность. Его размеры 12,5×6,8×5 см (рис. 10, *1*). Изготовлено из массивного отщепа. На одном боковом крае выражена ударная площадка отщепа-заготовки, а на втором — грань, полученная с помощью крупных и мелких сколов. Кромки краев затуплены. Подобным образом оформлено и основание. Дистальный конец выделен с одной стороны мелкими сколами, имеет выпукло-вогнутые зуб-

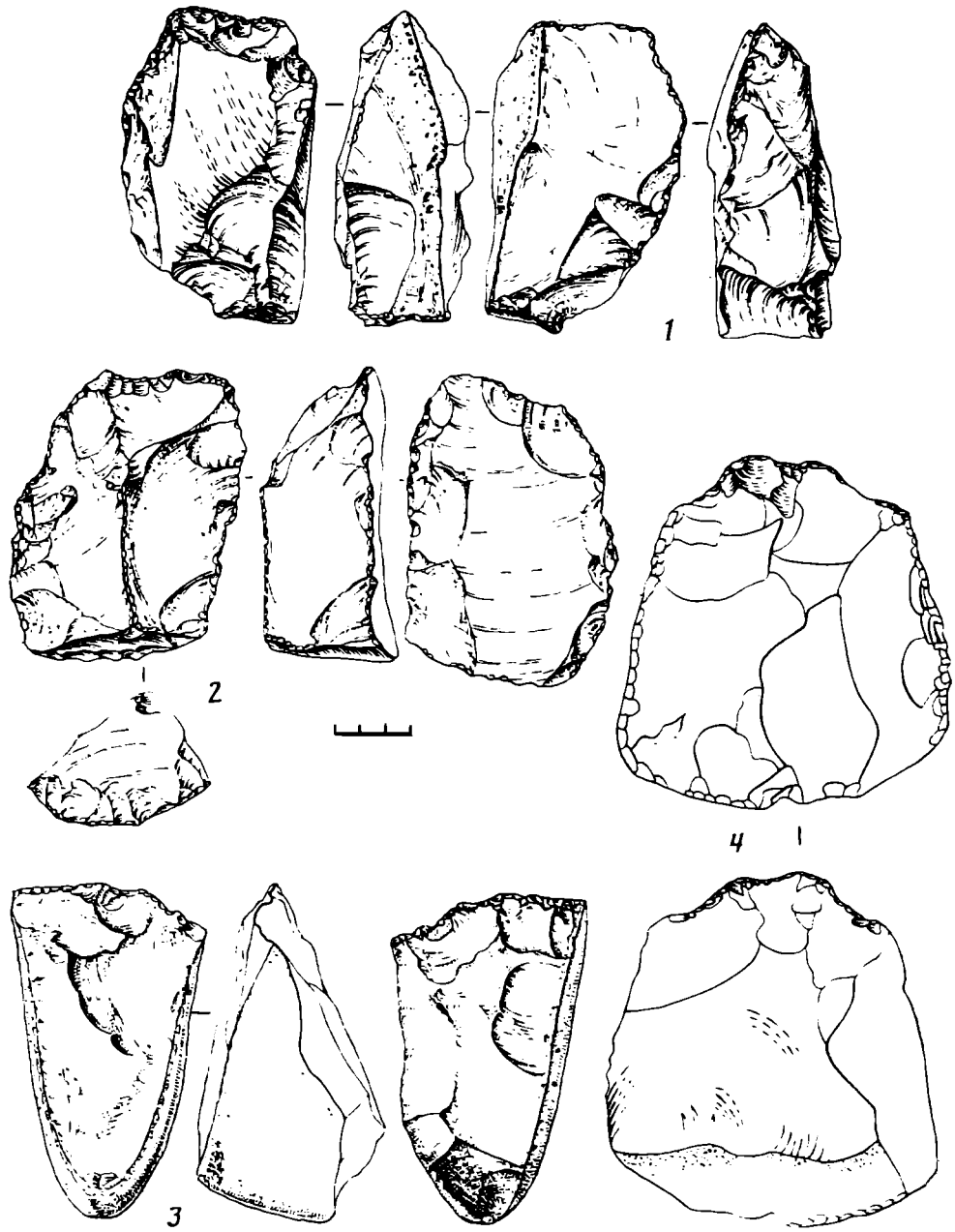


Рис. 10. Макроорудия. *1* — Калитвенка Iб; *2* — Калитвенка X; *3* — Калитвенка Iв; *4* — экспериментальное орудие

чатые очертания и угол заострения 70—80°. Регулярная чешуйчатая ретушь отмечена на лезвии с одной стороны. Кромка его явно забита. Линейные следы и заполировка не фиксируются.

Весьма интересные макроорудия обнаружены в раскопе на Калитвенке Iв. Практически все изделия имеют заметную патину с одной и очень слабую с другой стороны. Предметы не оглажены. Типологически выделены чоппинги, бифасы, грубое скребловидное орудие, оформленные рубящие орудия, элементарно оформленные рубящие орудия, минимально оформленные рубящие орудия. Чоппинг (1 экз.) размерами 12,5×7,5×7 см изготовлен из куска кварцита невысокого качества (рис. 10, *3*). Рабочее лезвие выделено сколами и нерегулярной чешуйчатой ретушью. Оно слегка извилистое и имеет угол заострения 55—60° На обеих сторонах лезвия отмечена относительно регулярная ретушь. Кромка (острая) лезвия практически не забита. На ней имеются лунки, вмятины и трещины. В зоне лезвия фиксируется более заметный блеск, чем на остальной поверхности орудия. Возможно, это следы от работы. Линейные следы четко не установлены.

Бифасы (2 экз.) атипичны, размеры 22,5×13×6,4 и 12,5×11,8×5,5 см (рис. 9, *2*). Изготовлены из крупных отщепов, представленных кварци-

том удовлетворительного качества. У орудий конвергентные и округлые очертания. Боковые края оформлены крупными и мелкими сколами с подготовленной ударной площадки. При обработке основания произошли одновременно его оформление и уплощение изделия в целом. Кромка грани в основании одного орудия в отдельных местах притуплена. Лезвия имеют стрельчатые и выпуклые крупнозубчатые очертания. Угол заострения лезвий 55—65° Отмечены регулярная несистематическая ретушь и забитость, возникшие, судя по всему, от работы. Отмечены также линейные следы и заполировка лезвия (рис. 9, *2*) у скребловидного орудия с обушком размерами 14,6×8×5,5 см. Макро- и микровыкрашивание напоминает ретушь использования. Однако линейные следы не установлены.

Оформленные рубящие орудия (5 экз.) имеют длину от 13,4 до 21,5, ширину от 8,3 до 18,5, толщину от 5,3 до 8,2 см (рис. 2, *1*; 3, *2*; 4, *3*; 9, *1*). Изготовлены из валунов (1 экз.), отщепов (2 экз.) и кусков (2 экз.) кварцита удовлетворительного качества. Орудия имеют прямоугольную форму. На обеих поверхностях изделий локализуются негативы крупных сколов, которые снимались с подготовленных ударных площадок и с участков краев заготовок. Дополнительно боковые края оформлены регулярными мелкими сколами и чешуйчатой одно- и двухрядной ретушью. Использовалась и притупляющая ретушь. Основание почти у всех изделий представлено гранями, которые обработаны крупными и мелкими сколами, а также нерегулярной ретушью. Форма лезвий заостренная, выпукло-зубчатая и выпукло-вогнутая. Они выделены отдельно крупными и мелкими сколами. Углы заострения лезвий 60—65 и 70—90° На их поверхности представлена регулярная и относительно регулярная двусторонняя, одно- и двухрядная чешуйчатая ретушь. Кромка лезвий у двух орудий забита умеренно, а у двух других орудий — очень сильно, что видно даже невооруженным глазом. Заполировка и отчетливые линейные следы установлены на лезвии одного орудия.

Элементарно оформленных рубящих орудий 11 экз. Длина их от 11,5 до 34, ширина от 7,9 до 34, толщина от 7,9 до 7,9 см (рис. 2, *3*; 4, *1*, *2*) Три очень крупных орудия имеют размеры 31×34,5×9,7, 24,5×22×9,6, 34×13×7,3 см. Длина основной части изделий 14—18 см. Изготовлены из обломков валунов (3 экз.), остроугольных обломков (4 экз.) и отщепов (3 экз.). Применялись краевые (2 экз.) и полукраевые (1 экз.) отщепы. Представлены кварцитом плохого и удовлетворительного качества. Негативы крупных сколов отмечены на поверхности трех изделий. Они скалывались с подготовленных ударных площадок (1 экз.) и с необработанной стороны (10 экз.). Преднамеренное зауживание не проводилось. Боковые края представлены преимущественно гранями. Они не обработаны полностью у 4 экз. (рис. 2, *3*), у остальных (7 экз.) оформлен только один край. Кромки естественных краев притуплены у ряда предметов. Противоположные края обработаны крупными, мелкими сколами и ретушью. У двух изделий проведена фрагментация одного края. Показательно, что у двух орудий, в том числе у самого крупного, на одном крае имеется крупная естественная выемка. На противоположном крае она сделана, наверное, преднамеренно. Форма краев выемчатая, выпуклая, вогнутая. Основание у большинства орудий или полностью не обработано (4 экз.), или в виде граней, обработанных крупными и мелкими сколами (7 экз.). Дистальные концы не обработаны у двух предметов. У остальных они выделены крупными и мелкими сколами (9 экз.), а также чешуйчатой однорядной ретушью (1 экз.). Снятие отщепов с подготовленных площадок отмечено у двух орудий (рис. 2, *3*; 4, *2*). Лезвия имеют заостренные (5 экз.), выпуклые (5 экз.) и скошенные прямые (1 экз.) очертания. Угол заострения лезвий от 60 до 80°. На 5 экз. фиксируется регулярная чешуйчатая одно- и двухрядная ретушь. На других лезвиях отмечена несистематическая ретушь. Лишь у двух орудий кромка сильно забита. У остальных она или не забита совсем или забита слегка. Более или менее отчетливо макроследы от работы выявлены у трех изделий. Линейные следы и заполировка ни у одного

изделия явно не фиксируются. Очень возможно, что некоторые предметы отнесены к числу элементарно изготовленных орудий условно. На деле это могут быть, например, массивные отщепы — заготовки на стадии уплощения (рис. 4, *2*) или пробные изделия (рис. 4, *1*).

Минимально оформленные рубящие орудия (3 экз.). Длина их от 17 до 25, ширина от 10 до 15, толщина от 4,6 до 9 см (рис. 3, *1*). Исходное сырье — остроугольные обломки (1 экз.), краевые и полукраевые отщепы (2 экз.). Изделия представлены кварцитом удовлетворительного качества. Имеют конвергентные (1 экз.) и прямоугольные (2 экз.) очертания. У 2 экз. оба края обработаны на отдельных участках регулярными и несистематическими мелкими сколами и ретушью. Основание полностью не оформлено лишь у одного орудия. Выделение основания проводилось путем частичной фрагментации (1 экз.), а также единичными сколами (2 экз.). Дистальные концы оформлены крупными и мелкими сколами, а также ретушью. У ряда изделий обработка локализуется на отдельных участках. У трех предметов концы не обработаны. Форма лезвий заостренная (1 экз.), выпукло-вогнутая (1 экз.) и зубчатая (1 экз.). На лезвиях всех орудий отмечена достаточно регулярная одно- и двухрядная чешуйчатая ретушь. Забитость кромки выявлена у двух орудий. Вполне вероятно, именно эти признаки являются следами от работы. Заполировка и линейные следы ни у одного из изделий четко не установлены.

На Калитвенке X обнаружены нетипичные бифасы (3 экз.), рубящие орудия (7 экз.) и одно колуноподобное орудие. Среди бифасов один незаконченный и два грубых частичных (рис. 10, *2*). Рубящие орудия изготовлены из крупных отщепов и остроугольных кусков. Выделены оформленные и элементарно оформленные орудия. Обращает внимание использование приема фрагментации, а также снятия сколов в поперечном направлении при оформлении основания. Минимально оформленное орудие напоминает сечки из Королевских стоянок в Закарпатье [17, с. 17, 18]. Лезвия забиты у трех орудий. Ввиду некоторой оглаженности предметов микропризнаки фиксируются плохо. Поэтому о функции изделий говорить едва ли возможно. Не исключено, что отдельные предметы (1—3 экз.) — это пробные орудия.

На основе проведенного технолого-морфологического анализа можно говорить об известном сходстве макроорудий из разных мастерских. Так, везде мало чопперов, чоппингов, бифасов. Преобладают рубящие орудия. Морфологически близки некоторые типы макроорудий (рис. 1, *3*; 9, *1*). Сближаются описанные орудия по размерам, отдельным морфологическим деталям, технологическим приемам оформления, в частности по использованию приема предварительного уплощения заготовок, а также по форме исходных заготовок (рис. 4, *2*; 8, *3*). Материалы Калитвенских мастерских показывают, что использование ударных площадок, в том числе и подготовленных, — это необходимое технологическое условие изготовления макроорудий [18, с. 154, 155]. В то же самое время бросается в глаза и различие рассмотренных изделий. В целом орудия из Калитвенки I более грубые, чем из Калитвенки Iб, Калитвенки Iв и Калитвенки X. Однако в первом случае больше специально изготовленных орудий (рис. 6, *3*; 5, *2*; 6, *2*, *3*; 7, *2*; 8, *4*; 9, *3*). В последних памятниках преобладают орудия нуклевидной формы или орудия, переоформленные из нуклеусов (рис. 2, *3*; 4, *3*; 6, *1*; 9, *2*). На Калитвенке I найдено больше орудий со следами фрагментации и зауживания (рис. 1, *3*; 5, *2*; 7, *1*). Показательным для орудий из данных памятников следует считать снятие бугорка и площадки сколами поперек длинной оси заготовки при оформлении нижней части (рис. 2, *3*; 3, *1*; 4, *3*; 10, *1*). Различие макроорудий подтверждается различием в технике расщепления и типологии орудий из отщепов. Вполне вероятно, фиксируемое различие может иметь одновременно культурное и хронологическое значение.

Каково же функциональное назначение рассмотренных макроорудий? Уже было отмечено, что четкие следы от работы пока выявлены лишь на некоторых орудиях. Говорить о функции большей части орудий пока

нельзя. Выявленные на лезвиях орудий макро- и микроследы от работы указывают, что они едва ли применялись для рубки дерева, кости или рога. Для этой цели обычно используются орудия с выраженным рабочим краем, который отсутствует у многих предметов. Ретушь выкрашивания у них нередко регулярная. Лезвия могут быть сильно выкрошены, но не забиты и не сглажены. Под микроскопом не прослеживаются ни полоска забитости, ни закругленность кромок. На кромке видны одинарные, двойные и даже тройные (в зависимости от обрабатываемого органического материала) трещины, разделенные острыми гребнями. Линейные следы не всегда отчетливы.

Макро- и микроследы износа, отмеченные нами на ряде орудий, иные по своей морфологии. Ретушь выкрашивания здесь присутствует (рис. 10,*4*), но она не всегда бывает интенсивной. Наиболее существенным признаком следует считать макро- и особенно микрозабитость и закругленность кромок лезвий. Линейные следы представлены в виде четких, иногда нечетко процарапанных линий, узких, широких, глубоких и мелких. На лезвиях орудий, использовавшихся длительное время (около часа и более), возникает скорее не заполировка, а пришлифовка. Линейные следы, пришлифовка и заполировка отмечены не только непосредственно у кромки лезвия, но и на значительном расстоянии от нее. Все эти признаки характерны для орудий, использующихся для копания грунта, в частности песка и супеси, насыщенных обломочным материалом в виде галек, остроугольных обломков разных размеров, хряща, гравия и т. п. Проведенные предварительные эксперименты подтверждают результаты морфологического и трасологического анализа (рис. 10,*3*). При копании плотного песка, супеси и суглинка контакт поверхностей орудия и песка довольно жесткий. Следы износа отчетливые. Макро- и микрозабитость кромок лезвий орудий, которые применялись для копания плотных песков и супесей, особенно насыщенных обломочным материалом, возникают через 4—5 мин работы. Напротив, на лезвиях макроорудий, использовавшихся для копания сыпучего песка непродолжительное время, макрозабитость не видна. Микрозабитость в зависимости от степени насыщенности обломочного материала появляется быстро или медленно. Она непременно возникает, даже если контакт с обломочным материалом не происходит. Четкая полоска забитости на кромке лезвия в последнем случае будет отсутствовать. Возможно, отсутствие явно выраженных следов износа на многих орудиях обусловлено непродолжительностью их использования. Здесь надо также иметь в виду и вероятное микроразрушение кромок их лезвий. Судя по характеру следов износа, макроорудия применялись для копания как сыпучих, так и плотных песков, что подтверждается нашими наблюдениями за стратиграфией отложений, в которых обнаружены валуны. Линейные следы четко зафиксированы нами на орудиях, которые применялись для копания песков и супесей в течение 40—60 мин. Возможно, при усовершенствовании методики трасологического анализа их удастся обнаружить на орудиях, использовавшихся меньше указанного времени.

Таким образом, на Калитвенских мастерских, по-видимому, происходили специальная добыча кварцита и его обработка. Кварцитовые валуны и плиты, находящиеся на поверхности песков, сильно трещиноваты. Под воздействием различных естественных факторов они распадаются на бесформенные обломки. Поэтому древние люди извлекали кварциты из песка, где многие из них обладали нормальными технологическими свойствами. Не все выкопанные валуны оказывались без дефектов, на что указывает большое их количество с разного рода изъянами — наличием трещин, пустот, инородных включений и т. п. Присутствие большого количества нуклевидных кусков, нуклевидных изделий, т. е. валунов и их кусков с несколькими несистематическими сколами, нуклеусов на начальной стадии расщепления указывает на то, что извлеченные из рыхлых отложений валуны и обломки подвергались тщательному опробованию. Здесь же отмечено огромное число отщепов грубых пластин, осколков, обломков и чешуек, другими словами, продуктов первичного рас-

щепления камня. Кварциты в момент прихода людей залегали в глинистых и сыпучих песках, насыщенных обломочным материалом. Мощность горизонта, очевидно, составляла 20—40 см и более.

Таковы результаты предварительного изучения макроорудий из Калитвенских мастерских. Выяснить функции и вообще содержания изделий еще предстоит. При этом анализу необходимо подвергнуть и предметы, найденные после 1981 г. Следует иметь в виду, что в инвентаре мастерских непременно будут присутствовать незаконченные, неполучившиеся и пробные орудия, которые мы относим к безликой группе «отщепы с ретушью».

Несомненный интерес вызывают макроорудия из мустьерской стоянки Деркул, расположенной в Ворошиловоградской обл., на расстоянии примерно 60—70 км от калитвенских памятников [19, с. 13—25]. В коллекции, хранящейся в МАЭ, нами выделено несколько элементарно и минимально оформленных рубящих орудий, очень похожих на калитвенские. Довольно близкие морфологические типы оформленных и элементарно оформленных орудий имеются в инвентаре ашельского местонахождения Жайман-Айбат в Центральном Казахстане [20, с. 186—188]. Правда, функция их неясна. Исключительно интересны макроорудия из Кетрос. Выделенные здесь оформленные и элементарно оформленные рубящие орудия близки калитвенским как по своей общей форме, так и по ряду существенных морфологических деталей, а также по технологическим приемам оформления [2, с. 13, 45, 46], хотя назначение их иное. Безусловный интерес представляют материалы верхнепалеолитических мастерских, обнаруженных на территории Польши [21, с. 75—85]. Иные по типологии и, надо полагать, по функции изделия присутствуют в инвентаре некоторых верхнепалеолитических памятников Чехословакии [22, с. 5—17]. Вполне оправданным окажется детальный анализ изделий из кремневых мастерских на р. Оскол, открытых П. И. Борисковским с целью поиска макроорудий [23, с. 110—191]. Как это ни странно, однако много общего у калитвенских изделий с находками из Учтутских шахт-мастерских, расположенных на территории Узбекистана и датируемых неолитом [24, с. 50—57]. Сходство, о котором идет речь, носит, разумеется, не хронологический, а функциональный (отсюда и морфологический), производственный характер.

В свете затронутых нами вопросов весьма интересны те стоянки палеолитического времени, где в качестве исходного материала использовались кремневые куски, желваки и плитки со свежей меловой коркой. Таковы, например, Заскальнинские мустьерские стоянки в Крыму [25]. Как показывают полевые наблюдения, на места обитания люди приносили уже опробованный материал, добытый в расположенной рядом Глубокой Балке. Здесь разности кремня скрыты под толщей рыхлых отложений. То огромное количество и разнообразие сырья, которое характерно для индустрий Заскальное 5 и Заскальное 6, как нам представляется, было не только собрано в руслах ручьев или на поверхности меловых отложений, но могло быть получено и в ходе выкапывания кусков и плиток. Вполне возможно, специальная добыча сырья осуществлялась и в ашеле. Само собой разумеется, что высказанное нами мнение — лишь гипотеза, которая требует своего обоснования. Мы надеемся, что макроорудия будут открыты в скором времени и на других палеолитических памятниках. Во всяком случае, необходимо обращать пристальное внимание на нестандартные, нетипичные, «грубые» орудия, которые имеются во многих палеолитических индустриях. И не стоит их подгонять под имеющиеся типологические эталоны макроорудий или спешить отнести к категории «разные», «аморфные» и т. п. Более плодотворным, по нашему мнению, следует признать иной путь — конкретное изучение морфологии, технологии изготовления и функции орудий и их соответствующее терминологическое обозначение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладилин В. Н.* Ранний палеолит//Археология УССР. Первобытная археология. Т. I. Киев: Наук. думка, 1985.

2. *Анисюткин Н. К.* Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы//Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука, 1981.
3. *Матюхин А. Е.* О работе экспериментального палеолитического отряда//АО — 1982. М., 1984.
4. *Щепинский А. А.* К вопросу о палеолите в Крыму//Исследование палеолита в Крыму (1879—1979). Киев: Наук. думка, 1979.
5. *Колосов Ю. Г* Специфические типы орудий аккайской мустьерской культуры в Крыму//Орудия каменного века. Киев: Наук. думка, 1978.
6. *Борисковский П. И.* Гора До — древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме//Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966.
7. *Матюхин А. Е.* Орудия раннего палеолита//Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
8. *Крижевская Л. Я.* Работы Степной неолитической экспедиции//АО — 1973. М., 1974.
9. *Матюхин А. Е.* Раскопки палеолитической мастерской Калитвенка 1//АО — 1980. М., 1981.
10. *Матюхин А. Е.* Исследование Калитвенских палеолитических мастерских//АО — 1981 М., 1983.
11. *Bordes F.* Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.
12. *Kleindienst M. R.* Variability Within the Late Acheulian Assemblage: analytical approach//S. Afr. Archaeol. Bull. 1961. V 16. № 62.
13. *Паничкина М. З.* Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар//МИА. 1953. № 39.
14. *Борисковский П. П.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.
15. *Lawn B. R., Marshall A. B.* Mechanisms of Microcontact Fracture in Brittle Solids// Lithic Use-Wear Analysis. L., 1979.
16. *Plisson H.* Étude functionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse des microusures: recherche methodologique et archéologique. P., 1975.
17. *Гладилин В. Н.* Дослідження палеоліту на Україні та їх перспективи//Археологія. 1982. № 40.
18. *Матюхин А. Е.* Технология изготовления и типология бифасов Сатани-Дара// КСИА. 1981. Вып. 165.
19. *Ефименко П. П.* Находки остатков мустьерского времени на р. Деркуле//Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 118.
20. *Клапчук М. Н.* Позднеашельское местонахождение Жайман-Айбат 4 в Центральном Казахстане//СА. 1976. № 3.
21. *Ginter B.* The Extraction, Production and Distribution of Raw Material and Flint Products at the Late Palaeolithic in the Northern Part of Central Europe//Przegl. Archeol. 1974. T. 22.
22. *Absolon K.* Grossformen des quarzitischen Aurignaciens der palaeolithschen Station Ondratice in Mähren. Brunn, 1935—1936.
23. *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона//МИА. 1963. № 121.
24. *Мирсаатов Т М.* Древние шахты Учтута. Ташкент: Фан, 1977.
25. *Колосов Ю. Г* Мустьерские стоянки района Белогорска (к вопросу о периодизации раннего палеолита Крыма). Киев: Наук. думка, 1983.

A. E. Matyukhin

THE MACROLITHS FROM PALAEOLITHIC PROCESSING SHOPS

Summary

The author describes the macroliths obtained from the Kalitvenka Palaeolithic processing shops (Kamensk District, Rostov Region). The people who worked there were mainly engaged in splitting large quartzite boulders, making core blanks and high-quality flakes out of them, and making stone implements out of flakes. Some of the materials look Mousterian. The author has identified the atypical bifaces, choppers and chopping tools among the entire set of the finds. Among the chopping tools Matyukhin distinguishes fully shaped, shaped to the necessary degree and shaped to the minimal degree tools. All of them are typical for the macroliths. The general outlines were standardised (Figs. 1, *1*, *3*; 2, *1*; 4, *3*). Some tools were flatter or narrower than others. This effect was reached through special technological procedures. The tools shaped to the necessary degree were made flatter or narrower less frequently than others (Figs. 4, *1*; 5; 6, *1*; 7, *1*; 8, *2*, *3*; 9, *3*). Their technologically expedient shape was the result of a careful selection of flakes and primary processing. One or both edges of the minimally shaped tools were left unprocessed (Figs. 3, *1*; 7, *2*; 8, *4*). The processing in general was made carelessly; the shape was determined by the choice of blanks. The purposes of the macroliths are not clear enough; some blades bear the micro- and macro-traces of wear: they were used for digging. Other tools, used for a shorter time, exhibit less distinctive traces. On the other hand, such tools can be interpreted as faulty implements, which were not used at all, or as pilot samples.

Г. Г. ПХАКАДЗЕ

К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ РИОН-КВИРИЛЬСКОГО БАССЕЙНА (IV — СЕРЕДИНА III ТЫС. ДО Н. Э.)

За последние три десятилетия в ходе широкомасштабных археологических работ на территории Западной Грузии были открыты и исследованы десятки интереснейших памятников эпохи ранних металлов, что позволило по-новому осветить ряд важнейших проблем древнейшей истории этого края. Им посвящены отчеты и статьи и даже отдельные монографии, но по сей день нет специальной работы, в которой были бы обобщены или последовательно рассмотрены памятники всей Западной Грузии этой эпохи, нет общей характеристики культуры, взаимоотношений между памятниками как внутри исследуемого региона, так и с сопредельными культурами, не существует общей хронологии, периодизации и даже попытки общей научной интерпретации.

Для эпохи энеолита и ранней бронзы на территории Западной Грузии можно выделить две зоны: Колхидскую низменность, памятники которой характеризуются определенным своеобразием, и территорию Рион-Квирильского бассейна (Имерети) с прилегающей к востоку частью Западной Грузии. Во втором регионе поселения раннеметаллической эпохи представлены пещерами и открытыми поселениями. Изучению памятников Имерети IV — середины III тыс. до н. э. и посвящена статья.

Пещерные стоянки расположены в большинстве случаев в ущельях рек и их притоков. Таковы Сагварджиле, Самеле-Клде, Самерцхле-Клде, Дзудзуана, Даркветн, Цуцхвати, Тетри-Мгвиме, Моцамета и др. К открытым поселениям относятся Дабла-Гоми и Аргвети. Пещеры — обычно многослойные: нижние культурные слои относятся к разным этапам палеолитической эпохи, а верхний слой — к интересующей нас эпохе и представлен одним или несколькими горизонтами общей мощностью от 1 до 3 м. Чтобы получить представление о рассматриваемых памятниках, дадим более полное описание тех из них, где хорошо прослеживается стратиграфия по горизонтам: пещер Самеле-Клде, Сагварджиле и Даркветского навеса.

Карстовая пещера Самеле-Клде находится в с. Зоди Чиатурского р-на, на правом берегу р. Джручула. Остатки интересующей нас эпохи представлены тремя горизонтами общей мощностью 3,5 м. Каждый горизонт подстилался глинобитным саманным полом, что дало возможность на непотревоженных участках установить четкую стратиграфию [1, с. 15].

Горизонт III (нижний) на глубине 3,5 м дал сравнительно малочисленный материал. Каменный инвентарь представлен кремневыми проколками и скребками, микролитическими пластинами с притупленной спинкой, каменными долотцами, копалкой из оленьего рога, костяной проколкой и орудием с продольным пазом, глиняными неорнаментированными пряслицами. Найдены также несколько обломков керамики буроватого или серого цвета, глина с примесью кварца и соломы. Сосуды — баночной формы, на плоском дне, с насечками по краю или тазообразные (сковородообразные) с дырочками под венчиком (рис. 1, *28—39*).

Горизонт II структурно не отличается от нижнего, подстелен глинобитным полом толщиной 10 см. Инвентарь с непотревоженных участков — кремневые отщепы, нуклеусы одноплощадочные, ножевидные ору-

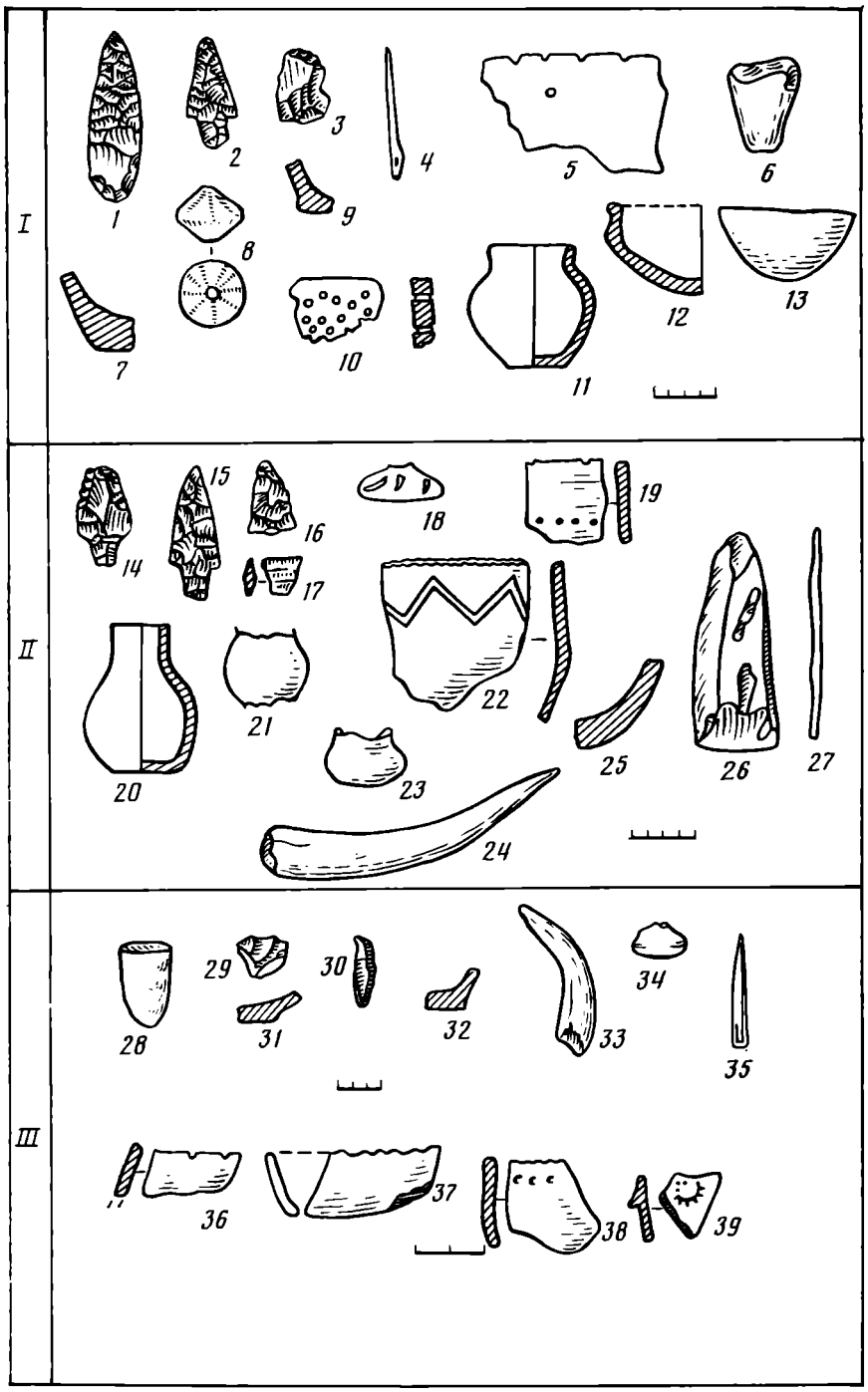


Рис. 1. Самеле-Клде. Распределение материалов по горизонтам I—III. *1—3, 6* — кремневые наконечники стрел и каменное долотце; *4* — костяное шило; *5, 7—13* — керамика (*12* — куро-аракского типа, *13* — майкопского облика); *8* — глиняное пряслице; *14—16* — кремневые наконечники; *17* — трапеция; *19—23, 25* — керамика; *24* — роговая копалка; *26* — каменный топор; *27* — медная четырехгранная проколка; *28* — топор; *29* — скребок; *30* — пластинка типа граветт; *33* — землекопалка; *35* — шило, *31, 32* — донышки глиняных сосудов, *36—39* — фрагменты керамики, по Г. А. Джавахишвили; *28—35* — камень, кремень, кость и рог

дия, скребки, наконечники копий и стрел с черенком и без него. Найдены каменные шлифованные и полированные стамескообразные и клиновидные орудия, односторонне отточенные; костяные шилья, проколки, лощила, копалки из оленьего рога. Керамика продолжает традиции нижнего слоя, но увеличивается количество больших кувшинообразных сосудов с глаженой и слегка залощенной поверхностью. Наряду с посудой плоскими днищами появляются круглые и остродонные экземпляры. Глиняные пряслица в большинстве случаев орнаментированы точками и насечками. Здесь же найдены тигель и медная четырехгранная проколка (рис. 1, *14—27*).

Горизонт I (верхний) на глубине 1,3—2,25 м также подстелен глинобитным полом (7—8 см). Каменный, кремневый и костяной инвентарь в основном такой же, как в горизонте II. В керамике четко выделяются две группы (рис. 1, *1—13*). Первую составляют большие корчагообразные, баночные и сковородообразные сосуды грубой лепки и обжига, украшенные, как и в предыдущих слоях, дырочками и насечками. На некоторых нанесен выдавленный изнутри шишечный орнамент наподобие «жемчужин». Вторая группа представлена фрагментами кувшинов с цилиндрической или трубчатой шейкой и слегка отогнутым венчиком. Они средней толщины, коричневато- или красноватолощеные.

В этом же горизонте найдены обломки краснокрашенных и лощеных тонкостенных сосудов конусообразной или шаровидной формы на круглом донышке (рис. 1, *13*), напоминающие материалы раннемайкопских поселений типа Мешоко и фрагменты типичных изделий куро-аракской культуры (рис. 1, *12*).

В результате сравнения материалов всех трех горизонтов Самеле-Клде можно констатировать, что особого различия между ними не наблюдается и верхние горизонты продолжают традиции нижнего. В каменной индустрии явно прослеживаются неолитические традиции. Горизонт III (нижний) выделяется явным преобладанием микролитической техники и сравнительной архаичностью керамики, а в верхних горизонтах появляются более совершенные изделия, а также тигель, медный четырехгранный наконечник, тонкостенная краснокрашенная керамика, профили и ручки сосудов куро-аракского типа. На этом основании пещерная стоянка Самеле-Клде отнесена к разным этапам развития раннеземледельческой культуры (неолит, энеолит, начало ранней бронзы) и датирована в пределах V—IV тыс. до н. э. [1, с. 98].

Следующий стратиграфический памятник, давший возможность проследить смену археологического материала по горизонтам, — пещера Сагварджиле.

Карстовая пещера Сагварджиле находится в с. Дзеври Терджольского р-на, на левом, высоком берегу р. Дзеврула. Мощность слоя энеолита и ранней бронзы — 3,1 м. Этот же слой выходит из пещеры и распространяется на склон, где обнаружены металлические предметы: медные рыболовные крючки, четырехгранная проколка, стержни и др. [2, с. 563]. В самой пещере зафиксированы три горизонта этой эпохи, лежащие в сероватой глине с крупными известковыми включениями. Верхние два подстилались краснообожженным глинобитным полом [3, с. 13—19] (рис. 2).

В нижнем (III) горизонте (на глубине 2,5 и 3—3,1 м), насыщенном углем и золой, зафиксировано несколько очагов-ям. В многочисленном археологическом материале ведущее место занимает каменный инвентарь — как готовые орудия, так и производственные отходы: каменные шлифованные и полированные долотовидные и клиновидные орудия односторонне отточенные, каменные пряслица. Из кремня и реже — из обсидиана делались скребки, многообразные резцы, микролитические скребки с овальным рабочим краем, микропластины с косоретушированной головкой, конусовидные нуклеусы, пластины с притупленной спинкой типа граветт и др.; много костяных проколок (рис. 2, *24—27*).

Керамика многочисленна, но однотипна: груболепленая, черновато-серого или серовато-коричневого цвета с примесью кварца, слюды, песка; по форме выделяются миски, баночные и сковородообразные сосуды с дырочками под венчиком, в отдельных случаях выявлены налепные шишечки и круглое ушко. Днища плоские, слегка округленные, с выделенной пяткой; на одном из них круговой отпечаток плетенки (рис. 2, *20—23*).

Горизонт II (глубина 1,65—2,5 м) подстелен остатками краснообожженного глинобитного пола длиной 5 м, состоявшего из керамических обломков, сверху перекрытых слоем глины. Каменный инвентарь представлен в основном тем же набором орудий, что и нижний. Появляются зернотерки, единичные обломки каменных браслетов, камни для пращи,

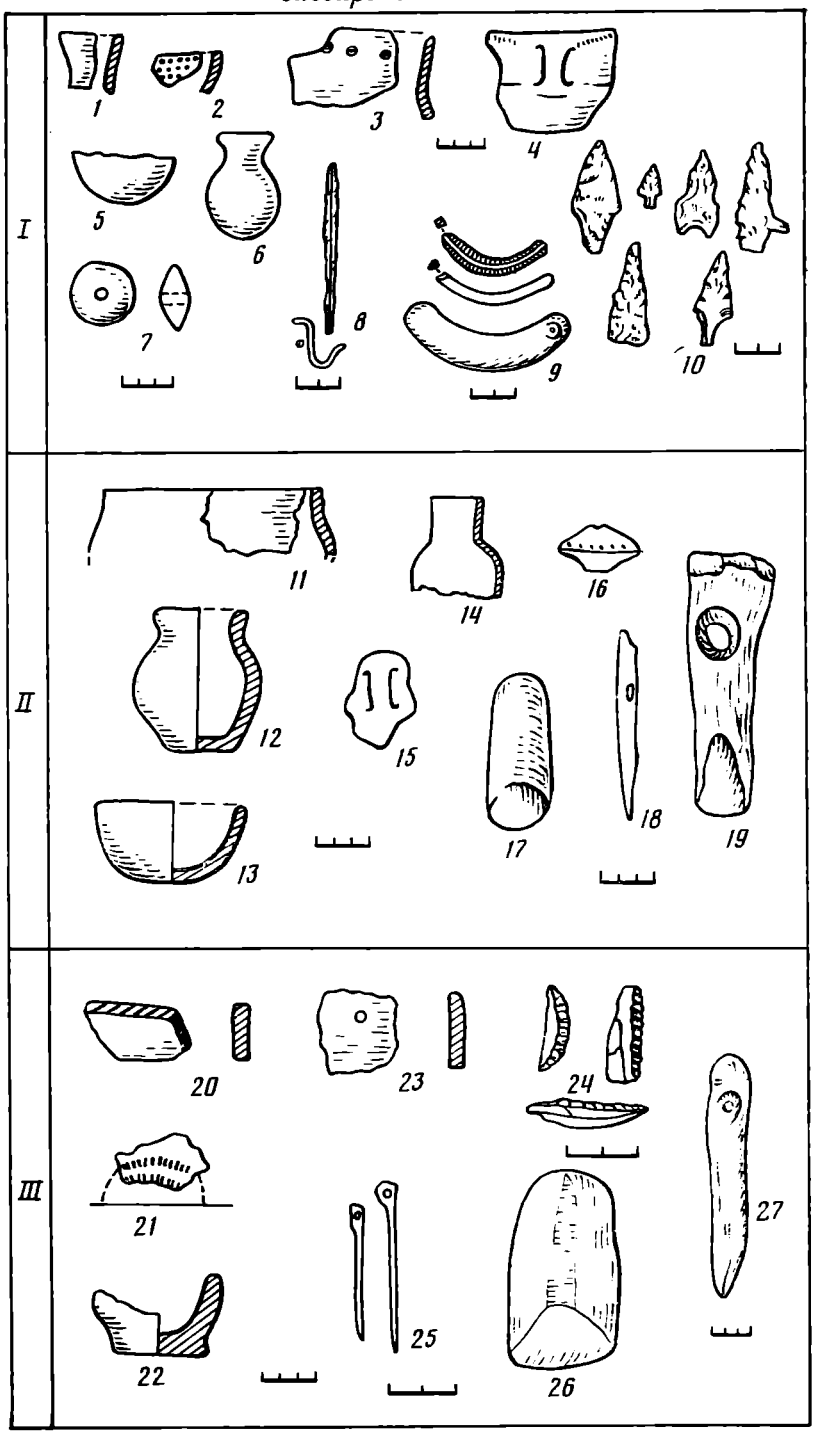


Рис. 2. Сагварджиле, распределение материалов по стратиграфическим горизонтам I—III. *1—6* — керамика (*4* — куро-аракского типа, *5, 6* — майкопского облика); *7* — глиняное пряслице; *8* — медная четырехгранная проколка и крючок; *9* — обломки каменных браслетов; *10* — кремневые наконечники стрел и копья; *11—14* — глиняные сосуды; *15* — ручка; *16* — пряслице; *17* — каменное долото; *18* — костяное шило и *19* — роговая мотыжка; *20—23* — фрагменты керамики; *24* — кремневые пластины типа граветт; *25* — костяные иглы; *26* — каменный топор; *27* — роговая мотыжка

копалки и мотыжки роговые с отверстием для рукоятки (рис. 2, *17—19*). Керамика в основном продолжает традиции нижнего горизонта, но уже встречаются большие корчагообразные сосуды и кувшины с цилиндрическим горлышком. Эти последние большей частью сравнительно тонкостенны, с хорошо сглаженной, иногда залощенной поверхностью, розовато- и коричневато-бурого цвета (рис. 2, *11—15*).

Горизонт I (верхний) подстелен краснообожженным глинобитным полом, сохранившаяся длина которого — около 3 м (глубина 1,65 м);

на полу возвышается «жертвенный» очаг диаметром 1 м. Вокруг очага были найдены роговая просверленная мотыжка и копалка, костяная проколка и шилья, а также керамика. Каменный инвентарь многочисленный и разнообразный, преобладают шлифованно-полированные долота, стамески, топоры, скребки; резцы — единичные экземпляры. Появляется разнообразное множество двусторонне обработанных наконечников стрел и копий: черенковые листовидные и треугольные, треугольные с выемкой у основания (один из них — с боковым шипом) и боковыми выемками (рис. 2, *10*).

В керамике выделяются два типа. Первый продолжает традиции нижнего слоя, второй представлен сравнительно тонкостенными, слегка лощеными кувшинами с цилиндрическим или трубчатым горлом и округлым туловом. Кроме того, встречаются очень тонкостенные красноокрашенные и лощеные фрагменты сферических сосудов на округлом дне, как и в Самеле-Клде, напоминающие майкопские изделия, а также обломки керамики куро-аракской культуры с типичным уступом у плечика с ручками. Много шлифованных браслетов из мергеля и серпантина разных сечений: овальные, треугольные, квадратные, плосковыпуклые. Отдельно надо отметить твердообожженный глиняный браслет с желобчатой поверхностью [3, с. 20—28] (рис. 2, *1—7, 9*).

Таким образом, в Сагварджиле наблюдается та же картина, что и в пещере Самеле-Клде. Нижний горизонт характеризуется ярко выраженной микролитической техникой каменного инвентаря, архаичностью керамических изделий, исключительно груболепленых, с примесями в тесте. В следующем горизонте к ним прибавляются формы корчаг и кувшинов, поверхность их обработана сравнительно лучше. В самом верхнем появляются двусторонние обработанные наконечники стрел и ко́пья, вкладыши для серпов, каменные браслеты и медные предметы. Наряду с местной традиционной керамикой появляются сосуды, характерные для куро-аракской и майкопской культур. Н. Киладзе в свое время относила все три горизонта к неолиту и энеолиту [2, с. 55], но затем, на основании новооткрытых памятников этот слой был передатирован и отнесен к эпохе ранней бронзы [4, с. 56].

По аналогии с Самеле-Клде мы считаем горизонты II и III Сагварджиле энеолитическими, а верхний (I) горизонт по целому ряду признаков — началом ранней бронзы.

Третий стратиграфический памятник — карстовый навес Даркветн. Он расположен в г. Чиатура, на левом берегу р. Квирила. Установлено пять культурных слоев, принадлежащих разным эпохам, из них слой I (верхний) — поздний энеолит — ранняя бронза, слои II—III — энеолит [5, с. 36—38].

Слои II—III характеризуются единством материала, хотя их разделяет глинобитный пол. Из каменного инвентаря следует упомянуть серпантиновые и базальтовые полированные долотца, тесла, клиновидные топоры, кремневые нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, трапеция, двусторонне обработанные наконечники стрел и копья, листовидные, бесчеренковые, с выемкой у основания и по бокам, также вкладыши серпа, обломки сланцевых браслетов округлого и овального сечения, зернотерки. Из костяных изделий встречаются шилья, иглы, проколки, роговая копалка (рис. 3, *8—12, 15—18*).

Керамика — с примесью слюды и кварца, серовато-бурого или розовато-серого обжига, поверхность сглажена и залощена, на некоторых шишкообразные и роговидные налепы. Найден сковородообразный сосуд с выдавленными изнутри шишками наподобие «жемчужного» орнамента. Особую группу составляют тонкостенные, хорошо отмученные фрагменты краснокрашенных и лощеных сосудов; днища разные: плоские, с слегка выделенной пяткой, округлые и конусовидные (рис. 3, *19—25*).

Этот слой по характеру материала вполне можно сопоставить с горизонтом II и даже с горизонтом I пещер Самеле-Клде и Сагварджиле.

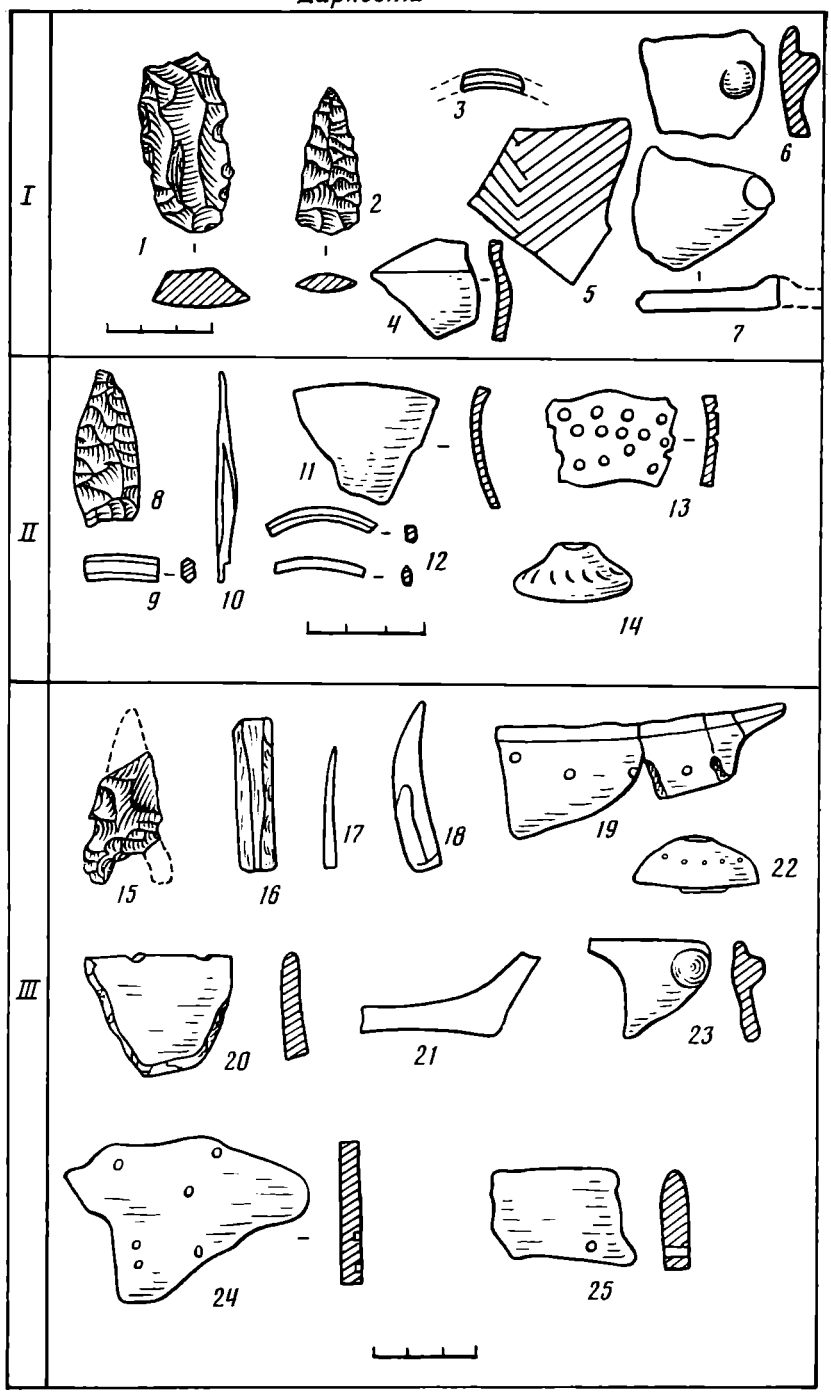


Рис. 3. Дарквети. Горизонты I—III. *1* — кремневый скребок; *2* — наконечник стрелы; *3* — обломок каменного браслета; *4—7* — керамика (*6, 7* — из впускного куро-аракского погребения); *8* — кремневый наконечник; *9, 12* — обломки каменных браслетов; *10* — костяное шило; *11, 13* — керамика; *14* — пряслице; *15* — кремневый наконечник *16* — пластина; *17* — костяная проколка; *18* — роговая копалка; *19—25* — керамика (по Л. Д. Небиеридзе)

Слой I (верхний) — зольный с примесью щебенки, включая глинобитный пол, но находок здесь гораздо меньше. Каменный и кремневый материал в основном тот же, что и в нижних слоях; аналогичное можно сказать и о керамике; в одном случае встречается елочный процарапанный орнамент. В этот слой впущены погребения куро-аракской культуры (рис. 3, *1—7*).

Изучив материалы всех трех слоев, приходим к заключению, что они относятся к одному культурному этапу, т. е. к позднему энеолиту и началу ранней бронзы. В Дарквети нет слоя, который можно было бы сопоставить с нижними горизонтами Сагварджиле и Самеле-Клде, с

ярко выраженными архаичными чертами как в камне, так и в керамике. В Дарквети уже в слое III встречаются двусторонне обработанные наконечники, вкладыши, краснокрашенная и залощенная керамика. По этим признакам нам кажется вполне вероятным считать нижние слои Самеле и Сагварджиле самыми древними из пещерных поселений, следующими непосредственно за местным неолитом.

Энеолитическая керамика из пещер (рис. 1—3) — сковородообразные сосуды, миски, горшки, баночки с насечками по краю, с дырочками под венчиком, иногда шишковидными налепами, отпечатком плетенки или листочка на дне со сглаживанием поверхности, оставляющим параллельные следы (состав глины — с примесью слюды, кварца, крупнозернистого песка и соломы) — находит близкие аналогии на поселениях самой Западной Грузии: Псоу, Мачара IV, Гундра В (Абхазская АССР), в памятниках Сочи-Адлерского р-на: Ашхтырь 1,5, Молдовка, Имеретинская бухта и др. Теснейшим образом связана она с материалами раннеземледельческих поселений Восточной Грузии, памятниками типа Сиони (Марнеульский р-н) [6, с. 12, 13], Дамцвари-Гора, Цителгореби, Квирисацхели (Кахети), [7, с. 18—37], Жинвали, Хартвиси, Бодорно (Жинвальский р-н) [8, с. 9], Арахло, Цопи (Марнеульский р-н) [9, с. 3] и др., Азербайджана, (Рус-Тепеси, Аликемек-Тепеси, Ментеж), Армении (Техута, Норабац), Дагестана (Гинчи, Чинна). Эта своеобразная керамика появляется одновременно на всей территории Кавказа в сопровождении каменной индустрии, имевшей неолитические традиции, где ведущее место занимают земледельческие орудия. Ни на одном из этих поселений пока не зафиксирована сколько-нибудь устойчивая архитектура. Как видим, в эпоху энеолита по всему Кавказу была распространена в основном довольно однообразная культура, которая кроме общих черт имела и значительные различия по регионам. Дальнейшее ее изучение даст возможность выделять в ней отдельные культуры или локальные варианты. Памятники типа Сиони появляются в Восточной Грузии в позднем энеолите, явно отличаются от энеолитических материалов Шулавери — Шому-Тепе и содержат некоторые элементы куро-аракской культуры; поэтому они помещены между этими культурами и датированы концом V — первой половиной IV тыс. до н. э. [6, с. 29, 112—116] [1]

Энеолитическая же культура Западной Грузии берет свое начало в неолите и без каких-либо видимых изменений продолжает существовать до эпохи ранней бронзы. Не исключена возможность, что эта энеолитическая культура распространилась с Западной Грузии и сыграла определенную роль в формировании позднеэнеолитической культуры в восточной части Закавказья.

Для энеолитических памятников Западного Закавказья у нас имеются две даты по ^{14}C. Одна — из IV слоя Мачара (ЛЕ 1347 3810±90 до н. э.), вторая — из Дзудзуана (ТВ 315 3565±130 до н. э.); обе указывают на первую половину и середину IV тыс. до н. э. Если принять во внимание тот факт, что нижние (III) горизонты Самеле-Клде и Сагварджиле являются гораздо более ранними и что Тетри-Мгвиме (Цхалтубский р-н) [10, с. 2, 3] и Дзудзуана (Чиатурский р-н) занимают промежуточное место между ними и горизонтом I (верхним) Самеле-Клде, Сагварджиле и Дарквети, относящимися к эпохе ранней бронзы, то вышеприведенная датировка является хронологическим определением позднего этапа энеолитической культуры Западной Грузии (таблица) К эпохе ранней бронзы относятся и пещерные стоянки Моцамета (около г. Кутаиси) [2], Самерцхле-Клде (Чиатурский р-н) [11, с. 9], Бринджао и Бизона (о. Цуцхвати) [3].

Характерным атрибутом раннебронзовой культуры являются: шлифованно-полированные браслеты всевозможных сечений из серпантина,

---

[1] Аналогичные памятники Армении и Азербайджана также датируются первой половиной и серединой IV тыс. до н. э. и отнесены к позднему энеолиту.

[2] Материалы из Моцамета хранятся в Кутаисском музее, они изучены и описаны нами.

[3] Изучает мл. науч. сотр. Гос. музея Грузии им. Джанашиа Л. Жоржикашвили.

Таблица

Эпоха, гг. до н. э.	Рион-Квирильский бассейн (Имерети)	Восточная Грузия	Колхидская низменность	Прикубанье
2400	Сачхере	Бедени Ховле Хашурская Нацаргора	Дольмены	Новосвободная
2800	Сачхере Дабла-Гоми Аргвети Сачхере	Квацхела В Квацхела С Озни	Очамчире	
3000	Самерцхле-Клде Моцамета Цуцхвати Дарквети (I) Сагварджиле (I) Самеле-Клде (I)	Куро-аракская культура	Стоянки Воронцовской пещеры	Ранний майкоп
3500	Самеле-Клде (II) Сагварджиле (II) Дзудзуана Тетри-Мгвиме Дарквети (III—II)	Памятники типа Сиони	Мачара (IV)	
4000	Сагварджиле (III) Самеле-Клде (III)			

сланца и мергеля; двусторонне обработанные наконечники стрел и копий, вкладыши серпов, зернотерки, орнаментированные пряслица, тигели, лячки, формы для отливки заготовок и медные предметы — наконечник стрелы лавролистной формы (Тетри-Мгвиме), четырехгранные проколки (Самеле-Клде, Сагварджиле), рыболовные крючки и круглые стержни (Сагварджиле) и др.

Керамика двух типов: I — груболепленые сковородообразные сосуды с дырочками и «жемчужинами» под венчиком, баночные формы с разнообразными насечками по краю, сосуды больших размеров без ручек; II — сравнительно тонкостенные горшки, кувшины и округлые миски, хорошо заглаженные и залощенные, изредка с геометрическими и зерновидными насечками (Цуцхвати), гребенчатым отпечатком (Моцамета) и елочным орнаментом (Дарквети).

Наряду с ними в этих пещерах выявлены отличающиеся от этой основной массы керамики фрагменты, изготовленные из чистой глины, тонкостенные, краснокрашенные и лощеные; среди них следует отметить колбообразные сосуды с трубчатым горлышком из Дзудзуана и Сагварджиле, краснолощеные горшки с полусферическим туловом на круглом дне из Самерцхле-Клде и Сагварджиле, конусообразный сосуд из Самеле и круглодонную посуду из Тетри-Мгвиме, находящие определенное сходство с материалами раннемайкопских поселений Мешоко, Скала, Хаджох, Ясенова Поляна, Веселое и др.

Здесь же находится керамика куро-аракской культуры: фрагменты мисок с уступом у плечика, горшков с ручкой от венчика, кувшинов с роговидным налепом, дисковидных крышек с остатками ручек и полусферические ручки. Они розоватолощеные или чернолощеные, на розовой подкладке (рис. 1, *12*; 2, *4*; 3, *6*, *7*).

Майкопские и куро-аракские изделия представлены лишь единичными экземплярами. Ни в одной из пещерных стоянок до настоящего времени не засвидетельствован слой, принадлежащий куро-аракской или майкопской культуре. Здесь прослеживаются лишь отдельные эле-

менты этих культур. Поэтому объяснение причин их появления здесь имеет немаловажное значение для определения облика местной культуры и характера ее взаимоотношений с сопредельными культурами.

Связи с майкопской культурой наблюдаются не только в керамике, но и в многообразии браслетов, орнаментации пряслиц, трактовке малых фигурок, одинаковом наборе каменных и костяных орудий, типе жилищ (пещеры) и др. [12, с. 2—4].

При исследовании памятников Самеле-Клде и Хизанаант-Гора Л. Глонти, А. Джавахишвили, Д. Тушабрамишвили и др. [13, с. 10] было высказано предложение, что ранние материалы типа нижнего слоя Хизанаант Гора и Самеле-Клде сыграли определенную роль в формировании майкопской культуры. По мнению О. М. Джапаридзе, распространение племен куро-аракской культуры на территории Имерети вызвало продвижение западногрузинских племен к северо-западу [14, с. 204]. В последнее время было [5, с. 89] высказано мнение о существовании на Западном Кавказе единой культуры, в которой майкопская и западногрузинская являются локальными вариантами. Но такая постановка вопроса нам кажется несколько спорной по следующим причинам.

1. В самой Западной Грузии в это время нет единой культуры, Колхидская низменность представляется несколько обособленной.

2. В материалах пещер Западной Грузии подавляющее большинство керамики — местного характера, изделия майкопского облика составляют лишь малый процент.

3. Все металлические предметы из пещер Западного Закавказья, без исключения, изготовлены из мышьяковистой меди (проколки, крючки, ножной клинок, наконечник стрелы), а в металлических предметах раннемайкопской культуры преобладают никелевые сплавы.

4. В майкопской культуре — курганный обряд захоронения, в Западной Грузии в это время — грунтовые погребения (Сагварджиле и Самерцхле-Клде) и т. д. [8, с. 30—32].

Что же касается самого Майкопа, мы вполне разделяем мнение М. В. Андреевой о переднеазиатском происхождении этой культуры [15, с. 54—56] и особенно Р. М. Мунчаева, считающего майкопскую культуру синтезом переднеазиатского культурного пласта и местных культурных традиций, развитие которой происходило в сложной взаимосвязи с куро-аракской, дольменной и древнеямной культурами [16]. Распространение этой культуры с Передней Азии, очевидно, происходило через Закавказье, на что указывают факты обнаружения майкопских краснолощеных сосудов в Южной Грузии: в г. Ахалкалаки (Джавахети) и на поселении Абастумани (Адигенский р-н) — вместе с материалами, характерными для пещерных стоянок Рион-Квирильского бассейна, и чернолощеными сосудами куро-аракской культуры [12, с. 33].

Начало эпохи ранней бронзы в Имерети определяется примерно концом IV — началом III тыс. до н. э.

Приблизительно в это же время куро-аракская культура начинает активно распространяться на территорию Рион-Квирильского бассейна, создавая типичные для нее поселения Дабла-Гоми и Аргвети.

Дабла-Гоми находится в р-не Самтредиа; поселение расположено на восточном склоне холма Нацихвары, на мысу. Слой ранней бронзы достигал 1,5 м толщины и не содержал архитектурных остатков. Каменный инвентарь весьма незначительный: кремневый листовидный наконечник стрелы и ножевидная пластина. По типологическим признакам керамики Б. А. Куфтиным на поселении было выделено три горизонта [17, с. 137—141]. Нижний слой лежал прямо на грунте. Преобладал керамический материал. Он ручной лепки, с примесью слюды, песка и толченой керамики, неравномерного обжига. Сосуды розовато-серые с черными пятнами или коричневолощеные и чернолощеные, на розовой подкладке. Выделяются миски, горшки, кувшины, кружки с цилиндрическим горлом, уступом у плечика, плоским дном, полусферическими ручками; они украшены рельефными подковообразными налепами, шишками и рельефными косыми линиями с ямками в комбинациях, на-

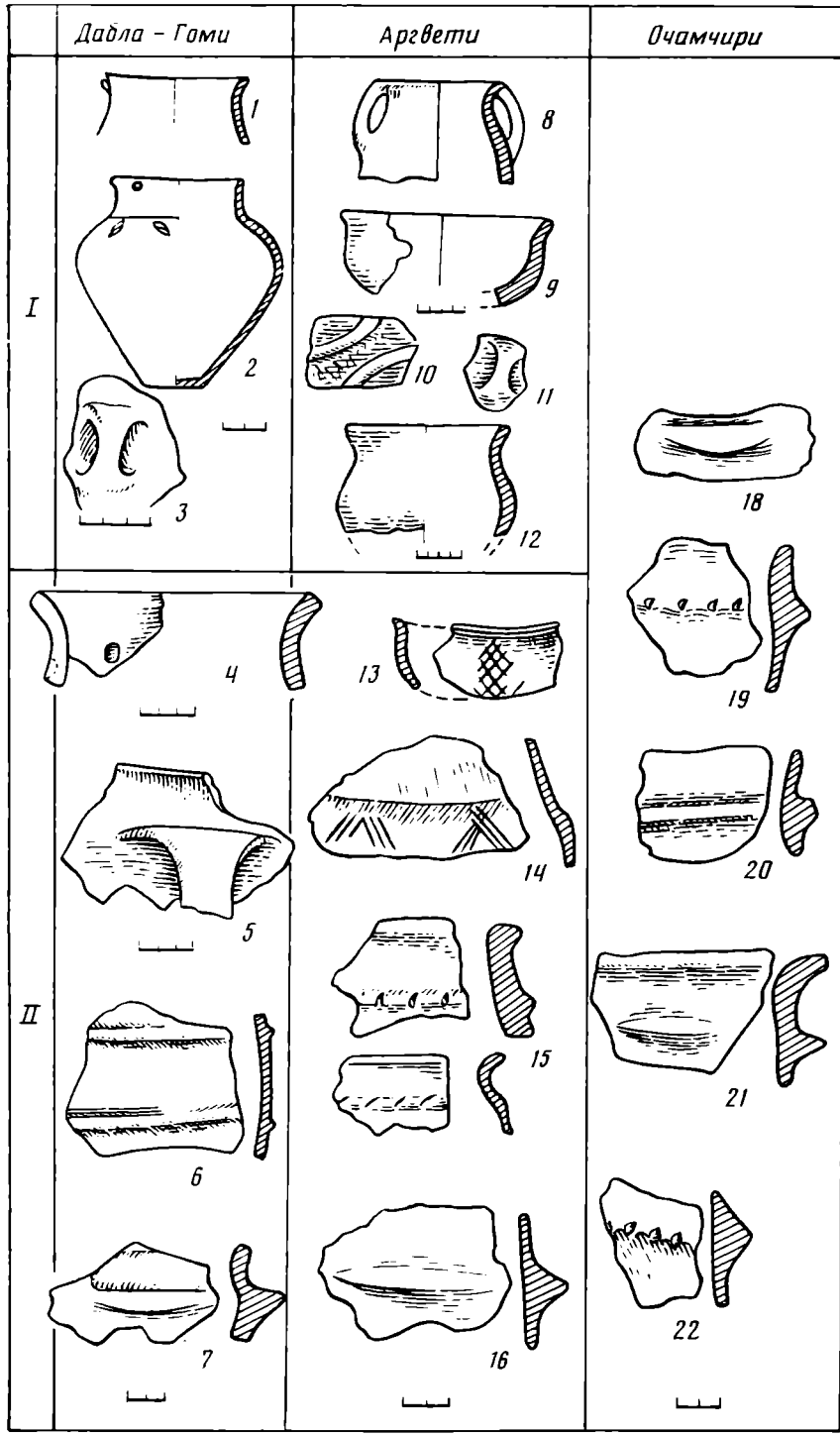


Рис. 4. Дабла-Гоми (*1—7*). *1—3* — керамика из нижних горизонтов; *4—7* — керамика из верхнего горизонта. Аргвети. *8—12* — керамика нижнего строительного горизонта; *13—16* — керамика из верхнего строительного горизонта; *18—22* — образцы орнаментации из Очамчирского поселения

ходящими аналогии в материалах Самшвилде, Кода, Озни и др. (рис. 4, *1—3*). Здесь же встречаются серовато-черные и бурые фрагменты баночных и прямостенных сосудов, схожих с материалами пещерных стоянок.

К среднему горизонту относятся большие чернолощеные пифосы с миниатюрными ручками, трубчатогорлые сосуды и дисковидные крышки, а в верхнем горизонте вместе с типичными куро-аракскими изделиями все чаще встречаются сосуды, характерные уже для древних поселений Колхидской низменности, в частности Очамчире. Это баночные, корчагообразные и прямостенные сосуды с массивным, округлым или уплощенным венчиком, лентообразными ручками, которые

посредством шипа вделываются в стенку сосуда. Украшения редки и представлены рельефным рантом вокруг корпуса с насечками или вдавлениями, овальными дольчатыми налепами (рис. 4, *6*, *7*). На дне некоторых — отпечатки рогожи и циновки, находящие аналогии как в Очамчире, так и в нижнем слое поселения Диха-Гудзуба [17, с. 244].

Такая же картина наблюдается на втором поселении — Аргвети. Оно расположено в Сачхерском р-не, на западной окраине с. Аргвети, у р. Лашура, на восточном склоне холма[4]. В результате шести полевых сезонов было раскопано поселение раннебронзовой эпохи с двумя строительными горизонтами общей мощностью 1,6—1,7 м.

Нижний строительный горизонт лежит прямо на древнем грунте (глубина 2,15 м) и представлен остатками каменных фундаментов разрушенных жилищ округлых очертаний. Найденная в слое в большом количестве глиняная обмазка с отпечатками прутьев указывает на существование здесь плетеных хижин, обмазанных глиной, построенных на каменной основе. Хорошо обожженный красный глинобитный пол помещений достигает в толщину 10—12 см. На полу зафиксированы ямы для подпорных столбов, а в нескольких случаях и обуглившиеся столбы. В помещениях расчищены глиняные очаги, иногда с выступами. На полу и около очагов обнаружены: керамика, долотцеобразные орудия, оселки, зернотерки, кремневый наконечник стрелы, копалки из оленьего рога и др.

Керамика нижнего горизонта почти полностью представлена изделиями куро-аракской культуры. Она чернолощеная, на розовой или коричневой подкладке. Среди множества фрагментов выделяются горшки, которые характеризуются отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом, уступом у плечика и полусферическими ручками, а также ручками, соединяющимися с венчиком. Встречаются фрагменты чернолощеных мисок средних размеров с отогнутым венчиком, короткой шейкой и уступом у плечика (рис. 4, *8—12*).

На этом же уровне находят керамику розовато-серого или черного обжига, грубого изготовления, с примесью песка, слюды, кварца, отличающуюся от вышеописанных изделий, фрагменты баночных и тазообразных сосудов с отпечаткой плетенки на дне, напоминающей материалы пещерных стоянок.

Верхний строительный горизонт начинается на глубине 0,6 м. Архитектура та же, что и в нижнем горизонте, только преобладают помещения прямоугольных очертаний. Здесь наряду с куро-аракскими чернолощеными и коричневатолощеными пифосами с геометрическим орнаментом, полусферическими ручками и мисками с уступом у плечика (рис. 4, *13*, *14*) возрастает количество керамики, характерной для древних поселений Колхидской низменности: миски с округлыми стенками, баночные формы, корчагообразные сосуды с рельефным нарезным валиком и овальными продолговатыми налепами, иногда дольчатыми, как в Дабла-Гоми, имеющие аналогии в материалах Очамчирского поселения (рис. 4, *15*, *16*, *18—22*).

Материалы Аргветского поселения по горизонтам дают нам ту же картину, что и Дабла-Гоми, но более документированную и, следовательно, более достоверную.

Нижний строительный горизонт по характеру и материалу всецело относится к куро-аракской культуре, но встречаются находки, указывающие на определенную связь с пещерными стоянками этого же региона. Следовательно, в это время, приблизительно в конце IV — начале III тыс. до н. э., на территории Рион-Квирильского бассейна существовали как открытые поселения куро-аракской культуры, так и пещерные стоянки. В дальнейшем население в этом регионе целиком переходит на открытые поселения. Одну из важных причин этой перемены,

---

[4] Начал раскопки Р. М. Абрамишвили в 1963—1964 гг. В 1981—1984 гг. работы возобновила археологическая экспедиция Центра археологических исследований под руководством Г. Г Пхакадзе.

думается, надо искать в сильном воздействии мощной, прогрессивной куро-аракской культуры на более отсталые традиции местного населения.

В верхнем строительном горизонте Аргвети, как и в Дабла-Гоми, постепенно усиливается влияние культуры ранней бронзы колхидских холмообразных поселений типа Очамчире, которое выражается в умножении характерной для нее керамики, ставшей равноправной составной частью материальной культуры наряду с Куро-Араксом [18, с. 9, 10].

Приблизительно синхронными по хронологии памятниками на территории Имерети являются Сачхерские курганы.

О. М. Джапаридзе их делит на три хронологические группы. К первой, ранней группе отнесены те могилы, которые расположены на дне курганов (Начеркезеви, кург. 2, 1955 г., Пасиети), где найдены плоские черенковые кинжальные клинки, вислообушные топоры и булавки с петлевидной головкой; к ним же отнесен плоский топор (находка 1929 г.) По аналогии с анатолийскими плоскими кинжальными клинками, которые Дж. Мелларт датирует XXV в. до н. э., первая группа Сачхерских курганов помещается в рамки XXIV—XXII вв. до н. э. (рис. 5, *1—5*).

В следующую группу объединяются погребения, содержавшие металлические предметы: трубчатообушные топоры, бесчеренковые кинжальные клинки и кинжалы с металлической рукояткой, штыкообразное орудие и копье из Царцис-Гора, также долото. По аналогиям с Гиссара III, Рас-Шамра и Библос (по Шефферу) они датируются 2200—2000 гг. до н. э.

Самый поздний, пасиетский (Корети) курган 1 с кинжальным клинком с развитым средним ребром, булавкой с «бараньей головкой» обозначает переход к средней бронзе и датируется в пределах 1900—1800 гг. до н. э. [19, с. 194, 195] (рис. 4, *7—10*).

В свое время Б. А. Куфтин относил к эпохе ранней бронзы сачхерские и триалетские курганы старшей группы [20, с. 75, 76]. Также в одну группу объединял их А. А. Иессен [21, с. 5]. Однако большинство исследователей считают, что сачхерские курганы старше триалетских. Было высказано мнение, что сачхерские курганы, исходя из однородности металлических предметов и сходства керамики, можно сопоставить со слоями Квацхела. Квацхела, слой *B* и *C*, уравнивался соответственно с поздними и ранними погребениями Сачхерских курганов [22, с. 58, 59].

Рассматривая вопросы генезиса и периодизации триалетской курганной культуры, Э. Гогадзе отмечал, что сачхерские погребения архаичнее соответствующих материалов из Триалети [23, с. 237—241].

А. И. Джавахишвили, разделяя триалетские ранние курганы на две разновременные группы, относит одну к поздней стадии куро-аракской культуры и синхронизирует ее с основными погребениями сачхерских курганов, вторую же группу — к ранней стадии средней бронзы и синхронизирует ее с материалами поздних сачхерских погребений. При учете новых данных, полученных при раскопках некоторых поселений, он уточняет эту периодизацию и приходит к заключению, что верхний хронологический рубеж сачхерских погребений не должен переходить за пределы XXIV в. до н. э., по аналогичным материалам слоя *B* поселений Квацхела, Хизанаат-Гора. Ранние же погребения Сачхерского могильника соответствуют развитой стадии куро-аракской культуры и, следовательно, слою *C* Квацхела-Хизанаант-Гора, датируемого первой половиной III тыс. до н. э. [24, с. 265, 266]. Такой датировке сачхерских комплексов не противоречит и дата отдельных предметов, на которых фактически опирается и датировка сачхерских погребений в целом. Это в первую очередь штыковидное орудие и листовидное копье из Царцис-Гора, точные обстоятельства находки которых не совсем ясны.

Возраст четырехгранного штыковидного орудия был определен Б. А. Куфтиным XXIV—XXII вв. до н. э. на основании параллельных материалов из Асура и Элама с именами Пузур Шушинака и Маништу-

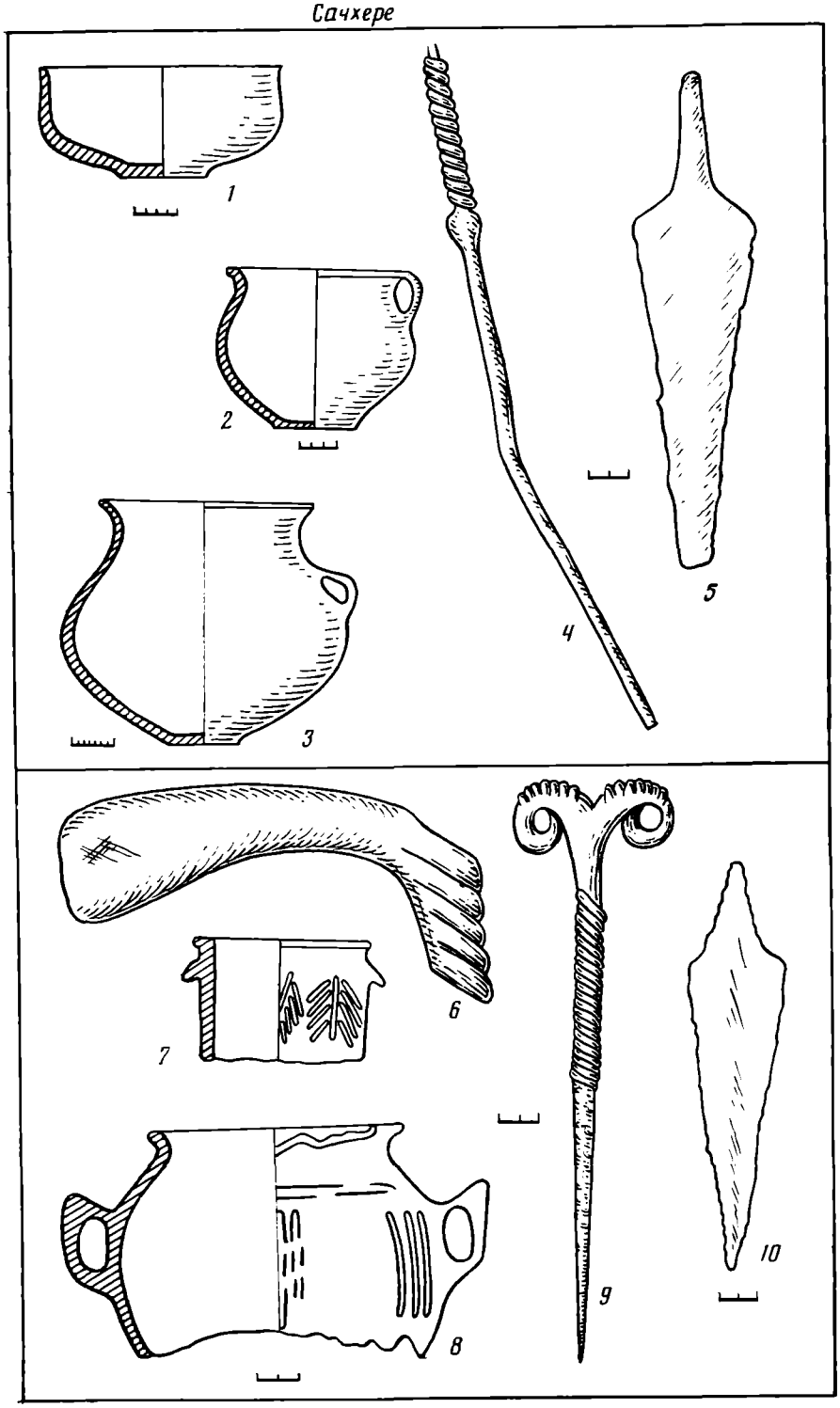


Рис. 5. Сачхерские курганные погребения. *1—5* — один из ранних комплексов из Царцис-Гора: *6—10* — самый поздний комплекс из Корети, Паснети (по О. М. Джапаридзе)

су. Этими же веками им было датировано и листовидное копье [25, с. 74].

Аналогичные орудия были известны еще в раннединастической Месопотамии в первой половине III тыс. до н. э. и даже раньше. Вместе с тем надо принять во внимание и тот факт, что четырехгранные наконечники стрел были обнаружены в памятниках самого Закавказья и Грузии, в частности во втором горизонте Самеле-Клде, верхнем (I) горизонте Сагварджиле, Озни, на могильнике Твлениас-Цкаро и Нахичеванском Кюль-Тепе I. Этого же типа бипирамидальный костяной наконечник найден на поселении Квацхела в слое C_1. Следовательно, не исключена возможность местного происхождения данного типа ору-

дия, дальнейшее развитие которого могло дать штыкообразное копье Царцис-Гора.

Что касается листовидного наконечника копья из Царцис-Гора, то он в точности повторяет шумерские формы с восьмиугольным сечением основания лезвия, переходящего в четырехугольный черенок (царские погребения Ура). Детально рассмотрев наконечник копья из Царцис-Гора вместе с плоским проушным топором и привлекая многочисленные материалы Передней Азии, Э. Гогадзе отметил, что вышеуказанные орудия, по всей вероятности, тяготеют в большей мере к первой половине и середине III тыс. до н. э., чем к его концу [23, с. 35].

В результате последних открытий в Арслан-Тепе (Анатолия) в слоях второй половины IV тыс. до н. э. было обнаружено 12 наконечников копий аналогичной формы с листовидным лезвием, цилиндрическим ребром и прямым шипом разных сечений [26, с. 112].

Что касается основного типа кинжальных клинков сачхерских погребений, то они находят ближайшие аналогии в материалах Амиранис-Гора с куро-аракской керамикой и в слое *Д* Хизанаат-Гора. Проявляется определенное сходство с анатолийскими кинжалами типа 2 С, по классификации Д. Стронаха, но эти последние технологически более совершенны и, следовательно, выглядят более поздними. Сачхерские кинжалы более архаичны, чем кинжалы ранних триалетских курганов. Кинжал с металлической рукояткой из Сачхере очень схож по типу с рельефным изображением кинжала на сосуде поселения Квацхеле слоя *С*. Т-образные булавки, булавки с петельчатой головкой, подвески, браслеты, полураспиральные завитки находят соответственные параллели в слое *В* Квацхела.

Из всего вышесказанного следует, что материалы сачхерских погребений (металлические предметы и керамика) выявляют сходство с памятниками развитого и финального этапа куро-аракской культуры: Квацхела-Хизанаант-Гора (слои *С* и *В*), Амиранис-Гора (период III). Даже самый поздний комплекс из кург. 1 Пасиети с сосудом беденского облика немногим выходит за пределы ранней бронзы, верхним хронологическим рубежом которой на Южном Кавказе принято считать XXIV в. до н. э. [27, с. 37].

Наблюдается определенное сходство в металлическом инвентаре сачхерских погребений с материалами средней группы дольменов Абхазии и памятниками новосвободненского этапа.

Из всего сказанного приходим к следующим выводам.

1. Нижние горизонты пещер Самеле-Клде и Сагварджиле — самые ранние во всей свите пещерных стоянок с явными следами неолитических традиций. Они относятся к энеолитической культуре, распространенной в это время на всей территории Кавказа и охватывающей приблизительно период с конца VI тыс. до середины IV тыс. до н. э.

2. Верхние горизонты Самеле-Клде, Сагварджиле и Даркveти и пещеры Самерцхле-Клде, Моцамета, Бринджао и Бизона представляют начало эпохи ранней бронзы и определяются концом IV — началом III тыс. до н. э. Приблизительно к этому времени усиливается взаимосвязь с соседними культурами — куро-аракской и майкопской.

3. Контакты с майкопской культурой прослеживаются в некоторых формах керамики, каменных браслетов, орнаментированных пряслицах, малых фигурках, пещерном типе поселений, одинаковом наборе каменных и костяных орудий.

4. Приблизительно к концу IV — началу III тыс. до н. э. куро-аракская культура активно распространяется на территорию Рион-Квирильского бассейна (Имерети) и формирует типичные куро-аракские поселения на склонах холмов Дабла-Гоми и Аргвети, которые в определенный отрезок времени сосуществуют с пещерными стоянками этого же региона. К куро-аракской культуре относятся и сачхерские курганные захоронения. В верхних горизонтах Дабла-Гоми и Аргвети начинает усиливаться влияние раннебронзовой культуры колхидских холмообразных поселений типа Очамчире.

5. Сочетание местных культурных традиций с куро-аракской культурой, наличие признаков раннебронзовой культуры Колхидской низменности и элементов майкопской культуры, вместе взятых, придают несколько симбиозный характер раннеметаллической культуре Рион-Квирильского бассейна в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джавахишвили Г. А.* К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Тбилиси, 1971.
2. *Киладзе (Бердзенишвили) Н. З.* Многослойный археологический памятник «Сагварджиле»//Вестн. АН ГССР. 1952. Т. IV, № 9.
3. *Бердзенишвили Н. З., Пхакадзе Г. Г.* Пещера Сагварджиле. Тбилиси, 1976.
4. *Тушабрамишвили Д., Небиеридзе Л.* К датировке некоторых неолитических памятников Грузии//Мацне. 1971. № 4.
5. *Небиеридзе Л. Д.* Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978.
6. *Менабде М. В., Кигурадзе Т. В.* Археологические памятники Сиони. Тбилиси, 1981.
7. *Варазишвили В. В.* Поселение эпохи энеолита Дамцвари-Гора//Тр. КАЭ. 1984. VI.
8. *Чиковани Т. Ч.* Итоги раскопок Хинвальского поселения. Тбилиси, 1984.
9. *Гогелия Д. Д.* Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции за 1984 г.//Полевые археологические исследования. Тбилиси. 1985.
10. *Каландадзе К. и др.* Итоги работ Цхалтубской археологической экспедиции//Полевые археологические исследования. Тбилиси, 1974—1981.
11. *Ниорадзе М. Г.* Пещера Самерцхле-Клде. Тбилиси, 1975.
12. *Пхакадзе Г. Г.* К вопросу о взаимосвязи западногрузинской раннебронзовой и майкопской культур//Вопросы археологии Грузии. 1985. Т. III.
13. *Глонти Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г. Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д.* Некоторые итоги работ 1964 г. Урбнисской и Квирильской археологической экспедиции//Вестн. Гос. музея Грузии. 1968. XXV
14. *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
15. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1.
16. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
17. *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси, 1950.
18. *Пхакадзе Г. Г.* О некоторых встречах куро-аракской и западно-грузинской раннебронзовой культур на территории Западной Грузии//Вопросы археологии Грузии. 1978. Т. 1.
19. *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961.
20. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
21. *Иессен А. А.* Кавказ и Древний Восток в IV—III тысячелетиях до н. э.//КСИА. 1963. Вып. 93.
22. *Глонти Л. И., Джавахишвили А. И.* Урбниси I. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961.
23. *Гогадзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972.
24. *Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура Южного Кавказа V—III тысячелетий до н. э. Тбилиси, 1973.
25. *Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
26. *Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
27. *Джапаридзе О. М.* Из истории археологического изучения Грузии//Вестн. Гос. музея Грузии. 1982. XXXIV.

G. G. Pkhakadze

THE SITES OF THE RIONI-KVIRILA BASIN
(The fourth-middle of the third millennia B. C.)

Summary

The author discusses the cave sites with the Early Metal Age levels. The lower horizons belong to the Eneolithic culture which, in the Caucasus, embraced the period between the early fifth to the middle of the 4th millennia B. C. The upper horizons of the cave sites are dated to the beginning of the Early Bronze Age between the late fourth and the early third millennium B. C. Dabla-Gomi and Argveti, two Kura-Araks settlements, appeared in the Rioni-Kvirila basin approximately at the same time. Their upper layers exhibit close ties with the Early Bronze culture of the Colchis (see Table). The entire culture of the region which married the local traditions and the Kura-Araks culture, was of a symbiotic nature. It also embraced the elements of the Early Bronze Age of the Colchis and the Maikop culture.

В. И. БАЛАБИНА

ЗООМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ДРУЦЫ I

Поселение Друцы I, расположенное в Рышканском р-не МССР, относится к первой половине развитого триполья (кукутень A_3). Памятник исследовался в течение нескольких сезонов. Вскрыто три глинобитных жилища[1].

Из Друц I происходит довольно крупная коллекция зооморфной пластики, включающая 52 предмета. В ней 18 целых фигурок и 34 фрагмента, из которых 20 — отдельные рога. Посуды с зооморфными деталями нет. 11 фигурок и голов изображают рогатых животных (рис. 1, *1—4*; 2, *1*, *3*, *5*; 3, *1—3*, *8*). Другая группа фигурок (7 экз.) — без рогов, но у них показаны уши (рис. 4, *1—7*). Еще шесть мелких фигурок непонятны. У них ни рогов, ни ушей не сохранилось (рис. 5, *20—25*). Два фрагмента стоят особняком: голова «птицы» и голова длинношеего животного со слабо намеченными ушами или рогами (олень?) (рис. 3, *4*, *5*).

Распознавание образов по трипольским зооморфным глиняным изображениям иногда затруднительно даже для зоологов. Из-за условности моделировки, продиктованной материалом и каноном, и сохранности предметов (утрата деталей, окатанность) могут стать непонятными даже статуэтки конкретных животных. Кроме того, в пластике возможны и образы, не имеющие прямого соответствия в фауне или сочетающие черты разных животных. Ведь именно такие звери, похожие на персонажей из бестиариев, часто присутствуют в трипольских росписях на посуде. Достаточно упомянуть известные изображения из Петрен и Крутобородинцев I, где есть и «копытные» с признаками хищников (сочетание рогов и когтистых лап), и фантастические детали фигур (хвосты-колоски, хвосты-спирали). Поэтому, если фугурка признается изображением определенного животного, необходима аргументация, построенная на как можно большем сочетании видовых и стилистических признаков. Следует отметить, что определенную трудность при установлении видовой принадлежности рогатых фигурок создает большое сходство сложения крупного рогатого скота и высокошерстной овцы [4, с. 277]. Многие статуэтки с отбитыми рогами при отсутствии каких-либо специфических черт равновероятно могут быть изображениями баранов и крупного рогатого скота.

Первичное разделение рогатых фигурок из данной коллекции целесообразно по моделировке головы. Морда фигурок бывает коническая (реалистически трактованная) или в виде защипа. Есть фигурки вовсе без морды. Рога встречены: «прилепные»—прилепленные по отдельности справа и слева; «накладные» — сделанные из жгута с загнутыми концами, укрепленного надо лбом; «вытянутые» — лепленные вытягиванием. По моделировке головы и способу крепления рогов выделяется три варианта рогатых фигурок: 1) с конической, реалистически трактованной мордой и «прилепными» рогами (7 экз.); 2) с мордой-защипом (3 экз.), рога могут быть «прилепные» (1 экз.), «накладные» (1 экз.), «вытянутые» (1 экз.); 3) без морды, с «вытянутыми» рогами (1 экз.).

---

[1] В 1982 г. раскопки производились совместно Н. В. Рындиной и В. И. Маркевичем, в 1983 и 1984 гг.— Н. В. Рындиной [1, с. 415; 2, с. 459; 3, с. 385]. Материал публикуется с любезного разрешения Н. В. Рындиной.

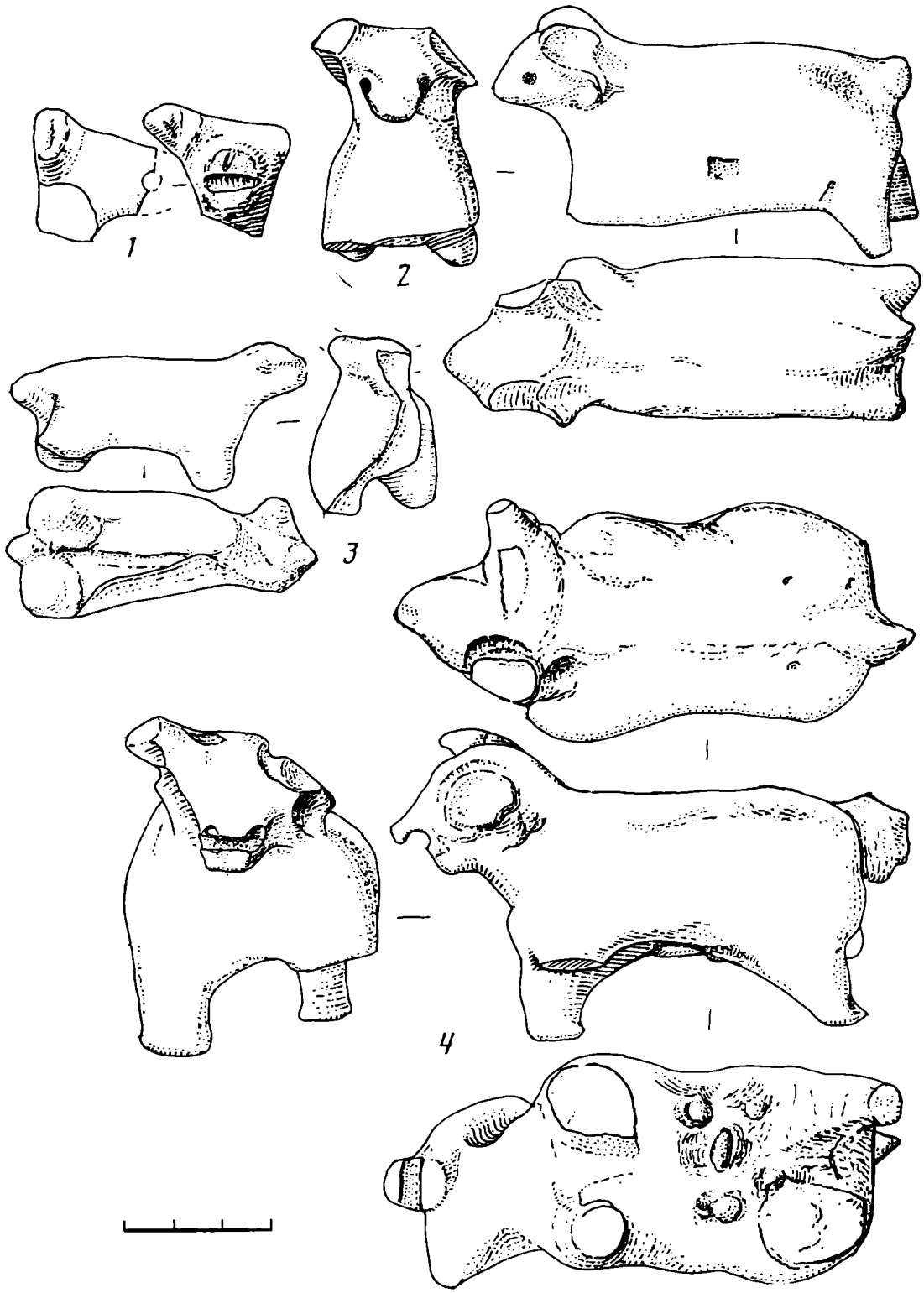


Рис. 1. Зооморфные фигурки с «прилепными» рогами

Немногочисленные безрогие фигурки индивидуальны.

Статуэтки разного размера. Чтобы выяснить, имеется ли зависимость между разновидностями фигурок и их размерами, у всех целых экземпляров были промерены длина туловища от груди до хвоста и четыре основных поперечных параметра: ширина в плечах, ширина спины, ширина задней части, толщина от середины спины до середины брюха. Соотношения между всеми поперечными параметрами и длиной туловища оказались очень близкими, что позволило ограничиться любым из них. Для удобства сопоставления с опубликованными материалами была выбрана толщина фигурок. В данной коллекции соотношение длины и толщины фигурок определило несколько размерных групп, примерно соот-

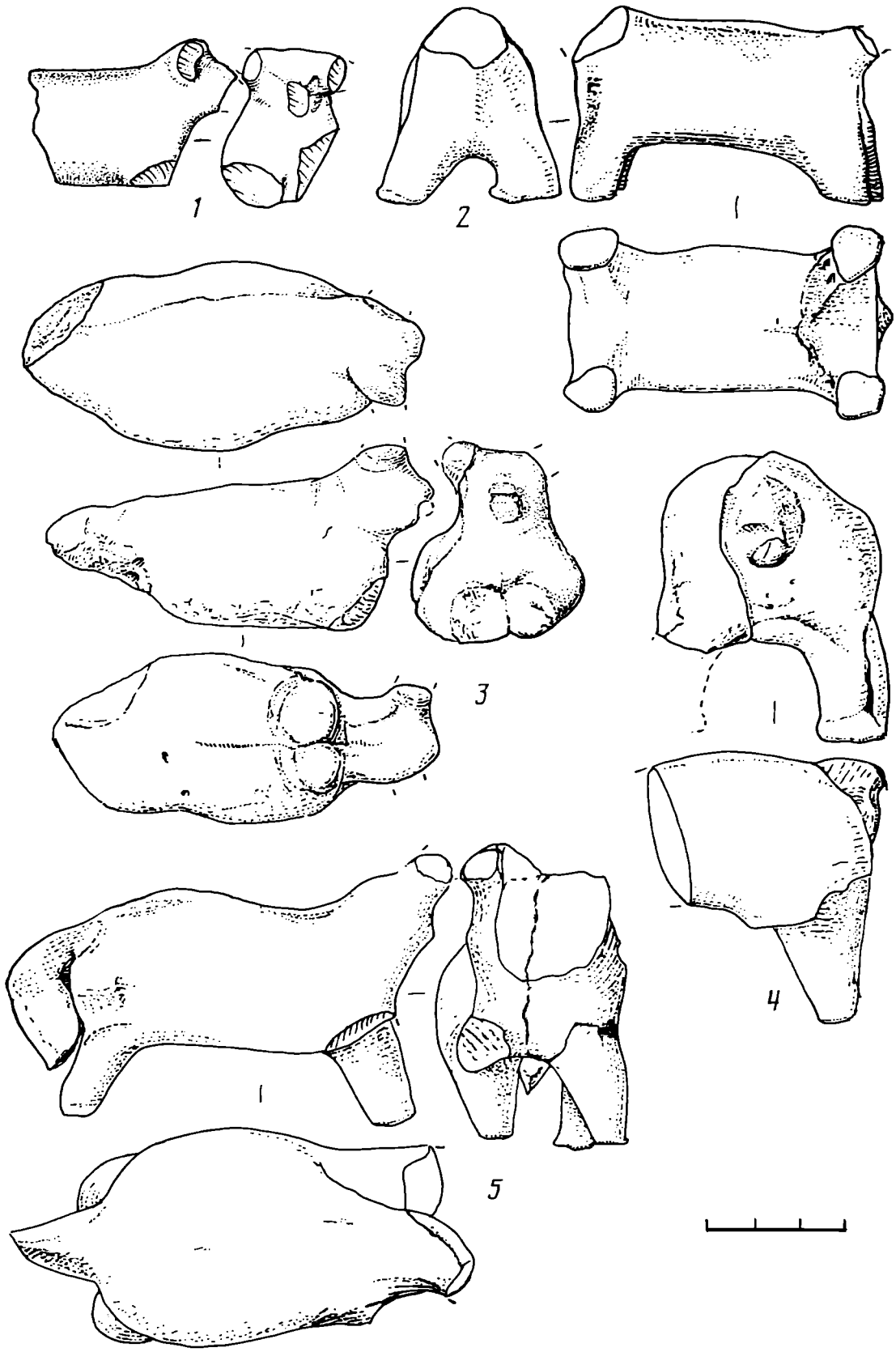


Рис. 2. Зооморфные фигурки с «прилепными» рогами (*1, 3, 5*), фрагменты крупных зооморфных статуэток (*2, 4*)

ветствующих разновидностям изображений. Самые крупные — фигурки с конической мордой и «прилепными» рогами. Их длина 66—75 мм при толщине 29—34 мм. Из группы выпадает 1 экз., его длина 44, толщина 19 мм. Рогатые фигурки с мордой-защипом и безрогие статуэтки имеют близкие размеры. Длина рогатых фигурок с мордой-защипом колебалась от 44 до 57 мм при толщине от 12 до 20 мм. Длина безрогих статуэток

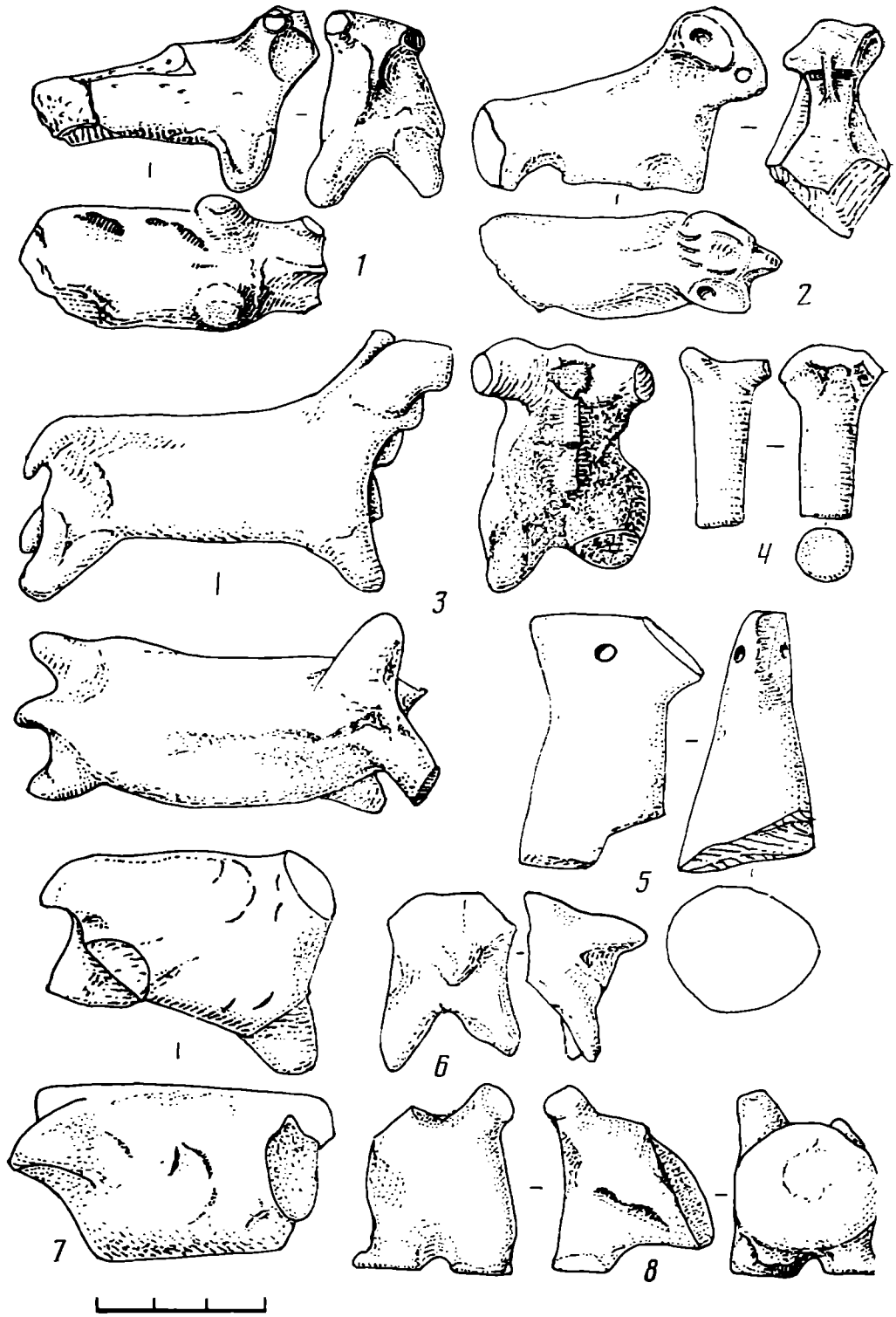


Рис. 3. Зооморфные рогатые фигурки с мордой-защипом (*1—3*), фрагменты небольших зооморфных статуэток (*4—7*), зооморфная рогатая фигурка «без морды» (*8*)

44—51 мм при толщине 17—22 мм. Фигурки неопределенного вида без рогов и ушей самые мелкие. Их длина 25—35, толщина 9—16 мм.

В морфологическом описании зооморфной пластики зоологический принцип разбора по статям должен сочетаться с фиксацией моделировки каждой из них. Упорядоченное описание в ряде случаев позволяет обосновать видовую принадлежность фигурок, а также помогает выявить стилистически близкие группы пластики. Поскольку в Друцах I преобладают рогатые фигурки, изображающие скорее всего крупный или мелкий рогатый скот, в описании статей были использованы пропорциональные соотношения, определяющие для этих домашних животных понятия: узкий, широкий, нормальный, длинный, короткий. Описание ста-

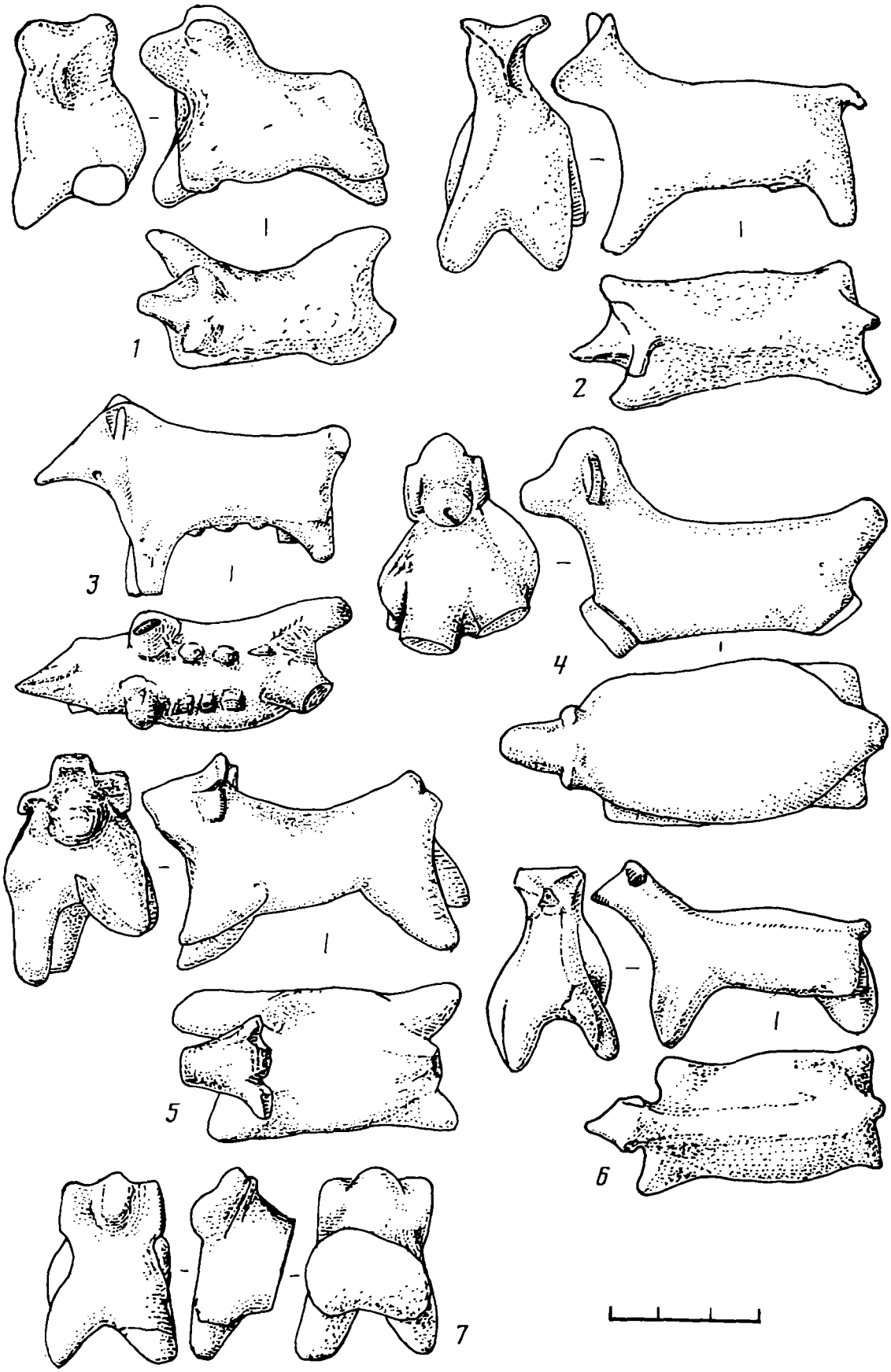


Рис. 4. Зооморфные безрогие статуэтки

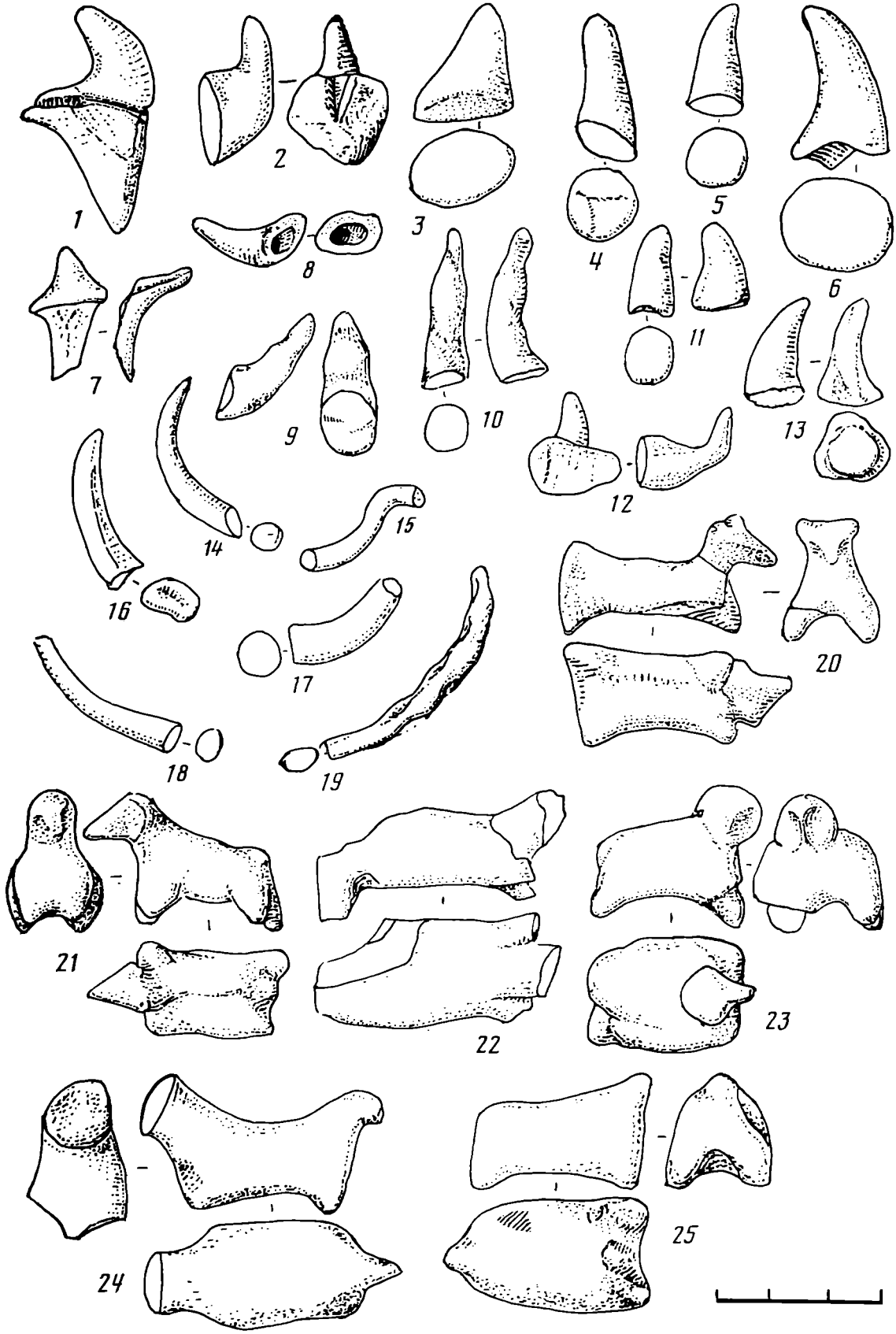


Рис. 5. Рога от зооморфных фигурок (*1—19*), мелкие зооморфные статуэтки (*20—25*).

тей тела и характерные пропорции взяты у Е. Ф. Лискун [4, с. 30, 178—183].

Принятая последовательность описания фигурок такова: 1. Поза. 2. Голова (относительные размеры головы, длина и ширина морды, моделировка деталей). 3. Рога (форма междурожья, относительная длина рогов, их форма, сечение, постановка). 4. Шея (относительная длина, постановка, моделировка). 5. Подгрудок (моделировка). 6. Грудь (относительная ширина). 7. Холка (относительная высота, ширина, наличие впадины за холкой). 8. Спина (форма спины, линия позвоночника). 9. Бока (моделировка). 10. Крестец (форма крестца, моделировка моклоков). 11. Зад (форма, относительная ширина). 12. Хвост (пристановка, форма, относительная длина, положение). 13. Брюхо (форма брюха, знаки пола). 14. Ноги (моделировка). 15. Функциональные детали статуэток (сквозные отверстия, петли). 16. Отверстия нефункциональные. 17 Обработка поверхности (ангоб, окраска, лощение). 18. Орнаментация (роспись, наколы, прочерченный орнамент, инкрустация). 19. Принцип лепки фигурок (формовка, способ крепления деталей). 20. Характеристики формовочной массы и обжига. 21. Варианты деформации фигурок.

1. Рогатые фигурки. По приведенной схеме описано 11 целых и фрагментированных фигурок. Все целые экземпляры изображают стоящих животных. Голова у фигурок высоко поднята. Такая ее постановка свойственна козам и овцам. Для крупного же рогатого скота нормально более низкое положение головы, когда линия шеи находится почти на уровне холки.

а. Фигурки с конической мордой и «прилепными» рогами (рис. 1, *1—4*; 2, *1*, *3*, *5*) почти все имеют головы нормального размера (около 30% длины туловища) и широкую морду (более 50% длины головы). У четырех статуэток в нижней части морды есть сквозное горизонтальное отверстие. У трех носы оббиты. Края отверстия на морде могут изображать ноздри, в одном случае — одновременно ноздри и глаза, но не исключено, что это ноздри, проткнутые под кольцо (рис. 6, *5*). И теперь вставляют крупному рогатому скоту кольца в нос для усмирения. Есть примеры использования в древности таких колец как деталей упряжи[2]. Рот, глаза, уши у фигурок не показаны. Рога почти у всех обломаны или отвалились по границе прилепа. Поэтому судить о их форме, длине и постановке трудно. Сечение рогов в обломах круглое. Междурожья прямые или выпуклые. Шея у фигурок относительно короткая (меньше 25% длины туловища). Ширина в плечах несколько больше ширины крестца или равна ей. Подгрудок ни у одной статуэтки не изображен. Холка низкая, спина прямая. Позвоночник моделировался легкими защипами, так что его линия получалась либо узкая выпуклая округлая, либо широкая слабовыпуклая. Бока у сохранившихся экземпляров моделированы поразному. Они могут быть округлыми, втянутыми, уплощенными под небольшим углом. Крестец у всех экземпляров прямой, с подчеркнутыми моклоками (выступающими гребнями подвздошных костей). Моклоки обозначены вмятинами или уплощенностями по сторонам крестца, благодаря чему перед вмятиной или уплощенностью образуется выступ. Зад у всех фигурок несколько свислый, что сейчас у крупного рогатого скота выбраковывается. Пристановка хвоста низкая (ниже линии крестца), в одном случае нормальная. У трех фигурок короткие хвосты моделированы защипом. У 1 экз. вылеплен длинный опущенный хвост наподобие лошадиного. Он уплощен с боков и несколько заострен по наружнему краю, вдоль которого видны короткие поперечные насечки. Почти у всех фигурок брюхо плоское, без знаков пола. В одном случае у статуэтки с подтянутым брюхом в области паха ногтевыми защипами изображены одновременно пенис и вымя (рис. 1, *4*). Подобная деталь встречена в

На металлической модели четырехколесной повозки, запряженной парой быков под ярмом, из Мараша (Восточная Анатолия, эпоха бронзы) оба животных имеют в носу кольца с прикрепленным поводом. Каждый повод подвижно зафиксирован на ярме, пропущен сквозь специальную щель в передке повозки и закреплен на нем сбоку с соответствующей стороны [5, табл. XX, *2*].

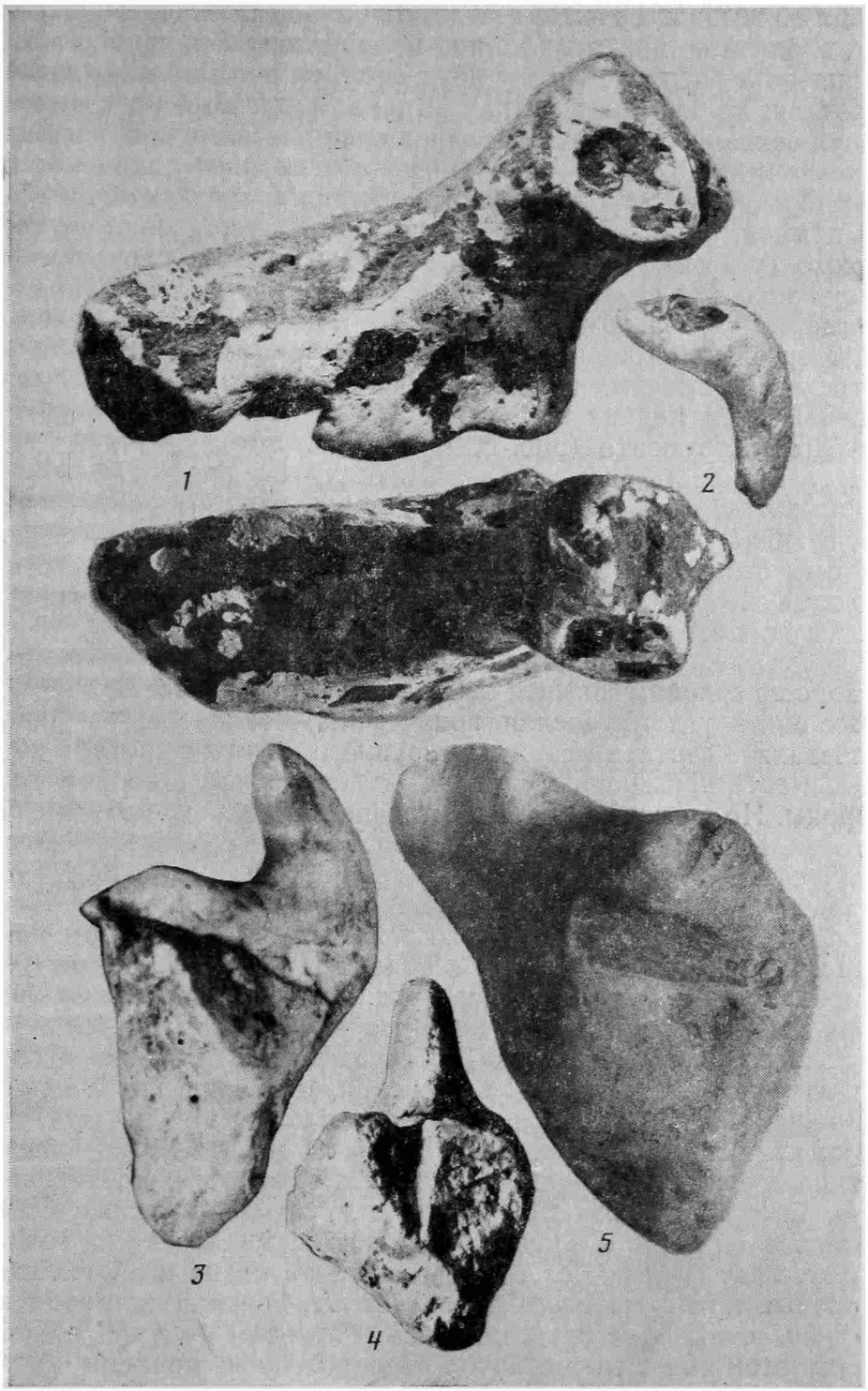


Рис. 6. Детали фигурок

трипольской зооморфной пластике не впервые. Можно указать на рогатую фигурку из гораздо более позднего Поливанова Яра I [6, рис. 2, *10*]. Ноги фигурок вылеплены в виде сужающихся столбиков и почти у всех экземпляров разъехались в продольном направлении. Основания их плоские, с заминами по краям. Дополнительная орнаментация есть только на «двуполой» фигурке, у которой на крестце сделаны четыре симметрично расположенных накола (рис. 1, *4*).

б. Одна рогатая фигурка с мордой-защипом сохранилась полностью, две другие фрагментированы (рис. 3, *1—3*). Глаза, рот, уши у фигурок не показаны. У одной из них, с «прилепными» рогами, на морде сквозное горизонтальное отверстие. Междурожье у двух статуэток прямое, у одной, с сохранившимися рогами, выпуклое. Рога ее повернуты вперед,

на концах обломаны. Сечение в обломах уплощенное. Подгрудка у фигурок нет. У одной из них, правда, под мордой короткий защип, возможно, изображающий бородку. Шея у двух фигурок нормальной длины, у одной короткая. Холка у всех низкая. Ширина в плечах и крестце одинакова. У двух сохранившихся экземпляров спина прямая, бока уплощенные, линия позвоночника выпуклая. У фигурки наилучшей сохранности крестец прямой, моклоки переданы двумя вмятинами по обе стороны от хвоста. Зад прямой. Хвост короткий крючковатый, пристановка его нормальная. Брюхо (у 2 экз.) плоское, без знаков пола. Ноги короткие, имеют форму сужающихся столбиков. На всех трех фигурках сохранились следы орнаментации. На лбу одной фигурки виден отчетливый след от выпавшей треугольной вставки (рис. 3, *3*; 7, *1*). У второй фигурки на брюхе отпечатки продолговатых предметов с закругленными концами, напоминающих косточки мелких животных. Это либо выпавшая инкрустация, либо следы инструмента (рис. 3, *1*; 7, *3*). У третьей фигурки на межрожье и затылке есть ряды ногтевых вдавлений (рис. 3, *2*; 6, *1*).

в. Фигурка без морды, с «вытянутыми» рогами фрагментирована (рис. 3, *8*). Она очень схематична. Туловище цилиндрическое, шеи нет. Рога и ноги вылеплены вытягиванием. Межрожье вогнутое. Рога вильчатой формы. Короткие передние ноги сделаны в виде столбиков. Основания их плоские, с заминами по краям.

Из 20 экз. отдельных рогов 12 представляют собой короткие загнутые, с хорошо сохранившимися местами прилепов (рис. 5, *1—9*, *11—13*; 6, *3*). Все они круглого сечения, конически сужающиеся. Формально сечение позволяет считать их рогами крупного рогатого скота, в то время как овечьи рога трехгранны, а козьи — уплощенные, с ребром с наружней стороны. Но в пластике редко встречается столь грамотное соблюдение деталей. Известны трипольские изображения муфлонов и козлов с рогами круглого сечения [7, табл. 115, *а*; 8, рис. 136; 9, табл. XVI, *5*]. Вероятно, важнее была форма рогов. У описываемых образцов она более всего похожа на форму рогов крупного рогатого скота. Размеры прилепов рогов варьировали от 9 до 23 мм в поперечнике, что соответствует размерам площадочек на головах фигурок. Прилепы бывают уплощенные (тогда на головах фигурок снаружи у основания рога остается скреплявший детали защип — рис. 7, *2*, *4*) и со следами специальных скреп из другого материала. В Друцах I встречено два варианта таких скреп. От первого из них на прилепе сохраняются треугольные вдавления, направленные от края к центру (рис. 5, *2*; 6, *4*). Видимо, это следы поперечных скреп типа шпилек или клиньев. Присутствуют рога, крепившиеся на штифтах. Следы штифтов в виде глубоких цилиндрических вдавлений есть на одном из рогов и в центре прилепной площадочки на голове фигурки (рис. 3, *2*; 5, *8*; 6, *1*, *2*). Крепление деталей на штифтах известно для триполья. Оно отмечалось для ручек сосудов в Луке-Врублевецкой [7, табл. 50, *г*, *д*]. Рога приставлялись к головам фигурок по-разному. Часть статуэток имеет симметрично расположенные прилепы, но у некоторых фигурок один рог был прижат сверху, а другой снизу (рис. 1, *2*; 3, *2*).

Накладных рогов в коллекции шесть (рис. 5, *14—19*). Все они обломаны у основания. Такие рога имеют равную толщину почти по всей длине, сужаются только у кончиков. Сечение их варьирует от 3,5 до 7 мм, длина может быть значительной, до 45 мм. Форма рогов разнообразна: есть серповидный, перекрученные, один слабоизогнутый рог оформлен защипами. Некоторые рога могли лепиться вытягиванием.

Стилистика трех описанных вариантов рогатых фигурок различается. Крупные фигурки с конической мордой и «прилепными» рогами моделированы подробно и достаточно реалистично, с минимумом условных и почти полным отсутствием фантастических черт. В сложении их есть признаки, характерные и для крупного, и для мелкого рогатого скота. Однако форма всех имеющихся в коллекции «прилепных» рогов, а также горизонтальные отверстия в носу большинства фигурок с такими рогами позволяют с наибольшей вероятностью считать их изображениями круп-

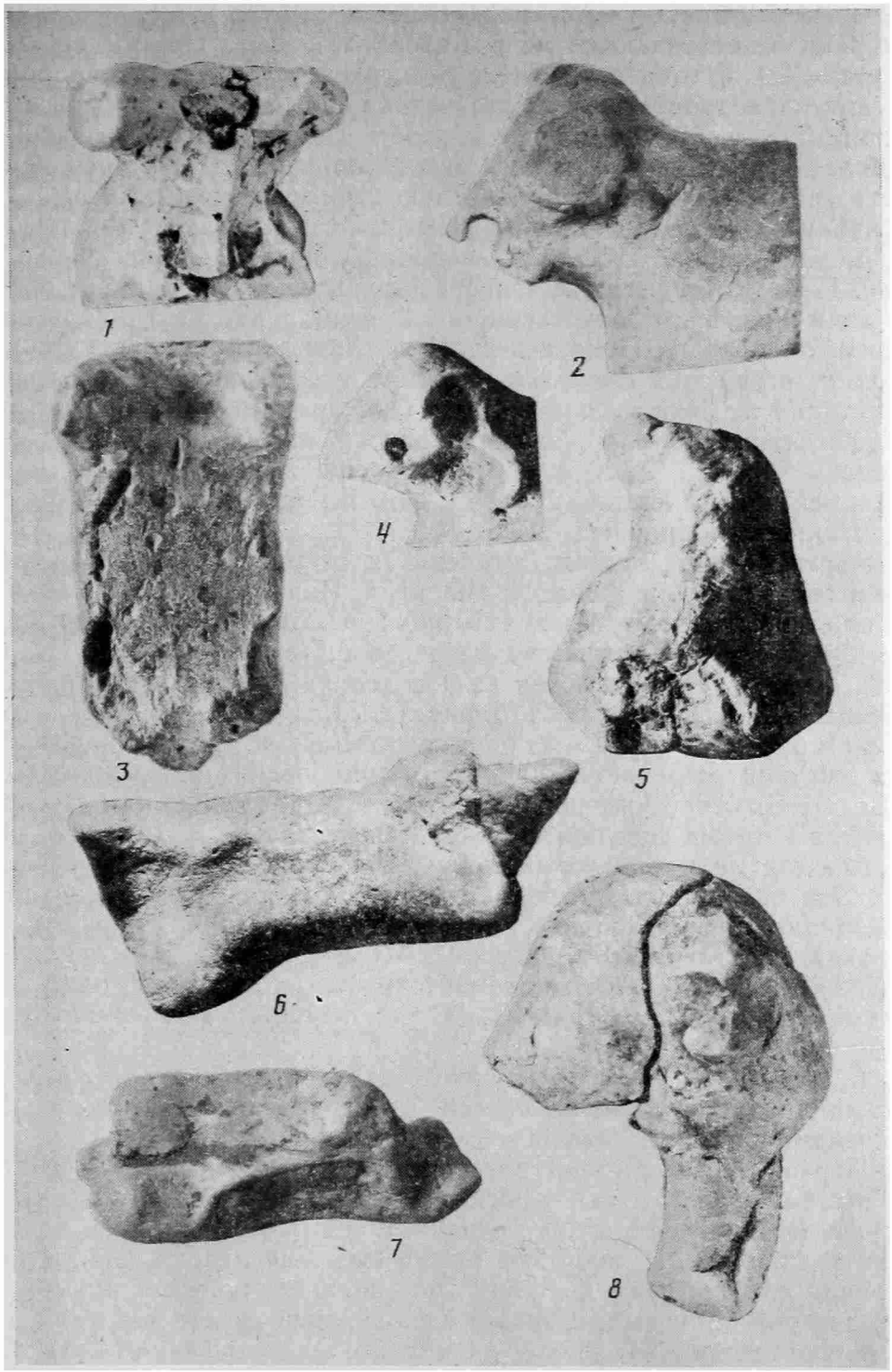


Рис. 7 Особенности моделировки зооморфных статуэток

ного рогатого скота. Последний признак, возможно, указывает и на особую функцию статуэток. Рогатые фигурки с горизонтально проткнутыми носами встречаются на трипольских памятниках начиная с раннего периода. Единичные экземпляры есть в Луке-Врублевецкой, Поливановом Яру III, Шипенцах, Кошиловцах [6, рис. 2, *3*; 7, табл. 115, *а*, *б*; 10, ф. 92, 93; 11, табл. XVI, *193*, табл. XIX, *242*). Поскольку в Друцах I такие фигурки серийны, их можно рассматривать как неслучайную (функционально обособленную?) группу. Иногда у статуэток с горизонтально проткнутыми носами бывают на шее парные петли, что подтверждает их специальное назначение [11, табл. XVI, *193*; 12, рис. 170, *3*].

Рогатые фигурки с мордой-защипом моделированы условнее, чем крупные статуэтки с конической мордой и «прилепными» рогами. Установление их видовой принадлежности еще более затруднительно. У фигу-

рок с мордой-защипом четко определяется нижняя хронологическая граница. Они не встречаются на памятниках, более ранних, чем Друцы I (кукутень A_4). К тому же времени относится появление в западном ареале культуры антропоморфных статуэток с дисковидной головой и лицом-защипом [13, с. 58, 59]. Таким образом, единый стилистический прием возникает почти одновременно в антропоморфной и зооморфной пластике, что указывает на их определенную взаимосвязь и, возможно, на общие изменения в семантике этих видов пластики. Позднее рогатые фигурки с мордой-защипом широко распространятся в Поднестровье и Побужье. Инкрустация на лбу фигурки из Друц I заслуживает специального внимания, поскольку такие знаки очень редки на трипольских зооморфных статуэтках. Пока известна еще лишь одна стилистически близкая рогатая фигурка с мордой-защипом, у которой на лбу сохранилась инкрустация из двух кусочков меди. Она происходит со среднетрипольского поселения Болбочи, расположенного, как и Друцы I, в Северной Молдавии [14, рис. 55; 15, с. 158]. Отдаленно трипольские фигурки с инкрустацией на лбу ассоциируются с образцами ближневосточной металлопластики эпохи бронзы.

Единственная в Друцах I маленькая схематичная рогатая фигурка без морды имеет широкий круг аналогий. Подобные изображения отмечали на кришских памятниках [16, рис. 8, *6*]. Большая серия рогатых фигурок без морды представлена в пластике Поливанова Яра III, где их 22 экз. [6, с. 9]. Известны они на поселениях конца развитого — первой половины позднего триполья [15, рис. 12, *3*].

Таким образом, каждый из присутствующих в Друцах I вариантов рогатых фигурок встречается на других трипольских поселениях и имеет особые хронологические позиции. Вместе с тем сочетание нескольких вариантов рогатых фигурок фиксируется не только в Друцах I, оно характерно для многих крупных трипольских коллекций зооморфной пластики. Эти наблюдения позволяют предположить, что в семантике разных вариантов рогатых фигурок возможны различия. Из-за отсутствия признаков пола у рогатых фигурок данной коллекции (за исключением одной — «двуполой») нет оснований считать их подчеркнутыми изображениями быков (или баранов). У них мог быть иной смысловой акцент.

2. Безрогие фигурки (7 экз.) изображают животных, стоящих на конических ножках-столбиках, слегка расставленных в стороны. Глаза, рот, ноздри у них не показаны.

а. Первая фигурка имеет определенное сходство со свиньей (рис. 4, *3*) У нее большая голова — более 50% длины туловища, узкая длинная заостренная морда, короткие «стоячие» уши. Шея короткая толстая — равная толщине тела, поднятая. Холка широкая низкая. Спина прямая, с широкой слабовыпуклой линией позвоночника, крестец прямой. Один бок у фигурки округлый, а другой уплощенный. Хвост короткий, слегка повернут на сторону. На плоском брюхе вылеплены (или отжаты при помощи инструмента) два ряда сосцов. Пропорции и форма головы статуэтки вполне соответствуют сложению свиньи, однако постановка головы для свиньи нехарактерна.

б. У следующей фрагментированной фигурки короткая недетализированная морда, заостренный высокий затылок. Широкие уплощенные уши моделированы защипами (рис. 4, *7*).

в. Две фигурки напоминают собачек в традиции глиняной игрушки (рис. 4, *1*, *2*). У обеих крупная голова с узкой мордой-защипом, короткие «полустоячие» уши, также моделированные защипами, недлинная поднятая шея. Холка не подчеркнута. Спина у одной фигурки прямая, у другой прогнутая. У обеих показаны выпуклая линия позвоночника и втянутые тощие бока. Хвосты короткие (крючковатый и стоящий торчком). У одной статуэтки моделировано подтянутое брюхо, у другой — плоское, на котором посредством защипа обозначен пенис. Сложение фигурок не позволяет отнести их ни к крупному, ни к мелкому рогатому скоту. Однако следует отметить, что и достоверных изображений собак в три-

польской пластине нет. Отчасти это объясняется недостатком сведений об облике их прототипов.

г. Две фигурки, возможно, представляют овец (рис. 4, *4*, *6*). Они обе с раздутыми боками и плоским брюхом, что характерно для суягных овец. Пропорции статуэток вполне соответствуют мелкому рогатому скоту. Длина головы составляет 30—35% длины туловища, шея — около 30%, морды относительно узкие. У одной статуэтки уши помещены низко, моделированы защипами. Уши другой расположены высоко, отжаты инструментом с плоским краем. Шея у фигурок поднята, холка низкая, спина прямая, хвост короткий торчащий. У одной из них обозначена выпуклая линия позвоночника. Знаков пола нет.

д. В коллекции есть фигурка, имеющая сходство и с условно выделенными «собаками», и со столь же условными «овцами» (рис. 4, *5*). У нее большая голова — около 40% длины туловища, широкая, прямая в профиль морда, моделированная вытягиванием. На голове статуэтки имеется три уха: два по бокам и одно надо лбом. Границы между ушами подрезаны. Уши же слегка расплющены пальцами (сохранились отпечатки). Шея толстая короткая. Спина прогнута. Слабо намечена линия позвоночника. Бока раздуты; брюхо плоское, без знаков пола. Хвост обломан. Он очень широк в основании, задран. В обломе сохранился след поперечного отверстия.

В литературе уже обращалось внимание на то, что доля безрогих фигурок на многих памятниках низка [7, с. 239; 17, с. 31]. Такие статуэтки труднее систематизировать, чем рогатые, и из-за малой численности, и потому, что шире спектр их возможной видовой принадлежности. Благодаря стилистике иногда равновероятно их отождествление с несколькими разными животными. Наиболее достоверно определяются в трипольской пластике изображения свиней. По некоторым из них даже различали дикий и домашний виды [18, с. 144]. Большинство безусловных изображений свиней происходит с памятников раннего — середины развитого триполья. Это налепы из Ларга-Жижия и Новых Русешт, фигурки из Луки-Врублевецкой, Городницы-Городища, Пенежкова [7, табл. 114, *а*, *б*; 11, табл. XXV, *317*; 19, рис. 84, *3*; 20, рис. 15, *6*; 21, табл. XXXVIII, *1*, *2*]. Все названные статуэтки свиней стилистически различны. Фигурка из Друц I более всего похожа на статуэтку с длинным заостренным рылом и двумя рядами сосцов на брюхе из Городницы-Городища.

3. Мелких фигурок неопределенного вида 6 экз. (рис. 5, *21—25*) Все они изображают стоящих животных. У половины оббиты и окатаны головы и ноги. У трех наиболее сохранившихся статуэток головы вылеплены с заостренными мордами (у одной морда коническая, у двух — защипы). Фигурки с короткой шеей. Туловище у большинства экземпляров относительно широкое — равной ширины в плечах, спине и крестце; хвостики короткие. У одной фигурки защипами намечена линия позвоночника.

Зооморфная пластика данной коллекции вылеплена из мелкоструктурной глины разного цвета. Часть фигурок сделана из ожелезненной глины красноватых оттенков (18 экз.). Есть фигурки из светлой, серой глины (12 экз.). Наибольшее число статуэток (22 экз.) слеплено из смеси двух глин — светлой и ожелезненной. Из смеси двух глин вылеплены почти все мелкие фигурки, а также половина рогатых и безрогих фигурок. Рогатые фигурки, кроме того, вылеплены из серой и ожелезненной глины, безрогие фигурки — только из ожелезненной. В тесте обычно бывает шамот, реже — примеси песка и навоза. Очень часты мелкие и средние выгоревшие включения. Почти всегда присутствует немного слюды.

В технологической схеме зооморфной пластики из Друц I особенно интересны способы формовки. На нескольких фигурках с «прилепными» рогами есть продольные разломы и трещины, возможно, свидетельствующие о лепке туловища из двух продольных половин (рис. 1, *3*; 2, *3*, *4*; 7, *5*, *7*, *8*), что отмечалось и для антропоморфной пластики [13, с. 118].

На других вариантах рогатых фигурок и прочих разновидностях статуэток продольных трещин нет. Одна маленькая фигурка сделана из согнутой пластины, из углов которой вытянуты ноги (рис. 5, *20*; 7, *6*). У крупных фигурок ноги прилеплены по одной. У более мелких образцов пластики они либо прилеплялись, либо моделировались вытягиванием. Так, у фигурок «свиньи» и «овец» ноги прилеплены. У собак ноги вытянуты. У фигурки с тремя ушами передние ноги прилеплены, а задние вытянуты. Ноги всех сохранившихся мелких неопределенных фигурок вылеплены вытягиванием. Прилеп головы отмечен и для крупных, и для мелких образцов пластики.

После формовки рогатые фигурки были поставлены, о чем можно судить по заминам на основаниях ног. Безрогие и мелкие фигурки таких заминов не имеют. У фигурки «свиньи» отчетливо видна уплощенность левого бока, видимо, она в процессе сушки лежала на боку.

Вся зооморфная пластика обожжена. Цвет многих фигурок неравномерен, видны следы сажи.

Поверхность статуэток очень плохо сохранилась, поэтому трудно судить о способах ее обработки. Лишь на некоторых фигурках отмечены незначительные участки ангоба и окраски, видимые в бинокулярную лупу. Следы красноватой краски присутствуют на одной фигурке с «прилепными» рогами и двух фрагментированных статуэтках (рис. 1, *2*; 2, *4*; 3, *4*). На трех фигурках есть светлый ангоб почти цвета глины (рис. 2, *2*; 3, *8*; 4, *6*).

Орнаментация и знаки на фигурках в Друцах I крайне редки. Кроме уже описанных случаев (рис. 1, *4*; 3, *1—3*) следует упомянуть о фигурке средних размеров с отбитой головой, у которой на спине и боках ногтевыми вдавлениями выполнено подобие орнамента (рис. 3, *7*).

Деформация фигурок не производит впечатления умышленной из-за небольшого количества битых статуэток. В коллекции представлено 18 целых экземпляров, семь половин фигурок (четыре задних и три передних), пять статуэток без голов, одна отбитая голова.

В Друцах I из-за обилия зооморфной пластики проявились некоторые закономерности ее планиграфического распределения. Большинство целых и фрагментированных фигурок происходит из жилищ (39 экз). В слое (между постройками выше уровня древней дневной поверхности и над ними) было всего 13 экз. В жилище 1 находилось 14 фигурок, в жилище 2—19 экз., в разрушенном жилище 3—6 экз. В пределах двух хорошо сохранившихся жилищ 1 и 2 прослежено по два основных горизонта залегания находок: верхний — на вальковой обмазке, нижний — под ней, на плитчатой обмазке. В постройке 2 на уровне верхнего горизонта при раскопках зафиксированы деревянные и плетневые конструкции внутренних перегородок, что позволило считать этот горизонт уровнем второго этажа [2, с. 459].

Из 14 фигурок, найденных в жилище 1, к нижнему горизонту относится 6 экз. В юго-западном углу постройки лежали три мелкие фигурки (рис. 5, *20—22*). Еще три фрагмента статуэток найдено в разных частях жилища (рис. 1, *1*; 3, *7*; 5, *19*). Все 8 экз. фигурок верхнего горизонта также сосредоточены в юго-западном углу жилища. Тут были две крупные фигурки с «прилепными» рогами (рис. 1, *4*; 2, *5*), четыре безрогие статуэтки (рис. 4, *1*, *3*, *5*), прилепной рог (рис. 5, *3*) и задняя половина небольшой фигурки. По всей вероятности, скопление в юго-западном углу этого жилища относится к верхнему горизонту. В нем представлены три разновидности статуэток: крупные фигурки с «прилепными» рогами, безрогие фигурки, мелкие фигурки.

В жилище 2 к нижнему горизонту относится 12 предметов. Из них 9 находилось в центре жилища, под внутренним помещением второго этажа. Тут были две крупные фигурки с «прилепными» рогами (рис. 1, *2*; 2, *2*), задняя половина такой фигурки (рис. 2, *4*), пять отдельных рогов (рис. 5, *7*, *8*, *10*, *11*, *14*) и голова «птицы» (рис. 3, *5*). В южной части постройки найдено три предмета: мелкая фигурка, рог (рис. 5, *10*, *23*), задняя половина небольшой статуэтки (рис. 3, *6*). На уровне верхнего

горизонта еще три предмета обнаружены во внутреннем помещении и рядом с его границами: безрогая фигурка (рис. 4, *2*), мелкая фигурка (рис. 5, *22*) и рог (рис. 5, *1*). За пределами помещения, в южной и восточной частях жилища, было только два отдельных рога (рис. 5, *15*, *16*). Под жилищем 2 находились очень мелкие предметы: голова «оленя» и рог (рис. 3, *4*; 5, *2*). Таким образом, в этом жилище зооморфная пластика концентрировалась в центральной части, преимущественно в нижнем горизонте, только мелкие предметы располагались на уровне верхнего горизонта и под жилищем. Набор фигурок тот же, что и в жилище 1: крупные статуэтки с «прилепными» рогами (2 экз.), безрогая фигурка (1 экз.), мелкие фигурки (2 экз.).

В слое находились: фигурка с «прилепными» рогами (рис. 1, *3*), крупная фигурка без головы (рис. 2, *2*), безрогая фигурка (рис. 4, *6*), мелкая фигурка (рис. 5, *26*), 5 экз. отдельных рогов (рис. 5, *4—6*, *12*), а также все три рогатые фигурки с мордой-защипом (рис. 3, *1—3*) и фигурка без морды (рис. 3, *8*). Зооморфная пластика в слое в основном повторяет наборы в жилищах, но два варианта рогатых фигурок — с мордой-защипом и без морды — представлены только в слое. Закономерен ли этот факт и отражает ли функциональные различия рогатых фигурок, пока трудно судить из-за немногочисленности статуэток, представленных только в слое, и отсутствия подобной информации для других памятников. Следует добавить, что и скопления зооморфных фигурок в жилищах в виде определенных наборов также не отмечались прежде на трипольских памятниках.

Сведения о расположении зооморфной пластики на памятниках немногочисленны. Известно о скоплении нескольких десятков фигурок в гончарной печи в Трифауцах [15, с. 157]. Некоторые наблюдения свидетельствуют о совместном нахождении антропоморфной и зооморфной пластики в жилищах и вне их. В Поливановом Яру зооморфные и антропоморфные фигурки часто локализовались в жилищах вокруг печей [6, с. 13]. В Майданецком большое количество пластики зафиксировано вне жилища, в заполнении неглубокой ямы, где было сосредоточено 49 целых и фрагментированных антропоморфных статуэток и 44 зооморфных [22, с. 9]. В Друцах I планиграфические распределения зооморфной и антропоморфной пластики заметно различаются. В то время как зооморфные статуэтки тяготеют к скоплениям внутри жилищ, антропоморфные преобладают в слое (над постройками и между ними, выше уровня древней дневной поверхности). Таким образом, на трех разновременных памятниках фиксируется и особое планиграфическое распределение зооморфной пластики, и разное соотношение ее с антропоморфной. Эти виды пластики могут совместно располагаться как в пределах построек, так и вне их и, наконец, иметь разное планиграфическое распределение. Возможно, объяснение столь противоречивым данным также следует искать в многообразии каждого вида пластики и хронологическом проявлении их функциональной изменчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рындина Н. В.* Раскопки поселения развитого триполья Друцы I//АО-1982. М., 1984.
2. *Рындина Н. В.* Работы трипольской экспедиции//АО-1983. М., 1985.
3. *Рыдина Н. В.* Трипольское поселение Друцы I//АО-1984. М., 1986.
4. *Лискун Е. Ф.* Экстерьер сельскохозяйственных животных. М.: Сельхозгиз, 1949.
5. *Piggot S.* The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence//PPS — 1968. N. S. V 34. Cambridge, 1969.
6. *Попова Т. А.* Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр//КСИА. 1970. Вып. 123.
7. *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре (К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на Юго-Востоке Европы)// МИА. 1953. № 38.
8. *Gimbutas M.* The Gods and Goddesses of Old Europe (7000 to 3500 B. C. Muths, Legends and Cult Images). L., 1974.
9. *Cehak H.* Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce//Swiatowit. T. XIV. 1930/1931. Warszawa, 1933.

10. *Kandyba O.* Schipenitz (Kunst und Geräte eines neolithischen Drofes). Wien — Leipzig, 1937
11. *Маевський К. К.* Трипільська пластика в західніх областях Україні//Архив ИА АН УССР. Ф. 12, № 155.
12. *Георгиев Г., Ангелов Н.* Разкопки на селищната могила до Русе през 1948—1949// ИАИ. 1952. Кн. XVIII.
13. *Погожева А. П.* Антропоморфная пластика триполья. Новосибирск: Наука, 1983.
14. *Маркевич В. И.* Далекое — близкое. Альбом. Кишинев: Тимпул, 1985.
15. *Маркевич В. И.* Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981.
16. *Petrescu-Dimbovita M.* Sondajul stratigrafic de la Perieni//MCA. 1957. V. III.
17. *Качалова Н. К.* Изображение быка в пластике трипольских племен//СГЭ. 1977. Вып. XLII (42).
18. *Богаевский Б. Л.* Орудия производства и домашние животные триполья. Л.: Соцэкгиз, 1937.
19. *Marinescu-Bilcu S.* Cultura Precucuteni pe teritoriul Românie1. Bucureşti, 1974.
20. *Himner M.* Etude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la Mer Noire, d'après des fouilles personneles//Swiatowit. T. XIV—1930/1931. Warszawa, 1933.
21. *Маркевич В. И.* Многослойное поселение Новые Русешты 1//КСИА. 1970. Вып. 123.
22. *Шмаглий Н. М., Зиньковский К. В., Шумова В. А.* Отчет о раскопках трипольского поселения Майданецкое за 1973 г.//Архив ИА АН УССР, 1973/5.

V. I. Balabina

ZOOMORPHIC FIGURINES FROM DRUTSY I, A TRIPOLYE SETTLEMENT

Summary

The collection obtained in Drutsy-I (Kukuten A_4, a middle Tripolye settlement in northern Moldavia) includes figurines of various types: horned figurines (Figs. 1, 1-4; 2, *1*, *3*, *5*; 3, *1-3*), figurines without horns (Fig. 4, 1-7), and small poorly identifiable objects (Fig. 5, *20-25*). Their design divides the horned figurines into three variants. Each of them is connected with a definite chronological period and is present among the finds from other Tripolye sites. The fact that several variants coexisted in most large-scale collections of Tripolye figurines points to their different semantics. The hornless figurines cannot be properly classified as we have only few of them. The figures of pigs are most reliably identified among other figurines. There is one pig in the present collection as well (Fig. 4, *3*).

The technological scheme is interesting: length-wise cracks and splits show that (most probably) two halves of the figurine were joined together (Figs. 1, *3*; 2, *3*, *4*; 7, *5*, *7*, *8*). The author has classified the methods of joining horns to figurines (Figs. 3, *2*, *5*, *8*; 6, *1-4*).

There are some specific features of the planigraphic nature: the figurines were mostly found in dwellings in certain sets: larger figurines with stuck-on horns and conic-shaped muzzles; hornless figurines and smaller figurines. Some types were found exclusively outside dwellings.

Г. Т. КОВПАНЕНКО, С. А. СКОРЫЙ

К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОРОСЬЕ

Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых новых материалов по устройству погребальных сооружений и поминальной тризны в курганах скифского времени бассейна р. Рось.

Погребальные памятники указанной территории (впрочем, как и всего Днепровского Лесостепного Правобережья, и особенно Киево-Черкасского региона) отличаются большим разнообразием [1, с. 14—17; 2, с. 77, 78; 3, с. 63—69], что справедливо отмечалось исследователями [4, с. 86; 5, с. 134]. Многообразие типов могил объясняется обычно родовыми традициями, присущими тем или иным группам погребенных, а также их социальным статусом [1, с. 14; 2, с. 91; 3, с. 75].

При исследовании курганного могильника у с. Ивановка Богуславского р-на Киевской обл., насчитывающего девять насыпей, в трех курганах конца V — начала IV в. до н. э. (№ 3—5) нами были открыты погребальные сооружения весьма своеобразной конструкции [1].

Несколько слов о названных курганах. Они располагались в восточной части могильника примерно на равном расстоянии друг от друга, до 200 м. Сооруженные из чернозема насыпи были сильно распаханы и к моменту раскопок имели высоту 1—1,5 при диаметре 36—40 м. Судя по размерам насыпи, курган 5 был наиболее крупным памятником могильника [2]. В сохранившихся насыпях всех трех курганов досыпки не фиксировались. В основании кург. 3 располагался кольцевой ров, содержащий остатки поминальной тризны (рис. 1).

Под насыпями кург. 3 и 5 находилось по одному погребению, располагавшемуся в центре подкурганной поверхности. В кург. 4 помимо основного центрального погребения имелось впускное боковое.

Курганы были подвергнуты опустошительному ограблению. Инвентарь — сравнительно малочисленный и фрагментированный. Могилы в кург. 3 и 4 ограблены, как минимум, дважды, в кург. 5 — трижды. Нетронутым осталось лишь впускное женское погребение в кург. 4. По сохранившимся остаткам костей и предметам погребального инвентаря можно предполагать, что в кург. 3 был погребен воин (фрагменты железного чешуйчатого панциря), в основной могиле кург. 4 — женщина [3], в кург. 5 — воин и женщина (вооружение, фрагмент бронзового зеркала).

Могилы в кург. 3 и 5 и основное погребение в кург. 4 имели аналогичную конструкцию. Правда, верхняя часть погребального сооружения в кург. 3 была основательно повреждена грабителями, но ряд сохранившихся деталей не оставляет сомнений в его тождественности с могилами в кург. 4 и 5.

Погребальные сооружения состоят из двух основных частей: надмогильной конструкции и могильной ямы.

Надмогильная конструкция представляет собой концентрический вал, сооруженный из желтой материковой глины выкида вокруг могильной ямы на уровне древнего горизонта (рис. 2). В разрезе он близок полуовальной или трапециевидной форме (рис. 3, *3*, *4*; 4, *3*, *4*). Ширина вала

---

[1] В раскопках могильника помимо авторов принимали участие В. П. Белозор, М. Т. Кашуба, М. А. Шульга-Шульженко. См. предварительное сообщение [6, с. 289].

[2] По сообщениям старожилов, в 30-е годы курган имел высоту 5—6 м.

[3] Определение антрополога С. И. Круц.

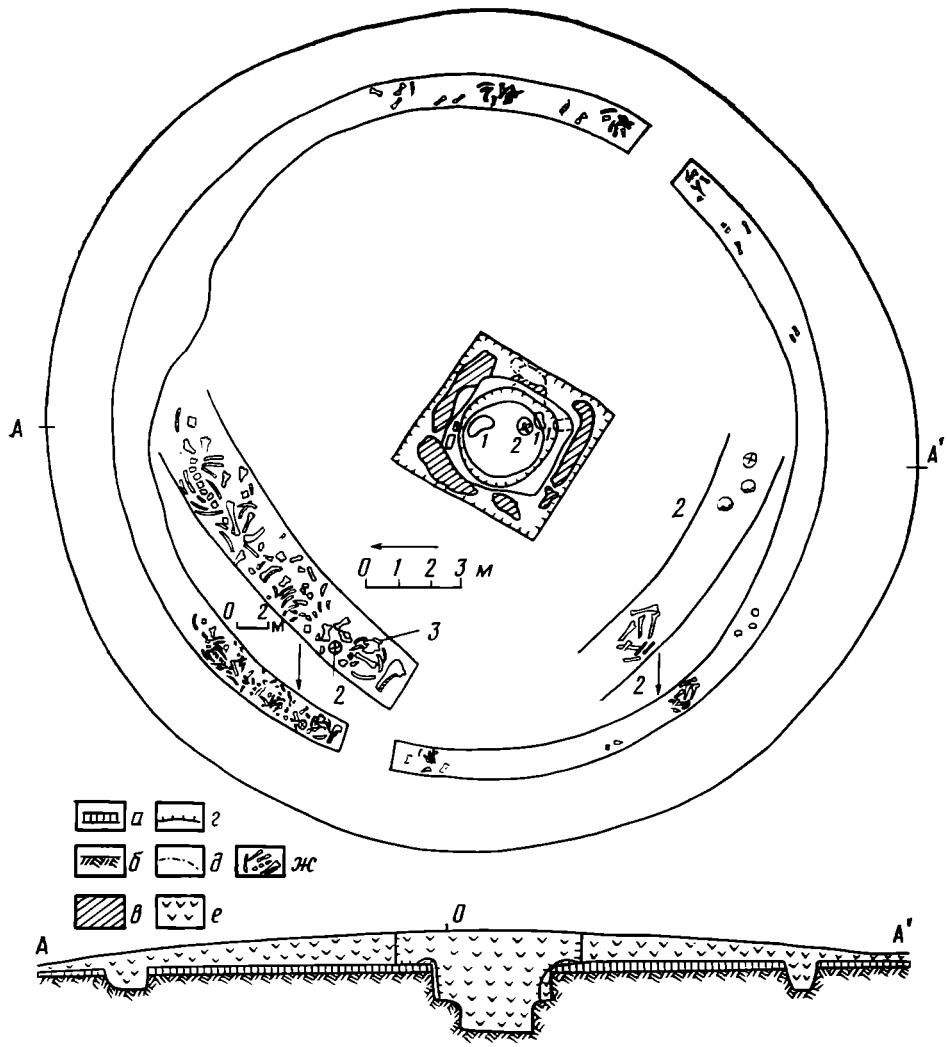


Рис. 1. Ивановка, кург 3 с кольцевым рвом в основании (план и профиль). *1* — грабительские ниши в полу и стене могильной ямы, *2* — человеческие кости, *3* — горло амфоры; *а* — погребенная почва, *б* — материк, *в* — материковая глина кольцевого вала, *г* — грабительская яма позднего времени, *д* — древняя грабительская яма, *е* — чернозем, *ж* — кости животных

в основании в кург. 3 на сохранившемся участке—до 2, в кург. 4—1—1,5, в кург. 5 — до 3 м; толщина вала в кург. 3—0,35, в кург. 4 — 0,5—0,8, в кург 5 — 0,8—1,1 м. Внешний диаметр вала в кург. 4 — 7, в кург. 5 — 11 м, внутренний диаметр — соответственно 4, 5 и 6 м. Вал по всей площади вдоль был обложен деревянными плахами[4], которые сохранились в три-четыре ряда, особенно хорошо на южном (кург. 4) и западном (кург. 5) его участках (рис. 3, *1*; 4, *1*). Длина плах 1,5—2, ширина — до 0,17 м. К валу примыкала кольцевая вымостка также из плах аналогичных размеров, положенных плашмя на слой материковой глины толщиной 3—5 см (рис. 3, *1*; 4, *1*). Наиболее хорошо она сохранилась в кург. 4. Плахи выложены в три-четыре ряда на расстоянии 2—2,5 м от вала. В кург. 5 сохранность вымостки значительно хуже.

Могильная яма в рассматриваемых курганах имеет прямоугольную или подпрямоугольную форму, широтную ориентацию. Размеры варьируют: длина 3,2—5,5, ширина 2,4—4,4, глубина 2—2,5 м. Яма перекрывалась деревянными плахами в один или два ряда (вдоль и поперек). Часть из них сохранилась по краям ямы, часть обнаружена на дне могилы вследствие разрушения перекрытия (рис. 4, *2*). Яма была перекрыта деревом перед сооружением вала, о чем убедительно свидетельствуют найденные под ним отдельные плахи или их концы (рис. 3, *2*). Плахи по

[4] Надмогильные конструкции раскапывались целиком вручную с открытием их по всей площади.

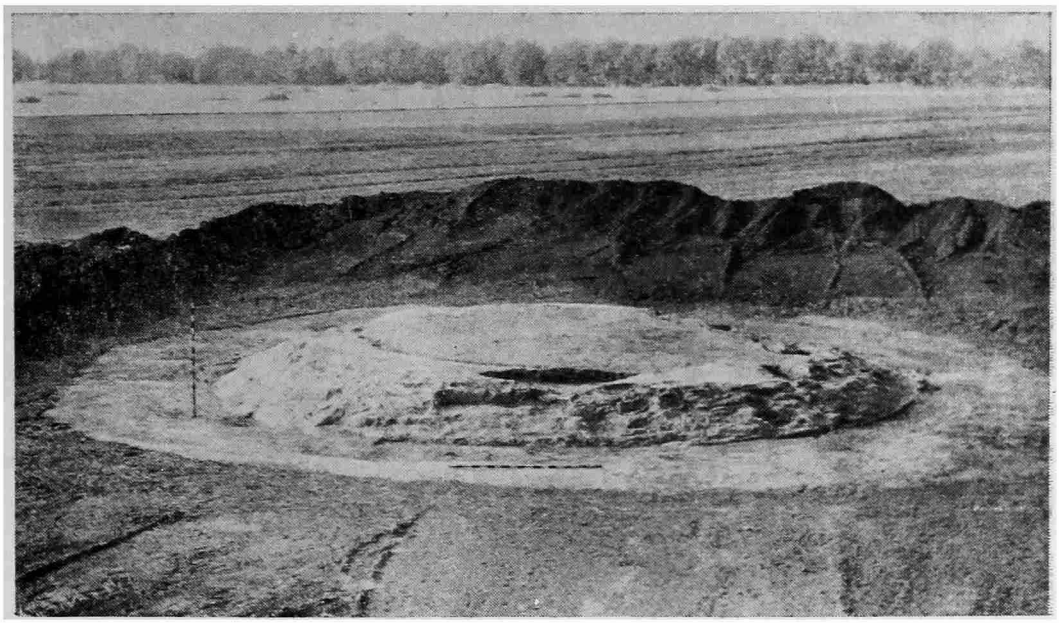


Рис. 2. Ивановка, кург. 5. Надмогильная конструкция

длине несколько превышали размеры могильной ямы. Ширина их колеблется от 15 до 30 см. Дерево перекрытия, надмогильной конструкции и вымостки сильно обожжено.

На дне могильной ямы кург. 5 обнаружен участок плах площадью более 1 м², покрытых сверху слоем спекшейся глины (рис. 4, *2*). По всей видимости, на перекрытии находилась глиняная прослойка, предохраняющая его от разрушения ритуальным костром [5].

Перекрытие могильной ямы в кург. 5, имеющее наиболее значительные размеры, опиралось на восемь деревянных столбов, ямки от которых со следами истлевшего дерева сохранились в полу (рис. 4, *2*) [6].

Материалы, полученные в процессе исследования курганов, позволяют получить достаточно полное представление о внешнем виде погребальных сооружений. Их оригинальность состоит в наличии своеобразной надмогильной конструкции (рис. 5; 6). Сама же могила (грунтовая яма с деревянным перекрытием со столбами или без них) обычна для лесостепной и степной зон Северного Причерноморья.

Попытки найти прямые аналогии надмогильной конструкции, т. е. вала, обложенного плахами, с деревянной вымосткой вокруг, к успеху не привели, хотя отдельные ее элементы, на наш взгляд, фиксируются в погребальных памятниках степи и лесостепи Восточной Европы как скифского, так и более раннего времени достаточно четко.

Сказанное в первую очередь относится к кольцевому валу, сооруженному из материкового выкида вокруг могильной ямы. На его конструктивное назначение в системе погребального сооружения скифской эпохи впервые, пожалуй, указал Б. Н. Граков, обнаруживший ряд таких конструкций в степных курганах IV в. до н. э. [8, с. 83; 9, с. 36]. Он подчеркнул, что это не случайно набросанная при рытье могилы земля, а «нарочитое превращение выкида в непрерывный кольцевой вал вокруг... погребения» [8, с. 83].

Аналогичные кольцевые валы из материкового выкида известны помимо скифских степных памятников в подкурганных погребениях скифского времени Днепровского Лесостепного Правобережья [3, с. 63; 10,

---

[5] Глинобитные площадки с признаками кострищ известны над деревянными перекрытиями в скифских курганах Посулья [7, с. 59].

[6] Учитывая сравнительно небольшие размеры столбовых ям, главным образом диаметр, нельзя исключать, что в них крепились столбы от какой-то легкой конструкции, располагавшейся внутри могилы.

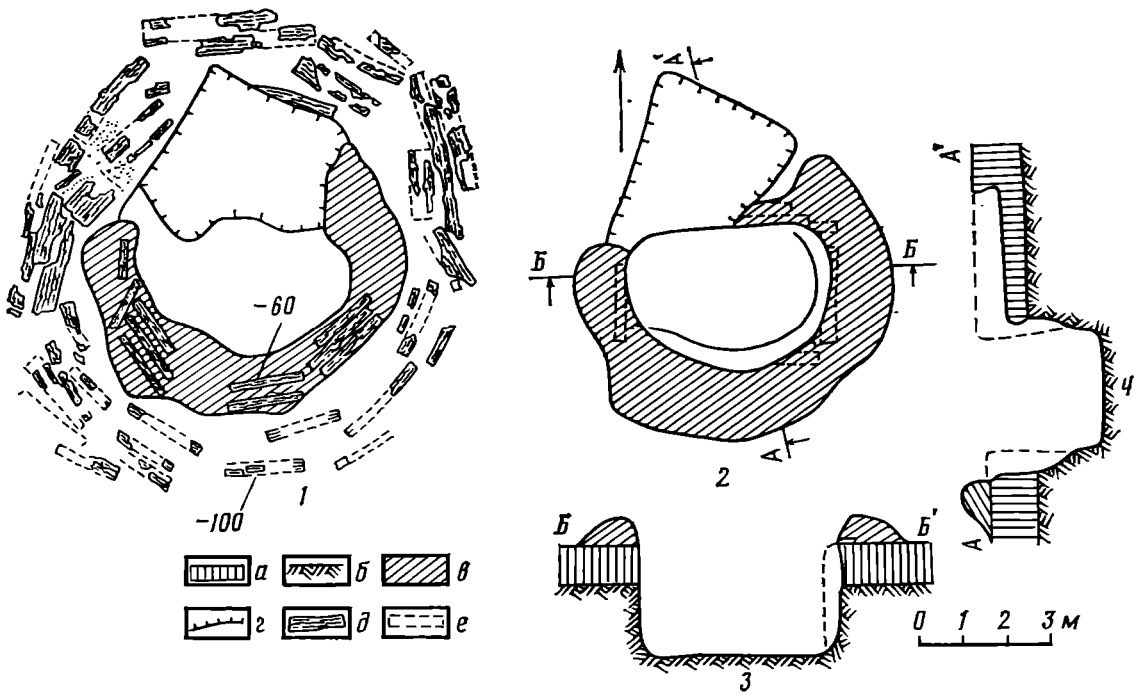


Рис. 3. Ивановка, кург. 4. *1* — надмогильная конструкция, *2—4* — план и разрезы могилы; *а* — погребенная почва, *б* — материк, *в* — материковая глина кольцевого вала, *г* — грабительская яма, *д* — деревянные плахи, *е* — деревянные плахи под кольцевым валом

с. 118; 11, с. 164] и Левобережья [12, с. 61], в древностях скифского типа на Северном Кавказе [13, с. 163—165; 14, с. 143, 144].

Особо отметим, что открытие подобных кольцевых глиняных валов вокруг могил скифского времени на Среднем Дону привело в свое время П. Д. Либерова к заключению о том, что они представляют собой своеобразную черту погребального обряда данного региона [15, с. 157; 16, с. 12, 33][7]. Некоторые авторы поддержали тезис о том, что кольцевой вал вокруг могил составляет яркую особенность погребального ритуала племен скифской эпохи на Среднем Дону [17, с. 47]. В свете приведенных выше данных указанное положение бесспорно является ошибочным.

Помимо погребений у с. Ивановка, где кольцевые валы из материковой глины лежали на краях деревянных перекрытий над могилой, известны случаи, когда валы играли роль своеобразных подпорных стен, на концах которых располагалось деревянное перекрытие. В качестве примеров можно привести погребения в курганах V в. до н. э. у с. Гойта на Северном Кавказе [13, с. 163—165]. Вероятно, аналогичная ситуация имела место в кург. 377 конца VII в. до н. э. и кург. 522 V в. до н. э. у с. Константиновка в Днепровском Правобережье, в бассейне р. Тясмин [18, с. 34; 19, с. 97][8].

Обычай возводить вокруг подкурганного погребения кольцевой вал не имеет генетических корней в погребальном обряде доскифского времени на территории лесостепи. На наш взгляд, есть основания думать, что он восходит к погребальному ритуалу степных культур эпохи бронзы. Во всяком случае, весьма схожие глиняные валы вокруг погребений

---

[7] Любопытна ссылка П. Д. Либерова на мнение К. Ф. Смирнова о том, что кольцо (т. е. кольцевой вал.— *Авт.*) не могло быть насыпано за счет выкида из могильной ямы и, вероятно, для его насыпи бралась земля со стороны [15, с. 154].

[8] На эти погребения наше внимание обратила С. С. Бессонова. К слову, заметим, что В. А. Ильинская полагала, что деревянное перекрытие в кург. 377 у с. Константиновка находилось на материковом уступе [2, с. 31]. Это ошибочное мнение, поскольку, во-первых, А. А. Бобринский писал о глиняных устоях (т. е. стоящей конструкции.— *Авт.*), на которых располагалась деревянная крыша, во-вторых, по его описанию, под деревянной крышей «обрисовалась могильная яма», т. е. заполнение могилы, из чего следует, что речь идет явно не об уровне материка.

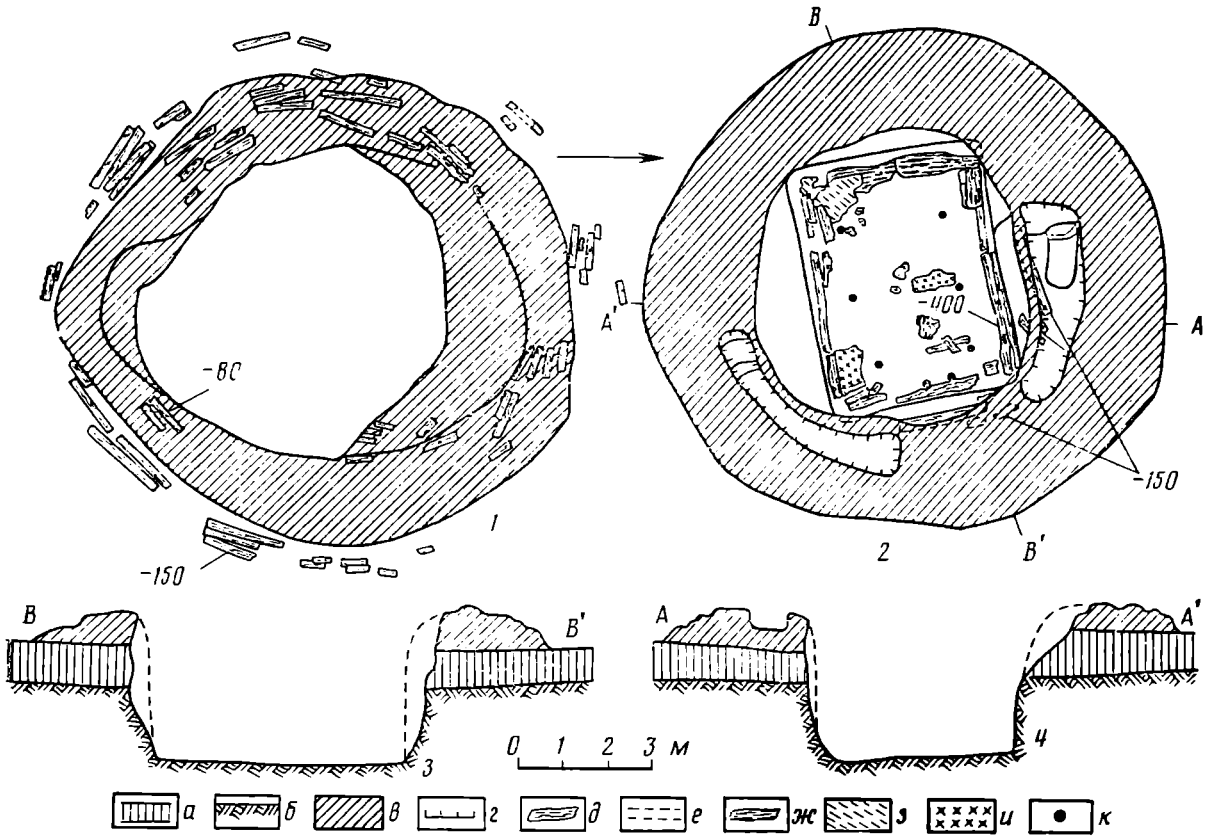


Рис. 4. Ивановка, кург. 5. *1* — надмогильная конструкция, *2—4* — план и разрезы могилы; *а* — погребенная почва, *б* — материк, *в* — материковая глина кольцевого вала, *г* — грабительский ход, *д* — деревянные плахи, *е* — деревянные плахи под кольцевым валом, *ж* — обожженные деревянные плахи, *з* — кора, *и* — участок перекрытия с обожженной глиной, *к* — столбовые ямы

известны в курганах срубной культуры [20, с. 8—10] [9], в том числе памятниках ее позднего этапа (белозерского времени) в степном Северном Причерноморье [21, с. 247] [10]. Похоже, что традиция сооружать аналогичные конструкции вокруг могил имела место и непосредственно в предскифскую эпоху, в частности в черногоровское время [23, с. 77, 81, рис. 2, *3*].

Если данные соображения верны, то кольцевые валы, открытые в ивановских курганах, а также в ряде погребальных памятников степи, лесостепи, Северного Кавказа, следует рассматривать как один из элементов погребального обряда доскифской эпохи, сохранившихся в скифском погребальном ритуале и получивших распространение по мере проникновения скифов на те или иные территории.

Заметим, что в последнее время предпринята плодотворная попытка выделения в скифском погребальном обряде отдельных черт, своими истоками уходящих в предскифскую эпоху [24, с. 61].

Полагаем, что кольцевые валы вокруг погребений, о которых шла речь, имели не только сугубо утилитарное назначение (т. е. выполняли ту или иную конструктивную функцию), но и несли определенную культовую нагрузку. Вероятно, также как кромлехи и рвы, они, с одной стороны, были связаны с солярно-космическими представлениями [25, с. 70; 26, с. 70], с другой — имели магическое охранное значение, ограничивая пространство вокруг могилы, делая его недосягаемым для злых духов [27, с. 73—75; 28, с. 122].

---

[9] Интересно описание валов, открытых Н. Я. Мерпертом в уразмаметовских курганах: «Центр кургана окружен кольцом, даже своеобразным валом из материковой глины. Считать это кольцо просто результатом выброса из центральной ямы нет оснований: выброс этот явно организован» [20, с. 14].

[10] Погребальные сооружения белозерского времени с аналогичными надмогильными конструкциями обнаружены и в более западных районах, в частности на территории Молдавии [22, с. 138—140, рис. 1].

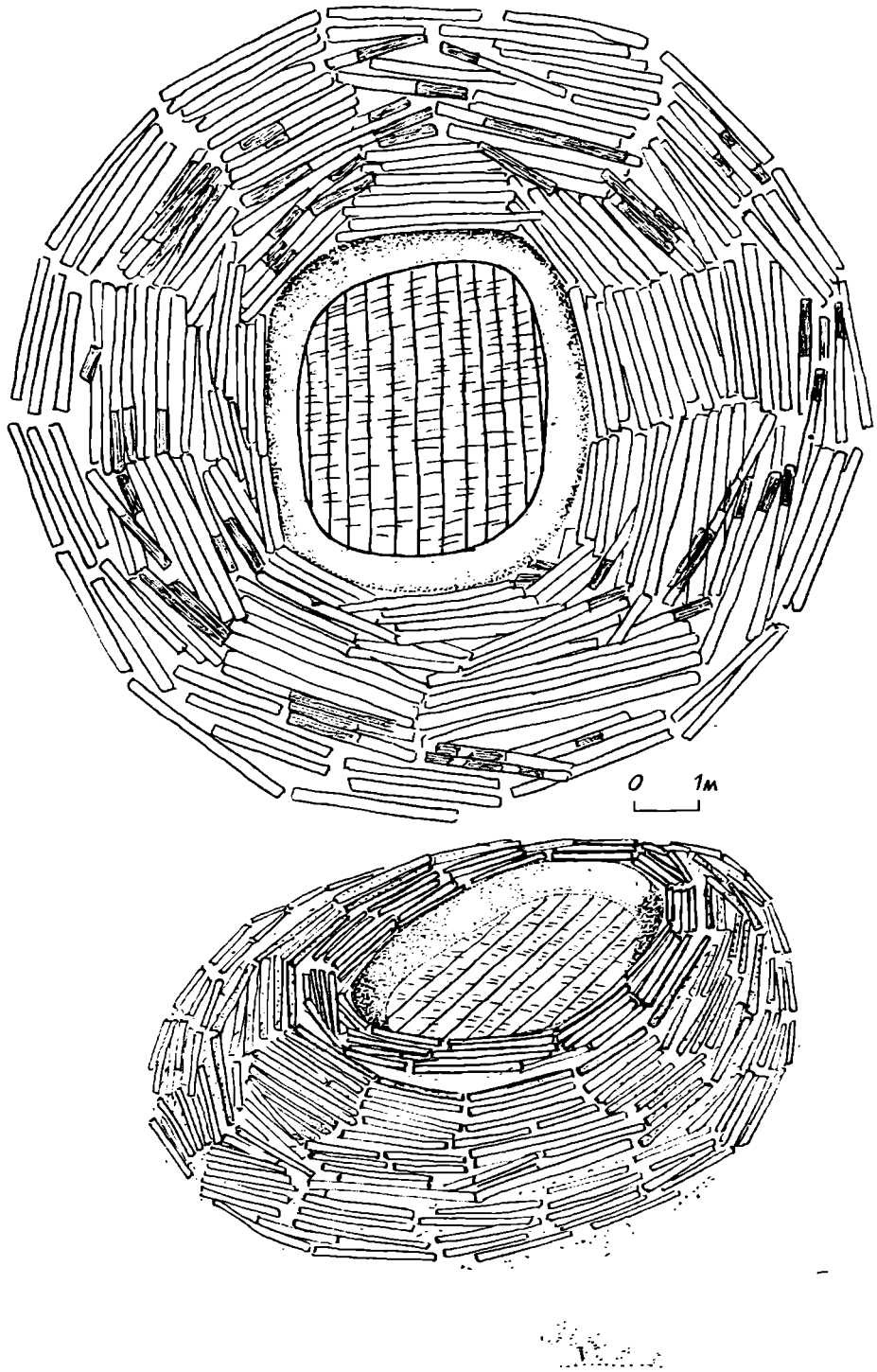


Рис. 5. Ивановка. Общий вид надмогильной конструкции (по материалам кург. 5, реконструкция авторов и М. М. Иевлева)

По всей видимости, с доскифской эпохой связан и обычай обкладки материкового вала деревянными плахами по кругу, а также сооружение своеобразной концентрической вымостки из деревянных плах вокруг могилы. В пользу сказанного свидетельствует частичная обкладка могильного выкида деревянными плахами, зафиксированная в погребениях белозерского времени [29, с. 194], а также наличие сходных концентрических вымосток из дерева вокруг могил, известных нам по материалам черногоровского времени [22, с. 194]. Что же касается скифской эпохи, то типологической аналогией обкладке вала деревом, возможно, следует считать обкладку подобной конструкции камышом, обнаруженную в

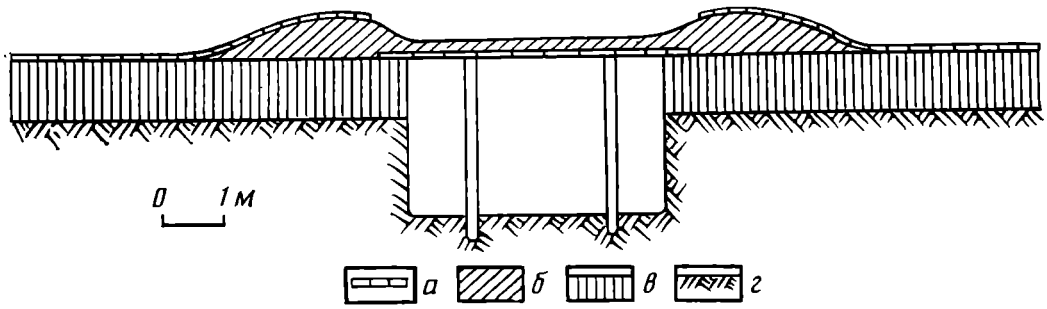


Рис. 6. Ивановка. Разрез погребального сооружения с надмогильной конструкцией (по материалам кург. 5, реконструкция авторов и М. М. Иевлева); *а* — деревянные плахи, *б* — материковая глина кольцевого вала, *в* — погребенная почва, *г* — материк

курганах второй половины VII в. до н. э. у хут. Красное Знамя на Кубани [30, с. 46—47; 31, с. 45].

Итак, рассмотрение надмогильных сооружений, открытых в ивановских курганах, позволяет считать, что их генезис связан с традициями степного погребального обряда, своими истоками уходящими в доскифскую эпоху, и не имеет корней в погребальной практике земледельческого населения лесостепи предскифского времени.

Весьма интересные материалы получены при исследовании кольцевого рва, расположенного в основании кург. 3 и некогда ограничивающего насыпь (рис. 1).

Следует подчеркнуть, что кольцевые рвы в курганах скифского времени на территории лесостепи изучены крайне слабо. В отдельных работах только констатируется их наличие вокруг некоторых курганов в Посулье, Поворсклье (на Левобережье) [7, с. 9; 32, с. 83], Поросье (на Правобережье) [3, с. 63]. Лишь в последние годы частично исследовано несколько рвов, обнаруженных в основании курганов скифского времени в бассейне Роси (села Медвин, Лесовичи, Стеблев) [33, с. 5, рис. 7, *53*, *60*; 34, с. 17] [11].

Ров ивановского кург. 3 имел форму правильного круга (с внутренним диаметром по оси север — юг 20 м, по оси восток — запад 21,5 м). Ширина рва 0,8—1,2 м. Лишь в северной части, на участке до 4 м длиной, она достигает 1,8—2 м. В разрезе ров трапециевидной формы с узким основанием, на отдельных участках дно округлое (рис. 1). В восточной и западной частях рва находились две перемычки шириной 1,5 м. Дно рва практически на всей протяженности было покрыто черноземным затеком. На нем в четырех местах сконцентрированы остатки тризны. У северной стенки западной перемычки — наиболее значительное скопление, свыше 150 целых конских костей и обломков, лежащих по всей ширине рва протяженностью до 5 м и принадлежавших по меньшей мере двум особям — молодой и старой. Костные остатки концентрировались большими блоками (часть позвоночника с ребрами, кости конечностей с прилегающими к ним частями позвоночника) и, видимо, некогда представляли собой огромные куски мяса. Среди конских костей обнаружена верхняя часть черепной коробки человека (рис. 1, *2*; 7). Здесь же лежала горловина красноглиняной гераклейской амфоры (рис. 1, *3*). Отдельные более мелкие фрагменты амфоры зафиксированы на различных участках рва.

Меньшее скопление конских костей (лопатка, три кости конечности, ребра) располагалось у южной стенки западной перемычки; два иных скопления конских костей — вблизи восточной перемычки. У северной ее стенки обнаружено более 30 целых костей и обломков (причем некоторые из костей имеют явные следы действия огня), у южной — 12.

В южной части рва на небольшом расстоянии друг от друга находились четыре фрагмента от двух человеческих черепов (от одного — лоб-

[11] О находках рвов в основании нескольких курганов, раскопанных у Стеблева, нам любезно сообщил В. И. Клочко.

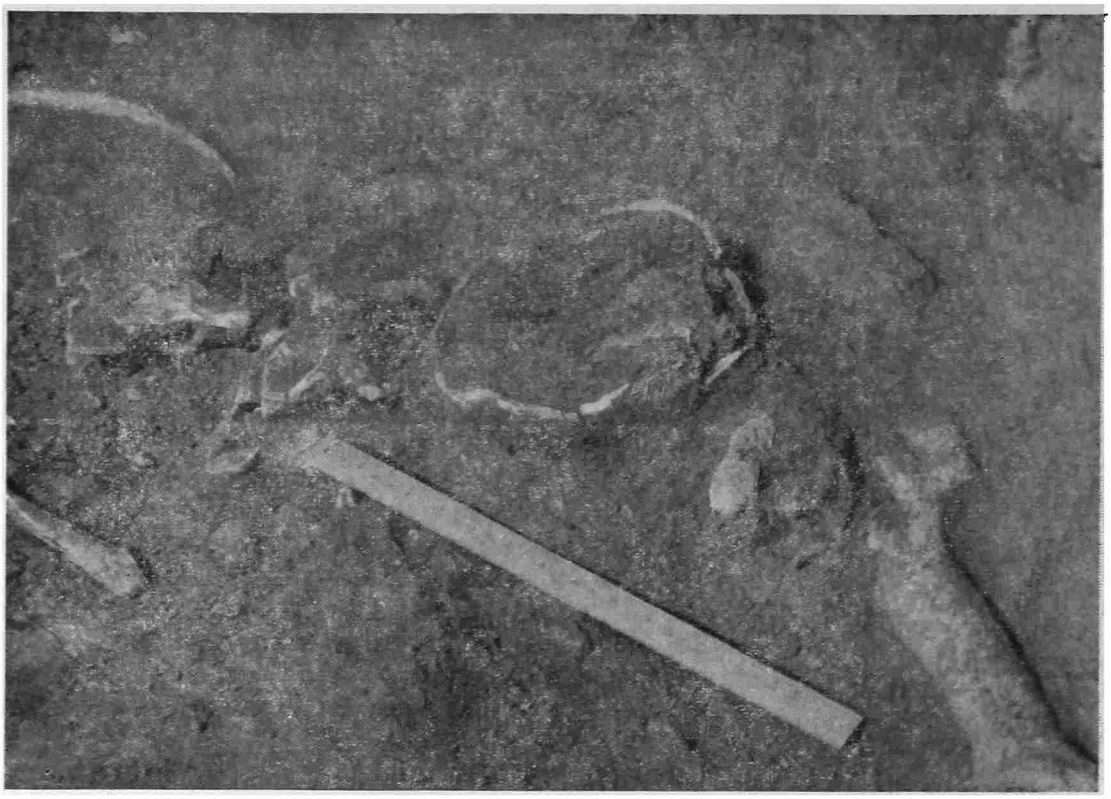


Рис. 7. Ивановка, кург. 3. Верхняя часть человеческого черепа среди костей животных во рву

ная и затылочная части, от другого — лобная часть и фрагмент лицевой части с разрушенным отделом). В 4 м западнее грудой лежали человеческие кости (три бедренных, три берцовых, обломки плечевых костей — рис. 1, 2; 8). Эпифизы отдельных костей разрушены. На одной из бедренных костей — явные следы воздействия рубящего орудия. По заключению антрополога С. И. Круц, во рву находятся кости трех человек: мужчины зрелого возраста, женщины 25—35 лет, женщины в возрасте до 20 лет.

Рассмотрим полученные материалы. Расположение остатков тризны на слое черноземного затека (замыва), а не на материковой глине дна свидетельствует скорее всего о том, что мы имеем дело не с первичной, а с повторной тризной, совершенной через определенное время после захоронения. Аналогичная ситуация зафиксирована в степных курганах высшей скифской знати и, по мнению исследователей, соответствует сообщению Геродота (Her., IV, 72) об отправлении повторной тризны через год после похорон царя [35, с. 166; 36, с. 219].

Судя по материалам, полученным при исследовании курганов скифского населения более низких рангов [8, с. 82; 37, с. 194, рис. 47; 38, с. 87, 116], двукратное повторение тризны являлось посмертной привилегией не только степных владык и скифской аристократии, но и чертой погребального ритуала, сравнительно широко распространенной в Скифии.

Расположение остатков тризны в виде отдельных скоплений, нахождение их рядом с перемычками рва (особенно с западной перемычкой) — детали, достаточно хорошо известные в степных скифских курганах [28, с. 63; 37, с. 194, рис. 47; 38, с. 87, 116, 128, 136, 157; 39, с. 63; 40, с. 46, 49]. Любопытно, что количество скоплений тризны во рву (четыре), расположение наибольшего из них у северной стенки западной перемычки рва имеют аналогии в кургане Желтокаменка (IV в. до н. э.) на Днепропетровщине [36, с. 192, рис. 4].

Безусловно, наиболее интересной находкой, происходящей из рва, является скопление человеческих костей, в которых мы склонны видеть остатки жертвоприношений. О существовании этого ритуала в Скифии

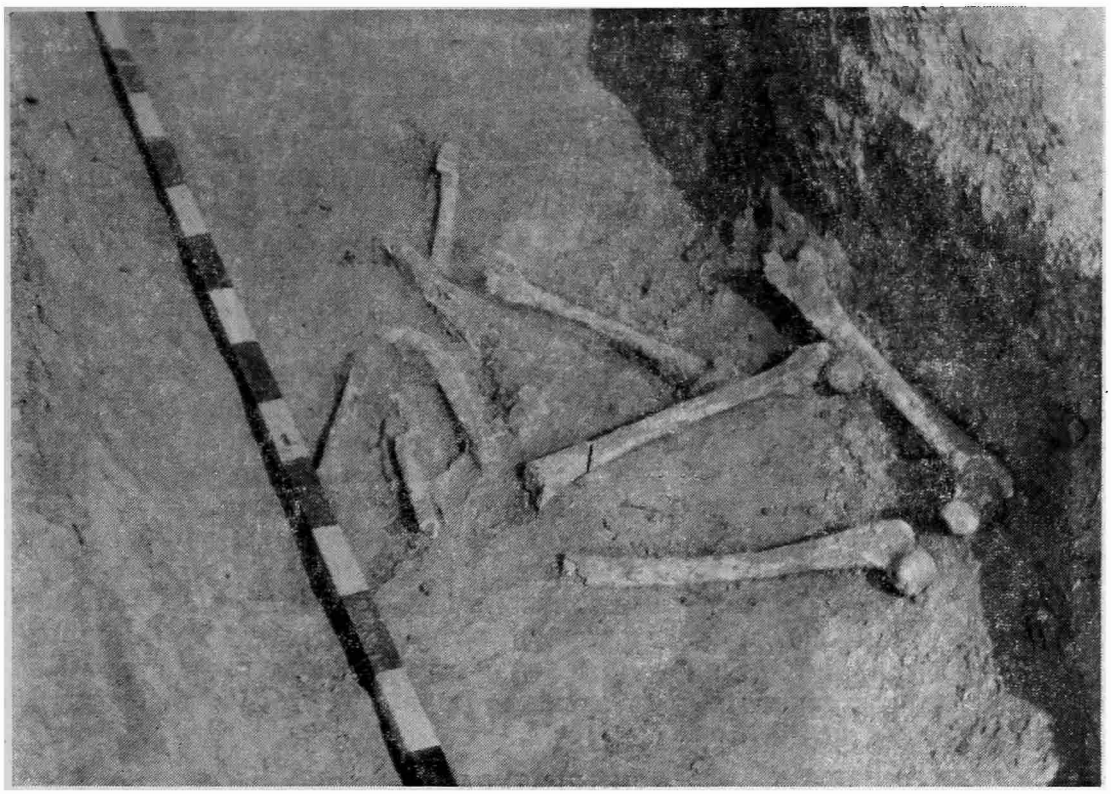


Рис. 8. Ивановка, кург. 3. Скопление человеческих костей во рву

свидетельствуют Геродот и археологические данные. По Геродоту, человеческие жертвоприношения совершались при погребении царя (насильственно умерщвлялись одна из наложниц и слуги, по прошествии года — 50 скифских юношей, которые в качестве стражей устанавливались вокруг кургана), а также при отправлении культа Арея, которому скифы приносили в жертву каждого сотого пленного (Нег., IV, 62, 71, 72).

При исследовании скифских «царских» курганов и курганов знати неоднократно обнаружены сопровождающие основных погребенных мужские и женские захоронения, которые рассматриваются как погребения насильственно умерщвленных зависимых лиц — свободных скифов и рабов [28, с. 125, 126, 136, 139, 141, 142, 145, 149, 166; 41, с. 71, 72]. Более того, археологические источники свидетельствуют, что ритуальные погребения зависимых лиц — явление не столь редкое в могилах представителей различных социальных групп как в степи, так и в лесостепи [1, с. 53; 7, с. 86; 28, с. 186—187]. Что же касается рвов, то в них практически не известны остатки человеческих захоронений, в которых можно было бы видеть ритуальные жертвоприношения[12]. Тем более необычно выглядит скопление отдельных человеческих костей во рву ивановского кургана. Создается впечатление, что они соответствовали расчлененным частям человеческих тел, в беспорядке сброшенных в ров. В качестве осторожного предположения можно допустить, что при совершении тризны в честь погребенного в кургане воина в жертву были принесены пленные: столь жестокий способ умерщвления перекликается с описанием Геродота ритуального убийства пленников (при отправлении культа Арея) (Нег., IV, 62).

Как выяснилось, находки человеческих костей во рву ивановского кургана 3 — не единственные находки подобного рода. Череп с пробоиной в лобной кости обнаружен во рву одного из скифских курганов IV в.

---

[12] Правда, следует упомянуть о погребении ребенка 9—10 лет, обнаруженном в перемычке рва скифского кургана IV в. до н. э. у с. Гюновка Запорожской обл. [42, с. 148], которое, видимо, можно отнести к кругу жертвенных погребений, вынесенных за пределы основного могильного сооружения (любезная информация Ю. В. Болтрика) (ср. [28, с. 187; 43, с. 156—159, 178]).

до н. э. группы Солохи. Исследователи, раскопавшие курган, допускают, что он связан с жертвоприношением [9, с. 16, 37]. Следует упомянуть также находку отдельных человеческих костей во рву кургана IV в. до н. э. у с. Сивашовка на Херсонщине [44, с. 210]. Полагаем, что в будущем перечень аналогичных находок пополнится. Таким образом, характер погребальных сооружений, особенности поминальной тризны ивановских курганов ведут нас в степной мир.

Говоря о проникновении на территорию Правобережной лесостепи скифского этнического элемента, исследователи указывали, что этот процесс относится к IV в. до н. э. и фиксируется находками типично степных погребальных сооружений — катакомб [1, с. 16; 28, с. 254—256; 41, с. 89]. Могилы этого типа (их известно несколько десятков) обнаружены в основном на южной окраине лесостепи, в бассейне р. Тясмин [28, с. 254—256; 41, с. 88]. Вместе с тем убедительным представляется вывод Е. Ф. Покровской о том, что погребения в ямах, перекрытых деревом, с типично степным инвентарем, открытые в курганах IV в. до н. э. близ Холодного Яра в окрестностях Смелы, также оставлены кочевым, а не земледельческим лесостепным населением [45, с. 79].

На наш взгляд, материалы, полученные в курганах у с. Ивановка, еще более расширяют круг источников, позволяющих судить об определенной инфильтрации степного населения в земледельческую среду Днепровского Лесостепного Правобережья (и в Поросье, в частности) в позднескифское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петренко В. Г* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1-4.
2. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
3. *Ковпаненко Г Т* Курганы раннескифского времени бассейна р. Рось. Киев: Наук. думка, 1982.
4. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. *Либеров П. Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
6. *Ковпаненко Г Т* Работы Лесостепной Правобережной экспедиции//АО-1983. М., 1985.
7. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наук. думка, 1968.
8. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле//МИА. 1962. № 115.
9. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И., Елагина Н. Г* Отчет о раскопках курганов у Солохи в 1962 году//Архив ИА АН УССР Ф. эксп. 1962/44.
10. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг. СПб., 1908.
11. *Петровська Є. О.* Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині//Археологія. 1968. Т. XXI.
12. *Шрамко Б. А.* Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині//Археологія. 1983. № 43.
13. *Марковин В. И.* Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия)//СА. 1965. № 2.
14. *Петренко В. Г* Работы Ставропольской экспедиции//АО-1975. М., 1976.
15. *Либеров П. Д.* Мастюгинские курганы//СА. 1961. № 3.
16. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону//САИ. 1965. Вып. Д1-31.
17. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
18. Отчет о раскопках А. А. Бобринского в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 г.//ИАК. 1902. № 4.
19. *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 г.//ИАК. 1914. № 54.
20. *Мерперт Н. Я.* Срубная культура Южной Чувашии//МИА. 1962. № 111.
21. *Евдокимов Г Л.* Работы Краснознаменской экспедиции//АО-1980. М., 1981.
22. *Чеботаренко Г. Ф.* Курган X—IX вв. до н. э. у с. Казаклия//Археологические исследования в Молдавии (1977—1978 гг.). Кишинев, 1982.
23. *Ромашко В. А.* К вопросу о генезисе киммерийских памятников Днепровского Левобережья//Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
24. *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э.//Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
25. *Мещанинов И. И.* Кромлехи//Изв. ГАИМК. 1930. Т. IV. Вып. 111.

26. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. Л.: Наука, 1980.
27. *Лавонен Н. А.* О древних магических оберегах//Фольклор и этнография. Связь фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977
28. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
29. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
30. *Петренко В. Г* Памятники раннескифской культуры на Ставрополье//Археология Северного Кавказа. IV Крупновские чтения в Краснодаре. М.: Наука, 1976.
31. *Петренко В. Г* Скифская культура на Северном Кавказе//АСГЭ. 1983. № 23.
32. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наук. думка. 1967.
33. *Ковпаненко Г Т* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье//Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
34. *Ковпаненко Г Т., Мурзин В. Ю., Бессонова С. С. и др.* Отчет о работе Лесостепной Правобережной экспедиции ИА АН УССР за 1982 г.//Архив ИА АН УССР. Ф. эксп. 1982/17.
35. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
36. *Мозолевский Б. Н.* Скифский «царский» курган Желтокаменка//Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
37. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1965 г.)//Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
38. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.)//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
39. *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977
40. *Волкобой С. С., Лихачев В. А., Шалобудов В. Н.* Скифский могильник Славянка у с. Шолохово на Днепропетровщине//Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1979.
41. Археологія Української РСР. Т. II. Київ: Наук. думка, 1971.
42. *Отрощенко В. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В. и др.* Отчет Запорожской экспедиции за 1976 год//Архив ИА АН УССР. Ф. эксп. 1976/6.
43. *Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Двугорбая Могила//Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
44. *Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А. и др.* Раскопки Херсонской археологической экспедиции в 1980 г.//Архив ИА АН УССР. Ф. эксп. 1980/15.
45. *Покровська Є. Ф.* Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли// Археологія. 1957. Т. X.

G. T Kovpanenko, S. A. Skory

ON THE STUDY OF THE SCYTHIAN BURIAL RITE IN THE ROS BASIN

Summary

While studying the mound burial at the village of Ivanovka (Kiev Region) archaeologists discovered burial constructions dated to the late 5th or the early 4th centuries B. C. They were quite new in type: a ring earthern wall faced with wooden planks (Figs. 2-6). The ring earthern wall inside which the remains of a funerary feast were found was discovered in Mound No. 3 (Fig. 1).

The authors assert that the construction elements, the ritual earthern wall and the nature of the funerary feast have no analogies in the burial rites of the forest-steppe zone population. They are rather related to the steppe Scythian sites. Similar sites in the Ros basin are an evidence of infiltration of the steppe population. The human bones from the burial at the village of Ivanovka (Figs. 7, 8) are interpreted as human sacrifices in honour of the deceased.

И. А. КАРПУШКИНА, Г. Ф. АРЗАМАНОВ

СПЕЦИФИКА ОРДЕРНОЙ КОМПОЗИЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ (НА ПРИМЕРЕ НАХОДОК ИХ ГОРГИППИИ)

За последние годы Анапской археологической экспедицией сделано немало открытий, расширяющих наши представления об истории и культуре Горгиппии. Среди находок особое место занимают архитектурные детали и фрагменты. Так, на территории Анапского заповедника найдено несколько небольших известняковых капителей и баз, относящихся к ордеру античного жилого дома и позволяющих судить об архитектурном облике рядовой застройки Горгиппии. Еще более многочисленны находки фрагментов монументальных сооружений общественного характера, выполненных из известняка и мрамора. Эти материалы различаются не только типологически — они охватывают широкий временной диапазон.

Из всего многообразия выделяется группа мраморных деталей римского периода, уникальных для Северного Причерноморья, которые до настоящего времени в основном не опубликованы. Их комплексное исследование позволило по-новому взглянуть на возможности реконструкции археологической ордерной архитектуры Горгиппии.

Архитектурные детали и фрагменты из Горгиппии уже не раз привлекали внимание исследователей [1, с. 76—78, рис. 162; 2, с. 377, рис. 22; 3, с. 36, 37; 4, с. 284]. Наиболее подробно они опубликованы Е. А. Савостиной [5]. Ею детально описаны дорический и ионический антаблементы из известняка и осуществлена попытка реконструкции фасадов горгиппийских построек: дорического стиля — конец IV—III в. до н. э. и ионического — II—I вв. до н. э. Так же тщательно атрибутированы беломраморные кассеты с изображением Медузы Горгоны, Пана и Сатира, которые она относит к постройке, связанной с культом Диониса. И. Р. Пичикян неоднократно обращался к находкам из Анапского р-на [6—9], выделяя их как особую группу мраморных архитектурных деталей Азиатского Боспора и называя «высококлассными и редко встречаемыми памятниками античной архитектуры» [7, с. 100]. На основании опубликованных материалов он реконструирует храм коринфского ордера I—II вв. н. э., который представляет как шестиколонный римский периптер [8, с. 78].

Находки последних лет обогатили наши представления о монументальной архитектуре Горгиппии первых веков нашей эры. Прежде всего это угловой блок цоколя здания и пять фрагментов близких по характеру мраморных капителей коринфского ордера, стилистическое родство которых с упомянутыми выше кассетами, а также двумя фрагментами антаблемента из станицы Натухаевской [1, рис. 162; 2, рис. 22; 6, с. 185, рис. 10; 9, рис. 90] представляется очевидным.

Следует оговориться, что не все детали найдены непосредственно на территории Горгиппии. Это может свидетельствовать о существовании монументальных загородных построек, но возможно, детали просто были развезены в турецкое время для пережигания на известь[1]. В любом случае точное местонахождение конкретных зданий для нас сейчас несуще-

[1] Е. А. Савостина относит к одной постройке фрагменты кассет из Анапы, Гай-Кодзора и даже с Кубани [5, с. 64].

ственно. Мы собираемся рассматривать лишь стилистику ордерных композиций, центром распространения которых на востоке Боспора, безусловно, являлась Горгиппия,— «стиль Горгиппии».

А единство стиля полное — по материалу (белый с теплым оттенком мрамор), технологии, ремесленным приемам. Общность композиционного построения заставляет предположить существование строгой системы модульного пропорционирования ордера и его деталей. По ряду особенностей в трактовке формы последние настолько сближаются, что, если бы не существенная разница в размерах, их можно было бы считать элементами одного и того же здания. В совокупности они дают нам достаточные основания реконструировать внешний облик ордера, неоднократно применявшегося в Горгиппии [2].

Для расчетов и реконструкций авторами сделаны собственные обмеры всех исследуемых деталей, как новых, так и уже опубликованных, поскольку материалы публикаций дают о них лишь самое общее представление. Некоторая перегруженность текста цифровым материалом объясняется желанием авторов по возможности полно воспроизвести модульную размерность и пропорциональные отношения, так как оперирование выборочными размерами и приближенными значениями могло привести к серьезным погрешностям в реконструкции недостающих элементов ордера.

* *
*

Античная архитектура первых веков нашей эры приобретает ряд специфических черт, обусловленных изменением ее идеологической роли, функциональной нагрузки и конструктивных решений, отражающих динамику развития общества. Основным следствием этого процесса явилась дифференциация типов общественных зданий. Поэтому проблема восстановления общего облика здания по одному или нескольким фрагментам, которая может быть относительно решена для классического периода, вызывает значительные затруднения применительно к сооружениям эпохи зрелого и позднего эллинизма и особенно римского времени. С такой ситуацией исследователи сталкиваются и при попытке атрибуции архитектурных деталей из Горгиппии. Так, И. Р Пичикян, отмечая большое разнообразие архитектурных решений, характерных для римского времени, пишет о невозможности однозначного определения типа общественного здания, к которому относились фрагменты антаблемента из Натухаевской [9, с. 245]. Тем не менее на большинстве реконструкций, выполненных как для Горгиппии, так и для других городов Северного Причерноморья, представлены классические эллинские периптеральные (или простильные) сооружения [8—12].

Не отрицая важной роли зданий такого типа в архитектуре города и их исторической устойчивости, обусловленной совершенством форм периптера, следует подчеркнуть, что в этот период они уже не исчерпывают всего богатства архитектурных решений. Времена лаконизма эллинской архитектуры прошли. Римская архитектура, более сложная и изощренная сама по себе, к тому же активно заимствовала приемы и формы у покоренных народов. Возникало множество региональных вариантов канонической архитектуры.

Усложнение форм коснулось не только общей структуры здания, но и составляющих его элементов. Если в греческой архитектуре использовались лишь два основных структурных элемента: нерасчлененная стена и ордерная колоннада, то в римское время появляются такие новые элементы, как арка и свод, происходит их слияние с ордером и изменение художественного и конструктивного смысла последнего. Для римского периода античной архитектуры характерны различные варианты ордерно расчлененной стены и ордерной арки (свода). Круглая колонна в

---

[2] В статье мы намеренно не будем останавливаться на эпиграфических свидетельствах широкого общественного и культового строительства в Горгиппии, о чем многократно писалось [2, с. 377; 3, с. 37, 4, с. 83; 5, с. 51; 7, с. 89].

ряде случаев уступает место прямоугольной пилястре как декоративному элементу стены. Хотя изображения несущих опор на плоскости стены известны с древнейших времен, появление ордерных пилястр в строгом смысле слова связано с архитектурой эллинизма, особенно Рима и стран, испытавших его влияние. Пилястра, расчленяющая и обогащающая поверхность стены, становится излюбленным элементом архитектуры начиная со II в. н. э., когда «приверженность к колоссальным размерам и роскошной отделке... неизбежно приводит к изысканному разнообразию структурных элементов» [13, с. 270].

Исключительное значение в свете вышесказанного приобретает найденная в 1982 г. в Супсехе капитель пилястры (оп. 64), которая демонстрирует нам особенности художественной и конструктивной системы, не встречавшейся до сих пор на территории Северного Причерноморья.

Капитель сохранилась почти полностью (рис. 1, *1*, *2*; 2, *3*), за исключением волют и завершений листьев. Она имеет квадратное основание со стороной 31 см, в центре которого расположено отверстие для крепления ее к стволу. Такое же отверстие имеется и на верхней плоскости абаки. С двух противолежащих сторон капители на всю ее высоту (37,5 см) высечены пазы шириной 7 см; справа и слева от паза на ширину 3—5 см отсутствует проработка западающих частей. Так образуется вертикальная плоскость для примыкания перегородки толщиной около 15 см. Каждая плоскость помечена буквенным индексом, гравированным у нижнего края капители. Наличие пазов и полос примыкания свидетельствует о том, что капитель венчала двустороннюю рядовую пилястру в стене.

Кроме этой капители с территории Анапского р-на происходит еще несколько деталей подобного рода, найденных в предыдущие годы. Но именно появление супсехской капители в силу лучшей сохранности дает возможность их убедительного истолкования.

В 1977 г. на территории заповедника (объект «Город») в кладке стены 228 был найден большой фрагмент капители (оп. 65), также квадратной в плане, но крупнее супсехской и чуть стройнее ее. Достаточно точно восстанавливаемые с помощью графической реконструкции сторона основания и высота капители были соответственно $35 \pm 0{,}5$ и $43{,}5 \pm 0{,}5$ см. Лицевыми у капители являются две смежные грани, одна из которых представлена наиболее полно — сбита лишь нижняя часть на 6—8 см и правая волюта. На середине абаки сохранилась (единственная на всех фрагментах) розетка в виде двух лепестков на волнистом стебле (рис. 2, *4*). Третья грань капители предназначалась для примыкания стены; и хотя целой осталась только небольшая ее часть, можно предположить наличие паза, о чем свидетельствует отсутствие детальной проработки аканта, а также выборки западающих профилей. Такая капитель могла венчать либо угловую, либо трехстороннюю (если полностью утраченная грань была лицевой) пилястру.

В 1981 г. фрагменты подобной капители, но сильно пострадавшие, были обнаружены в Алексеевке. Капитель небольшая, реконструируемая высота ее составляет $30 \pm 0{,}5$ см. На лицевой грани большего фрагмента (оп. 51) часть абаки с цветком, верх большого листа аканта и листья третьего яруса. На боковой грани видны остатки паза шириной 5 см (рис. 1, *3*, *4*). Два других обломка этой или точно такой же капители представляют соответственно окончание абаки с волютой (оп. 26) и часть большого углового листа аканта.

Кроме того, в 1981 г. в раскопе на набережной г. Анапы был найден мраморный блок (оп. 52), который представляет собой фрагмент цоколя здания с раскреповкой и базой угловой пилястры аттического профиля (рис. 1, *5*, *6*; рис. 2, *5*).

Наибольшая длина блока 58 см, основную часть его составляет база с размерами по плинту $48{,}5 \times 48{,}5$ см и опорной площадкой фуста пилястры 36×36 см. В опорной площадке выбиты два отверстия (рис. 1, *5*). Центральное (4×4 см) служило для крепления пилястры, а боковое (4×2 см) — для фиксации соседнего блока. После раскреповки блок продолжался в виде цоколя стены на длину 9—10 см (далее обколот).

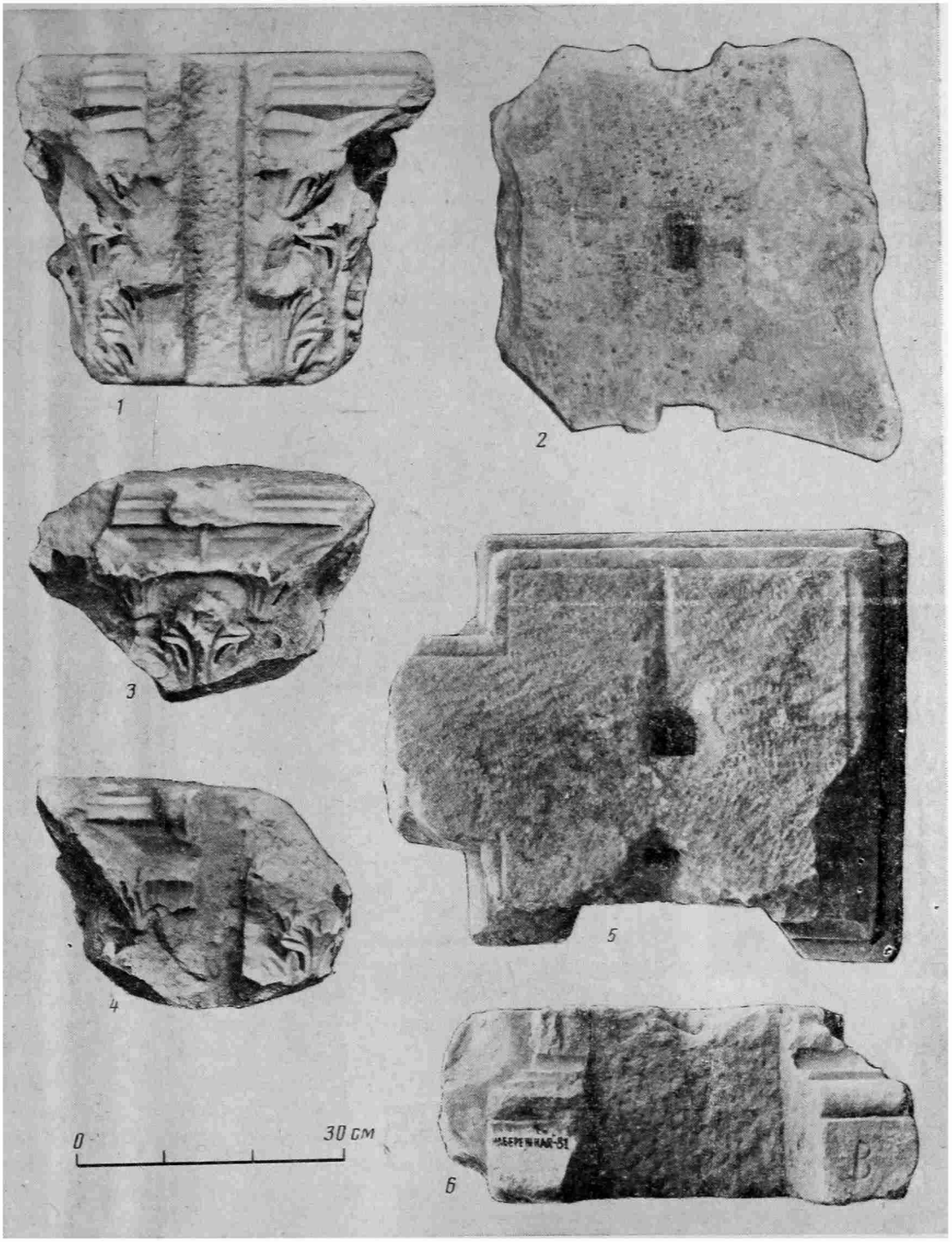


Рис. 1. Детали мраморных пилястр из Горгиппии. Коринфская капитель: *1* — (оп. 64), боковой фасад; *2* — (оп. 64), вид сверху; *3* — (оп. 51), фасад; *4* — (оп. 51), боковой фасад; *5* — блок с угловой базой (оп. 52), вид сверху; *6* — блок с угловой базой (оп. 52), паз для примыкания стены

Ширина опорной площадки стены 18—19 см. По наружному периметру цоколь имеет тот же профиль, что и база, внутренняя поверхность его вертикальна. Таким образом, ширина цоколя у основания составляет 26 см. Для примыкания перпендикулярной стены в блоке выбит паз шириной 26 и глубиной 7 см. Паз также замаркирован буквенным индексом (рис. 1, *6*). Наружная сторона паза срезана под углом 45° из-за необходимости стыковки профилей цоколя и базы. Высота цоколя 24,5 см. На поверхности основания блока следы затертости (вероятно, он использовался вторично в качестве порога). Эта база и капитель из Алексеевки пропорционально настолько близки, что могли принадлежать одной пилястре.

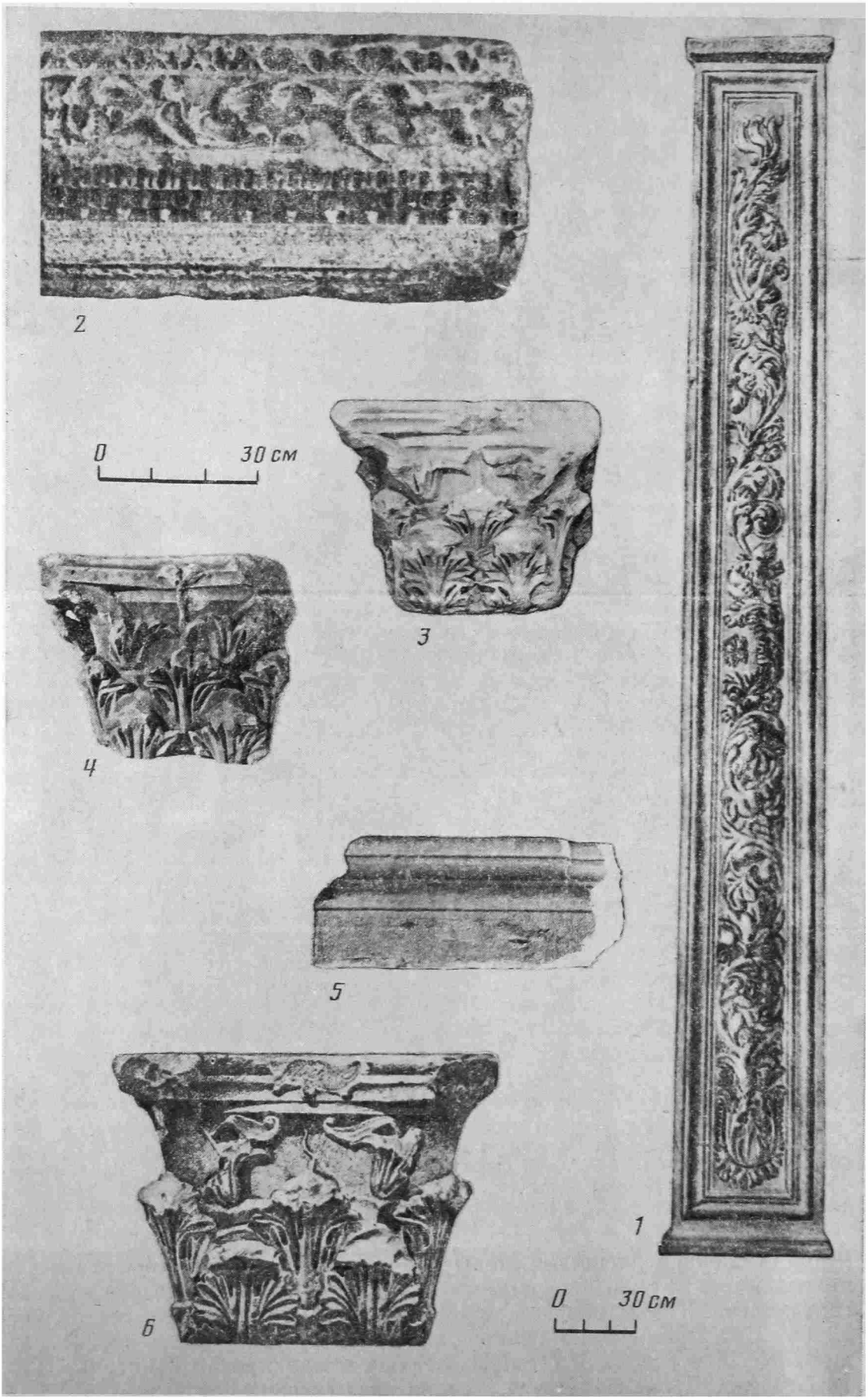


Рис. 2. Детали коринфского ордера из Горгиппии и Том. *1* — пилястра из Том [13, с. 270]; *2* — фрагмент архитрава из Горгиппии; капитель из Горгиппии: *3* — (оп. 64); *4* — (оп. 65); *5* — фасад угловой базы из Горгиппии (оп. 52); *6* — капитель из Том [13, с. 270]

Заслуживает внимания ярко выраженное своеобразие художественной трактовки деталей ордера. Капитель горгиппийского типа представляет собой оригинальную интерпретацию канонического римского варианта коринфского ордера. Композиционно она расчленена на три яруса. Первые два яруса образованы рядами листьев аканта, по восемь листьев в ряду. Третий ярус составляют волюты и обратные завитки, поддерживаемые листьями, из которых они якобы вырастают. Между завитками проходит вертикально прямой или волнистый стебель, оканчивающийся на середине абаки розеткой. Если сравнить такую капитель с канонической[3], то она оставляет впечатление более массивной и монументальной. Тело капители (без абаки) имеет форму, близкую к кубической. Листья нижнего ряда сильно увеличены и занимают почти половину высоты капители (против канонической одной трети). Третий ярус уменьшен по высоте, в результате чего волюты расходятся полого, под углом, близким к 30°, и высота капители в целом также меньше канонической.

Рельеф несколько жестковатый, со множеством глубоких узких просечек. Композиция аканта отличается от широко распространенного в римской архитектуре и канонизированного «оливкового» листа. Акант горгиппийской капители (рис. 3, *1*) характерен ярко выраженной перистостью и остротой очертаний. Направляющие долей и перьев расходятся в стороны от центрального стержня. Вторые снизу доли аканта сильно увеличены, так что наибольшая ширина приходится на середину высоты листа. Это придает аканту некоторое сходство с кленовым листом. Глазков в собственном смысле слова нет — доли не накладываются друг на друга, а лишь касаются крайними листочками. Соседние листья в ряду соприкасаются в одной точке на уровне средней доли. Просвет между ними, изобилующий резкими напряженными изломами, играет активную роль в общей композиции капители. Обостренное чувство интервала и перистость листа могут свидетельствовать о сохранении греческих традиций в искусстве.

В целом в римской архитектуре нетрудно найти более или менее близкие аналогии горгиппийскому аканту. Они встречаются по периферии империи, на довольно удаленных друг от друга территориях, не получая повсеместного распространения. Достаточно похоже изображены, например, листья аканта на капителях Большой колоннады лагеря Диоклетиана в Пальмире [15, с. 64, 65; 16, с. 95, рис. 97; 17, с. 93, рис. 94] II в. н. э., в инкрустационных капителях Зала Муз [18, с. 62, рис. 77] и в Термах Фаустины в Милете [18, с. 51, рис. 64; 19] также II в. н. э. Сходный по рельефу, несмотря на общие округлые контуры «оливкового» листа, акант мы видим на капителях пилястр из Херсонеса [9, с. 197, рис. 72]. Список памятников можно было бы продолжить. Однако в большинстве случаев эти аналогии все же нельзя назвать прямыми.

Под стать капителям база пилястры также выглядит монументальной. У нее активный, более чем в четверть ширины нижнего сечения ствола вынос профиля. Горизонтальные членения вполне оригинальны: верхний валик уменьшен, тогда как вся база, и особенно плинт, выше канонического размера. Если в каноне аттической базы выражено последовательно сжатие двух сопоставимых по размеру валиков и скоция играет роль пружинящей выкружки между ними, то здесь скоция изображает плавный конусообразный переход от верхнего валика к нижнему, который значительно шире и массивней. Массивность усиливается и характером рельефа. Называть соответствующие элементы базы валиками можно лишь условно, так как они не имеют полукруглого профиля, а обработаны только сверху, в четверть окружности. Валик горгиппийской базы воспринимается как квадратная плита со скругленными верхними ребрами, прочно опирающаяся на нижележащие части. Все элементы базы по сравнению с каноническими теряют автономность и завершен-

[3] Здесь и далее канонические пропорции взяты по Палладио, так как его система более разработана; в ней уточняются некоторые неясности у Витрувия на основании собственных обмеров Палладио выдающихся памятников архитектуры античного Рима [14].

ность форм. Так, верхний валик представляет одно целое с листелью скоции (листели сильно увеличены) и отделен от нее только неглубоким узким желобком. Аналогично сочленение нижнего валика с плинтом, в силу чего база в целом приобретает бо́льшую монолитность.

При всем сходстве архитектурных деталей из Горгиппии они различаются не только по габаритам. Каждая капитель, насколько можно судить по фрагментам, обладала своей художественной индивидуальностью. В частности, они имеют различную профилировку абаки, по-разному прорисованы волюты и листья третьего яруса. Если капитель из Супсеха имеет обратные завитки над листьями третьего яруса, то на фрагментах из Алексеевки и заповедника их нет. Однако эти различия лежат в пределах естественной вариабельности форм даже канонического ордера. Рисунок обратного завитка супсехской капители прост, нейтрален и не играет существенной роли в общей композиции. Тем более нельзя ориентироваться на такие «вторичные» признаки, как характер стебля, розетки и т. д. Мастер, не выходя за пределы единой стилистики, чувствовал себя свободным в художественной интерпретации деталей.

Итак, капители и база, найденные на территории Анапского р-на, дают представление о некоторых структурных и композиционных характеристиках ордера. Перед нами элементы зданий оригинальной тектонической системы, особенность которой состоит в том, что пилястра является одновременно и самостоятельной опорой, и декоративным элементом расчленения стены. Незначительная толщина перегородок между опорами показывает, что последние воспринимали всю нагрузку от вышележащих частей здания и обеспечивали поперечную устойчивость стены, т. е. это была каркасная конструкция с несущим заполнением интерколумниев — своего рода фахверковая конструкция.

Единственным существенным пробелом является отсутствие непосредственных данных о композиции и форме ствола опоры. Определенно можно сказать только, что пилястры небольшого размера, фусты их, вероятно, были выбиты в одном блоке и подобно капителям имели пазы для примыкания перегородки (решетки?). Возникает закономерный вопрос: корректно ли в данном случае реконструировать ордер, пользуясь рекомендациями Витрувия или его комментаторов? При сочетании в единой композиции с колоннадой пилястры обычно повторяют членения круглых колонн, но способы оформления и пропорционирования отдельно стоящих квадратных опор в каноне не оговариваются. Мы не знаем даже, были ли горгиппийские пилястры прямоствольными или имели энтазис, как это положено колонне. Кроме того, в исследуемых архитектурных деталях отмечен целый ряд отступлений от классического ордерного канона.

Для достоверной реконструкции фуста пилястры и соответственно ордера в целом необходимо иметь реальные аналоги не только в плане художественной стилистики и пропорционального построения деталей, но и аналоги структурные. Это должны быть квадратные пилястры, определенно исполняющие конструктивную функцию опоры. Столь строгие условия резко сужают круг форм, которые уместно было бы сопоставить с горгиппийским ордером.

Исчерпывающие, полные аналогии найдены нами лишь в Томах [13, с. 270; 20, с. 35; 21, с. 19; 22]. Поэтому остановимся на них подробнее. Среди обширного архитектурного материала из Том есть и полные наборы элементов ордера. Особенно наглядна в этом смысле реконструкция портала здания II в. н. э., выполненная на основании обмеров архитектурных фрагментов: фуста пилястры, капители, блока архитрав-фриз с фиксированным интерколумнием (!) и фрагмента карниза [13, с. 271].

В данном примере ордер чуть больше горгиппийского. Пилястра и антаблемент представляют собой самостоятельную конструктивную систему, непосредственно не связанную со стеной, а лишь прислоненную к ней тыльной стороной. Несущая функция опор подчеркнута выраженным энтазисом. Фуст пилястры с трех видимых сторон обработан на всю вы-

соту филенками, зрительно его облегчающими. Филенки обрамлены профилем в виде каблучка и полувалика, фасадная покрыта изысканным растительным орнаментом. Астрагал заменен широкой листелью значительного выноса, создающей переход к массивной капители. Большой вынос имеет и чимбия пилястры. Капитель уже знакомого нам типа, с развитым нижним ярусом листьев и полого расходящимися волютами, несколько более тяжелая, но профилированная гораздо изящнее. Акант, который Г Борденаке называет «слегка пожухшим»,— точная копия горгиппийского. Рисунок обратного завитка принципиально тот же, что и на капители из Супсеха (рис. 2, *5*).

Вопрос об исторических причинах ярко выраженного стилистического родства архитектурных деталей из Том и Горгиппии остается открытым. Становление ордера квадратных пилястр проходило в русле общих тенденций развития античной архитектуры. Возможно, здесь имело место распространение стиля из одного общего центра (?) или непосредственное взаимовлияние. К сожалению, обширный археологический материал, общий для Горгиппии и Том, такой, как керамические и стеклянные сосуды, терракотовые изображения и пр., не может служить безусловным подтверждением постоянных контактов между ними в первые века нашей эры, так как он широко распространен по всему Черноморскому побережью. Что же касается архитектурных деталей, то здесь, конечно, не случайное или преходящее сходство форм, а именно единство стиля, своеобразного и устойчивого.

Ко II в. н. э. Томы достигли своего наивысшего расцвета, получив титул «столицы Левого Понта». Там велось активное строительство и одновременно формировался ордер богато украшенных филенчатых пилястр[4] Если горгиппийские находки представляют собой компактную однородную группу, то в Томах, напротив, отчетливо прослеживается эволюция стиля. Сложные, но гармонически уравновешенные композиции II в. (подобные описанной выше) постепенно сменяются композициями переусложненными, с акцентированными броскими деталями — вплоть до вычурных форм V в. На основании твердо датируемых аналогий из Том все исследуемые архитектурные детали из Горгиппии следует отнести ко II в н. э. Хронологически дифференцировать их очень трудно. Может быть, только в отношении антаблемента из Натухаевской есть косвенные основания (о чем речь пойдет ниже) для несколько более поздней датировки — концом II — началом III в. Эволюция стиля в Горгиппии лишь намечена и обрывается с гибелью города, в первой половине III в.

Архитектурные детали из Том, более многочисленные, чем в Горгиппии, позволяют проследить изменчивость форм, выявить устойчивые признаки, которые можно связать с особенностями профессионального метода и использованием определенных канонов. Отличительной чертой архитектуры Том II в. является преимущественное использование квадратных в плане опор, как отдельно стоящих, так и в структуре стены («горгиппийский вариант»). Филенка, появившаяся в римской архитектуре как принадлежность прямоствольной пилястры, подчеркивающая ее ненесущий декоративный характер, в Томах была нанесена на сужающийся кверху ствол реальной опоры. Этот прием художественной обработки фуста остается неизменным, даже если пилястра используется в качестве чисто декоративного элемента. Канонизирована также завершающая пилястру квадратная капитель, абсолютно горгиппийская по пропорциям, композиционной структуре и рисунку листа. (Композиция капители в III—IV вв. постепенно меняется, но сам тип аканта существует вплоть до V в. н. э.) Часто встречается родственная горгиппийская база пилястры аттического профиля, сильно увеличенная по высоте [21, с. 18].

---

[4] Мрамор на нужды строительства доставлялся с юга, морем, но архитектурные детали, видимо, производились на месте. В Томах на древней набережной найдена большая мастерская по обработке мрамора [20, с. 90].

Таблица 1

Членения ордера по высоте

Элемент ордера		Модульные отношения			
		канонические пропорции		пропорции ордера из Горгиппии и Том	
Полная высота ордера	антаблемент колонна	11,40	1,90 (1) 9,50 (5)	11,88?	1,98 (1) 9,50 (5)
Антаблемент	карниз фриз архитрав	1,90	0,79 (5) 0,48 (3) 0,63 (4)	1,98	0,76 (5) 0,46 (3) 0,76 (5)
Карниз	венец с гуськом модульон поддерживающая часть	0,79	0,32 (3,5) 0,19 (2) 0,28 (3)	0,76	0,34 (2,5) 0,14 (1) 0,23 (2)
Фриз		0,48		0,46	
Архитрав	кима фасции	0,63	0,13 (1) 0,50 (4)	0,76	0,19 (1) 0,57 (3)
Фасции архитрава	верхняя средняя нижняя	0,50	0,21 (5) 0,17 (4) 0,12 (3)	0,57	0,23 (5) 0,18 (4) 0,16 (3,5)
Колонна	ствол с капителью база	9,50	9,00 (9 М) 0,50 (М/2)	9,90?	9,08 (9 М) 0,82 ?
Капитель	абака колохол	1,17	0,17 (1) 1,00 (6)	0,98 (до 1,04)	0,16 (1) 0,82 (5)
Колокол капители	3-й ярус 2-й ярус 1-й ярус	1,00	0,33 (1) 0,33 (1) 0,33 (1)	0,82	0,26 0,20 (4) 0,36 (3)
Ствол колонны		7,83 М		8,10 М	
База*	валики со скоцией плинт	0,50	0,33 (2) 0,17	0,82?	0,50 ? 0,32 ?

Как видим, ордер пилястр по формам весьма далек от традиционного. А каковы его пропорциональные членения, и существовала ли вообще строгая пропорциональная соподчиненность элементов? В реконструкции Г Борденаке приводятся подробные обмеры найденных фрагментов, что дает возможность провести сравнительный анализ ордера из Том с каноническим.

Результаты анализа приведены в табл. 1 и 2. Размеры всех элементов ордера выражены через его модуль — сторону нижнего сечения ствола; таким образом, числовые значения в таблицах представляют собой модульные размеры элементов. Цифры в скобках указывают кратные отношения соседних элементов ордера непосредственно друг к другу, а не через модуль, как рекомендуемые каноном, так и зафиксированные в натуре.

На первый взгляд таблицы демонстрируют значительное отличие пропорций исследуемого ордера от канонических, и пропорции эти могут показаться произвольными. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидным, что сохранен самый принцип пропорционирования ордера и все «неточности» не произвольны и не случайны, а складываются в стройную систему.

Основное членение ордера остается каноническим: несомая и несущая части относятся как 1 : 5. Энтазис ствола опоры также совпадает с рекомендуемым для небольших (до 15 футов) колонн, но высота опоры увеличена до 10 модулей, как в сложном ордере. Это повлекло за собой увеличение размеров антаблемента, причем карниз и фриз остались практически неизмененными, а увеличился лишь архитрав. Пропорцио-

Таблица 2

Основные сечения и выносы профилей

Элемент ордера		Модульные отношения			
		канонические пропорции		пропорции ордера из Горгиппии и Том	
Энтазис ствола	верхнее сечение	0,85 М	0,85 (5,5)	0.85 М	0,85 (5,5)
	нижнее сечение		1,00 (6,5)		1,00 (6,5)
Вынос карниза		0,79		0,76	
Ширина описанного квадрата абаки		1,50		1,25	
Ширина опорной площадки капители		0,77		0.82	
Ширина опорной площадки базы*		1,13		1,31?	
Выступ профиля базы		0,20 (М 5)		0,31?	
Ширина базы по плинту		1,40		1,62?	
Интерколумний		2,25 ($2\frac{1}{4}$М)		3,98 (4М)	

* Г Борденаке восстанавливает ордер без базы, так как она не найдена, однако такая реконструкция вызывает сомнения. Поэтому мы при расчетах воспользовались пропорциями горгиппийской базы.

нальное увеличение архитрава происходит за счет двух нижних фасций, а также кимы, которая составляет строго $^1/_4$ общей высоты архитрава. Средняя часть карниза редуцирована, модульоны отсутствуют и заменены орнаментированной выкружкой [13, с. 271], но подобное отступление от канона часто встречается в небольших римских постройках. Не случайно, на наш взгляд, и то, что архитрав и карниз оказываются равными по высоте. Таким образом, антаблемент из Том расчленен в отношении 5 : 3 : 5 (вместо канонического 4 : 3 : 5).

Отступления от канона, рассчитанного на пропорционирование круглой колонны, обусловлены, в частности, квадратным сечением ствола. Так, квадратная форма плана увеличивает периметр капители и соответственно ширину каждого листа аканта. Чтобы сохранить пропорции листа, приходилось прибегать к увеличению высоты нижнего яруса листьев. Пропорциональное сужение верхнего сечения ствола вызвано тем, что капитель с ее скругленными углами в любом ракурсе, кроме фасадного, выглядела бы тоньше граненого ствола. Для того чтобы сохранить зрительное ощущение стройности, квадратная пилястра сделана на полмодуля выше канонической круглой колонны. Чрезмерное увеличение высоты плинта и в целом базы становится понятным, если принять во внимание, что профиль базы проходил по периметру стен, являясь цоколем всего здания. Некоторое утяжеление архитрава может быть объяснено очень широким интерколумнием (четыре модуля)

Все это приводит нас к мысли, что мы имеем дело не столько с отступлениями от канона, сколько с существованием своеобразной системы пропорционирования, отражающей новые композиционные закономерности построения ордера и связанной с изменением роли и места последнего в общей структуре здания. Ясность пропорционального построения свидетельствует о применении простых целочисленных отношений при назначении размеров элементов ордера. Более двух десятков антаблементов начала II в. н. э. при всем различии профилировки и орнаментации показывают, что строго соблюдалось отношение архитрава к фризу именно как 5 : 3 (а не каноническое или какое-либо произвольное). Устойчивость форм, их незначительная вариабельность убедительно доказывают, что принцип ордерного расчленения стены пилястрами, за-

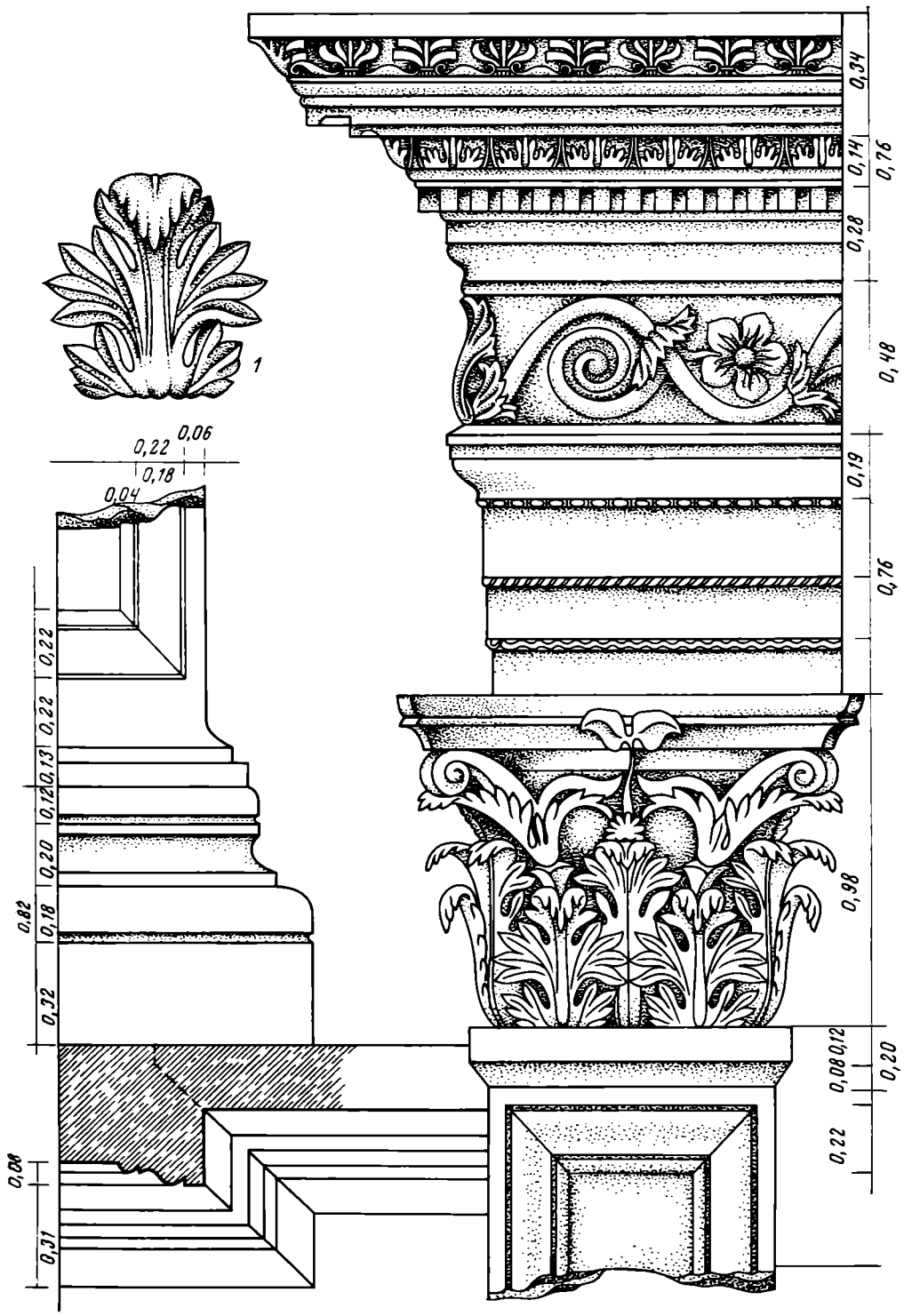


Рис. 3. Реконструкция системы модульного пропорционирования коринфского ордера из Горгиппии. *1* — реконструкция листа аканта

фиксированный в таблицах, являлся каноническим для Том по крайней мере во II в. н. э. (рис. 3).

Вполне логично предположить, что тот же принцип применялся и в Горгиппии. Некоторыми доказательствами мы уже располагаем. Это идентичность внутреннего пропорционального расчленения деталей из Горгиппии и Том: отношение абаки к колоколу капители, распределение листьев по ярусам, отношение архитрава к фризу и т. д. Кроме того, пропорции горгиппийской базы позволили дополнить ею реконструкцию Г Борденаке и получить в результате еще одно подтверждение: именно с учетом таких (а не канонических) пропорций базы основные отношения элементов ордера, бывшие до этого иррациональными, стали выражаться целыми числами, в том числе и главное членение ордера — отношение несомой и несущей частей.

Чтобы восстановить абсолютные размеры ордеров горгиппийских деталей, надо найти способ точного определения модуля. Мы знаем, что высота капители примерно равна модулю, но пропорциональные высоты капителей и в Томах, и в Горгиппии незначительно колеблются. Гораздо надежнее принять за точку отсчета размер стороны опорной площадки капители. Она структурно жестко связана с верхним сечением ствола, которое в свою очередь составляет 5/6 нижнего сечения, т. е. модуля. Для капители из Супсеха мы определяем абсолютно точный модуль — 38 см, для остальных — с некоторым допуском. Опорная площадка базы напрямую связана с нижним сечением ствола, так что ее модуль, согласно табл. 2, равен 30 см (римский фут?).

Особую проблему представляют интерпретация пропорциональных отношений и определение модуля антаблемента из Натухаевской, так как его архитрав имеет лишь две фасции (рис. 2, *2*). И. Р Пичикян объясняет эту особенность стремлением облегчить антаблемент. Однако это нельзя понимать буквально: высота архитрава пропорционально нисколько не уменьшена, он лишь расчленен по-иному. Как исключение архитравы с двумя фасциями (или с редуцированной нижней фасцией) встречаются с середины II в. н. э. и в Томах. Во всех этих случаях отношение архитрава к фризу сохраняется как 5 : 3, но сильно увеличенная кима зрительно сокращает высоту фриза и фасций архитрава, т. е. можно говорить об иллюзорном облегчении только отдельных частей антаблемента.

Архитрав с двумя фасциями и увеличенной кимой допускается в каноне сложного ордера, но не с целью облегчения антаблемента, а для укрупнения его членений. Причина в том, что композитная капитель, как правило, зрительно тяжелее и массивнее, чем каноническая коринфская. Трудно сказать, чем обусловлено здесь укрупнение членений архитрава — некоторыми общими тенденциями[5], или особенностями композиции и восприятия постройки, или индивидуальными пристрастиями мастеров. В любом случае надо предполагать определенную трансформацию остальных деталей ордера, но не изменение пропорций его главных членений. Исходя из общей высоты горгиппийского антаблемента, восстанавливаем по табл. 1 модуль ордера — 45 см.

Опять мы сталкиваемся с размером, соотносимым с римским футом. Случайно ли это? Ведь и модуль супсехской капители можно истолковать как фут с четвертью (38 см). Проанализируем все реконструируемые размеры основных элементов ордеров архитектурных деталей из Горгиппии, приведенных в табл. 3.

Из табл. 3 следует, что в Горгиппии или за ее пределами во II в. н. э. на основе унифицированного ордера было возведено несколько разных зданий. Несомненно, найденные детали не принадлежали какой-либо одной, очень сложной постройке. Нами выявлено четыре разных масштаба ордера, но все они невелики. Максимальная высота пилястры составляла 4,5 м. Капитель же из Алексеевки и база принадлежали просто миниатюрному зданию, высота которого до верха карниза была всего 3,5 м. Можно представить, что это ордер интерьера, но наличие угловой базы именно в меньшем ордере свидетельствует о его употреблении в экстерьере здания.

Как видим, и модуль ордера, и размеры основных его членений оказываются кратными римскому футу, а погрешность составляет не более 1—2%. Так, в меньшем ордере нижнее сечение ствола пилястры равно квадратному футу, высота колонны — 10 футам, антаблемента — 2, а полная высота — соответственно 12 футам. Увеличение модулей ордеров также подчинено греко-римской четвертичной системе (ступня=4 ладони=16 пальцев). С изменением модуля на одну ладонь высота ордера возрастает на 3 фута (90 см). При небольших в целом размерах зданий

[5] Чрезмерное увеличение кимы, в частности, встречается в архитектурных фрагментах из Пантикапея [6—9], где это проявляется еще более наглядно, так как архитрав имеет три маленькие фасции и сильно уменьшенный фриз (в отношении к архитраву как 2 3 и даже 1 2).

Таблица 3

Сравнение размеров ордера деталей из Горгиппии в см (футах)

Элемент ордера	Фрагмент капители (оп. 51), база	Капитель (оп. 64)	Фрагмент капители (оп. 65)	Фрагмент антаблемента
Модуль ордера	**30,0** (1)	**38,0** $\left(1\frac{1}{4}\right)$	**42,0** $\left(1\frac{3}{8}\right)$	**45,0** $\left(1\frac{1}{2}\right)$
Полная высота ордера	357,5 (12)	448,5 (15)	500,5 $\left(16\frac{1}{2}\right)$	537,5 (18)
Высота антаблемента	60,0 (2)	75,0 $\left(2\frac{1}{2}\right)$	82,5 $\left(2\frac{3}{4}\right)$	90,0 (3)
Высота карниза	23,0	29,0	31,5	34,5
Высота фриза	14,0	17,0	19,5	21,0
Высота архитрава	23,0	29,0	31,5	34,5
Высота колонны	297,5 (10)	373,5 $\left(12\frac{1}{2}\right)$	418,0 (14)	447,5 (15)
Высота капители	30,0	37,5	43,5	45,0
Высота ствола	243,0	305,0	324,0	365,5
Высота базы	24,5	31,0	33,5	37,0
Верхнее сечение ствола	25,5	32,1	34,0	38,5
Энтазис (5,5:6,5)	0,85	0,85	0,85	0,85
Опорная площадка капители	25,0	31,0	35,0	37,0
Опорная площадка базы	36,0	45,5	49,0	54,5
Ширина базы по плинту	48,5	61,5	69,5	74,0
Интерколумний	120,0	152,0	172,0	180,0

минимальное увеличение модуля составляло, вероятнее всего, 1/16 фута (палец), но реально мы имеем пока 1/8 фута, что дает увеличение общей высоты на 45 см. Цепочка выделенных модулей горгиппийских ордеров выглядит следующим образом: фут, фут+ладонь, фут+ладонь+2 пальца и, наконец, полтора фута (ср. рис. 2, *1*; сторона нижнего сечения фута пилястры из Том равна 2 футам).

Универсальность предложенной в табл. 1 и 2 системы пропорционирования и для Горгиппии, и для Том становится теперь совершенно очевидной. Есть все основания считать, что такая специфическая система существовала в действительности и была канонизирована. Она позволяет достоверно восстанавливать общие параметры горгиппийских ордеров даже по незначительным фрагментам, тогда как при использовании классического канона погрешность может составить до 10% (при 5-метровой опоре — ошибка в 0,5 м!).

Здесь необходимо оговориться, что в силу той же специфичности горгиппийская система пропорционирования была привязана к строго определенным формам. Поэтому нецелесообразно пользоваться ею при анализе пропорций архитектурных памятников, не входящих в данную стилистическую группу.

Среди архитектурных деталей Горгиппии особняком стоит фрагмент капители большой круглой колонны коринфского ордера. Она отличается от описанных выше не только формой и пропорциями, но и материалом (светлый серо-голубой мрамор). Судя по этой капители, в Горгиппии в первых веках нашей эры существовал еще один тип ордера. Он должен был принадлежать зданию иной, периптеральной или простильной композиции. Единственное, что связывает эту капитель с капителями пилястр,— специфическая манера исполнения аканта и увеличенные листья нижнего яруса. В целом же ордер круглой колоннады имел другую пропорциональную организацию. Ориентировочно его параметры можно определить по Витрувию, как это сделано И. Р. Пичикяном, использовавшим эту капитель в реконструкции римского периптера [8, с. 78; 9, с. 245, рис. 91].

* * *

Подводя итоги, мы можем сказать, что исследуемые детали позволяют понять некоторые особенности стиля монументальной архитектуры Горгиппии первых веков нашей эры. Хотя невозможно без значительных домыслов восстановить облик какого-либо конкретного здания, тем не менее перед нами богатый материал для реконструкции принципов его структурной (ордерной) организации. Высокий класс архитектуры, не раз отмечавшийся в связи с изяществом профилировки и мастерством обработки материала, подтверждается наличием специфической и стройной системы модульных отношений ордера (рис. 3).

Ордер этот весьма далек от своего эллинского прототипа. Пилястра продолжает еще оставаться конструктивной опорой, но уже является принадлежностью стены, ее декоративным элементом. Рельефные филенки, сменившие строгую стройность гладкого или каннелированного ствола, еще больше подчеркнули фасадность опоры. С другой стороны, если в ряде римских построек пилястра является как бы отражением на стене круглой колонны (иногда в буквальном смысле стоящей рядом), то в горгиппийском ордере опоры осмыслены и спропорционированы именно как квадратные. Трудно представить себе их непосредственное соседство с круглой колонной, но зато разнообразие конструктивного и композиционного контекста пилястры (судя по примерам из Том) дает возможность предположить существование отдельно стоящих квадратных в плане опор, например в портале, пропилеях и т. д. Почти такой случай нам и демонстрирует реконструкция Г Борденаке.

Тем не менее перед нами все же не ордер в собственном смысле слова, а своеобразный вариант римской ордерной стены. Даже если опора конструктивно не связана со стеной, она связана с ней (в противоположность круглой колонне) композиционно, системой координат своего квадратного основания. Поэтому возможность существования периптеральной композиции, при которой ордер играет роль доминирующего структурного элемента, в данном случае маловероятна. Квадратная опора композиционно требует окружающего поля стены, от которой может иногда отрываться, образуя структурные узлы здания, и вновь возвращаться на стену в качестве изобразительного элемента. (Встречаются примеры и плоских, практически нарисованных на стене пилястр [17, с. 10, 18].) Ордер, с которым мы столкнулись в Горгиппии, представляет собой как бы промежуточный вариант между этими крайними выражениями пилястры — своеобразный ордерный фахверк.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселовский Н. И.* Кубанская область. Окрестности г. Анапы//ОАК за 1903 и 1906 г. СПб., 1906, 1909.
2. *Сорокина Н П.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья// ВИА. 1973. Т 2.
3. *Кругликова И. Т* Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М.: Наука, 1975.
4. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
5. *Савостина Е. А.* Об архитектурных фрагментах из Горгиппии//Горгиппия. 1 (Материалы Анапской археологической экспедиции). Краснодар, 1980.
6. *Пичикян И. Р.* Боспорские антаблементы первых веков нашей эры//СА. 1975. № 1.
7. *Пичикян И. Р* Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья первых веков нашей эры//ВДИ. 1976. № 4.
8. *Пичикян И. Р* К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам//КСИА. 1978. Вып. 152.
9. *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984.
10. *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса//Ольвия, теменос и агора. М.; Л.: Наука, 1964.
11. *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.//МИА. 1957 № 56.
12. *Пичикян И. Р.* Храм ионийского ордера в Херсонесе (попытка реконструкции)// История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
13. *Bordenache G.* Attività edilezia a Tomi nel il secolo dell E. N.//Dacia. Revue d'archeologie et d'histoire ancienne. N. S. 1960. IV.
14. *Палладио А.* Четыре книги об архитектуре. М., 1936.
15. *Michalowski K.* Palmyre. Warszawa, 1959.

16. *Michalowski K.* Palmyre. Warszawa, 1960.
17. *Michalowski K.* Palmyre. Warszawa, 1962.
18. *Wiegand Th. u. a.* Milet. Der Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. B., 1906.
19. *Кобылина М. М.* Милет. М.: Наука, 1965.
20. *Канараке В.* Археологический музей в Констанце. Бухарест, 1967.
21. *Канараке В.* Здание с мозаикой в Томах. Бухарест, 1968.
22. *Bordenache G.* Sculture greche e romane del Museo nacionale di antichità di Bucarest. Bucarest, 1969.

I. A. Karpushkina, G. F. Arzamanov

SOME SPECIFIC FEATURES OF THE ARCHITECTURAL ORDERS IN THE EARLY CENTURIES A. D.
(Corgippia Finds)

Summary

The authors compare marble architectural details from Gorgippia (Figs. 1-2) to identify the general development trend of classical architecture in the earlier centuries A. D. This is the first ever approach to these details as the elements of the distinctive constructional and artistic system (Fig. 3). Their analysis permitted the authors to conclude that the system served the basis of several (practically contemporary) buildings (Fig. 2, Б-Д). Having identified direct analogies they used the architectural finds from Tomi to reconstruct the Gorgippian order. This fruitful attempt provided a complete picture of the artistic style and technological procedures. The authors have proven that ancient architects used a highly specific and rigorous procedure of module proportionality when designing the order details or elements (Fig. 3; Tables 1, 2). The discovery has enabled them to establish the scale of the order of four buildings (Table 3) and their initial modules. All of them turned out to be divisible by the Roman foot. There is every ground to believe that architects in Gorgippia and Tomi used one and the same canon of order forms. This fact will greatly facilitate attribution of new finds and reconstruction of orders.

Н. М. БОКИЙ, С. А. ПЛЕТНЕВА

ЗАХОРОНЕНИЕ СЕМЬИ ВОИНА-КОЧЕВНИКА X В. В БАССЕЙНЕ ИНГУЛА

Осенью 1983 г. при прокладке водовода Днепр — Кировоград у с. Субботицы Знаменского р-на Кировоградской обл., в 6 км от правого берега р. Аджамки — левого притока Ингула, в степи было случайно открыто и полностью разрушено погребение. От него до нас дошли только остатки богатого сбруйного серебряного убора и несколько украшений, которые дали возможность заключить, что погребение, очевидно, принадлежало женщине [1].

Среди украшений — литая серебряная серьга с неподвижной длинной подвеской из пяти литых, плавно соединяющихся друг с другом шариков (рис. 1, *3*), бронзовый проволочный (из круглого в сечении жгута) браслет (рис. 1, *2*), браслет из плосковыпуклой, довольно массивной, узкой бронзовой пластины с овальными концами и елочным орнаментом на поверхности (рис. 1, *1*) и, наконец, нитка бус, составленная из 12 старых, сильно потертых бусин: шести шаровидно-сплющенных синих прозрачных с белыми глазками, двух прозрачно-зеленоватых 14-гранных, одной 6-гранной из зеленого непрозрачного стекла и трех сильно патинированных неопределенных типов (рис. 1, *4*)

Значительно богаче была конская сбруя. В нее входили 56 различных по форме и конструкции, отлитых из прекрасного чистопробного серебра блях и бляшек (рис. 1, *5—10*), две обломанные и смятые, вырезанные из тонкого серебряного листа трапециевидные обкладки с остатками деревянной основы, к которой они были прибиты бронзовыми гвоздиками с крупными полушаровидными головками (рис. 1, *11*, *12*), и трубочка, небрежно согнутая из листа бронзы, с незапаянным швом (рис. 1, *13*). Трубочка служила «держателем» подбородочной кисти, прикрепляющейся снизу к ремням узды. Разместить остальные предметы на сбруе можно только предположительно. Видимо, три «облегченные» (без дополнительной пластины на обратной стороне) большие бряхи-тройчатки (рис. 1, *5*) располагались на оголовье. Их сопровождали стилистически сходные с ними сдвоенные бляхи (рис. 1, *6*) и, возможно, три бляшки-наконечника в виде «строенных» полумесяцев с полушариями на рожках (рис. 1, *7*). К ремням все они были прикреплены отлитыми вместе с бляхой шпеньками, закреплявшимися на обратной стороне ремней бронзовыми, тонкими, неровно нарезанными квадратными и прямоугольными пластинами (со сторонами в 4—6 мм).

Более массивные тройчатки — выпуклые и укрепленные с обратной стороны ремней тонкими сплошными бронзовыми пластинами, вероятно, закрепляли перекрестия ремней на груди и крупе (рис. 1, *10*). Окончания ремней были снабжены массивными гладкими наконечниками (рис. 1, *8*, *9*). Серебряные тонкие накладки были частью декора седла (бо́льшая их часть, видимо, затерялась или просто не была замечена и собрана обнаружившими погребение рабочими).

В 1985—1986 гг. на месте находки этого богатого комплекса, вдоль обеих сторон водоотвода был заложен большой раскоп общей площадью 1800 м^2. После снятия черноземного слоя, достигавшего здесь

[1] Вещи были переданы в Кировоградский государственный педагогический институт им. А. С. Пушкина учеником Субботцевской средней школы В. Ольшевским. Благодарим учителя А. Н. Якимчука за дополнительную информацию о находках.

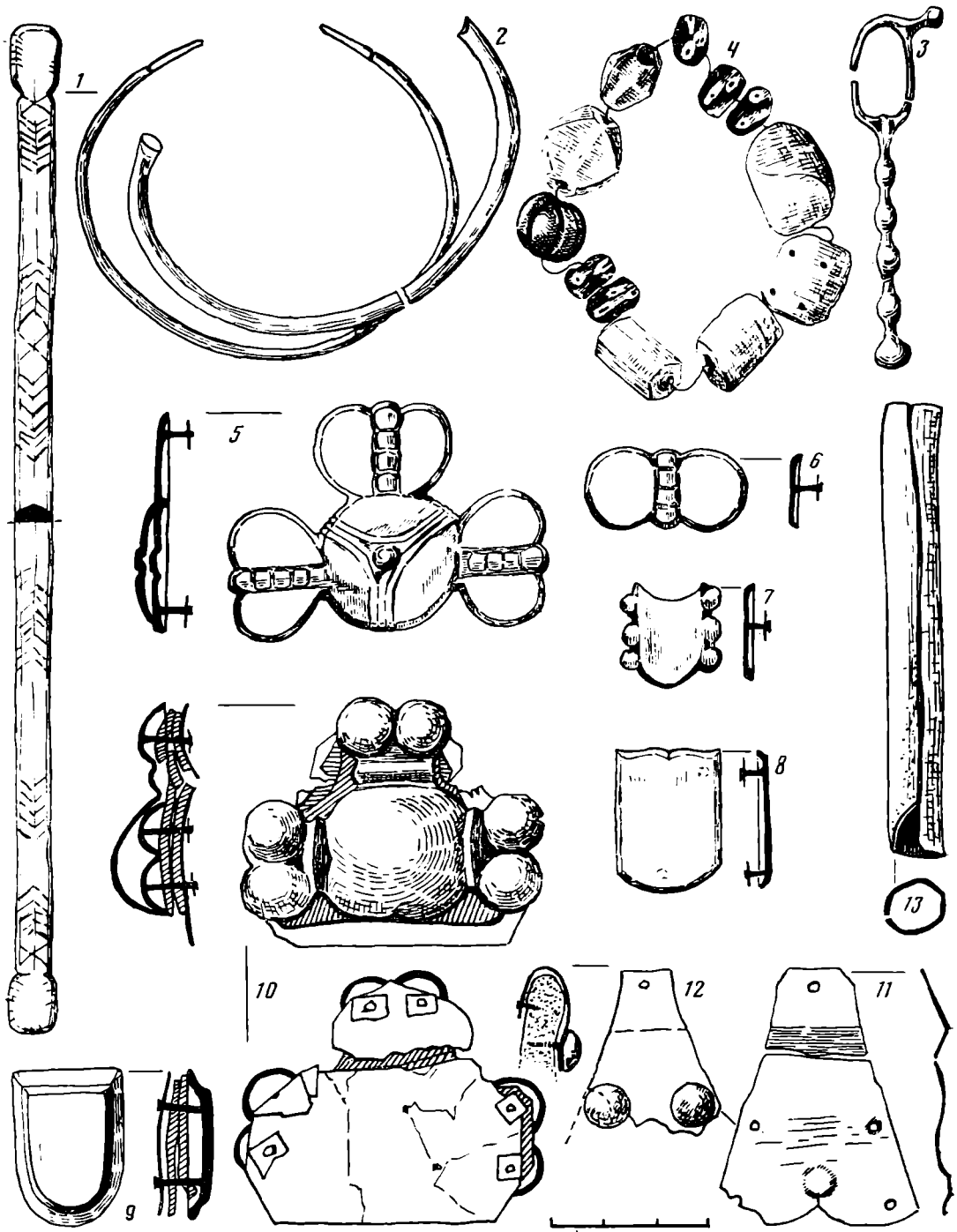


Рис. 1. Вещи из разоренного погребения 1 *1* — браслет; *2* — проволочный браслет; *3* — серьга; *4* — бусы; *5* — три уздечные бляхи-«тройчатки»; *6* — 44 уздечные бляхи; *7* — три уздечные бляшки-наконечники; *8* — два наконечника; *9* — массивный сбруйный наконечник; *10* — три массивные сбруйные бляхи-«тройчатки»; *11, 12* — седельные пластинки; *13* — трубочка для подбородочной кисти; *1, 2* — бронза; *3, 5—13* — серебро

0,3—0,4 м, на уровне материкового суглинка были открыты прямоугольные пятна еще двух захоронений (погр. 2 и 3), ориентированные по длинной оси запад — восток. На всей остальной громадной площади вокруг погребений никаких признаков могил или иных погребальных сооружений не было. Очевидно, три бескурганных захоронения составляли отдельный могильник. Связь погребений между собой подтверждается прежде всего четким расположением могил по линии север — юг в непосредственной близости друг к другу (погр. 2 находится на расстоянии 3,5 м от погр. 1, а погр. 3 — на расстоянии 2 м от погр. 2).

Таким образом, погребение 2, находящееся между погр. 1 и 3, является как бы «центральным». Оно произведено в правильно-прямоугольной в плане могиле (2,6×1,2 м) с ровными вертикальными стенками.

Глубина ее от уровня материка — 0,9 м (от поверхности — 1,2 м) Никаких дополнительных конструкций перекрытий, подбоев, подстилок или следов гроба не было (рис. 2).

Скелет человека, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками, череп — на левом виске. Скелет сохранился полностью, следов ритуального разрушения не прослежено; он принадлежал взрослому, довольно высокому человеку, судя по массивным костям — мужчине [2].

В ногах скелета, перекрывая левую ступню и вдоль левой голени, были уложены голова и кости ног коня. Голова ориентирована мордой на запад, ноги, отчлененные по третий сустав,— копытами также на запад. В северо-западном углу могилы находились остатки запаса пищи: лопатка, плечевая кость и несколько ребер коровы, а также красноглиняный кувшин с отбитым венчиком (рис. 2, *5*). Рядом с костями лежали небольшой сильно перержавевший нож с остатками деревянной ручки (рис. 3, *5*) и удила с гвоздевидными псалиями (рис. 3, *1*), а к востоку от них, у черепа,— два стремени и подпружная железная пряжка (рис. 3, *2*, *3*, *4*). Вдоль левой руки были обнаружены следы коричневого деревянного тлена от колчана с восемью железными листовидными черешковыми наконечниками стрел (наконечники, как и все остальные железные предметы, сохранились очень плохо; рис. 3, *6*). Очевидно, к колчану относится тонкая костяная накладка (рис. 3, *7*), по-видимому, обрамлявшая его устье, а также найденные среди коричневого тлена небольшая овально-рамчатая с гладким щитком литая серебряная пряжечка и соответствующая ей по стилю гладкая неправильно-пятиугольная бронзовая литая с неподвижным кольцом бляшка (рис. 2, *3*, *4*). Вокруг скелета — от тазовых костей до западной стенки могилы — было обнаружено 59 маленьких литых бронзовых позолоченных бляшек, прикрепленных к основе шпеньками, закрепленными на обратной стороне основы бронзовыми квадратными неровными пластинками; 31 бляшка — двойные лунницеобразные с парными шаровидными выступами с обеих сторон (рис. 4, *4*). Все они были размещены на узком ремешке в ряд, соприкасаясь друг с другом полушаровидными выступами. Другой вариант бляшек этого типа (28 экз.) представлен одинарными лунницами со слегка «рифленой» поверхностью, образуемой выступающим продольным ребром. С двух сторон лунница снабжена парными полушаровидными выступами (рис. 4, *3*). Шесть из них украшают узкий ремешок, к которому они прикреплены, как и вышеописанные, в ряд, т. е. соприкасаясь узкими сторонами (полушариями). Остальные были закреплены «продольно» по краю тонкой «сатинообразной» ткани, отпечатки и кусочки которой сохранились на некоторых из них (рис. 4, *2*). Расположение бляшек представляется особенно интересным. Они, очевидно, обрамляли довольно большое покрывало из ткани, следы от которой прослеживаются на бляшках. Местами по периметру оно было обшито тонким ремешком. Примерные размеры покрывала 120—130×70—80 см. Им была прикрыта вся верхняя часть покойника — от бедер до головы, а также пространство между головой и западной стенкой могилы (рис. 2). Под тазовыми костями были обнаружены обломки кресала неопределенного типа, сохранилась меньшая его часть (рис. 3, *8*).

Остальные обнаруженные в могиле предметы относятся непосредственно к одежде или личным украшениям покойного.

По обеим сторонам черепа были найдены два золотых проволочных кольца — серьги (рис. 2, *1*), у шейных и поясных позвонков — золотые, очень тонкие обкладки пуговиц, видимо деревянных. Из-за хрупкости сохранность пластинок очень плохая, выдавленный на них орнамент едва различим (рис. 4, *1*). На безымянный палец правой руки был надет массивный серебряный перстень со стеклянной вставкой, закрепленной четырьмя «лапками» (рис. 2, *2*). Самой замечательной частью костюма,

[2] Сохранность костей хорошая, но специальное антропологическое определение скелетов (из погр. 2 и 3) не проводилось.

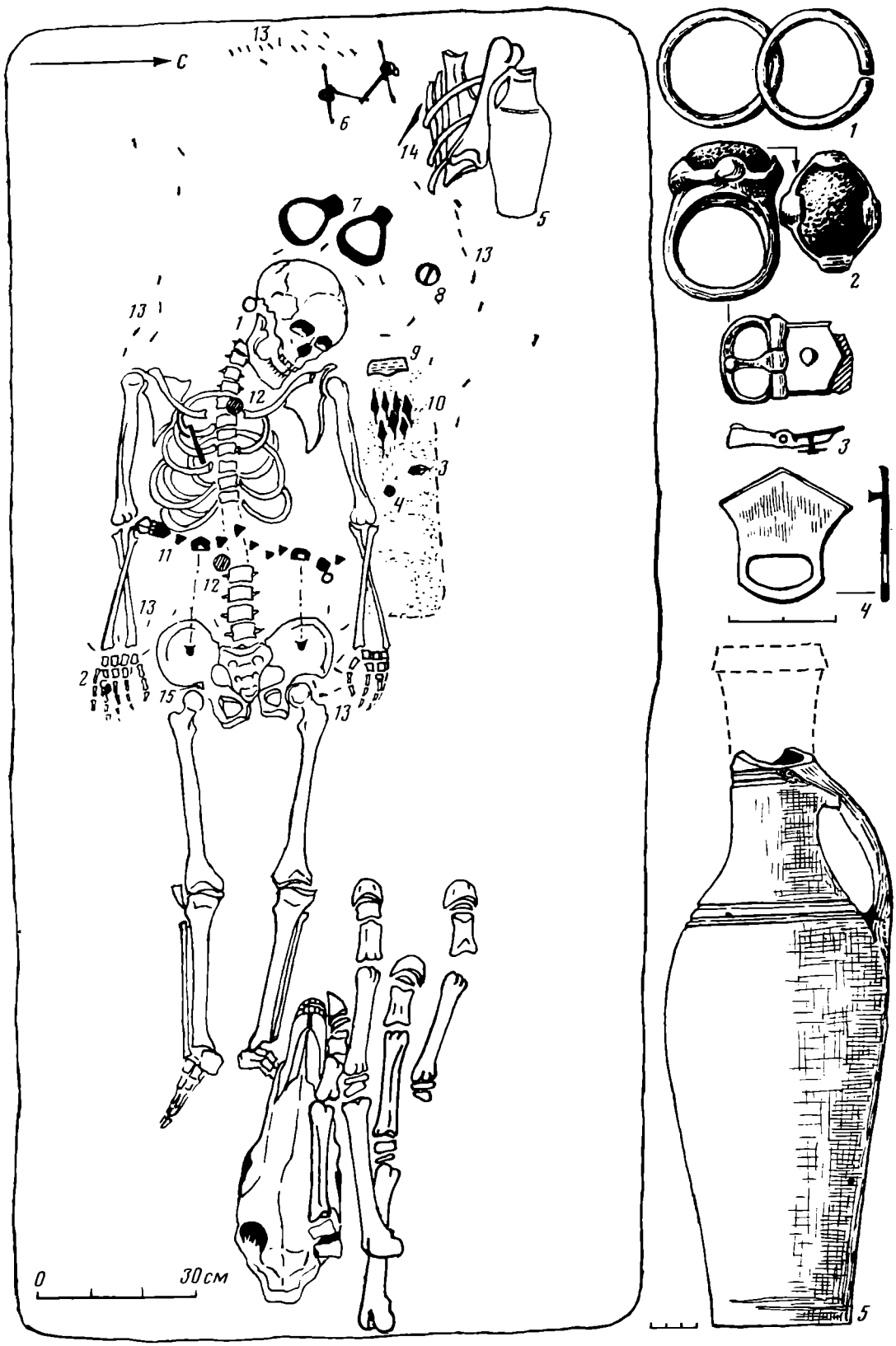


Рис. 2. План мужского погребения 2 и некоторые вещи из него. *1* — золотые серьги; *2* — серебряный перстень со стеклянной вставкой; *3* — серебряная пряжка от колчана; *4* — серебряная бляшка от колчана; *5* — красноглиняный кувшин «тмутараканского» типа

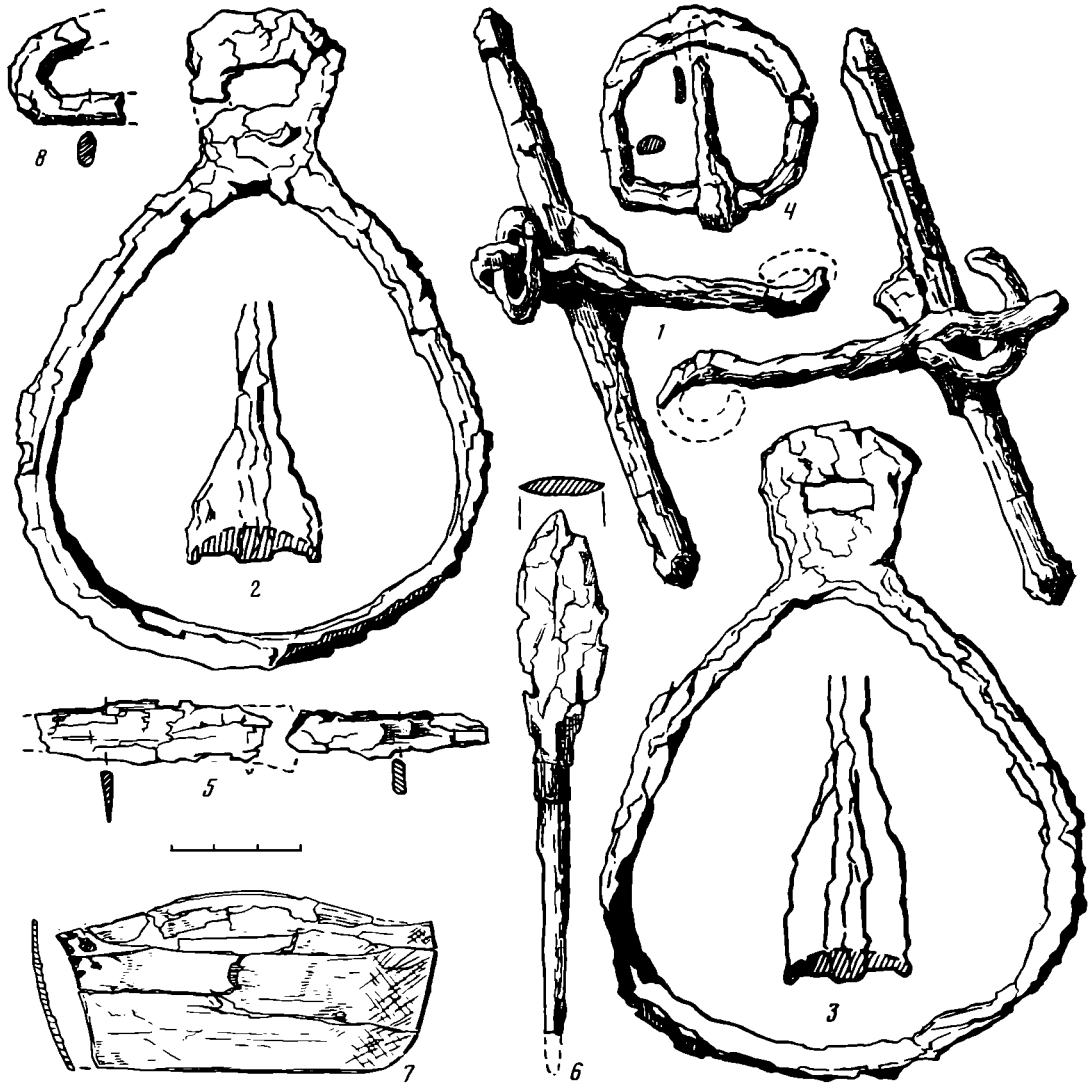


Рис. 3. Предметы сбруйного набора, железные вещи и костяная пластинка из погр. 2, нумерация рисунков соответствует номерам находок на плане погребения на рис. 2. *1* — удила; *2, 3* — стремена; *4* — подпружная пряжка; *5* — обломок ножа; *6* — наконечник стрелы; *7* — костяная пластина от колчана; *8* — обломок кресала (?)

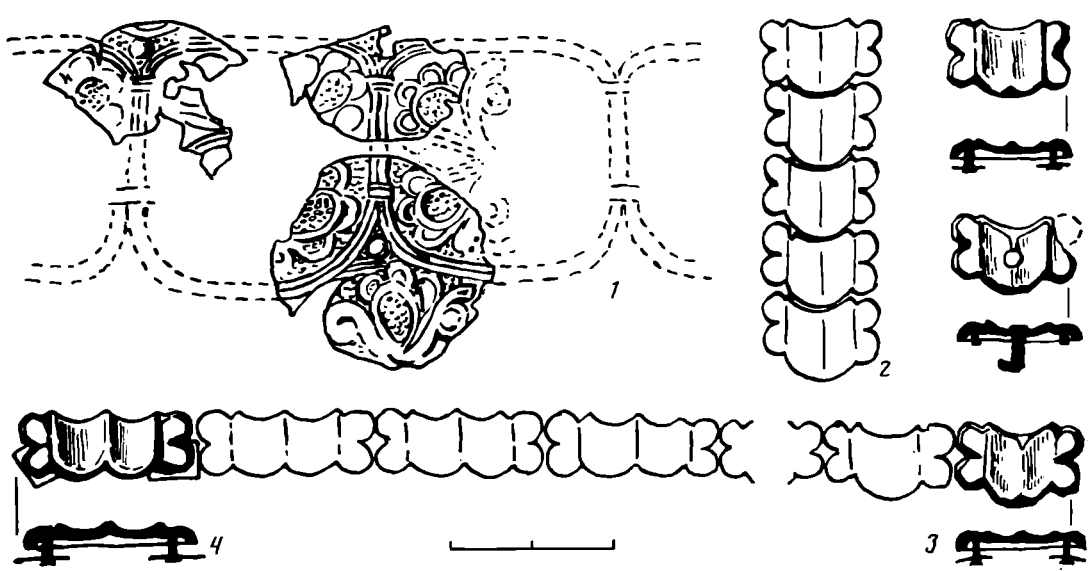


Рис. 4. Остатки пуговиц и бронзовые мелкие бляшки от «покрывала» из погр. 2. *1* — фрагменты золотой фольги — обтяжки пуговиц и предположительное включение их узора в орнаментальную «схему»; *2, 3* — бляшки первого варианта; *4* — бляшки второго варианта

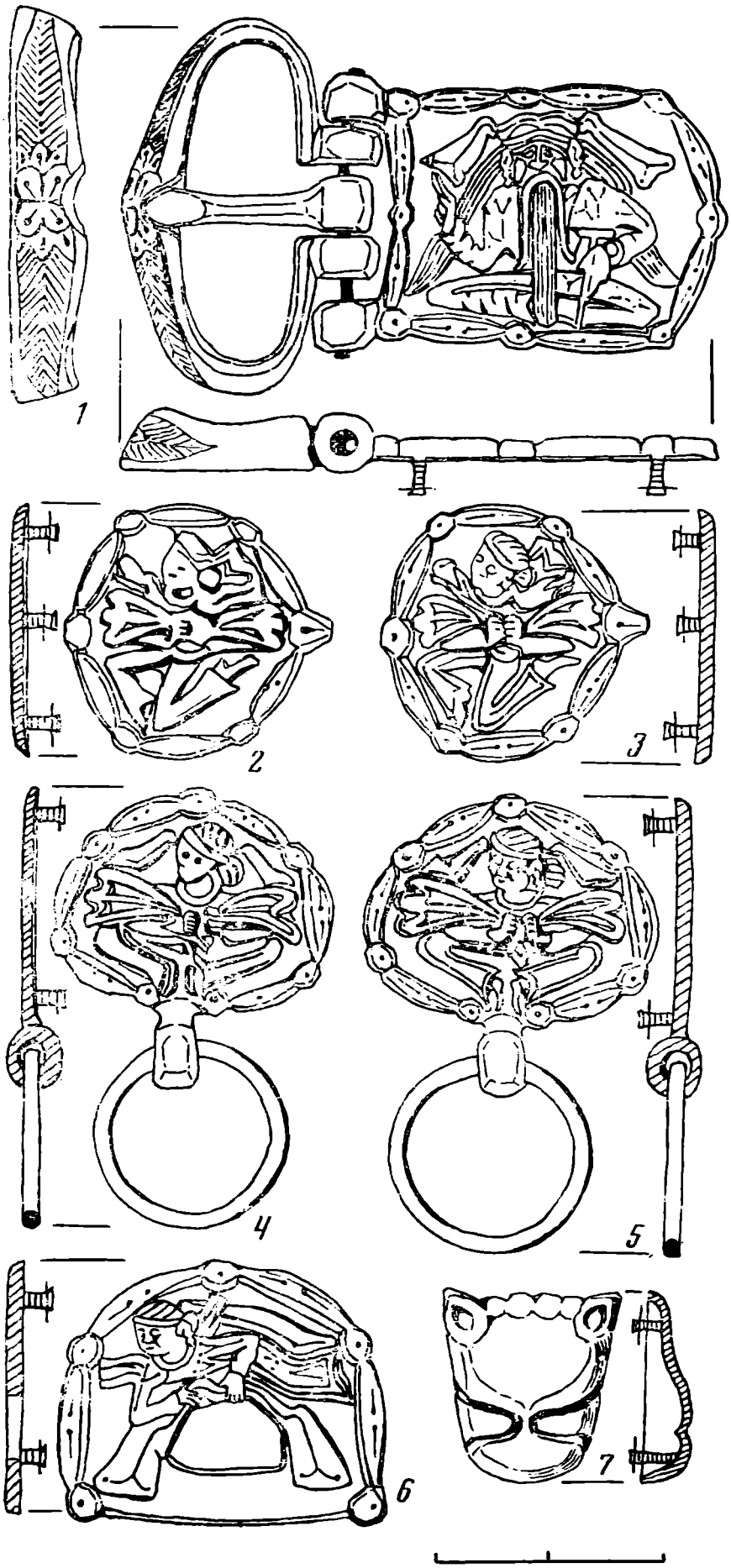


Рис. 5. Серебряные позолоченные пряжка и четыре типа бляшек воинского пояса из мужского погребения 2

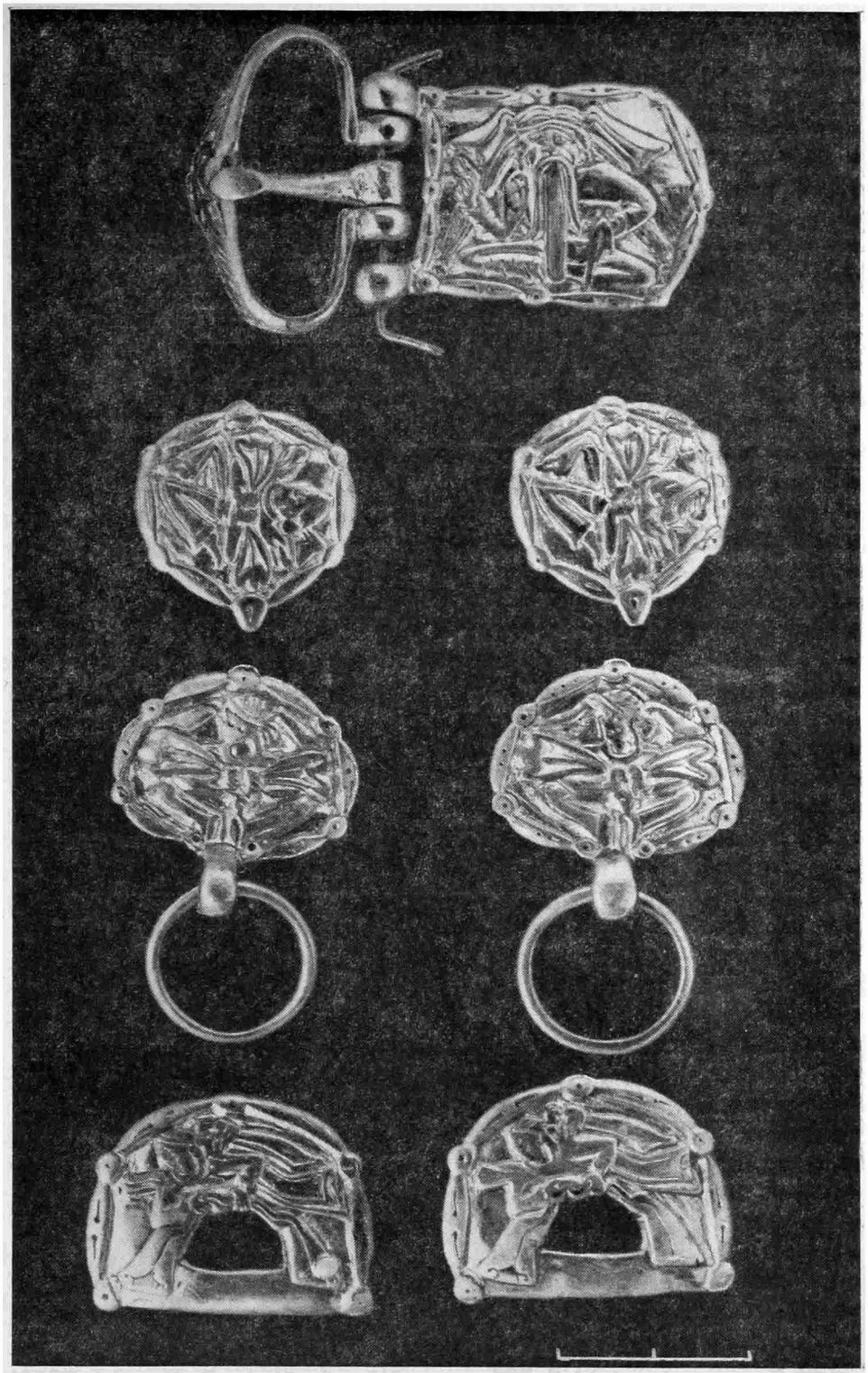


Рис. 6. Пряжка и три типа бляшек воинского пояса из мужского погребения 2

несомненно, является воинский пояс погребенного, пряжка и бляхи которого находились в области поясных позвонков, две из них — на тазовых костях скелета (рис. 2). Он состоит из крупных накладных пряжки, 7 округло-шестиугольных блях, 10 блях с кольцом, 4 блях с прорезью и 2 небольших наконечников в виде звериных головок (рис. 5 и 6). Они литые, массивные: щиток пряжки — толщиной 2, рамки — 4, бляшек 1—1,5 мм; изготовлены из хорошего серебра и позолочены. Лицевая поверхность их довольно сильно истерта, так что позолота и некоторые наиболее выпуклые детали изображений не сохранились, позолота видна только в углублениях рисунка. В целом сохранность всех предметов превосходная. Щиток пряжки был прикреплен к ремню четырьмя се-

ребряными «шпеньками», заклепанными на внутренней стороне ремня аккуратно вырезанными из тонкого серебряного листа кружочками диаметром до 5 мм. Такие же крепления (тремя или двумя) «шпеньками» были и на остальных предметах пояса. На некоторых из них серебряные круглые пластинки-заклепки заменены, по-видимому в процессе ремонта, прямоугольными, довольно небрежно вырезанными из бронзового тонкого листа пластинками различной величины (5×5, 4×7, 7×8 мм).

Пряжка относится к отделу треугольно-рамчатых [1, с. 36, табл. XVII] с полуовальным щитком (рис. 5, *1*). Правда, следует сказать, что щиток у пряжки, изданной В. Б. Ковалевской, как и в данном экземпляре, на самом деле не овальный, а пятиугольный. Край щитка декорирован чередующимися круглыми и овальными выступами. В пятиугольное пространство щитка, поперек его вписана сидящая человеческая фигура, немного выпуклая, хорошо выделяющаяся на золоченом фоне. Человек сидит с широко разведенными коленями и соприкасающимися подошвами ступнями. Лицо с большими глазами, широким с выделенными ноздрями носом, массивными скулами. Брови и нос составляют Т-образную фигуру. В ушах серьги с подвесками из двух шариков. На лбу тонкая повязка, поддерживающая волосы, расчесанные на прямой пробор двумя длинными прядями, доходящими до колен: они как бы обрамляют фигуру с двух сторон. Такие же длинные у него усы со слегка загнутыми концами и борода, опускающаяся до ступней.

В левой руке, согнутой под прямым углом, мужчина держит тонкий Т-образный предмет (скипетр или топорик), упирающийся рукоятью в «землю» рядом со ступнями. Локоть правой руки опирается на бедро, а кисть поднята вверх в явно ритуальной позе (с тремя согнутыми и двумя — указательным и средним — вытянутыми пальцами). С обеих сторон головы изображены отходящие от нее к плечам трапециевидные предметы — принадлежности головного убора. В целом изображение поражает необычайной тонкостью исполнения. На кафтане и деталях головного убора легкими процарапанными насечками изображены складки материи, пальцы рук проработаны и отделены один от другого прорезью, выделены тонкими длинными штрихами пряди волос на голове и бороде. Кроме того, дополнительный орнамент в виде точек и штрихов нанесен на кружки и овалы, расположенные по краю щитка.

Лицевая поверхность рамки пряжки украшена двумя длинными, расходящимися в стороны острыми листьями, покрытыми мелким «елочным» узором. Соединены они в центре четырехлепестковой розеткой с примыкающими к ней с двух сторон трилистниками, перекрывающими место соединения длинных листьев с розеткой.

Не меньший интерес представляет и орнаментация остальных частей пояса.

У шестиугольных блях один угол несколько оттянут книзу, а по периметру бляхи орнаментированы чередующимися выпуклыми кружками и овалами, аналогичными тем, которые украшают край щитка пряжки (рис. 5, *2*, *3*). Пространство внутри этого бордюра сплошь заполнено причудливо расположенной в ней фигурой человека в правом повороте, стоящего на левом колене. Туловище изображенной фигуры развернуто анфас, руки согнуты в локтях и, сжатые в кулачки, соединены на груди. Лицо изображено в «три четверти», на двух из них заметны как будто глаза и широкий нос. Лицо безбородое и безусое. На лбу повязка, поддерживающая волосы, собранные в пучок на затылке. От головы отходит трапециевидная лопасть, аналогичная тем, которые отходят от прически мужчины на пряжке (только меньше и короче). Шею обрамляет массивная гривна или воротник, который, вероятно, закреплял развевающийся в обе стороны «шарф». В руках человек сжимает также расходящиеся в стороны, треугольные, расчлененные на три части предметы, напоминающие крылья. На талии прослеживается тугой, в два обхвата пояс, а на ногах — брюки с раструбами и мягкие, обтягивающие изящно изогнутые ступни сапожки или туфли. Представляет интерес расположение фигуры на бляшке. Логично предположить, что нижней частью

бляшки был оттянутый вниз край с крупной овально-треугольной промежуточной «вставкой» между двумя продольными овалами обрамления. Однако если рассматривать бляху таким образом, то человеческая фигура на ней окажется перевернутой (головой вправо, ногами влево) Это заставляет нас предположить, что на ремне бляшки располагались оттянутым концом вправо: в таком случае изображение смотрелось так, как его желал представить мастер, отливший его (вверх головой, вниз ногами). Нужно отметить также, что фигурки на бляшках очень сильно стерты и две из них явно отлиты вторично (по восковой модели, сделанной со старой бляхи). Обе значительно грубее, на них нет многих деталей — штриховки волос, окантовки брюк, членения шарфа, ручек и пр. (рис. 5, *2*).

Следующие 10 блях овально-треугольные с неподвижной петлей, в которую вставлено небольшое (18 мм) колечко со спаянными наглухо концами. Семь бляшек этого типа сохранились полностью, одна — без кольца, две — в обломках. Щитки бляшек по периметру украшены чередующимися кружками и овалами, декорированными точками и точками со штрихами. Все внутреннее пространство занято фигурой человека, все детали ее органично вписаны в неправильный овал щитка (рис. 5, *4*, *5*). Человек изображен сидящим в расклешенных брюках с широко разведенными коленями, ступни ног соприкасаются подошвами. Согнутые в локтях, сжатые в кулаки руки соединены у груди. В них человек держит отходящие в стороны трехчастные «крылья», аналогичные изображенным на шестиугольных бляшках. Лица на всех (кроме одной) бляшках сильно стерты или плохо отлиты и затем небрежно и неверно обработаны резцом. Они изображены в «три четверти», как и на предыдущих бляшках, лица безусые и безбородые. На шее гривна или воротник. На лбу узкая повязка, волосы собраны на затылке в пучок, на одной из блях видно, что от уха спускается к гривне, видимо, серьга в виде стерженька из трех кружочков. С обеих сторон головы трапециевидные лопасти, являющиеся частью прически (как у бородатого мужчины на пряжке). Очевидно, несмотря на безбородые и безусые лица, на всех 17 описанных бляхах изображены мужчины. Основанием для этого служит весьма выразительное изображение лотоса в центре сидящих фигурок (под кулачками). В заключение следует сказать, что бляшки этого типа изготовлены были двумя мастерами, или, как и в предыдущей серии бляшек, в «две отливки». К изделиям одного из них (к первой отливке) следует отнести всего две бляшки. Изображения на них великолепно отлиты и затем тщательно проработаны тонким резцом (рис. 5, *5*). Именно на них более или менее четко видны черты лица, серьга, лотос, пальчики на руках и изящные тонкие ступни. Остальные восемь блях являются не очень удачными копиями (отливками) с двух первых (рис. 5, *4*). Обработка резцом грубая, с ошибками: лица с двумя или тремя непонятными дырками, серьги отсутствуют, пальцы на руках не проработаны или же бессмысленно прочерчены косой насечкой, лотос — в виде треугольничка или перевитого «жгута», ноги (брюки) сделаны нечетко, а ступни вообще на большинстве бляшек не прорисованы. На одной из блях вместо углублений, подчеркивающих наиболее выразительные части фигурки, в отливке получились отверстия с неровными краями.

Четыре бляшки с прорезью имеют форму почти правильно-полукруглую, по краю они так же, как и все остальные бляхи этого набора, декорированы чередующимися кружками и овалами (рис. 5, *6*). Нижняя часть бляшки прямая и у отверстия сильно потертая (стерта не только позолота, но немного и серебряная основа). Человеческая фигура на бляшках этого типа представлена в неожиданной и оригинальной позе — в левом повороте лежащей или, скорее, летящей над отверстием бляхи. Голова фигурки приподнята, лицо изображено в «три четверти», ноги вытянуты, согнутые в локтях руки держат, как бы прижимая к груди, какой-то длинный «шарф», спускающийся двумя треугольными лопастями по обеим сторонам отверстия. Этот «шарф» аналогичен, очевидно,

тем «трехчастным крыльям», которые изображены также крепко зажатыми в кулачки на фигурках вышеописанных бляшек. Аналогичны и остальные детали костюма и прически, особенности лица — с большими глазами и широким носом. На лбу повязка, поддерживающая волосы, в ушах серьги, на шее широкая гривна (воротник?). От плечей отходят короткие прямоугольные лопасти развевающегося «шарфа», а от затылка — трапециевидная лопасть головной повязки. Поскольку фигура дана «в полете», одежда на ней как бы развевается, что в свою очередь создает впечатление стремительного движения. Рукава и брюки также покрыты штрихами, подчеркивающими движение. На всех бляшках (даже сильно стертых) отчетливо выделяется маленькая, немного изогнутая ступня ноги.

В настоящее время трудно восстановить местоположение на поясе всех блях этого роскошного убора. Ясно только, что пряжка находилась справа, поскольку обнаружена была у локтя правой руки (рис. 2). Помимо пряжки точное местонахождение зафиксировано еще для двух бляшек этого пояса, имеющих вид «кошачьих головок» с острыми ушками и выделенными рельефом близкопосаженными глазами (рис. 5, *7*). Бляшки лежали симметрично на обеих тазовых костях, очевидно, являясь наконечниками тонких ремешков, спускающихся от пояса вниз по бедрам. Этим бляшкам примерно соответствуют по расположению в области поясных позвонков две бляхи с отверстиями: видимо, ремешки укреплялись именно в этих бляшках, продеваясь через отверстия (рис. 2).

Последним предметом, обнаруженным в области грудной клетки скелета, но не относящимся, видимо, ни к одежде, ни к предметам обихода умершего, является довольно массивный, сильно окислившийся и развалившийся железный стержень (длиной примерно 10 см) Форма и назначение его неясны. Возможно, человек был убит этим предметом, являвшимся обломком копья (или иного оружия), застрявшим в груди.

Погребение 3 данного комплекса, находившееся к югу от погр. 2, также было помещено в прямоугольной яме размером 2×1,05, глубиной 0,8 м, с ровными вертикальными стенками (рис. 7). Перекрытия над ямой не было, на ровном полу не прослежено никаких следов подстилки. Погребенный ребенок был уложен вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован головой на северо-запад, лицом вверх. В целом сохранность скелета хорошая, только череп распался по несросшимся еще швам и потревожены (вероятно, грызуном) кости правой руки: плечевая кость немного сдвинута к грудной клетке, и полностью отсутствуют косточки кисти. Судя по тазовым костям, ребенок был мальчиком, а по не полностью сменившимся молочным зубам можно примерно определить его возраст — 7—8 лет.

У черепа, между ним и стенкой могилы, был помещен запас пищи, от которого сохранилась бедренная баранья кость и сильно проржавевший небольшой ножик со следами деревянной рукояти.

В ногах погребенного, частично перекрывая кости ступней, находились останки молодого коня (жеребенка): череп, ориентированный мордой на север, и две передние ноги, отчлененные, как и в предыдущем погребении, по третий сустав. Рядом с ними были обнаружены обычные удила с гвоздевидными псалиями (рис. 7, *6*) и остатки сбруи в виде разбросанных у ног мальчика среди конских костей и на черепе 30 листовидных небольших бляшек и 6 вытянутых пятиугольных наконечников (рис. 7, *4*, *5*). Все они были вырезаны из тонкого серебряного листа (почти фольги) и служили обкладками деревянных, соответствующих форм бляшек. Конструкцию оголовья восстановить, естественно, нельзя, можно только предположить, что наконечники были помещены по три с обеих сторон головы на перекрестиях трех ремней (рис. 7, *5*).

В пространстве, ограниченном правой рукой, нижними ребрами и тазовой костью мальчика, компактной кучкой лежали пять бараньих астрагалов (бабки), бывших его игрушками.

Набор украшений весьма скромный. По обеим сторонам черепа найдены кольчатые бронзовые серьги, сделанные из круглой в сечении про-

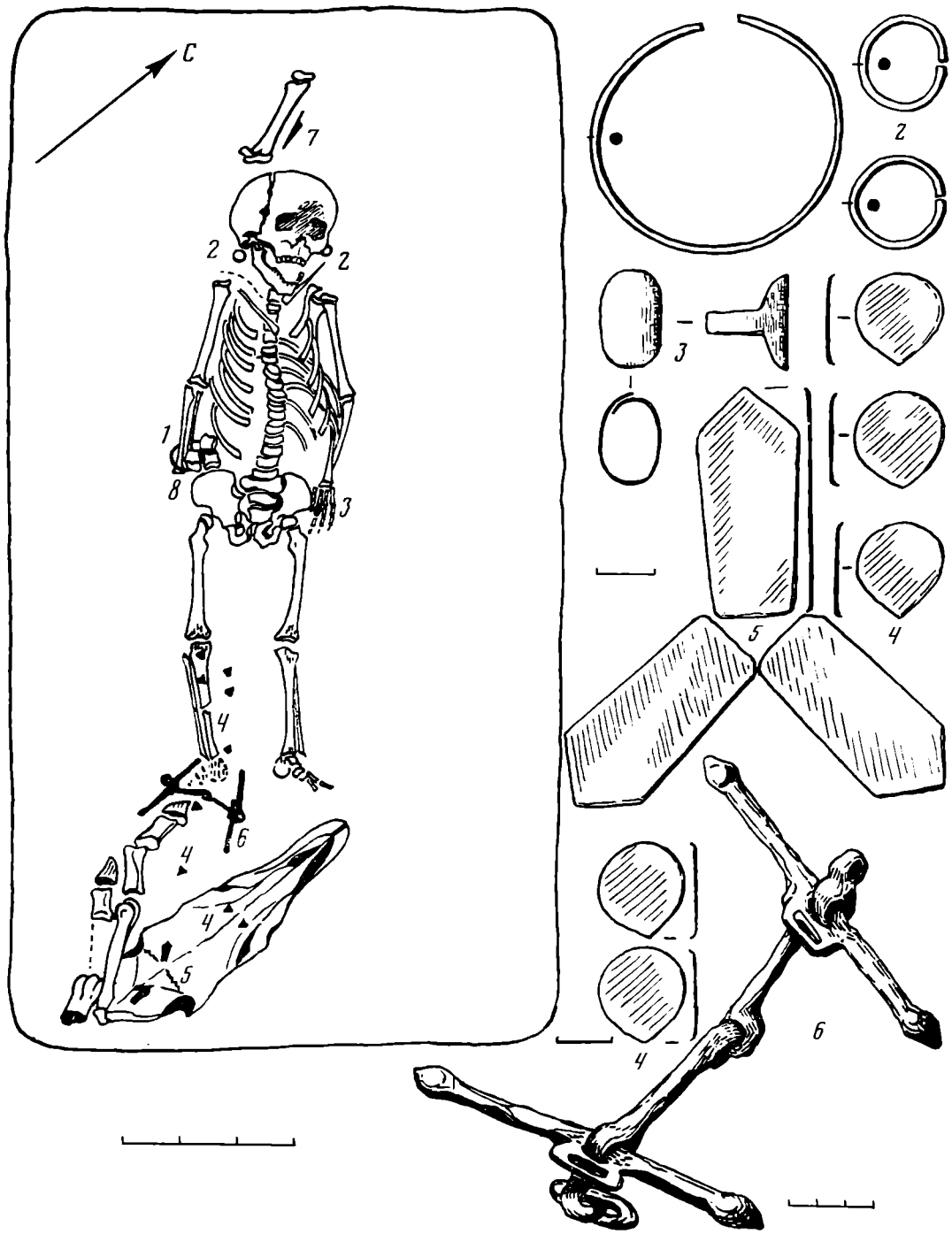


Рис. 7 План детского погребения 3 и вещи из него. *1* — бронзовый проволочный браслет; *2* — бронзовые серьги; *3* — серебряный перстень; *4, 5* — тонкие, вырезанные из листового серебра бляшки и наконечники от сбруи; *6* — железные удила

волоки с несомкнутыми концами (рис. 7, *2*). На правую руку был надет простой бронзовый проволочный браслет, изготовленный из той же бронзы, что и серьги (рис. 7, *1*). На указательном пальце левой руки обнаружен серебряный щитковый перстенек (рис. 7, *3*). Овальный щиток и отходящие от него в обе стороны «тяги» вырезаны из тонкого листа и согнуты затем на пальце (концы обеих «тяг» не запаяны и заходят один за другой).

Рассматривая погребальный обряд этого комплекса в целом, прежде всего следует констатировать, что оба погребения, а также и первая (разоренная) могила — бескурганные. Их взаимное расположение, одинаковая ориентировка могил, сопровождающий погребения инвентарь, на датировке которого мы остановимся ниже, свидетельствуют о его единовременности.

Подробно ознакомившись с деталями обряда двух захоронений, мы можем констатировать, что они отличаются предельным единообразием, выражающимся: 1) в форме могильной ямы (обширная, простая, без приступок, плечиков и подбоев); 2) в ориентировке погребенных головами на запад; 3) в их положении в яме (вытянуто на спине); 4) в сопровождении умерших захоронениями останков коня (головы и ног); 5) в помещении ритуальной пищи; 6) в сопровождении покойника личными вещами (бытовыми, воинскими, украшениями) и конской сбруей (удилами, стременами, оголовьем с богатым наременным набором блях). Выявляющиеся между погребениями различия, совершенно очевидно, следует объяснить разными возрастными категориями умерших. Погребение мужчины характеризуется захоронениями головы и ног взрослого коня, ритуальной пищей в нем служили части коровьей туши и питье, наполнявшее кувшин. Кроме того, воина сопровождали колчан со стрелами и, вероятно, не дошедший до нас лук; в одежде особое место занимали роскошный воинский пояс, а также золотые серьги и обтянутые золотой фольгой пуговицы. Мальчик погребен вместе с головой и передними ногами жеребенка, ритуальная пища у него — мясо барана, украшения очень скромные (бронзовые), а оружие и пояс отсутствуют. Возрастные и половозрастные различия в инвентаре, а также в составе пищи и возрасте коней в зависимости от возраста и пола погребений — типичное явление для погребальных языческих обрядов всех народов мира. В частности, в известном Зливкинском праболгарском могильнике (IX в.) мясо баранов помещали в погребения в качестве ритуальной пищи не только детям, но и мужчинам, а мясо коров — исключительно женщинам [2, с. 92]. Однако в данном случае, как было сказано выше, кости коровы были обнаружены в мужском погребении, а женское, определенное нами по сопутствующему инвентарю (украшениям и особо роскошной сбруе), разрушено, поэтому осталось невыясненным, мясо какого животного должно было сопровождать женщин.

К какому же народу или этносу относились, судя по обряду, обнаруженные захоронения? Ближайшую аналогию этому обряду мы находим среди венгерских захоронений, относящихся к так называемой эпохе «завоевания родины» (X — начало XI в.). Они практически характеризуются всеми шестью выделенными нами на материалах двух погребений признаками [3, с. 305—329, рис. 52, 59, 62, 66; 4, с. 125, рис. 2; 5, рис. 1; 6, с. 176—188 и др.]. Правда, там нередко кости коня находятся не в ногах скелета, а слева от него, а сбруя обычно укладывалась в ногах погребенного или рядом с останками коня, но, видимо, это не имеет большого значения, поскольку и в нашем маленьком могильничке в одном погребении сбруя — в головах, а в другом — у ног (рядом с головой коня).

Помимо собственно венгерских захоронений близкий погребальный обряд прослеживается и в синхронных могильниках Волжской Болгарии и Башкирии [7, с. 161, рис. 2 и 3; 8, рис. 16, 25, 28, 31, 36, 39]. В бескурганных могильниках Волжской Болгарии в настоящее время зафиксирован довольно значительный процент погребений с частями коня, уложенными обычно в области ног умершего (нередко над ними), и с ритуальной пищей (мясом коней, коров, овец). Скелеты, как правило, ориентированы головами на запад, в могилы помещали личные вещи, украшения, сбрую [9, с. 23, рис. 9, 10; 10, табл. X, XII, XVI, XXI, XXIII—XXV]. Однако заметны и довольно существенные различия в ритуале: могилы очень тесные, с приступками и подбойчиками, в которые и помещали останки коней и утварь, на дне могил прослеживаются следы огня (угли), подстилки, над погребениями — различные перекрытия. Весьма характерно то обстоятельство, что в могильниках, которые относятся к ранним болгарам, подавляющее большинство скелетов частично или полностью нарушено, что является наиболее распространенным ритуальным действом в погребальном обряде древних болгар. Среди волжских могильников IX—X вв. некоторым своеобразием обряда выделяется Больше-Тиганский [7, с. 158—178]. В нем чаще, чем в остальных, попа-

даются большие, просторные прямоугольные могильные ямы и неразрушенные скелеты, ориентированные головами на запад и сопровождающиеся останками коней, пищей и разнообразным инвентарем. Их более остальных мы можем сравнивать и сближать с нашими (ингульскими) захоронениями. Интересно, что в ряде венгерских погребений, в Танкеевском и Больше-Тиганском могильниках, в мужских погребениях на лицевых костях или только глазницах были обнаружены «маски», вырезанные из тонкой серебряной фольги [11, с. 154, рис. 6; 12, с. 168—176], и «наглазники» — округлые или прямоугольные серебряные пластинки с отверстиями для пришивания к ткани, которой, видимо, покрывалось все лицо [7, с. 161]. Эта характерная деталь обряда в несколько измененном виде прослежена и в мужском ингульском погребении: так, как мы видели, вся верхняя часть покойника была покрыта тканью, обшитой мелкими бляшками (рис. 2).

Что касается башкирских аналогий, то основным их отличием от всех вышеописанных является подкурганный обряд погребения [8]. Кроме того, следует признать, что башкирские погребения по деталям обряда значительно ближе к волжским — болгарским, чем к венгерским. К тому же в них много реже помещали останки коней, заменяя их сбруйным набором, уложенным, правда, как и кости коня, в ноги или на ноги захороненного.

Однако большее или меньшее сходство погребальных обрядов примерно синхронных могильников Южного Урала, Поволжья — Прикамья, Среднего Подунавья и Поднепровья (Приингулья) очевидно. Оно еще в большей степени проявляется при сравнительном анализе их погребальных инвентарей.

Вопрос о близости культуры венгров времени «завоевания родины» с одновременными или немного более ранними культурами крайних восточных областей европейских степей поднимался в литературе неоднократно. В последние десятилетия были опубликованы материалы, во много раз увеличившие фактический материал, подтверждающий эту близость. Вещевой комплекс ингульских погребений полностью вписывается в растянутую по всей европейской степи «культурную общность».

Прежде всего следует отметить синхронность их с венгерскими. Датировка комплексов опирается на следующие материалы.

1. Красноглиняный кувшин так называемого «тмутараканского» типа. Начало производства подобных кувшинов относится к IX в., расцвет — к X, затухание — к началу XI в. [13, с. 248, 249, 260; 14, 54—59]. Кувшин из погребения был изготовлен в период расцвета, около середины X в. В могилу он попал, видимо, позже, поскольку за время долгого использования у него было отбито горло и, судя по затертости излома, его не сразу после поломки поставили в могилу.

2. Наконечники стрел сохранились очень плохо, однако один из них явно принадлежит к типу 63, «лавролистных» наконечников, относимых А. Ф. Медведевым к X в. [15, с. 74, табл. 16].

3. Стремена «с выделенной петлей» — самый распространенный вид в степях на протяжении почти 400 лет (VII—X вв.). Представленный в погребении тип этих стремян (приземистые с массивной прямоугольной петлей, не отделенной от стремени «шейкой», и с одним центральным жгутом, укрепляющим подножку) появились в степях в самом конце периода бытования подобных стремян, т. е. в X в. Аналогии им хорошо известны в южноуральских древностях, близкой формы стремена найдены были в Больше-Тиганском могильнике [7, рис. 5], и практически единственной формой они являются в погребениях венгров периода «завоевания родины».

То же можно сказать и об удилах с «гвоздевидными» псалиями. В более раннее время подобные псалии были тоньше, выступы для ремней на них имели более «изысканную», фигурную форму. Массивные псалии с выделяющимися головками — поздняя форма этого типа. Аналогии, естественно, встречаются в тех же комплексах, что и поздний тип

стремян с петлей,— в основном в южноуральских и венгерских материалах X в.

4. Остановимся на наборе личных украшений во всех трех захоронениях. Серебряная женская серьга имеет точные аналогии в венгерских древностях X в. [3, рис. 72, мог. 42] и в Танкеевском могильнике [10, табл. III, погр. 82; табл. XV, погр. 481; табл. XXI, погр. 690], на Южном Урале [8, рис. 58, *13*]. Эта форма серег — позднее подражание обычным салтовским серьгам с подвеской, состоящей из нескольких дутых шариков. Таким же «перерождением» салтовской формы является перстень со стеклянной вставкой. Вставка у него слишком крупная, и, главное, «лапки», держащие ее, небольшие и сглаженные. Этот тип перстней попадается в Танкеевском [10, табл. XII, погр. 351], Больше-Тиганском могильниках [16, рис. 3—7], южноуральских древностях [8, рис. 38, 54, 63]. Бронзовые браслеты из тонкой проволоки, появившиеся пластинчатые браслеты, серьги в виде небольших колечек — характерные «рядовые» украшения степняков в X и XI вв. Что же касается бус, то все определимые (непатинированные) их типы относятся к салтовской эпохе (во всяком случае к IX в.), хотя некоторые типы попадались и в Танкеевке [10, табл. XXX]. Следует учитывать, что обнаруженные в разоренном погребении бусы сильно потертые, вероятно пережившие несколько поколений хозяек: ожерелья часто передавали по наследству, поэтому в поздних комплексах нередко встречаются ранние типы бус.

Итак, как мы видели, материалы ингульского могильника вполне соответствуют времени распространения в степях описанного погребального обряда. Однако самые показательные и яркие данные для датировки и определения «культурной» принадлежности комплексов дают нам разнообразные и разные по назначению бляшки и бляхи, обнаруженные в погребениях: сбруйные, поясные, декоративные.

Подавляющее большинство декоративных бляшек из мужского погребения представляет собой варианты так называемых лунницевидных с полушаровидными выступами по сторонам. Первый вариант — двойные продольные (с двумя выступами на каждой стороне — рис. 4, *3*), второй — двойные в поперечном и продольном измерениях (двойные лунницы и двойные выступы — рис. 4, *4*). Третий вариант этого типа бляшек был обнаружен среди предметов серебряного конского убора из разрушенного захоронения (рис. 1, *7*). Этот вариант представлен серебряными продольными тройными бляшками с тремя выступами с каждой стороны. Бляшки этого типа во всех вариантах особенно широко распространены в могильниках Южного Урала [8, рис. 15, 24, 26, 30, 33, 34, 44, 57, 58]. В Волжской Болгарии они известны только в Больше-Тиганском могильнике [7, рис. 3, 6], в Венгрии их нет. Стоит только упомянуть, что на одном из золотых кувшинов знаменитого Нагисентмиклошского клада чешуйчатый бордюр, перевивающий четыре «клейма» с изображениями [17, рис. 1—14], весьма напоминает плотно соединенные друг с другом (как на южноуральских налобных повязках и поясах) лунницевидные бляшки (см. [8, рис. 33, 44, 57]). Как бы там ни было, но благодаря этим бляшкам ингульские захоронения приобретают дополнительное значение весьма крепкого связующего звена между венгерскими и восточноевропейскими степными древностями X в.

Богатейший серебряный сбруйный набор из разрушенного погребения является по существу уникальным, так как точные аналогии ему неизвестны. Тем не менее мы можем, прежде всего стилистически, связать его с описанными выше бляшками, поскольку выпуклые «рифленые пояски», пересекающие их гладкую поверхность посередине, напоминают плотно соединенные полушаровидные выступы на бляшках-лунницах. Бляхи-тройчатки обоих типов, входящие в этот убор, очень характерны для сбруйной «гарнитуры» того времени, причем следует подчеркнуть, что особенно многообразны они в южноуральских и сибирских древностях. Наибольшее распространение там получили два типа: с гладкой круглой «сердцевиной» и гладкими же трапециевидными «лучами»; с выпуклой, иногда орнаментированной сердцевиной и «гроздевидными лу-

чами» [8, рис. 13, 15, 17, 20, 26, 27, 29, 31, 34]. Никакого внешнего сходства эти бляхи с ингульскими не имеют. Следует отметить, что в какой-то мере второй (утяжеленный) тип ингульских блях-тройчаток можно сравнивать с бляхами, встречающимися иногда в позднеаварских погребениях [16, табл. 262, 272]. Только там они снабжены своеобразной металлической «бородкой», отходящей в виде четвертого «луча» от выпуклой сердцевины. Несмотря на значительную хронологическую разницу, отделявшую их от ингульских, вероятно, в данном случае можно все же говорить об их сходстве, учитывая традиционность и устойчивость конских украшений в среде европейских кочевников вплоть до конца X в. Что касается трех гладких литых наконечников этого убора, то аналогии им встречаются повсеместно — и в южноуральских, и в болгарских (волжских), и в венгерских захоронениях. Это же можно сказать и о литых бронзовых пряжке и бляшке с неподвижным кольцом из мужского погребения (найдены на колчане). Гладкие бляшки с неподвижным концом известны и в салтовских древностях, в комплексах, относящихся ко времени не позже конца IX в. (например, в Дмитриевском могильнике). Обломки вырезанных из серебряного листа фигурных накладок из разрушенного погребения абсолютно тождественны седельным накладкам, обнаруженным в южноуральском, так же как и в ингульском женском, захоронении, датирующемся X в. [8, рис. 33].

Большой интерес представляют и обломки тонких золотых пластин — обтяжек двух деревянных пуговиц. На них был оттиснут орнамент, в настоящее время сильно сглаженный. Однако можно все-таки разобрать, что он состоял из трех отделенных гладкими двойными «жгутами» секций, в каждой из которых помещен растительный узор (цветок с обрамляющими его листьями). Создается впечатление, что этот узор из «жгутов» и растений был оттиснут на довольно большом листе фольги, а затем отдельные куски этого листа пошли для обтяжки деревянных предметов (рис. 4, *1*). На одной пуговице слияние жгутов (с кружочком в месте слияния) попало в центр пуговицы, и поэтому орнамент вокруг расположился правильной трехчастной розеткой; на другую пуговицу попал узор между двумя соединениями жгутов, и поэтому он выглядит неясным и беспорядочным скоплением линий и растительных побегов.

Тем не менее если мы будем рассматривать не обрывки фольговой пластины, а как бы «восстановленный» узор, то окажется, что аналогии ему следует искать скорее всего на пластинах, украшающих великолепные, хорошо известные в литературе «венгерские» сумки, датирующиеся X в. [18, табл. 49, 51—62]. По-видимому, кусок фольги положили на одну из таких пластин и оттиснули на нем сложный и пышный орнамент, который даже в фрагментарном виде был достаточно эффектным украшением для мелкой детали костюма. Следует сказать, что и в Венгрии попадались иногда в могилах обломки тонких пластинок с подобным оттиснутым орнаментом [18, табл. LXX, 3].

Самой замечательной находкой в этом комплексе был, несомненно, поясной набор воина. Необычайные и совершенные по исполнению изображения на пряжке и бляшках не имеют аналогий. Не исключено, что длиннобородый старик на пряжке и молодой человек в различных причудливых позах на бляшках — персонажи какой-то восточной легенды или сказки. Смысловая расшифровка этих фигур, как и сложных картин на сосудах Нагисентмиклошского клада [17],— тема отдельного исследования. Здесь же следует только указать, что декоративное оформление края щитка пряжки и бляшек в виде чередующихся овалов и кружков типично для большинства поясных наборов Больше-Тиганского могильника [7, рис. 4, 5, 12]. Характерно такое оформление края и для венгерских накладок и поясных бляшек [18, табл. XXXIV; табл. XCIII, *I—III*]. Совершенно ясно, что этот признак надежно позволяет включить роскошный набор в серию древностей эпохи «завоевания венграми родины».

Второй признак — два широкие, украшенные елочным узором листа с четырехлепестковым цветком между ними, помещенные на рамке

пряжки. Стилистически эти листья сближаются со столь же широко развернутыми широкими листьями блях на венгерских сумках, которые также бывают покрыты орнаментом в виде тонкой, чаще, правда, односторонней насечки. Однако в данном случае нам важен принцип декорирования насечкой. Следует сказать, что он очень охотно применялся торевтами той эпохи не только на крупных бляхах, украшавших сумки, но и на таких шедеврах, как сосуды Нагисентмиклошского клада, и на наиболее роскошно орнаментированных поясных бляшках и конских уборах, относимых исследователями к X в. Среди последних особого внимания заслуживают два поясных набора. Первый — роскошный серебряный с позолотой и чернью — был найден в слое Саркела, точно датирован 965 г. [19, с. 62, рис. 2]. Второй — из золотых и серебряных блях — обнаружен в венгерской могиле у с. Крылос в Прикарпатье [19, с. 297—303, табл. CXXXIV—CXXXVII].

Открытое случайно в 1935 г., исследованное и описанное Я. Пастернаком крылосское погребение более полустолетия оставалось единственным несомненно венгерским памятником на территории нашей страны И погребальный обряд, и инвентарь (от стремян и стрел до пояса и пуговиц) близки ингульским. Очевидно, мы можем уверенно говорить о принадлежности ингульского комплекса венграм эпохи «завоевания родины».

Благодаря данным Константина Багрянородного известно, что в степях между Днепром и Серетом примерно с середины IX в. и вплоть до последних лет этого столетия располагались кочевья венгров, называвших эту обширную территорию «Ателькузу» [21, с. 299; 22, с. 345—348]. В 895 г. венгры напали на Болгарию, а царь Симеон, придя к заключению, что не сможет справиться с ними своими силами, привлек к борьбе с венграми печенегов. Эти последние истребили, согласно сведениям Константина, всех не ушедших в поход венгров и захватили их пастбища и стада. После этого «Ателькуза» стала печенежской землей, а оставшиеся в живых венгры откочевали на запад (в Подунавье). Таковы факты, изложенные Константином Багрянородным и подтвержденные рядом других письменных свидетельств. Однако мы видели, что и крылосское, и ингульские погребения относятся к несколько более позднему времени, чем время пребывания венгров в «Ателькузе», которое устанавливается при анализе письменных источников. Это позволяет нам сделать вывод, что далеко не все венгры оставили восточноевропейские степи единовременно. Не говоря о том, что какие-то их группировки оставались в Волжской Болгарии, мы должны, видимо, признать, что и среди печенежских орд продолжали кочевать небольшие венгерские курени, или скорее всего аилы, т. е. семейные группы. Живя в чужой и нередко враждебной среде, венгры, естественно, вели круглогодичный кочевой образ жизни без постоянных мест стойбищ (летовок и зимников) и даже без постоянных маршрутов. В таких условиях у кочевников не могло образоваться большого могильника [23, с. 13—33]. Как правило, они помещали могилы в насыпи курганов предыдущих эпох или же сооружали их на ровной поверхности степи так, чтобы они были невидимы, а значит, и недоступны для грабителей. Небольшой семейный ингульский могильник был сооружен, как говорилось, единовременно, и после совершения погребальных обрядов могилы были тщательно скрыты. Так они сохранились до наших дней. Центральная могила принадлежала воину-лучнику. Судя по отсутствию сабли и малому числу стрел, он не был выдающимся военачальником, хотя драгоценный пояс и обилие серебра в могилах свидетельствуют о его принадлежности к военной аристократии. Погребенные рядом с ним женщина и мальчик были, видимо, членами

[3] Следует отметить, что к памятникам этого круга безусловно относилось и захоронение воина, случайно обнаруженное в Днепропетровской обл., у с. Манвеловка, при земляных работах. От него остались некоторые вещи (в том числе серебряная «маска»), сведения об ориентировке могилы по оси запад — восток и о погребении рядом с человеком костей коня [20, с. 261—266].

его семьи, погибшими одновременно с ним, вероятно, в одной из стычек, постоянно происходивших в степях между отдельными кочевьями, не объединенными сильной центральной властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки//САИ. 1979. Вып. Е1-2.
2. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура//МИА. 1967. № 142.
3. *Fettich N.* Adatok a honfoglalákor archaeologiájához (Zur Archaeologie der Ungarischen Landnahmezeit)//AÉ. 1931. XLV.
4. *Szőke B.* Adatok a kisalföld IX. és X. századi történetének//AÉ. 1954. LXXXI.
5. *Patay P.* Adatok a Nógrádi dombvidék X—XI. Századi településtörténetéhez (Contributions á l'histoire du peuplement de la région de collines de Nógrád aux X et XI siecles)//AÉ. 1957. LXXXIV.
6. *Балинт Ч.* Погребения с конем у венгров в IX—X вв.//Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
7. *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник//СА. 1976. № 2.
8. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.: Наука, 1981.
9. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964.
10. Les anciens Hongrois et les ethnies voisines á l'Est//SA. 1977 VI.
11. *Халикова Е. А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели//Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
12. *Фодор И.* К вопросу о погребальном обряде древних венгров//Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
13. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи//МИА. 1959. № 75.
14. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища//Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР. 1963.
15. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.// САИ. 1966. Вып. Е1-36.
16. *Hampel J.* Alterthümer der frühen Mittelalters in Ungarn. B. 3. Braunschweig, 1905.
17. *László G., Rácz J.* A Nagyszentmiklósi kincz. Budapest, 1977.
18. *Fettich N.* Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn (textband, tafelband)//AH. 1937. B. XXXI.
19. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Пояс знатного воина из Саркела//СА. 1983. № 2.
20. *Чурилова Л. Н.* Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине//СА. 1986. № 4.
21. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей/Пер. Литаврина Г. Г.//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.
22. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во ГЭ, 1962.
23. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.

N. M. Bokii, S. A. Pletneva

10th-CENTURY FAMILY BURIAL OF A NOMAD WARRIOR IN THE INGUL RIVER BASIN

Summary

The article describes the materials from three Hungarian burials found in the Ingul River basin (the right-hand tributary of the Dnieper). The burials formed a small family burial ground. In 1983 the female burial was accidentally damaged by construction workers. By the time archaeologists reached it, it contained few woman's ornaments and silver plaques of a harness decoration set. The male burial contained a horse head and feet, harness, ritual food (cow's flesh) and a jug of ritual drink, a quiver and arrows, gold earrings, a signet-ring, and other objects. A richly adorned belt attracts especial attention: it carries silver gilded buckles with human figures on them in specific (ritual?) poses. The portrayal of people is highly artistic. The upper part of the body and the head of the deceased were concealed by a cover now indicated by the small gilded plaques which had bordered it. The third burial contained a boy of seven or eight years of age, and the head and the forelegs of a foal at his feet. This burial has also yielded horse bits and silver harness ornaments, ritual food (ram's flesh), a modest bronze bracelet and ear-rings, and toys made of milk vetch.

The burial rite points to the «age of conquering the homeland» in Hungarians' history (the late 9th and 10th centuries); the material complex of the three burials supports this surmise. The Ingul burials lie within the routes of late-9th century Hungarian migrations.

А. А. ГОРСКИЙ

О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ ДОКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА К ФЕОДАЛЬНОМУ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Вопрос о выделении в истории восточных славян особого переходного периода от родоплеменного строя к феодальному ставился еще во время дискуссий об общественном строе Киевской Руси, проходивших в 1930-е годы. С. В. Юшков и С. В. Бахрушин называли этот период «дофеодальным» и относили его к IX—X вв. [1, с. 42, 43; 2, с. 65; 3, с. 98]. Б. Д. Греков, вначале приняв термин «дофеодальный», позднее заменил его на «полупатриархальный-полуфеодальный» и отнес к более раннему времени — VI—VIII вв. [4, с. 115, 116]. Такое мнение об определении и хронологии переходного периода разделил П. Н. Третьяков [5, с. 281, 282, 303].

Впоследствии исследователи проблемы генезиса феодализма отказались от выделения особого переходного периода в общественном развитии восточного славянства [6, 7] [1]. Недавно этот вопрос вновь был поставлен в работе И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко. Исходя из выдвинутой И. Я. Фрояновым концепции отсутствия сложившегося феодализма в домонгольской Руси [9, 10], авторы считают переходным от доклассовой формации к феодальной период XI — начала XIII в. Этот период характеризуется, по их мнению, существованием на Руси городов-государств, близких по структуре к античным полисам и определяемых как «суверенная городская гражданская община, основанная на труде свободных земледельцев и ремесленников». Родоплеменной строй с образованием городов-государств (в конце X — начале XI в.) прекращает свое существование [11; 12, с. 334]. Таким образом, концепция И. Я. Фроянова — А. Ю. Дворниченко отличается от ранее выдвигавшихся концепций переходного периода определением как его хронологии (XI — начало XIII в. вместо IX—X или VI—VIII вв.), так и сущности общественного строя (города-государства при отсутствии родоплеменных и феодальных отношений вместо разложения родоплеменных отношений и складывания феодальных).

При сопоставлении социального строя Руси XI — начала XIII в. с античными полисами [2] И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко не учитывают, однако, существенных различий между древнерусским и древнегреческим обществами. Во-первых, ими практически не рассматривается роль военно-служилой знати в общественном развитии Киевской Руси. Князя авторы считают должностным лицом города-государства, а тесно связанную с ним дружину как социальный институт не рассматривают вовсе [3]. Между тем дружина — организация военно-служилой знати во главе с князем — является элементом социального строя, который античному обществу неизвестен. С этой корпорацией оказыва-

[1] На материале Западной Европы концепция переходного («дофеодального») периода от родоплеменного строя к феодализму разрабатывалась А. И. Неусыхиным [8].

[2] В книге «Становление и развитие раннеклассовых обществ» специальный раздел посвящен теме «Рождение греческого полиса» (автор Э. Д. Фролов).

[3] В своей книге 1980 г. И. Я. Фроянов посвятил дружине специальный раздел, в котором отмечал, что в XI—XII вв. на Руси продолжают существовать «дружинные отношения» (близость князя и дружины) и это является одним из свидетельств того, что классовое общество в Киевской Руси еще не сложилось (хотя дружинники и превращались постепенно в феодалов) [10, с. 64—98].

ются связаны многие из категорий населения, которых И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко считают «земскими лидерами».

Боярство XI — начала XIII в. И. Я. Фроянов трактует как аристократическую прослойку, поставлявшую политических лидеров для того или иного города-государства [12, с. 334]. Фроянов и Дворниченко не разделяют мнения о происхождении древнерусского боярства от родоплеменной старейшины [11, с. 241], но при этом не ставят и вопрос о его возможном дружинном происхождении. Между тем анализ древнейших известий о боярах на Руси приводит к выводу, что значение термина «боярин» как «член старшей дружины» [4] было первоначальным. Наиболее ранние русские памятники, упоминающие бояр,— договоры с Византией 911, 944 и 971 гг.

Договор 911 г.: «Мы от рода рускаго... иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояр...» [13, с. 25, 26].

Договор 944 г.: «И великий князь наш Игорь, и князи и боляри его, и людье вси рустии послаша ны...»; «А великий князь руский и боляре его да посылають в Греки к великимъ царемъ гречьскимъ кораблі, елико хотять...»; «А некрещеная Русь... да кленутся о всемь, яже суть написано на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣх боляр и от всѣх людий от страны Руския в прочая лѣта и воину» [13, с. 35, 38, 39].

Договор 971 г.: «Азъ Святославъ, князь руский... хочю имѣти мир и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ греческимъ... и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца века... Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, а со мною боляре и Русь вся, да сохранимъ правая свѣщанья» [13, с. 52].

В договорах 911 и 944 гг. бояре выступают как верхушка древнерусского общества (выше только князья). Характерно употребление по отношению к боярам притяжательного местоимения «его», т. е. великого князя. Причем из текста следует, что договоры заключаются только от имени бояр великого князя: о боярах других князей не говорится. Все это, скорее всего, свидетельствует в пользу того, что бояре договоров — служилые люди киевского князя. В договоре 971 г. бояре сначала выступают как обозначение верхушки древнерусского общества, а затем боярами назван привилегированный слой войска Святослава, клявшегося вместе с ним в Доростоле при заключении договора («вся Русь» здесь — «все русское войско») [5].

Появление в источниках обозначений бояр «новгородских» и «киевских»—с XII в. [16, стб. 298, 607; 17, с. 21], «черниговских», «полоцких», «галицких» и «владимирских» — с XIII в. [16, стб. 717, 718, 723, 725, 726, 734, 736, 747, 748, 759, 761, 762, 765, 774, 789; 17, с. 84] по территории, а не по князю, которому они служат, связано с развитием с XI в. боярского вотчинного землевладения. В результате этого процес-

---

[4] То, что термин «боярин» имел такое значение, никогда не вызывало сомнений у исследователей (включая И. Я. Фроянова: «...не подлежит никакому сомнению причастность бояр к дружине» [10, с. 81]), поскольку в пользу этого существуют многочисленные данные источников. Расхождения в историографии существуют по вопросу, распространялся ли термин «боярин» на неслужилую знать и какое его значение было первоначальным.

[5] Недавно С. В. Завадская высказала мнение, что термин «боярин» на Руси до начала XII в. не был связан с обозначением представителей конкретных общественных групп [14, с. 89—94]. При этом автор не дала объяснения факту употребления этого термина в договорах Руси с Византией. С. П. Обнорский, исследовавший язык договоров 911 и 944 гг., пришел к выводу, что они представляют собой разные переводы с греческого (первый — болгарский, второй — русский), сделанные ранее XI в. [15, с. 99—120]. Опровергнуть этот вывод можно только в результате собственного лингвистического анализа. Не соответствует истине также утверждение С. В. Завадской, что в Ипатьевской летописи слово «боярин» отсутствует с 1015 по 1093 г., а в Новгородской первой летописи младшего извода — с 1015 по 1118 г. В действительности в Ипатьевском списке встречается за указанный период 6 упоминаний термина (под 1018 г.— дважды, а также под 1030, 1051, 1072 и 1086 г. [16, стб. 131, 137, 148, 172, 198]) и в Комиссионном списке Новгородской первой — один раз (под 1072 г. [17, с. 197]).

са слабела связь бояр с князем, и бояре, оставаясь служилым слоем (наименования бояр по князьям — сюзеренам встречаются и в XI—XII вв. гораздо чаще, чем по городам [13, с. 97, 121, 144; 16, стб. 291, 298; 18, стб. 314, 340, 347, 402]; упоминания первой трети XIII в. см. [16, стб. 730, 762, 775; 18, стб. 437, 440, 441]), начинают все более «привязываться» к территориям, на которых расположены их вотчинные владения.

Не подтверждается источниками мнение И. Я. Фроянова [10, с. 209—211; 11, с. 304, 305] о «земском» характере таких административных должностей, как воевода и тысяцкий. Известия о древнерусских воеводах показывают, что в Киевской Руси X—XIII вв. воеводы были лицами, назначаемыми князьями из числа членов «старшей» дружины [13, с. 40, 52, 54, 59, 97, 103, 137, 180; 16, стб. 320, 557, 560, 573, 622, 623, 625, 661—662; 18, стб. 359, 363, 364, 400, 444, 450, 460]. Один из предполагаемых И. Я. Фрояновым «земских» воевод — Претич — называет себя «мужем» князя [13, с. 48]. Другой — Коснячко (отнесенный к «земским» только потому, что он отсутствовал среди окружения Изяслава в момент его «прений» с толпой «людей кыевстих» на княжом дворе в 1068 г. [13, с. 114]) упомянут в числе лиц, «уставивших» вместе с князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом Правду Ярославичей. Эти лица не «земские лидеры», как считает И. Я. Фроянов [10, с. 40, 41]: статья 2 Русской Правды Пространной редакции называет их «мужами» трех упомянутых князей («По Ярославь же паки совкупишася сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ...» [19, с. 104]). Упоминание в летописях (с XII в.) воевод «русских», галицких, воевод «холмян» и «берестьян» [16, стб. 507, 509, 622, 884, 890] вызвано не их «земским» характером, а тем, что князья назначали воевод командовать волостными ополчениями. Лишь воевод Новгорода и его «пригорода» Пскова [17, с. 184, 213, 215, 232, 239, 294] можно считать не связанными с князем, но это их качество — не исконное, а приобретенное в результате выхода новгородской знати из дружинной организации [6].

Что касается тысяцкого, то в период, когда термин появляется в древнерусских источниках (наиболее раннее упоминание относится к 1089 г.), эту должность занимают представители княжеской дружины. Первые названные в летописи тысяцкие — Янь и Путята Вышатичи, сыновья воеводы Вышаты, праправнуки Добрыни, дяди Владимира Святославича [13, с. 137, 196]. В Пространной Правде названы киевский тысяцкий Ратибор, белгородский — Прокопий и переяславский — Станислав, все вместе определяемые как «дружина» Владимира Мономаха (ст. 52) [19, с. 110]; Ратибор служил еще отцу Владимира, имел двор в Переяславле [13, с. 135, 148, 149, 181] [7] Много раз тысяцкие названы только по князю, которому они служат, без указания на территорию их «тысячи» [16, стб. 349, 548, 549, 691, 762, 763, 821; 17, с. 260, 268; 18, стб. 298, 318; 21, с. 5, 189]. Факты наименования тысяцких только по территории, без указания на князя-сюзерена [16, стб. 304, 748; 18, стб. 547], вовсе не свидетельствуют об их «земском» характере; поскольку тысяцкие назначались на военно-административную должность, связанную с территориальным делением, такое именование было естественно: так, Георгий Симонович, в Киево-Печерском патерике названный тысяцким Юрия Долгорукого, именуется в летописи ростовским тысяцким [16, стб. 293]. И. Я. Фроянов приводит в качестве примера «земских» тысяцких киевских тысяцких Улеба, Лазаря и Давыда [10, с. 210, 211]. О Давыде Яруновиче сказано лишь (под 1136 г.), что он киевский тысяцкий [18, стб. 304]. Улеб «держал тысячю» у великого князя Всеволода Ольговича; брат последнего — Игорь

---

[6] В силу специфических условий положения Новгорода этот выход осуществился ранее, чем в других областях Руси [20, с. 85, 86].

[7] И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко, не обращая внимания на эти факты, называют тысяцких, участвовавших в составлении Пространной Правды, «представителями городских общин» [11, с. 305].

собирался оставить Улеба в должности: «держи ты тысячю, какъ если у брата моего держалъ» (1146 г.); Улеб решил, однако, взять сторону Изяслава Мстиславича, рассчитывая, видимо, получить бóльшую выгоду [16, стб. 324, 325]. В описании событий следующего года Улеб упоминается как приближенный Изяслава — князь отправляет его послом к черниговским князьям в начале своего похода против Юрия Долгорукого, но тысяцким здесь Улеб не назван, а в рассказе об убийстве Игоря Ольговича (происшедшем немного позже) киевским тысяцким назван Лазарь. Он отделен в летописи не вообще от «княжеского тысяцкого», как пишет Фроянов [10, с. 210], а от Рагуила, тысяцкого Владимира Мстиславича, брата Изяслава [16, стб. 349; 18, стб. 317, 318]. Скорее всего, Лазарь был поставлен вместо Улеба на должность киевского тысяцкого Изяславом. Нет убедительных оснований полагать, что кто-либо из трех упомянутых И. Я. Фрояновым тысяцких был должностным лицом «земским», а не назначенным князем. Различия в определении тысяцких (по городу или по князю) позволяют лишь предполагать, что должность тысяцкого могла иногда утрачивать связь с определенной территорией: тысяцкий мог занимать свою должность в том городе, где оказывался его князь.

Таким образом, можно говорить о военно-служилом характере древнерусской знати XI — начала XIII в., и сходство ее со знатью античного полиса оказывается сомнительным.

Возможности утверждать наличие городов-государств на Руси XI — начала XIII в. препятствует и отсутствие в этот период формы собственности на землю, характерной для этой государственной организации. В античном обществе полис в лице его граждан (противостоявших рабам и полусвободным) являлся коллективным собственником земли. Иначе обстояло дело в Древней Руси. Здесь существовал определенный, не совпадающий со всей массой свободного населения социальный слой, присваивавший себе прибавочный продукт, создаваемый непосредственными производителями. И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко неоднократно упоминают о взимании дани и считают, что получателем ее были городские общины [11, с. 222, 223, 227, 228, 264, 270, 273]. Но если в источниках в качестве получателя названа территориальная единица, то это еще не значит, что все ее свободные жители получают долю при распределении прибавочного продукта. Такое предположение было бы более или менее допустимо только в случае, если бы не было никаких данных о том, что получателем дани является определенный социальный слой. Но такие известия существуют. В двух летописных фрагментах указывается, что получателем и потребителем прибавочного продукта, поступающего от непосредственных производителей в виде дани, была военно-служилая знать. Об этом говорит рассказ под 945 г. о дани с древлян: «В се же лето рекоша дружина Игореви: „Отроци Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты побудеши и мы"» [13, с. 39] и сообщение о разделе дани, собираемой новгородскими князьями-наместниками (под 1014 г.): «Ярославу же сущю Новѣгороде, и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ от года до года, а тысячю Новѣгороде гридемъ (дружинникам.— *А. Г.*) раздаваху. И тако даяху вси посадници новъгородьстии» [13, с. 88, 89; 17, с. 168] (в Новгородской первой летописи младшего извода вместо «посадници» — «князи»). На дружинный слой как на получателя дани указывает и рассказ Константина Багрянородного (середина X в.) о полюдье киевских князей — «все росы» в сочинении этого автора соответствуют киевским дружинникам [22, с. 58, 60, 62].

Таким образом, нет оснований считать, что прибавочный продукт (взимание которого является реализацией права собственности) распределялся между всеми членами «городской общины» — его получателем была военно-дружинная знать, которую и следует признать собственником земли: корпоративным, если речь идет об эксплуатации лично свободных непосредственных производителей путем взимания

дани-налога, и индивидуальным, если речь идет о вотчинах бояр и младших дружинников (появляются с XI в. [20, с. 79—81]).

Отличия древнерусского общества от античного распространяются и на тип общины. Формирование полиса было связано с разрушением родовой общины и складыванием соседской. У восточных славян этот переход происходил не в конце X — начале XI в. (мнение И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко), а, согласно новейшим данным археологии, раньше, в VI—VIII вв. [23, с. 166, 167; 24, с. 243, 244].

Исходя из изложенного, период XI — начала XIII в. в истории Руси не может считаться переходным от доклассового общества к феодальному — это уже период феодального развития [8]. Но это не значит, что постановка вопроса о выделении переходного периода у восточных славян вообще неправомерна. Некоторые исследователи, не ставя вопрос о переходном периоде от доклассового общества к феодальному в общественном развитии в целом, трактуют как переходную форму от союзов племен к государству так называемые «племенные княжения» или «племенные княжества» — славянские догосударственные общности, перечисляемые во вводной части «Повести временных лет» (поляне, древляне, дреговичи, север, словене, кривичи, радимичи, вятичи, волыняне, хорваты, уличи, тиверцы) [25, с. 46—56; 26, с. 56, 57]. Другие отождествляют эти общности с союзами племен [23, с. 168, 169, 174; 27, с. 11] или считают высшей стадией в развитии славянских племенных союзов [24, с. 247]. Точка зрения на них как на особый этап политического развития представляется наиболее обоснованной. Ее подкрепляют наблюдения над славянскими «племенными» названиями раннего средневековья.

Таких названий источниками донесено свыше 100. Этимология примерно 55% из них (61 название) может считаться установленной. Среди славянских этнонимов есть как наименования общностей, обычно называемых племенами, так и наименования «союзов племен» [9]. Сведем славянские «племенные» названия, имеющие бесспорную этимологию, в таблицу, где бы отразились как типы этнонимов (происходящие от местности обитания, отражающие качества называемых, патронимические и т. д.), так и их региональное распределение (табл. 1) [10].

Как видно из таблицы, между соотношением типов этнонимов, обозначающих «племена», и соотношением типов этнонимов, обозначающих «союзы племен», существенных различий нет. Нет серьезных расхождений и между соотношениями «племенных» названий по регионам. Во всех случаях явно преобладающим оказывается тип «названия по местности обитания». Время появления таких названий неясно для территорий, на которых славяне предположительно могли обитать задолго до VII в. (времени, когда славянские этнонимы, несомненно являющиеся самоназваниями, начинают упоминаться в источниках). Однако два из рассмотренных регионов — Полабье и Балканы являются территориями, колонизованными славянами в конце V—VII вв. К VI в. относится расселение славян в Чехии и Моравии [45, с. 112], в раннем средневековье появились славяне и на севере Восточной Европы. Если суммировать данные по всем этим регионам (77% всех рассматриваемых этнонимов), то окажется, что названия «по местности обитания»

---

[8] Не касаемся здесь вопроса о грани между периодами раннего и развитого феодализма.

[9] «Двуступенчатая» структура славянских раннесредневековых догосударственных общностей особенно четко прослеживается по письменным данным на материалах полабских славян. У славян восточных в письменные источники попало не более двух названий мелких общностей, входивших в союзы (по мнению Б. А. Рыбакова, таковыми являются «пищаньцы» и «семичи» [28, с. 263, 264]. Но их существование прослеживается на археологическом материале [29]. О «двуступенчатой» структуре славянских общностей см. [28, с. 263, 264, 275—277; 30, с. 33—46; 31, с. 9].

[10] О происхождении «племенных» названий, приведенных в таблице, см. [24, с. 101, 106, 113; 28, с. 263, 264; 32, с. 501, 536, 537; 33, с. 547; 34, с. 322; 35, с. 52, 53, 57, 62, 65; 36, с. 40, 42; 37, с. 114, 150, 219; 38, с. 83; 39, с. 140, 189, 190, 200, 286, 297; 40, с. 160, 161; 41, с. 366, 367, 417; 42, с. 120, 121, 127, 131, 136, 137, 140, 141, 145—147, 221, 222; 43, с. 141; 44, с. 53; 45, с.131—133].

составляют здесь 68,1% всех этнонимов, при этом из названий «племен» — 75%. Очевидно, что названия этого типа на колонизуемой территории являются новыми названиями, которые могли появиться только после заселения территории, т. е. не ранее VI—VII вв. В других регионах время появления названий «по местности обитания» (здесь их 92,9% от числа рассматриваемых этнонимов) не столь очевидно, но практическое отсутствие различия в их соотношении с другими типами в сравнении с регионами колонизации наводит на предположение о принципиальном единстве «этнонимической картины» во всех регионах раннесредневекового славянского расселения.

Устойчивость самоназвания — один из основных признаков этнической общности [46, с. 12, 13]. Признание того, что в середине — третьей четверти I тыс. н. э. в славянском обществе произошла смена большей части племенных названий, наводит на предположение, что под новыми названиями скрывались новообразования, возникшие вследствие перемешения племенных групп, связанных кровнородственными связями, в ходе расселения, и являвшиеся в бóльшей степени территориально-политическими, а не этническими общностями. Что касается славянских «союзов племен», то их характеристика как политических объединений закрепилась в советской науке [24, с. 269, 270; 38, с. 82, 83; 47, с. 83—87; 48, с. 13—15]. Отсутствие различия между соотношением типов названий «племенных союзов» и отдельных «племен» свидетельствует в пользу того, что «племена» раннего средневековья также, как правило, были не общностями, основанными на кровнородственных связях, а территориальными образованиями, и служит аргументом в пользу высказанного в новейшей историографии предположения, что все известные славянские этнонимы раннего средневековья обозначали образования территориально-политического характера [39, с. 28, 253]. Для мелких территориальных общностей наиболее подходящим представляется термин «племенные княжества» (далее — ПК), а для их объединений — «союзы племенных княжеств» (далее — СПК) Название «княжество» отражает факт существования в этих общностях княжеской власти [20, с. 82, 83], определение «племенные» — особенности их формирования: в результате дробления и смешивания племен (в собственном смысле этого слова).

Наиболее вероятно, что славянские общности раннего средневековья складывались сразу же в форме ПК и СПК: уже в XII в. упоминаются как князья (ἄρχοντες, ῥηγες византийских источников, duces германских) небольших территориальных общностей македонских славян, так и крупного объединения полабских сербов [49, с. 143—146, 150, 155; 50, IV, 13] (не говоря уже о том, что имеется немало сведений о князьях в VI в. для славянских группировок Дунайского левобережья, самоназвания которых неизвестны и которые прекратили свое существование в ходе дальнейших передвижений славян). Поэтому появление этих типов общностей может быть отнесено в основном к VI—VIII вв., времени сразу же после окончания миграций славянских группировок.

Со складыванием ПК и СПК может быть связано появление укрепленных поселений — городищ («градов»). На территории восточных славян первые городища появляются в VI—VII вв. (Киев — городище на Андреевской горе, Зимно, Пастырское), в VIII в. они возникают повсеместно [24, с. 14, 22, 23, 56, 57, 65, 90, 133, 148, 244] [11]. Именно VI—VIII вв. были временем складывания восточнославянских догосударственных общностей, упоминаемых в ПВЛ (см. [24]). Появление «града» как центра «княжения» отразилось в летописной легенде о Кие: объединение нескольких ПК в союз, сопровождаемое построением центра нового образования, представлено здесь в соответствии с эпической традицией как деяние трех братьев: «и створиша градъ во имя

[11] В западнославянских землях начало строительства городищ относится к VII в. [51, с. 321, 322, 339, 340, 355].

Таблица 1

Славянские «племенные» названия

Регион	Типы общностей	Типы названий							
		по местности обитания	по местности прежнего обитания	качественные характеристики	по исторически преходящим обстоятельствам	обозначения человеческой общности	общее самоназвание славян в роли «племенного»	иноязычного происхождения	патронимические
Русь (6 названий «союзов племен» и 2 названия «племен»)	«союзы племен»	дреговичи древляне поляне бужане	—	—	—	—	словене	дулебы	—
	«племена»	пищаньцы семичи	—	—	—		—	—	—
		% 75					12,5	12,5	
Польша, Поморье, Чехия, Моравия и Словакия (5+7)	«союзы племен»	поморяне поляне лендзяне висляне моравяне	—		—	—	—	—	—
	«племена»	гопляне слензяне лучане бобряне	—	—	—	—	—	дулебы лемузы	лютомеричи
		% 75						16,7	8,3
Полабье (3 | 23)	«союзы племен»	—		вильцы велеты лютичи (разные названия одного союза)	—	—	—	—	
	«племена»	варны полабы долепчане черезпеняне укране моричане гаволяне спреване	—	реречи луниголова	хижане	сусельцы	—		—

		дошане							
		нишане							
		слубляне							
		древане							
		брежане							
		востроги							
		речане							
		межиречи							
		нижичи							
		лужичане							
		руяне							
	%	73,1		19,2	3,8	3,8			
Балканы (2+13)	«союзы племен»	хорутане	—	—	—	—	словене	—	—
	«племена»	гачане	моравы					дудлебы	
		перетвляне	дреговичи						
		тимочане		—	—	—	—		—
		струменичи							
		ринхины							
		захлумяне							
		берзичи							
		езеричи							
		конавличи							
		дукляне							
	%	73,3	13,3				6,7	6,7	
Всего	«союзы племен» (16)	10 (62,5%)	—	3 (18,8%)	—	—	2 (12,5%)	1 (6,2%)	—
	«племена» (45)	35 (77,8%)	2 (4,3%)	2 (4,4%)	1 (2,2%)	1 (2,2%)	—	3 (6,7%)	1 (2,2%)
	итого (61)	45 (73,8%)	2 (3,3%)	5 (8,2%)	1 (1,6%)	1 (1,6%)	2 (3,3%)	4 (6,6%)	1 (1,6%)

брата своего старѣишаго, и нарекоша имя ему Киевъ... и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжение в поляхъ» [13, с. 13]. Во вводной части ПВЛ упоминаются также «грады» — центры ильменских словен и кривичей: «Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгород»; «от них же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, их же град есть Смоленскъ» [13, с. 11, 13]. По-видимому, распространение укрепленных поселений было связано с формированием ПК и СПК — «грады» становились центрами этих общностей [12].

Исчезновение ПК и СПК у восточных славян было связано с подчинением их в IX—X вв. власти наиболее развитого, полянского СПК с центром в Киеве, ранее других превратившегося в государственное образование («Русскую землю», см. [53, с. 24—50]). Для части СПК это подчинение проходило в два этапа. На первом СПК (с входившими в них ПК) сохраняли «автономию» своей внутренней структуры, будучи лишь обязаны Киеву фиксированной данью-налогом (распределявшейся в среде киевской военно-дружинной знати). Вторым этапом была ликвидация внутренней автономии СПК и посажение на их территории князей-наместников Киева. В других случаях обложение СПК данью сразу же сопровождалось ликвидацией местного княжения и посажением киевского наместника.

Попытаемся отразить в таблице 2 этапы развития восточнославянских СПК. За время возникновения СПК принимается время появления археологической общности, связываемой с данным союзом [13].

Таким образом, существование СПК у восточных славян [14] обобщенно определяется временем с VI—VIII до IX—X вв. (исключение — земля вятичей, где оно затянулось до второй половины XI в.).

О структуре ПК и СПК сведения отрывочны. Особую ценность имеет титулатура подчиненных великому князю киевскому князей, зафиксированная в договоре Руси с Византией 911 г. и в пересказе договора 907 г. Существуют два летописных варианта этой титулатуры. Первый представлен в Радзивилловской и Московской Академической летописях, второй — в Ипатьевской и во всех других, где помещены тексты этих договоров (ниже в текстах курсив мой.— *А. Г.*):

	Радзивилловская	Ипатьевская
(907 г.)	И потом даяти углады на Рускыа грады, первое на Киевъ та ж на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы; по тем бо городомъ	И потом даяти углады на Руские городы; пѣрвое на Киевъ, та же и на Черниговъ и на Переяславъ и на Полътескъ и на Ростовъ и на Любечь и на прочая городы; по тѣмъ бо городомѣ
(1)	седяху *велиции князи* под Олгом суще.	(1) сѣдяху *князья*, подъ Ольгом суще.
(911 г.)	Мы от рода Рускаго... иже посланы от Олга великого князя Рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его *свѣтлых*	Мы от рода Рускаго... иже послани от Олга, великаго князя Рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его,

[12] При этом несомненно, что не все восточнославянские городища, возникшие в VI—IX вв., могут быть отождествлены с центрами ПК или СПК. Так, большое количество укрепленных поселений на левобережьи Днепра (особенно в районах, прилегающих к степи) объясняется военной опасностью со стороны кочевников [23, с. 127; 24, с. 133]. Здесь большинство городищ было, очевидно, общинными центрами. В других регионах количество известных науке укрепленных поселений VI—IX вв. относительно невелико (см. карты [23, с. 48 вкл., 96 вкл., 112 вкл., 24, с. 91, 124, 147, 244]) и трактовка их как центров ПК или СПК наиболее вероятна (ср. [52, с. 6—10]).

[13] Обобщение данных об археологических памятниках славянских предгосударственных общностей содержится в [24].

[14] Не учитываются общности уличей и тиверцев, поскольку их территории в X в. были заняты печенегами [24, с. 129—132].

Таблица 2

Этапы развития восточнославянских «Союзов племенных княжеств»

СПК	Время возникновения	Переход в зависимость от Киева	Ликвидация автономии («огосударствление территории»)
поляне	VI в.	IX в.—складывание государственного образования вокруг Киева	
север	VIII в.	конец (?) IX в. (обложение данью в пользу Киева)	конец IX—начало X в. (?)
древляне	VI в.	конец (?) IX в. (обложение данью в пользу Киева)	середина X в. (завоевание земли древлян после восстания 945 г.)
дреговичи	VI в.	IX в. (?)	конец X в. (посажение в Турове Святополка)
радимичи	VIII в.	конец (?) IX в. (обложение данью в пользу Киева)	конец X в. (окончательное покорение Владимиром)
вятичи	VIII в.	вторая половина X в. (обложение данью в пользу Киева)	вторая половина XI в. (окончательное покорение Владимиром Мономахом)
словене	VIII в.	конец IX в. (обложение данью в пользу Киева)	конец IX в.
кривичи	VIII в.	конец IX в. (обложение данью в пользу Киева)	конец X в. (покорение Полоцка Владимиром, посажение в Полоцке Изяслава Владимировича, а в Смоленске—Станислава Владимировича)
велыняне	VIII в.	конец X в. (поход Владимира на Волынь, посажение им там сына Всеволода)	
хорваты	VII в.	конец X в. (покорение хорватов Владимиром)	

(2) *и великих князь и его великих бояр...*
(3) похотѣньем *наших великих князь...*
и не вдадим елико наше изволение быти от сущих под
(4) рукою наших *светлых* никакому же соблазну или вине...
тако и вы, грекы, да храните тако ж любовь ко
(5) *княземъ нашим свѣтлым рускым...* [18, стб. 31—34]

(2) *свѣтлых бояръ...*
(3) похотѣньем *наших князь...*
и не вдадимъ елико наше изволение быти от сущих под
(4) рукою *нашихъ князь свѣтлихъ* никакому же съблазну или вине...
тако же и вы, грѣци, да храните таку же любовь къ
(5) *княземъ же свѣтлымъ нашим рускымъ...* [16, стб. 22—24]

В первом варианте зависимые от Олега князья определяются как «великие» (3 раза) и «светлые» (3 раза), во втором — только как «светлые» (2 раза).

На основании общих представлений о текстологии летописания нельзя определить, какой из вариантов первичен: Радзивилловская и Московская Академические летописи имеют общий протограф, и не исключено, что появление титула «великий князь» для подчиненных Олегу правителей могло произойти в нем; с другой стороны, Ипатьевская, Троицкая, Софийская первая и Новгородская четвертая летописи (наиболее ранние из летописей, содержащих второй вариант титулатуры) связаны с Владимирским сводом XIII в.[15], и не исключено, что именно при создании этого памятника могло произойти «снижение» титула Олеговых вассалов. Вопрос о первичности одного из вариантов приходится решать на основе сличения их текстов. А. А. Шахматов в свою реконструкцию текста ПВЛ включил вариант Радзивилловской — Московской Академической летописей [55, с. 31, 33, 34]. Действитель-

[15] См. генеалогическую схему летописей в [54, с. 196].

но для этого есть чисто текстологическое обоснование. Определение «светлые бояре» из второго варианта (2) никогда не встречается в древнерусских источниках; между тем в том же втором варианте ниже дважды «светлыми» названы (как и в первом) князья — (4), (5). Вероятнее всего, в (2) второго варианта не очень удачное сокращение текста, преследующее цель избавиться от определения «великие». Таким образом, можно предполагать сознательное опущение определения «великий» при титуле «князь» во втором варианте. С точки зрения летописной работы XIII в. такая замена понятна: наличие неведомых «великих князей» помимо великого князя киевского могло смутить летописца. Наоборот, «повышение» титулов вассальных князей, приравнивающее их к великому киевскому князю, трудно объяснимо под пером летописца XIII в.

Исходя из первичности варианта Радзивилловской и Московской Академической летописей, можно заключить, что во главе СПК стояли правители, носящие титул «великий князь» или «светлый князь» [16]. Вероятно, один из этих титулов отразился в сочинении арабского автора Ибн-Русте при описании славянской общности второй половины IX в. (вероятнее всего, СПК вятичей [28, с. 258—284]) славяне именуют своего правителя, по сведениям Ибн-Русте, «свиет-малик» [57, с. 388] [17]. Этот термин интерпретирован Б. А. Рыбаковым как «светлый князь» (араб. «малик» — царь, «свиет» — передача слав. «свѣтлыи») [28, с. 276].

Есть основания говорить о существовании у князей СПК (по крайней мере в IX—X вв.) дружин. Ибн-Русте говорит о том, что славянский «свиет-малик» имеет «верховых лошадей» и «прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги» [57, с. 388]. Очевидно, речь идет об экипировке дружины «светлого князя». Из археологических комплексов IX—X вв. с дружинами князей СПК могут быть связаны гнездовские дружинные курганы под Смоленском (СПК кривичей) [59, с. 25—51 и городище Ревно 1Б на Буковине (СПК хорватов) [60, с. 39—68].

В источниках нет прямых указаний на вече или совет знати в СПК. Возможно, один из этих типов собраний имеется в виду под описанными в ПВЛ совещаниями древлян во время событий 945 г. [13, с. 40, 41].

Глава ПК носил титул «князь». В пользу этого говорит упоминание в ПВЛ древлянских князей во множественном числе (рядом с указанием на одного князя всех древлян — Мала) [13, с. 40, 41]; у Ибн-Русте «светлый князь» славян по-другому именуется «главой глав» [56, с. 388]: такое название свидетельствует, что он возглавлял общность, составные части которой имели своих правителей. Вероятно существование у князей ПК своих дружин. С ними могут быть связаны городище Хотомель (VIII—IX вв.) на р. Горынь (приток Припяти) [61, с. 8—10, 22—27] и курганный комплекс у с. Новоселки близ Смоленска (IX—X вв.) [62].

В рамках СПК зарождалась система взимания даней, собираемых со свободного населения и распределяемых (в непосредственном виде или в виде дохода от продажи собранного продукта) среди военно-дружинной знати. В рассказе Ибн-Русте говорится о том, что правитель славян ежегодно объезжает своих подданных и берет с них дань [57, с. 389; 58, с. 24]. Речь идет о взимании дани мехами [28, с. 278—283].

---

[16] Если даже полагать первичным второй вариант титулатуры, это не может поставить под сомнение наличие у подчиненных Олегу князей титула «светлый князь», поскольку он упоминается во втором варианте. Слова из пересказа договора 907 г.— «и потом даяти углады на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Черниговъ, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы: по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще» — возможно, имеют в виду, что «великие князья» сидели в «прочих» городах, а перечислены те, которые входили в «огосударствленную» уже территорию («Русскую землю») — Киев, Чернигов и Переяславль (упоминание Полоцка, Ростова и Любеча, вероятно, является позднейшим добавлением [56, с. 268].

[17] О датировке известия второй половиной IX в. см. [58, с. 22—25].

Такое ежегодное «полюдье» описано в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» в отношении системы взимания дани киевскими князьями в середине X в. с подчиненных им СПК [22, с. 62]. Здесь речь идет уже об этапе, на котором данническая эксплуатация вынесена за рамки «своего» СПК, в то время как у Ибн-Русте зафиксирован более ранний этап — полюдье внутри СПК.

По-видимому, именно в период существования ПК и СПК (далее этот период условно именуем «периодом ПК») происходит выдвижение на ведущие позиции в обществе военно-дружинной знати. Первые известия о дружинах у славян относятся к VI—VII вв. [63, с. 16—18; 64, с. 19, 20; 65, с. 16, 17] — времени расселения славян и складывания раннесредневековых ПК и СПК. В X в. военно-дружинная знать уже является получателем прибавочного продукта, поступающего через систему даней-налогов. Должностные лица, появление которых может быть отнесено к периоду ПК — воевода и тысяцкий — в X—XI вв. являются уже княжескими людьми. Совет при князе на Руси XI—XII вв. генетически связан с совещанием князя со своей дружиной, связь его с советом родоплеменной знати не прослеживается [66]. Вероятно, в рамках ПК и СПК происходило оттеснение служилой знатью родоплеменной, позиции которой были ослаблены еще в результате дробления и смешения «старых» племен в ходе расселения, и хотя и могли регенерироваться в новых общностях, но в силу территориального (вплоть до низшего звена общественной структуры — соседской общины) характера последних не могли быть столь же сильны, как в племенах, связанных кровнородственными связями и состоящих из родовых общин.

С ликвидацией «автономии» СПК и ПК их место занимали волости — земли, которыми управляли князья — наместники великого князя киевского или посадники из числа бояр [18] Как возникновение ПК и СПК сопровождалось появлением укрепленных поселений — «градов», так и слом их «автономии» совпадал по времени с возникновением на Руси раннефеодальных городов, становившихся центрами волостей.

В новейшей советской историографии утвердилось мнение о многообразии путей возникновения древнерусского города, и одним из путей признается эволюция в феодальные города так называемых «племенных центров» [67, с. 52—61], т. е. «градов», являвшихся центрами общностей, в настоящей статье определяемых как ПК и СПК (далее эта категория поселений условно именуется «центры ПК — СПК»). При этом одни исследователи полагают, что раннефеодальные города чаще всего были новыми центрами по отношению к «племенным» [68, с. 317—326; 69, с. 83, 84]. По мнению других, превращение «племенных центров» в города было главным путем городообразования на Руси в период формирования государства [24, с. 242, 243; 52, с. 18; 70, с. 7; 71, с. 105—112; 72, с. 68, 73, 74].

При рассмотрении данного вопроса большое значение имеет обобщение археологических данных о древнерусских укрепленных поселениях, проведенное А. В. Кузой. Проанализировав материалы 862 относительно хорошо изученных поселений (61,8% от общего числа известных науке), А. В. Куза установил, что из 181 укрепленного поселения, существовавшего в IX — начале XI в., к началу XII столетия 104 прекратили свое существование, причем у большинства из них это произошло на рубеже X—XI вв. [67, с. 38—42]. Для значительной части восточнославянских СПК (дреговичи, радимичи, кривичи, велыняне, хорваты) рубеж X—XI вв.— это время сразу после ликвидации автономии СПК. Резонно предполагать, что последнее явление влекло за собой коренные изменения в структуре укрепленных поселений — упадок старых центров и возникновение и возвышение новых [19].

---

[18] «Посадники» впервые упоминаются в летописи под 977, 980 и 996 гг. [13, с. 54, 85].

[19] По подсчетам А. В. Кузы, в XI — первой половине XII в. появилось 244 новых укрепленных поселения [67, с. 42].

Таблица 3

Возникновение древнерусских городов и хронология «переходного периода»

Город	Окончание периода ПК	Время появления укрепленного поселения
Белгород	IX в.	X в.
Берестье	конец X в.	XI в.
Бужск	конец X в.	XI в.
Владимир-Волынский	конец X в.	конец X—начало XI в.
Вышгород	IX г.	X в.
Гродно	конец X в.	XI в.
Дорогобуж	конец X в.	XI в.
Киев	IX в.	VI в.
Клеческ	конец X в.	начало XII в.
Курск	начало IX—начало X в. (?)	?
Минск	конец X в.	XI в.
Новгород	конец IX в.	первая половина X в.
Новгород-Северский	конец IX—начало X в. (?)	конец X в.
Перемышль	конец X в.	IX в. (?)
Переяславль	IX в.	конец X в.
Полоцк	конец X в.	IX в.
Смоленск	конец X в.	XI в.*
Теребовль	конец X в.	вторая половина XI в.
Туров	конец X в.	конец X в.
Чернигов	IX в.	VIII в.

* Данные летописей и Константина Багрянородного говорят о существовании Смоленска в более раннее время. Наиболее обоснованным представляется мнение, согласно которому первоначальному Смоленску («племенному центру» кривичей) соответствует комплекс археологических памятников, именуемый сейчас Гнездовым, а раннефеодальный город Смоленск возник в XI в. на современном месте [75, с. 135—151; 76, с. 70—74].

В качестве проверки данного предположения можно попытаться подсчитать, насколько значительная часть городов, игравших важную роль в раннефеодальной Руси, возникла из укрепленных поселений, появившихся в «период ПК» (т. е. как центр ПК или СПК). С этой целью выделяем города, в которых с конца X в. (время окончательной ликвидации «автономии» СПК) до 1132 г. (условная дата начала феодальной раздробленности на Руси) были, по летописным данным, княжеские столы: это Белгород, Берестье, Бужск, Владимир-Волынский, Вышгород, Гродно, Дорогобуж, Киев, Клеческ, Курск, Минск, Новгород, Новгород-Северский, Перемышль, Переяславль, Полоцк, Смоленск, Теребовль, Туров, Чернигов[20]. Сопоставим время окончания «периода ПК» в регионах, где эти города расположены, со временем, которым датируется основание на их территории укрепленного поселения[21] (табл. 3).

Из 20 городов только 4 можно посчитать возникшими непосредственно в результате эволюции «центров ПК и СПК». Это, наряду с приведенными выше суммарными данными о гибели значительного числа укрепленных поселений в период ликвидации «автономии» СПК, заставляет сомневаться в том, что такая эволюция была магистральным путем возникновения городов на Руси. Нужно, кроме того, иметь в виду, что упадок центров ПК — СПК не всегда сопровождался полным прекращением на них жизни: наряду с прекратившими существование центрами, трактуемыми как «племенные» (Гнездово, Ревно, Титчиха, Большое Горнальское городище, возможно Искоростень), известен ряд сохранившихся, но ставших второстепенными городами в структуре раннефеодального государства (Волынь, Изборск).

Таким образом, для выделения в общественном развитии восточных славян особого переходного периода между родоплеменным строем и феодализмом есть основания. Этот период характеризуется разрушени-

[20] Не учитываются Ростов, Суздаль и Муром, основанные на территории, где не было славянских СПК, и Тмуторокань как центр, возникновение, которого не было связано с формированием классового общества и государства на Руси.

[21] Археологические данные о древнерусских укрепленных поселениях обобщены в [23, 24, 67, 73, 74].

ем родоплеменной структуры общества и становлением территориальной: соседская община — племенное княжество — союз племенных княжеств. Такая структура возникает после завершения расселения славян в Восточной Европе (VI—VIII вв.). Складывание новых общностей сопровождалось строительством укрепленных поселений—«градов», становившихся центрами ПК и СПК. В рамках переходного периода происходит вызревание раннефеодальной формы эксплуатации через систему даней-налогов, выходит на господствующие позиции в обществе военно-дружинная знать, превращающаяся в господствующий класс раннефеодального общества и аппарат раннефеодального государства (т. е. формируются основные черты раннего феодализма). Окончание переходного периода было связано с опережающим развитием одного из союзов племенных княжеств, превращением его в государственное образование и переходом остальных в зависимость от него. Ликвидация «автономии» СПК и прямое подчинение их Киеву сопровождалось упадком большинства «градов» — центров ПК—СПК и становлением раннефеодальных городов, как правило не являвшихся результатом эволюции старых центров. Переходный период может быть условно назван «периодом племенных княжеств» по типу территориально-политической общности, существование которой не выходит за его рамки. Установить единые хронологические границы «периода племенных княжеств» для восточного славянства в целом невозможно из-за неравномерности развития разных общностей. Он длился в различных регионах от двух до четырех столетий: с VI—VIII до IX—X вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
2. *Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве//Вопросы истории. 1946. № 7
3. *Бахрушин С. В.* Держава Рюриковичей//ВДИ. 1938. № 2.
4. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
5. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
6. *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.//*Новосельцев А. П., Пашуто В. Т Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972.
7. *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983.
8. *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (На материале истории Западной Европы раннего средневековья)//Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
9. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
10. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
11. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства в Древней Руси//Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
12. *Курбатов Г Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я.* Заключение//Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
13. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
14. *Завадская С. В.* «Болярин» — «боярин» в древнерусских письменных источниках// Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.
15. *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1960.
16. Ипатьевская летопись//ПСРЛ. 1962. Т. 2.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
18. Лаврентьевская летопись//ПСРЛ. 1962. Т. 1.
19. Правда Русская. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
20. *Горский А. А.* Феодализация на Руси: основное содержание процесса//Вопросы истории. 1986. № 8.
21. Патерик Киевского печерского монастыря. СПб., 1911.
22. Constantine Porphyrogenitus de administrando imperio. Budapest, 1949.
23. *Ляпушкин И. И.* Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки// МИА. 1968. № 152.
24. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.

25. *Мавродин В. В.* О племенных княжениях восточных славян//Исследования по социально-политической истории России. Л.: Наука, 1971.
26. *Шаскольский И. П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства//Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наук. думка, 1972.
27. *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М.: Наука, 1964.
28. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков. М.: Наука, 1982.
29. *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим данным VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне)//СА. 1956. Т. XXV.
30. *Łowtiański H.* Poczatki Polski. T. IV. Warszawa, 1970.
31. *Ловмяньский Г.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян//Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наук. думка, 1972.
32. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1964.
33. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967.
34. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1970.
35. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян//Вопросы языкознания. 1974. № 6.
36. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы)//Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев: Наук. думка, 1980.
37. *Łowtiański H.* Poczatki Polski. T. III. Warszawa, 1967.
38. *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
39. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.
40. *Исаевич Я. Д.* Висляне и лендзяне в IX—X вв.//Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981.
41. *Niederle L.* Slovańske starožitnosti. D. II. sv. 2. Praha, 1910.
42. *Niederle L.* Slovańske starožitnosti. D. III. Praha, 1919.
43. *Саливон А. Н.* Самосознание ободритов (к вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности)//Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.. Наука, 1981.
44. *Саливон А. Н.* Вильцы-лютичи//Советское славяноведение. 1983. № 2.
45. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
46. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981.
47. *Пашуто В. Т.* Особенности структуры Древнерусского государства//Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965.
48. *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высш. школа, 1971.
49. Извори за българската история. VI. Гръцки извори за българската история. III. София, 1960.
50. Monumenta Germaniae Historiae. Scriptorum rerum Merovincarum. T. II. Hannovegae, 1888.
51. Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986.
52. *Толочко П. П.* Происхождение древнейших восточнославянских городов//Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев: Наук. думка, 1985.
53. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
54. *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников Древней Руси»//ТОДРЛ. 1985. Т. 40.
55. *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916.
56. Повесть временных лет. Ч. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
57. *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.// Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965.
58. *Новосельцев А. П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в.— первой половины X в. (полюдье)//Социально-экономическое развитие России. М.: Наука, 1986.
59. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.: Наука, 1978.
60. *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.) Київ: Наук. думка, 1982.
61. *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья//САИ. 1961. Вып. Е1-57.
62. *Ширинский С. С.* Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки//Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
63. *Иванов С. А.* Славяне в VI в. по данным Прокопия Кесарийского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
64. *Горский А. А.* Дружина и генезис феодализма на Руси//Вопросы истории. 1984. № 9.
65. *Иванова О. В.* К вопросу о существовании у славян «дружины» в конце VI—VII в. (по данным «Чудес св. Дмитрия»)//Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М.: Наука, 1985.
66. *Горский А. А.* Княжеский «совет» («дума») на Руси X—XII вв.//Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений. М., 1985.

67. Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985.
68. *Дубов И. В.* Проблема возникновения городов на Руси по материалам отечественной археологии//Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
69. *Котляр Н. Ф.* Города и генезис феодализма на Руси//Вопросы истории. 1986. № 12.
70. *Седов В. В.* Начало городов на Руси//Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. М., 1985.
71. *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города//История СССР. 1979. № 4.
72. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)//История СССР. 1986. № 5.
73. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1984.
74. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978.
75. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М.: Наука, 1980.
76. *Дубов И. В.* К проблеме «переноса» городов в Древней Руси//Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

A. A. Gorsky

ON THE PERIOD OF TRANSITION FROM THE PRE-CLASS TO FEUDAL SOCIETY AMONG EASTERN SLAVS

Summary

The author subjects to criticism I. Froyanov's conception which regards the period between the 11th and the early 13th centuries as a transition from the pre-class to feudal society and the Russian cities of that period as city-states (whose structure resembled those of the city-states of antiquity). A. Gorsky asserts that the transition from the pre-class to feudal society among the Eastern Slavs occurred in the period of so-called «tribal principalities» (which stretched from two to four centuries in different regions: from the 6th-8th to the 9th-10th centuries). The early feudal form of exploitation had become fully shaped within these chronological limits (through the system of tribute-taxes). The military nobility had turned into the dominating class of the early feudal society and the mechanism of state power.

А. А. ФОРМОЗОВ

О ДВУХ ДОКУМЕНТАХ 1860-х ГОДОВ, КАСАЮЩИХСЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

1. О дате письма А. К. Толстого Александру II

В вышедшей в 1912 г. в Париже книге французского литературоведа Андре Лиронделя, посвященной русскому поэту и драматургу А. К. Толстому, опубликованы два его письма к императору Александру II [1, с. 192, 193, 602, 603]. Одно из них, представляющее собой темпераментное выступление в защиту памятников старины в России, особенно интересно, поскольку относится к периоду, когда этот вопрос волновал очень немногих. Перевод письма помещен в четырехтомном собрании сочинений А. К. Толстого [2, с. 121—123]. Приводим его полностью.

«Ваше величество,

Вследствие нового жесткого приступа моей болезни я несколько дней не был в состоянии двигаться и, так как еще и сейчас не могу выходить, то лишен возможности лично довести до сведения Вашего величества следующий факт: профессор Костомаров, вернувшись из поездки с научными целями в Новгород и Псков, навестил меня и рассказал, что в Новгороде затевается неразумная и противоречащая данным археологии реставрация древней каменной стены, которую она испортит. Кроме того, когда Великий князь Михаил высказал намерение построить в Новгороде церковь в честь своего святого, там, вместо того, чтобы просто исполнить это его желание, уже снесли древнюю церковь св. Михаила, относившуюся к XIV веку. Церковь св. Лазаря, относившуюся к тому же времени и нуждавшуюся только в обычном ремонте, точно так же снесли. Во Пскове в настоящее время разрушают древнюю стену, чтобы заменить ее новой в псевдостаринном вкусе. В Изборске древнюю стену всячески стараются изуродовать ненужными пристройками. Древнейшая в России Староладожская церковь, относящаяся к XI веку (!!!), была несколько лет тому назад изувечена усилиями настоятеля, распорядившегося отбить молотком фрески времен Ярослава, чтобы заменить их росписью, соответствующей его вкусу.

На моих глазах, Ваше величество, лет шесть тому назад в Москве снесли древнюю колокольню Страстного монастыря, и она рухнула на мостовую, как поваленное дерево, так что не отломился ни один кирпич, настолько прочна была кладка, а на ее месте соорудили новую псевдорусскую колокольню. Той же участи подверглась церковь Николы Явленного на Арбате, относившаяся ко времени царствования Ивана Васильевича Грозного и построенная так прочно, что и с помощью железных ломов еле удавалось отделить кирпичи один от другого.

Наконец, на этих днях я просто не узнал в Москве прелестную маленькую церковь Трифона Напрудного, с которой связано одно из преданий об охоте Ивана Васильевича Грозного. Ее облепили отвратительными пристройками, заново отделали внутри и поручили какому-то богомазу переписать наружную фреску, изображающую святого Трифона на коне и с соколом в руке.

Простите мне, Ваше величество, если по этому случаю я назову Вам еще три здания в Москве, за которые всегда дрожу, когда еду туда. Это прежде всего на Дмитровке прелестная церковка Спаса в Паутинках,

названная так, вероятно, благодаря изысканной тонкости орнаментовки, далее — церковь Грузинской божьей матери и, в-третьих,— Крутицкие ворота, своеобразное сооружение, все в изразцах. Последние два памятника более или менее невредимы, но к первому уже успели пристроить ворота в современном духе, режущие глаз по своей нелепости — настолько они противоречат целому. Когда спрашиваешь у настоятелей, по каким основаниям производятся эти разрушения и наносятся все эти увечья, они с гордостью отвечают, что возможность сделать все эти прелести им дали доброхотные даятели, и с презрением прибавляют: „О прежней нечего жалеть, она была старая". И все это бессмысленное и непоправимое варварство творится по всей России на глазах и с благословения губернаторов и высшего духовенства. Именно духовенство — отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников.

Что пощадили татары и огонь, оно берется уничтожить. Уж не раскольников ли признать более просвещенными, чем митрополита Филарета?

Государь, я знаю, что Вашему величеству не безразлично то уважение, которое науки и наше внутреннее чувство питают к памятникам древности, столь малочисленным у нас по сравнению с другими странами. Обращая внимание на этот беспримерный вандализм, принявший уже характер хронического неистовства, заставляющего вспомнить о византийских иконоборцах, я, как мне кажется, действую в видах Вашего величества, которое, узнав обо всем, наверно, сжалится над нашими памятниками старины и строгим указом предотвратит опасность их систематического и окончательного разрушения...».

Комментатор издания — И. Г. Ямпольский датировал письмо августом-сентябрем 1860 г. [2, с. 123]. Установив, к каким годам относятся упомянутые в письме реставрации и перестройки, можно указать более точную дату документа.

В письме отражены наблюдения за состоянием памятников старины в России, сделанные двумя людьми. Первый — сам А. К. Толстой (1817—1875). Для него эта проблема не была случайной. 5 ноября 1870 г. он писал Н. А. Чаеву: «Я с благоговением посмотрел бы на ... дворец в Боголюбове, которого рисунок видел у Погодина и который, вероятно, с каждым годом разрушается. Я выстроил бы над ним стеклянный колпак. Это, кажется, единственный у нас памятник гражданской архитектуры XII столетия» [2, с. 356].

В Боголюбове Толстой так и не побывал, но о московских достопримечательностях говорил в письме к Александру II не без знания дела. Между тем, по собственному свидетельству (письмо М. П. Погодину от 12 мая 1869 г.), он хотя и бывал в старой столице «несколько раз, но всегда лишь на самое короткое время и только проездом» [2, с. 293]. То, что это так, показывают две неточности: ошибка в названии одного из памятников московской архитектуры. «Спас в паутинках» вместо «Рождество Богородицы на путинках» и ошибка в дате церкви Николы чудотворца в Плотниках на Арбате. Она была построена не при Иване Грозном, а при Федоре Иоанновиче — в 1593 г. [3, с. 200], переделана же в 1853 г. [4, с. 18]. По письмам А. К. Толстого можно определить даты его кратких наездов в Москву: октябрь 1853 г. (письмо к И. С. Тургеневу), декабрь 1855 г., август-сентябрь 1856 г., октябрь 1861 г. (письма к С. А. Миллер) [2, с. 63, 79, 82—84, 101].

Вероятно, в 1855 г. А. К. Толстой видел разрушение древней колокольни Страстного монастыря при его перестройке, проведенной с благословения упомянутого в письме митрополита Филарета [5, с. 47], а в 1861 г.— искаженную при подновлении церковь Трифона в Напрудном. Об этом памятнике говорится на последних страницах романа «Князь Серебряный», завершенного в 1861 г. и увидевшего свет в «Русском

вестнике» в 1862 г. В примечании А. К. Толстого к этому месту говорится: «С тех пор, как это написано, церковь Трифона Напрудного так переделана, что ее узнать нельзя. Снаружи переделки, а внутренность переписана и перештукатурена в новом вкусе. Все это вследствие доброхотных даятелей, как объясняют причетники» [6, с. 445]. Перекличка с письмом к Александру II очевидна.

Новое крыльцо к церкви Рождества Богородицы в Путинках, судя по литературе, было пристроено в 1864 г. [4, с. 14].

Надо было обладать большим художественным вкусом и проникновением в культуру средних веков, чтобы за несколько коротких посещений старой столицы узнать и полюбить памятники московской архитектуры. Автор «Князя Серебряного», драматической трилогии, и многочисленных стихотворений на темы русской истории таким вкусом и даром обладал в полной мере.

В письме к Александру II приведены также сведения о состоянии памятников древнерусского зодчества, сообщенные А. К. Толстому известным историком Н. И. Костомаровым (1817—1885). В 1860—1862 гг. он бывал в Новгороде Великом, а в 1860 и 1862 гг.— в Пскове, чтобы познакомиться с городами, исторические судьбы которых собирался рассмотреть в монографии «Севернорусские народоправства» (СПб., 1863) и в курсе лекций в Петербургском университете. В 1862 г. посетил он Изборск и Старую Ладогу [7, с. 267, 268, 279, 344, 348, 349, 353]. Поэт и ученый были хорошо знакомы. Частично сохранилась их переписка [8, с. 371—383].

Неудачная реставрация староладожских фресок была проведена в 1858—1859 гг. [9, с. 121, 122]. Церковь Лазаря в Новгороде Великом снесена в 1859 г. [10, с. 107].

Реставрация Новгородского Кремля проводилась в 1862 г., когда большой участок его стены был подмыт Волховом [11, с. 94]. Церковь Михаила архангела на Михайловой улице в Новгороде полностью перестроена в 1852 г. [12, с. 48]. Что же касается Псковского Кремля, то речь идет, видимо, о периоде, когда после долгого обсуждения неудачного проекта реставрации К. А. Тона этот проект был отвергнут и готовилась реставрация, начатая в 1865 г. [13, с. 128—130].

Приведенные даты реставрации московских памятников, упомянутых в письме А. К. Толстого, и поездок Н. И. Костомарова в Изборск и Ладогу показывают, что оно не могло быть написано в 1860 г., а относится скорее всего к 1862 или даже к 1864 г.

Письмо, где слились беспокойства о судьбах памятников старины и искусства в России двух замечательных людей — писателя и историка, составлено смело и решительно. Особенно обращает на себя внимание резкий отзыв о русском духовенстве.

Увы, никакого указа об охране памятников ни Александр II, ни его преемники не издали.

2. О письмах Гектора Берлиоза к В. Ф. Одоевскому

В 1930-х годах в среде историков и искусствоведов Москвы стало известно, что сотруднице Государственного Исторического музея М. Ю. Барановской (1902—1978) удалось найти несколько неопубликованных писем великого французского композитора Гектора Берлиоза (1803—1869) к выдающемуся русскому писателю, философу и музыковеду В. Ф. Одоевскому (1803—1869). Особый интерес вызывало письмо, где содержался восторженный отзыв о замечательном памятнике русской архитектуры — церкви Вознесения в селе Коломенском (1532).

Публикация этого письма задержалась. Только в 1958 и 1959 гг. отрывки из него появились в брошюре В. М. Мещериной о Коломенском [14, с. 12, 13] и в академической «Истории русского искусства». Автор заключительной части к первым четырем томам этого издания Н. Н. Воронин благодарил М. Ю. Барановскую, «обнаружившую эти драгоценные документы», за возможность их процитировать [15, с. 630, 631].

Вот как выглядели тогда слова Г. Берлиоза, касающиеся церкви Вознесения: «Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенском. Многое я видел, многим любовался, многое поражало меня, но время, древнее время в России, которое оставило свой памятник в этом селе, было для меня чудом из чудес. Я видел Страсбургский собор, который строился веками. Я стоял вблизи Миланского собора, но, кроме налепленных украшений, я ничего не нашел. А тут передо мною предстала красота целого. Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина. Гармония красоты, законченных форм. Я видел какой-то новый вид архитектуры. Я видел стремление ввысь. Я долго стоял ошеломленный».

В дальнейшем эта цитата не раз использовалась как в литературе о Коломенском [16, с. 30], так и в туристских справочниках, рассчитанных на самого массового читателя [17, с. 358].

Сообщение об этом письме Г. Берлиоза не породило никаких сомнений у специалистов. Композитор действительно был в России в 1867 г. Французские романтики проявляли интерес к древнерусской архитектуре. Весьма высоко оценивал ее, например, Теофиль Готье, осмотревший Московский Кремль, Троице-Сергиеву лавру и достопримечательности Нижнего Новгорода [18].

Только в 1969 г. М. Ю. Барановская выпустила, наконец, относительно полную информацию о своей находке — перевод четырех писем Г. Берлиоза к В. Ф. Одоевскому [19, с. 64—67]. Статья, помещенная в журнале «Советская музыка», прошла мимо внимания специалистов по русской культуре. Между тем она вызывает ряд недоуменных вопросов, которыми, на мой взгляд, следует поделиться с читателями.

Передавая Н. Н. Воронину в 1950-х годах отрывок из письма Г. Берлиоза о Коломенском, М. Ю. Барановская датировала этот документ не слишком точно — «1868—1869 годы». На письме, изданном в 1969 г., имеется точная дата — «19 сентября 1868 года». Непонятно, почему она не была сообщена Н. Н. Воронину.

Архив В. Ф. Одоевского вскоре после его смерти как единый фонд был передан вдовой О. С. Одоевской (1797—1872) в Императорскую публичную библиотеку в Петербурге. Там этот фонд находится и поныне (№ 539, 1836 ед. хр.) в составе Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [20, с. 33]. Странно, что такие интересные документы, как письма Г Берлиоза, почему-то откололись от всего фонда и попали в руки частных лиц. Как указывает М. Ю. Барановская, письма входили в личное собрание «артиста оркестра бывшего Александрийского театра волторниста А. М. Вдовиченко». М. Ю. Барановская скопировала и перевела их. Потом подлинники пропали. Опубликованы не французские тексты, а лишь их перевод на русский язык. Перевод дан иной, чем в 1950-х годах. Например: «Древняя Русь, та, что предстала перед нами в памятнике Коломенского,— это из области того, что я видел самого удивительного... Я был ослеплен монолитной красотой. При виде ее у меня забилось сердце».

Из письма от 19 сентября 1868 г. ясно, что Коломенское показывал Берлиозу именно В. Ф. Одоевский. Композитор пишет: «Как я Вам благодарен, Вольдемар, за то, что Вы упросили меня остаться там до вечера и я смог увидеть в лучах заходящего солнца это чудо из чудес». Мы не так уж мало знаем о В. Ф. Одоевском, знаем, в частности, и то, что он не был человеком, способным обратить внимание зарубежного гостя на сокровища русского зодчества. Подобно многим представителям офранцуженного русского дворянства В. Ф. Одоевский не признавал какой-либо ценности художественного наследия Древней Руси.

Об этом свидетельствует целый ряд высказываний. Приведу из них лишь три. «Бог отказал нам (русским.— *А. Ф.*) и в живописи и в архитектуре» [21, с. 102]. «Вы знаете, господа, сколько дела на сем свете... У народа нет книг, у нас нет своей музыки, своей архитектуры» [22, с. 156]. После выхода «Истории русской словесности» С. П. Шевырева В. Ф. Одоевский передал автору, что «никогда не верил в существова-

ние наших древностей, а прочитав его книгу, стал еще менее верить в них» [23, с. 408].

Нет никаких указаний на то, что в конце своей жизни В. Ф. Одоевский коренным образом пересмотрел свое мнение и мог уже демонстрировать Г Берлиозу как главные достопримечательности Москвы ее средневековые постройки.

Другое опубликованное М. Ю. Барановской письмо Г. Берлиоза, от 25 июня 1868 г., говорит о том, что французский композитор высоко оценил не только церковь Вознесения, но и еще несколько памятников близкого времени: Покровский собор на Красной площади (храм Василия Блаженного), храмы Донского монастыря, церкви Николы в Хамовниках и «Никола Большой крест». Кто показывал Г. Берлиозу эти здания, не сказано. Даже если он сам осмотрел их без помощи В. Ф. Одоевского, или благодаря прогулкам по Москве с другим спутником, ему незачем было посылать письма о старой русской архитектуре адресату, вовсе ею не интересующемуся. Напротив, новостей музыкальной жизни, особенно важных для В. Ф. Одоевского, в письмах Г. Берлиоза совсем мало.

Французский путешественник, пожалуй, мог запомнить названия двух-трех московских памятников старины, но не очень верится, что ему запомнился целый список таких названий, вплоть до чуждых иноземному уху «Хамовников» (заметим, что точное название храма в Коломенском им не приведено).

Наконец, мы располагаем еще несколькими текстами, содержащими впечатления Г. Берлиоза о его поездках в Россию,— соответствующими главами «Мемуаров», письмами, посланными на родину из Москвы и Петербурга или в эти города по возвращении в Париж [24, с. 221—228; 25, с. 68—93, 97—112; 26]. Ни в одном из этих безусловно подлинных документов нет ни слова о произведениях древнерусского искусства, ни слова о В. Ф. Одоевском. Любопытен рассказ Берлиоза в его «Мемуарах» о первом посещении Москвы в 1847 г.: «Несмотря на все интересное и оригинальное, что имеется в таком полуазиатском городе, как Москва, в отношении архитектуры, я очень мало мог ее изучить в течение трех недель, которые я там провел. Приготовления к моему концерту меня совершенно поглотили... Я видел Кремль только с наружной стороны и ограничился тем, что сосчитал пушки, составлявшие его ожерелье» [27, с. 662].

Любопытно, что составители советского двухтомного издания писем Г. Берлиоза по каким-то своим соображениям не включили в эту книгу тексты, опубликованные М. Ю. Барановской.

Все вместе взятое заставляет прийти к выводу, что эти тексты — источник крайне сомнительный. Специалистам по истории архитектуры пользоваться им не стоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lirondelle Andre.* Le poéte Alexis Tolstoi. L'Homme et l'oeuvre. P., 1912.
2. *Толстой А. К.* Письма//Собр. соч. Т. 4. М.: Худож. лит., 1964.
3. *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986.
4. *Александровский М. И.* Указатель московских церквей. М., 1915.
5. *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание Московского Страстного девичьего монастыря. М., 1897.
6. *Толстой А. К.* Князь Серебряный//Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1964.
7. *Костомаров Н. И.* Автобиография. М., 1922.
8. Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. Т. II. СПб., 1912.
9. *Якимова Н. В.* Новые данные об открытии фресок Георгиевской церкви в Старой Ладоге//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985.
10. *Мясоедов В.* Два погибших памятника новгородской старины//ЗОРСА. 1915. Т. X.
11. *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого//МИА. 1952. № 31.
12. *Муравьев В. М.* Новгород Великий. Л., б. г.
13. *Славина Т. А.* Константин Тон. Л.: Лениздат, 1982.
14. *Мещерина В. М.* Коломенское. М.: Искусство, 1958.
15. История русского искусства. В 12-ти томах. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

16. *Гра М. А.* Коломенское. М., 1963.
17 *Поляк Е., Попадейкин В., Струков В.* В поход, друзья-туристы. М., 1961.
18. *Gautier T.* Voyage en Russie. T. 1. P., 1866.
19. *Барановская М. Ю.* Письма другу//Сов. музыка. 1969. № 8.
20. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР Т. II. М., 1963.
21. *Колюпанов Н. П.* Биография А. И. Кошелева. Т. I. Ч. 2. М., 1889.
22. *Голубева О. Д.* В. Ф. Одоевский//Голубева О. Д., Гольдберг А. Л., В. И. Собольщиков, В. Ф. Одоевский М.: Книга, 1983.
23. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII. СПб., 1894.
24. *Берлиоз Г* Избранные письма. Кн. 2. Л.: Музыка, 1982.
25. *Стасов В. В.* Лист, Шуман и Берлиоз в России. М.: Музгиз, 1954.
26. *Петухов М. О.* Берлиоз в России. М., 1881.
27. *Берлиоз Г* Мемуары/Пер. А. А. Хохловкиной. М.: Музгиз, 1962.

A. A. Formozov

ABOUT TWO DOCUMENTS OF THE 1860s CONCERNING OLD RUSSIAN ARCHITECTURE

Summary

The author proves that the letter written by a Russian poet Alexei Tolstoy to Emperor Alexander II on the condition of Moscow architectural sites should be dated not by 1860 but between 1862 and 1864. He also considers Berlioz's letters to V. Odoevsky (which appeared in 1969 in the *Sovetskaya muzyka* journal) to be inauthentic.

М. И. ФИНКЕЛЬШТЕЙН, Е. Ф. БОГАТЫРЕВ, Н. А. ПЛАУНОВ,
Г. Э. ЭРДМАНИС

ПРИМЕНЕНИЕ РАДИОЛОКАЦИОННОГО ПОДПОВЕРХНОСТНОГО ЗОНДИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Среди дистанционных радиофизических методов исследования внутренней структуры различных сред в последние 10—15 лет все большее значение приобретает радиолокационное зондирование [1, с. 20—28]. Создаваемые в США и Японии, а также в СССР специализированные радиолокаторы подповерхностного зондирования имеют малые габариты и вес, обладают высокой мобильностью. Непрерывность и наглядность получаемой информации, высокое разрешение по глубине позволяют решать такие задачи, как определение границ слоистых земных покровов, оконтуривание карстовых пустот, поиск металлических и пластиковых труб, кабельных линий и т. д. [2—4].

Радиолокационный метод нашел применение и в археологии, в частности при изучении пирамид в Египте [5, 6]. Ниже приведены результаты зондирования археологических объектов на территории Латвии, выполненные в 1982—1984 гг. радиолокатором, разработанным в Рижском Краснознаменном институте инженеров гражданской авиации им. Ленинского комсомола (РКИИГА). Работы выполнялись совместно с Научно-реставрационной конторой Министерства культуры Латвийской ССР.

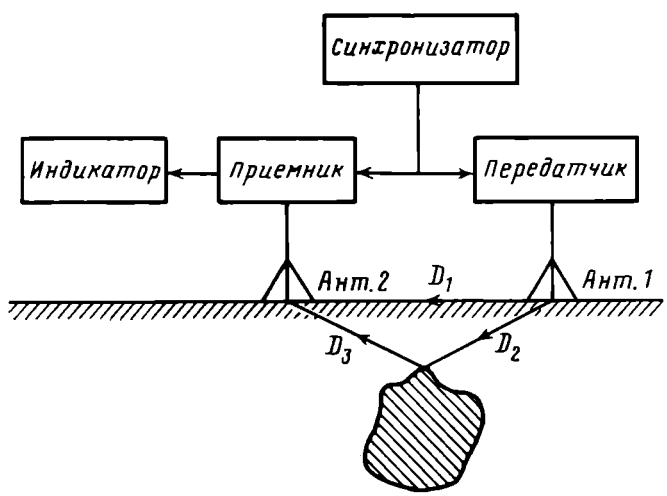


Рис. 1. Структурная схема радиолокатора подповерхностного зондирования

Структурная схема радиолокатора приведена на рис. 1. Под действием импульсов синхронизатора передатчик формирует короткий импульс длительностью порядка десяти наносекунд (1 нс$=10^{-9}$ с) в виде 1,5 периодов колебаний на частоте около 150 МГц. В результате в передающей антенне (Ант. 1), лежащей на исследуемой земной поверхности, возникают электромагнитные колебания, попадающие в приемную антенну (Ант. 2), расположенную на той же поверхности, по двум путям: вдоль границы среды по пути D_1 и, отражаясь от подповерхностного объекта, по пути D_2, D_3. При этом на индикаторе (экране осциллогра-

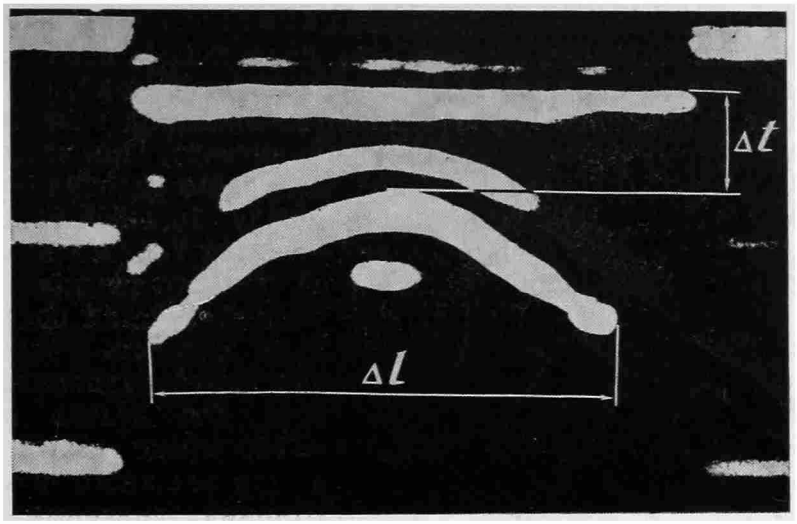


Рис. 2. Пример радиолокационного подповерхностного профиля

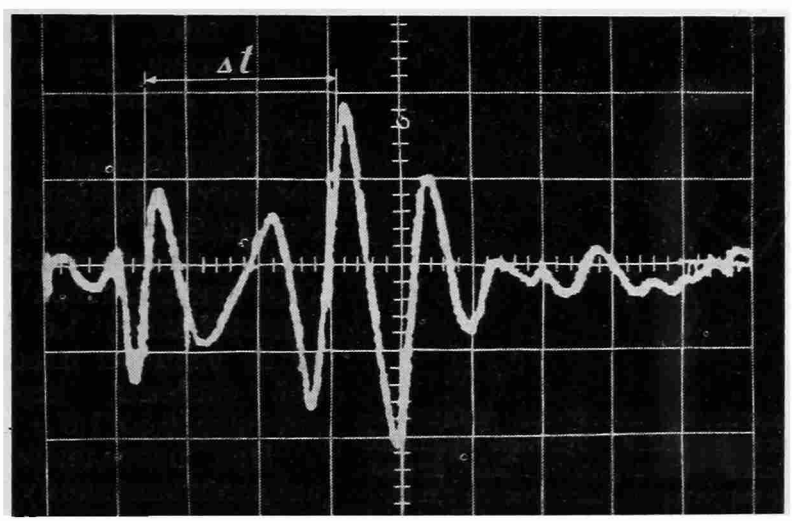


Рис. 3. Сигнал в приемной антенне при наличии подповерхностного объекта

фа) будут видны два импульса (прямой и отраженный), сдвинутые относительно друг друга на время Δt, зависящее от разности путей $(D_2+D_3)-D_1$. Амплитуда и длительность второго импульса, отраженного от подповерхностного объекта, зависит от параметров излученного сигнала, взаимного расположения приемной и передающей антенн, электрических свойств среды и объекта, его геометрических размеров. Лучше всего обнаруживаются в земле металлические предметы, размеры которых сравнимы или больше размеров антенной системы, хуже — предметы, диэлектрическая проницаемость которых близка к проницаемости среды.

Для наглядного представления структуры подповерхностной среды при движении антенной системы вдоль исследуемой трассы пользуются отображением зависимости интервала Δt от пройденного пути l в виде непрерывной линии (так называемая z-индикация). На рис. 2 представлен такой профиль при движении антенной системы над цилиндрической полостью в песке диаметром 0,7 м, находившейся на глубине $h=1{,}5$ м. Подповерхностная цель отображается на этом профиле в виде отрезка гиперболы, ширина которой по оси абсцисс пропорциональна $\Delta l=2h\,\mathrm{tg}(\theta/2)$ (θ — раствор луча), а вершина отстоит от «нулевой линии» на интервал $\Delta t=2h/v$, где v — скорость распространения сигнала в среде.

На рис. 3 представлена осциллограмма прямого и отраженного импульсов при расположении антенны над полостью. В связи с тем, что используемый сигнал включает 1,5—2 периода колебаний, на рис. 2 наблюдается две гиперболы. Горизонтальные линии над гиперболами соответствуют прямому сигналу из антенны в антенну. При этом интервал Δt можно условно отсчитывать между большей гиперболой и большей горизонтальной линией прямого сигнала. Электрические свойства среды определяют скорость распространения в ней радиоволн. Например, для сухого песка $v=$ $=150$ м/мкс (1 мкс$=10^{-6}$ с), а для влажного $v=75$ м/мкс. Ширина диаграммы направленности подповерхностного излучения антенн, лежащих вблизи или на поверхности среды, также определяется ее свойствами. Так, для дипольных антенн для сухого песка $\theta\approx60°$, а для влажного песка $\theta\approx30°$.

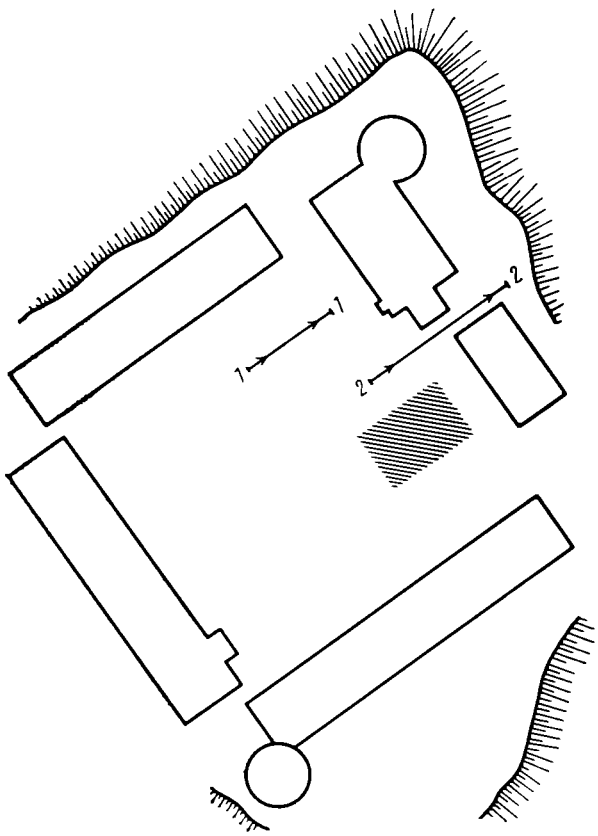


Рис. 4. Расположение маршрутов зондирования и участка с более глубокой границей культурного слоя (заштрихованный прямоугольник) на территории Алсунгского замка

Радиолокатор подповерхностного зондирования, разработанный в РКИИГА, имеет массу измерительного блока (без аккумулятора) 6 кг, энергопотребление 1,5 А по цепи 12 В, размеры плоской антенной системы, перемещаемой вручную, 0,5×1,0 м.

При проведении работ по радиолокационному подпо-

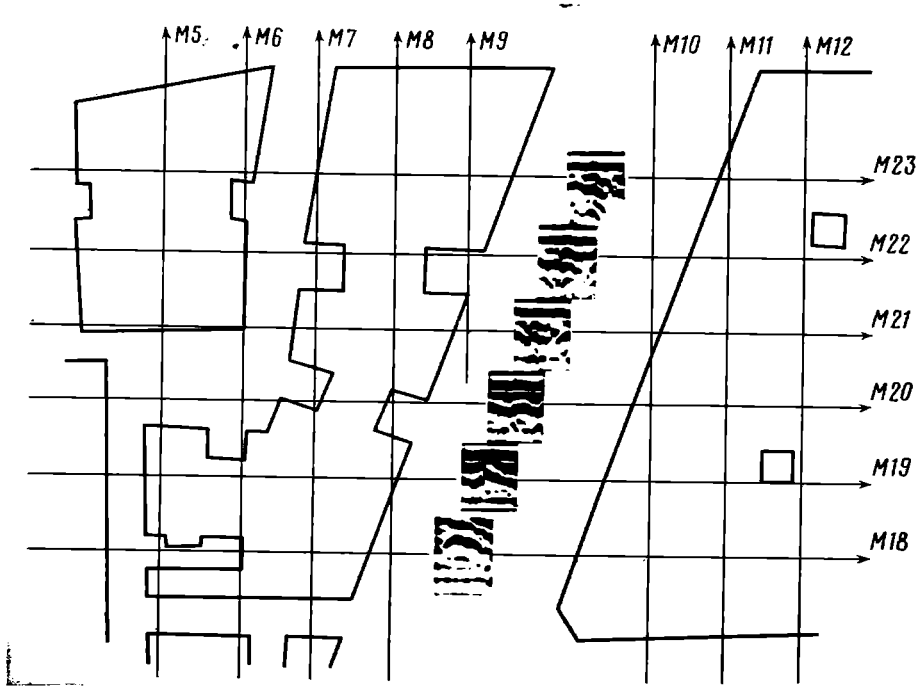


Рис. 5. Фрагмент плана подвалов разрушенных зданий, составленный по историческим материалам, с фрагментами радиолокационного профиля в точках пересечений одной из стен подвала системой антенн радиолокатора

верхностному зондированию весь участок зондирования разбивается на трассы, образующие на местности квадратную сетку. Каждая трасса через 10—15 м размечается пикетами. Привязка радиолокационных профилей к местности осуществляется путем включения специальных калибровочных меток в момент прохождения центра антенной системы через соответствующий пикет. Таким образом определяется горизонтальный и вертикальный масштаб профиля. При интерпретации результатов зондирования необходимо учитывать, что на профилях кроме объектов отмечаются и различные геологические границы в исследуемом разрезе (песок — глина, уровень грунтовых вод и т. д.).

В 1982 г. с помощью разработанного прибора было проведено исследование территории двора Алсунгского замка (Кулдигский р-н Латвийской ССР). Впервые этот замок упоминается в документах 1341 г. От первоначального замка остались лишь подвалы восточного корпуса, а существующие сегодня строения являются хозяйственными пристройками XV в. к южной стене укрепления перед замком. По результатам радиолокационного профилирования был оконтурен заштрихованный на рис. 4 участок. На этом участке характерные сигналы соответствовали отражающей границе на глубине 3 м. С целью проверки на всей территории двора было сделано более 50 скважин. Было подтверждено, что на оконтуренном участке строго прямоугольной формы размерами 10×27 м средняя толщина культурного слоя (в земле находились многочисленные остатки стройматериалов, кирпичей) составила 3 м, а на остальной части двора — 1,2—1,4 м. Под культурным слоем начинался глинистый песок. Дно оконтуренного участка находится на одной глубине с уровнем пола расположенного рядом подвала восточного корпуса бывшего замка. Все это позволяет считать, что с помощью радиолокационного метода были найдены остатки строений первоначального замка. Кроме этого, на профиле 1—1 при помощи прибора была обнаружена кирпичная стена на глубине 0,7 м, что было подтверждено раскопками. Характерные сигналы на профиле 2—2 совпадают с границами подвала, находящегося под зданием.

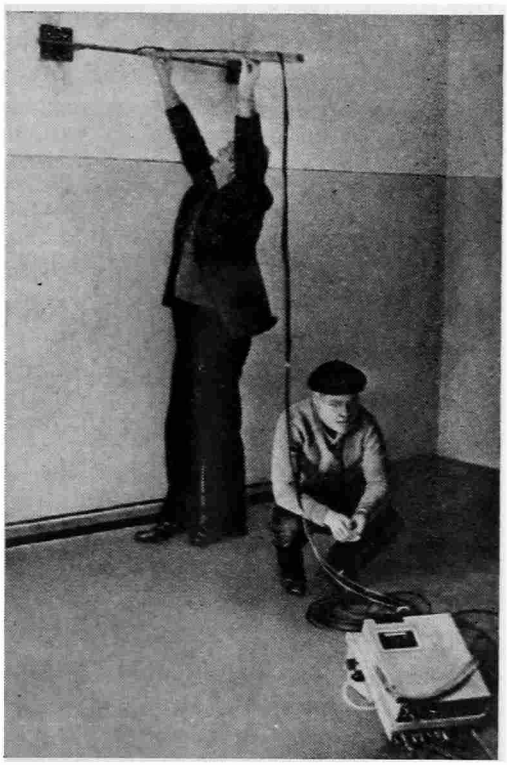


Рис. 6. Зондирование стен помещения в Вентспилском замке

На территории Старой Риги в мае 1983 г. были выполнены работы для уточнения местоположения фундаментов разрушенных зданий на глубине 1—2 м. На исследуемом участке трассы зондирования располагались через 2,5 м. При пересечении остатков стены или фундамента антенной системой на радиолокационном профиле фиксируется гипербола, аналогичная показанной на рис. 3, положение вершины которой соответствует местоположению фундамента или стены (рис. 5). Проведенная таким образом интерпретация позволила построить поле гипербол, вершины которых затем соединялись для получения плана территории. На рис. 5 фрагменты радиолокационных профилей соответствуют местам пересечений стены, изображенной справа на плане. Как видно, часть гипербол искажена (маршруты М21, М22, М23), что вызвано разрушением соответствующих участков стены и наличием строительного мусора. План, полученный таким образом, хорошо согласуется с пла-

ном, составленным по историческим материалам, и проведенными затем раскопками.

В Вентспилском замке (XIII в.) в 1984 г. были обследованы стены помещений в подвале и на первом — третьем этажах (рис. 6). Замок за свою историю подвергался многочисленным перестройкам, и целью проведенных работ было восстановление первоначального плана внутренних помещений. Радиолокационным методом были обнаружены проемы в толстых стенах, скрытые кирпичной кладкой толщиной 30—40 см, а также ход из подвала на первый этаж замка.

Таким образом, проведенные работы показывают, что радиолокационным методом можно проводить поиски остатков стен и фундаментов, выявлять подвалы, искать скрытые кладкой проемы и ходы в стенах. Метод позволяет сократить время и объем работ. Уменьшение числа контрольных бурений способствует сохранению археологических объектов и памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Финкельштейн М. И.* Радиолокационное подповерхностное зондирование морского льда и земных покровов на ультракоротких волнах//Вестн. АН СССР. 1984. № 9.
2. *Финкельштейн М. И., Кутев В. А., Золотарев В. П.* Применение радиолокационного подповерхностного зондирования в инженерной геологии. М.: Недра, 1986.
3. *Darracott B. W., Lake M. J.* An Initial Appraisal of Ground Probing Radar for Site Investigation in Britain//Ground Engng. 1981. April.
4. *Bielawa R., Horve H.* Radar Unit Locates Buried Plastic and Metal Lines//Pipe Line Industry. 1977. IV. V. 46, № 4.
5. *Bevan B., Kenyon J.* Ground-Penetrating Radar for Historical Archaeology//News Letter Museum Appl. Sci. Center Archaeol. Univ. Pensylvania. 1975. II, № 2.
6. *Barakat N., Dolphin L. T.* Electromagnetic Sounder Experiments at the Pyramids of Giza. Report prepared for the NSF under Grant № 6F-3867 by Joint ARE — USA Research Team of the Shams University. Cairo; Stanford Res. Inst. May 1975.

M. I. Finkelstein, E. F. Bogatyrev, N. A. Plaunov, G. E. Erdmanis

THE USE OF THE RADAR SUBSURFACE SOUNDING IN ARCHAEOLOGY

Summary

This method permits archaeologists to estimate the size of the cultural layer, to locate the remains of walls and foundations and camouflaged passages. The experiments were conducted in the old centre of Riga (Latvian SSR). The authors describe the technology of their methods.

Публикации

ЖУРАВЛЕВ А. П.

ДВА ПОСЕЛЕНИЯ С АСБЕСТОВОЙ КЕРАМИКОЙ В ПЕГРЕМЕ

На территории Швеции, Норвегии, Финляндии, Кольского полуострова и Карелии локализуется группа поселений, содержащих керамику с примесью асбестовых иголок или волокон к глиняному тесту. Исследователи связывают эти памятники с предками древнего саамского народа [1—7]. Особое внимание привлекают поселения с чистыми комплексами асбестовой керамики. Именно они представляют наибольший интерес для решения вопросов происхождения и взаимодействия древних народов.

Данная статья посвящена анализу материалов двух таких поселений, расположенных в 2,5 км к северу от д. Пегремы, в живописном заливе Палайгуба. Песчаные террасы здесь, постепенно возвышаясь над озером, образуют удобные площадки, на которых располагаются поселения. В частности, поселение Палайгуба II занимает северный край террасы, возвышающейся над уровнем Онежского озера на 4,5 м. Площадь заросла мелким сосновым лесом, а разделяющее поселение с озером пространство покрыто мелким кустарником, ольхой, березой.

На современной поверхности памятника четко выделяются две овальные впадины, расположенные вдоль бровки древнего берега озера. Одна впадина имеет размеры 6×7,5 м и глубину 0,25 м; другая — соответственно 6×6,8 и 0,3 м. Раскопом в 168 м² исследована северо-восточная часть поселения. К основному раскопу перпендикулярно к берегу прирезана траншея длиной 36 м [1].

Стратиграфия поселения проста: *а* — дерн, серый подзол 3—5 см; *б* — желтый песок с красным или коричневым оттенком (культурный слой), мощностью 40 см носит следы замытости, в северном конце траншеи не прослежен; *в* — светло-желтый подстилающий песок (рис. 1).

Во впадине диаметром 6×6,8 м исследовано жилище неправильной четырехугольной формы размерами 4,1×4,2 м. Площадь его около 17 м². Постройка ориентирована выходом на северо-восток, длина коридора 1,5 м, ширина 0,8 м. У выхода зафиксирован развал асбестового сосуда. Заполнение жилища представляло собой твердый песок темно-коричневой окраски. Основание углублялось в материковый слой до 30 см. Стенки имели небольшой уклон к центру, что хорошо прослеживалось по контакту заполнения жилищной впадины материковым светло-желтым песком. В самом выходе стенки «смазаны», в конце коридора они вообще сходят на нет. В южной половине жилища располагался очаг размерами 0,4×0,4 м, выложенный из 10 сильно обожженных камней. Близ очага лежала шлифовальная плита. Найдены кварцевый скребок и резец. Несколько крупных валунов лежали по периметру постройки. Возможно, они использовались в качестве фундамента. За пределами сооружения, близ юго-восточной стенки, располагалась хозяйственная яма размерами 46×55 см, заполненная на глубину 60 см темногумусированным песком без находок.

---

[1] Траншея была прорыта с целью проследить трансгрессивно-регрессивную стадию палеоводоема в эпоху формирования поселений с асбестовой керамикой в Палайгубе.

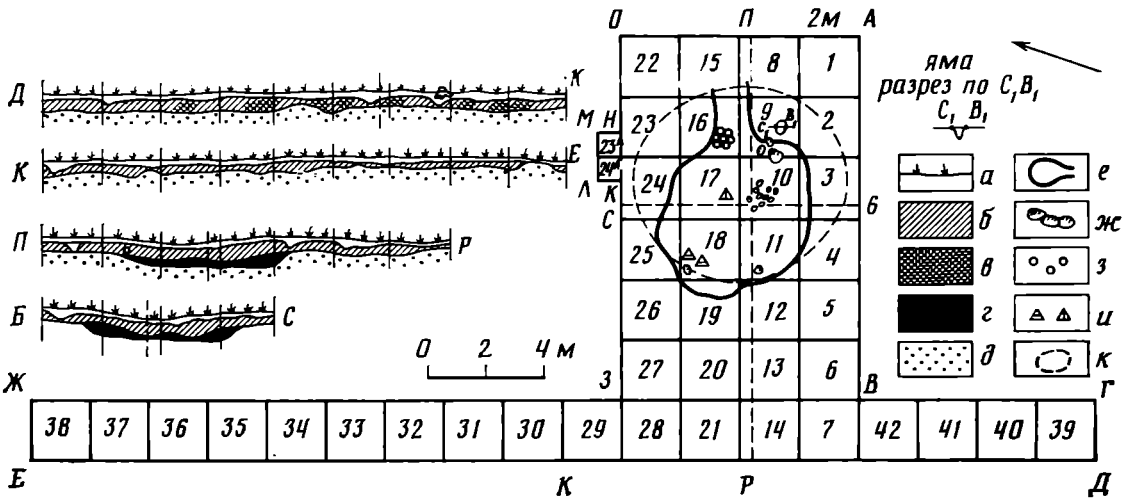


Рис. 1. План раскопа с жилищем на поселении Палайгуба II: *а* — дерн, подзол; *б* — желтый песок с красным или коричневым оттенком (культурный слой); *в* — красный песок; *г* — темно-коричневый песок; *д* — подстилающий светлый песок; *е* — контуры жилища; *ж* — камни; *з* — керамика; *и* — каменные орудия; *к* — контуры впадины

Каменный инвентарь насчитывает 35 орудий вместе с обломками. Отметим кварцевый скребок на пластине подтреугольной формы размерами 4×3,5×1 см, с крутой ретушью одной стороны (рис. 2, *2*). Кончик лезвия оживлен мелкой частой ретушью. Другой скребок из кварца имеет размеры 2×1,5×1,2 см. Он обработан крутой ретушью со спинки (рис. 2, *7*). Кварцевая ножевидная пластинка длиной 3,8, шириной 1,8, толщиной 0,6 см (рис. 2, *4*). На одной ее стороне имеются мелкие зазубрины, образовавшиеся в процессе работы с инструментом. Другая пластинка, треугольная в сечении, имеет размеры 3,5×2,1×1 см (рис. 2, *3*). На ней нет следов дополнительной обработки. Отметим два угловых резца из кварца (рис. 2, *5*, *6*), рыболовный груз из гранита размерами 6,5×5×5,3 см (рис. 2, *1*). У него с двух противоположных краев сделаны попытки пробить продольное отверстие, но работа не доведена до конца.

Из других каменных орудий, найденных на поселении, отметим шлифовальные плиты, обломки заготовок орудий, осколки кварца. В целом каменный инвентарь Палайгубы II свидетельствует о позднем характере памятника, несомненно, фиксирующего время упадка каменной индустрии в регионе.

Кроме каменных орудий на поселении встречена керамика с примесью асбестовых иголок или волокон к глиняному тесту[2]. Найдено 134 фрагмента примерно от 20 сосудов хорошего обжига, тонкостенных, светло-коричневого цвета. Венчики слегка профилированы, края орнаментированы оттисками короткого гребенчатого штампа. Тулово сосудов покрыто редкими горизонтальными отпечатками гребенки. В орнаменте встречаются ломаные и наклонные линии, нанесенные в основном в верхней части сосудов (рис. 3, *1—4*, *6—13*). Отмечены также отпечатки тонкой веревки (рис. 3, *5*, *14*). Такая керамика в целом характерна для памятников эпохи раннего металла в Карелии.

Что касается возраста рассматриваемого поселения, то радиоуглеродная дата 3150±100 (ТА-1007) не противоречит его поздней датировке, уточняет время существования, относя к самому концу II тыс. до н. э. Этой же датировке соответствует археологический материал поселения.

Поселение Палайгуба X. Оно расположено к западу от Палайгубы II, находится в 87 м от берега, на песчаной террасе, поросшей мелким сосняком, возвышается над уровнем Онежского озера на 7,8 м. Площадь

[2] Месторождения аналогичного асбеста открыты в 1986 г. на островах в Онежском озере комплексной экспедицией Карельского филиала АН СССР, Института физики Земли АН СССР и Института зоологии и ботаники АН ЭССР.

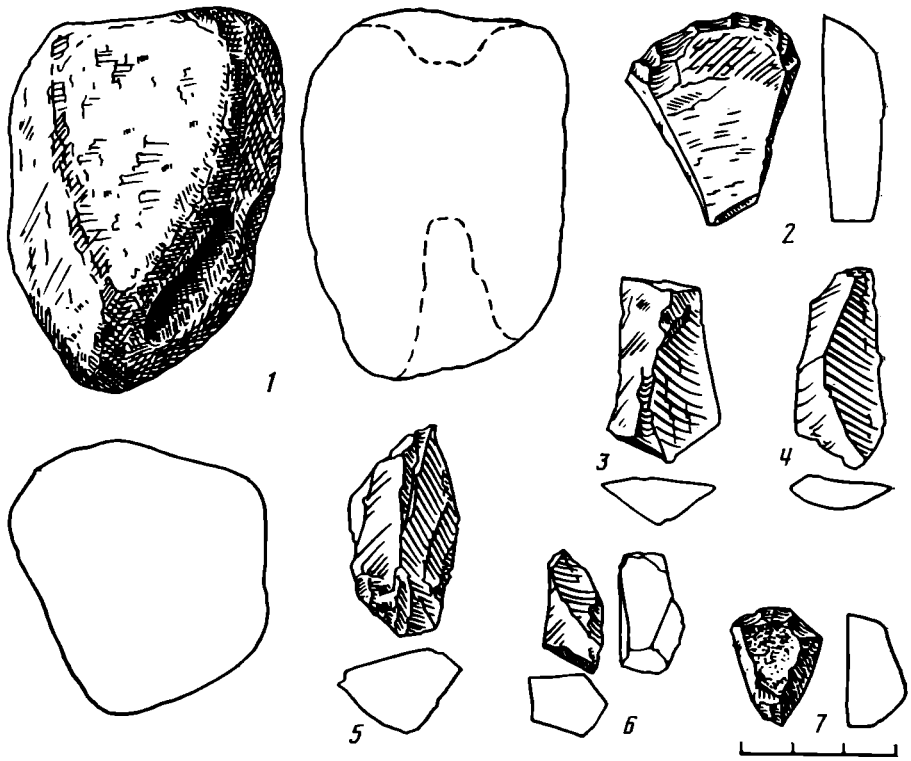


Рис. 2. Каменный инвентарь поселения Палайгуба II: *1* — рыболовный груз (кварцит); *3, 4* — ножевидные пластины; *2, 7* — скребки; *5, 6* — резцы (кварц)

поселения не превышает 1500 м². Исследована северо-восточная часть поселения, где сверху вниз была прослежена следующая стратиграфия: *а* — дерн, серый подзол — 3—7 см; *б* — желтый песок с красным оттенком и пятнами охры (культурный слой) — 34—45 см; *в* — подстилающий слой — светло-желтый песок (рис. 4). Вскрыты очаги, скопления камней, охристые пятна. В частности, в кв. 17—20 залегала мощная охристая линза размерами 4,3×3 м. Под ней зафиксирована яма глубиной 60 см, заполненная темным песком. На дне ямы лежал разбитый сосуд. Мощные охристые пятна находились в кв. 5, 8, 11, 12. Обитатели поселения широко использовали в быту красную охру. В кв. 9 располагался очаг размерами 1,2×0,8 м. Рядом зафиксирован еще один очаг. Его возраст 2670±120 (ТА-1444) лет до наших дней.

Находки малочисленны. Общее количество орудий вместе с обломками составляет 17 экз. Среди орудий интерес представляет лидитовый нож[3]. Он изготовлен из отщепа длиной 10 см (рис. 5, *6*). Лезвие обработано с двух сторон крутой мелкой ретушью. Из других орудий отметим два кварцевых скребка (рис. 5, *7, 8*), кремневый скребок (рис. 5, 9), два отбойника из кварцита, несколько кварцитовых галек с пришлифовкой, служивших, очевидно, для заглаживания швов одежды и заточки инструментов, и три гранитных песта.

Керамика (рис. 5, *1—5*). Найдено 28 крупных и 35 мелких фрагментов от четырех сосудов. В глиняном тесте имеется обильная примесь асбестовых иголок и волокон. Сосуды тонкостенные (0,2—0,4 см), хорошего обжига, светло-коричневого цвета. Венчики прямые, неорнаментированные, края слегка отогнуты наружу. Днища, очевидно, круглые. Есть и плоские (рис. 5, *1*). Орнамент беден. В нем преобладают наклонные или горизонтальные линии, зигзаги, расставленные по всей поверхности сосудов. Керамика такого типа характерна для поселений эпохи раннего металла на европейском севере [8, 9].

[3] Крупные месторождения лидита известны на Заонежском полуострове близ Толвуи, в Шуньге, у Кяппясельги.

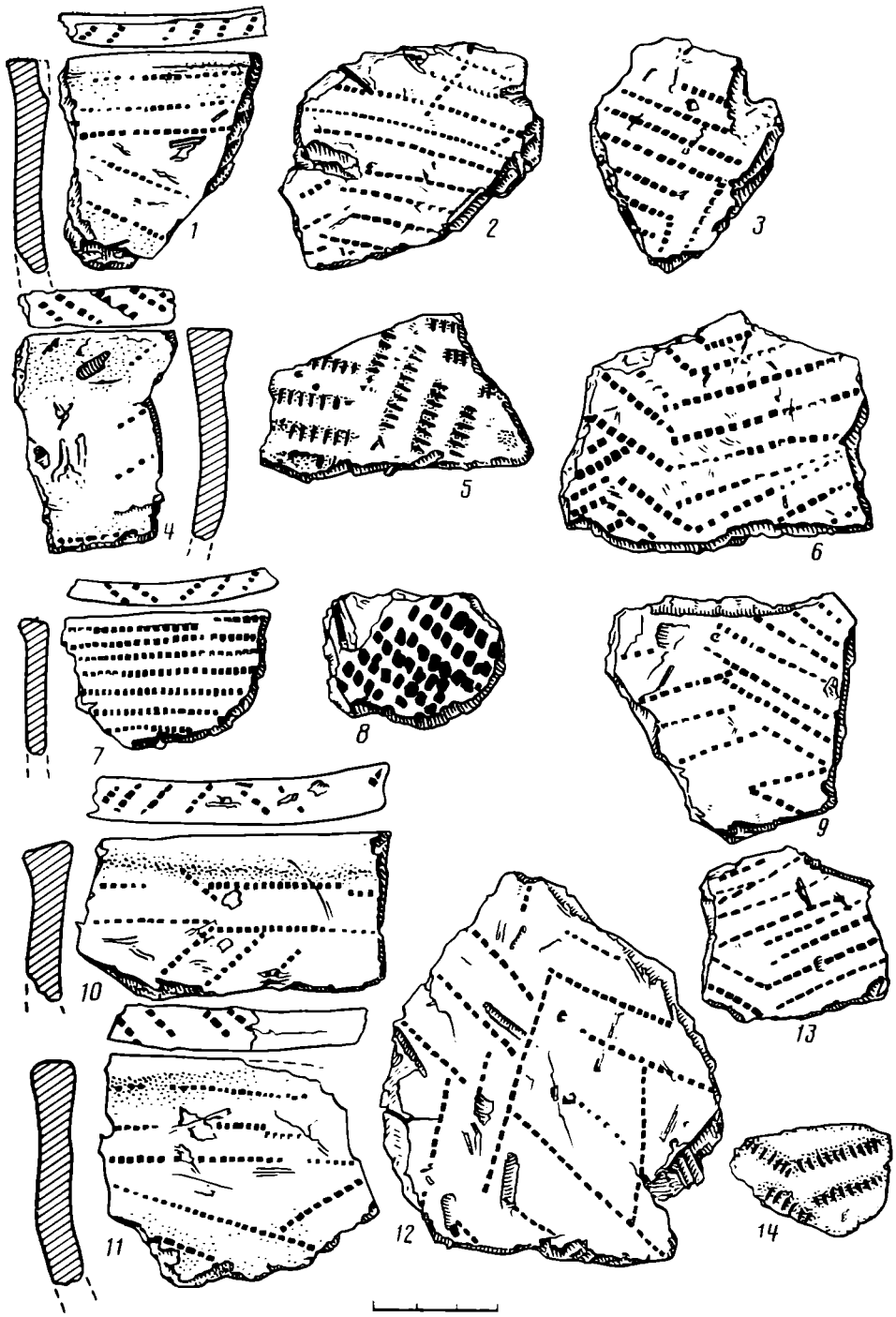


Рис. 3. Керамика поселения Палайгуба II

Сравнивая материалы двух поселений, следует отметить ряд общих черт, объединяющих эти памятники. К ним относятся: схожесть керамического материала, бедность каменного инвентаря, деградирующая форма каменных орудий, одинаковая топография местности. Все это дает серьезные основания предполагать хронологическую близость поселений. Вместе с тем между памятниками улавливается и некоторый хронологический интервал. Так, поселение Палайгуба II не содержит посуды с плоскими днищами, орнамент керамики здесь более разнообразный. В нем присутствует веревочный штамп, не отмеченный на керамике Палайгубы X. Эти факты свидетельствуют в пользу более раннего возраста поселения Палайгуба II.

Что касается каменного инвентаря, то опять-таки на Палайгубе II встречены кварцевые пластины и резцы. На Палайгубе X таковые отсутствуют, что говорит о более позднем характере последнего. Исходя из сказанного, можно сделать заключение, что между этими памятни-

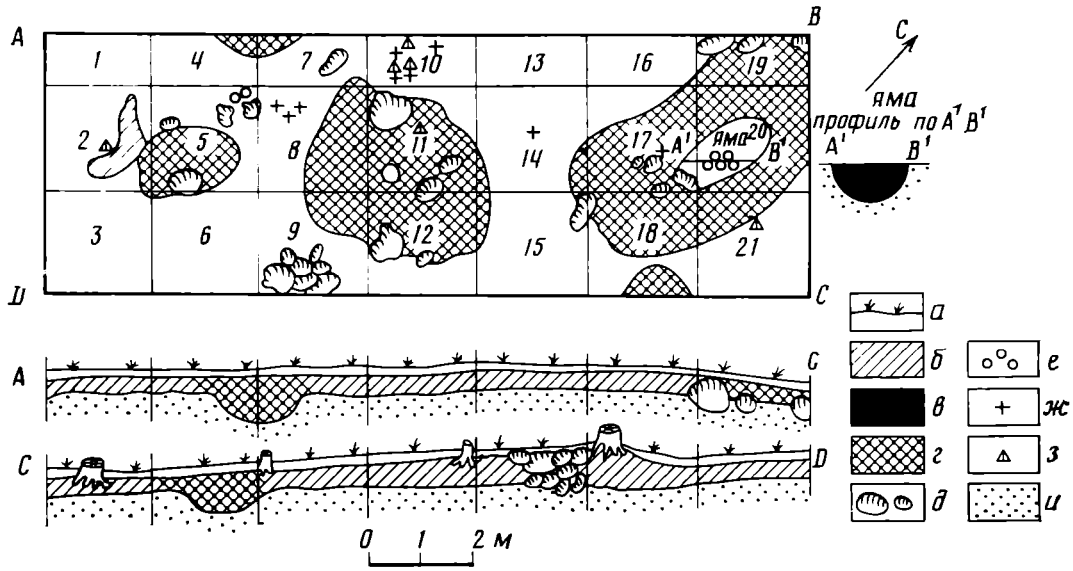


Рис. 4. План раскопа и стратиграфия поселения Палайгуба X: *а* — дерн; *б* — желтый песок с коричневым оттенком; *в* — темный песок; *г* — ярко-красный песок; *д* — валуны; *е* — керамика; *ж* — отщепы, осколки; *з* — орудия; *и* — подстилающий светлый песок

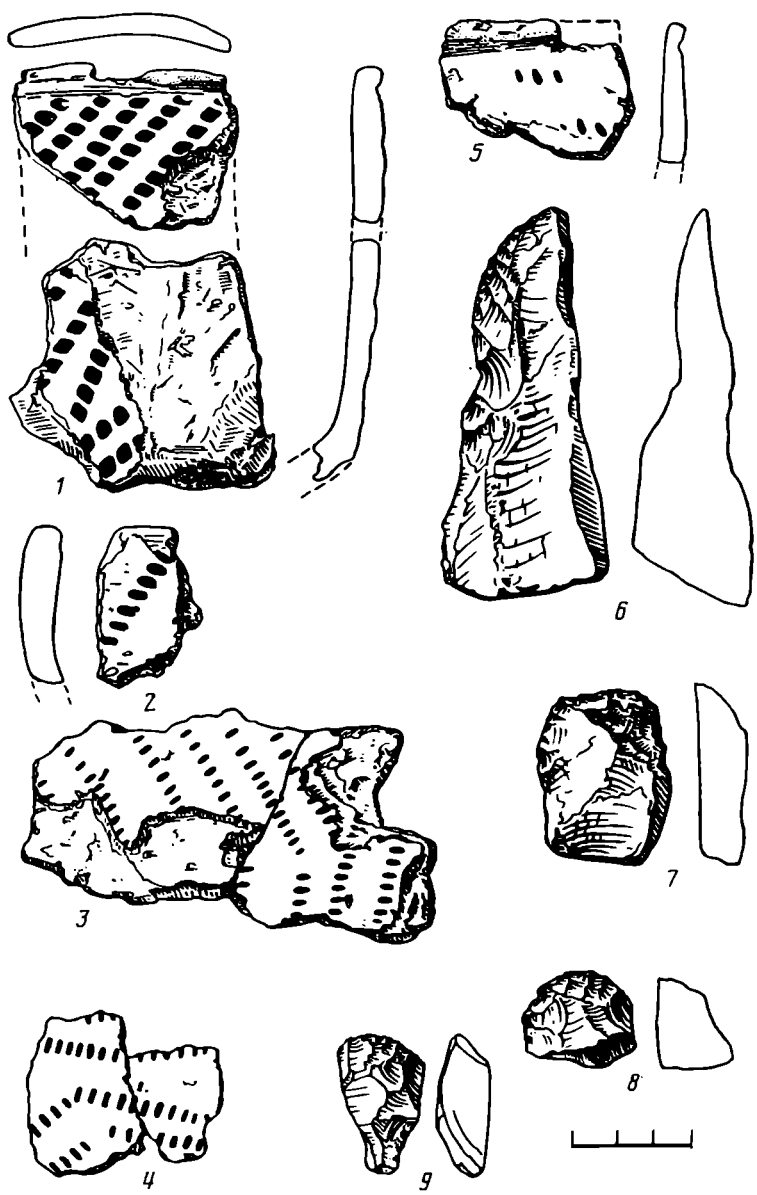


Рис. 5. Поселение Палайгуба X. Керамика (*1—5*) и каменный инвентарь (*6* — лидитовый нож; *7, 8* — кварцевые скребки; *9* — кремневый скребок)

ками существовал некоторый хронологический разрыв. Такому выводу не противоречит и абсолютная датировка поселений. На первый взгляд парадоксально выглядит тот факт, что более позднее поселение Палайгуба X (2670±120) находится на значительно большей высоте (7,8 м) над современным уровнем Онежского озера, чем поселение Палайгуба II, существовавшее раньше (3150±100) и расположенное на высоте всего лишь 4,5 м.

Однако прояснить это обстоятельство помогут результаты палеогеографических работ в Палайгубе, согласно которым, в указанном районе палеоводоема зафиксирована поздняя трансгрессивная стадия, имевшая место, судя по археологическим данным и радиоуглеродным датировкам, где-то в конце II — начале I тыс. до н. э. [10]. В результате этой трансгрессии уровень воды в указанном районе Онежского озера повысился и люди вынуждены были перейти на более высокую террасу, которая не подвергалась затоплению при поднятии воды. Поселения Палайгуба II и Палайгуба X, очевидно, фиксируют время начала и конца трансгрессии. Дальнейшие судьбы населения с асбестовой керамикой в Пегреме предстоит выяснить новыми исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Simonson P.* The History of Settlement//North Norway of 65. Tromso museums. Skrifter, 1960.
2. *Meinander C. F.* Die Bronzezeit in Finland SMYA. Helsinki, 1954.
3. *Hurre M.* Begriffe der finnischen Achäologen über die Herkunft des karelischen Stammes und der aus der Eisenreit stammenden Kultur in Karelien//Finno-ugren und Slawen. Leningrad, 1979.
4. *Karpelan Chr.* Finnische Saamen in der Eisenzeit//Finno-ugren und Slawen. Leningrad, 1979.
5. *Валонен Н.* Ранние лопарско-финские контакты//Финно-угорский сборник. М.: Наука, 1982.
6. *Itkonen T. I.* Suomen lappalaiset. I—II. Porvo; Helsinki, 1948.
7. *Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского полуострова//МИА. 1973. № 172.
8. *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР//МИА. 1961. № 87.
9. *Брюсов А. Я.* История древней Карелии. М., 1940.
10. *Журавлев А. П.* Датировка поселений мезолита — раннего металла в Уницкой губе Онежского озера//СА. 1984. № 4.

A. P. Zhuravlev

TWO ARCHAEOLOGICAL SITES IN PEGREMA CONTAINING ASBESTINE CERAMICS

Summary

There is a group of archaeological sites in Sweden, Norway, Finland and Kolsky halfisland that is characterized by pottery containing asbestine particles. This group of sites is generally attributed to the predecessors of the Saam people. The author discusses the materials from two sites near Onega lake. The sites appeared at the later transgression of ancient ocean the end of II — early I millenium B. C. The date is supported by archaeology, paleogeography and ^{14}C data.

Н. Н. ЧЕРЕДНИЧЕНКО, Е. Е. ФИАЛКО

ПОГРЕБЕНИЕ ЖРИЦЫ ИЗ БЕРДЯНСКОГО КУРГАНА

В 1977—1978 гг. Приазовская экспедиция Института археологии АН УССР[1] проводила исследования Бердянского кургана на южной окраине с. Нововасильевка Бердянского р-на Запорожской обл., расположенного на мысу высокого правого берега р. Берда, в 10 км от ее устья. Высота кургана достигала 8,4 м, диаметр — 70 м [1, с. 419].

Под насыпью обнаружены три погребения, совершенных одновременно, два в центре и одно боковое, так называемая Восточная могила.

Восточная могила находилась в юго-восточном секторе насыпи, в 18,7 м к юго-востоку от центра. Могила была сооружена с уровня погребенного чернозема. Материковый выкид (максимальная мощность 1,2 м) помещался на погребенном черноземе с северо-восточной стороны, сверху на нем лежали камни крепиды. На черноземном выкиде с западной стороны выявлена вальковая насыпь, одновременная, по-видимому, выкиду с восточной стороны ямы, так как камни крепиды, лежавшие на склонах выкида и насыпи, находились на одном уровне.

Погребальное сооружение представляло собой катакомбу (рис. 1). Входная яма подпрямоугольной в плане формы, ориентированная длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, размерами 3,1×2 м, дно на глубине 5,9 м от уровня погребенного чернозема (6,5 м от уровня поверхности). С уровня погребенной почвы и до дна яма была забита гранитными камнями (размеры камней: 0,35×0,25, 0,4×0,2, 0,6×0,35, 0,2××0,15 м) и материковой глиной.

Погребение ограблено в древности. Вначале грабители выбрали заполнение входной ямы на глубину 0,8—1 м, а затем пошли вниз вдоль северо-западной стенки, в которой был вход в камеру, оставляя, таким образом, нетронутыми камни в остальной части ямы. Ширина грабительского хода 0,8 м.

В юго-восточной стенке входной ямы прослежены три ступеньки, ведущие ко входу в камеру. Первая ступенька (шириной 0,2 м) находилась на глубине 3 м от уровня погребенного чернозема, вторая ступенька (шириной 1,5 м) — на глубине 4,2 м. Почти у входа в камеру прослежена третья ступенька — шириной 0,2, высотой 0,3 м от уровня дна погребальной камеры.

В юго-восточной части входной ямы на второй ступеньке лежали остатки двух колес следующей конструкции (рис. 2, *1*). Деревянный обод, составлявший основу колеса, шириной 10, толщиной 4,5 см. Снаружи обод покрывала железная шина шириной 4,2—4,5, толщиной 1—1,5 см, изнутри такая же шина. Обе шины стягивались железными штырями, наружные концы которых оформлены в виде полукруглых шляпок, внутренние — расклепаны в виде прямоугольных головок шириной 1,5 см, длина штырей 13, диаметр — 1—1,5 см. В каждом колесе было по 17 штырей, расположенных на равном расстоянии (10 см). Диаметр колеса 0,95 м. Ступицы колес и спицы не сохранились. В заполнении входной ямы у дна ее встречались обломки дерева, железные и бронзовые гвозди.

На различной глубине в заполнении входной ямы обнаружены следующие вещи.

1. Астрагал.

[1] Начальник экспедиции Н. Н. Чередниченко.

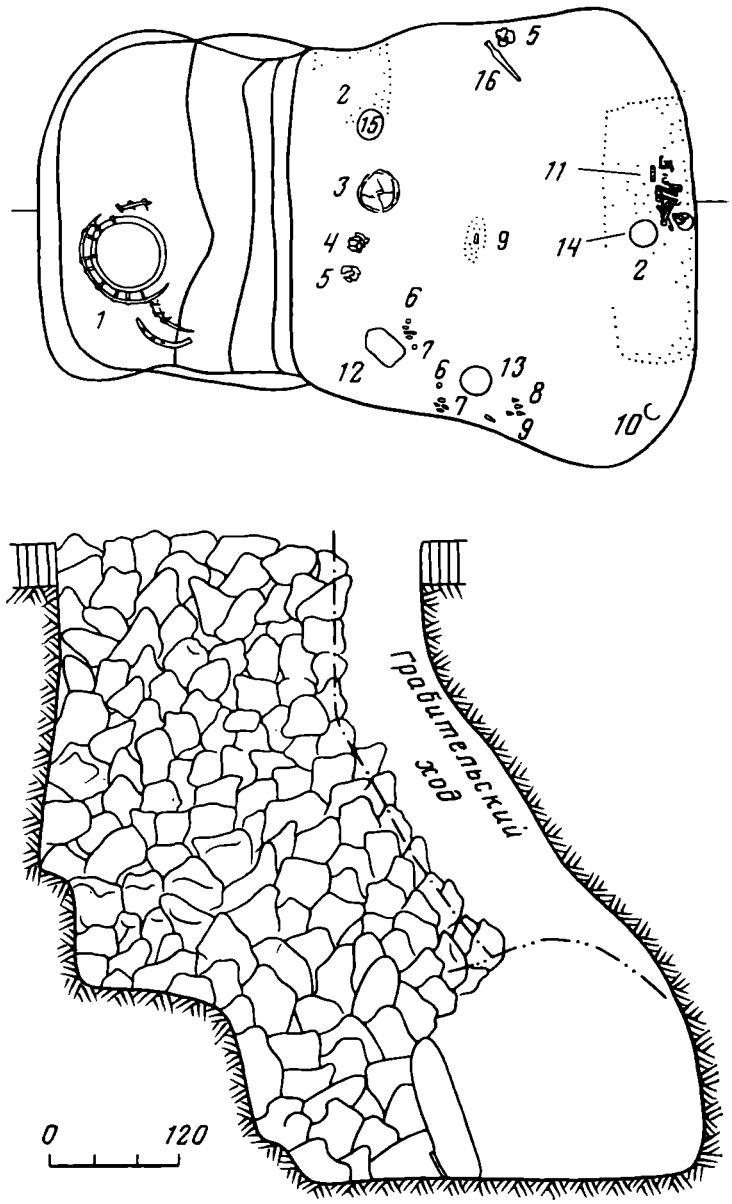


Рис. 1. План и разрез Восточной могилы. *1* — фрагменты колес; *2* — меловая подсыпка; *3* — бронзовый лутерий; *4* — бронзовая ойнохоя; *5* — развалы лепных сосудов; *6* — камни для пращи; *7* — астрагалы; *8* — бронзовые наконечники стрел; *9* — железные стержни; *10* — отпечаток ножки котла; *11* — кости скелета; *12* — тайник № 1; *13* — тайник № 2; *14* — тайник № 3; *15* — тайник № 4; *16* — наконечник копья

2. Фрагменты бронзовой круглой бляхи с остатками петли с внутренней стороны, диаметр 4,5 см (рис. 3, *14*).

3. Восемь бронзовых наконечников стрел, семь из них трехгранные, один трехлопастный, длина 2,3—3,2 см (рис. 3, *17*).

4. Три бронзовых гвоздя, концы двух загнуты перпендикулярно стержню (длина 10,5 см), конец третьего обломан (длина 7 см), диаметр шляпки 1,1 см (рис. 3, *26*).

5. Свинцовое украшение в виде «мальтийского креста», состоящее из четырех квадратов размерами 1,1×1 см, пятый обломан (рис. 3, *13*).

6. Три железных гвоздя с массивными круглыми шляпками, концы стержней обломаны, диаметр 1 см, диаметр шляпки 2,5 см (вероятно, крепили борта повозки; рис. 3, *19*).

7. Две фрагментированные железные пластины с обломанными стержнями.

8. Фрагмент железного стержня длиной 7,6 см.

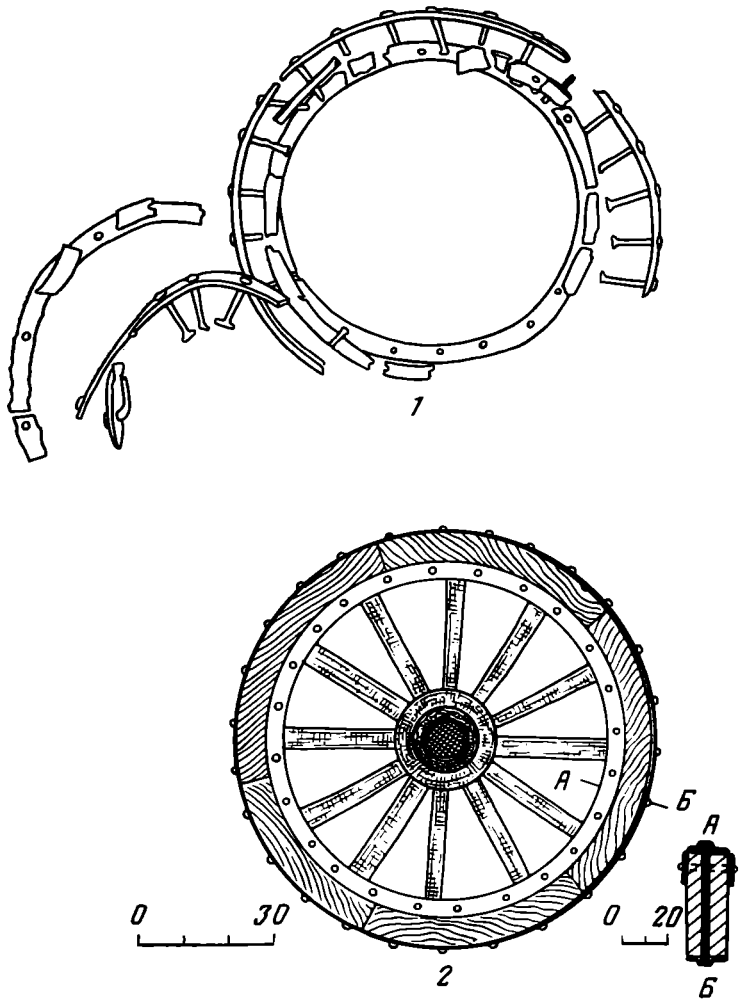


Рис. 2. *1* — остатки колес в погребении; *2* — реконструкция колеса из Восточной могилы

9. Свинцовое пряслице в форме усеченного конуса, высота 1,4, диаметр основания 2 см (рис. 3, *15*).

10. Фрагментированная серебряная ручка килика из круглой в сечении проволоки, с изогнутой средней частью и оформленными в виде листика концами, диаметр 0,2, длина 5,4 см (рис. 3, *16*).

11. Фрагмент свинцового стержня длиной 2,1, диаметром 0,5 см (рис. 3, *18*).

12. 49 золотых бляшек треугольной формы с орнаментом в виде псевдозерни: размерами 0,8×0,9 см — 39 экз., 1,4×1,5 см — 9 экз., 1,1××1,1 см — 1 экз. (рис. 3, *5*).

13. Золотая бляшка в форме «мальтийского креста», состоящего из пяти окружностей, диаметр окружности 0,6 см (рис. 3, *6*).

14. 12 золотых рифленых трубчатых пронизей, диаметр 0,2—0,3, длина 2—2,2 см (рис. 3, *4*).

15. Пять золотых бусин биконической формы, спаянных из двух половинок, высота 0,6, диаметр 0,5—0,6, диаметр отверстия 0,05 см (рис. 3, *2*).

16. Золотая бусина, разделенная на «дольки», через одну заполненные косыми насечками, у отверстий напаяны рифленые колечки, высота 1,1, диаметр 0,9, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 3, *3*).

17. Золотая серьга из круглой в сечении проволоки с заходящими концами, образующими петлю, диаметр проволоки 0,3, диаметр серьги 1,6 см (рис. 3, *8*).

18. Две золотые полуовальные бляшки с изображением женской головы в фас, выполненной в невысоком рельефе, размер 2,3×2,8 см (рис. 3, *9*).

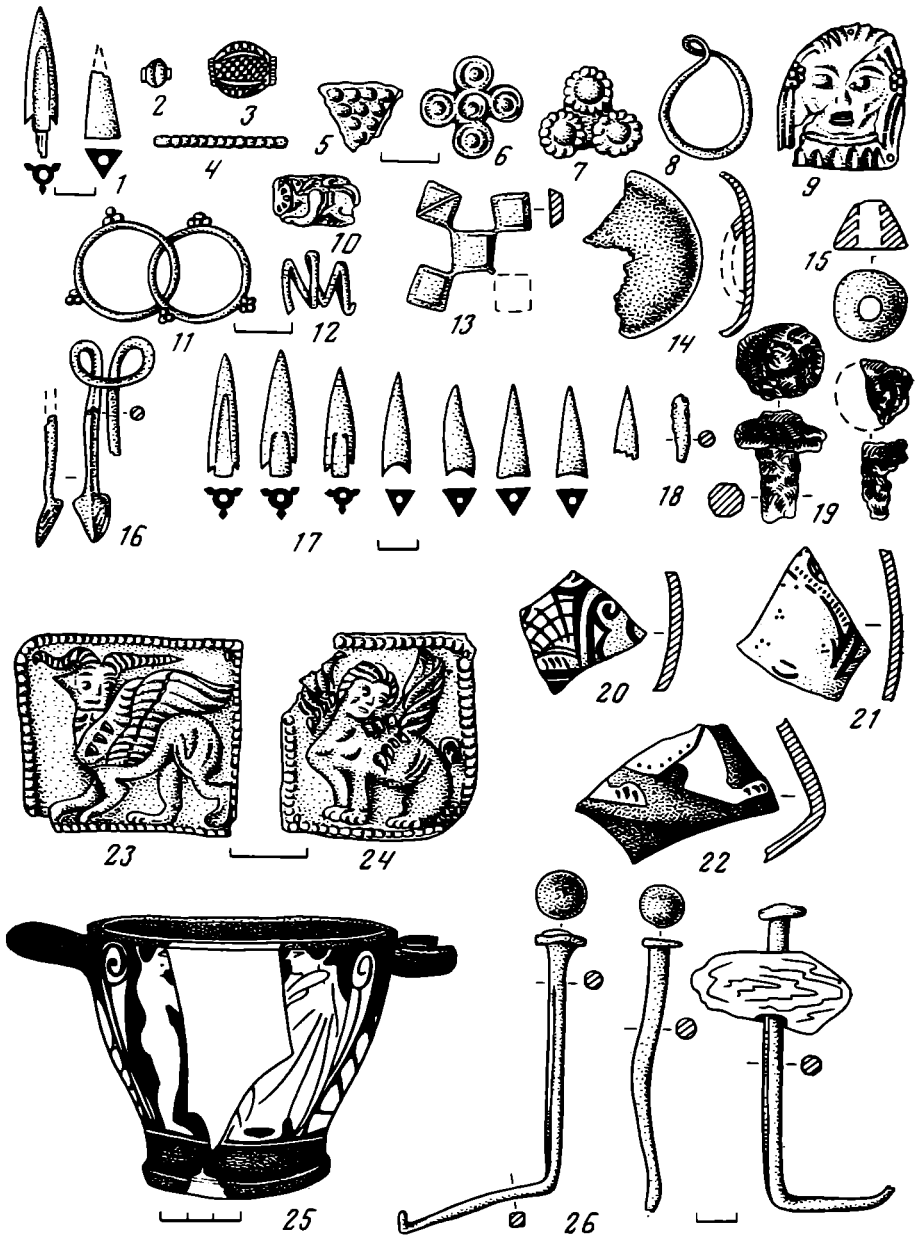


Рис. 3. Вещи из заполнения входной ямы и камеры. *1, 17* — бронзовые наконечники стрел; *2—12, 23, 24* — золотые украшения; *13* — свинцовое украшение; *14* — фрагмент бронзовой бляхи; *15* — свинцовое пряслице; *16* — фрагментированная ручка серебряного килика; *18* — фрагмент свинцового стержня; *19* — фрагменты железных гвоздей; *20—22* — фрагменты краснофигурных сосудов; *25* — краснофигурный скифос; *26* — бронзовые гвозди

19. Золотая бляшка квадратной формы с рельефным бортиком по краю с изображением крылатого грифона с бараньими рогами, размер 3×3 см (рис. 3, *23*).

20. Золотая бляшка квадратной формы с рельефным бортиком по краю с изображением сфинкса с женской головой, размер 2,7×2,7 см (рис. 3, *24*).

21. Шесть золотых бляшек с рельефным изображением кошачьего хищника в профиль с поджатыми трехпалыми лапами, непропорционально большой головой с широко раскрытой пастью, размеры 1,5× ×1,1 см (рис. 3, *10*)

22. Два золотых кольца, продетых одно в другое, украшенных напаянными золотыми шариками, диаметр 1,6 см (рис. 3, *11*).

23. Пять золотых трехлепестковых блях, состоящих из трех полусфер, окаймленных пояском псевдозерни, высота 1,8, ширина 1,8 см (рис. 3, *7*).

24. Фрагмент золотой ленты-оплетки, вероятно от деревянной чаши, шириной 0,15 см (рис. 3, *12*).

В юго-западной части входной ямы прослежена овальная в плане ниша шириной 0,45, высотой 0,65 м. В заполнении ниши обнаружены фрагменты лепного сосуда с короткой шейкой, отогнутым наружу венчиком и прямыми короткими насечками по плечикам; фрагменты второго лепного сосуда с короткой прямой шейкой в виде раструба со слегка загнутым вовнутрь верхним краем; четыре фрагментированных бронзовых наконечника стрел: один трехлопастной длиной 3,3 см, один трехгранный длиной 2 см и два фрагмента (рис. 3, *1*).

Вход в камеру был устроен в северо-западной стенке входной ямы и закрыт, судя по остаткам дерева, очевидно, бортами погребальной повозки. Затем со стороны входной ямы вход в камеру был закрыт большими гранитными валунами, размер одного из них 1,4×0,4 м. Камера трапециевидной в плане формы широким основанием обращена на север. Размеры камеры (м): длина 3,5, ширина устья 3,3, ширина задней стенки 4,3; дно на глубине 5,9 м от уровня погребенного чернозема. Свод камеры, разрушенный грабительским ходом, сохранился лишь вдоль торцовой стенки на высоту 1,1 м от уровня пола.

При обследовании стенок и частично сохранившегося свода камеры обнаружены следы (длиной до 32 см) орудий с широким плоским концом. При рытье ямы использовались орудия двух типов: ширина рабочего края одного 7 см (следы его обнаружены на стенках), ширина рабочего края второго — 5 см, оно использовалось для чистки свода.

В центре, под северной стенкой, на меловой подсыпке, идущей вдоль стенки (сохранившиеся ее размеры 2,6×0,9 м), лежали сдвинутые в кучу кости и череп женщины старческого возраста. Позвонки и ребра скелета полностью срослись, на костях конечностей прослеживаются патологические разрастания, свидетельствующие о том, что погребенная страдала тяжелым артритом и была практически неподвижна[2]. Здесь же, на дне камеры, были зафиксированы следы голубой, малиновой и красной красок с отпечатками ткани простого плетения. Теперь трудно понять, были ли это остатки полихромного покрывала или мешочки с минеральными красками. У входа, в юго-западном углу, на меловой подсыпке лежали кости конечностей второго погребенного — подростка 11—13 лет.

На дне камеры найдены следующие вещи.

1. У входа вверх дном лежал фрагментированный бронзовый лутерий с широким отогнутым наружу венчиком, оформленным в виде валика, украшенного по краю орнаментом в виде ов, диаметр его 37, высота 5,5 см.

Под юго-западной стенкой камеры, у середины ее, сделаны следующие находки.

2. Лепной плоскодонный приземистый сосуд с уплощенным венчиком, прямой высокой шейкой и пухлым туловом, по венчику сосуд украшен орнаментом в виде пальцевых защипов, высота его 15,3, диаметр венчика 12,6, тулова — 14, дна — 8 см.

3. Фрагментированный железный наконечник копья с короткой втулкой и узким пером (рис. 4, *12*).

4. Вток копья длиной 9,1, диаметром 2,6 см.

5. Железный гвоздь, круглый в сечении, с грибовидной шляпкой, длина 8,3, диаметр 1,4, диаметр шляпки 3 см.

В южной части камеры, ближе ко входу, найдены следующие предметы.

6. Рядом с лутерием — изогнутая бронзовая ручка сосуда подпрямоугольной формы, внутренняя поверхность гладкая, внешняя сторона украшена рельефным орнаментом в виде двух бараньих голов в профиль, столкнувшихся лбами, в средней части с обеих сторон находилось по выступу с рельефной спиралью на нем; размеры ручки 6,5×5,5 см (рис. 4, *5*).

---

[2] Половозрастные определения сделаны С. И. Круц.

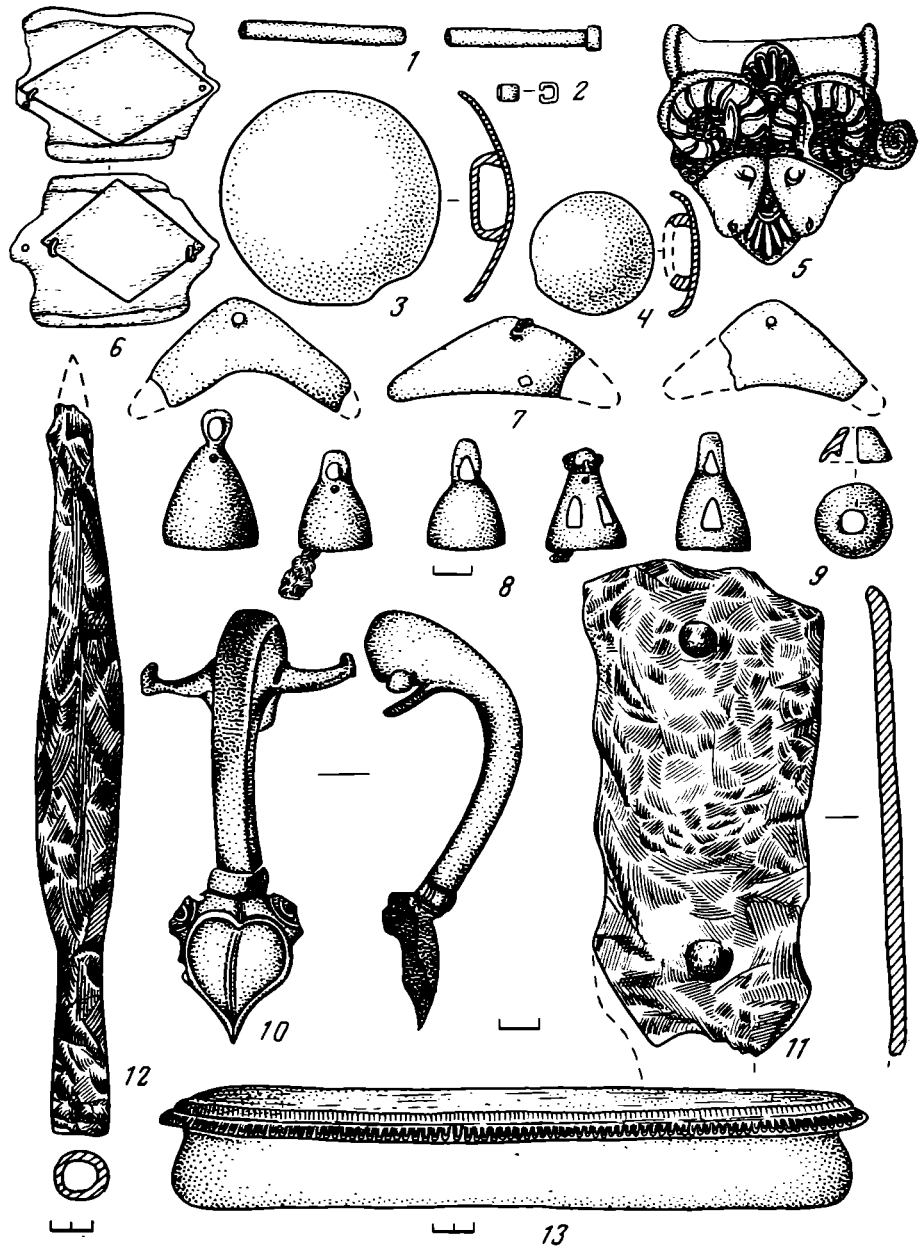


Рис. 4. Вещи из тайника № 1 и камеры. *1* — бронзовые пронизи; *2* — бронзовые обоймы; *3, 4* — бронзовые бляхи; *5* — бронзовая ручка лутерия; *6* — фрагмент кожаного ремня с бронзовыми бляшками; *7* — бронзовые лунницы; *8* — бронзовые колокольчики; *9* — бронзовая ворворка; *10* — бронзовая ручка ойнохои; *11* — фрагментированный железный налобник; *12* — железный наконечник копья; *13* — бронзовый лутерий

7. Восточнее находилась фрагментированная бронзовая ойнохоя с изогнутой ручкой, один конец которой с выступами-упорами утолщен, основание ручки оформлено в форме выпуклого щитка с рельефным орнаментом в виде листка плюща.

8. Тут же обнаружен развал лепного плоскодонного сосуда вытянутых пропорций, со слабо выраженным плечиком, венчик отсутствует, дно с небольшой закраиной, тесто плохо отмучено (размеры не восстанавливаются).

9. Ближе к юго-восточному углу лежали три пращных камня диаметром 3—3,4 см и три астрагала.

10. Под северо-восточной стенкой лежал еще один камень для пращи и пять астрагалов (поверхность у некоторых заполирована).

11. В 0,6 м к северу обнаружен железный стержень, круглый в сечении, с расклепанным концом, загнутым под прямым углом, длина 5,2, диаметр 0,4 см.

12. Рядом находились пять бронзовых наконечников стрел.

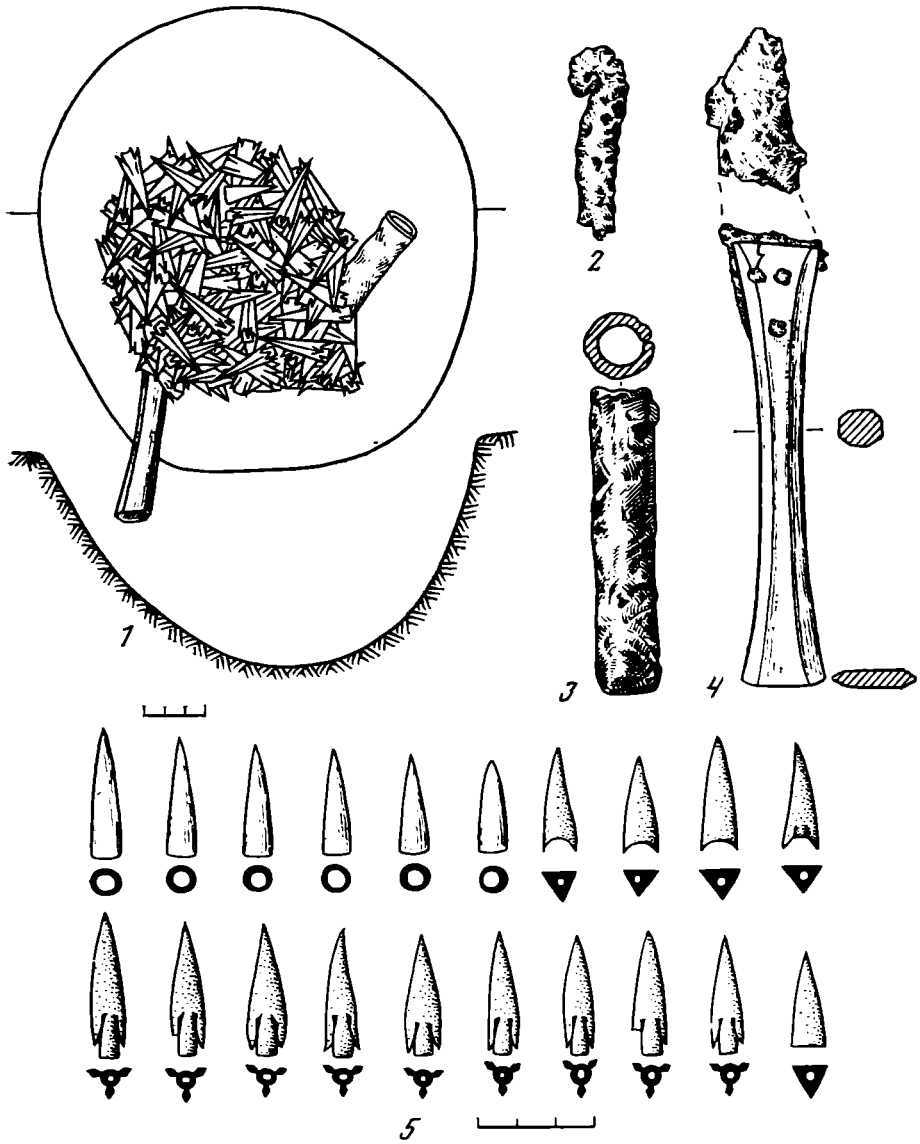


Рис. 5. Тайник № 2. *1* — план и разрез тайника № 2; *2* — фрагмент железного стрежня; *3* — железный вток копья; *4* — железный нож с костяной ручкой; *5* — костяные и бронзовые наконечники стрел

13. В северо-восточном углу камеры прослежен отпечаток ножки бронзового котла (диаметром 0,12 м), унесенного грабителями.

14. В центре камеры на меловой подсыпке лежал фрагмент железного стержня с загнутым в виде кольца концом, длина его 5,1, диаметр 0,8 см.

При зачистке пола камеры были обнаружены четыре тайника в виде небольших округлых ямок в дне камеры. Два из них — № 4 (диаметр 0,22, глубина 0,14 м), который находился ближе к юго-западному углу камеры, и тайник № 3 (диаметр 0,22, глубина 0,17 м), выявленный в центре под северо-западной стенкой,— оказались полностью ограбленными (в тайнике № 3 сохранились лишь три золотые нашивные бляшки треугольной формы). Другие два тайника — № 2 (диаметром 0,23, глубиной 0,11 м) под северо-восточной стенкой и № 1 (размерами 0,40××0,45, глубиной 0,18 м), находившийся ближе к юго-восточному углу,— к счастью, уцелели от ограбления.

В тайнике № 2 (рис. 5, *1*) обнаружены следующие вещи.

1. Железный нож с восьмигранной в сечении костяной ручкой с тремя железными заклепками, длина 11,5 см, клинок сохранился частично — с горбатой спинкой и вогнутым лезвием (рис. 5, *4*).

2. Железный вток копья длиной 7,6, диаметром 1,6 см (рис. 5, *3*).

3. Железный стержень, круглый в сечении, с загнутым спиралью концом, длина 5,2, диаметр 1 см (рис. 5, *2*).

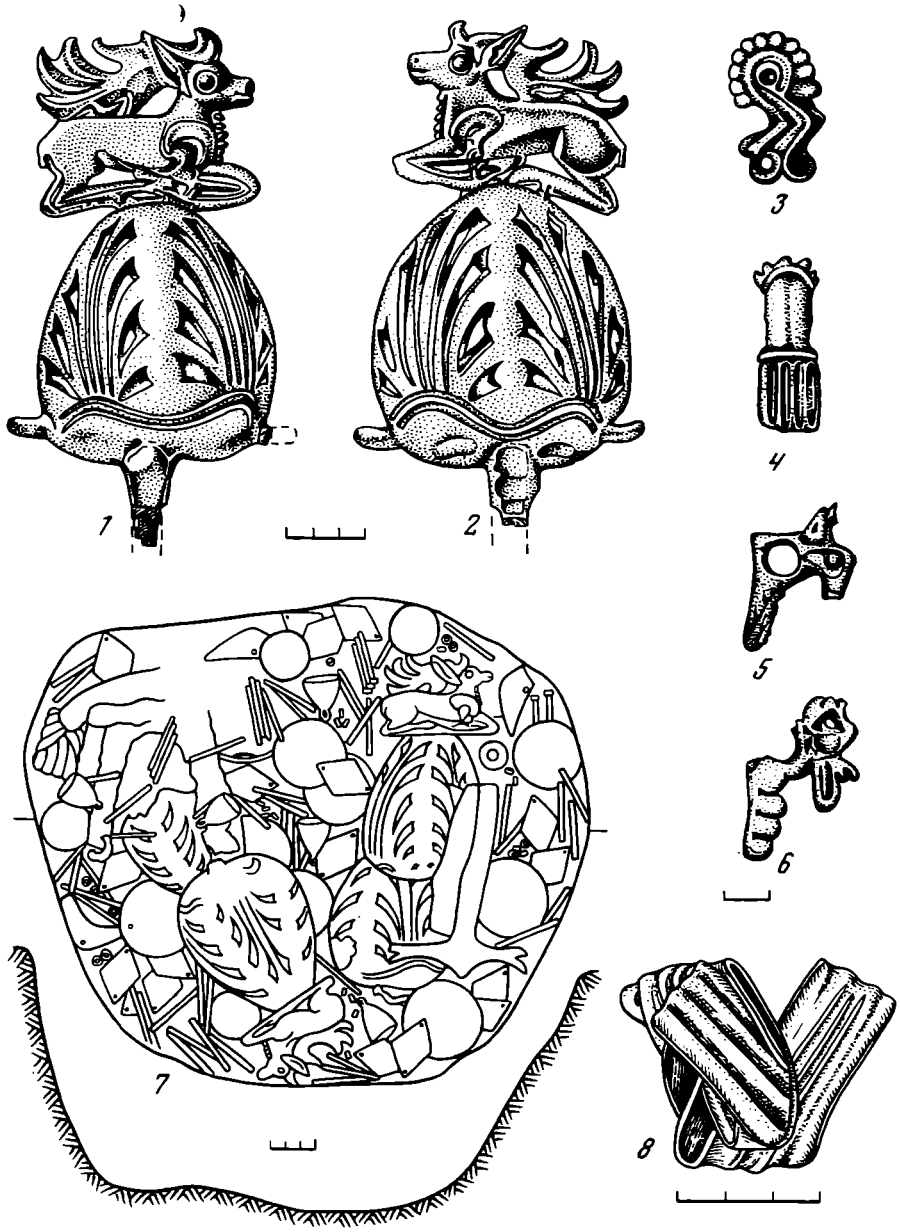


Рис. 6. Тайник № 1. *1, 2* — бронзовые навершия; *3, 4* — бронзовые нащечники; *5, 6* — бронзовые наносники; *7* — план и разрез тайника; *8* — золотой браслет

4. Шесть костяных наконечников стрел пулевидной формы, длиной 2,5—3,4 см.

5. 191 бронзовый наконечник стрел (все трехгранные) длиной 2,5—3,9 см (рис. 5, *5*).

Тайник № 1, самый глубокий (0,18 м), несколько отличался от предыдущих по форме — подпрямоугольной в плане (рис. 6, *7*). Тайник был практически забит вещами, лежавшими в два горизонта.

Нижний горизонт составляли следующие находки.

1. Четыре прорезных навершия яйцевидной формы, украшенные сверху литой двухсторонней фигурой оленя с поджатыми ногами, в нижней части располагались два горизонтальных ушка, основание заканчивалось подпрямоугольной в сечении втулкой, насаженной на железный, прямоугольный в сечении стержень длиной 8,7 см. Высота навершия 16,4, диаметр нижней части 8, верхней — 3,6 см (рис. 6, *1*, *2*).

2. Золотой пластинчатый браслет с продольными каннелюрами, смятый в «узел», шириной 2,5 см (рис. 6, *8*).

3. Железные двудырчатые псалии с восьмеркообразным утолщением в средней части и концами, оформленными в виде полукруглых шляпок, длина 2,2 см.

4. Железные удила с концами, загнутыми в виде петель.

5. Железные удильные кольца, диаметр 3,5 см.

6. Шесть бронзовых ворворок в форме усеченного конуса, высота 0,9, диаметр 2 см.

7. 32 круглые выпуклые бронзовые бляхи с прямоугольной петлей с внутренней стороны, диаметр 3,5—5,7 см (рис. 4, *3*, *4*).

8. Пять бронзовых нащечников, украшенных рельефным орнаментом (рис. 6, *3*, *4*).

9. Фрагментированные бронзовые наносники, украшенные рельефными зооморфными изображениями (рис. 6, *5*, *6*).

Верхний горизонт составляли следующие вещи.

1. Кожаный ремень шириной 4,2 см, на котором с двух сторон тонким кожаным шнурком нашиты бронзовые ромбовидные бляхи размером 4×3,2, 4,7×3,5 см, их найдено 22 экз. (рис. 4, *6*).

2. 202 бронзовые пронизи длиной 4—4,2 см с тонким кожаным шнурком внутри (рис. 4, *1*) и 57 бронзовых обоймочек диаметром 0,6, высотой 0,4 см (рис. 4, *2*), соединяющих пронизи, составляющие, вероятно, цепочку.

3. 20 бронзовых колокольчиков с петлей и подвижным железным язычком. Под петлей друг против друга два сквозных отверстия, в которые вставлялся железный стержень, крепивший язычок. Часть колокольчиков украшена подтреугольными прорезями. Высота их 2,5—3,9 см (рис. 4, *8*).

4. Две железных пластины от налобника толщиной 0,4 см, размерами 13×6 см, между ними оказалась золотая ажурная пластина с растительным орнаментом и изображением двух оленей в центре (рис. 4, *11*).

5. Три целых и фрагменты бронзовых лунниц с отверстием в верхнем остром углу, размеры 5,8—6×2—2,2 см (рис. 4, *7*).

В заполнении камеры на различной глубине встречены следующие находки.

1. Девять астрагалов с заполированной поверхностью.

2. Девять округлых камней для пращи.

3. Семь бронзовых и три костяных наконечника стрел (рис. 7, *3*).

4. Костяной шарнир, круглый в сечении, с одним сквозным отверстием и вторым, перпендикулярным первому, доходящим до середины, диаметр 0,8, высота 0,8 см (рис. 7, *1*).

5. Мелкие фрагменты синей глазчатой бусины с синими вставками в белых глазках, размеры и форма не восстанавливаются.

6. Фрагмент стеклянного литика из желтоватого полупрозрачного стекла со сквозным продольным отверстием, от изображения сохранилась верхняя часть мужской головы в шлеме (?), переданная в профиль (рис. 7, *2*).

7. Костяное веретено с тремя насадками и фигурным навершием (рис. 7, *7*).

8. Фрагменты краснофигурных и чернолаковых сосудов (рис. 3, *20—22*; 7, *4*, *5*).

9. Фрагментированный краснофигурный скифос, высота 7, диаметр венчика 8,2, диаметр дна 5 см (рис. 3, *25*).

10. Железный нож с костяной ручкой, восьмигранной в сечении, состоит из двух половинок, соединенных семью железными заклепками, длина 10,7, ширина 1,8 см, лезвие сохранилось частично — прямое с горбатой спинкой с валиком, ширина 2,3 см (рис. 7, *8*).

11. Железный вток копья длиной 7,4, диаметром 1,5 см (рис. 7, *6*).

12. Фрагмент железной пластины, размеры сохранившейся части 6×
×5,2 см (рис. 7, *10*).

13. Фрагменты прямых и дуговидных стержней, круглых в сечении, с концами, загнутыми под прямым углом или в виде петли (рис. 7, *9*, *11*).

14. На различной глубине встречены комья глины с отпечатками краски белого, черного и ярко-голубого цветов. Кроме того, в заполне-

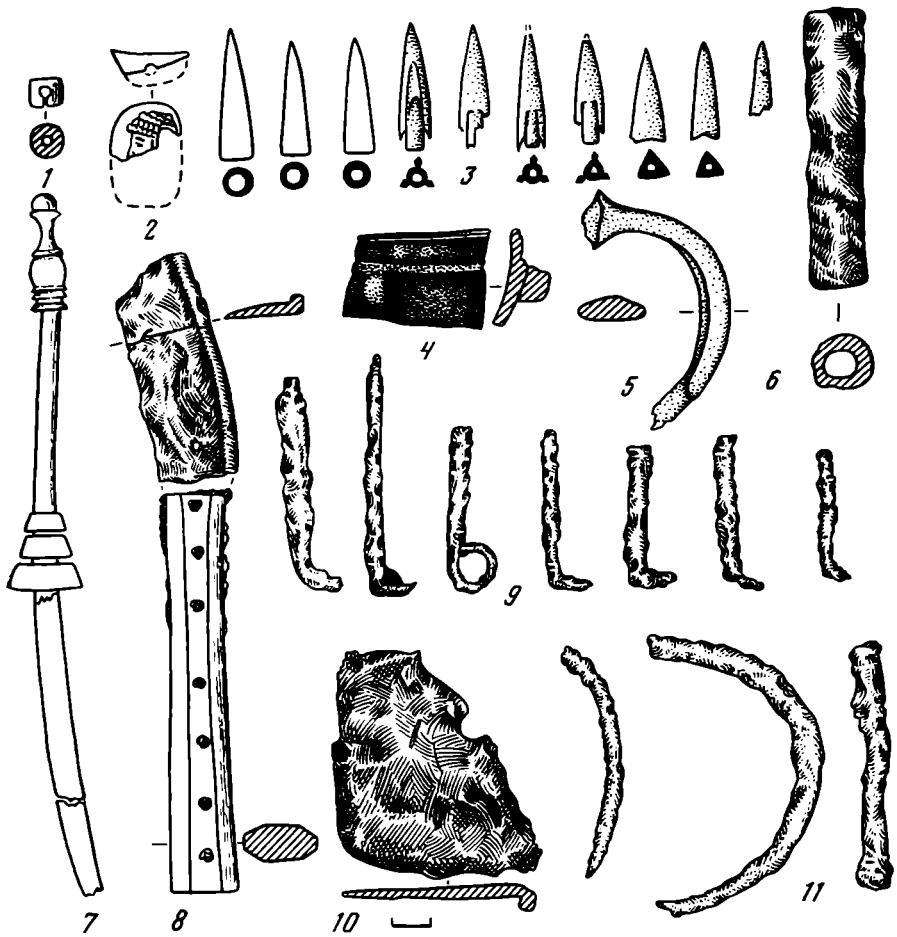


Рис. 7. Вещи из заполнения камеры. *1* — костяной шарнир; *2* — фрагмент стеклянного литика; *3* — костяные и бронзовые наконечники стрел; *4, 5* — фрагменты чернолаковых сосудов; *6* — железный вток копья; *7* — костяное веретено; *8* — железный нож с костяной ручкой; *9, 11* — фрагменты железных стержней; *11* — фрагмент железной пластины

нии входной ямы и камеры встречено большое количество фрагментов костей животных.

По своей конструкции Восточная могила соответствует первому типу скифских катакомб, согласно классификации Б. Н. Гракова [2, с. 84, 85]. В. С. Ольховский, развивая классификацию Б. Н. Гракова, относит подобные сооружения к первому варианту первого типа и датирует довольно широко — серединой VI—III в. до н. э. [3, с. 117]. Исследование материалов Рогачицкого курганного поля позволило Ю. В. Болтрику уточнить датировку подбойных могил и ограничить рамки их бытования V — началом IV в. до н. э. [4].

Погребальный инвентарь, несмотря на ограбление могилы, достаточно многочислен и разнообразен.

Лепная скифская керамика представлена фрагментами двух сосудов из ниши и двумя фрагментированными сосудами из камеры. Один из сосудов в нише относится к типу горшков с короткой дуговидной в разрезе шейкой и отогнутым наружу венчиком, орнаментирован короткими косыми насечками по плечику. Невыразительные фрагменты второго сосуда из ниши не позволяют определить его форму. Два фрагментированных сосуда из камеры относятся к типу горшков, имеющих наибольшее расширение тулова в средней части и с высокой, в виде раструба горловиной. Подобные сосуды распространены на территории всей степной Скифии в IV—III вв. до н. э.

Античный импорт в погребении представлен фрагментами краснофигурных сосудов и фрагментированной металлической посудой.

Обнаруженные в заполнении камеры два невыразительных фрагмента стенок краснофигурных сосудов с растительным орнаментом (рис. 3,

20, 21) не позволяют определить их форму, глина тонко отмучена, с мельчайшими блестками слюды. Здесь же был найден фрагмент ручки какого-то кубка (рис. 7, *5*), в древности она была покрыта лаком, почти полностью отслоившимся. Качество глины всех трех фрагментов позволяет предположить их аттическое происхождение.

От краснофигурной леканы сохранилось лишь два небольших фрагмента: венчика с закраиной и ручкой-упором (рис. 7, *4*) и крышки с изображением нижней части тулова и лап грифона (рис. 3, *22*). Лак сосуда густой, блестящий, хорошего качества. Рисунок четкий, но несколько беглый, линии контура отсутствуют. Судя по всему, крышку украшали особенно характерные для боспорских пелик изображения двух голов амазонок с грифонами [5, с. 62]. Крышка леканы с подобным изображением, датированная IV в. до н. э., хранится в Киевском историческом музее [6, с. 51]. Боспорские пелики с росписями подобного рода датируются концом V — началом IV в. до н. э. [7, с. 137]. Учитывая характер рисунка и манеру его исполнения, качество лака, форму сосуда и аналогии, бердянскую лекану можно датировать рубежом V — первой половиной IV в. до н. э.

Краснофигурный скифос (рис. 3, *25*) с отогнутым наружу венчиком, туловом, расширенным в верхней части и сужающимся ко дну, с двумя горизонтальными ручками сохранился частично. Рисунок четкий, но выполнен «беглым» стилем. С одной стороны изображены две мужские фигуры, стоящие лицом друг к другу. Слева изображен обнаженный юноша, стоящий на правой ноге, левая вынесена вперед, в правой протянутой руке он держит тимпан (?) с крестом. Волосы переданы схематично, над губой черная точка. Справа изображен мужчина, облаченный в гиматий, оставивший обнаженными ступню и правую вытянутую руку, в которой он держит посох. Под ручками изображены пальметки, ограниченные с двух сторон стеблями с волютой. Изображение на обратной стороне аналогично. Внизу изображение ограничено красной полосой. Находки подобных по форме и композиции скифосов известны в памятниках Северного Причерноморья и датируются IV в. до н. э. [5, с. 52; 8, с. 35, рис. 26; 9, с. 73]. По инвентарю гробницы некрополя Аполлонии они датируются второй четвертью IV в. до н. э. [10, с. 199, табл. 107]. По материалам Афинской Агоры подобные сосуды датируются 400—375 гг. до н. э. [11, рис. 16].

Таким образом, вся импортная керамика, представленная в погребении, происходит из мастерских аттических вазописцев конца V — второй четверти IV в. до н. э.

От серебряного килика в погребении сохранилась лишь фрагментированная петельчатая ручка (рис. 3, *16*) с расширяющимся в виде листа плюща основанием. Находки аналогичных серебряных киликов с петельчатыми ручками хорошо известны в погребальном инвентаре скифских погребений. Целые экземпляры происходят из Рыжановского кургана, Чмыревой Могилы, Куль-Обы [12, с. 20, 21], Хоминой Могилы [13, с. 234, рис. 39], кург. 1 группы Лисьей Могилы [14, с. 121, рис. 54, *4*], Елизаветовского могильника [15, с. 160, рис. 10], Толстой Могилы [16, с. 142, рис. 128]. Ручки серебряных киликов найдены в Мелитопольском, Чертомлыцком курганах, в кургане у с. Башмачки [12, с. 21], в Денисовой Могиле [14, с. 131, рис. 67, *2*], в кург. 6 у с. Нагорное [13, с. 197, рис. 12, *3*]. Н. А. Онайко датирует подобные килики серединой IV в. до н. э. и предполагает их аттическое происхождение [12, с. 20].

Бронзовый лутерий (рис. 4, *13*) округлой формы, с уплощенным дном сохранился во фрагментах. Горизонтальный свисающий венчик его украшен пояском жемчужин и овами со стрелками. От этого же сосуда происходит, очевидно, дуговидная литая пластина с круглой втулкой в верхней части, в которую вставлялась не сохранившаяся кольцевидная ручка. На пластине в низком рельефе изображены две бараньи головы, столкнувшиеся лбами, над рогами и между мордами баранов пластина украшена двумя пальметками (рис. 4, *5*). В V—IV вв. до н. э. в быту у скифской знати получает распространение античная металли-

ческая посуда, в том числе и металлические тазы, использовавшиеся как для пиршественных, так и для ритуальных целей [17, с. 34; 18]. Прямых аналогий нашей находке мы пока не нашли, хотя на территории Причерноморья известны находки подобных изделий — в курганах Солоха, Бабы, Чертомлыцком, Курджипском, Толстая Могила, датируемые в пределах V—IV вв. до н. э. [12, с. 22, 35, табл. XIV; 16, с. 65, рис. 48; 17, с. 35; 19, с. 57, табл. XVII].

Бронзовая ойнохоя очень плохой сохранности, что не дает возможности восстановить ее форму. Сохранившаяся ручка ее, подпрямоугольная в сечении, в верхней расширенной части плавно выгнута, нижняя часть ручки оформлена в виде метоп и триглифов, кончается пластиной в форме листа плюща и небольшими завитками в верхней его части (рис. 4, *10*) По форме и манере исполнения нашей ручке очень близка аттическая бронзовая ойнохоя из с. Орловки Одесской обл., которая датируется V в. до н. э. [6, рис. 59, 60].

Судя по находке золотой ленты-плетенки (рис. 3, *12*), следует предположить наличие в погребении и деревянной чаши, поскольку подобные ленты, как правило, являются исключительной принадлежностью этого типа посуды.

Оружие в погребении представлено наконечником копья и тремя втоками, наконечниками стрел и камнями для пращи. Железный наконечник копья, очевидно, принадлежал юноше, погребенному в Восточной могиле. Длина наконечника 41, ширина пера 4, длина втулки 9, диаметр ее 2,6 см (рис. 4, *12*). Находки одного или нескольких наконечников копий известны практически в каждом погребении скифа-воина. По классификации А. И. Мелюковой, наконечник принадлежит ко второму типу отдела с остролистным пером, особенно характерному для скифского вооружения IV и IV—III вв. до н. э. [20, с. 40, табл. 14, *5—11*] (наконечники с остролистным линзовидным в разрезе пером, без ребра, с конической втулкой).

Наконечники стрел были обнаружены в заполнении входной ямы и камеры (20 бронзовых и 3 костяных — рис. 3, *17* и 7, *3*), в нише (четыре бронзовых — рис. 3, *1*) и тайнике № 2 (191 бронзовый и 6 костяных — рис. 5, *5*). Бронзовые наконечники — трехгранные, различных форм и размеров, длина их от 2,5 до 4 см; трехлопастные представлены лишь 2 экз. Кроме бронзовых в тайнике № 2 и заполнении камеры находились соответственно шесть и три однотипных костяных наконечника стрел пулевидной формы, круглых в сечении, относящихся к VI—V вв. до н. э. [20, с. 29]. Наконечники стрел из погребения обычны для скифских колчанных наборов V—IV вв. до н. э.; по классификации А. И. Мелюковой, они соответствуют третьей и четвертой хронологическим группам [20, с. 16—17, табл. 8, 9].

В заполнении и на дне камеры было найдено 13 камней для пращи. Подобные камни довольно часто встречаются в скифских погребениях и датируются достаточно широко — от VII до III в. до н. э. А. И. Мелюкова предполагает, что пращой пользовались в основном при отражении противника из-за укреплений [20, с. 68]. Это предположение достаточно убедительно, поскольку праща вряд ли годится для прицельной стрельбы в бою и тем более сомнительно ее использование для охоты, как предполагает Б. Н. Мозолевский [16, с. 180].

Предметы быта и туалета представлены двумя ножами, веретеном, деталью шкатулки, золотыми браслетом, серьгой, нашивными бляшками и стеклянным литиком.

Один железный нож, с прямым лезвием и дуговидной спинкой с бортиком,— из заполнения камеры (рис. 7, *8*); второй, с дуговидной спинкой и вогнутым лезвием,— из тайника № 2 (рис. 5, *4*). Ножи с дуговидной спинкой, прямым или вогнутым лезвием и костяными ручками имеют множество аналогий в степных и лесостепных скифских памятниках IV—III вв. до н. э. [2, с. 92].

Сложносоставное костяное веретено состоит из стержня, круглого в сечении, трех насадок усеченно-конической формы и фигурного навер-

шия (рис. 7, *7*). Находки аналогичных веретен греческого типа являются обычной принадлежностью богатых женских погребений Скифии IV в. до н. э.

Находка костяного шарнира (рис. 7, *1*) дает возможность говорить о том, что в погребение был поставлен деревянный ларец с костяными накладками. Детали деревянных ларцов известны в курганах степной и лесостепной Скифии. Ларцы и их детали были найдены в кургане Огуз, IV камере кургана Чертомлык, в Павловском и VI Семибратном курганах, в детском погребении кургана близ Тиритаки, в погр. 1 Сошникова кургана и т. д. [21, с. 8]. Почти полностью сохранившиеся детали ларца из Северной могилы кургана Огуз позволили сделать его реконструкцию [22]. Аналогии огузской находке, в том числе две золотые шкатулки-урны из царской гробницы у д. Виргина в Северной Греции, две бронзовые шкатулки из Курджипского кургана, а также изображения подобных шкатулок на краснофигурных вазах, позволяют говорить об античном происхождении деревянных ларцов с костяными накладками.

Детали подобных ларцов встречались, как правило, в женских погребениях, иногда в парных, где одной из погребенных была женщина. Шкатулки и ларцы являлись традиционным и необходимым предметом быта женщин, свидетельством этого является сам факт наличия их среди погребального инвентаря в женских захоронениях. Такие ларцы использовались для хранения мелких вещей — туалетных принадлежностей, украшений, драгоценностей, предметов женского рукоделия. Датируются они началом IV в. до н. э. [23, с. 81].

Фрагмент литика из светлого стекла — в форме скарабеоида овальной формы, с выпуклой спинкой и продольным сквозным отверстием, на лицевой поверхности внутри овала оттиснуто вглубь изображение верхней части головы бородатого мужчины в шлеме (?), переданной в профиль (рис. 7, *2*). Литики не часто встречаются в скифских погребениях. Являясь более дешевыми отливками с геммы из стекла [24, с. 161], они, как правило, относятся к наборам ожерелий или браслетов из бусин. Все они происходят из погребений IV в. до н. э.

Два отлитых вместе кольца с шишечками тоже, вероятно, происходят от ожерелья (рис. 3, *11*). Находки отлитых вместе попарно колечек, входивших в состав ожерелий с бусами и подвесками, известны в ряде скифских погребений, датирующихся IV—III вв. до н. э. [25, с. 184, рис. 57, *4*; 26, с. 25, табл. IX, табл. 24, 48].

Во входной яме была найдена золотая проволочная сережка в виде простого кольца с заходящими концами (рис. 3, *9*). Подобные сережки встречаются нечасто, но они известны как в степных, так и в лесостепных памятниках Северного Причерноморья в IV—III вв. до н. э. [25, с. 181].

Золотой пластинчатый браслет с продольными рельефными полосками происходит из тайника (рис. 6, *8*). Подобные браслеты происходят из богатейших скифских погребений IV—III вв. до н. э. [27, с. 57, табл. 47, *1—5*]. Б. Н. Мозолевский считает, что подобные браслеты являются принадлежностью представителей высшей знати и признаком высокого социального ранга погребенных [16, с. 211].

Золотые нашивные бляшки в виде треугольников с псевдозернью, «мальтийского» креста, состоящего из пяти окружностей, трех соединенных розеток, кошачьего хищника, женского лица в фас (рис. 3, *5—7, 9, 10*), находились в заполнении входной ямы. Очевидно, все они происходят от костюма погребенной. Практически все они имеют широкий круг аналогий в скифских памятниках V—IV вв. до н. э. [8, с. 103, рис. 36, 45, 50, 76]. Оригинальны две прямоугольные бляшки с невысоким рельефным бортиком по краю и рельефным изображением крылатого грифона с бараньими рогами (рис. 3, *23*) на одной и сфинкса на другой (рис. 3, *24*). Образы сфинкса и грифона широко использовались для изготовления золотых украшений одежды и головных уборов [12, с. 49]. Однако прямых аналогий бердянским бляшкам не встречено.

Все детали конской упряжи и украшения повозки находились в тайнике № 1. Удила относятся к широко распространенному в Скифии типу железных двучленных с загнутыми в виде петель концами. Здесь же находились железные удильные кольца и железные С-образные двудырчатые псалии с восьмеркообразным утолщением в средней части и концами, оформленными в виде полукруглых шишечек. Подобного рода псалии получили распространение в IV в. до н. э. [28, с. 118]. Шесть бронзовых ворворок усеченно-конической формы (рис. 4, *9*) для закрепления концов ремней типичны для уздечных наборов IV в. до н. э. Этим же временем датируются 32 круглые бронзовые бляхи с петлей для фиксации пересекающихся ремней (рис. 4, *3, 4*). Пять бронзовых литых нащечников, украшенных рельефным орнаментом (рис. 6, *3*, *4*), находят аналогии в уздечных наборах кург. 14 у с. Русская Тростянка, Солохи, кург. 2 у с. Аксютинцы, кург. 29 группы Гаймановой Могилы, кург. 3 у с. Владимировки, относящихся к IV в. до н. э. [26, с. 24, рис. 2, *123*; 28, табл. XVI, 1; 29, с. 127; 30, с. 54, рис. 7, *3*; 31, с. 259, рис. 2, *22*). Фрагментированные бронзовые литые наносники в виде щитка с зооморфной головкой в фас (рис. 6, *5, 6*) тоже находят себе аналогии в уздечных наборах степной Скифии IV в. до н. э. В это время подобные изделия становятся основной формой наносных украшений [16, с. 185].

Бронзовые колокольчики (20 экз.— рис. 4, *8*), лунницы (рис. 4, *7*) и пронизи с обоймами (соответственно 202 и 57 экз.— рис. 4, *1, 2*) следует отнести к украшению коня. Б. Н. Мозолевский относит подобные бронзовые украшения к набору оформления лент погребальной повозки [16, с. 192]. Мы же склонны считать подобные украшения деталями парадного нагрудника коня. Фрагменты кожаного ремня, украшенного с двух сторон бронзовыми ромбическими бляхами (рис. 4, *6*), относятся, скорее всего, к этому же типу украшений. Таким образом, в тайник были положены детали парадной упряжной конской узды.

Детали повозки представлены железными и бронзовыми гвоздями с остатками дерева (рис. 3, *19, 26*), фрагментами колес (рис. 2, *1*) и бронзовыми навершиями из тайника (рис. 6, *1, 2*).

От двух колес, находившихся на ступеньке входной ямы погребения, сохранились лишь железные обломки шин и гвозди. Известны только два случая находки колес с железными шинами (Александрополь [32, с. 21], Краснокутский курган [33, с. 18]). Учитывая расположение железных деталей в описанном погребении, а также известные ранее находки колес и золотую модель повозки из Амударьинского клада, авторы предлагают реконструкцию колеса бердянской повозки (рис. 2, *2*). Колеса повозки из Бердянского кургана легкие и прочные, не предназначенные для перевозки большой тяжести. Они принадлежат не рабочей, а скорее парадной, возможно культовой, повозке.

Деталями повозки являются и четыре бронзовых навершия, найденные в тайнике № 1. Они представляют собой крупный округлый ажурный бубенец с прямоугольной в сечении втулкой у нижнего основания, двумя горизонтальными петлями в нижней части и с рельефной двусторонней фигурой оленя вверху. Прямых аналогий этим навершиям нет. Наиболее близки им навершия из Толстой Могилы. В. А. Ильинская датирует навершия степной группы IV—III вв. до н. э. [34, с. 42—47]. Е. В. Переводчикова относит их к XI типу (навершия с грушевидным бубенцом с фигурными прорезями на короткой втулке, увенчанные фигурами оленей или грифонов) и датирует их тем же временем [35, с. 31, 32]. Б. Н. Мозолевский относит навершия из Толстой Могилы к наиболее ранним в степной группе и датирует их первой половиной IV в. до н. э. [16, с. 192]. Этим временем следует датировать и навершия Бердянского кургана, которые сочетают в себе характерные черты ранних наверший (прорезной бубенец, рельефное исполнение лопаток передних и бедер задних конечностей, в близкой манере исполнены фигурки келермесской пантеры и кошачьего хищника из Аржана) с поздним признаком (петли бубенца). Изображение оленя относится к широко распространенному образу, украшающему подобные изделия. Навершия

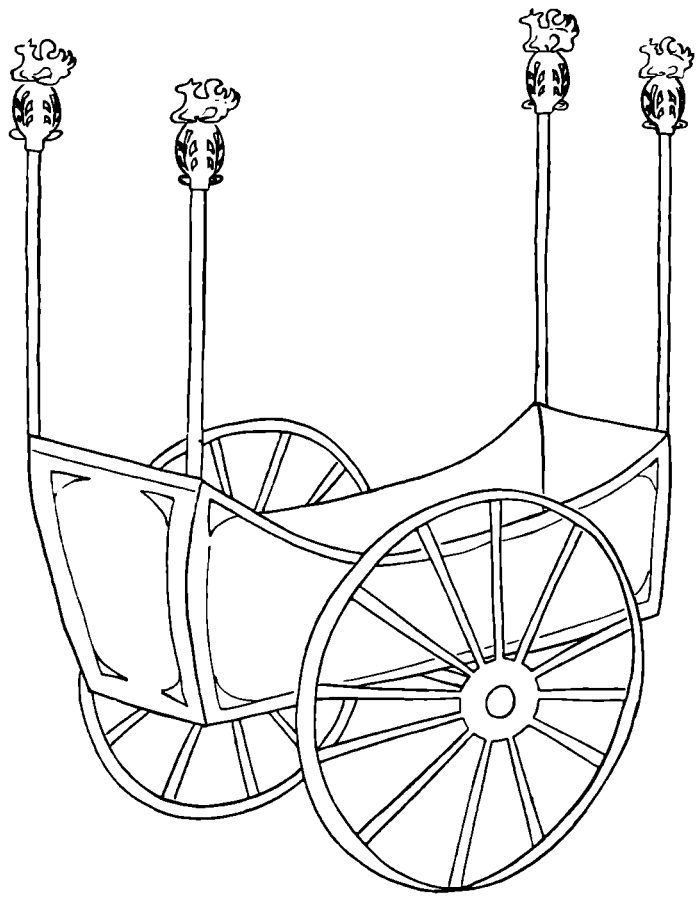


Рис. 8. Вариант реконструкции погребальной повозки из Бердянского кургана

крепились на древках по углам повозки. Беря за основу золотую модель повозки из Амударьинского клада [36, с. 37, рис. 7], авторы предлагают реконструкцию бердянской погребальной повозки (рис. 8). Е. В. Переводчикова и Д. С. Раевский предполагают связь наверший с ритуалом шаманского типа [37, с. 51], В. А. Ильинская — с культом верховного божества и плодородия [34, с. 55]. С. С. Бессонова и Д. С. Кирилин связывают помещенные в погребение повозки с культом женского божества [38, с. 128].

С началом употребления колесниц индоевропейскими племенами в изображениях божеств местного пантеона и героев эпоса присутствует и колесница. В «Ригведе» [39] божества сражаются с демонами только на колесницах. Митра, «обладающий широкими пастбищами» и «настигающий противника неукротимого с мужественной богиней смелости», сражается тоже только с колесницы:

«...Четыре жеребца ведут ту колесницу.
Все одинаковой белой масти,
Питающиеся небесным кормом и бессмертные...
Все прикреплены к одному дышлу,
Все ходят под одним ярмом...» [40, с. 109, 110].

Великая богиня, культ которой зафиксирован в среде скифских племен [41, с. 81, 82], изображалась либо сидящей в кресле, либо на колеснице (с распространением ее в степной полосе). Однако великая богиня не сражается с колесницы — функции ее совершенно другие.

На колеснице великая богиня изображена на золотой пластине из Карагодеуашха [41, с. 21]. В упряжке стоят две лошади, в колеснице стоит богиня и в левой руке держит сосуд для возлияний.

Изображение богини в повозке есть на рельефе из г. Керчи [38, с. 128]. В кузове квадриги восседает великая богиня. Руки ее обращены к всаднику, стоящему перед повозкой, в правой руке у нее, вероятно,

сосуд для возлияний, всадник — молодой мужчина в скифской одежде — подъехал к квадриге богини, левой рукой он держит повод, правая протянута к богине. Фигура возничего, очень молодого юноши в скифской одежде, погоняющего лошадей, в несколько раз меньше фигуры богини, чем подчеркнута незначительность возничего в данной сцене [38, рис. 3, 4]. Между богиней и всадником помещено изображение горита, что имело определенную смысловую нагрузку.

Среди изображений сидящей великой богини существенной представляется сцена на ритоне из ст. Мерджаны Кубанской обл. [41, с. 84, рис. 23], где богиня сидит в кресле и держит в правой руке сосуд типа куль-обского. Справа размещается «древо жизни», слева — кол с конским черепом и всадник, держащий ритон.

Интересно изображение богини на ковре из V Пазырыкского кургана [42, с. 232—236, табл. III]. Она сидит в кресле, на некотором расстоянии от нее помещен всадник с простертой к ней рукой.

Среди изображений антропоморфных божеств декоративного искусства начала I тыс. до н. э. мотив сидящей в кресле (реже в повозке) богини и стоящего перед ней конного или пешего молодого мужчины с ритоном в руке или пьющего из него, т. е. мотив бесспорно культово-мифологического характера, очень популярен в степной среде (Карагодеуашх, Солоха, Куль-Оба, Чертомлык и др.) [38, с. 133; 41, с. 84—85]. Помимо основной функции великой богини — функции плодородия, символом которой является «древо жизни», в сценах подчеркивается и ее особое отношение к лошадям (колесница богини запряжена четверкой лошадей, управляемых юным возничим,— керченский рельеф; лошади приносились богине в жертву — мерджанский ритон).

Поскольку ираноязычность скифских племен на всей территории их обитания не вызывает сомнения, оправданным будет предположение, что женскому божеству этих изображений должно быть соответствие среди божеств иранской мифологии. Таковой является Ардвисура Анахита (сура — «могучая», анахита Ардви — «беспорочная») [40, 110].

В «Авесте» — древнейшем памятнике ираноязычной литературы — «преобразованное мифологическое олицетворение женского начала» выступает в виде очеловеченного божества земли, воды и плодородия — Ардвисуры Анахиты» [40, с. 116]. Олицетворением мужского начала является Митра [40]. Примечательно, что оба божества «сохранились в видоизмененной форме в памяти восточноиранских народностей в течение веков, они по-разному изображались... в форме двух идолов — мужского и женского» [40, с. 116].

Вот как описывается в «Авесте» Ардвисура Анахита, ее функции, выезд и т. д.:

«I. И сказал Ахура Мазда Спитамиду Заратуштре:
Ты можешь восславить ради меня, о Заратуштра,
Ее, Ардвисуру Анахиту...
Страсть вызывающую, Артой освященную,
Стад покровительницу, Артой освященную,
Дома и усадьбы покровительницу, Артой освященную...
7. И вот, о Заратуштра, она пришла к нам...
II. Передний правит ее колесницей,
Держит поводья у колесницы
В ней мчится она, Ардвисура...
85. Он, благодетельный Ахура Мазда, возгласил:
Снизойди, снова вернись к нам...
86. Пусть мощные наездники
Просят тебя о владении резвыми конями,
И об увеличении славы своей...
О победе, ниспосылаемой Ахурой...» [43, с. 506—508].

В свете этого становится понятным, почему на изображениях богини перед ней предстает всадник, видимо не только прославляющий богиню, но и просящий ее об исполнении своей просьбы.

После распространения в степном регионе Евразии колесниц Ардвисура, возможно, стала и покровительницей колесничих, даруя силу и мощь и им самим, и их лошадям, и крепость и быстроту их колесницам.

Могуществом своим великая богиня заслонила многие другие божества, выдвинувшись на первый план, что являлось следствием отражения земных событий — изменений, происходящих в социальной структуре общества. Именно такой она предстает перед нами в «Авесте» и у Геродота, где Иданфирс называл ее «Гестией, царицей скифов» и своей «владыкой» [44, кн. IV]. Необычайная популярность ее культа у верхушки скифского общества выразилась в том, что во всех «царских» курганах и курганах «степной аристократии» обнаружены многочисленные предметы (и самые массовые из них — золотые бляшки) с изображением великой богини либо самой, либо с находящимся перед ней скифом [41, с. 84, 85; 45]. С культом великой богини, очевидно, следует связывать и боковые погребения в этих же курганах женщин с повозками [46], которые, по нашим представлениям, являлись жрицами великой богини и в реквизите которых обнаруживается сходство с их могущественной небесной покровительницей. К таким погребениям и следует отнести Восточную могилу Бердянского кургана. Как и Ардвисура Анахита, жрица из Бердянского кургана передвигалась на колеснице, запряженной четверкой лошадей, управляемой юным возничим. Как уже упоминалось, на плите Трехбратнего кургана изображена великая богиня в колеснице, запряженной четверкой лошадей, управляемых юным возничим; весь комплекс погребения этого кургана С. С. Бессонова считает принадлежащим жрице великой богини [46]. Очевидно, такой же жрице принадлежало и погребение из Ставропольского кургана, где в наборе упряжных лошадей была обнаружена бронзовая втулка дышла с изображением великой богини, и т. д. [47, с. 12, 13].

Погребения «жриц» связаны в основном с «царскими» курганами и курганами «степной аристократии», т. е. через своих жриц великая богиня должна была обеспечить всяческое благополучие «властителям» и в потустороннем мире. В этом и заключается смысл помещения женских погребений с повозками в больших скифских курганах.

Одним из таких погребений (жрицы великой богини вместе со своим юным возничим) является Восточная могила Бердянского кургана. Входивший в состав погребального реквизита наряду с колесницей комплекс вышеупомянутых вещей позволяет датировать это погребение рубежом V—IV в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., Ковалев Н. В. и др.* Раскопки большого скифского кургана в Приазовье//АО — 1978. М., 1979.
2. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле//МИА. 1962. Вып. 115.
3. *Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье//СА. 1977. № 4.
4. *Болтрик Ю. В.* О хронологии камерных погребальных сооружений степной Скифии//Культура и хозяйство раннеклассовых обществ. М., 1986.
5. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. с. Київ.: Наук. думка, 1974.
6. *Штительман Ф. М.* Античное искусство. Киев: Искусство, 1977.
7. *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики//МИА. 1951. Вып. 19.
8. *Лесков О. М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974.
9. *Зедгенидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса//КСИА. 1978. Вып. 156.
10. *Иванов Т.* Антична керамика от некропола на Аполония//Аполлония. София, 1963.
11. *Sparkes, Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. The Atheanien Agora. Princeton; New York, 1970.
12. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.// САИ. 1970. Вып. Д1-27.
13. *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине//Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
14. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
15. *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.//СА. 1961. № 1.
16. *Мозолевський Б. М* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
17. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.

18. *Дюмезиль Ж.*, Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
19. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.// САИ. 1966. Вып. Д1-27.
20. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.
21. *Фиалко Е. Е.* Костяные изделия из кургана Огуз//Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
22. *Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В.* Ларец из кургана Огуз//СА. 1986. № 2.
23. *Фиалко Е. Е.* К интерпретации одной из категорий костяных изделий//Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985.
24. История искусств народов СССР. Т. I. М.: Изобразит. искусство, 1971.
25. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975.
26. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону//САИ. 1965. Вып. Д1-31.
27 *Петренко В. Г* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.//САИ. 1978. Вып. Д4-5.
28. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
29. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
30. *Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э.//Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
31. *Ковпаненко Г Т., Яковенко Э. В.* Скифские курганы на юге Херсонщины//Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
32. Древности Геродотовой Скифии. Вып. I. СПб., 1866.
33. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М.: Наука, 1981.
34. *Ільінська В. А.* Про сківські навершники//Археологія. 1963. Т. 15.
35. *Переводчикова Е. В.* Типология и эволюция скифских наверший//СА. 1980. № 2.
36. *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1979.
37. *Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший// Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
38. *Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана// Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
39. *Елизаренкова Т Я.* Ригведа. Перевод и комментарии. М.: Наука, 1972.
40. *Брагинский И. С.* Из истории таджикской народной поэзии. М.: Наука, 1956.
41. *Иванова А П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
42. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.: Наука, 1960.
43. *Брагинский И. С.* Древнеиранская литература. М.: Наука, 1973.
44. *Геродот.* История/Пер. и примеч. Стратановского Г А. Л.: Наука, 1972.
45. *Чередніченко М. М.* Золоті вбрання скіфянок//Наука і суспільство. 1971. № 2.
46. *Бессонова С. С.* О скифских повозках//Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1981.
47. *Петренко В. Г* Раскопки большого кургана в Ставрополье//Новейшие открытия советских археологов. 1975. Ч. II.

N. N. Cherednichenko, E. E. Fialko

A PRIESTESS' BURIAL IN THE BERDYANSK MOUND

Summary

In 1977 and 1978 the authors investigated a Scythian royal mound (the Berdyansk mound). It is found at the outskirts of the Novovasilievka (Berdyansk District, Zaporozhie Region). The mound concealed three contemporary burials, two in the centre and one more to the side (the so-called Eastern grave).

It is a catacomb grave in which a woman and her servant were buried. The Eastern grave was robbed in the past; nevertheless its grave goods are still varied: pottery sets, ornaments, weapon and harness, and parts of a funerary carriage. The buried woman, evidently, belonged to the upper classes.

The carriage embellished with four spherical tips which, in their turn, were crowned with sculptures of deers, and archaeological and written sources indicate that the woman was the priestess of the Great Goddess, buried together with her young driver. The grave is dated to the turn of the 4th century B. C.

Н. Н. ТЕРЕХОВА, Т. С. МЕХТИЕВ

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Многие аспекты истории и материальной культуры одного из древнейших государств Закавказья — Кавказской Албании нашли достаточно полное освещение в научной литературе, однако вопросы, касающиеся характеристики металлообрабатывающих ремесел, в частности железообработки, как правило, не затрагиваются или ограничиваются типологическим анализом железных предметов.

Между тем интенсивные археологические исследования памятников Кавказской Албании на территории Азербайджанской ССР постоянно пополняют ценнейший источник по истории одного из ведущих производств древности, заключенный в непосредственном продукте этого производства — изделиях из черного металла. Информативность этого источника значительно расширилась с внедрением в археологию методов, позволяющих реконструировать все этапы работы с металлом, начиная от его получения и кончая операциями по завершению готовой формы.

К сожалению, возможности этого метода в отношении археологических объектов часто бывают ограничены из-за плохой их сохранности. Этим как раз отличаются железные изделия античного времени с территории Азербайджана. Достаточно сказать, что из 50 наконечников копий, обнаруженных в наиболее хорошо исследованном памятнике — некрополе у с. Нюди, пригодными для металлографического анализа оказались только два экземпляра.

В целом коллекция, отобранная для исследования, составляет 19 предметов, происходящих из памятников Геокчайско-Ахсучайского междуречья. Это материалы из раскопок Ф. Л. Османовым могильника у с. Нюди в 1972, 1973, 1975 гг. [1—3]; из его же раскопок могильника Узунбойлар в 1978—1979 и в 1981 гг. [4], а также поселения Гырлартепе в 1984—1985 гг. [5]. Отдельные находки происходят из погребений у с. Шекилли и в Шекинском районе [6] [1].

В коллекции представлены следующие категории изделий: ножи (11 экз.); серпы (1 экз.); секачи (3 экз.); наконечники копий (2 экз.); наконечники стрел (1 экз.); орудие каменотеса (1 экз.). Основная масса находок датируется последней четвертью I тыс. до н. э., и только находки с поселения Гырлартепе (три ножа) относятся ко II—IV вв. н. э.

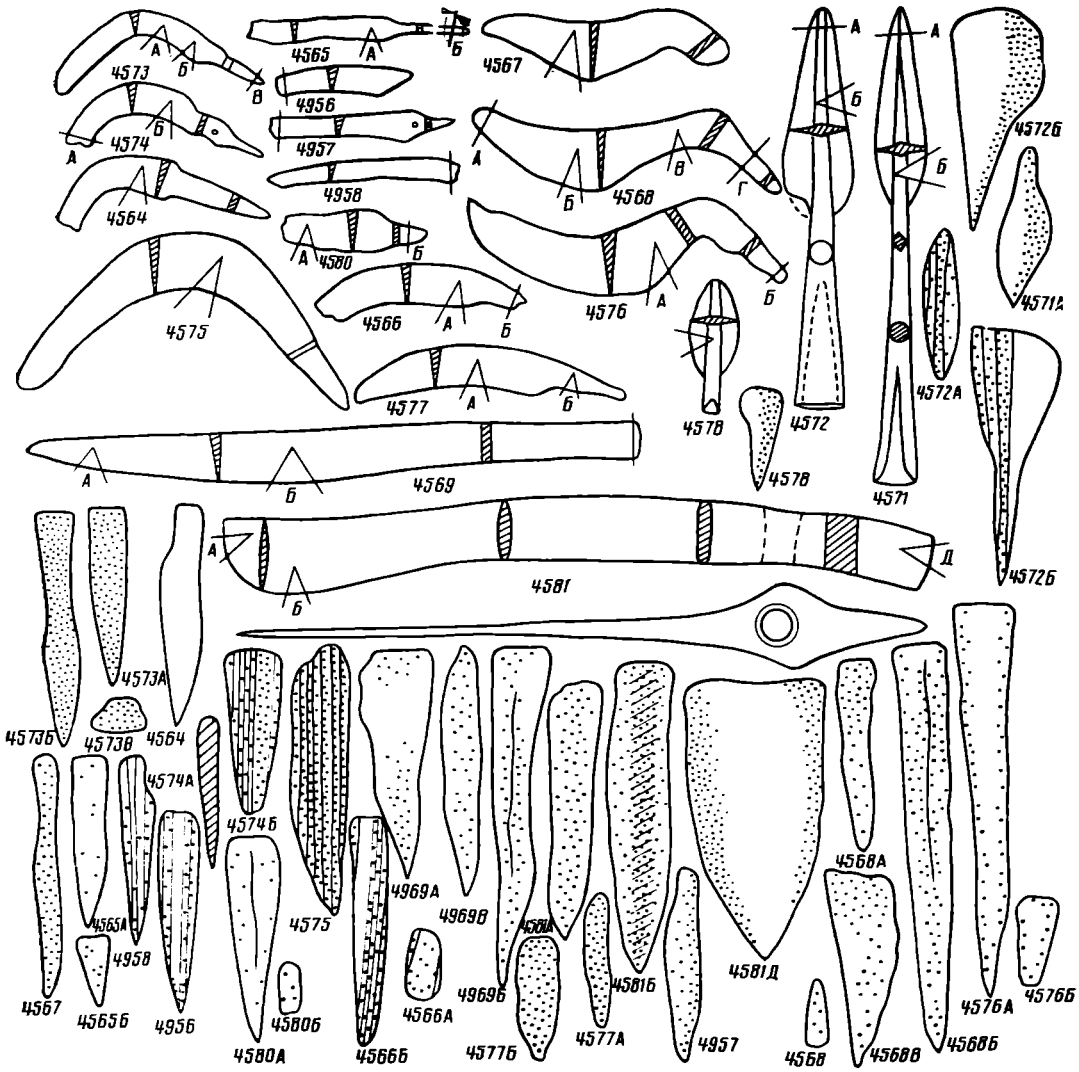
Изученная нами коллекция [2] может быть пополнена еще тремя изделиями (тесло, наконечник копья, нож) античного периода из кувшинных погребений на юге Азербайджанской ССР (Собирабадский и Ярдымлинский р-ны), металлографический анализ которых был осуществлен грузинскими металловедами [7].

Наибольшим числом экземпляров представлены в исследованной нами коллекции ножи (11 экз.) (рисунок). Различаются по форме несколько типов: серповидные с сильно изогнутым лезвием и плоским че-

---

[1] Пользуемся случаем выразить благодарность авторам раскопок, предоставившим нам материалы для металлографического анализа.

[2] Металлографическое исследование осуществлено в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР. Номера анализов соответствуют номеру в регистрационной книге. Микроскопическое изучение образцов проводилось на металломикроскопе МИМ-7, измерение микротвердости — на приборе ПМТ-3.



Кузнечные изделия из памятников Кавказской Албании на территории Азербайджана (место взятия образцов для анализа показано секущей; номера на рисунке соответствуют номеру анализа)

решком, выделенным уступами с одной или двух сторон (общая длина 12 см, длина черешка 3—5,5 см, ширина лезвия 1,5—2,5 см, ан. 4564, 4573, 4574); ножи со слегка изогнутым лезвием и плоским черешком (общая длина 15 см, длина черешка 3—4 см, ширина лезвия 2—2,5 см, ан. 4566, 4577); небольшие ножи с узким прямым лезвием (длина 11—12 см) и плоским коротким или длинным черешком (длина 2—4 см), выделенным с двух сторон плавными уступами (ан. 4556, 4557, 4558, 4565). Одним экземпляром представлен большой нож с плоской рукоятью, имеющей четыре четырехугольных отверстия для крепления обкладок, рукоять не выделена. Общая длина 35 см, ширина рукоятки 2 см, лезвия 3 см (ан. 4569).

Три однотипных ножа с узким прямым лезвием (ан. 4956, 4957, 4958), происходящие из поселения Гырлартепе, являются наиболее поздними в изученной коллекции и датируются II—IV вв. н. э. Остальные экземпляры обнаружены в погребениях, относящихся к IV—I вв. до н. э.

С технологической точки зрения такая категория железных изделий, как ножи, представляет наибольший интерес. Именно это универсальное орудие, как показывают многочисленные аналитические данные, наилучшим образом демонстрирует уровень развития кузнечной техники в конкретном регионе на определенном историческом этапе.

На основании металлографического исследования установлено, что албанские кузнецы при изготовлении ножей придерживались следующих пяти технологических схем: целиком из железа (1 экз.), из сырцовой

стали (3 экз.), из специально полученной цементованной стали (2 экз.), с использованием метода поверхностной цементации (1 экз.), из пакетированных заготовок (чаще всего это чередование полос сырцовой стали и железа; 4 экз.).

Как явствует из перечисленных вариантов технологических схем, в основе их лежит использование стали, полученной либо непосредственно в горне (сырцовая), либо путем сквозной цементации заготовки или поверхностной цементации готового изделия.

Однако сталь не отличается высоким качеством. Как правило, содержание углерода невысокое (0,1—0,3%), распределение его неравномерное. В некоторых случаях зафиксировано обезуглероживание поверхности изделия (ан. 4569, 4573). Стальные полосы, входящие в состав пакетированной заготовки, чаще всего малоуглеродистые. Тем не менее использование пакетированной заготовки все же в какой-то мере улучшало качество лезвия, делая его более упругим. Необходимость этого диктовалась тем, что местное исходное сырье — железо и малоуглеродистая сталь — отличалось повышенной мягкостью (микротвердость феррита 116, 122, 151 кг/мм², феррито-перлита 170, 181, 193 кг/мм²). Единственный в коллекции нож, изготовленный целиком из железа, был подвергнут дополнительно обработке вхолодную с целью упрочения лезвия (в результате микротвердость феррита увеличилась до 170 кг/мм², ан. 4564).

Термообработанным оказался только один экземпляр (ан. 4574, Узунбойлар). Он выделяется среди остальных изделий этой категории и сложностью конструкции, и качеством исполнения, и необычной (фигурной) формой черешка с отверстием для крепления рукояти. Образцы, взятые для металлографического исследования из различных участков лезвия, показали, что оно изготовлено из тщательно прокованной пакетированной (сваренной из семи стальных полос) заготовки с выходом на режущую кромку наиболее углеродистой полосы, закаленной в холодной воде (структура — мартенсит, переходящий в сорбит, микротвердость соответственно 514, 464, 420, 350, 254 кг/мм²).

Загрязненность металла, используемого для изготовления ножей шлаковыми включениями, как правило, незначительная (обычно они измельчены и вытянуты в направлении ковки), структура чаще всего мелкодисперсная. Все это свидетельствует о хорошем качестве кузнечной обработки. Вместе с тем следует отметить и отдельные дефекты, такие как обезуглероженность поверхности и наличие микротрещин (ан. 4569, 4580).

Взаимозависимости между типом ножа и технологией изготовления не прослеживается. Так, среди серповидных ножей есть изготовленные и из пакетированной заготовки (ан. 4566, 4574), и цельностальные (ан. 4573, 4577). Из трех ножей с прямым лезвием, относящихся к позднему периоду (II—IV вв.), два экземпляра имеют пакетированное лезвие (ан. 4956, 4958), один был подвергнут односторонней цементации.

Технологическому анализу подвергнут один серп из грунтового погребения в Узунбойларе (ан. 4575). По форме и линии изогнутости он напоминает серповидные ножи, отличаясь от них размерами и плавным переходом лезвия в рукоять (общая длина 19 см, наибольшая ширина лезвия 3,5 см). Как показало металлографическое исследование, изделие было отковано из пакетированной заготовки, состоящей из семи однородных стальных полос, содержание углерода в которых вдоль одной стороны доходит до 0,3% и, постепенно снижаясь, достигает 0,1% вдоль другой стороны. Сварочные швы четкие, тонкие, параллельные поверхностям орудия. По-видимому, была использована полосовая заготовка, подвергнутая односторонней цементации. Эту заготовку складывали вдвое и сваривали кузнечным способом, затем вытягивали, удлиняли, снова складывали вдвое и сваривали, и так не менее трех раз. В результате получалась прочная упругая конструкция. Ковочные операции проведены качественно, о чем свидетельствует мелкозернистость структурных составляющих и характер сварочных швов.

Технологическая характеристика кузнечных изделий

	Памятник	Номер анализа	Структурные составляющие	Номер зерна	Микротвердость, кг/мм²	Технология изготовления
Нож	Нюди	4664	Феррит	2—7	170	Целиком из железа
»	»	4565	Феррит, перлит	5—7	128,135,206,221	Из сырцовой стали
»	»	4566	То же	6—7	116,122,193,221	Из пакетованной заготовки
»	»	4569		5—6	105,151,206,236	Из сырцовой стали
»	Узунбойлар	4573		7—8	221,236	Из цементованной заготовки
»	»	4574	»	6—7	160,193,254,350	То же
»	»	4577	Сорбит, мартенсит, феррит, перлит	7—8	464,514 221—236	Местная термообработка Из цементованной заготовки
»	Шакилли	4580	Феррит, перлит	5—6	151,160,193	Из сырцовой стали
»	Гырлартепе	4956	»	5—6	171,181,221,236	Из пакетованной заготовки
»	»	4957	»	5—6	170,193,221,236	Односторонняя поверхностная цементация заготовки
»	»	4958	»	5—6	160,193,206,221	Из пакетованной заготовки
Серп	Узунбойлар	4575	»	6—8	151,181,206	То же
Секач	Нюди	4567	Феррит, перлит	5—6	254	Из цементованной заготовки
»	»	4568	»	4—7	135,143,221,236	Из сырцовой стали
»	Узунбойлар	4576	»	5—6	105,128,170,206	Поверхностная цементация
Орудие каменотеса	Шеки	4581	Феррит, перлит, сорбит	2—7	105,116,221,236, 274,322	Цементация рабочей части, термообработка
Наконечник копья	Нюди	4571	Феррит, перлит	6—7	128,143,221,236	Односторонняя цементация заготовки
То же	»	4572	То же	5—6	143,160,193,236	Из пакетованной заготовки
Наконечник стрелы	Узунбойлар	4578	»	5—6	160,170,221,236	Односторонняя цементация заготовки

Своеобразной формой местного орудия являются так называемые секачи. В изученной коллекции их три экземпляра (ан. 4567, 4568, 4576). Они имеют дугообразно изогнутое лезвие, рабочей частью которого служит выпуклая сторона, и плоскую коленчатую рукоять. Общая их длина 18—19 см, наибольшая ширина лезвия 3,5 см, длина рукояти 5 см. Происходят эти орудия из грунтовых погребений в Нюди и Узунбойларе, известны также из раскопок в Мингечауре -[8, табл. XXXV, *9*] [3]

Считается, что эти орудия могли использоваться для рубки мяса, обработки кожи, дерева, для работ в саду [3, с. 72].

Как установлено на основании металлографического исследования трех экземпляров подобных орудий, они выполнены в трех различных технологических схемах: из сырцовой, неравномерно науглероженной стали (содержание углерода колеблется от 0,1 до 0,3—0,4%, ан. 4568); из цельностальной цементованной заготовки (содержание углерода 0,4—0,5%, ан. 4567); с использованием метода поверхностной цементации готового изделия, откованного из мягкого железа (микротвердость феррита 105, 125 кг/мм², феррито-перлитных зон у поверхности 170, 193, 206 кг/мм², ан. 4576). Металл двух изделий — железо и сырцовая сталь в значительной степени загрязнен включениями шлака. Неоднородность состава сырцовой стали затрудняла ковочные операции, следствием чего явились такие дефекты, как обезуглероживание поверхности и растрескивание металла (ан. 4568). Сталь, полученная путем сквозной цементации заготовки (ан. 4567), отличается хорошим качеством, равномерностью зерна, количество шлаковых включений незначительно.

К числу весьма своеобразных типов относится орудие из Шеки. Оно имеет два лезвия и проушину, наподобие топора-секиры. Одно лезвие — короткое (длина 7 см), более массивное, другое — сильно вытянутое, ножевидное (длина 30 см), постепенно сужающееся до толщины в 0,5 см. Проушина имеет диаметр 2 см. Функциональное назначение этого орудия определить трудно. Возможно, оно использовалось при горных разработках. Как показал технологический анализ, особое внимание при изготовлении орудия было уделено закругленному, слегка расширенному концу длинного лезвия. Именно эта часть орудия наиболее твердая — стальная, кроме того, была подвергнута термообработке. По-видимому, на изготовление этого рабочего конца пошла часть заготовки, специально процементированной. Однако длительная последующая проковка привела к частичному обезуглероживанию поверхности. Противоположное лезвие было упрочено поверхностной цементацией, в результате на поверхности образовался тонкий сталистый слой (содержание углерода 0,2—0,3%, микротвердость 193, 221 кг/мм²), сердцевина же оставалась мягкой, вязкой (микротвердость феррита 105, 110 кг/мм²). Материалом для изготовления изделия послужила железная заготовка, плохо освобожденная от шлаковых включений.

Технология изготовления оружия рассмотрена на примере наконечников копий и стрелы.

Втульчатые наконечники копий с листовидным пером представлены в изученной коллекции двумя экземплярами двух разновидностей. У одного (ан. 4571) втулка вдвое длиннее пера, постепенно сужаясь, она переходит в стержень ромбического сечения, продолжением его является ребро жесткости (общая длина 27,5, длина пера 11, наибольшая ширина 3 см). У другого (ан. 4572) втулка чуть короче пера, постепенно сужаясь, она переходит в ребро жесткости округлого сечения (общая длина 22,5, длина пера 12,5, наибольшая ширина 4 см). Оба наконечника происходят из Нюдийского могильника. Как показал технологический анализ, изделия выполнены в разных схемах: одно (ан. 4572) отковано из пакетованной заготовки, сваренной из нескольких полос стали с различным содержанием углерода (от 0,1 до 0,4%) и железа; второе — из железной заготовки, подвергнутой односторонней цементации, в результате чего на одной из поверхностей пера образовался сталистый слой (содержание

[3] В публикации Мингечаурских находок такой секач ошибочно назван серпом.

углерода 0,2—0,3%, микротвердость феррито-перлита 181, 222, 236 кг/мм², феррита 128, 143 кг/мм²). Металл обоих изделий загрязнен шлаковыми включениями.

Наконечник стрелы (ан. 4578) — втульчатый с листовидным пером и ребром жесткости округлого сечения (общая длина 8, длина пера 6, наибольшая ширина 3 см) изготовлен из железной заготовки, подвергнутой односторонней цементации, в результате чего одна из поверхностей изделия оказалась сталистой (содержание углерода 0,5—0,6%, микротвердость 221, 236, 274 кг/мм², микротвердость феррита 160, 170 кг/мм²). Подобный технологический прием придавал изделиям необходимую жесткость и упругость.

Полученные в результате металлографического исследования технологические данные позволяют сделать некоторые предварительные выводы относительно характера местной железообработки в античный период. Исходным сырьем было железо и сырцовая сталь, получаемые в сыродутном горне. Качество металла зависело от тщательности его первичной обработки, требовавшей большого мастерства. Одним из показателей качества сырья является степень его загрязненности шлаковыми включениями. Оценивая с этой точки зрения рассмотренную коллекцию, можно заключить, что местные мастера в большинстве случаев успешно справлялись с такой задачей.

Характерной особенностью местного сырья (железа) является его повышенная мягкость (микротвердость феррита 105, 128, 135 кг/мм²). Не случайно, по-видимому, кузнецы практически не использовали его в чистом виде при изготовлении орудий труда и оружия. Единственное изделие, откованное целиком из железа (нож, ан. 4664), было в заключение упрочено холодной обработкой. Все остальные изделия откованы либо из сырцовой стали (недостатком ее было неравномерное распределение углерода, достигавшего иногда 0,3%), либо из специально полученной стали (путем сквозной или локальной цементации заготовки). Однако содержание углерода в стали редко превышало 0,3%. Качественная высокоуглеродистая сталь фактически не использовалась. Насколько можно судить по исследованной коллекции, термообработка применялась крайне редко (мы зафиксировали лишь два случая).

Довольно распространенным приемом было пакетирование заготовки, особенно при изготовлении лезвий ножей, серпа, пера наконечника копья, требовавших упругости и твердости. Сочетание мягких железных полос с полосами даже малоуглеродистой стали уже обеспечивало решение такой задачи.

Таким образом, местные мастера имели дело с различными сортами черного металла, хорошо знали их свойства и пытались различными технологическими приемами улучшить качество исходного сырья. Умело осуществляемые разнообразные операции горячей кузнечной ковки позволяли создавать изделия любой формы, часто весьма своеобразной.

Конечно, исследованная группа железных изделий слишком ограничена не только количественно, но и территориально для того, чтобы распространить полученные выводы на другие области Кавказской Албании. Возможно, со временем выявятся какие-то локальные особенности. Однако следует заметить, что металлографический анализ нескольких железных изделий из кувшинных погребений в других районах Азербайджана согласуется с нашими основными данными (крайне редкое использование высокоуглеродистой стали и приемов термообработки) [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алиев И., Османов Ф. Л.* Бассейн рек Геокчай — Гирдыманча — Ахсучай в античное время (Предварительное сообщение)//СА. 1975. № 1.
2. *Османов Ф. Л., Ибрагимов Ф. А.* Об оружии албанцев из античного поселения Нюди//Изв. АН АзССР. Сер. История, философия, право. 1976. 4 (на азерб. яз.).
3. *Османов Ф. Л.* Орудия производства из раскопок Нюди//Изв. АН АзССР. Сер. История, философия, право. 1984. 1.
4. *Османов Ф. Л.* Отчет об археологических раскопках Узунбойлар в 1981 г.//Архив ОПИ Ин-та истории АН АзССР. № п-291 (на азерб. яз.).

5. *Османов Ф. Л.* Предварительные итоги раскопок на Гырлартепе (1983—1984 гг.)// Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тез. докл. Всесоюз. археологической конференции. Баку, 1985.
6. *Ахундов Т. И., Рамазанов Г. Х.* Отчет I Шекинского отряда Евлах-Белоканской археологической экспедиции за 1983 г.//Архив ОПИ Ин-та истории АН АзССР. № о-334.
7. *Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Голубкина Т. И.* Металлографические исследования некоторых изделий из черного металла кувшинных погребений Азербайджана// Докл. АН АзССР. 1965. Т. XII. № 4.
8. *Казиев С. М.* Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку: Изд-во АН АзССР, 1960.

N. N. Terekhova, T. S. Mekhtiev

FORGING TECHNOLOGY IN CAUCASIAN ALBANIA (AZERBAIJAN)

Summary

Metallographic analysis is used to demonstrate the technology of making iron as testified by the sites of antiquity in Azerbaijan. It is to be regretted that the iron objects were greatly damaged and difficult to study; the collection, however, includes various kinds of forged objects such as knives, sickles, cutters, arrow- and spearheads, and stone-cutter's tools.

The preliminary results show that the local iron makers used iron and steel obtained through oxidation. The locally produced iron was especially soft.

The studied objects were made either of carburised steel or iron blanks. High-carbon steel or thermal treatment were rare occurrences.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

ЗАГАДКИ ПЕЧАТЕЙ ГЕННАДИЯ ГОНОЗОВА

Среди печатей псковской канцелярии владычных наместников наибольший интерес вызывают буллы, атрибуированные наместникам времен архиепископа Геннадия Гонозова (1484—1504) В настоящее время известны оттиски двух почти идентичных пар матриц. Эти печати уже неоднократно привлекали внимание исследователей [1, с. 235—236; 2, с. 251—252; 3, с. 23, 24; 4, с. 166; 5, с. 13, 14].

Тип 1 (рис. 1). *А.*: изображение ветхозаветной Троицы в линейном ободке. Фигуры ангелов равновелики, занимают центральную часть поля печати. Над правым крылом центрального ангела — изображение мамврийского дуба. Правый и левый ангелы размещены перед трапезным столом. Центральный ангел изображен в повороте налево, в обращении к ангелу, сидящему ошую. В левых руках у ангелов посохи, рукояти посохов украшены разветвлениями. Нимбы всех трех ангелов крестчатые. Центральный ангел и ангел, сидящий ошую, правыми руками благословляют трапезу. Правая рука ангела, сидящего одесную, лежит на коленях. Крылья ангелов развернуты, опущены. В центре композиции на трапезном столе находится чаша со схематично изображенной головой жертвенного тельца. По обе стороны от чаши изображены в виде треугольных выпуклостей хлебы и несколько выпуклостей меньшего размера. Композиция выполнена в высоком рельефе, вписана в круг. Динамика круга подчеркнута позами ангелов, поворотом и наклоном головы центрального ангела. Однако фигуры достаточно статичны, исполнены в строгой, суховатой манере, им приданы вытянутые пропорции. По обе стороны от центрального ангела надпись ТР — ОЇЦ под титлами. Диаметр матрицы (по ободку) 31 мм.

R.: в центральной части поля вязью выписано имя ГЕNАДІЕ, окруженное заключенной между двумя линейными ободками греческой минускульной надписью: «Божьей милостью архиепископ Великого Новгорода»[1]. Начало и конец круговой надписи разделены изображением шестиконечного голгофского креста. Диаметр матрицы 31 мм.

Тип 2 (рис. 2). *А.*: изображение ветхозаветной Троицы в линейном ободке. Композиционное построение почти идентично Троице на печати типа 1, но исполнено рукой значительно более талантливого торевта. Фигуры ангелов более приземистые. Однако они размещены в свободной манере, во всем построении композиции чувствуется движение, экспрессия. Характерно размещение подножий у боковых ангелов: на печати типа 1 подножия размещаются в геометрическом подчинении расположению трапезного стола, в то время как на печати типа 2 подножия располагаются свободно и соотносятся прежде всего с позами ангелов, органично связываясь с композиционным построением, подчиненным динамике круга. Редкая выразительность характеризует передачу лиц ангелов, минимально необходимая моделировка складок одежд хорошо подчеркивает объем тела. Основное отличие изображения Троицы на печати типа 2 от печати типа 1 заключается в следующем: на печати типа 2 крестчатый нимб усвоен только центральному ангелу. По обе стороны

[1] Доклад И. А. Левинской «Греческая надпись на печати Геннадия Новгородского», прочитанный на XXI заседании научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (27.II.1987)

Рис. 1. Печать канцелярии владычных наместников Пскова времени архиепископа Геннадия Гонозова (тип 1). *1* — аверс; *2* — реверс

от центрального ангела надпись ТР — ОЦ под титлами. Диаметр матрицы 30 мм.

R.: в центральной части поля вязью выписано имя ГNАДІЕ, окруженное заключенной между линейными ободками (внутренний ободок двойной) греческой минускульной надписью, аналогичной надписи на печати типа 1. Начало и конец круговой надписи разделены точкой. Диаметр матрицы 30 мм.

Анализируя эти печати вместе с другими печатями владычной канцелярии Пскова [5, с. 13, 14], мы установили, что печати типа 1 предшествовали по времени печатям типа 2. Количественное преобладание печа-

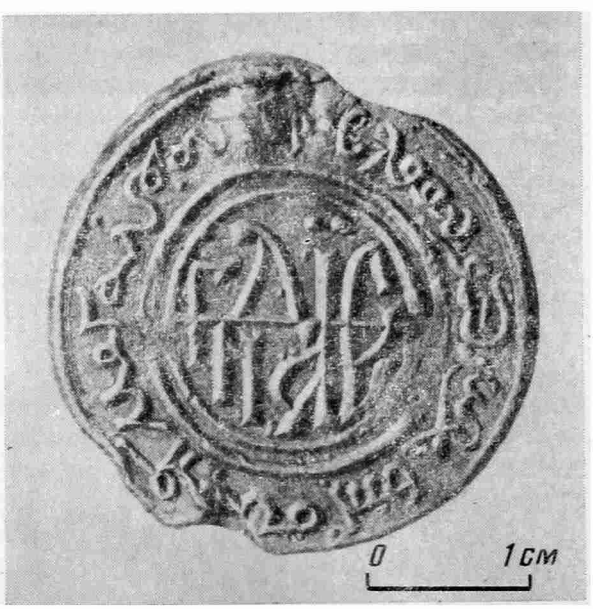


Рис. 2. Печать канцелярии владычных наместников Пскова времени архиепископа Геннадия Гонозова (тип 2) *1* — аверс; *2* — реверс

тей типа 2 (в 10 раз больше, чем печатей типа 1) дало основание связывать смену матриц печати с начальным периодом пребывания Геннадия на новгородской архиепископской кафедре.

Рассматривая особенности изображения Троицы на печатях Пскова [6, с. 11—15], мы отмечали, что между изображениями на печати типа 1 и печати типа 2 имеется важное сходство, выразившееся в редком иконографическом построении: рублевский извод композиции, данный в зеркальном виде — центральный ангел изображен в обращении не к ангелу, сидящему одесную от него, а к ангелу, сидящему ошую. Но между печатями имеется и весьма существенное различие: Троица на печати типа 1 соответствует ортодоксальному догмату триединства Божества, в то время как Троица на печати типа 2 несет изображение Иисуса в сопровождении двух ангелов. Официальная догматическая мысль на рубеже XV—XVI вв. резко отрицательно относилась к композиционным построениям Троицы с выделением центрального ангела: в это время учение о Богоявлении Аврааму Иисуса с двумя ангелами рассматривалось как

ересь [2]. Помещение на печать, скреплявшую документы от имени архиепископа Геннадия — борца за чистоту православия, одного из лидеров и идейных вдохновителей борьбы с антитринитарной ересью «жидовствующих», композиции «еретического толка» осталось некомментированным. Неясной оставалась и замена в круговой надписи креста со страстями на точку-разделитель [6, с. 14].

Позднее появилось предположение, что странные и на первый взгляд необъяснимые изменения, произведенные в оформлении печати типа 2 по сравнению с печатью типа 1, связаны с «редактированием» смыслового значения печати и объясняются особенностями взаимоотношений псковичей с софийской кафедрой. Предлагаемая статья посвящена попытке решения «загадок» печатей Геннадия Гонозова.

Архимандрит Чудова монастыря Геннадий первоначально выдвигался претендентом на владычную кафедру Новгорода при театрализованной жеребьевке 1483 г. После отречения архиепископа Сергия Геннадий был уже не избран, а назначен новгородским архиепископом.

На годы владычества Геннадия приходится подъем реформационного движения, получившего в литературе наименование «новгородско-московская ересь» [7, с. 74 сл.] или «ересь жидовствующих» [8, с. 585—600) [3] Первые безусловные известия о начавшемся движении относятся к 1487—1488 гг. В это время первый этап борьбы с ересью был уже в самом разгаре. В 1487 г. в послании к Прохору Сарскому и в 1488 г. в послании к Нифонту Суздальскому Геннадий Гонозов обвинял еретиков в оскорблении «креста Господня», Христа и Богоматери [7, с. 309—313]. В 1488 г. в Москве были подвергнуты торговой казни присланные Геннадием к великому князю «попы новугородские», обвиненные в оскорблении икон [7, с. 111]. Таким образом, на самом начальном этапе движения Геннадий уже выступал как решительный противник еретиков и активный борец с ересью.

Но показательно, что борьба Геннадия с еретиками в это время шла по меньшей мере с переменным успехом. В послании 1490 г. к митрополиту Зосиме Геннадий был вынужден оправдываться перед главой русской церкви: «Яз не еретик» [7, с. 378]. Точно так же новгородский владыка оправдывается и в послании к собору 1490 г.: «Захар, чернец... зовет мя еретиком, а яз не еретик!» [7, с. 380]. Не случайно, наверное, Геннадий, проявивший большую энергию в деле борьбы с «жидовствующими», вообще не был допущен на соборное разбирательство [4], а наказание четырем лидерам движения было значительно мягче, чем того ожидал новгородский архиепископ [5], призывавший «жечи да вешати» [7, с. 381].

Разгром ереси, начавшийся на соборе 1490 г., завершился падением московского еретического кружка — соборным разбирательством 1503 г., осудившим ересь, и собором 1504 г., постановившим казнить лидеров движения. Предложенная Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье оценка собы-

---

[2] Это отчетливо засвидетельствовано в «Послании иконописцу» Иосифа Волоцкого [7, с. 360].

[3] Историографию см. [7, с. 74—91; 9, с. 176—251]. Правомочность употребления термина «реформация» применительно к «ереси жидовствующих» разделяется не всеми исследователями [10, с. 301—303].

[4] Обвинения в ереси, адресованные Геннадию чернецом Захарией («ересем начальником» [7, с. 385]), напоминают известный полемический прием: «Сам еси таков!». Однако в глазах современников эти обвинения могли иметь под собой реальную почву. Новгородский архиепископ был широко известен своими связями с униатами, при дворе владыки жил и работал монах-доминиканец Вениамин, Геннадий встречался и имел длительную беседу с послом германского императора, с его слов записал рассказ об учреждении в Испании инквизиции, деятельностью которой впоследствии открыто восторгался, превознося хвалы «шпанскому королю» [7, с. 114] В свете провозглашенной в Москве в качестве одного из внешнеполитических лозунгов непримиримой вражды с «латинами» такая деятельность новгородского архиепископа не могла вызвать сочувствия ни у великого князя, ни у митрополита.

[5] Иван III, как известно, терпимо относился к движению. В число лидеров московского еретического кружка входили лица, особо приближенные к великому князю: дьяк Федор Курицын, его брат Волк Курицын, сноха Ивана III Елена Стефановна и др.

тий 1503—1504 гг. как попытки Ивана III ценой уступок обличителям ереси спасти главную для великого князя идею движения — «идею полной или хотя бы частичной конфискации монастырских вотчин» [7, с. 206],— на мой взгляд, справедлива. Весьма вероятно, что осуждение собором 1503 г мздоимства церковных иерархов — единственный серьезный успех Ивана III на соборе — было направлено прежде всего против новгородского архиепископа, неоднократно упрекавшегося в «поставлении по мзде» [7, с. 209]. В 1503 г Геннадий впервые за почти 20-летнее пребывание на новгородской кафедре был допущен на соборное разбирательство [11, с. 257; 12, с. 145]. Летом же 1504 г., вскоре после собора, новгородский архиепископ был сведен с кафедры по обвинению в симонии «наипаче перваго» [12, с. 246; 13, с. 227—231; 14, с. 417—419]. А два года спустя Геннадий скончался.

За годы владычества Геннадий Гонозов несколько раз посещал Псков. А. Никитский подчеркивал, что на протяжении всей второй половины XV и начала XVI в. «во взгляде владык на визитацию начинает выступать на первый план фискальная сторона предмета вместо юридической. Владыки начинают смотреть на подъезд не как на средство наблюдения за порядком в церкви, а как на необходимый путь к получению богатого дохода с подчиненного духовенства» [15, с. 224, 225]. Исследователь специально отмечал негодование псковичей по поводу небрежения владыки к своей пастве и справедливо связывал потерю авторитета архиепископом с расцветом мздоимства [15, с. 226—228].

Напрашивается сопоставление утраты матриц от печати типа 1 с событиями столкновения псковичей с новгородским архиепископом в 1486—1487 гг. В разгар «брани о смердах» в Псков прибыли посланцы Геннадия — боярин Безсон и игумен Евфимий. Перед ними стояла задача проведения переписи псковских церквей для обложения пошлиной [16, с. 68, 69]. Если уничтожение (порчу) матриц печати связывать с сопротивлением псковичей деятельности эмиссаров новгородского архиепископа, а приезд Геннадия и «усмирение» псковичей считать достаточным основанием для изготовления новой пары матриц печати, то датировка печати типа 1 определится в пределах 1485—1487 гг., а печати типа 2 — в пределах 1487—1504 гг.

Однако прямое сопоставление событий 1486—1487 гг. со сменой матриц печати вряд ли правомерно. Еще А. Никитский справедливо отмечал, что «псковичи ничего не могли сказать против справедливости требования (Геннадия.— *С. Б.*) произвести перепись псковских церквей и монастырей» [15, с. 328], и перепись эта в конце концов была проведена [17, с. 84]. В Пскове, безусловно, осознавали, что перепись должна была «содействовать уничтожению церковных злоупотреблений, которые, при стремлении извлекать доход из церковных действий, вкрадывались даже в самые незначительные вещи» [15, с. 328, 239]. В том числе перепись теоретически ограждала Псков и от злоупотреблений со стороны самого владыки или его чиновников.

Кроме того, предполагая в 1486—1487 гг. уничтожение матриц печати владычной канцелярии, мы тем самым вынуждены признать, что в Пскове была ликвидирована владычная канцелярия и сам институт владычных наместников, возрожденные только после «учительных словес» Геннадия на псковском вече. Однако это находится в прямом противоречии с происходившими в действительности событиями. Псковская летопись сообщает, что новгородский архиепископ собирался ликвидировать владычное наместничество в Пскове и заменить его формально самостоятельной архимандритией [16, с. 68], однако этот замысел остался нереализованным из-за отношения псковичей к игумену Евфимию[6] — потенциальному главе архимандритии: «Псковичи не вдашася в волю его» [16, с. 68].

---

[6] Игумен Евфимий — личность, хорошо знакомая псковичам. Двумя годами раньше он — бывший ларник Пскова Есип — был замешан в деле со смердьей грамотой и избежал самосуда лишь благодаря бегству и пострижению в одном из новгородских монастырей.

Обращает на себя внимание сам факт отказа псковичей от создания в Пскове архимандритии. Еще сравнительно недавно, в годы владычества Евфимия II (1429—1458), создание в Пскове на короткий срок по инициативе митрополита Исидора самостоятельной архимандритии расценивалось псковичами как большой успех в борьбе за церковную автономию от новгородской владычной кафедры. В период пребывания на кафедре архиепископа Ионы Отенского (1458—1470) псковичи осознанно идут на конфликт с владыкой, но предпринимают бурную деятельность для церковного обособления [7]. И вот теперь, когда сам владыка предлагает создать в Пскове более или менее обособленную епархию, он встречает решительный отказ горожан. Только ли отношением к игумену Евфимию объясняется такое положение дел?

Отмеченные выше смысловые различия в изображении Троицы на печати типа 1 и 2 не повлияли на сохранение редкого композиционного построения. Если изменения, внесенные в изображение, считать принципиальными, то замена матриц печати должна быть признана целенаправленной и вполне осознанной. Вряд ли в этом случае смену матриц печати можно объяснить случайными обстоятельствами, при которых произошла порча (или уничтожение) первоначальной пары матриц.

Любопытной особенностью печатей Геннадия является помещение на реверсе титула владыки, написанного греческой скорописью. Минускульная надпись на печати — явление в сфрагистике совершенно уникальное [8] Но дело даже не в этом. И на печати типа 1, и на печати типа 2 в титуле владыки отсутствует упоминание Пскова, хотя во всех известных мне документах топоним «Псков» являлся обязательной составной частью титулатуры Геннадия Гонозова. Как показал анализ изменений в титуловании новгородских архиепископов XV в., малейшие коррективы, вносимые в титул (и, в частности, это относится к включению в титул упоминания Пскова «на равных» с Новгородом или же исключение Пскова из формулы титула), имели самостоятельное смысловое значение. Отсутствие в титуле Геннадия упоминания Пскова, а, равным образом, неполнота написания топонима «Новгород», связаны, на мой взгляд, с тем, что торевт поместил в круговую легенду на реверсе печати текст ровно настолько, насколько он уместился в отведенное для легенды пространство, оборвав текст «на полуслове». Сходная ситуация, кстати, зафиксирована на печатях новгородских архиепископов Макария и Серапиона II: изображение Богоматери типа Печерской на аверсе печатей окружено текстом фрагмента хвалебной песни из литургии Иоанна Златоуста, также оборванной «на полуслове».

Если сказанное справедливо, то существенной особенностью печати типа 2 является повторение «до знака» надписи на печати типа 1, хотя с печати типа 2 было снято изображение голгофского креста, замененное точкой-разделителем, и, следовательно, пространство для надписи увеличилось. Полагаю, что это свидетельствует о следующем: при изготовлении матриц печати типа 2 торевт располагал в качестве образца не оригинальным греческим текстом, а печатью типа 1 и копировал круговую надпись на реверсе, не понимая ее языка. Для мастера же, изготовившего первоначальные матрицы печати, образцом служил скорописный греческий текст.

Если считать, что при изготовлении матриц печати типа 2 торевт имел перед глазами в качестве образца печать типа 1, то важным представляются стилистические отличия в изображениях Троицы, безусловно свидетельствующие о том, что печати были изготовлены разными торевтами. Мастер, изготовивший матрицы печати типа 1, был весьма способным ремесленником, добротно передавшим особенности композиционного построения того оригинала Троицы, который он получил в качестве образца. Мастер же, изготовивший матрицы печати типа 2,

---

[7] В ответ на неоднократные просьбы псковичей о создании в Пскове епископской кафедры, из Москвы был получен мотивированный отказ.

[8] Любезная консультация В. С. Шандровской (Гос. Эрмитаж).

несомненно, являлся талантливейшим торевтом. Имея перед глазами печать типа 1, он повторил все особенности композиционного построения (изменения смыслового порядка в данном случае не учитываются), но не просто копировал образец, а создал поистине шедевр мелкой пластики.

Если наша реконструкция процесса изготовления матриц печатей типа 1 и 2 верна, то возникает вопрос о месте изготовления каждой из двух пар матриц. Для владычной канцелярии Пскова второй половины XV — начала XVI в. была характерна ситуация использования двух типов печатей, сменявших друг друга: **временная печать**, оттискивавшаяся случайно сложившимся комплектом матриц (*A.*: матрица, принадлежавшая печати, скреплявшей документы от имени предыдущего владыки; *R.*: вновь изготовленная матрица, несущая легенду с именем и титулом нового владыки) и использовавшаяся в период до появления постоянной печати, и **постоянная печать**, обе матрицы которой были изготовлены одновременно. При этом временная печать вводилась в делопроизводство псковской канцелярии владычных наместников непосредственно в самом Пскове сразу же по получении сведений о вступлении на кафедру нового владыки, а постоянная печать (точнее — матрицы постоянной печати), вероятнее всего, привозилась в Псков из Новгорода [5, с. 13][9]. От времени вступления владыки на кафедру и до присылки в Псков матриц постоянной печати могло проходить от нескольких недель до нескольких лет, а в период кратковременного владычества Сергия и во времена Серапиона I в псковской владычной канцелярии вообще использовалась только временная печать.

По-видимому, матрицы печати типа 1, «правильной» с точки зрения догматических особенностей композиции Троицы, были привезены в Псков из Новгорода, а образцом для мастера, изготовившего эти матрицы, послужили изображение и текст, полученные непосредственно от архиепископа Геннадия[10] или, по крайней мере, из новгородской владычной канцелярии.

Но если в отношении печати типа 1 такой вывод не представляется невероятным, то печати типа 2 адресовать его вряд ли возможно. За образец при изготовлении матриц печати типа 2, как предполагалось выше, была взята печать типа 1. Матрицы ее находились в Пскове. Мастер, внося в оформление печати смысловые коррективы, пытался максимально точно передать принципы размещения композиции на аверсе и надписей на реверсе, характерные для печати-образца, т. е. придавал новой печати облик, минимально отличающийся по внешнему виду от печати предшествующего времени. Полагаю, что матрицы печати типа 2 были изготовлены в Пскове, псковским торевтом, и при этом — без ведома и согласия новгородского архиепископа.

Действительно, появление на печати, скреплявшей документы от имени архиепископа Геннадия, композиции «еретического толка» необъяснимо, если считать, что матрицы печати изготовлены с ведома и по указанию владыки. Если же предположить, что печать типа 2 была введена в делопроизводство взамен печати типа 1 вопреки владыке (или втайне от него?), то картина меняется.

Напомню, что еретические движения XIV—XV вв. не обошли стороной Псков. С конца XIV в. здесь распространяется и в первой трети XV в. достигает наивысшего расцвета «ересь стригольников» [7, с. 34—73]. В середине XV в. знаменитые «псковские споры» [18, с. 33—105] демонстрируют, что «в общественных кругах Пскова догмат о Божестве едином в трех лицах перестал быть религиозной аксиомой. Его приходилось защищать» [9, с. 176]. В третьей четверти XV в. резко активизировалась критика церковного мздоимства, причем под словами осуждения, при-

---

[9] Вероятно, матрицы доставлялись в Псков специальным чиновником, обязанностью которого было не только вручить псковскому печатнику матрицы новой печати, но зафиксировать также факт уничтожения матриц предшествующей печати.

[10] Не исключаю, что образец греческой надписи на реверсе печати типа 1 мог быть написан рукой самого Геннадия Гонозова.

надлежащими перу псковского летописца [19, с. 176], «не задумавшись поставил бы свое имя любой ересиарх» [9, с. 188]. Все это свидетельствует о достаточной подготовленности Пскова к восприятию основных идей антитринитарной и нестяжательской ереси «жидовствующих», официально зарегистрированной не позднее 1470-х годов [11]

К сожалению, прямые указания на распространение в Пскове ереси «жидовствующих» в источниках, кажется, отсутствуют. Свидетельством распространения в Пскове движения принято считать происхождение одного из лидеров первого этапа реформации — чернеца Захарии — из Немчинова монастыря. Этот монастырь все исследователи единодушно считают псковским. Однако здесь имеет место историографическая ошибка. Митрополит Евгений (Болховитинов), на мнение которого ссылается Е. Голубинский [8, с. 569], действительно помещает Немчинов монастырь в списке упраздненных монастырей Псковской губернии, однако — в границах губернии (и епархии) начала XIX в. [20, с. 129]. Монастырь находился в Холмском уезде Псковской губернии, на значительном удалении от границ средневековой Псковской земли. Он входил в черту Деревской пятины Новгорода. Подтверждением тому, что Немчинов монастырь не имеет отношения к Пскову, являются сведения о владениях князя Федора Бельского, от которого «перестригл» чернецов Захария. Ф. И. Бельский, как известно, бежал из Литвы в Москву в 1481—1482 гг. и получил в вотчину от Ивана III город Демон и село Морево с волостями [21, с. 31]. И г. Демон, и с. Морево находятся в Деревской пятине Новгорода, к северо-востоку от г. Холм, центра Холмского уезда.

Однако есть основания полагать, что появление на печати типа 2 изображения «неортодоксальной» Троицы не явилось в истории Пскова случайным эпизодом. Дело в том, что на всех предыдущих печатях псковской владычной канцелярии изображения Троицы догматически вполне ортодоксальны, хотя матрицы этих печатей и изготавливались ремесленниками разного уровня. Исключения составляет матрица печати времен Евфимия II, датированная 1442 г. [6, с. 13]. Матрица эта была изготовлена еще до «псковских споров». Следующая по времени известная матрица аверса печати псковской канцелярии владычных наместников датируется 1466—1467 гг. Вероятно, после «псковских споров» 1453—1458 гг., ярко продемонстрировавших распространение в Пскове догматического «вольнодумства», к изображениям на печатях [12] в Новгороде стали подходить более внимательно, не допуская двусмысленности в трактовке композиции [13].

Предполагая, что введение печати типа 2, своим оформлением не соответствующей ортодоксальной догматике вообще и воззрениям архиепископа Геннадия в частности, явилось попыткой Пскова в скрытой форме выразить факт неподконтрольности владыке, и помня о том, что смена печати произошла в начальный период владычества Геннадия, я считаю возможным связывать появление нового типа печати в псковской канцелярии владычных наместников с событиями 1487 г., но полагаю, что объяснение смены сфрагистического типа отнюдь не сводится к внешним проявлениям конфликта. Причина столкновения между новгородским архиепископом (в лице его эмиссаров) и псковичами в 1486—1487 гг., судя по всему, скрывается не только (и не сколько) в личной неприязни Пскова к игумену Евфимию: корни конфликта, вероятно, значительно глубже.

Рискну предложить для объяснения перечисленных выше наблюдений следующую гипотезу. В период с конца 1470-х годов и до 1485 г. вклю-

[11] «Послание о Троице» Иосифа Санина (будущего игумена Волоколамского монастыря) фиксирует факт существования антитринитарной ереси в период ранее 1479 г. [7, с. 119—120].

[12] Прокламативный характер актовых печатей очевиден и всегда осознавался достаточно отчетливо.

[13] Напомню, что матрицы постоянных печатей предшествующего времени (по крайней мере в период владычества Евфимия II, Ионы Отенского, Феофила) почти наверняка были изготовлены в Новгороде, так что контроль за работой торевтов производился непосредственно в канцелярии новгородского архиепископа.

чительно, когда Новгород переживал сложное время, а новгородская владычная кафедра подвергалась сильным внешним потрясениям, внутренние дела псковской церкви практически выпали из поля зрения новгородской владычной канцелярии. Деятельность псковских владычных наместников в эти годы, вероятно, протекала совершенно неподконтрольно софийской кафедре, а псковская церковь стала фактически автономной, сохраняя с новгородским владыкой лишь фиксальные отношения [14]. «Благословенная грамота» Геннадия, присланная вместе с подарками нового архиепископа в Псков в 1485 г. (сразу же по приезде владыки в Новгород), ничего по сути не изменила в отношении псковичей к своему сюзерену. Геннадий попытался выйти из создавшегося положения путем ликвидации института владычных наместников в Пскове, предложив Пскову заменить его автономной архимандритией. Однако для Пскова это означало сокращение уже сложившейся автономии, тем более что в качестве архиепископского суффрагана в город прибыл игумен Евфимий, хорошо известный псковичам своим «мирским прошлым». Таким образом, попытка создания архимандритии провалилась.

В приезд Геннадия в Псков 19 января 1487 г. «по псковскому челобитию» состоялась, как можно полагать, договоренность между владыкой и псковичами. Результатом этой договоренности явилась так называемая «Уставная грамота Геннадия» [15], данная Пскову перед отъездом владыки [16, с. 69]. Определяя этой грамотой тягловые отношения Пскова к новгородской кафедре, Геннадий, вероятно, фактически признал сложившуюся ситуацию — неподконтрольность владычных наместников Пскова новгородскому софийскому дому и невозможность владыки вмешиваться во внутрицерковные дела Пскова — и предоставил решение внутренних проблем в Пскове чиновникам псковской владычной канцелярии. Во всяком случае, на страницах летописи нет более сведений о конфликтах между Псковом и новгородским архиепископом на почве финансовых претензий, а в знаменитом столкновении между псковичами и Геннадием во время летнего подъезда 1499 г.[16] Псков проявляет редкую самостоятельность, ранее как будто бы не наблюдавшуюся, и эта самостоятельность не вызывает возражений со стороны владыки.

Если высказанная гипотеза справедлива и введение печати типа 2 в скрытой форме фиксировало фактическую автономию псковской церкви от новгородского архиепископа [17], то оформление печати, вероятно, явля-

---

[14] Не случайно, наверное, именно в 1481 г. в Пскове строится «поповская изба» [19, с. 222], сохранившая административное значение на протяжении XVI и XVII вв.

[15] Пересказ фискальной части грамоты сохранился в грамоте Ивана IV 1555 г. [22, с. 91, 92]. Подробный анализ ее был проведен А. Никитским [15, с. 329, 330].

[16] Коротко суть столкновения сводится к следующему. Иван III назначил новгородским и псковским князем своего сына Василия — будущего великого князя Василия III. В Пскове это действие вызвало недовольство, и к Ивану III в Москву отправилось посольство с просьбой о сохранении «старины» — прямой отчинности Пскова к великому князю московскому. Вскоре после отъезда посольства, 30 мая 1499 г., в Псков прибыл в свой подъезд архиепископ Геннадий. Однако псковичи отказали владыке в соборовании, мотивировав отказ тем, что в соборной службе Геннадий собирался «молити Бога за князя великого Василия». После возвращения из Москвы посадника Стефана Максимовича, сообщившего на вече о гневе Ивана III и об аресте послов, службы Геннадия в Троицком соборе состоялись. В летописи не содержатся сведения о том, провозглашал ли здравицы Василию Иоанновичу новгородский архиепископ. Однако учитывая, что одним из основных обвинений Пскову в событиях 1509—1510 гг. была ссылка на запрещение псковским священникам принимать участие в службах Геннадия, а просвирницам — печь просвиры для этих служб, можно полагать, что службы проводились по первоначально намеченной программе. И все-таки несмотря на конфликтную ситуацию, владыка «подъезд взем, выеха изо Пскова... и всю пошлину свою взял» [16, с. 83].

[17] Подтверждением сказанному может, кажется, служить одна любопытная особенность проведенного «редактирования» круговой надписи на реверсе печати. На печати типа 1, как уже отмечалось, в качестве знака интерпункции использовался голгофский крест. Фактически, круговая надпись на реверсе печати типа 1 имела вид: «+Божьей милостью, архиепископ Великого Новгорода...». Такая формула легенды на печати максимально приближается к формуле начального протокола акта, включающего invocatio и не полностью вошедшее в текст легенды intitulatio. На печати же типа 2 крест был заменен точкой-разделителем, и это сразу же изменило облик

ется прямым свидетельством распространения среди псковского духовенства (или, по меньшей мере — среди чиновников владычной канцелярии Пскова) еретических настроений. Быть может, не случайно события 1486—1487 гг. совпадают с началом активной антигеннадиевской деятельности ересиарха Захарии, рассылавшего по всей территории епархии Геннадия Гонозова и «по московской земле» грамоты «с лайбою великою» [7, с. 378] [18]. Эти грамоты, открыто называвшие Геннадия еретиком, по-видимому, доходили и до Пскова, где должны были встречать, по крайней мере, сочувствие. И хотя в официальных русских документах распространение в Пскове «ереси жидовствующих» не зафиксировано, подтверждением ее распространения среди псковских клириков можно считать отмеченную С. Герберштейном «измену некоторых священников» [19], ставшую поводом для «обращения в рабство» Пскова [23, с. 106] в 1510 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лихачев Н. П.* Печати Пскова//СА. 1960. № 3.
2. *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова//СА. 1960. № 3.
3. *Белецкий В. Д.* Печати из раскопок 1960 года в Довмонтовом Городе в Пскове// СГЭ. 1962. Вып. XXIII.
4. *Янин В. Л.* Сфрагистический комментарий к Псковским частным актам//*Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М.: Изд-во, МГУ, 1966.
5. *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Именные владычные печати Пскова//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 3. Псков, 1983.
6. *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Изображения Троицы на актовых печатях Пскова (к иконографии композиции)//Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 5. Псков, 1985.
7. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
8. *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. II., перв. пол. М., 1900.
9. *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М.: Наука, 1973.
11. Продолжение летописного списка, именуемого Патриаршей или Никоновской летописью//ПСРЛ. 1901. Т. XII.
12. Иосафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
13. *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М.: Наука, 1967.
14. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
15. *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
16. Псковская 2-я летопись//ПЛ. 1955. Т. 2.
17. Псковская 1-я летопись//ПЛ. 1941. Т. 1.
18. *Ключевский В. О.* Псковские споры.//Соч. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
19. Псковская 3-я летопись//ПЛ. 1955. Т. 2.

надписи: превратив ее в круговое размещение не полностью воспроизведенного титула владыки вокруг его имени. Если справедлива гипотеза о копировании надписи на печати типа 2 с печати типа 1 при незнании торевтом греческого языка, то круговая легенда на печати реально превратилась из протокольной формулы в орнаментальный поясок вокруг выписанного вязью имени владыки. При такой ситуации допустимо следующее предположение: для редактора печати смысловое значение имело только изображение креста. В XV в. голгофский крест являлся обязательным атрибутом печати новгородского архиепископа, символизируя власть владыки «от Бога». Исключая из оформления печати крест псковские владычные наместники, таким образом, отказывались признавать над собой «Божественную власть» новгородского архиепископа, т. е.— резко понижали в ранге значение юрисдикции новгородского архиепископа над Псковом и псковской паствой.

[18] В послании митрополиту Зосиме 1490 г. Геннадий писал: «Жалуюсь тебе, своему отцу, на Захара, на чернеца, на стригольника: лает ми, господине, уже третий год, на четвертый настало» [7, с. 378]. Это позволяет отнести начало «антигеннадиевской» деятельности Захарии к 1486—1487 гг.

[19] А. Никитский полагал, что сообщение Герберштейна об измене псковского духовенства относится к событиям 1499 г. [15, с. 290], и считал это сообщение баснословным. Хочу подчеркнуть, что в событиях 1499 г. действия Пскова определялись позицией светского правительства, а не клира, поэтому вряд ли сведения Герберштейна могут быть сопоставлены с запрещением священникам участвовать в службах Геннадия, а просвирницам — печь просвиры. «Измена», священников Пскова, глухо отмеченная в «Записках о московитских делах», на мой взгляд, была не в том, что священники не участвовали в службах владыки в 1499 г., а в распространении среди псковских клириков официально осужденной ереси.

20. *Евгений* (*Болховитинов*). История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. III. Киев, 1831.
21. *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.//Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1975.
22. *Евгений* (*Болховитинов*). История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. II. Киев, 1831.
23. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах//Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986.

S. V. Beletsky

THE RIDDLES OF GENNADY GONOZOV'S SEALS

Summary

The bulls attributed to Archbishop Gennady Gonozov's Pskov representatives and dated between 1484 and 1504 are most interesting among all other seals of the Pskov chancellery. Historians are familiar with two pairs of matrixes: the earlier pair (Fig. 1) was used, according to Beletsky, between 1484 and 1487, the later one (Fig. 2) between 1487 and 1504. The author analyses some aspects of the clerical work in the chancellery.

Despite their great similarity, the seals differed in some details on their right sides. The stamps of the earlier pair show the crosslike nimbuses above the heads of all the three angles, while the stamps of the later pair above the head of the central angel. This difference stems from different interpretations of the Trinity. The heretic composition of the later stamp testifies that in the late 15th century the clergy in Pskov leaned towards the Judaiser heresy condemned by the official Church.

Е. А. БРАЙЧЕВСКАЯ

О СОДЕРЖАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА БРАСЛЕТЕ ИЗ КЛАДА У с. ГОРОДИЩЕ ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ

Произведения древнерусского прикладного искусства, в частности двухстворчатые браслеты, неоднократно привлекали внимание исследователей истории культуры Древней Руси [1, с. 265—269; 2, с. 285—287; 3, с. 104—116; 4, с. 91—116; 5, с. 146; 6, с. 88—90, 143—147]. В настоящее время таких изделий древнерусских мастеров-ювелиров известно около двух десятков, встречаются также литейные формы для их изготовления. Датируются они второй половиной XII — первой половиной XIII в. Судя по географии находок, такие браслеты были распространены в это время по всей территории Древней Руси.

Створки браслетов обычно украшают изображения фантастических зверей и птиц, растительный орнамент, плетенка, солярные знаки. Реже встречаются композиции, в состав которых входят изображения людей: музыкантов, играющих на различных инструментах, пляшущих и пьющих из чаш мужчин и женщин [4, с. 103]. Судя по опубликованным материалам, таких браслетов насчитывается только семь. Это хорошо известные в археологической литературе браслеты из Михайловского (1903 г.) [1, с. 269, рис. 61; 3, с. 106—107, рис. 149—152; 7, с. 18, табл. X, *1*], Тверского (1906 г.) [3, с. 106—107, рис. 145, 146; 8, табл. II, *2*], Молотовского [4, рис. 13; 9, с. 391, рис. 318]. Старорязанского (1966 г.) [3, с. 110, рис. 157, 158; 10, с. 211—224, рис. 3] кладов, два идентичных браслета из коллекции ГИМ [1, с. 268, рис. 60; 3, с. 112—113, рис. 159, 160], а также фрагмент литейной формы для отлива створки браслета из древнерусского города Серенска [4, рис. 11; 11, с. 126, рис. 1, *2*].

Дополняет этот перечень браслет из клада у с. Городище Деражнянского р-на Хмельницкой обл. Клад был найден в 1970 г. во время раскопок городища древнерусского времени в глиняном полу одной из построек на детинце[1] В его состав входили различные украшения из золота, серебра, бронзы и янтаря, в том числе и два серебряных двухстворчатых браслета, один из которых, меньший (рис. 1), представляет особый интерес.

Первичная публикация вещей клада была осуществлена в 1975 г. В. И. Якубовским [12, с. 87—104]. Однако эта публикация носит обзорный характер, она не содержит исторического и искусствоведческого анализа вещей, в ней имеются некоторые неточности и ошибки. Сказанное справедливо и по отношению к изображениям на створах интересующего нас браслета (рис. 2), интерпретация содержания которых, на наш взгляд, вызывает некоторые сомнения.

Анализируя их содержание, автор публикации считает, что «центральной композицией является изображение двух фигур, вероятно женских, которое, возможно, ведет к разгадке двух остальных... Изображенные в профиль женщины сидят на низких креслах, поставив ноги на небольшое возвышение. Руки их опираются на палки. Одна из них держит в левой руке рог, а другая, с поднятой вверх правой, как будто что-то рассказывает. Над их головами — двойной солярный знак (два круга, вписанных друг в друга) Одежда их представляет собой длинные платья

[1] Исследования памятников проводила Подольская объединенная экспедиция Института археологии АН УССР (руководитель С. Н. Бибиков) совместно с сотрудниками Хмельницкого областного краеведческого музея (В. И. Якубовский).

Рис. 1. Серебряные браслеты из клада у с. Городище Хмельницкой обл.

без рукавов, с поясом, орнаментированные в нижней части мотивом в виде точек.

В четвертой композиции изображен зверь, который стоит на трех лапах, передняя поднята. Хвост его переплетен между задними ногами и с правой стороны туловища поднимается вверх. Конец хвоста имеет вид ростка. В сторону последнего повернута голова, глаза смотрят на него. Купол арки опирается на две колонки звериных голов (в каждой по две) Есть еще одна голова, которая как бы соединяет третью и четвертую композиции. Этот сюжет связан с идеей плодородия, которую символизируют ростки жизни.

Последнее изображение — фигура женщины, которая из рога кормит животное (кентавр). Зверь внешним видом напоминает предыдущего. Разница состоит в том, что на конце хвоста нет ростка. Кроме того, животное изображено вертикально, головой вниз: задние лапы касаются свода арки, на передние опирается туловище, голова приближается к размещенному на уровне пояса сосуду, который держит женщина в длинном платье. Она стоит, немного наклонившись вперед, руки ее до плеч голые, прическа уложена до уровня шеи» [12, с. 92].

Но, как известно по многочисленным произведениям прикладного искусства и миниатюры, для женской и мужской одежды в XII—XIII вв., как древнерусской, так и западноевропейской, было характерно наличие длинных рукавов. В наглухо закрытых платьях выступали даже акробатки, хотя это очень сковывало движения [13, с. 14].

Как видим, в описании данного сюжета, сделанном В. И. Якубовским, имеется много спорных и не всегда достаточно аргументированных предположений. Поэтому считаем необходимым снова обратиться к рассмотрению этой уникальной находки [2].

Диаметр браслета 6 см. Он состоит из двух серебряных полукруглых створок, соединенных при помощи шарниров. Высота створок 3,2, ширина 9 см. По краям обе створки обрамляет напаянная серебряная проволока, разделенная поперечными бороздками, в силу чего создается зрительный эффект зерни [14, с. 120]. Контуры изображений людей, птиц

[2] В настоящее время данный браслет и остальные украшения из клада хранятся в Хмельницком областном краеведческом музее.

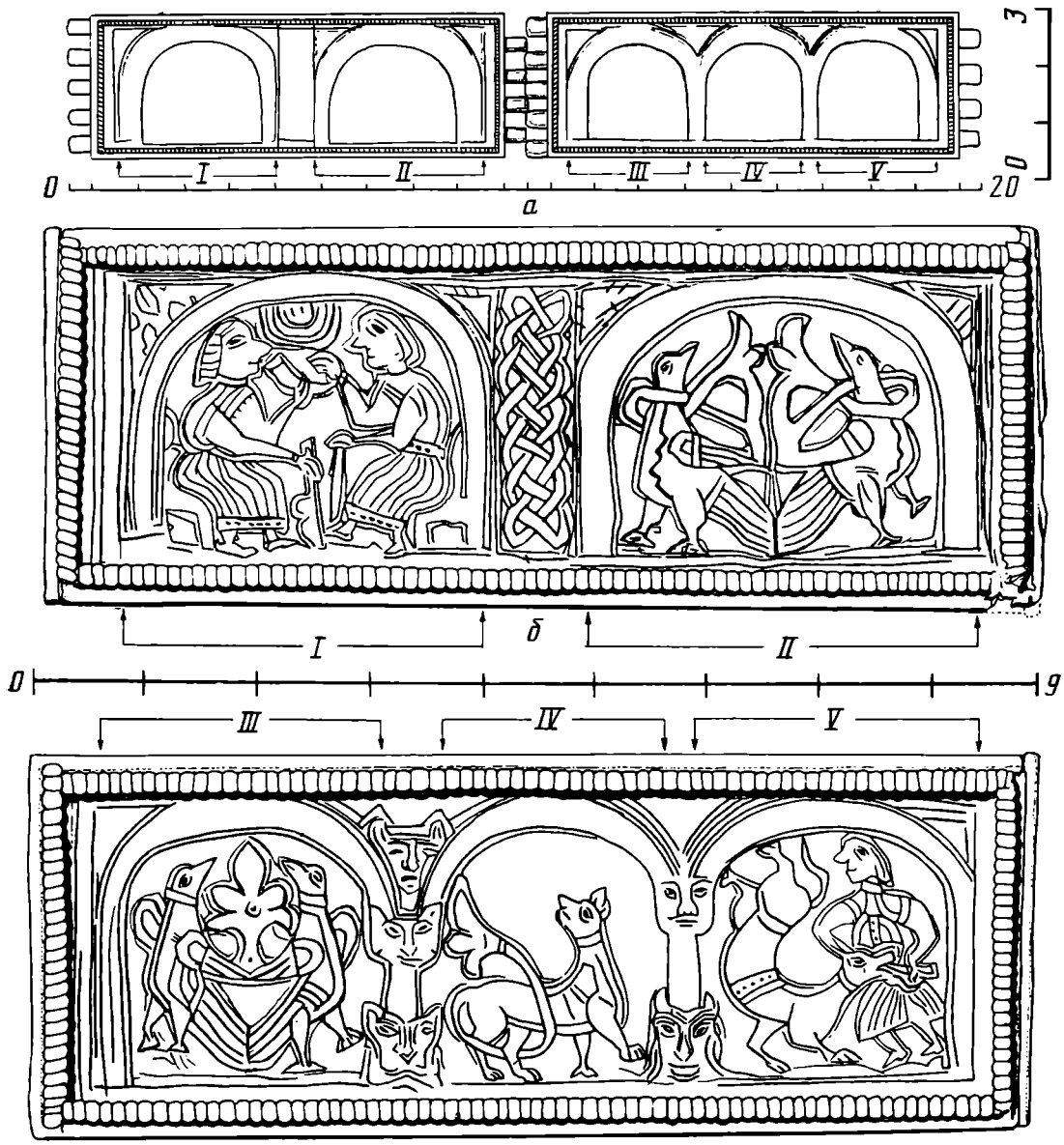


Рис. 2. Графическая прорисовка браслета из с. Городище.
а — схема расположения сцен; *б* — композиция на первой створке; *в* — композиция на второй створке

и животных выгравированы мелкозубчатыми линиями. Фон вокруг них покрыт мелкими прямыми штрихами, образующими в некоторых местах сеточку, и заполнен тонким слоем черни.

Первая створка разделена на две равные части вертикально расположенной трехрядной плетенкой (рис. 2, *б*) В левой части в полукруглой арке (рис. 3) изображены на наш взгляд, две мужские фигуры, сидящие на стульях с невысокими спинками. Над головами сидящих под сводом арки изображен знак, символизирующий солнечный диск [5, с. 340—352]. Мужчина, сидящий слева, в одной руке держит кубок в виде рога, а в другой — музыкальный инструмент, отдаленно напоминающий современную скрипку. Возможно, что здесь дано схематическое изображение смычкового инструмента, известного в памятниках древнерусской письменности под названием «смыкъ» и часто упоминаемого наряду с трубами и гуслями: «...сІм дІаволъ лститъ и другыми нравы всяческими лстими, пребавляя ны отъ бога трубами и скоморохы, и смыками и гусльми и русальи» [15, стб. 447] «Смычек» (музыкант, играющий на смыке) упоминается в числе других участников скоморошеских представлений: «На колесницахъ оурисканІє творя или самоборецъ, или пѣш оурисканІє творя на позорищах... или свирец, или гудецъ или смычекъ, или плясецъ... да отвергнутъ» [15, стб. 447]. Сопоставление этих двух письменных сви-

Рис. 3. Музыканты. Сцена на первой створке браслета из с. Городище

Рис. 4. Птицы. Сцена на первой створке браслета из с. Городище

детельств говорит о том, что смык отличался от древнерусского гудка [16, с. 68—70, рис. 1—2; 17, с. 312—319, рис. 5]. Судя по его изображению, можно предположить, что он весьма отдаленно напоминал современную скрипку.

Правая рука второго мужчины приподнята вверх, а в левой он держит не «палку», а духовой музыкальный инструмент — деревянную дудку («сопель»), как и музыкант на браслете из Старорязанского клада 1966 г. [10, рис. 3, *4*].

Оба музыканта одеты в длинные, почти до лодыжек рубахи тунико-образного кроя [18, с. 23] с длинными прямыми рукавами. На правом рукаве обеих рубах у запястьев изображены нашивные опястья. Подол рубах украшен широкой каймой вышивки или позументом, с укрепленными на них жемчужинами или нашивными бляшками, которые переда-

Рис. 5. Животное (барс?) в геральдической позе. Сцена на второй створке браслета из с. Городище

Рис. 6. Птицы по сторонам «древа жизни». Сцена на второй створке браслета из с. Городище

ны точечным орнаментом (прием, очень характерный в произведениях мелкой пластики, миниатюры и монументальной живописи для передачи нашивных украшений одежды). Судя по обильным продольным складкам, рубахи подпоясаны поясами. У дудочника пояс украшен набором поясных бляшек, которые также имитированы точками.

В правой части створки, тоже в полукруглой арке, помещены изображения двух птиц, повернутых друг к другу спиной (рис. 4). Их грудь орнаментирована волнистой линией, а крылья переходят в растительные побеги, обвивающие их шеи.

Плоскость второй створки браслета в отличие от первой делится на три части только полукруглыми арками (рис. 2, *а*). Свод центральной арки поддерживают колонки, украшенные зооморфными масками

Рис. 7 Скоморох, пляшущий с собакой. Сцена на второй створке браслета из с. Городище

(рис. 2, *в*). Похожая зооморфная маска изображена у ног плясуньи на браслете из Старорязанского клада 1966 г. [10, рис. 7]. Сцена борьбы двух «ряженых», на лица которых надеты звериные маски, представлена в фресковой росписи северной башни Софийского собора в Киеве, кожаные расписные маски, изображающие смеющиеся человеческие лица, найдены в древнерусских слоях Новгорода [3, рис. 142; 19, рис. 3; 20, с. 36, рис. 21, *1*]. Обряд переряживания зафиксирован русскими и болгарскими этнографами в народных праздниках в XIX в. [4, с. 90—102].

В центральной арке изображено животное (рис. 5) с приподнятой вверх правой лапой, его голова обращена назад, а хвост, заканчивающийся ростком, пропущен из-под задней ноги на спину. Этот зверь напоминает геральдических барсов («пардусов»), представленных на рельефах южного фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском [21, с. 110, рис. 2] и на постаментах колонок фриза Рождественского собора в Суздале [22, с. 55, рис. 32, 34].

В арке слева (рис. 6) по обе стороны «древа жизни» изображены две птицы. Этот сюжет довольно часто встречается на золотых древнерусских колтах [23, с. 97; 24, табл. 3, *1, 3, 6, 12, 14*].

Сцена, представленная в крайней правой арке (рис. 7), вызывает особый интерес. Здесь изображена не «женщина, кормящая из рога животное», а скоморох, пляшущий со зверем. Танцор изображен в характерной танцевальной позе: правая рука на поясе, голова слегка приподнята вверх, одна нога выставлена немного вперед. Он, как и музыкант на первой створке, одет в рубаху туникообразного кроя с длинными прямыми рукавами. Чуть ниже плеч, на месте швов, соединяющих рукава с туникой, изображена полоска вышивки, что полностью согласуется с наблюдениями исследователей древнего костюма, отмечающих что соединительные швы были дополнительным способом художественного оформления, поэтому их часто украшали вышивкой или аппликацией [25, с. 47]. От рубах музыкантов ее отличает небольшой стоячий воротничок и вышивка, украшающая разрез на груди, а также боковые разрезы, достигающие талии. В такой же рубахе изображен и дудочник на уже упомянутом браслете клада 1966 г. из Старой Рязани [10 рис. 3, *4*].

Зверь изображен в акробатической стойке на передних лапах, его голова обращена в сторону небольшой палочки, которую держит в левой руке плясун. Туловище зверя опоясывает узорчатый ремешок, на шее — ошейник. В письменных источниках древнерусского времени красочно

описаны скоморошеские представления во время народных празднеств и княжеских пиров [15, стб. 379—380; 26, с. 50; 27, с. 95; 28, с. 79—80], но в них нет упоминаний об участии дрессированных животных. Зато этот сюжет встречается в памятниках древнерусской [29, табл. LXV, *15, 16, 19*, табл. LXVIII, *4, 16, 17*, табл. LXIX, *4, 10*, табл. LXXXIX, *39*] и западноевропейской [13, с. 15, табл. VII, *2*] миниатюры. Некоторые сведения об участии дрессированных зверей в скоморошских представлениях содержатся и в письменных источниках XVII в. В ряде государственных и церковных актов этого времени всячески порицаются скоморохи «медвѣди водящIя и ини животны игры на пакость слабым» [28, с. 126]. Что представляли собой «ини животны игры» объясняет грамота царя Алексея Михайловича (1648 г.), осуждающая представления, где «медвѣди водять и с собаками пляшуть», и предписывающая, чтобы в дальнейшем «медвѣдей не водили и с собаками не плясали» [28, с. 126]. Необычайная популярность таких представлений в народной и господствующей среде объясняется, судя по источникам XVII в., их древностью. Исходя из приведенных примеров, вполне можно предположить, что на створке рассмотренного браслета изображено скоморошеское представление XII в. с участием собаки.

Как известно, серебряные двухстворчатые браслеты были составной частью праздничного женского костюма княжеско-боярского круга, предназначенного для плясок во время народных празднеств, в частности летних русалий [3, с. 116; 4, с. 95]. Им отводилась значительная роль в заклинательной обрядности [3, с. 106], и, естественно, это нашло отражение в их орнаментике и в расположении тех или иных орнаментальных мотивов и сцен на створках. Когда створка браслета украшает двухъярусная композиция, то орнамент в виде плетенки располагается, как правило, в тех звеньях нижнего яруса, над которыми помещены изображения танцоров и танцовщиц или людей, держащих в руках кубки и чаши [4, с. 103, 104, рис. 6].

Рассмотренный нами браслет не составляет исключения. Поскольку композиция на его створках одноярусная, этот принцип соблюдается здесь своеобразно. Плетенка, являющаяся идеограммой воды [4, с. 103], изображена вертикально, она как бы соединяет сцены, в которой один из музыкантов держит в руке рог, со следующей, где крылья птиц превращаются в растительные побеги. Арка, возможно, выражает понятие небосвода [3, с. 107], по которому движется солнечный диск, символическое изображение которого помещено над головами сидящих музыкантов. С идеей плодородия и идеей магической защиты растений от злых сил связано, вероятно, изображение двух птиц по сторонам «древа жизни» и барса с угрожающе приподнятой лапой и хвостом, заканчивающимся ростком на второй створке, что было вполне уместно на украшении, предназначенном для ритуальных плясок.

Образы птиц, «древа жизни», фантастических животных, благожелательных к человеку, были широко распространены в средневековом искусстве — от Ирана и Византии до Скандинавии [3, с. 88]. Эти «бродячие сюжеты», «приживавшиеся в новой обстановке и сливавшиеся в феодальном искусстве с местными, архаичными, вероятно, сходными представлениями о магической, заклинательной силе зрительных образов древа, солнца, воды, молодого ростка или фантастического доброго чудища» [4, с. 93—94], в русском прикладном искусстве сохранили свой первоначальный заклинательно-оберегательный смысл [3, с. 92].

Но кроме орнаментальных мотивов и сцен, связанных с идеей плодородия, на браслетах встречаются и изображения самих русальных игрищ [3, с. 114]. Сопоставление их изображений на браслетах и сведений о них в письменных источниках с болгарскими и русскими этнографическими данными о весенне-летних народных празднествах в XIX в. [4, с. 90—102] дало возможность в общих чертах реконструировать некоторые русальные обряды и выделить их непосредственных участников. Такими были танцовщицы, плящущие с распущенными до земли рукавами рубах («русалией»), музыканты, играющие на различ-

ных инструментах, и скоморохи: «Ови бьяху в бубны, друзии же в сопели сопяху, инии же возложища на лица скураты и деяху на глумленье человеком... И нарекоша игры те — русалья» [4, с. 97]. Дудка («сопель») и смык (скрипка?) изображены в руках музыкантов на первой створке рассмотренного нами браслета. С обрядом переряживания, когда на лица надевают маски — «скураты», связаны изображения зооморфных масок на второй створке.

Наличие на рассмотренном браслете сцены скоморошеской пляски с участием дрессированной собаки позволяет предположить, что во время русальных празднеств кроме ритуальных плясок под инструментальную музыку, театрализованных игр в масках, военных игр наподобие турниров [4, с. 99] устраивались также представления с участием дрессированных зверей. Этот вид скоморошеского искусства и в более позднее время пользовался необычайной популярностью как в народной, так и в господствующей среде и, невзирая на гонения, которым скоморошество подверглось в XVII в. со стороны не только церкви, но и государственной власти [28, с. 126], сохранился и в последующие столетия и дожил до наших дней в современном цирке.

Все приведенные примеры позволяют сделать вывод, что содержанием композиции на браслете из клада у с. Городище (1970 г.) являются изображения, связанные с языческой символикой летних русалий, и сцены самих русальных игрищ, изображающие их участников — музыкантов и скоморохов, «водящих зверей».

Таким образом, браслет из клада у с. Городище Деражнянского р-на Хмельницкой обл. является еще одним интересным источником для изучения как язычества и языческой символики, так и истории культуры Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII вв.//История Русского искусства. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
3. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л.: Аврора, 1971.
4. *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут//СА. 1967, № 2.
5. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
6. *Бочаров Г. И.* Художественный металл Древней Руси. М.: Наука, 1984.
7. *Петров Н.* Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. IV—V. Киев, 1915.
8. *Рыдзевская Е. А.* Тверской клад 1906 г.//ЗОРСА. 1915. Т. XI.
9. *Гончаров В. К.* Художні ремесла /Історія українського мистецтва. Т. 1. Київ: Вид-во УРЕ, 1966.
10. *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Старорязанский клад 1966 г.//СА. 1967. № 2.
11. *Никольская Т. Н.* Кузнецы железу, меди и серебру от вятич//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
12. *Якубовский В. І.* Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області//Археологія. 1975. 16.
13. *Даркевич В. П.* Танцы и акробатика в искусстве средневековья//Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984.
14. *Теофил.* Записка о разных искусствах//Сообщ. ВЦНИЛКР. 1963. 7.
15. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903.
16. *Колчин Б. А.* Музыкальные смычковые инструменты древнего Новгорода//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
17. *Поветкин В. И.* Новгородские гусли и гудки//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
18. *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской мещеры. Ч. 1. М., 1926.
19. *Арциховский А. В.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде//СА. 1958. № 2.
20. *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода//МИА. 1956. № 55.
21. *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М.: Наука, 1964.
22. *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М.: Наука, 1975.
23. *Рибаков Б. О.* Київські колти і віли-русалки//Слов'яноруські старожитності. Київ: Наук. думка, 1966.
24. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975.
25. *Матейко К. І.* Український народний одяг. Київ: Наук. думка, 1977.
26. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

27. Повесть временных лет. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
28. *Фаминцын А. С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889.
29. *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени. СПб., 1887.

E. A. Braichevskaya

THE IMAGES ON THE BRACELET FROM A HOARD FOUND NEAR THE GORODISHCHE VILLAGE (KHMELNITSKY REGION)

Summary

The author discusses the scenes represented on the silver bracelet found in a hoard and published in 1975. She comes to the conclusion that they are connected with the pagan summer rites and show musicians and clowns who traditionally took part in them. The author also surmises that in Old Russia such summer rituals included performances of tame animals.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА В ОКРЕСТНОСТЯХ ЛЕТОПИСНОГО ГОРОДА ЛОХВИЦЫ

На правобережье среднего течения Сулы, являвшейся в XII в. устойчивой границей Переяславской земли с кочевой степью, разведочными исследованиями последних лет изучено 10 древнерусских укреплений XI—XIII вв. Летописные источники выделяли этот обширный и густонаселенный район междуречья Сулы и ее правого притока Удая и в отличие от других участков границы только его именовали Посульем [1]. Археологически Посульская волость хорошо выделяется географически, а также высокой концентрацией укреплений, но даже на этом фоне скопление городищ вокруг летописного города Лохвицы до сих пор оставалось необъяснимым (рис. 1).

В литературе сведения об этих городищах известны давно, памятники посещались многими археологами, однако зачастую разрозненный материал не систематизировался, и в результате вопросы датировки оказались сильно запутанными. К примеру, в полевом отчете исследователь указывает, что на Свиридовском городище скифская керамика составляет незначительную группу среди массы древнерусской [2], а в статье о фортификации тот же автор вводит Свиридовку без аргументации в круг крепостей VII—III вв. до н. э. [3], в результате чего скифскими оказываются оборонительные сооружения и роменского и древнерусского времени. В силу этого в предлагаемой статье приходится отвести много места для выяснения хронологии памятников, представление о которых запуталось и исказилось.

Публикация всех известных нам материалов городищ этого района начата [4]; здесь предлагаются сведения об оставшихся древнерусских

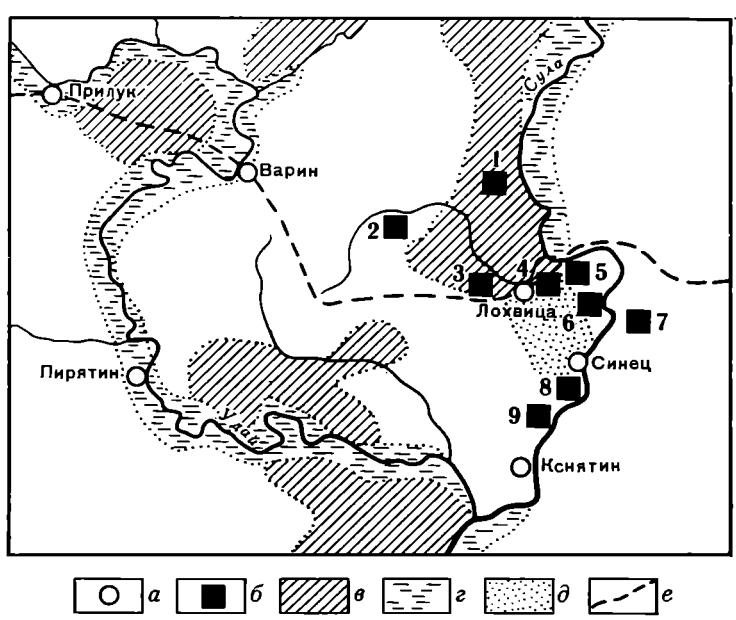


Рис. 1. Археологические памятники и элементы древнего ландшафта. *а* — летописные города; *б* — городища; *в* — древние леса; *г* — заболоченные участки поймы; *д* — массив слабозасоленных почв; *е* — древняя дорога (по Боплану); *1* — Свиридовка; *2* — Бербеницы; *3* — Безсалы; *4* — Лохвица (Высокие Лазирки); *5* — Гаевщина; *6* — Бодаква (Козача Гора); *7* — Бодаква (Панское); *8* — Сенча (Никольская Горка); *9* — Сенча (Сампсониев Остров)

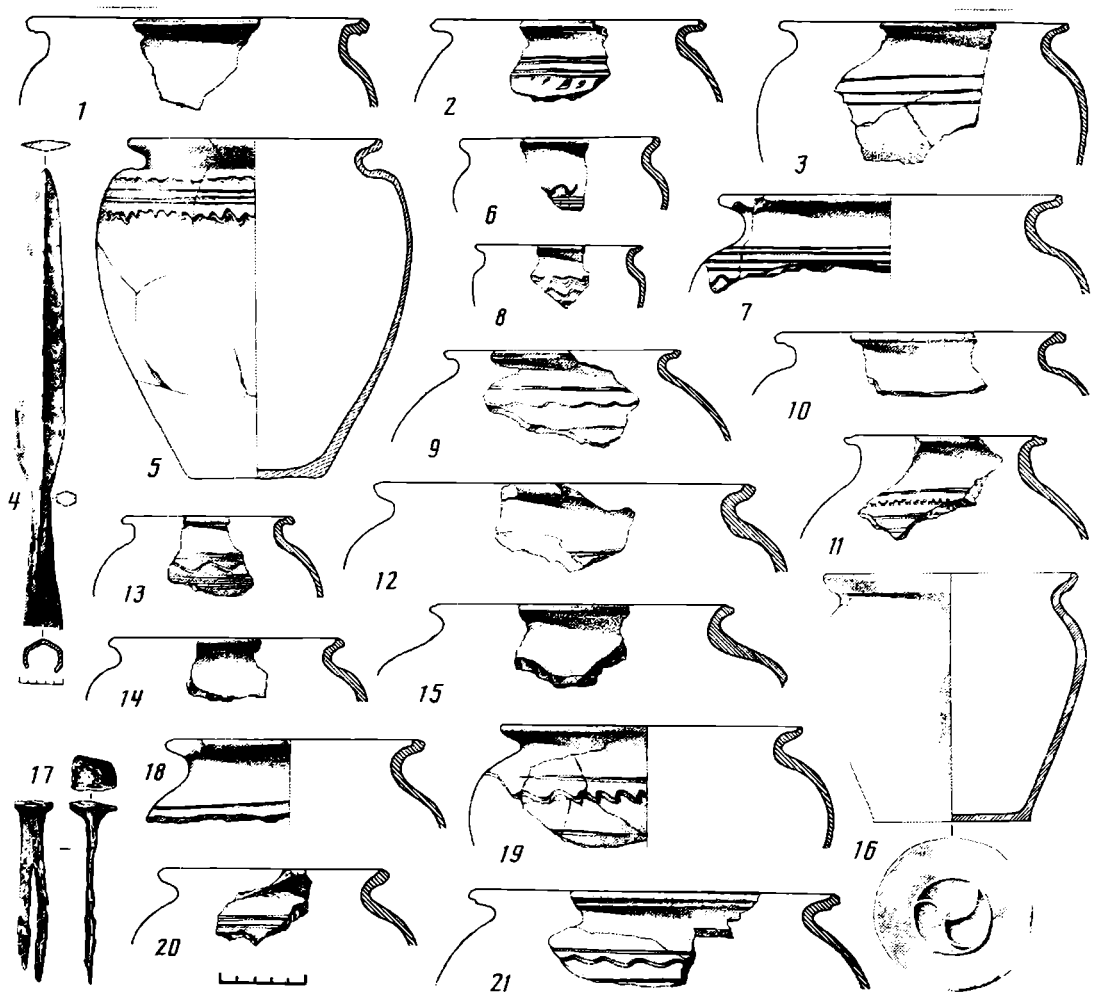


Рис. 2. Керамика и другие находки. *1* — Лохвица (пл. Победы); *2* — *15, 18—21* — Лохвица (Высокие Лазирки); *16, 17* — Гаевщина

крепостях и попытка объяснения причин появления на ограниченном участке границы такого количества оборонительных сооружений.

Г. Лохвица (пл. Победы). Впервые упоминается в 1320 г. [5, с. 38], затем в актах XVI—XVII вв. [6, с. 86] и «Книге Большому чертежу» [7, с. 108]. Название крепости происходит от славянского *локва* — «лужа, болотце» [8, с. 241], что соответствует ее топографическому окружению.

Согласно акту 1618 г., поздняя крепость была построена на древнем городище [9, с. 228], а местоположение поздней крепости хорошо известно по описанию А. Шафонского [10, с. 593]. Укрепление располагалось на низком и узком, расширяющемся посередине перешейке, образованном заболоченной долиной р. Сухая Лохвица (правый берег) и обширным болотом, из которого вытекает р. Сулица. Оборонительные сооружения не сохранились; поверхность перешейка застроена; культурный слой перемешан.

В 1959 г., во время прокладки водопровода на пл. Победы, сотрудниками Лохвицкого музея кроме материалов XVII—XX вв. найдены шиферное пряслице с узким отверстием и фрагмент венчика кругового сосуда второй половины XII в. (рис. 2, *1*).

Г. Лохвица (урочище Высокие Лазирки). Городище впервые было обследовано М. Д. Ренским [11], в 20-е годы А. П. Гричуком был сделан инструментальный план памятника [12], а единственное описание принадлежит Ф. Б. Копылову [13]. В дальнейшем городище наблюдалось П. А. Гребенником, а в 1963 г. было уничтожено карьером, что было зафиксировано М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым в 1971 г. [14; 15, № 353, с. 144] и автором в 1982 г.

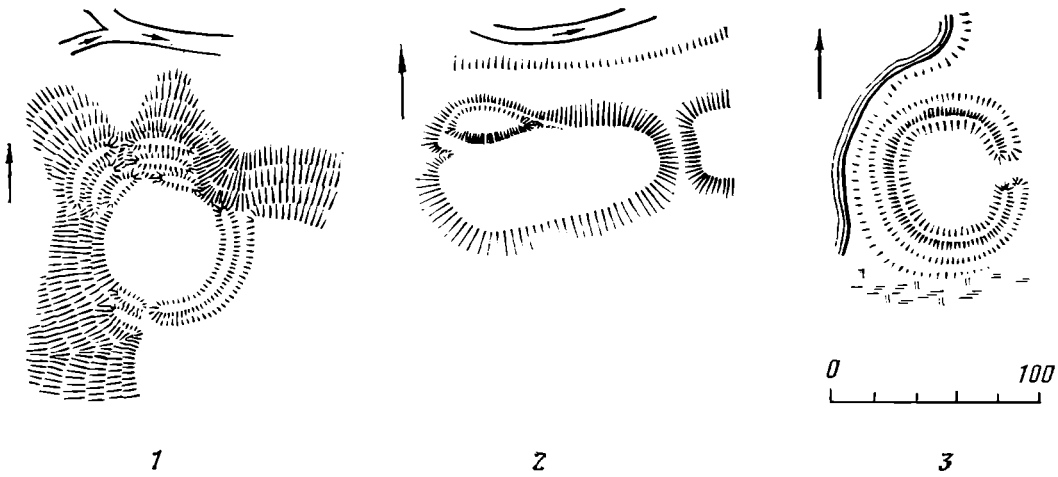


Рис. 3. Планы древнерусских городищ. 1 — Лохвица) (Высокие Лазирки) 2 — Гаевщина; 3 — Сенча (Сапсониев Остров)

Городище располагалось на северной окраине города (в 3 км от пл. Победы), на высоком (25 м над уровнем поймы) мысу третьей надпойменной террасы, образованном крутыми склонами к долинам Сулы и впадающей в нее справа Сухой Лохвицы. Площадка округлой в плане формы диаметром 56 м (0,35 га) с юго-восточной, напольной стороны была защищена полукруглым в плане валом высотой до 3 м и заплывшим рвом (рис. 3, *1*). Отрезки валов сохранились и на северном краю площадки; еще два параллельных отрезка вала укрепляли более пологий мысовой склон ниже уровня площадки. Въезд размещался с юга, в сторону обширного селища.

В процессе разрушения памятника сотрудником Лохвицкого краеведческого музея П. А. Гребенником собрана значительная коллекция древнерусской керамики из культурного слоя (его мощность 0,8 м) и котлованов углубленных в материк жилищ. Керамика тонкостенная, хорошего горнового обжига; типологически она представляет непрерывную линию развития с первой половины XII до начала XIII в. (рис. 2, *2, 3, 5—15, 18—21*). В одном из котлованов найден наконечник копья длиной 53 см с лавролистным широким пером (рис. 2, *4*). Подобные наконечники рогатин (тип IV-А) появились в XII в.; ближайшие аналогии (Липлява, Новгород) датируются XII—XIII вв. [16, с. 15]. Рядом с рогатиной найдены фрагмент кругового венчика второй половины XII в. с вертикальной шейкой (рис. 2, *13*) и небольшой медный котел с железными ушками. Котел выкован из одного медного листа толщиной 1,5—2 мм. Венчик отогнут наружу, тулово конусообразно расширяется к полусферическому дну (рис. 4). Высота сосуда 12, внешний диаметр венчика 19,5, диаметр дна 18,5 см. Ушки имеют округлое сечение диаметром 1 см, основания ушек уплощены, они охватывают тулово и приклепаны к нему заклепками. Однако основания ушек не прилегают к тулову: их разделяют прокладки толщиной 1,2—1,4 см (неясно, из какого материала изготовлены прокладки: снаружи они покрыты ржавчиной, но, возможно, это ржавчина от материала основания ушек). Под венчик для жесткости подложен железный прут прямоугольного сечения (4×8 мм); не исключено, что он прикреплен к основаниям ушек или прокладкам. Подобные котлы встречаются в кочевнических погребениях XII — первой половины XIII в., география распространения этих сосудов показывает, что центры их производства находились на половецкой территории [17]. Котел сейчас находится в экспозиции музея (ЛКМ, КВ-4265, Bi=88).

В 1982 г. среди подъемного материала на селище нами обнаружена подвеска из свинцово-оловянистой бронзы диаметром 2 см, отлитая в односторонней форме. На лицевой стороне хорошо сохранилось погрудное изображение св. Георгия с непокрытой кудрявой головой, в плаще, с копьем в правой руке и краем щита ниже левого плеча (рис. 5, *1*).

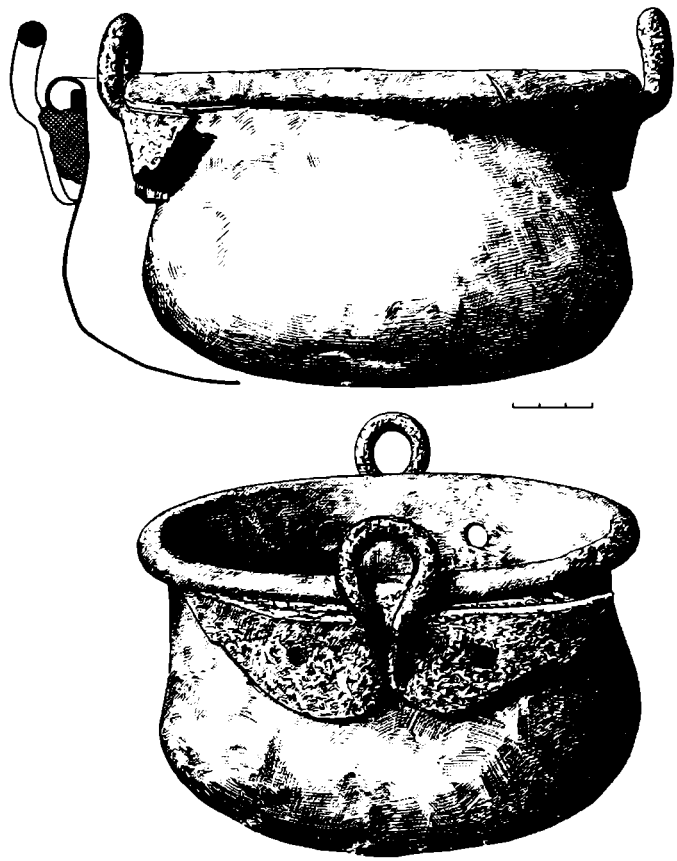


Рис. 4. Половецкий котел (Высокие Лазирки)

Все материалы селища синхронны культурным напластованиям городища.

Вблизи городища размещался небольшой курганный могильник, а на соседнем, также разрушенном мысу П. А. Гребенником обнаружено поселение роменского времени, где собрана керамика IX — рубежа IX—X вв.[1]

С. Гаевщина (бывш. Скоробогатки). Городище известно по сведениям 1873 г. и Опросным листам Полтавского губернского земства [18, с. 24; 19, с. 202 (как Окоп Маньковщина, Скоробогатки, Брыси); 20, с. 171, 175 (как Брыси), с. 177 (как Хрули)], в 1924 г. обследовалось Н. Е. Макаренко [21] и М. Д. Ренским [22, с. 40]. Позже изучалось М. М. Семенчиком [23], Ф. Б. Копыловым [24, с. 248], И. И. Ляпушкиным [25, с. 307], М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым [15, с. 145][2] и автором.

Памятник расположен в 2 км к западу от села (и в 2,5 км к востоку от городища Высокие Лазирки), занимает стрелку мыса правого берега Сулы (урочище Хутор Городище, Горошков Лес). Площадка ориентирована вдоль оси запад — восток, имеет в плане форму вытянутого овала размером 106×40 м (0,37 га) и возвышается над второй надпойменной террасой на высоту от 8 до 14 м (высота над поймой достигает 22 м). Поверхность площадки залесена и понижается к западу, к въезду. От основания мыса на востоке площадка отрезана оврагом (размытым рвом?) шириной 18 и глубиной 8 м; внешние признаки оборонительных валов отсутствуют, но склоны, ограничивающие площадку, очень крутые (рис. 3, *2*).

---

[1] Определения роменской керамики здесь и далее любезно проделаны А. А. Узяновым; он же и опубликует этот материал.

[2] В этой публикации памятник ошибочно индексирован как «Лохвица (уроч. Гаевщина)».

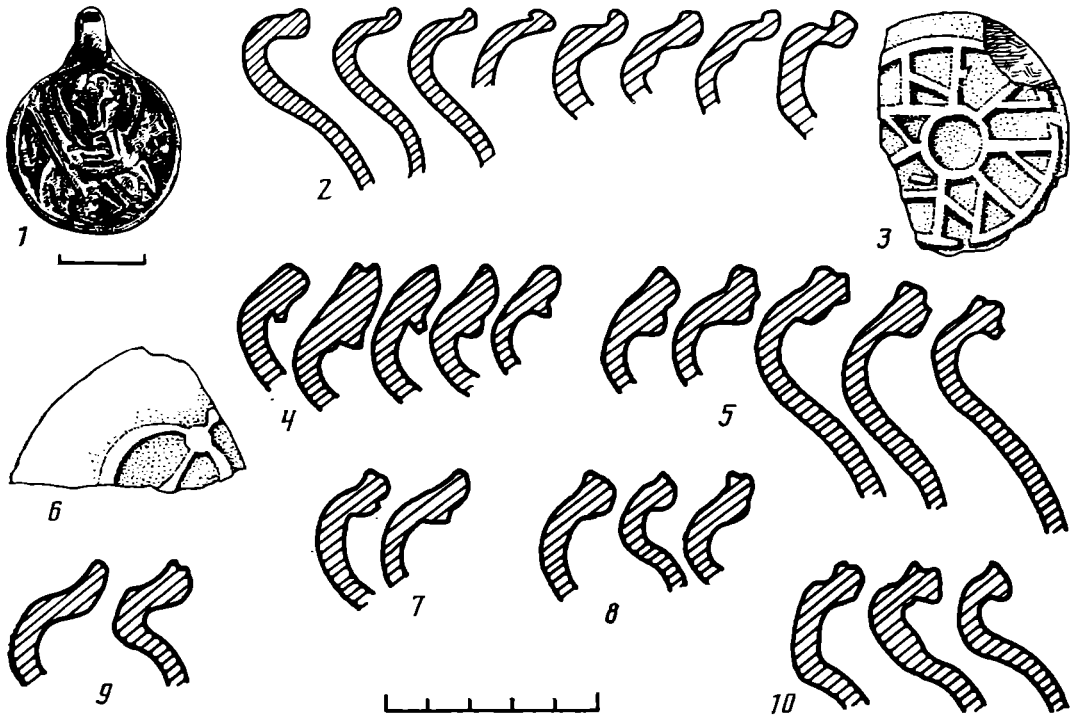


Рис. 5. Мелкие находки и фрагменты керамики. *1* — Высокие Лазирки; *2, 3, 6* — Гаевщина; *4, 5, 7—10* — Сенча (Замок)

Культурный слой мощностью 0,6—1 м на западной половине площадки, где в XIX в. располагался хут. Городище, сильно перемешан и насыщен культурными остатками XVII—XIX вв. На восточной половине сохранность слоя лучше, он содержит лепную роменскую и круговую древнерусскую керамику.

В 1924 г. М. Д. Ренским насчитано на площадке 15 углублений от древних жилищ; один недокопанный котлован сохранился до сих пор: зачисткой выявлены остатки роменского жилища с керамикой и железным предметом в виде костыля с плоским раздвоенным стержнем (рис. 2, *17*).

Траншея, заложенная на северо-восточном краю площадки, выявила оборонительные сооружения роменского и киево-русского времени. В роменское время основой вала служила стена из желваков базальтового конгломерата на карбонатном цементе (вулканогенная осадочная порода). В нивелирующей покатый край площадки глинистой подушке была выбрана неглубокая выемка шириной до 1 м, на ее дно уложены лаги из бревен (толщиной 0,15 м), и поверх этого настила возведена стенка из желваков (диаметром от 0,1 до 0,3 м) на глинистом растворе. Ее высота 1,2 м, сечение имеет форму трапеции. Позже стенка вместе с окружающими ее субструкциями была перекрыта массивом суглинка с включением культурного слоя с роменской керамикой.

В киево-русское время гребень старого вала укреплялся стеной из одного ряда бревенчатых срубов шириной 2—2,5 м. Сохранилось два венца обгоревшего сруба, сложенного из бревен толщиной 0,15—0,2 м; городни забутованы культурным слоем с лепной и круговой керамикой.

В целом роменская керамика, включая и раннегончарный материал, датируется IX—X вв. Наиболее ранняя круговая керамика датируется первой половиной XII в.— к этому времени относится гончарный сосуд из раскопок М. Д. Ренского (рис. 2, *16*). Венчик еще сохраняет следы утолщения снаружи, характерного для профилировки посуды XI в., но верхний край уверенно загнут внутрь, образуя «валик», характерный для XII в. Наиболее поздняя керамика городища не выходит за пределы середины XIII в. (рис. 5, *2, 3, 6*) Аналогичный материал обнаружен здесь И. И. Ляпушкиным, а также М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым.

Основание мыса занято роменским селищем. Древнерусское поселе-

ние имеет площадь до 8 га: к северу оно распространялось до русла реки (150—200 м), на запад тянулось на протяжении 400 м.

В 1924 г. вблизи городища насчитывалось 125 курганов в двух группах. В хронологии и обряде погребений сохраняется та же топографическая закономерность: наиболее западные насыпи содержали погребения в ямах с гробами, а на востоке распространены погребения на материке и в насыпи — с налобными венчиками, спиральными височными кольцами и золотостеклянными бусами ранних типов.

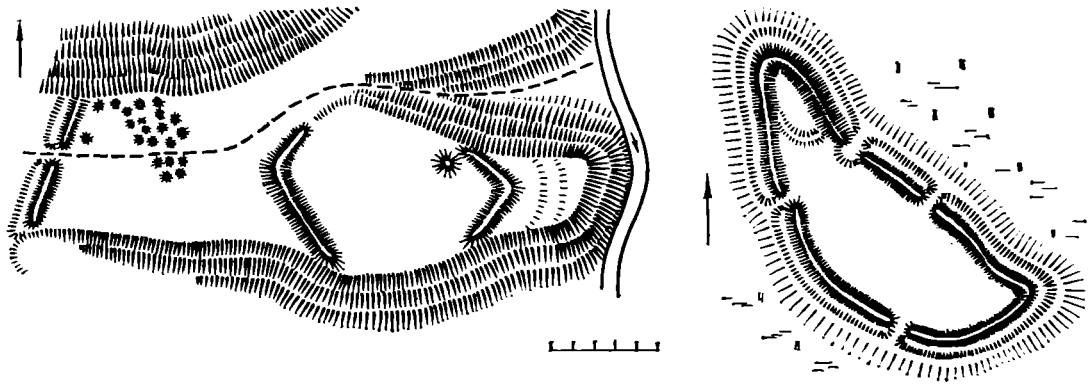
С. Бодаква (урочище Козача Гора). Городище обнаружено и обследовано М. Д. Ренским в 1928 г. [26, 27], изучалось Ф. Б. Копыловым в 1945 г. [13] и автором в 1981 г. Укрепление расположено на высоком (48 м над уровнем правобережной поймы Сулы) мысу третьей надпойменной террасы, напротив села. Залесенная площадка размерами 112 (запад — восток) × 90 м защищена с мысовой и напольной сторон подпрямоугольными в плане отрезками валов высотой 1,5 м и рвом. Основание мыса с городищем на нем отрезано от плато прямолинейным отрезком вала с рвом длиной 192 м.

М. Д. Ренский описал найденную им керамику в одном месте как «северянскую», в другом как «грубую с примесью кварца», а также сравнил ее с керамикой, найденной им на городище у современного села Гаевщина. Ф. Б. Копылов, не производивший земляных работ, сослался на «северянский материал» М. Д. Ренского. В дальнейшем трактовка культурно-хронологического облика памятника приобрела неожиданные формы: О. В. Сухобоков без аргументации датировал городище VIII—X и X—XIII вв. [28, с. 14, табл. 3, № 23], авторы «Справочника по археологии Украины» — X—XIII вв. [29, с. 65], и в 1984 г. О. В. Сухобоковым со ссылкой на работы Ф. Б. Копылова и М. Д. Ренского сделано следующее заключение: «Наличие в подъемном материале и обнажениях древнерусской керамики позволяет датировать его (городище) до середины XIII в.» [15, с. 145].

В 1981 г. памятник обследован автором. Несмотря на два шурфа (2 × 2 м), две 5-метровые зачистки обреза идущей через площадку дороги и траншею (1 × 6 м), заложенную через западину «землянки», культурный слой выявлен не был.

Видимо, в данном случае следует разделить наши представления о находках и характере оборонительных сооружений. Керамика, найденная М. Д. Ренским, несомненно, относится к роменской культуре, поскольку в 1924 г. исследователь вскрыл две землянки IX—X вв. на городище у с. Гаевщина (в те времена — с. Скоробогатки) и новый материал сравнил с хорошо известным (Гаевщину в том же 1924 г. копал и Н. Е. Макаренко, «открывший» роменскую культуру). Оборонительные сооружения в свою очередь отличаются подпрямоугольной планировкой валов и прямолинейностью отдельных отрезков, что характерно для эпохи огнестрельного оружия. Инструментальный план укреплений Козачей Горы, фрагмент которого опубликован О. В. Сухобоковым [15, рис. 22], изготовлен геодезистами В. П. и А. П. Гричук, в 20-е годы работавшими под руководством М. М. Семенчика в составе экспедиции Роменского окружного музея; этот план выполнен в горизонталях[3]. В Лохвицком краеведческом музее хранятся две кальки, подписанные Ф. Б. Копыловым; на одной — план Козачей горы, на другой — план скифского курганного могильника, расположенного около городища, и прямолинейный вал, отрезающий весь мыс (вместе с могильником) в его наиболее узкой части. Эти два плана скалькированы со съемки В. П. и А. П. Гричук, вычерчены в берг-штрихах, изображение на них стыкуется, составляя единый комплексный план укреплений Козачей Горы (рис. 6, *1*) Вероятно, О. В. Сухобокову попала в руки только половина общего плана, что и ввело его в заблуждение. В целом виде ситуация не оставляет сомнений в том, что укрепления Козачей Горы относятся к XVII—XVIII вв., на это указывает и название урочища.

[3] Оригиналы планов хранятся в Роменском краеведческом музее: РКМ, КВ № 15279, инв. № 728 и РКМ, КВ № 15388, инв. № Д-767.



1 *2*

Рис. 6. Планы городищ близ с. Бодаква. *1* — Козача Гора; *2* — Панское

С. Бодаква (урочище Панское). В 1923 г. М. Д. Ренский обнаружил к югу от села, в левобережной пойме Сулы, четыре всхолмления с культурным слоем и в публикации ограничился причислением памятников к типу «болотных круглых городищ» [22, с. 40]. Ф. Б. Копылов в 1945 г. на одном из них (урочище Панское) обнаружил укрепление с обгоревшими внутривальными деревянными конструкциями. Шурфовка оказалась безрезультатной[4], и в 1949 г. он опубликовал описание городища и его план, снятый в 1928 г. В. П. Гричуком (РКМ, КВ № 15260, Д. № 717) [24, с. 247, 248] (рис. 6, *2*).

На план, отражающий совсем не круглую в плане форму укреплений, никто внимания не обратил, но, поскольку на «круглых болотных» городищах этих мест повсеместно встречается гончарная керамика, поначалу в литературе сложилось мнение о древнерусской принадлежности Панского городища [30, с. 273]. Затем О. В. Сухобоков, характеризуя свое представление о хронологии памятника, дополнил датировку роменским временем (под знаком вопроса) [28, с. 14, табл. 3, № 22]. Позже авторы «Справочника по археологии Украины» датировали городище VIII—X вв. [29, с. 65], и, наконец, в новейшей сводке поселений указывается, что «при обследовании городища Копыловым Ф. Б. найдены обломки роменских сосудов, фрагменты гончарной древнерусской керамики. Городище может быть датировано серединой XIII в.» [15, с. 145].

Недоразумение отчасти устраняется сохранившимися музейными коллекциями: в фондах Лохвицкого краеведческого музея материал М. Д. Ренского представлен исключительно роменской керамикой (сборы 29—30 апреля 1923 г.). В отчете Роменского музея найденная на городище керамика описана как «грубые, до 3-х см толщиной, черепки красного цвета снаружи и черного внутри» [23], а на планшете, представляющем сборы 1928 г., нашита также керамика VIII—X вв. (РКМ, археология, планшет № 53).

В 1982 г. автором были обследованы дюнные памятники близ с. Бодаквы. На Панском городище в культурном слое встречена керамика эпохи поздней бронзы, роменская, незначительное количество фрагментов гончарной посуды XIV—XV вв., керамика и кафель XVII—XVIII вв. Судя по эскарпу, заменяющему в оборонительных сооружениях ров, укрепления относятся к роменскому времени.

Датировать Панское городище древнерусским домонгольским временем нет никаких оснований.

С. Сенча (урочище Замок). Городище летописного города Синец (Синечь), упомянутого в «Списке русских городов дальних и ближних» [31, с. 223; 32], располагалось в центре села, на мысу третьей надпойменной террасы правого берега Сулы (урочище Замок). Первые сведе-

[4] «Шурф 1×1,5 м не дав будь-яких певних вказівок для визначення віку культури городища» [24].

ния о памятнике встречаются у А. Шафонского [10, с. 583]; В. Г. Ляскоронскому мы обязаны единственным подробным глазомерным планом [33, с. 438]. В 1945 г. здесь побывал Ф. Б. Копылов [13], а в 1971 г. М. П. Кучера и О. В. Сухобоков констатировали, что памятник уничтожен при строительстве дороги [14]. В 1981 г. обследованием автора подтверждено предположение, возникшее в связи с изучением плана В. Г. Ляскоронского: городище погибло еще в XVII—XVIII вв. в результате переработки напластований и оборонительных сооружений на селитру. Культурный слой мощностью от 1,5 до 4,5 м полностью перемешан, содержит измельченные фрагменты гончарной керамики: встречены обломки черняховской посуды, древнерусская датируется начиная с рубежа X—XI вв. до середины XIII в. (рис. 5, *4*, *5*, *7—10*).

На селище, раскинувшемся вдоль края плато, древнерусская керамика встречается по огородам села к северу от городища на протяжении 1 км, а к югу — почти без перерывов на расстоянии до 2 км.

С. Сенча (урочище Никольская Горка). Городище обнаружено П. А. Гребенником в 1971 г. (в процессе проведения разведочных работ М. П. Кучеры и О. В. Сухобокова) [14], в 1981 г. обследовано автором.

Памятник расположен в 1,4 км к югу от Замка, на мысу третьей надпойменной террасы правого берега Сулы. Площадка округлой в плане формы опирается на крутые склоны к реке и оврагу, ее высота — 42 м над уровнем поймы. Размеры площадки 440 (север — юг) × 400 м, напольная половина периметра защищена дугообразным валом высотой 1,5 м и рвом такой же глубины. На площадке размещаются кладбище, футбольное поле, два скифских кургана, остальная площадь застроена. На пахоте встречаются отдельные фрагменты древнерусской керамики, но культурный слой не выявлен, хотя за пределами городища он прослеживается хорошо. Вероятно, городище являлось убежищем для населения окрестностей летописного пункта.

С. Сенча (урочище Сампсониев Остров). Городище расположено в 1,5 км к югу от окраины села, на правобережном всхолмлении первой надпойменной террасы. Обследовалось В. Г Ляскоронским, Ф. Б. Копыловым, И. И. Ляпушкиным, М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым, а также автором. В 1972 г. здесь производил раскопки Е. А. Горюнов [32].

Городище устроено вблизи старого брода, вплотную примыкает к берегу затоки Сулы. Площадка размерами 45 × 40 (0,2 га) имеет округлую в плане форму, поверхность ее ровная, задернована. Она защищена кольцевидным в плане валом высотой до 2 м и рвом глубиной 1 м; въезд с востока. Раскопками установлено, что укрепление существовало с рубежа XI—XII вв. до начала XIII в. Площадь синхронного селища 4—5 га (рис. 3, *3*).

Рассмотрим физико-географические условия района.

Пойма Сулы сильно заболочена почти на всем протяжении, особо значительные болота раскинулись выше Лохвицы, где они достигают ширины 5—6 верст [34, с. 19; 35, с. 39, 93]. Между впадением в Сулу Сухой Лохвицы и городищем Гаевщина пойма рассечена старицами, но твердая; далее вниз по течению она вновь сильно заболочена вплоть до с. Сенчи (летописный Синец) [34, с. 19]. Имеются твердые участки поймы между селами Сенча и Снитин (летописный Кснятин), а ниже снова начинаются сплошные болота [36, с. 23—24 и 26—27] (рис. 1).

Сухая Лохвица в нижнем течении также заболочена и в теплую пору года хорошо защищала летописную Лохвицу с запада. С востока крепость была прикрыта болотами Сулицы, которая «только 50 саженями своего верховья не доходит до р. Лохвицы» [35, с. 110]. Длина Сулицы — 35 верст, ширина болотисто-торфяниковой поймы — 3 версты [35, с. 36; 37, с. 406]. В геологическом прошлом Сула протекала поймой Сулицы [35, с. 111], а сейчас Сулица течет почти параллельно Суле и впадает в нее справа, ниже городища летописного Кснятина.

Многое может показать и ландшафтная характеристика района, не совпадающая с современной в силу активной вырубки лесов, в массовых масштабах начавшейся на лесостепном Левобережье в XVII в. [38,

с. 97]. В свое время реконструкция распространения древних лесов по почвенным данным позволила выявить особенности оборонительной системы Верхней Сулы [39, с. 79; 40, с. 247]. Сведенные леса сохраняют оподзоленность черноземов сотни лет [41, с. 105; 42, с. 165], и картография верхнесульского участка границы показала, что на древних степных промежутках крепости располагались на расстоянии 5—7 км друг от друга, в то время как на оподзоленных черноземах (где в древности стояли широколиственные леса) граница укреплялась не в пример менее интенсивно. Это может быть объяснено только наличием здесь лесов в XI—XIII вв. и их защитными свойствами на границе с кочевым миром. Таким образом, распространение оподзоленных черноземов в общих чертах показывает пределы древних лесных участков на территории лесостепи [43, с. 1401, рис. 1 (южные границы Киевской Руси)], а их сочетание с древнерусскими пограничными крепостями дает некоторые основания для датировки этих лесов.

Перенесение почвенных данных на карту средней Сулы [36, с. 23—24 (карта почв) и с. 26—27 (карта растительности)] показывает, что междуречье Сулы и Удая представляло собой четко очерченный ареал, ограниченный заболоченными поймами рек и лесными массивами (рис. 1). К северу от Лохвицы оподзоленные черноземы тянутся полосой шириной от 8 до 20 км вдоль высокого правого берега Сулы до летописного Ромена и далее к верховьям реки. Расстояние от Ромена до Лохвицы по правому берегу составляет более 70 км, и в этом промежутке известны только летописный Глинск (30 км от Ромена и около 30 км от Свиридовки) и Свиридовское городище (12 км от Лохвицы). Глинск и Свиридовка расположены у твердых бродов, ведущих через заболоченную пойму. Вероятно, на протяжении 70 км течения реки таких бродов может быть более двух, и в этом случае без учета древних лесов на месте нынешних оподзоленных черноземов столь большую протяженность пути от Глинска до Ромена и Свиридовки (равную дневному конному переходу) трудно объяснить.

Близ Лохвицы разрыв в лентах пойменных болот защищен тремя укреплениями: Гаевщиной, Высокими Лазирками и летописной Лохвицей. От Гаевщины до Сенчи пойма снова заболочена, и поэтому древнерусские укрепления здесь не известны. От Сенчи (летописный Синец) до Кснятина по правому берегу расстояние около 20 км, основное русло сопровождается многочисленными рукавами и протоками, но сплошной заболоченности поймы нет, и поэтому участок укреплен четырьмя оборонительными сооружениями. Летописный город Синец защищал переправу через Сулу, городище Сампсониев Остров размещено на твердом броде через рукав, и далее от него тянется старая дорога через основное русло реки. Кснятин располагался также в 30 м от песчаного брода, который в источниках конца XVI в. именовался «Нятин перевоз» [44, с. 434, № 228].

Таким образом, древнерусские укрепления закрывали все наименее защищенные природой места форсирования Сулы.

Первостепенный учет географического фактора привел к значительному скоплению крепостей близ летописной Лохвицы. В случае прорыва половцами границы на отрезке Синец — Кснятин на их пути новой преграды ложилась заболоченная пойма Сулицы. Миновать ее можно было только узким перешейком между заболоченным истоком Сулицы и Сухой Лохвицей. Именно на этом перешейке и был построен летописный город Лохвица, ибо за ним открывалась дорога в незащищенные районы Переяславской земли и далее на Киев. Эта дорога сохранилась и в более позднее время: она нанесена на карту Боплана (первая половина XVII в.); дорога шла с востока, пересекала Сулу между городищами Гаевщина и Высокие Лазирки, следовала через Лохвицу, затем мимо городища у с. Безсалы на летописные Варин и Прилук [45].

Среди рассматриваемых памятников лучше исследовано городище у с. Свиридовка [4]. Большая площадь открытого поселения, наличие укрепленного посада, интенсивность жизни на нем, отраженная в мощ-

ности и насыщенности культурного слоя, значительная продолжительность существования поселения (с рубежа X—XI вв. до середины XIII в. и, видимо, еще дольше), находки, характеризующие элементы городской культуры (писала), и своеобразие керамического производства — все это ставит Свиридовку в ряд наиболее интересных и своеобразных крепостей Посульской границы.

Наши знания о памятниках во многом зависят от объективных факторов исторического процесса, подчас не позволяющих увеличить скромный объем информации, как это произошло с памятником летописной Лохвицы, уничтоженной интенсивностью жизни и строительства в новое время, или с городищем летописного Синца, погубленного в XVII—XVIII вв. селитроваренным производством.

Крупным центром второй половины XI — середины XIII в. был и летописный Кснятин. Об этом свидетельствуют большая площадь крепости и укрепленного посада, наличие двух курганных могильников, один из которых и сейчас насчитывает более 500 насыпей, важное стратегическое положение летописного города. Народная память до середины XVI в. сохранила название доминирующей над городищем высоты — «Княжья Гора» [46, с. 102].

На фоне пограничной фортификации резко выделяются два округлых в плане укрепления — Бербеницы и Высокие Лазирки. Обе крепости созданы в первой половине XII в., имеют внутреннюю полезную площадь 0,35 га и снабжены двойной линией оборонительных валов на более пологих склонах, что нехарактерно для древнерусских оборонительных сооружений. Подобной конструкцией отличались только некоторые укрепления на степных границах и особенно крепости печенежско-торческого союза племен в черноклобуцком Поросье [47, с. 56, 60]. Вероятно, оба городища являлись крепостями феодализирующейся верхушки двух родов «переяславских торков», несущих пограничную службу в качестве легкой конницы на одном из узловых участков Посулья. Подтверждением этому может служить половецкий котел, найденный в одном из жилищ на городище Высокие Лазирки. Характерно, что время создания этих крепостей синхронно общерусскому процессу формирования вассальных торкских контингентов вдоль степных границ [48, с. 109] и появлению черноклобуцкого союза [49, с. 25]. К такой аналогии склоняет также географическое соответствие стратегической обстановки Перепетова поля и на рассматриваемом участке Посулья: городище Бербеницы и Высокие Лазирки устроены не на самой границе, а на степных массивах, которых не могли миновать половцы, прорвавшиеся через Сулу и направлявшиеся на Киев или Переяславль. Городище Бербеницы расположено близ дороги из Лохвицы на Прилук и далее во внутренние области Переяславской земли; Высокие Лазирки защищают подъем от брода через Сулу к Лохвице — единственному проходу между болот в направлении Киева.

В связи с этим при реконструкции древних ландшафтов по почвенным картам необходимо отметить следующее: между Лохвицей и Высокими Лазирками с одной стороны, вдоль течения Сулицы, и в направлении Синца и Кснятина — с другой располагается обширный массив слабозасоленных почв, поросших солонцовой и лугово-солончаковой растительностью [36, с. 23—24 (карта почв), 26—27 (карта растительности)]. В древнерусское время, при господстве экстенсивного земледелия, распашка этого маловодного и слабозасоленного массива была нерентабельна, но черноземная лугово-солончаковая и солонцовая растительность нисколько не могла помешать коневодчеству и овцеводству — основе скотоводческого хозяйства степных конфедератов, несших в этих местах пограничную службу. Это подтверждают и более поздние материалы: в середине XVII в. один из участков по течению Сулицы назывался «земля Чобановская» [46, с. 102], а по статистике первой половины XIX в. из четырех конных заводов Лохвицкого уезда два располагались именно на территории слабозасоленного почвенного массива.

Любопытно привести следующую аналогию: отмечая основные цент-

ры сопредельного с Посульем Черниговского Задесенья с семью пустыми городами («а в нѣхъ сѣдять псареве же и половци»), Святослав Ольгович в 1158 г. назвал и Всеволож, расположенный в центре аналогичного нашему массива слабозасоленных почв. Этот массив раскинулся между летописными Уненежем, Белавежей и Бохмачем. Именно сюда А. К. Зайцев поместил «черниговских ковуев», игравших в Задесенье роль военного заслона [50, с. 78, 79].

Кроме Бербеницы и Высоких Лазирок на Суле имеются еще три городища с оборонительными валами на склонах. Это городище летописного Попаша [51], укрепления у сел Медвежье [39] и Свиридовка [4]. Однако эти памятники нельзя связать с кочевыми конфедератами, поскольку они расположены в зонах древних лесов и, главное, на этих памятниках имеются напластования скифской эпохи и роменского времени, а этим культурам в отличие от древнерусской было свойственно сооружать валы на пологих склонах.

Таким образом, скопление древнерусских укреплений на небольшом участке древнерусской границы по Средней Суле объясняется стратегической необходимостью при наличии здесь двух значительных участков незаболоченной поймы, которая легко может быть форсирована легкой половецкой конницей. Через этот участок проходила древняя военная и торговая дорога из степей.

Первые поселения на легкопроходимых бродах появились в конце X — начале XI в. (Синец, Свиридовка), но наиболее активное оборонительное строительство началось здесь в конце XI в., поскольку по мере укрепления основного, наиболее старого половецкого пути на Русь, проходящего через нижнюю Сулу, с 1086 г. половцы центр тяжести перенесли на среднее течение реки. Через этот участок степняки шли на Прилук (1086 г.), Варин (1087 г.), Переволоку (1092 г.) и далее на Переяславль и Киев. В это время был построен Кснятин, видимо, уже стоял Синец, а на рубеже XI—XII вв. была построена крепость Сампсониев Остров. Массовое оборонительное строительство в этот период может быть связано с реакцией на активную наступательную политику половцев в первый период их взаимоотношений с Русью.

Следующий этап укрепления границы по археологическому материалу относится к первой половине XII в. Но поскольку после 1125 г. источники не фиксируют самостоятельных половецких походов на Русь и вторая четверть XII в.— время их активного участия в русских междоусобных войнах, когда усиления требуют скорее внутренние районы и границы между землями, следует ожидать, что пограничные укрепления, сейчас широко датируемые всей первой половиной XII в., в массе скорее были созданы в первой четверти XII в., когда необходимость в них была значительно большей.

На этом этапе на старом роменском городище было возобновлено укрепление Гаевщина и построены Бербеницы и Высокие Лазирки — две крепости для степных конфедератов («переяславских торков») — оседающих на землю кочевников, поселенных во внутренних районах Переяславльской земли, на основных дорогах к Переяславлю и Киеву, для несения воинской приграничной службы в качестве легкой конницы. Для ведения скотоводческого хозяйства им был выделен скорее всего обширный массив в поречье Сулицы, характеризующийся слабозасоленными почвами.

Вероятно, в первой половине XII в. в данном районе сложилась достаточно надежная оборонительная система, поскольку позже отстраивались лишь укрепления Свиридовки. Правда, мы не знаем времени возникновения крепостей Безсалы, Никольская Горка и самой Лохвицы, но в целом оборонительный пограничный узел, сложившийся вокруг этого летописного города, представляется глубоко эшелонированным и хорошо продуманным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моргунов Ю. Ю.* О территориальном делении Посульской границы//Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке» (тез. докл.). Баку, 1985.
2. *Моруженко А. А.* Отчет лесостепной скифской экспедиции ДонГУ о разведках и раскопках в бассейне Ворсклы в 1969 г.//Архив ИА АН УССР. Фонд экспедиций. № 5642.
3. *Моруженко А. А.* Городища лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья VII—III вв. до н. э.//СА. 1985. № 1.
4. Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины. Каталог выставки/Сост. Гороховский Е. Л., Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Моргунов Ю. Ю. и др. Полтава, 1985.
5. *Василенко В.* Лохвица//Энциклопедический словарь. Т. XVII. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1896.
6. *Стрижак О. С.* Про походження назв населенних пунктів Полтавщини XIV—XVI ст.//Питання топоніміки та ономастики. Київ: Наук. думка, 1962.
7. Книга Большому чертежу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.
9. *Лазаревский А. М.* Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. Т. III. Киев, 1896.
10. *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851.
11. Листування в справі видачі відкритих листів на 1927 р.//Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК. № 110.
12. План городища в урочище Высокие Лазирки//Архив РКМ, КВ № 15279, инв. № Д-728.
13. *Копилов Ф. Б.* Відчіт про розвідку археологічних пам'ятників середнього Посулля в 1945 р.//Архив ИА АН УССР. Фонд экспедиций. № 507.
14. *Кучера М. П., Сухобоков О. В.* Звіт Лівобережного розвідзагону по обстеженню городищ у 1971 р.//Архив ИА АН УССР. Фонд экспедиций. № 5994.
15. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта)/Сост. Кучера М. П., Сухобоков О. В., Беляева С. А. и др. Киев: Наук. думка, 1984.
16. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
17. *Швецов М. Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников//СА. 1980. № 2.
18. *Макаренко Н. Е.* Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917.
19. *Падалка Л. В.* О древних городках, городищах и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губ//Тр. ПУАК. Вып. 1. Полтава, 1905.
20. *Падалка Л. В.* Прошлое Полтавской губернии и ее заселение. Полтава, 1914.
21. *Макаренко М. О.* Звіт про роблені археологічні розкопки протягом 1924 р. на території Роменської округи на Полтавщині//Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК. № 538.
22. *Ренський М. Д.* Розшуки та розкопи на Лохвиччині//Бюл. Кабінету антропології та етнології ім. Хв. Вовка. Ч. І. Київ, 1925.
23. *Семенчик М. М.* Обслідування горішнього Посулля в р. 1928//Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК. № 202/44.
24. *Копилов Ф. Б.* Посульська експедиція 1945—1946 рр.//АП. 1949. Т. І.
25. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. 1961. № 104.
26. *Ренський М. Д.* Лохвицький музей. Звіт за р. 1928//Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК. № 202/11.
27. *Ренський М. Д.* Звіти за археологічні досліди на Лохвиччині рр. 1927 и 1928//Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК. № 550.
28. *Сухобоков О. В.* Славяне днепровского Левобережья. Киев: Наук. думка, 1975.
29. *Сидоренко Г. О., Махно Е. В., Телегін Д. Я.* Довідник з археології України. Полтавська область. Київ: Наук. думка, 1982.
30. Археологічні пам'ятки УРСР. Короткий список. Київ: Наук. думка, 1966.
31. *Тихомиров М. Н.* Список русских городов дальних и ближних//Исторические записки. 1952. Т. 40.
32. *Пескова А. А.* Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле//КСИА. 1978. Вып. 155.
33. *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы//Тр. XI АС. Т. I. М., 1901.
34. *Глинка К. Д.* Лохвицкий уезд//Материалы к оценке земель Полтавской губ. Естественно-научная часть. Вып. XII. СПб., 1892.
35. *Оппоков Е. В.* Речные долины Полтавской губернии. Ч. II. СПб., 1905.
36. Атлас Украинской ССР и Молдавской ССР М.: ГУГК, 1962.
37. *Гуров А. В.* Геологическое описание Полтавской губ. Харьков, 1888.
38. *Турчанович Л. Ф.* Леса европейской части СССР в прошлом//Землеведение. 1950. Т. III (XIII).
39. *Моргунов Ю. Ю.* Древнерусские городища течения р. Ромен//КСИА. 1983. Вып. 175.
40. *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Попаш//СА. 1985. № 1.
41. *Вернандер Н. Б.* Географія грунтів з основами грунтознавства. Киев: Изд-во АН УССР, 1965.
42. *Жекулин В. С.* Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972.
43. *Семенова Тян-Шанская А. М.* Изменение растительного покрова лесостепи русской равнины в XVI—XVIII вв. под влиянием деятельности человека//Ботан. журн. 1957. Т. XLII.

44. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I. СПб., 1841.
45. *Ляскоронский В. Г* Г. Л. де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Карты Левобережной Украины. Киев, 1901.
46. Описание Каневского замка (1552 г.)//Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. I. Киев, 1886.
47. *Плетнева С. А., Макарова Т. И.* Южное городище у с. Витачева//КСИА. 1985. Вып. 104.
48. *Пашуто В. Т* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.
49. *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков//САИ. 1973. Вып. Е1-19.
50. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество//Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
51. *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Попаш//СА. 1985. № 1.

Y. Y. Morgunov

THE OLD RUSSIAN FORTIFIED SETTLEMENTS AROUND THE TOWN OF LOKHVITSY MENTIONED IN CHRONICLES

Summary

The author turns to the materials obtained in the Old Russian fortified settlements along the middle reaches of the Sula River and the entire defence system of the 11th-13th centuries in the area bordering on the steppe nomad regions.

The analyses of soils used in reconstructing the earlier landscapes indicate that the ten fortresses stood along a short stretch of the steppe border. The Old Russian architects and builders took into account the defence potentialities of dense forests and the bogged flood-plain to control the main fords and the most frequently used military and trade routes leading in the Pereyaslavl mainland.

First settlements appeared at the turn of the 11th century where the villages of Sviridovka and Sencha now stand. When, in the late 11th century, the Cumans' routes had shifted to the middle reaches of the Sula River the Russians started to fortify the region: Sinets, probably, had already been built, Ksnyatin was added later, and at the turn of the 12th century, there appeared a fortress on the Sampsoniev Island.

In the first quarter of the 12th century Gaevshchina and two fortresses of the «Pereyaslavl Torks» were added: Berbenitsa and Vysokie Lazirki. Sviridovka, which appeared in the mid-12th century, was the last link in the middle Sula borderline defences.

Т. Д. ПАНОВА

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Ювелирные изделия из цветных металлов составляют значительное число находок при археологических исследованиях средневековых городов. Они широко представлены в древнерусских кладах.

Не является исключением и Московский Кремль, на территории которого еще в середине XIX в., при строительстве Большого Кремлевского дворца, были найдены серебряные вятические украшения: две шейные гривны, два семилопастных височных кольца, помещенных в бронзовую чашу[1] Отметим, что до сих пор ни одна находка ювелирных изделий с территории Кремля не имеет столь обширной библиографии, как этот клад. Опубликованный еще во второй половине XIX в., он постоянно упоминается в научных и популярных изданиях по истории Москвы и в наши дни [1—9].

В данной работе представлены ювелирные изделия, найденные при археологических наблюдениях и раскопках начиная с 1959 г. К настоящему времени в научный оборот введены далеко не все находки. Это в основном вятические вещи из погребальных комплексов и дорогостоящие кресты-тельники, оправленные в золото [10—15].

В последние годы появились исследования, в которых типология ювелирных изделий разработана достаточно полно на основании обширного археологического материала. Это облегчает нашу работу по определению даты некоторых вещей, так как при наблюдениях на территории Московского Кремля далеко не всегда удается детально изучить и датировать слои. Задача статьи — ввести в научный оборот хотя и небольшую, но достаточно разнообразную коллекцию ювелирных изделий, основой которой является массовая продукция древнерусских мастеров.

Предметы из драгоценных металлов составляют 1/5 от общего числа находок. В основном вещи изготовлены из меди или ее сплавов с другими металлами: оловом, цинком, серебром.

Согласно общепринятой классификации, среди изделий ювелирного ремесла, входящих в коллекцию (71 предмет), выделяются собственно украшения, детали костюма, предметы христианского культа и т. д.

Интересна группа находок, свидетельствующая о местном изготовлении вещей из цветных металлов. Это белокаменные литейные формы, ювелирный пинцет, мелкие слитки и капли металлов, проволока, пластины, обломки тиглей (всего 29 находок).

Головные украшения в археологической коллекции музеев Кремля представлены височными кольцами и серьгами. Почти половину из 18 находок височных колец составляют лопастные, являющиеся бесспорным этническим признаком племени вятичей. Типология этих изделий хорошо разработана по курганному материалу.

Среди находок височных колец 6 семилопастных и 1 трехлопастное. Почти все украшения зафиксированы на мысовой части Боровицкого холма (в районе здания Оружейной палаты и Большого Кремлевского дворца). В коллекции нет ни одной находки целого экземпляра этой категории вещей, что иногда затрудняет определение типов. В слое XII в. зафиксированы фрагменты простого семилопастного кольца с орнамен-

[1] ГИМ. Археологический отдел.

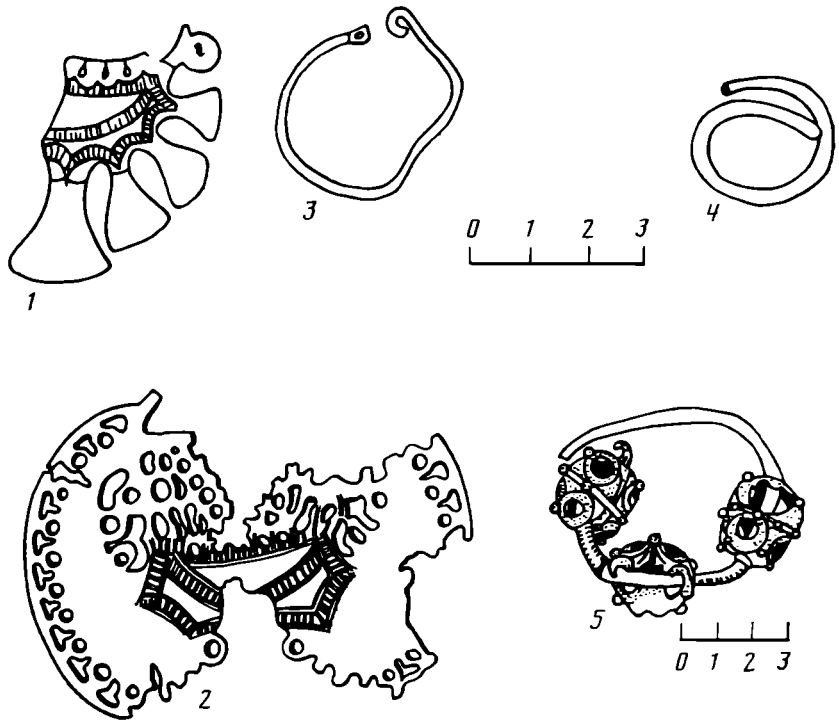


Рис. 1. Височные кольца

том в виде заходящих на лопасти одинарных треугольников, с боковыми утолщениями у основания дужки и лопастями округлой формы. Кольцо бронзовое, его размеры ок. 5,5×6,0 см. Найденное при строительстве Кремлевского Дворца съездов, бронзовое семилопастное украшение относится к типу сростнозубцовых (сохранилось фрагментарно). Оно имеет секирообразные лопасти, утолщения у основания дужки и орнамент в виде заштрихованной полосы на щитке (рис. 1, *1*). Кольца этого типа А. В. Арциховский относит ко II стадии курганных древностей [16, с. 133], однако в Кремле находка сделана в слое XII в. В двух случаях мелкие фрагменты колец не поддаются типологизации, хотя принадлежность их к семилопастным не вызывает сомнения. Одна из вещей обнаружена при сооружении Кремлевского Дворца съездов. Это четыре фрагмента бронзового украшения с орнаментом (слой XII в.). Вторая находка сделана в хорошо датированных напластованиях рубежа XII—XIII вв. возле Оружейной палаты.

Единственным экземпляром представлены в коллекции трехлопастные кружевные височные кольца. Это фрагментарно сохранившееся бронзовое украшение с четырьмя рядами прорези в верхней части щитка и двойным рядом отверстий по его краю. На щитке орнамент в виде заштрихованной полосы (рис. 1, *2*). Кольца этого типа хорошо известны по материалу Белевского клада, датировке которого посвящено несколько публикаций. Кремлевская находка происходит из слоя второй половины XII в., что подтверждает предложенную Н. Г. Недошивиной датировку клада и височных украшений из этого комплекса [17, с. 121]. Необходимо сказать, что ни одно из лопастных височных колец не найдено в захоронениях городского некрополя, где отмечен типично вятический инвентарь. Все лопастные височные украшения происходят из жилого слоя. Два семилопастных височных кольца входят в состав клада, обнаруженного в Кремле в середине XIX в., описание которого будет дано ниже.

В древностях всех славянских племен встречаются перстнеобразные проволочные височные кольца. Два серебряных перстнеобразных кольца с заходящими концами (диаметр 3 см) найдены в одном из захоронений древнего городского кладбища в северной части Соборной площади и датируются концом XII—XIII в. (рис. 1, *4*). Фрагменты еще

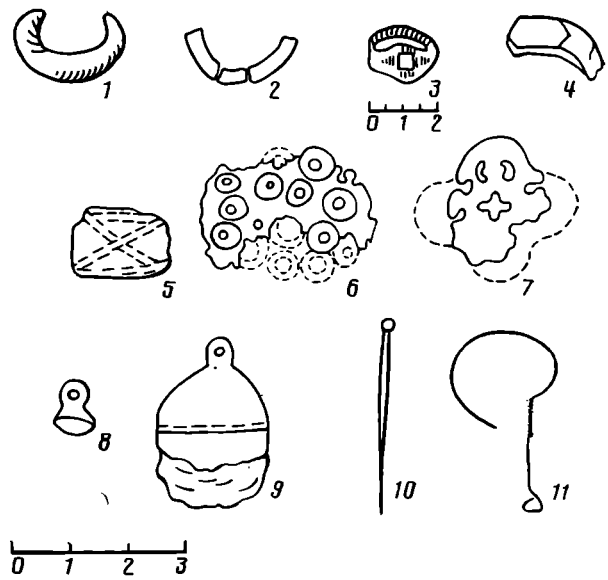


Рис. 2. Перстни (*1—7*), предметы быта (*8—11*)

двух украшений этого типа — серебряного (диаметр 2,5 см) и бронзового (диаметр 2 см) — встречены в слое XII в.

К случайным находкам относится перстнеобразное проволочное загнутоконечное кольцо из бронзы. В Новгороде эти изделия бытовали длительное время (XI—XV вв.), в материале курганных раскопок они чаще всего отмечены в XIII в. [16, с. 134].

У здания Оружейной палаты в слое второй половины XII в. обнаружено 2 тонких латунных кольца этого же типа. Их диаметр около 3 см. Одно из них сохранилось полностью, имеет расплющенный конец с отверстием и загнутый внутрь второй конец (рис. 1, *3*). У другого отсутствует конец с петлей.

Четыре серебряных трехбусинных височных кольца найдены при археологических исследованиях территории Успенского собора и, возможно, происходят из нарушенного перекопами погребения. Только одно украшение сохранилось полностью, остальные — во фрагментах. Кольца имеют круглые ажурные бусины, украшенные зернью и сканью (рис. 1, *5*). На каждой из них по восемь круглых отверстий, окруженных одной витой и одной круглой в сечении проволочкой. Ромбы, образовавшиеся между отверстиями, поделены на четыре треугольника перекрещивающимися двойными витыми проволочками. Углы и центры ромбов украшены крупными шариками зерни, закрепленными в маленьких колечках. Ромбы, сквозь которые пропущен толстый стержень кольца, украшены мельчайшей зернью. Стержень между бусинами обвит тонкой крученой проволочкой. Для закрепления украшения на одном из концов стержня проделано плоское ушко, в которое вставляется противоположный, иногда заостренный конец. Диаметр колец ок. 3,5 см. Техника исполнения изделий очень тонкая. В аналогичной манере изготовлены золотые и серебряные украшения из кладов древнего Киева [18, № 76, 86, 94, 115] и Рязани [19, с. 208]. Находка эта уже была опубликована [20, с. 159, 160]. Дата вещей четко определяется по киевским кладам конца XII — начала XIII в., где они встречены в изобилии [18, № 111, 113, 116, 127]. Дорогостоящие изделия входили в состав женского убора знатных горожанок. Находки украшений этого типа на территории Московского Кремля лишний раз подтверждают наличие широких торговых связей ранней Москвы с южно-русскими княжествами, прослеживающихся и по другим археологическим находкам.

При археологических наблюдениях были найдены 2 серьги-одинцы в виде вопросительного знака, хорошо известные на некоторых древнерусских памятниках в отложениях XIV—XV вв. Одна из них латунная, вторая бронзовая. Проволочный стержень первой украшен стеклянной напускной бусиной зеленого цвета и обвит проволокой (для закрепле-

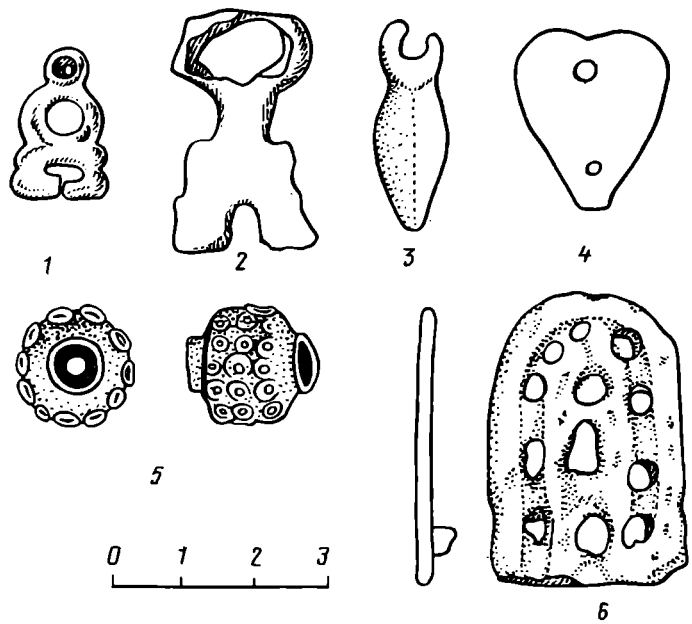


Рис. 3. Детали поясного набора (*6*), украшения (*3*—*5*), книжные застежки (*1, 2*)

ния бусины). На втором украшении сохранилась лишь обмотка по стержню, бусина утрачена. Находки обнаружены на Ивановской площади и датируются концом XIV—XV в. (рис. 2, *11*). Размеры серег ок. 4 см. Аналогичные украшения многочисленны в материале древнего Новгорода [21, с. 16, рис. 3, *2*, *9*].

В слое XII—XIII вв. найдена привеска рыбовидной формы, которая, возможно, входила в состав шумящего украшения (рис. 3, *3*). Подобная отмечена в материале Ярополча-Залесского. М. В. Седова указывает, что этот тип вещей характерен для угро-финских памятников Владимирского Поклязменья X—XI вв. [22, с. 82].

Следующую категорию находок составляют предметы христианского культа — кресты двух типов. Это кресты-тельники (их носили под одеждой) и энколпионы (вместилища мощей).

Некоторые из них, например 2 креста из лазурита и розового мрамора в оправе из листового золота, были опубликованы в работе Н. С. Шеляпиной [13, с. 121, 122]. В ней достаточно подробно рассмотрены обстоятельства находки, ее датировка и дан анализ надписи на одном из изделий. Это меньший по размерам крестик (4,5×3,0 см) из розового мрамора с неподвижно закрепленным оглавием для шнура. На оковках в технике черни с гравировкой выполнены греческие надписи. Второй крест, размером 6,5×4,5 см, имеет подвижно закрепленную петлю. Он сделан из лазурита темного синего цвета с вкраплениями золотистого пирита (рис. 4). Это бадахшанский лазурит, который добывали только на северо-востоке Афганистана, в горах восточного Гиндукуша (месторождение Сары-Санг в верховьях реки Кокчи). Горно-бадахшанский лазурит особенно ценился на арабском Востоке и в Китае. Через Иран и Бухару он попадал в Европу и Малую Азию. Мраморный и лазуритовый крестики были изготовлены, видимо, в Византии. В древнерусских городах известны находки каменных крестиков с греческими надписями того же производства. Парная находка изделий, представляющих большую ценность, позволяет предположить, что это клад. Датируется он XIII в. Подобные кресты-тельники, оправленные золотом или серебром, широко известны по кладам Старой Рязани [18, с. 142, рис. 114(*11*), с. 148, рис. 117, с. 151, рис. 118, *8*] и Киева [18, с. 124, табл. XV, *35*] домонгольского периода. До настоящего времени парная находка крестов в золоте является единственной среди ювелирных изделий с использованием этого драгоценного металла, найденных на территории Кремля.

В курганном материале на обширной территории встречены крестытельники с концами в виде пирамидки из трех шариков. Фрагмент бронзового литого креста этого типа был найден при исследовании центральной части Кремля в слое XIII в. (рис. 5, *2*). В Новгороде кресты этой формы встречены с начала XII до середины XIII в. (21, с. 52, рис. 17, *4*].

Фрагмент медного наперсного креста с длинным нижним концом происходит из слоя XV в. (рис. 5, *3*).

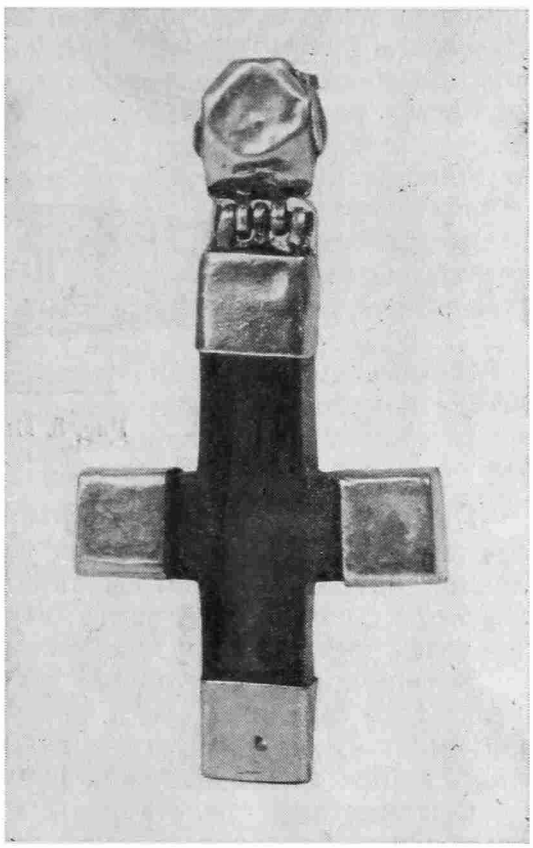


Рис. 4. Крест-тельник

В районе Успенского собора были обнаружены фрагменты 2 бронзовых энколпионов. В слое конца XII в. (при расчистке вымостки из челюстей и зубов домашних животных) найдена нижняя часть лицевой стороны креста с хорошо сохранившейся петлей для скрепления со второй его половиной. На фрагменте видна часть фигуры распятого Спасителя. Крест был украшен синей выемчатой эмалью. Анализ ее состава помог уточнить дату изделия. Эмаль представляет собой калиево-свинцово-кремнеземное стекло, окрашенное в синий цвет окисью марганца и окисью меди. Такая комбинация красителей была известна киевским стеклоделам с XII в. вплоть до 1240 г. [23, прилож.]. В слое второй половины XIII в. найдена также лицевая половина мощевика размером 7,5×4,8 см. Сохранность ее очень плохая, однако в центре просматривается рельефное изображение Богоматери-Одигитрии. На концах креста в овальных медальонах расположены погрудные изображения святых, не поддающиеся определению. Изделие находит аналогии в собрании русских археологических древностей [24, табл. XXII, *262—263*; табл. XXVI, *197*].

Браслеты в археологической коллекции музеев представлены только 5 экземплярами. Медный круглопроволочный браслет, относящийся к типу разомкнутых, зафиксирован близ Крестовой палаты в слое второй половины XII — начала XIII в. [23, с. 18, 36]. Фрагментами представлены витые украшения. Два из них относятся к типу четверных. Они сделаны из круглой в сечении проволоки, сложенной вчетверо и перевитой. На одном конце изделия получаются две петли, на другом — петля и два конца внутри. Один из браслетов, бронзовый, диаметром 4,2 см, найден при строительстве Кремлевского Дворца съездов в слое XIII в. Второй, медный, обнаружен возле Успенского собора и, возможно, происходит из нарушенного погребения. Украшения этого типа датируются XIII—XIV вв. [16, с. 138], что находит подтверждение и в новгородских материалах.

К типу витых 2×3 см относится бронзовый браслет диаметром 6,8 см. Он сделан из двойной проволоки, сложенной втрое и перевитой. Края изделия имеют форму петель из витой проволоки. У одного края внутри два свободных конца, у другого внутри витой петли простая петля. Украшение зафиксировано в нарушенном перекопами слое, что затрудняет его датировку. Аналогичные вещи встречены в материале курганных и городских раскопок XIV в.

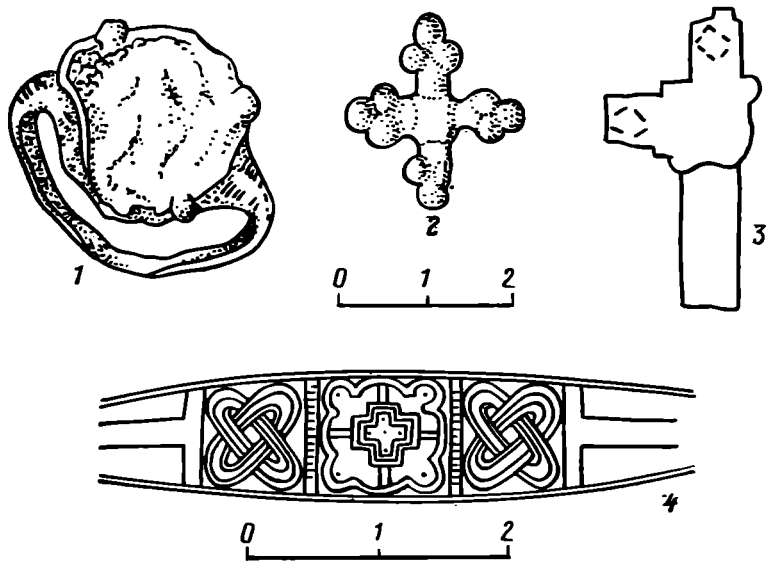


Рис. 5. Перстни, крестики

Перстни, как правило, широко представлены в археологических коллекциях многих древнерусских городов. Это одна из самых многочисленных категорий среди ювелирных изделий. Некоторые из украшений, а всего их найдено 12, ранее были опубликованы [13, с. 147]. Формы перстней достаточно разнообразны.

К типу щитковосрединных относится латунный перстень, обнаруженный в слое середины XIII в. при раскопках во дворе Оружейной палаты. Он имеет узкопластинчатую дужку и резко расширяющуюся среднюю часть в виде щитка овальной формы.

Фрагментами представлены в собрании 3 круглопроволочных простых перстня из бронзы, датируемые XIII—XIV вв. (рис. 2, *1*, *2*).

К типу печатных принадлежит найденный в районе Оружейной палаты серебряный массивный перстень. На изделии очень четко видны литейные швы на его дужке и на внутренней стороне щитка. На дужке, в местах ее примыкания к щитку, видны три пары двойных насечек. Щиток украшен четырьмя крупными шариками по краю, образующими квадрат, в который, видимо, и был заключен орнамент. Перстень сильно поврежден, поверхность печатки деформирована (рис. 5, *1*). Украшение датируется по слою второй половиной XII — началом XIII в. Аналогичные изделия есть в Новгороде, где они встречены в напластованиях XIV в. [21, рис. 49, *26*, *27*].

К этому же типу отнесены 2 бронзовых перстня, обнаруженных при строительстве Кремлевского Дворца съездов. Один из них, со щитком шестиугольной формы и массивной дужкой, сохранился фрагментарно, второй — целиком. У него узкая дужка и щиток овальной формы с выступающей квадратной печаткой. Оба украшения найдены в слое XIII—XIV вв. (рис. 2, *3*, *4*).

В одном из захоронений древнего некрополя, исследованном под полом Успенского собора, был обнаружен медный решетчатый многовосьмерочный перстень с квадратным крупным щитком размером 3×3 см. Этот тип украшений встречен только у вятичей и характерен для них так же, как и семилопастные височные кольца (рис. 2, *6*).

В этом же погребении был найден медный пластинчатый широкосрединный перстень с обломанными концами. Погребение датируется второй половиной XII — началом XIII в. С территории упомянутого выше кладбища в районе Успенского собора происходит серебряный толстопластинчатый широкосрединный незамкнутый перстень, украшенный резным геометрическим орнаментом с чернью. Изделие выполнено в технике литья, широкая его часть разделена на три клейма, в которых расположен орнамент. В крайних помещена плетенка (книжное «0»), в центральном — несколько раз повторенный мотив равноконечного

креста (рис. 5, *4*). Перстень долго носили, на что указывает сильная потертость его поверхности. Стратиграфически захоронение, в котором найден перстень, датируется серединой — второй половиной XII в. Т. В. Равдина относит время существования подобных украшений также ко второй половине XII в. [25, с. 138]. Отметим, что кремлевская находка не была учтена Т. В. Равдиной при рассмотрении этого типа перстней, происходящих в основном из сельских курганов Московской области. Между тем это единственная находка такого изделия, обнаруженная на территории городского некрополя и изготовленная, в отличие от курганных вещей, из драгоценного металла.

Обломком представлен в коллекции тонкопластинчатый широкосерединный бронзовый кованый перстень (рис. 2, *5*). Его пластина украшена по краю пунктирной линией, нанесенной двойным колесиком-штампом. На широкой части (1,1 см) перстня — косой крест. Тип украшения встречен только у вятичей, хорошо известен по курганному материалу Московской области [26, с. 262].

В нарушенном перекопами слое древнего некрополя на Соборной площади найден бронзовый решетчатый перстень, относящийся к типу крещатых. Средняя часть его имеет контуры креста, состоящего из четырех дуговидных лопастей. В центре — прорезь в виде креста, по две прорези сделаны на лопастях. По курганным древностям подобные перстни датируются XIV в. В данном случае возможна более ранняя дата, так как основная масса погребений под Успенским собором относится ко второй половине XII—XIII в. (рис. 2, *7*).

В слое рубежа XII—XIII вв. возле Звонницы был обнаружен медный язычок от пояса с тремя рядами прорези. На его тыльной стороне сохранился один из штырьков, с помощью которых язычок крепился к поясу. Размер изделия 2,6×4,0 см (рис. 3, *6*). Застежки одежды представлены в коллекции только бронзовым языком от фибулы, датированным XII в.

Известно, что деталями украшений костюма как мужчин, так и женщин были нашивные бляшки. В Кремле зафиксирована одна из них, сердцевидной формы. На ней пробиты два отверстия для пришивания к ткани. Размеры изделия 2,3 см, его дата XIII—XIV вв. (рис. 3, *4*).

В археологическом материале древнего центра Москвы представлены довольно редкие металлические бусы. Одна из бусин — медная, бочковидной формы, украшенная сканью. Подобные есть в рязанских кладах, найдены в Серенске [15, с. 235, р. 89(25)] и Новгороде [21, с. 155, р. 61(1)]. Датируются они XII—XIII вв., что позволяет и данное изделие отнести к этому же периоду, несмотря на то, что оно обнаружено в нарушенном перекопами слое XII—XV вв. Размеры бусины 1,8×1,5 см, уплощенной формы колечки расположены на ее тулове в три ряда (рис. 3, *5*).

Вторая находка — биллоновая пятигранная бусина бипирамидальной формы — известна по курганным древностям I и II стадий [16, с. 139, 150]. Украшение зафиксировано в слое середины XII в., что не противоречит общей датировке этого типа вещей.

К деталям костюма относятся и литые медные пуговицы. Две из них обнаружены в одном из самых ранних захоронений под Успенским собором, у нижней кромки оплечья одежды погребенной. Это овальноухие сферические пуговки размером 0,4×0,5 и 0,6×0,8 см. Погребение датируется серединой — второй половиной XII в. Еще одна сферическая пуговка с круглым ушком найдена в слое первой половины XIII в. Ее размеры 1,0×0,7 см. Подобные литые изделия встречены в археологическом материале многих древнерусских городов, в том числе в Новгороде [21, с. 155] и Ярополче-Залесском [22, с. 84] (рис. 2, *8*).

В культурном слое зафиксированы только 2 бубенчика плохой сохранности. Один из них, шаровидной формы со следами рельефного пояска и, видимо, линейной прорезью, обнаружен в отложениях XIV в. Его размеры 1,9 см (рис. 2, *9*).

Из деталей костюма необходимо упомянуть литые булавки с шаровидной головкой («пус йеппи»). Две изготовлены из меди, одна — из бронзы (рис. 2, *10*). Указание о находке в Кремле литейной формочки для производства булавок с шаровидной головкой ошибочно [27, с. 263—264].

Некоторые ювелирные изделия из археологического собрания объединены в отдельную группу. Отметим находки 2 книжных застежек. Одна из них, бронзовая, обнаружена возле Успенского собора в нарушенном перекопами слое, в развале кладки стены храма XIV в. Размер застежки 2,0 см (рис. 3, *1*). Аналогичные известны в материалах Серенска [15, с. 272, рис. 89, *27*] и Старой Рязани [28, рис. 138, *24*, 139, *8*], где они датируются XII в. Вторая застежка, медная, найдена в слое XIV в. возле Звонницы. Ее размер 3,2 см (рис. 3, *2*). Здесь же в напластованиях рубежа XII—XIII вв. встречен небольшой фрагмент изделия с золотой наводкой (часть средокрестия?).

В Московском Кремле в отличие от других древнерусских центров до сих пор не зафиксированы полные ремесленные комплексы, которые включали бы в себя сырье, инструментарий и готовые изделия мастеров-ювелиров. Из предметов, относящихся к ювелирному ремеслу, на разных участках, исследованных в ходе наблюдений и раскопок, обнаружены несколько белокаменных литейных формочек, ювелирный пинцет, детали весов, мелкие обломки тиглей, капли и бесформенные слитки металлов, обрывки проволоки, обломки пластин (всего 29 находок). Пока не обнаружены мастерские ювелиров и достаточное число инструментов и приспособлений, трудно говорить о степени развитости ремесла, технике обработки цветных металлов. Единственный прием, который четко прослеживается по археологическому материалу в Кремле,— это литье в жестких формах. Об этом говорят находки белокаменных литейных форм и обломков тиглей. Все формочки обнаружены на достаточно ограниченном участке (северная часть Соборной площади — территория Дворца съездов). Три из них предназначены для отливки пуговиц, одна — для изготовления щиткового перстня и одна форма — полуфабрикат, заготовка. Отметим, что в Кремле до сих пор не найдены вещи, отлитые в этих формочках.

Одна из самых ранних литейных форм происходит с территории Крестовой палаты (слой XII—XIII вв.). Это часть сложной, составной, тщательно отделанной белокаменной формы для отливки щиткового перстня. Обнаружен брусок размером 7,0×4,0×3,5 см. На длинной стороне к щитку прорезан литник, слева от которого одно, а справа — два конических отверстия для скрепления частей формы между собой. Такие же три отверстия расположены на торцовой стороне каменного бруска, с двух сторон от дужки перстня (рис. 6, *5*). Применение разъемных форм с креплениями позволяло улучшить качество отливок.

Концом XII — началом XIII в. датируется белокаменная форма для отливки пуговицы с выступом в центре (без литника). Поверхность углубления поделена на 13 граней, сходящихся к коническому выступу в центре, и на две части по диаметру. Снаружи камень, в котором вырезана форма, совершенно не обработан (рис. 6, *4*). Его размеры примерно 5,0×6,0 см. Две формы, найденные при сооружении Дворца съездов, уже были опубликованы [10, с. 264, рис. 10, *7*, *8*]. Форма из раскопа I — двусторонняя, без литников (рис. 6, *1*). На ее стороне даны контуры круглой пуговицы с коническим выступом в центре, на другой стороне конический центральный выступ пуговицы поделен полосками на восемь частей. Эта форма — единственный предмет, связанный с инструментарием ювелира, найденный в срубе, что дает повод говорить о мастерской, возможно, в нем располагавшейся. Тем более что в одном пласте с литейной формочкой в срубе находились часть бронзового щиткового перстня, бронзовая булавка с круглой шаровидной головкой, заготовка грузила из белого камня, а в непосредственной близости к срубу — шлаки. Датируется эта литейная форма XIV—XV вв. [10, с. 263, 264]. Формочка из раскопа II также двусторонняя, с литниками. Одна

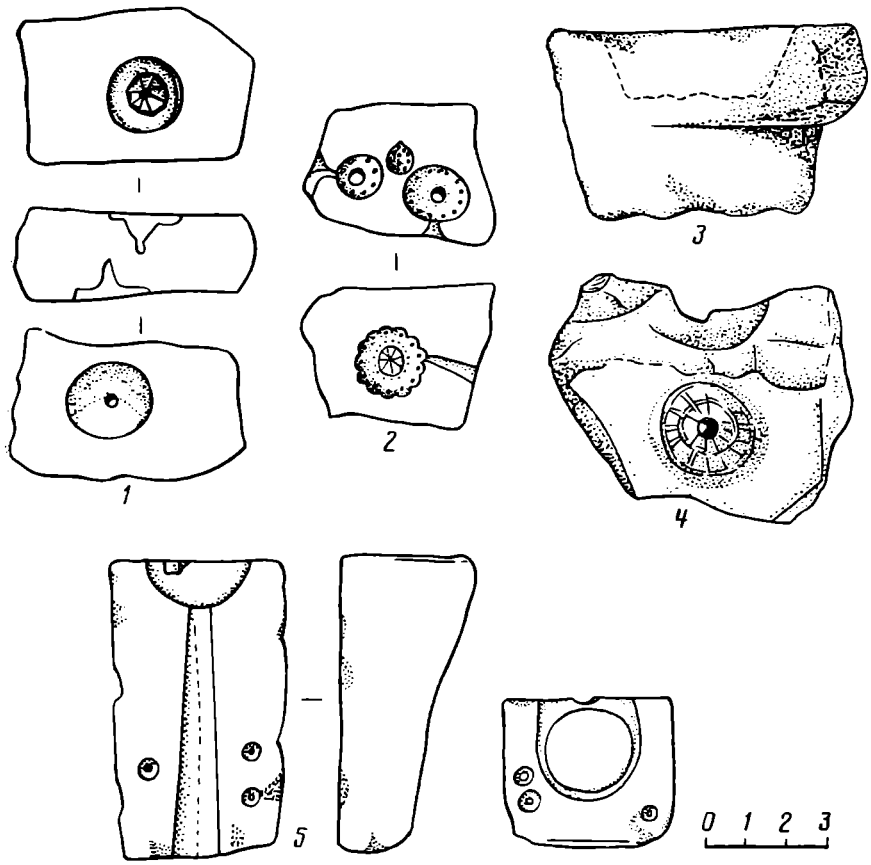


Рис. 6. Литейные формы

сторона приспособлена для отливки одновременно трех украшенных выпуклыми точками пуговиц с коническим выступом в центре. На другой стороне могло отливаться такое же изделие, центральная часть которого была еще и ребристой (рис. 6, *2*). Размеры формы 5,5×4,0×2,0 см. Датируется находка XIV—XV вв. [10, с. 263, 264].

Возле северного фасада церкви Ризположения найдена заготовка литейной формы (слой XIV—XV вв.). В камне сделано углубление диаметром ок. 2,5 см, но рисунок не вырезан. Снаружи камень обработан плохо (рис. 6, *3*).

Из инструментов ювелира при археологических наблюдениях обнаружен только латунный пинцет-тисочки, в которые неподвижно зажимался предмет с помощью фиксирующего кольца (здесь оно утрачено). Подобные приспособления известны в материалах многих древнерусских городов, например Ярополча-Залесского [22, с. 80, табл. 4, *2—4*]. Длина пинцета 6,3 см. Слой, в котором он был найден, датируется XV в.

В коллекции музеев представлены и другие находки, свидетельствующие о местном изготовлении изделий из цветных металлов. Это несколько мелких обломков тиглей с сильно оплавившейся поверхностью, капли металла (медь, олово), обрывки медной и серебряной проволоки, обломки 4 медных и 1 биллоновой пластинки, небольшие бесформенные слитки олова, 2 детали весов (коромысло и чашечка). Все эти вещи встречены в слое второй половины XII—XV в. по всей территории Московского Кремля. Однако незначительное число находок (только 24 предмета) для столь длительного хронологического периода и отсутствие производственных комплексов на изученной площади не позволяют делать далеко идущие выводы о степени развитости ювелирного ремесла в древней Москве.

Одна из интересных находок — клад ювелирных изделий, обнаруженный в 1844 г. при закладке фундамента Большого Кремлевского дворца. В начале статьи уже упоминались вещи из этого комплекса: 2 серебряные гривны, 2 серебряных семилопастных височных кольца и бронзовая чаша. К сожалению, нет точного описания обстоятельств находки.

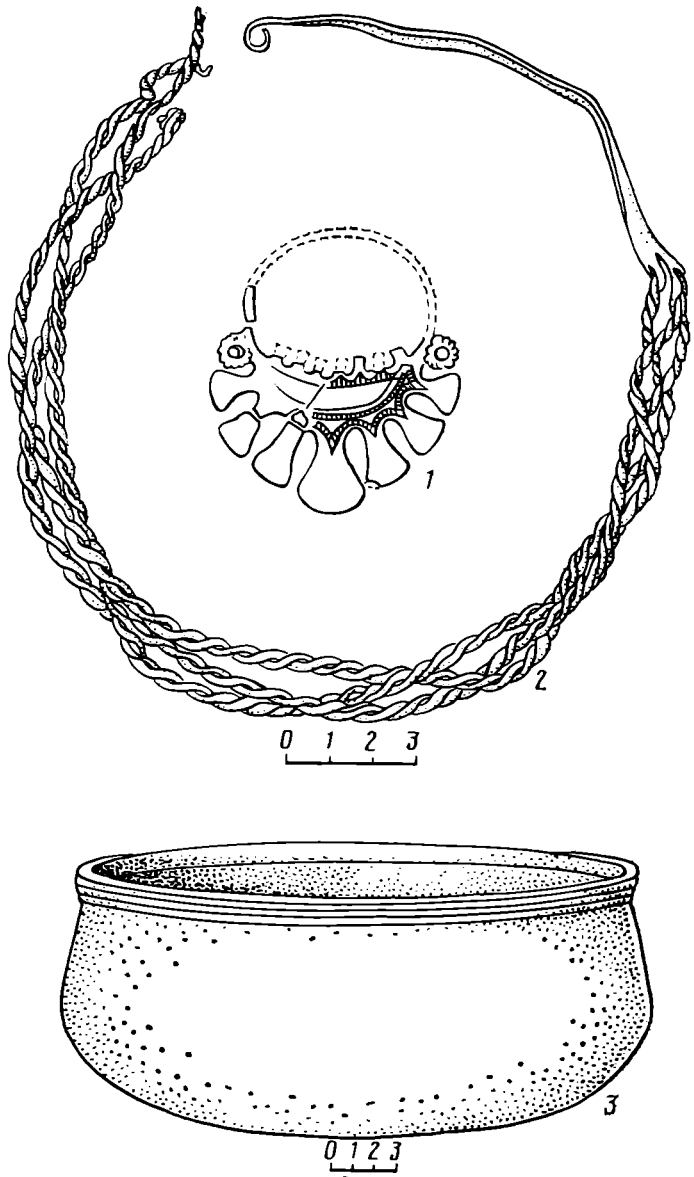


Рис. 7. Клад серебряных украшений

И. Е. Забелин отмечал, что клад зафиксирован во время постройки нового дворца «против угла нынешней Оружейной палаты на материке», и не упоминает о чаше [29, с. 39, 40]. Н. А. Скворцов пишет, что вещи были обнаружены в 1847 г. «при постройке здания Оружейной палаты... вблизи тогда же сломанной древнейшей церкви Иоанна Предтечи на Бору» и относит их к IX—X вв. [30, с. 80]. И. Кондратьев связывает находку со строительством Большого Кремлевского дворца, но о чаше также не упоминает, зато к гривнам и височным кольцам добавляет еще «аравийские монеты IX столетия» [31, с. 27].

Вещи хранятся в Государственном Историческом музее и числятся как найденные в 1844 г. при прокладке фундамента Большого Кремлевского дворца. В одной из своих работ А. Спицын [3, с. 206] высказал мнение о том, что украшения происходят из сглаженного курганного захоронения. Гипотезу о курганном могильнике XII в. на Боровицком холме поддерживал Р. Л. Розенфельдт [32, с. 95], причем чаще всего исследователи упоминали только серебряные гривны и кольца, совершенно упуская из виду находку чаши, в которой, видимо, и находился клад.

Серебряные гривны, витые, сделаны из трех сдвоенных проволок с раскованными пластинчатыми наконечниками, заканчивающимися петлей и крючком (для застегивания). У одного из украшений наконечник обломан (рис. 7, *2*). Максимальное распространение подобных гривен

на Руси приходится на XII в. [32, с. 73]. Фрагменты двух серебряных височных колец из клада относятся к типу простых семилопастных с орнаментом типа II (по классификации Т. В. Равдиной). Украшения имеют лопасти секирообразной формы и колечки у основания дужек. Щиток украшен заштрихованной полосой, заходящей в каждую лопасть острыми городками (рис. 7, *1*). Подобные изделия датируются второй половиной XII—XIII в. [32, с. 140]. Бронзовая чаша была опубликована только в книге А. Векслера и А. Мельниковой «Московские клады», где впервые описана в комплексе с украшениями [8, с. 52]. Диаметр чаши 28, высота 12 см (рис. 7, *3*). Авторы книги упоминают о ряде древнерусских кладов, помещенных в чаши, но в материале курганных раскопок земли вятичей подобные сосуды не встречены. Клад серебряных украшений несомненно происходит из жилого слоя ранней Москвы, как и большинство вятических вещей. Самый ранний могильник в Кремле (вторая половина XII — начало XIV в.) исследован достаточно полно и дал только несколько типичных для вятического племенного наряда ювелирных изделий.

Изучение коллекции украшений и предметов, говорящих о ювелирном ремесле, дает интересные результаты.

Прежде всего отметим группу вятических вещей XII—XIII вв., находки которых лишний раз подтверждают этническую принадлежность древнего населения данной территории. Интересно, что встречены они и в жилом слое, и в кладе, и в погребениях городского некрополя. Это говорит об устойчивости древних обычаев у вятичей, даже в городе не утративших характерные черты племенного наряда. В грунтовых захоронениях и в слое XII—XIII вв. найден типичный для курганов вятической земли набор вещей (височные кольца, гривны, перстни, бусы и т. д.).

Пятую часть всех ювелирных изделий, найденных в Кремле, составляют серебряные и отделанные золотом. Практически все эти вещи происходят из кладов (височные кольца и гривны, кресты-тельники) или из погребений, расположенных в центральной части древнейшего городского некрополя, где отмечены захоронения с наиболее интересным инвентарем. В комплексе с некоторыми другими категориями находок эти дорогостоящие вещи позволяют говорить о социальной топографии ранней Москвы. Найденные во многих древнерусских городах украшения из драгоценных металлов входили в традиционный набор княжеско-боярского убора. Аналогичное явление прослеживается и в Москве, где богатые ювелирные украшения наряду с находками привозных тканей, изделий из стекла найдены и в жилом слое ее центра, и на территории древнейшего некрополя.

Более половины всех украшений из археологического собрания музеев Кремля датируется XII—XIII вв., причем именно на домонгольский период приходятся находки наиболее интересных и дорогостоящих предметов, где наряду с характерными для вятических центров вещами представлен и импорт, в основном из южно-русских земель. Многочисленны в археологическом материале изделия ювелирных мастерских древнего Киева (уникальная вислая свинцовая печать конца XI в. кресты-энколпионы, трехбусинные височные кольца). Среди предметов ювелирного ремесла последующего периода (конец XIII—XV в.) отмечены массовые категории, такие, как браслеты, серьги-одинцы, булавки, нашивная бляшка, бубенчики, среди которых нет вещей из драгоценных металлов. Монголо-татарское нашествие, в результате которого были уничтожены многие древнерусские центры ремесла и нарушены привычные торговые и культурные связи, привело к значительному обеднению и изменению ассортимента ювелирных украшений.

Собственное производство, налаженное в этот период, специализировалось на изготовлении достаточно простых по составу сплавов и формам вещей массовой продукции, рассчитанной на местный рынок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корцелли Н. Г* Обзор отделения доисторических древностей Московского публичного музея. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. М., 1879.
2. *Забелин И. Е.* Изыскания о древнейшем населении первоначального поселения Москвы//Тр. VIII АС. Т. III. М., 1897.
3. *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. XV. Московская губерния//ЗОРСА. 1899. Т. XI. Вып. 1, 2.
4. Указатель Румянцевского музея (Московский публичный и Румянцевский музей). Каталог отдела древностей. М., 1905.
5. *Арциховский А. В.* Введение в археологию. М., 1940.
6. *Арциховский А. В.* Основные вопросы археологии Москвы//МИА. 1947. № 7.
7. *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей//МИА, 1947. № 7.
8. *Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Московские клады. М., 1973.
9. *Рабинович М. Г* Об этническом составе первоначального населения Москвы//СЭ. 1962. № 2.
10. *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г* Археологические работы в Московском Кремле// СА. 1963. № 1.
11. *Векслер А. Г.* О древней дате Московского Кремля//СА. 1963. № 1.
12. *Равдина Т. В.* О ранней дате древней Москвы//СА. 1963. № 1.
13. *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг.//МИА. 1971. № 167.
14. *Шеляпина Н. С.* Археологические исследования в Успенском соборе//МИ ГММК. 1973. Вып. III.
15. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
16. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
17. *Недошивина Н. Г* О датировке Белевского клада//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
18. *Корзухина Г Ф.* Русские клады. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
19. *Даркевич В. П.* Старорязанские клады (раскопки 1979 г.)//СА. 1982. № 2.
20. *Беленькая Д. А.* Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.//МИА. 1971. № 167.
21. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
22. *Седова М. В.* Ярополч-Залесский. М.: Наука, 1978.
23. *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологических наблюдениях в 1963—1965 гг.//Архив ГММК. № 262.
24. *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1890.
25. *Равдина Т. В.* Древнерусские литые перстни с чеканным орнаментом//Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
26. *Недошивина Н. Г.* Перстни//Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
27. *Розенфельдт Р. Л.* Инструменты московских ремесленников//МИА. 1971. № 167.
28. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
29. *Забелин И. Е.* Подземные хранилища Московского Кремля//АИЗ. 1894. № 2.
30. *Скворцов Н. А.* Археология и топография Москвы. М., 1913.
31. *Кондратьев И.* Седая старина Москвы. М., 1893.
32. *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу о начале Москвы//СА. 1957. № 4.
33. *Фехнер М. В.* Шейные гривны//Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
34. *Равдина Т. В.* Типология и хронология лопастных височных колец//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.

T. D. Panova

JEWELLERY FROM THE DIGS IN THE MOSCOW KREMLIN

Summary

Still in the mid-19th century archaeologists found jewellery in Moscow Kremlin digs; recently about 100 items have been added to this collection. They come from the long period between the 12th and 15th centuries and evidence the local processing of non-ferrous metals.

The collection includes headgear, cultic objects, bracelets, and sewn-on items. Twenty-nine objects, a sizable group, bear witness to the fact that non-ferrous metals were processed locally, on Kremlin territory. These objects are: five moulds made of white stone; jeweller's tweezers; parts of melting pots and scales; metal drops and ingots, and lengths of wire. So far chill casting remains the only archaeologically supported technological procedure. The objects made in the land of Vyatichi are clearly discerned among the 12th-13th centuries finds: they came from the living layers and the burials of the earlier necropolis. Costly jewellery, and the goods mainly imported from the south Russian lands, are dated to the pre-Mongol time.

Заметки

В. В. ШЕВЕЛЁВ

СТОЯНКА НАВОЛОК В КАРГОПОЛЬЕ

Стоянка находится на правом берегу р. Онеги, в 5 км к северу от г. Каргополя, у д. Наволок. В отличие от других памятников каргопольского региона она занимает низкий, заболоченный участок первой надпойменной террасы, подверженной сильному разрушению. Поселение открыто в 1972 г. краеведом А. И. Парфеновым. В 1972—1974 гг. сборы на стоянке проведены автором. Собранная коллекция привлекает внимание разнообразием орудий, среди которых есть типы, неизвестные ранее в бассейне оз. Лача [1]

Керамика немногочисленна и сохранилась плохо. Типологическому определению поддаются только 14 наиболее крупных фрагментов. Они составляют четыре группы: ямочно-гребенчатая, ямочно-зубчатая, сетчатая и позднекаргопольская. Преобладает ямочно-гребенчатая керамика. Основные элементы ее орнамента — крупные конические ямки и наклонные оттиски гребенчатого штампа (рис. 1, *1*). Один обломок орнаментирован ромбическими ямками. Ямочно-зубчатая керамика представлена всего одним фрагментом. Это венчик, изготовленный из глины

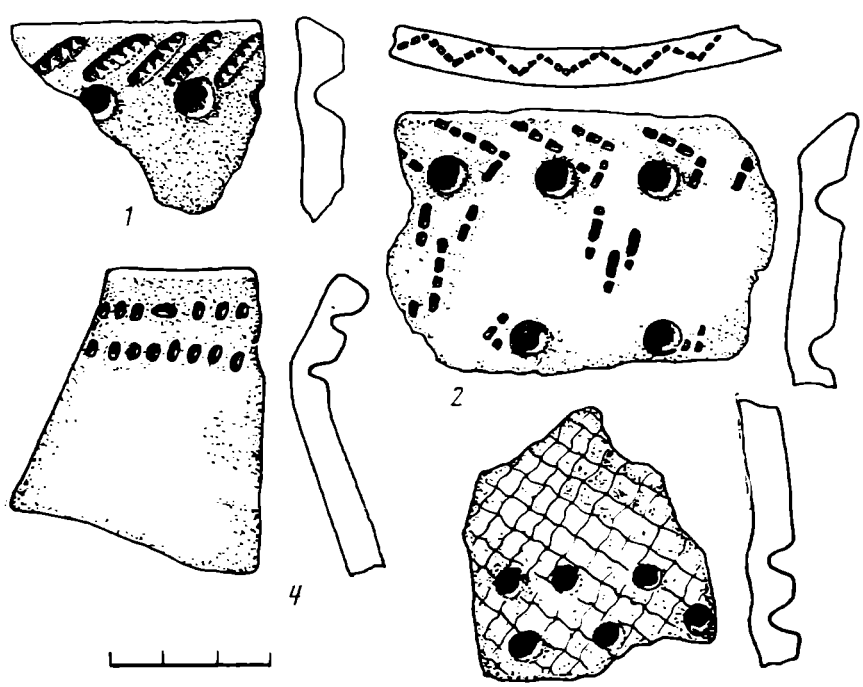


Рис. 1. Наволок. Керамика

с органической примесью, выгоревшей при обжиге. Орнамент состоит из крупных ямок, образующих горизонтальные полосы, и отпечатков мелкозубчатого штампа в виде наклонных полосок и фестонов (рис. 1, *2*). Найдено также два фрагмента сетчатой керамики. На одном из них поверх сетки нанесено два ряда ямочных вдавлений (рис. 1, *3*). Хорошо выделяются два характерных профилированных венчика позднекарго-

[1] Собрание Каргопольского краеведческого музея.

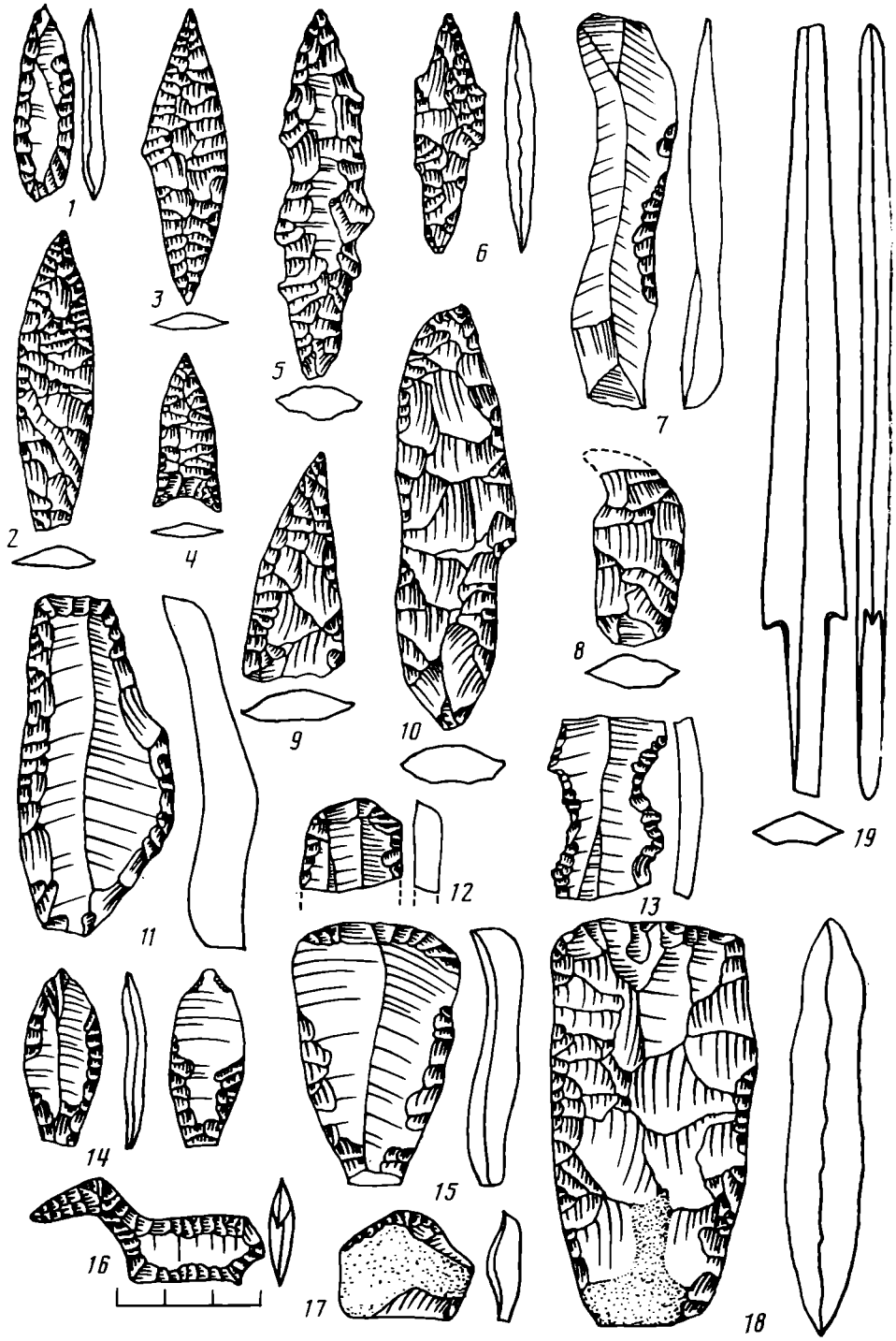


Рис. 2. Наволок. Кремневый и костяной инвентарь. *1—18* — кремень; *19* — кость

польской керамики. В верхней части они орнаментированы мелкими ямочными вдавлениями (рис. 1, *4*).

На стоянке найдено 89 кремневых изделий. Большинство из них представлено обломками, трудно поддающимися определению. Поэтому при классификации учтены только целые орудия и обломки, типологическая принадлежность которых не вызывает сомнений.

Наконечники стрел представлены шестью типами. 1)—три наконечника листовидной формы, сохраняющие поверхность пластинчатого отщепа (рис. 2, *1*). Ретушированы только по краям, слегка подправлены со стороны брюшка. Подобные наконечники характерны для ранненеолитических комплексов. Они известны как на каргопольских памятниках, так и в других районах Севера [1, с. 82; 2, рис. 4]. 2)—один наконечник листовидной формы с ретушью по всей поверхности орудия (рис. 2, *2*). Такие наконечники широко распространены в эпоху неолита. В карго-

польской культуре они являются основным типом [1, с. 82]. 3)—один наконечник листовидной формы с боковым шипом (рис. 2, *3*). В северном неолите такие наконечники известны в небольшом количестве. Один из них происходит со стоянки Караваиха на оз. Воже [3, рис. 61, *15*]. 4)—четыре наконечника с выемкой в основании (рис. 2, *4*). Аналогичные наконечники найдены на многих каргопольских памятниках [3, рис. 62, *1*, *2*, *5—8*]. По наблюдениям С. В. Ошибкиной, наибольшее распространение они получили в конце неолита — начале эпохи бронзы [1, с. 66, 67, 149]. 5)—особый интерес вызывают два наконечника сложных очертаний с выступами по краям (рис. 2, *5*, *6*). В бассейне оз. Лача такие изделия были ранее неизвестны. Ближайшие аналогии им можно найти в памятниках волосовского типа [4, рис. 4, *4*, *9*; 5, рис. 1, *14*, *15*; 6, с. 94, табл. VII, *9*].

Найденные на стоянке ножи немногочисленны и не образуют устойчивых серий. Один из них изготовлен из длинной узкой пластины, рабочий край его слегка вогнут и подправлен ретушью (рис. 2, *7*). Интересен серповидный нож, тщательно обработанный с обеих сторон (рис. 2, *8*). Еще два ножа напоминают по форме и характеру обработки наконечники стрел: один треугольный, другой листовидный с боковым шипом (рис. 2, *9*, *10*).

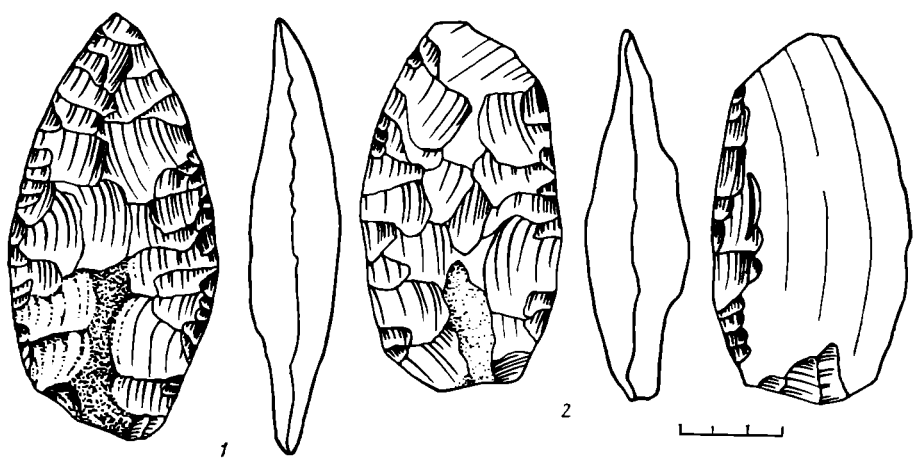


Рис. 3. Наволок. Макролитические орудия

Скребки представлены 22 экз. Выделяются следующие их типы: 1)—концевые скребки из крупных пластинчатых отщепов, иногда дополнительно ретушированы боковые края (рис. 2, *15*); 2)—скребки из отщепов аморфной формы с округлым рабочим краем, на поверхности орудий часто сохраняется желвачная корка (рис. 2, *17*); 3)—один скребок изготовлен из обломка ножевидной пластины; рабочее лезвие округлое, боковые края ретушированы (рис. 2, *12*). К этой группе примыкают также скобель из ножевидной пластины с двумя рабочими краями (рис. 2, *13*) и изделие ложкарного типа, выполнявшее скребущие и режущие функции (рис. 2, *11*). Редкой находкой является сверло, близкое по форме ранненеолитическим наконечникам стрел (рис. 2, *14*). Орудие изготовлено из ножевидной пластинки, ретушировано по краям с обеих сторон. Специальной мелкой ретушью тщательно выделено жальце, очень сильно залощенное.

Особую группу кремневых изделий составляют три макролитических орудия миндалевидной формы (рис. 3, *1*, *2*) и двусторонне обработанный клиновидный топорик (рис. 2, *18*). В бассейне оз. Лача крупные орудия из кремня встречаются довольно редко, чаще здесь использовался сланец. Отдельные находки таких орудий происходят из сборов в устье р. Ольги и раскопок в местности Попово [3, с. 230, рис. 114, *6*; 6, с. 31, 32, табл. I, *1*, *3*; 7, с. 189, табл. 73, *6*]. Исключение составляют только материалы мезолитического поселения Нижнее Веретье I, где среди топоров кремневые составляют почти половину (26 экз.) [7, с. 88]. Миндалевидные орудия из Наволока ближайшие аналогии имеют среди на-

ходок И. С. Полякова в устье р. Ольги [6, с. 31, 32, табл. I, 1, 3]. Клиновидный топорик можно сопоставить с аналогичными изделиями Нижнего Веретья I, хотя полного сходства здесь нет [7, табл. 25, *10*]. Орудие из Наволока отличается более тщательной обработкой и больше напоминает кремневые топорики со стоянок Верхнего Поволжья и льяловской культуры [8, табл. VI, *7*, *9*; 9, рис. 8, *5*, *6* и рис. 9, *7*].

Уникальной находкой является кремневая скульптурка водоплавающей птицы, имеющая широкие аналогии в материалах неолитических культур (рис. 2, *16*).

В коллекции со стоянки Наволок есть одно костяное орудие — черешковый наконечник стрелы (рис. 2, *19*). В Каргополье такие орудия ранее не встречались. Его можно сопоставить с наконечниками поселения Асва в Эстонии [10, рис. 128, *1—3*] и раннеананьинскими наконечниками из Волго-Камья [11, с. 206, рис. 76, *29*].

Типолого-хронологический анализ показывает, что рассмотренный материал представляет разновременные комплексы. Ямочно-гребенчатая керамика в сочетании с ранненеолитическими наконечниками указывает приблизительно на первую половину III тыс. до н. э. Фигурка водоплавающей птицы и фигурные наконечники синхронизируются с древностями волосовского типа. Не касаясь вопроса о том, что представляет собой волосовская культура, укажем лишь на близлежащее поселение Модлона I, которое относится к памятникам этого круга [12, с. 27—37]. Полученные для Модлоны радиоуглеродные даты указывают на вторую половину III тыс. до н. э. [1, с. 127]. К более позднему времени относятся наконечники стрел с вогнутым основанием. По аналогии с другими памятниками Восточного Прионежья они датируются концом III — началом II тыс. до н. э., скорее всего уже эпохой бронзы. Сетчатую керамику с ямочными вдавлениями можно сопоставить с аналогичными материалами из поселений Верхнего Поволжья. По мнению некоторых исследователей, она является переходной от поздней ямочно-гребенчатой керамики к сетчатой и датируется серединой II тыс. до н. э. [13, с. 123]. Самый поздний комплекс, представленный позднекаргопольской керамикой и костяным черешковым наконечником, относится уже к эпохе раннего железа (первая половина I тыс. до н. э.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978.
2. *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972.
3. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР//МИА. 1952. № 29.
4. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
5. *Дубравицкий Н. И., Третьяков В. П.* Поселение Озеревки//Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
6. *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги//Зап. РГО. Отд. этнографии. 1882. Т. IX.
7. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
8. *Гурина Н. Н.* Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции//Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
9. *Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры//Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М.: Сов. Россия, 1970.
10. *Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn: Eesti Raamat, 1982.
11. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
12. *Ошибкина С. В.* Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре//СА. 1966. № 4.
13. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.: Наука, 1972.

В. Н. КЛЮШИНЦЕВ

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУЛЬТУРЫ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ В ПОБУЖЬЕ

Средний период эпохи бронзы в Побужье представлен памятниками культуры многоваликовой керамики [1, с. 63, 64]. Со времени выделения погребений этой культуры в Северном Причерноморье [2, с. 5—15] их число сильно увеличилось, выявились их локальные отличия [3, с. 4, 5; 4, с. 458]. В настоящее время известно свыше 200 погребений культуры многоваликовой керамики в Степном Побужье, которые представлены различными типами погребальных сооружений: ямами, ямами с подбоем и ящиками [1, с. 63; 5, с. 71, 72].

Среди погребений культуры многоваликовой керамики наше внимание привлекли погребальные сооружения с внутримогильными конструкциями, в составе инвентаря которых обнаружены костяные пряжки.

Курган, исследованный у с. Станиславчик Первомайского р-на Николаевской обл., имел высоту 2, диаметр 50 м. Он был расположен на водораздельном плато правого коренного берега р. Синюха — левого притока р. Южный Буг, в 3 км к северу от с. Станиславчик. Погребение 7 располагалось в 12,5 м к юго-западу от условного центра кургана. Овальной формы пятно входного колодца проявилось на глубине 2,4 м от центра на фоне суглинка. По длинной оси входной колодец ориентирован с севера — северо-запада на юг — юго-восток. Длина его 1,6, ширина 1 м. На глубине 3,5 м от центра дно входного колодца отвесно обрывалось и образовывало ступеньку шириной 0,4 м. В восточной стенке колодца была устроена камера-подбой подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами. По длинной оси камера ориентирована с севера—северо-запада на юг — юго-восток. Размеры камеры: длина 2, ширина 1,15, глубина 3,9 м от условного центра, высота свода ~0,8—0,9 м. Внутри нее на дне была сооружена своеобразная конструкция из глины на каркасе из прутьев. Сооружение подпрямоугольной формы, по длинной оси ориентировано с севера — северо-запада на юг — юго-восток. Длина его 1,3, ширина 0,9 м (рис. 1). Составляющие каркас прутья имеют диаметр 1—1,7 см. Толщина стенок глиняного бортика — 0,1—0,15 м. Сохранившаяся высота глиняного бортика 0,1—0,15 м, реконструируемая — 0,3—0,35 м. Внутримогильная конструкция перекрыта прутьями диаметром до 2 см.

Внутри сооружения лежал скелет взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, головой на юг. Руки сильно согнуты в локтях и прижаты к груди. Фаланги пальцев — у подбородка и на шейных позвонках. Ноги сильно согнуты в коленях. Левая нога лежала углом 50° к тазу, правая — под углом 80°. Под скелетом на дне прослеживался светлый тлен растительного происхождения. У пояса лежала фрагментированная костяная пряжка овальной формы с сохранившимся центральным отверстием диаметром 2 см. Длина пряжки 5,5, ширина 4,5 см. (рис. 1, *1*).

У с. Каменка Очаковского р-на Николаевской обл. был исследован длинный курган (№ 16), который состоял из двух насыпей, соединенных между собой перемычкой. Курган 16 входил в состав могильника, занимавшего мысообразный участок плато, образованного Березанским лиманом и Балановой балкой с запада и северо-запада и впадающей в Березанский лиман Анчекракской (Каменской) балкой с юга и юго-востока. Курган являлся крайним северо-восточным в цепочке южной части могильника, растянувшегося на 2 км. Курган был вытянут по оси юго-запад — северо-восток. Погребение 24 находилось в юго-западной части кургана, высота насыпи которого достигала 1,3 м.

Погребение 24 перерезало более раннее погр. 27 ямной культуры (рис. 2, *1*). Могильная яма погр. 24 в плане округлой формы, размеры по оси: север — юг — 1,7, запад — восток — 1,8 м. Дно погр. 24 было на 0,05—0,07 м выше уровня дна погр. 27 ямной культуры. На стенках ямы

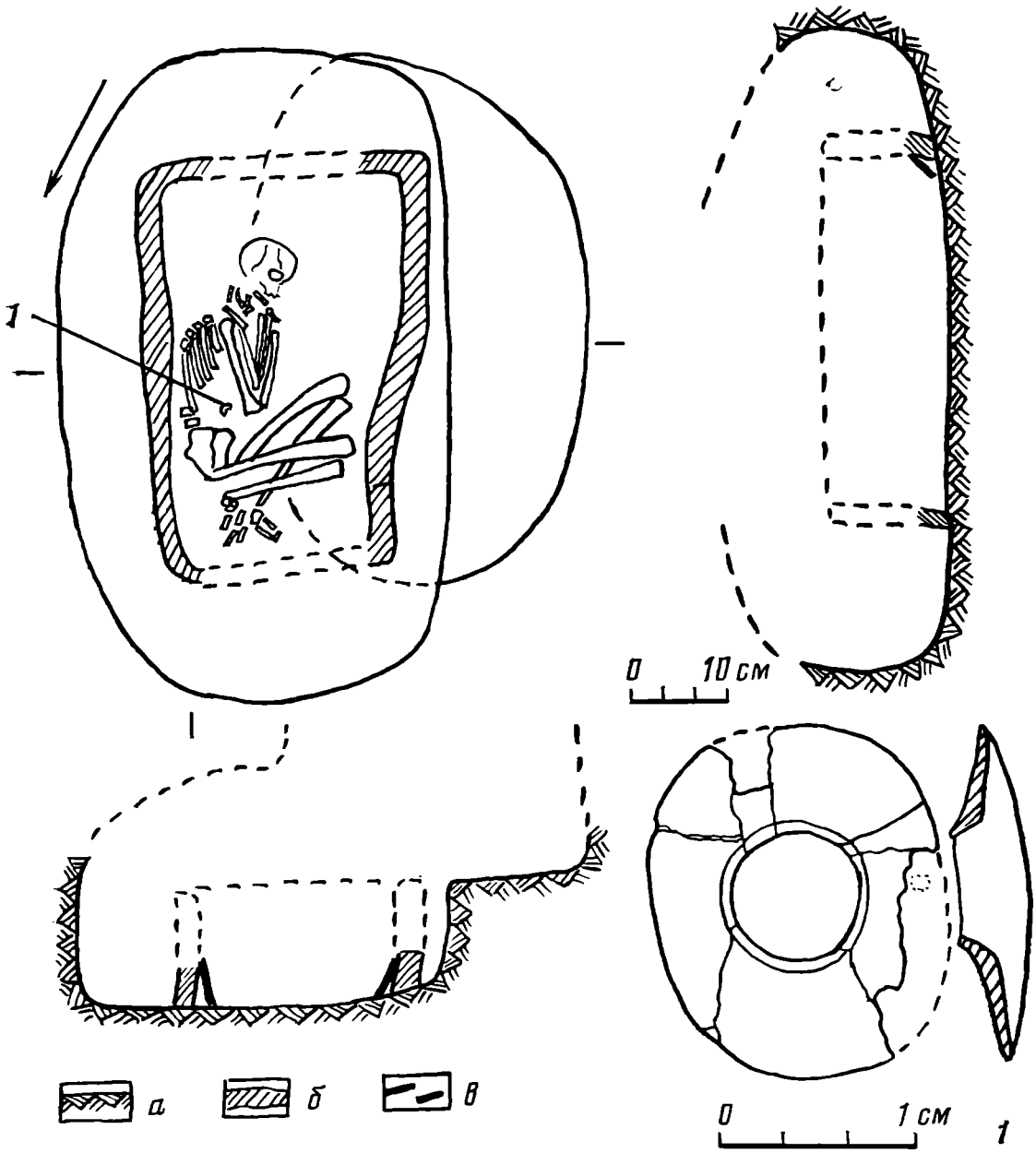


Рис. 1. Станиславчик, кург. 1, погр. 7 (план и разрез погребения). *1* — костяная пряжка; *а* — материк; *б* — глиняная конструкция; *в* — дерево

сохранились следы землекопных орудий (рис. 2, *4—7*). На дне ямы стояло сооружение прямоугольной формы, по длинной оси ориентированное с северо-запада на юго-восток (1,4 на 1,1 м). Дно погр. 24 на глубине 2,9 м от репера; как и стенки, оно выложено прутьями диаметром 0,7 см, обмазанными глиной (рис. 2, *3*).

Сохранившаяся высота сооружения 0,12, предполагаемая — 0,3—0,4 м. Оно было перекрыто деревянными прутьями и жердями, положенными по его длине на расстоянии 0,25—0,3 м друг от друга. Внутри него лежал скелет взрослого человека, в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-восток. Левая рука согнута в локте, кисть лежит у таза. Правая рука согнута в локте, кисть лежит у локтя левой руки. Ноги согнуты в коленях под острым углом (рис. 2, *1*). Костяная овальная пряжка лежала возле пальцев левой руки. Пряжка по центру имела большое отверстие диаметром 2 см и боковое диаметром 0,4 см. Длина пряжки 5, ширина 4,5 см. (рис. 2, *2*). У кисти правой руки лежали ребра животного (быка?).

Курган 2 у с. Каменная Балка Первомайского р-на Николаевской обл. располагался на водоразделе, в 4 км к северо-востоку от села. Курган в плане овальной формы, диаметр его по оси север — юг 44 м, за-

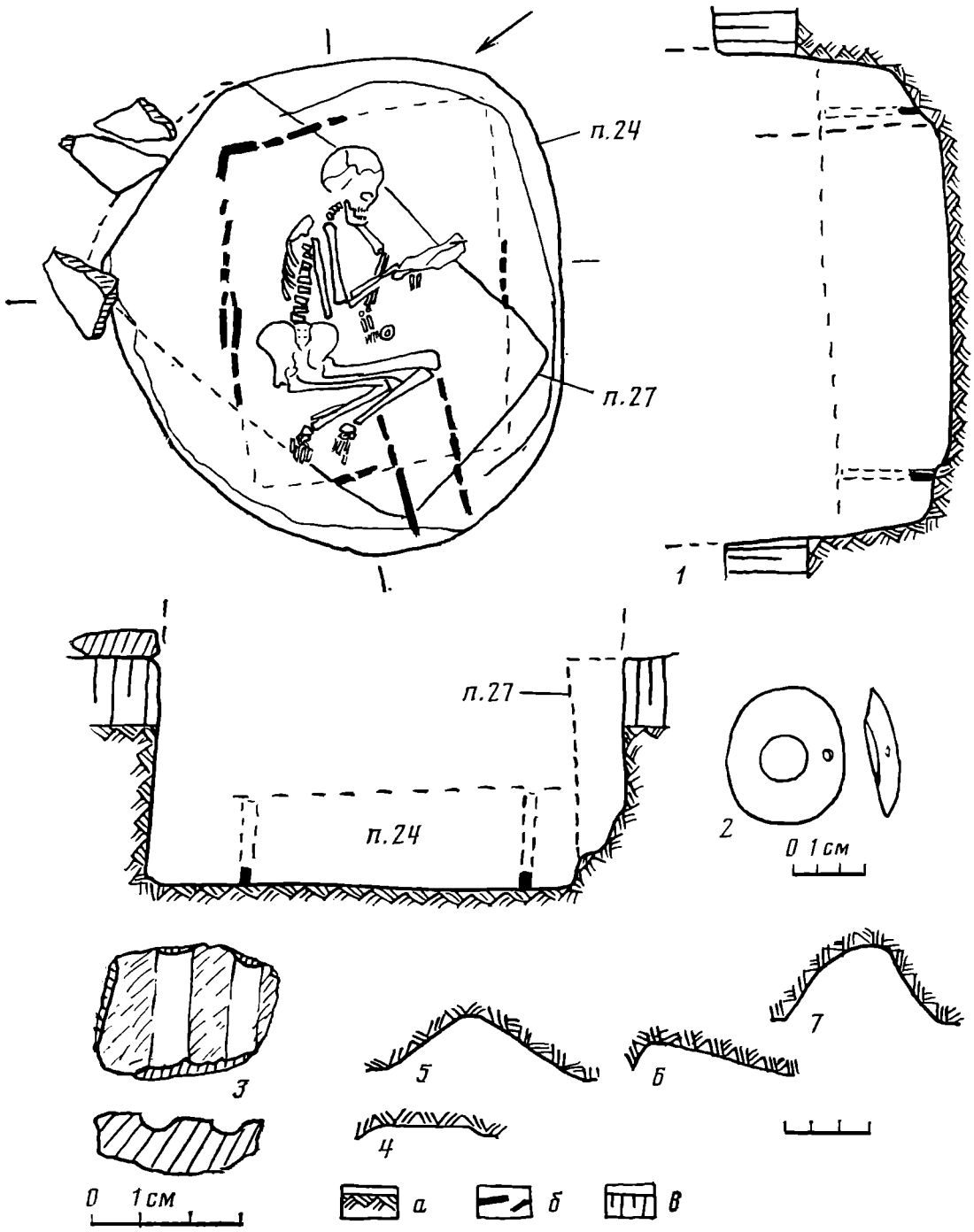


Рис. 2. Каменка, погр. 24, кург. 16. *1* — план и разрез погребения; *2* — костяная пряжка; *3* — глиняная обмазка со следами прутьев; *4—7* — следы землекопных орудий на стенках ямы (разрез); *а* — материк; *б* — дерево; *в* — погребенная почва

пад — восток 48 м. Высота кургана 3,2 м от условного центра до погребенного чернозема. Погребение 16 расположено в 12,5 м к югу от центра. Контуры входной ямы подпрямоугольной формы прослеживались нечетко. На дне входной ямы была выкопана могильная яма в плане прямоугольной формы, по длинной оси ориентированная с северо-востока на юго-запад (1,4×1 м). Дно на глубине 2,6 м от условного центра. В заполнении встречались кусочки дерева. Стенки ямы были обложены деревянными плахами-досками. Длина их 1,4—1,45, ширина 0,12—0,2, толщина 2,6 см. Плахи стояли вертикально вдоль стенок ямы, их остатки прослеживались и на краю могильной ямы. Кусочки дерева лежали сверху на костях скелета и на дне ямы. Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Погребенный слегка завалился на грудь. Руки согнуты в локтях под углом 80°, кисти рук лежат под коленями. Ноги согнуты в коленях под

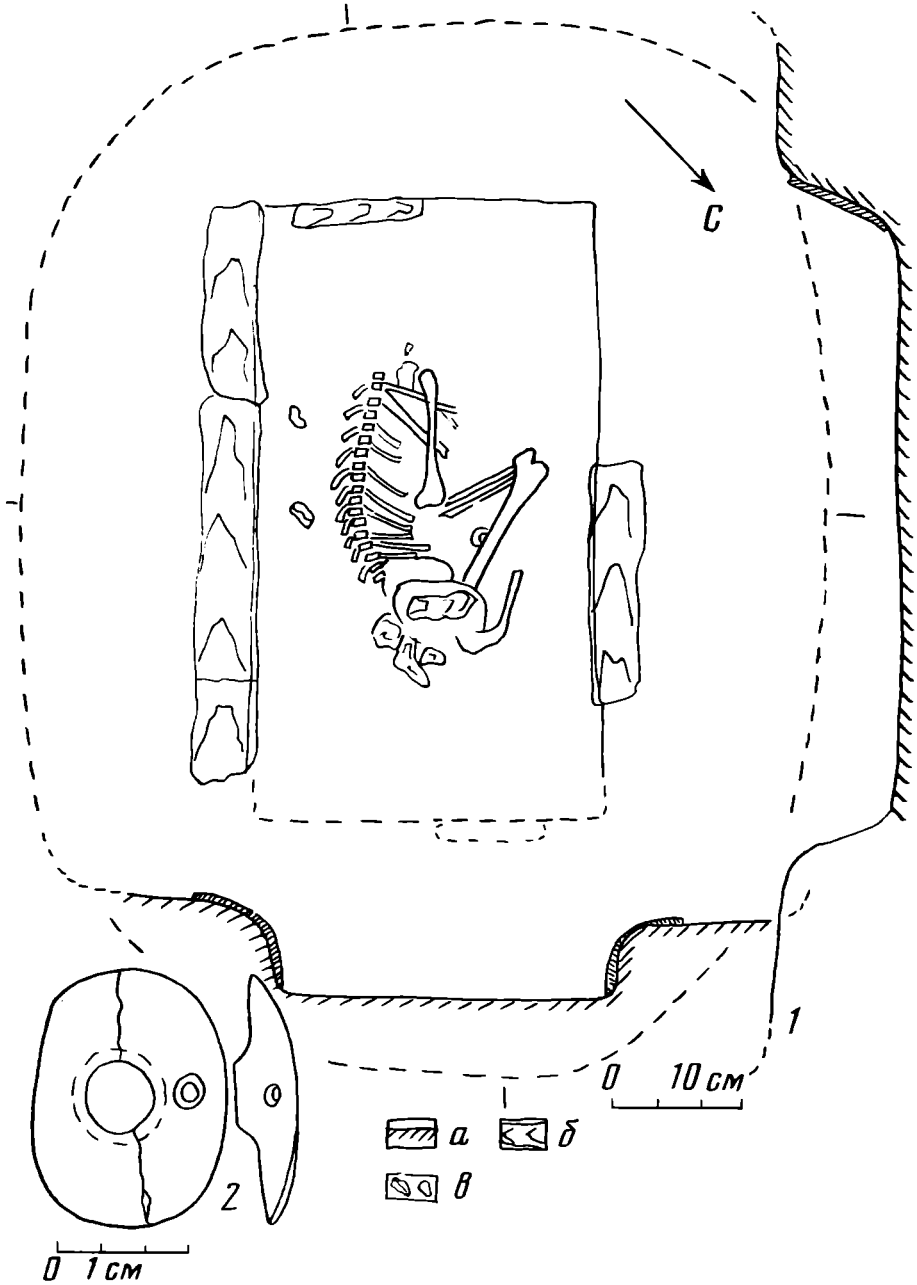


Рис. 3. Каменная Балка, погр. 16, кург. 2. *1* — план и разрез погр. 16; *2* — костяная пряжка; *а* — насыпь; *б* — дерево; *в* — кости животного

острым углом. На костях скелета и под ним виден бурый тлен (рис. 3, *1*). Под правой бедренной костью лежала костяная пряжка овальной формы, с центральным большим и боковым отверстиями, вокруг центрального проходил невысокий бортик. Размеры пряжки (в см.): длина 6, ширина 4,3, диаметр центрального отверстия 1,7, бокового 0,4 (рис. 3, *2*). За спиной погребенного возле юго-восточной стенки лежали две кости животного.

Общей характерной особенностью рассматриваемых погребений является внутримогильное сооружение и наличие костяных пряжек в качестве погребального инвентаря. Материал, из которого сделаны внутримогильные конструкции, различен. В двух случаях это глинобитные сооружения на деревянной каркасной основе (Станиславчик, кург. 1, погр. 7; Каменка, кург. 16, погр. 24), третье сооружение близко по форме ящичным конструкциям или срубам (Каменная балка, кург. 2, погр. 16).

Погребальные сооружения в двух случаях ориентированы с северо-запада на юго-восток, в одном — с северо-востока на юго-запад. Такая

ориентировка характерна для погребений культуры многоваликовой керамики. Если погребения в ямах с подбоями составляют свыше 60% от числа всех погребений с определяемыми типами погребальных сооружений в Степном Побужье, то погребения в ямах единичны. Погребенные лежат в сильно скорченном положении, на левом боку, с южной ориентировкой черепов с отклонениями к востоку (Каменка, кург. 1, погр. 24), к западу (Каменная Балка, кург. 2, погр. 16). Подобное положение скелетов и их ориентировка характерны для погребений культуры многоваликовой керамики в Степном Побужье [5, с. 75, 76]. Следует отметить, что ориентировка погребенных Степного Побужья отличается от ориентировки других территорий. Если в Поднепровье преобладает западная и южная ориентировка скелетов [6, с. 11], в Северо-Западном Причерноморье — восточная — 52%, южная и западная одинаковы — 12 и 14% [7, с. 130], то в Степном Побужье преобладает южная с отклонениями к востоку и западу. Положение рук и ног погребенных характерно для большинства погребений в Степном Побужье [1, с. 73, 74]. Типичным для рассматриваемых погребений является местоположение пряжек. В двух случаях костяные пряжки расположены у пояса, в одном — под бедренной костью. Как отмечает С. Н. Братченко, «поясу с такой пряжкой придавалась какая-то особенная роль в погребальном обряде и, очевидно, при жизни» [4, с. 453].

Рассматриваемые костяные пряжки в большинстве случаев овальной формы с центральным большим (1,7—2,1 см) и боковым маленьким (0,3—0,4—0,5 см) отверстиями. Все они слабоизогнуты в поперечном сечении. Подобные пряжки распространены не только на территории Степного Побужья, а и на большой территории Северного Причерноморья.

В составе инвентаря у с. Каменка, кург. 1, погр. 24 и у с. Каменная балка, кург. 2, погр. 16 находились кости крупных животных. Известно, например, что в состав стада на поселении Бабино III входили бык (32%), коза — овца (30%), свинья (12%), конь (10%), собака (6%) [4, с. 455]. Однако следует отметить, что напутственная пища в виде костей животных в погребениях культуры многоваликовой керамики в Степном Побужье встречается примерно в 10% погребений, в то же время И. Т. Черняков для территории Северо-Западного Причерноморья отмечает, что «находки остатков жертвенной пищи в виде костей животных» часты [7, с. 135].

Погребения с внутримогильными конструкциями в ямах и в ямах с подбоем ввиду своей немногочисленности в Степном Побужье составляют скорее исключение, чем правило. Интересно отметить, что характер конструкций — деревянный каркас, обмазанный глиной,—хорошо известен в домостроительстве эпохи бронзы. Так, поселение культуры многоваликовой керамики Бабино III имело глинобитные стены [8, с. 40—43; 9, с. 26—41; 10, с. 16; 11, с. 21—42]. Жилища земляночного типа известны на поселении Городок в бассейне р. Сейм, Ливенцовском поселении в Подонье [12, с. 334—343]. И. Т. Черняков считает, что истоки глинобитного домостроительства надо искать у земледельческих племен Юго-Восточной Европы, где оно было развито с эпохи раннего энеолита [7, с. 26]. Внутримогильные конструкции можно сравнить с конструкциями срубов [10, с. 10; 13, с. 13], они, как и срубы, имеют небольшую высоту— 0,3—0,4 м, также перекрыты деревом.

Появление погребений смешанного типа с общими для них внутримогильными конструкциями, погребальным инвентарем указывает на бытование различных форм погребальных сооружений внутри культуры многоваликовой керамики в Степном Побужье. С другой стороны, возможно, внутримогильные конструкции отражают социальное положение погребенных, что нашло свое проявление в погребальном обряде на соседних территориях [14, с. 86, 87]. Представленный материал в целом укладывается в рамки общей хронологии культуры многоваликовой керамики, которая датируется XVII—XV вв. до н. э. [15, с. 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клюшинцев В. Н.* Памятники культуры многоваликовой керамики Степного Побужья//Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980.
2. *Березанская С. С.* О погребениях культуры многоваликовой керамики//МАСП. 1962. Вып. 4.
3. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики//Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов конференции 3—6 декабря 1979 г. Донецк, 1979.
4. Археология Украинской ССР. Т. I. Киев: Наук. думка, 1985.
5. *Елисеев В. Ф., Клюшинцев В. Н.* Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Сб. научных трудов. Киев: Наук. думка, 1982.
6. *Отрощенко В. В.* Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев. 1981.
7. *Черняков И. Т* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
8. *Добровольский А. В.* Поселение бронзового века Бабино III//КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7.
9. *Березанская С. С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине//СА. 1960. № 4.
10. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
11. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры многоваликовой керамики//Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Братченко С. Н.* Пам'ятки багатоваликової кераміки//Археологія УРСР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1971.
13. *Писларий И. А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1983.
14. *Отрощенко В. В.* О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья//Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов конференции 3—6 декабря 1979 г. Донецк, 1979.
15. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культура эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.

С. С. МИНЯЕВ

ДУРЁНЫ II — МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

На юге Западного Забайкалья, у с. Дурёны (35 км восточнее г. Кяхта), вдоль левого берега р. Чикой расположен комплекс поселений эпохи раннего железа. Первым было открыто поселение сюнну (хунну), именуемое сейчас Дурёны I. Его обнаружили в конце прошлого века кяхтинские краеведы, собравшие здесь значительную коллекцию подъемного материала. В 1926 г. небольшие раскопки на поселении провел Г. Ф. Дебец, вскрыв остатки жилища и несколько хозяйственных ям [1, с. 35—39]. Основные исследования этого памятника вела в 1972—1983 гг. Забайкальская экспедиция кафедры археологии ЛГУ под руководством А. В. Давыдовой, за эти годы исследовав 3500 м² площади поселения [2, с. 209; 3, с. 223, 224; 4, с. 198, 5, с. 55—59].

В 1983 г. разведочными работами Забайкальского отряда ЛОИА АН СССР в 1,5 км к северу от поселения сюнну был обнаружен новый памятник — многослойное поселение, получившее наименование Дурёны II. Как и поселение Дурёны I, оно расположено вдоль излучины коренного берега р. Чикой (правый приток Селенги) и отделено от первого невысокой сопкой (рис. 1). Форма берега в виде нескольких подковообразных излучин и дала название местности и селу: «дурёё» в бурятском языке означает дугу, подкову [6, с. 125].

Излучина берега, где находится поселение Дурёны II, имеет размеры с севера на юг 1,2 км и с запада на восток 1,5 км; на ее юго-западном склоне и в пойменном лугу расположено современное село. Коренной берег р. Чикой сложен здесь из мелкозернистых пород гранита и покрыт слоем наносного песка; высота берега над пойменным лугом 18—22 м.

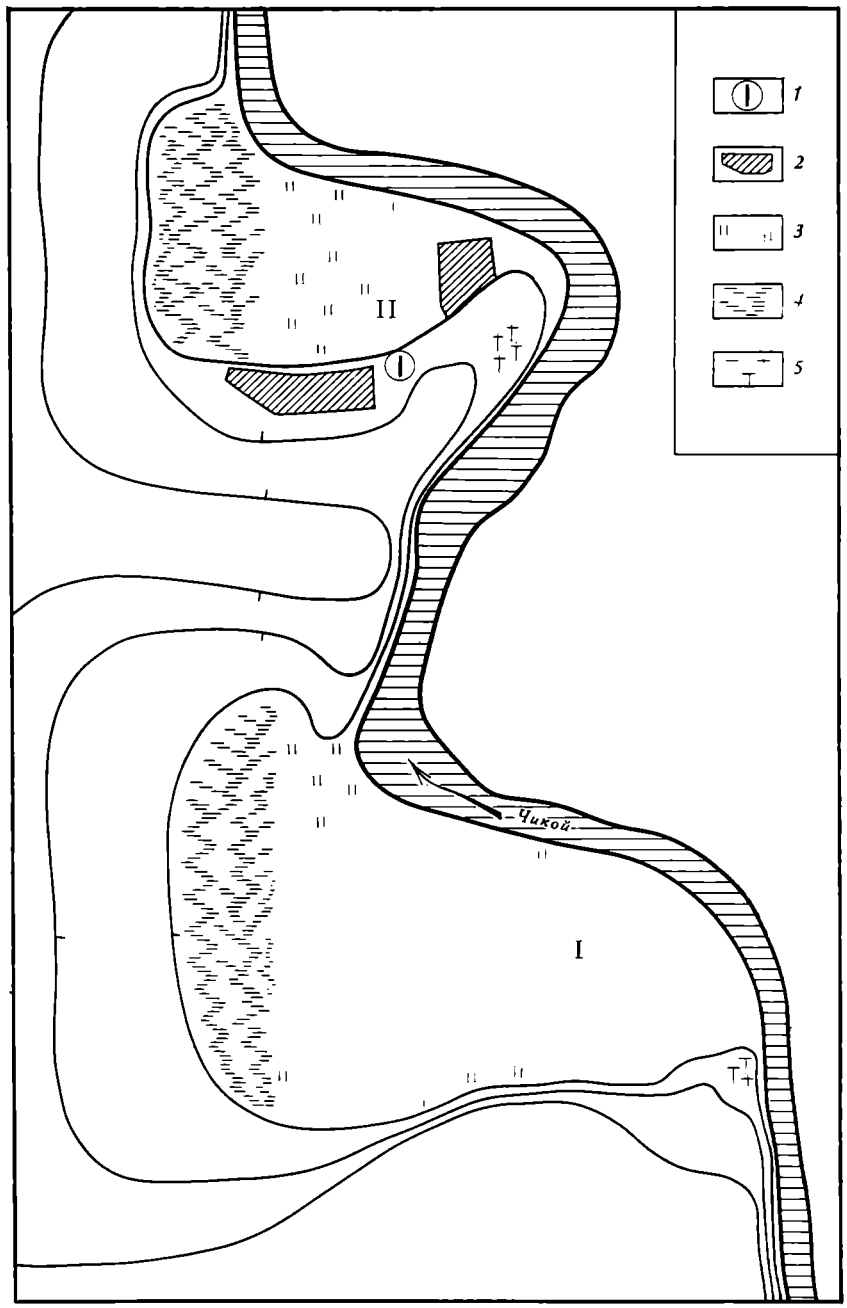


Рис. 1. План поселений Дурёны I и Дурёны II: *1* — раскоп 1; *2* — село; *3* — пойменный луг, *4* — болото; *5* — кладбище

Северная и западная стороны излучины поросли молодыми сосновыми рощами, южная сторона открытая, здесь поверхность берега разрушена во многих местах оврагами и котловинами выдувания. В стенках оврагов хорошо заметны темные гумусированные слои различной мощности; выходы таких слоев отмечены по всей южной стороне излучины протяженностью свыше 1 км; общая длина излучины составляет 2,5 км.

В центре южной стороны излучины, в 170 м восточнее крайней западной группы домов села, где наиболее часто встречался подъемный материал, была сделана зачистка стенки оврага шириной 2 м. В профиле зачистки зафиксированы чередующиеся слои коричневой, светлой и серой супеси общей мощностью (до материкового суглинка) около 2 м. В ряде слоев темной гумусированной супеси были найдены фрагменты керамики и обломки костей животных.

Для более детальной характеристики выявленных культурных слоев был заложен разведочный раскоп 1, включивший в себя зачистку. Раскоп расположен на склоне мыса, образованного с западной стороны оврагом (в стенке которого была сделана зачистка), с восточной — глубокой задернованной ложбиной. К северу мыс круто обрывается в пойму

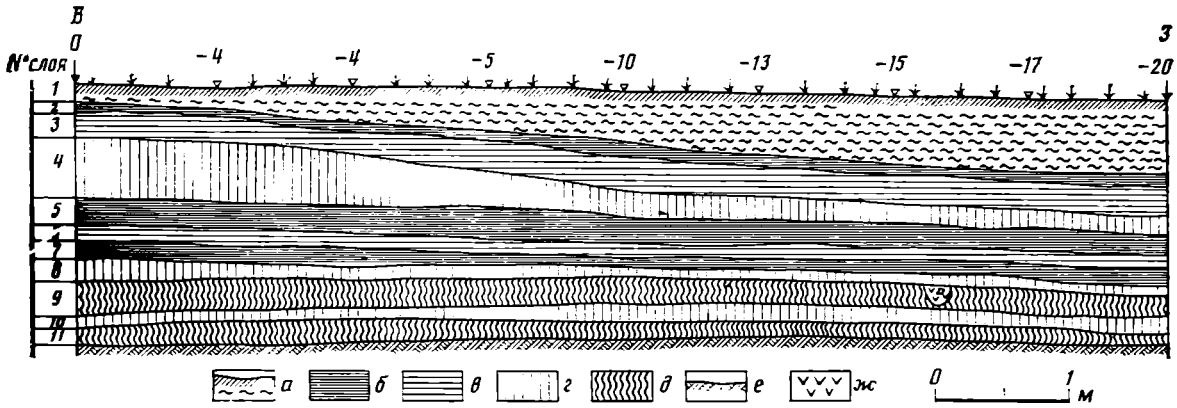


Рис. 2. Поселение Дурёны II, профиль южного борта раскопа 1: *а* — дерн и наносной песок, *б* — коричневая гумусированная супесь; *в* — светло-коричневая супесь; *г* — рыхлая светло-желтая супесь; *д* — плотная темно-серая супесь; *е* — темно-желтый материковый суглинок; *ж* — углистая линза с остатками обгоревших костей животных

Чикоя, к югу плавно сливается с поверхностью берега. Современная дневная поверхность раскопа ровная. В 1983—1984 гг. здесь вскрыто 120 м². Восточный борт раскопа длиной 20, южный — 8 м. С северной и западной сторон площадь раскопа нарушена оврагом и имеет неправильную форму. Ниже дается описание слоев, вскрытых на раскопе 1, и находок в них. В качестве примера приведена стратиграфия южного борта раскопа (рис. 2), где выявленные слои представлены наиболее отчетливо; аналогичная стратиграфия выявлена и в профиле восточного борта.

Слой 1. Слабозадернованный желто-бурый наносной песок, мощность по всей поверхности раскопа колеблется в пределах 15—55 см, без находок.

Слой 2. Коричневая гумусированная супесь с включениями углей, мощность 10 см. Находки — фрагменты керамики, орнаментированные налепным валиком с насечками (рис. 3, *2*, *3*), некоторые из них дополнительно украшены точечным орнаментом, образующим полосы или круги (рис. 3, *3*). Найден также венчик, орнаментированный по краю наклонными вдавлениями, ниже которых проходит слабо выраженный налепной валик (рис. 3, *1*).

Слой 3. Светло-коричневая супесь с включениями углей, мощность 20—22 см. Находки — фрагменты сосудов с прямым и зигзагообразным налепным валиком с насечками (рис. 3, *4*, *5*) и обломки костей животных.

Слой 4. Рыхлая светло-желтая супесь с включениями углей, мощность в пределах раскопа колеблется от 15 до 45 см. Находки — фрагмент сосуда с налепным рассеченным валиком «с отводом» (по тесту и обработке поверхности близок фрагментам из слоя 3) (рис. 3, *6*) и обломки неорнаментированных венчиков с утолщением книзу (рис. 3, *7*).

Слой 5. Серо-коричневая гумусированная супесь, мощность 20 см. Находки — фрагменты керамики: венчика сосуда, орнаментированного косыми параллельными штрихами, образованными тремя ромбовидными углублениями (рис. 3, *8*); стенок сосуда с орнаментом в виде двух параллельных рядов небольших кружков, нанесенных, возможно, срезом трубчатой кости (рис. 3, *9*); венчика, по срезу которого нанесен орнамент в виде имитации оттисков шнура (рис. 3, *10*); сосудов с гладкой серой поверхностью и отчетливыми полосами вертикального лощения (рис. 3, *11*); стенок и венчиков сосудов с вафельным орнаментом (рис. 3, *11*, *12*); стенки сосуда со штампованным орнаментом (рис. 3, *14*); стенки сосуда с орнаментом в виде прочерченных треугольников, на вершинах треугольников имеются углубления (рис. 3, *15*).

Слой 6. Светло-бежевая гумусированная супесь с включениями углей, мощность 15—17 см. Находки — обломки костей животных и фрагменты керамики: сосуда с налепным рассеченным валиком (рис. 3, *16*);

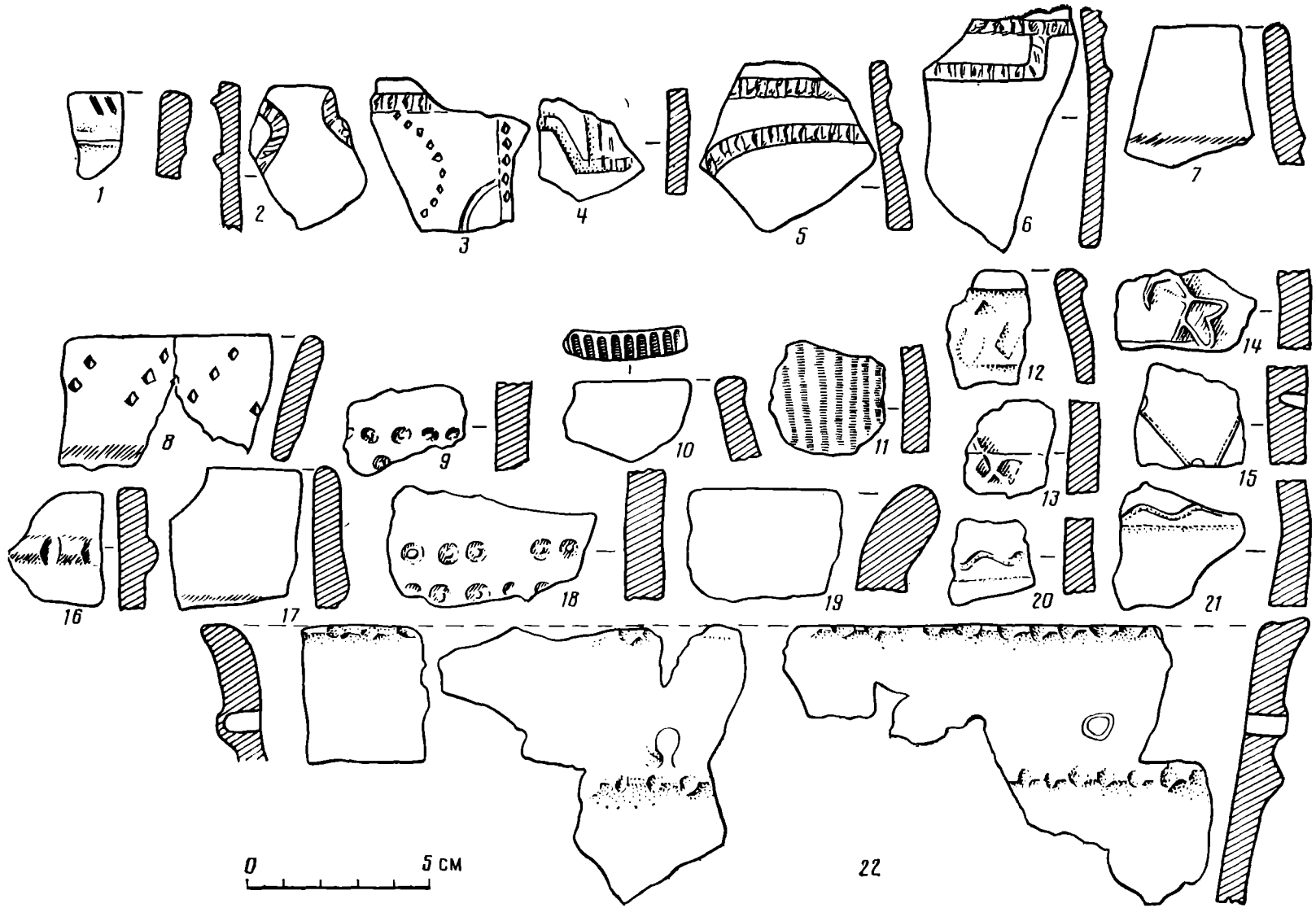


Рис. 3. Керамика поселения Дурёны II: *1—3* — слой 2; *4, 5* — слой 3; *6, 7* — слой 4; *8—15* — слой 5; *16—18* — слой 6; *19—21* — слой 7; *22* — слой 8

неорнаментированных венчиков с утолщением книзу (рис. 3, *17*); стенок сосуда с орнаментом в виде небольших кружков (аналогичны керамике из слоя 5) (рис. 3, *18*).

Слой 7. Серо-коричневая гумусированная супесь с включениями углей, мощность 15—18 см. Находки — фрагменты керамики: венчика толстостенного сероглиняного сосуда (рис. 3, *19*); стенок сосудов, орнаментированных врезной волнистой линией (рис. 3, *20*, *21*). При зачистке основания слоя выявлены пятна двух ям. Яма № 1 в кв. 9 выражена пятном светло-желтой супеси (диаметр 0,75 м). Яма выбрана по пятну на глубину заполнения — 15 см; находок нет. Яма № 3 в кв. 17 выражена пятном светло-желтой супеси подовальной формы размером 1×0,7 м. Яма выбрана по пятну на глубину заполнения — 25 см; находок нет.

Слой 8. Светло-желтая супесь с включениями углей, мощность 12—18 см. Находки — фрагменты венчиков сосудов, по внешнему краю венчиков проходит слабо выраженный валик с насечками, ниже края расположен ряд отверстий, а под ними вновь налепной валик с насечками (рис. 3, *22*). При зачистке слоя выявлены пятна двух ям. Яма № 2 в кв. 3 выражена пятном светло-серой супеси округлой формы (диаметр 0,9 м). Яма выбрана на глубину заполнения — 25 см; находок нет. Яма № 4 на границе кв. 25, 26 выражена пятном светло-коричневой супеси округлой формы (диаметр 0,7 м). Яма выбрана по пятну на глубину заполнения — 20 см, находок нет. В кв. 11, 12 на уровне слоя 8 фиксировалось пятно прокаленного песка красного цвета, аморфных очертаний, остатки углей и дерева от небольшого бревна.

Слой 9. Плотная темно-серая гумусированная супесь без находок, мощность 25 см. При зачистке слоя в кв. 12 выявлено пятно ямы № 5, выраженное светлой супесью округлой формы (диаметр 0,7 м). Яма выбрана по пятну на глубину заполнения — 25 см, находок нет.

Слой 10. Плотная светло-желтая супесь, мощность 10—12 см, находок нет.

Слой 11. Вязкая темно-серая супесь, мощность 12—15 см, находок нет. Ниже слоя 11 залегает плотный темно-желтый материковый суглинок.

Датировку выделенных на раскопе 1 культурных слоев можно определить пока предположительно. Опорой для хронологии являются находки в слоях 5—7 фрагментов керамики, характерной для эпохи господства сюнну в Центральной Азии. Вероятно, слой 7 (нижний из содержащих сюннускую керамику, рис. 3, *19—21*) относится к периоду сюннуского заселения Забайкалья, т. е. II—I вв. до н. э. Возможно население, знакомое с культурными традициями сюнну, обитало здесь достаточно долго, о чем свидетельствуют находки сюннуской керамики и в слоях 6 и 5 (составляющих вместе со слоем 7 наиболее четко выделяемую пачку слоев). Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что в этих же слоях встречены и фрагменты иной керамики (рис. 3, *8—10*, *12—15*), что указывает на сосуществование в определенный период сюнну и населения иной этнокультурной общности. Фрагменты сосудов из слоя 8, судя по их стратиграфическому положению, ниже слоев с сюннуской керамикой, могут быть предварительно отнесены к эпохе поздней бронзы — скифскому времени[1]. Эту датировку частично подтверждают и аналогии такой керамике среди сосудов дворцовской культуры в Восточном Забайкалье [7].

Керамика из слоев 2—4 (выше слоев с керамикой сюнну) может быть предварительно отнесена к послесюннускому периоду в истории Центральной Азии, т. е. к середине или концу I тыс. н. э. На фрагментах этой керамики преобладает налепной валик с насечками: такой валик образует на поверхности сосудов зигзаги или «отводы». Эта особенность на-

[1] Это предположение хорошо согласуется с радиоуглеродной датой остатков кострища на уровне слоя 8 — 640±40 гг. до н. э., что с учетом калибровки дает диапазон VIII—VII вв. до н. э. (анализ радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР № ЛЕ-2524).

поминает приемы орнаментации сосудов бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья, датируемой в пределах I тыс. н. э. [8].

Разумеется, высказанные соображения по хронологии памятника имеют предварительный характер. Для подробной характеристики поселения Дурёны II и конкретной датировки выявленных слоев необходимы дальнейшие исследования этого оригинального памятника, направленные в первую очередь на вскрытие больших площадей сплошным раскопом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сосновский Г. П.* О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя//КСИИМК. 1947. Вып. XIV.
2. *Давыдова А. В., Миняев С. С.* Поселение хунну у с. Дурёны//АО — 1972. М., 1973.
3. *Давыдова А. В., Миняев С. С.* Раскопки поселения сюнну у с. Дурёны//АО — 1975. М., 1976.
4. *Давыдова А. В.* Новые данные о поселении хунну у с. Дурёны// АО — 1979. М., 1980.
5. *Давыдова А. В.* О роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну//КСИА. 1978. Вып. 154.
6. *Мельхеев М. Н.* Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1968.
7. *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск, 1979.
8. *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1984.

Б. А. ШРАМКО

ДЕТАЛИ ОЛЕНЬЕЙ УПРЯЖИ В СКИФИИ

Несмотря на то что проблема возникновения и развития разных форм скотоводства на территории Евразии давно привлекала и привлекает внимание многих исследователей, существует еще немало нерешенных вопросов. В частности, до сих пор окончательно не определены время возникновения и ареал распространения такой важной отрасли хозяйства, как древнее оленеводство [1, с. 43—87; 2, с. 175]. В письменных источниках сведения об оленнем транспорте фиксируются весьма поздно [3, с. 171—189; 4, с. 24]. Археологические данные пока ограничены, но они позволяют уже сейчас утверждать, что в Южной Сибири в I тыс. до н. э. племена тагарской культуры имели домашних оленей [5, с. 39—49]. Исследователи предполагают, что оленеводство возникло вначале в таких двух регионах, как Саяно-Алтайское нагорье и горные районы Забайкалья — Приамурья; население Западной Сибири познакомилось с оленеводством в процессе расселения на север самодийских племен из области Саянских гор, а саамы Скандинавии и Кольского полуострова заимствовали оленеводство у ненцев [1, с. 87; 4, с. 24, 25].

Что касается территории Европы, расположенной к югу от областей современного оленеводства, и в частности земель древней Скифии, то вопрос о существовании здесь какой-либо формы оленеводства в литературе вообще не рассматривался из-за отсутствия конкретных фактов, если не считать остеологических остатков животных семейства оленей (благородные олени, лоси, косули, северные олени), которые хорошо представлены в археологических материалах различных памятников Скифии VII—III вв. до н. э. [6, с. 71—73; 7, с. 59—61]. Но этот остеологический материал используется лишь для характеристики охотничьего хозяйства. Поэтому особого внимания заслуживают уникальные находки, сделанные при раскопках Бельского городища VII—III вв. до н. э. (Полтавская обл.), которое отождествляется с геродотовским городом Гелоном [8, с. 65—85; 9, с. 153]. Они позволяют по-новому осветить вопрос о распространении оленеводства в древности.

Первоначально в ходе раскопок Восточного укрепления Бельского городища в 1965 г. в раскопе 4 и в 1978 г. в раскопе 28 было обнаружено два обломка необычных костяных предметов в виде гребней со слабоизогнутой спинкой. Один из них (рис. 1, *3*) представлял собой обломок костяной пластинки прямоугольного сечения с четырьмя сохранивши-

мися небольшими треугольными зубцами. В лишенной зубьев концевой части просверлено отверстие с заглаженными краями, указывающими на то, что в него продевался какой-то ремешок или шнур. У обломка, найденного в раскопе 28 (рис. 1, *2*), сохранилось полностью лишь два более крупных зубца треугольной формы. Концевая часть этого гребня скошена, и в ней также просверлено аналогичное отверстие. Фрагментарность указанных находок не позволила сразу точно установить общую конфигурацию, размеры и назначение этих своеобразных костяных гребней. По размерам и форме зубьев они напоминали известные по этнографическим и археологическим материалам костяные и деревянные чесала для обработки льна. Кроме похожих зубьев некоторые чесала имеют и отверстие на конце рукоятки [10, с. 65, табл. 61, 62]. Казалось, это — однотипные орудия [11, с. 57, табл. 15, *4*]. Смущало лишь то, что чесала имеют четко выраженные, довольно большие рукоятки и отверстия у них расположены не на передних концах, а на рукояточной части. Но все это могло объясняться тем, что среди находок в Бельске нам попадались вначале лишь обломки изделий.

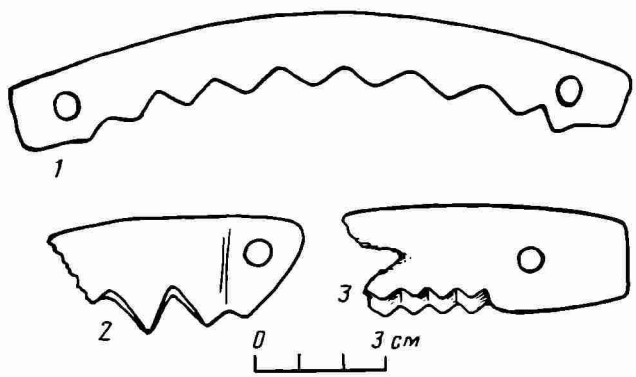


Рис. 1. Костяные изделия в виде гребней, найденные на Бельском городище: *1* — из раскопа 30; *2* — из раскопа 28; *3* — из раскопа 4

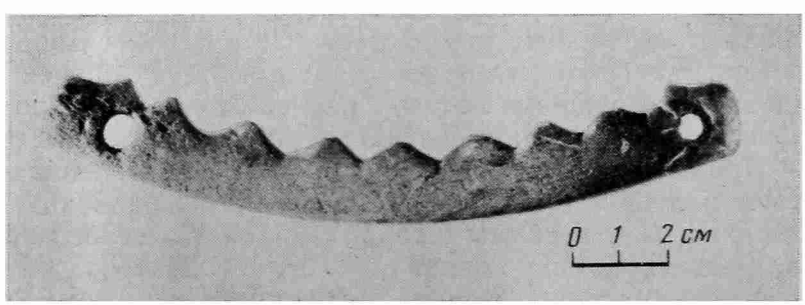


Рис. 2. Костяное изделие, найденное в 1983 г. в раскопе 30 на Восточном укреплении Бельского городища

Ключом к пониманию этой группы загадочных костяных предметов стала находка, сделанная в 1983 г. в раскопе 30 на том же Восточном укреплении Бельского городища. На дне глубокого (220 см) погребка (№ 80), который относится к IV в. до н. э., впервые удалось обнаружить целый экземпляр такого изделия (рис. 1, *1*; 2). Оно имеет вид дугообразного изогнутого гребня с крупными треугольными зубцами и двумя отверстиями по краям. Длина его 14,3, ширина — до 1,9, толщина 0,5—0,6 см. Сделан гребень из расколотой вдоль трубчатой кости. На хорошо сохранившихся вершинах зубцов заметна залощенность.

Находка целого экземпляра сразу показала, что этот предмет не может рассматриваться как чесало для льна, так как у него отсутствует рукоятка и слишком небольшая для этого орудия длина. Например, общая длина новгородских чесал равна 45—55, а иногда достигает 70 см [10, с. 65], нет у них и двух отверстий по краям. Но что же это за предмет?

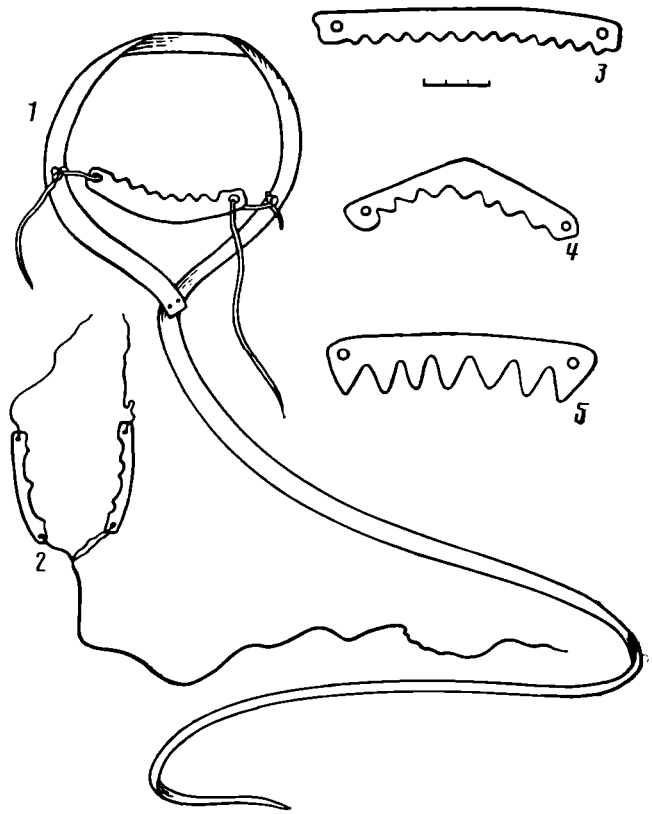


Рис. 3. Части оленьей упряжки по этнографическим материалам: *1* — долганский недоуздок с костяным гребешком; *2* — долганский недоуздок с двумя костяными гребешками; *3* — долганский костяной гребешок от оленьего недоуздка; *4* — долганский костяной гребешок от недоуздка; *5* — костяной гребешок от недоуздка, употребляющегося у чукчей (*1, 2, 4* — по А. А. Попову, *3* — из коллекции ГМЭ, *5* — по Г. М. Василевич и М. Г. Левину)

Разгадка оказалась неожиданной. Ознакомление с богатыми коллекциями[1] Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде и соответствующей этнографической литературой убедило нас в том, что найденные на Бельском городище своеобразные гребни представляют собой костяные детали сложного недоуздка домашнего оленя. Упряжь, при помощи которой управляют оленем, существенно отличается от конской упряжи прежде всего отсутствием удил. В наиболее широко распространенном долганском типе упряжи недоуздки для оленей бывают простыми, состоящими из надеваемой на лоб оленя петли (закрепляющейся на затылке двумя ремешками) и поводка. Они используются для управления верховым оленем. Для оленей, запрягаемых в нарты, применяют более сложный недоуздок, состоящий из аналогичных ременных частей с добавлением различных костяных (роговых) пластинок [4, с. 21, 22; 12, с. 189, 191]. Последние особенности важны для сопоставления с археологическим материалом, так как ременные части недоуздка в обычных условиях не могут сохраниться.

Среди сложных недоуздков имеются такие, которые снабжены костяными гребешками различной степени изогнутости (рис. 3). Все они имеют на концах отверстия для ремешков, при помощи которых один или два костяных гребешка прикреплялись к петле недоуздка (рис. 3, *1*, *2*). Предназначаются эти гребешки для того, чтобы нажимать на чувствительные места головы или шеи оленя и заставлять его выполнять требования хозяина. Такие сложные недоуздки применялись для тренировки оленей, для упряжи пристяжных оленей и во время охоты на диких

[1] Выражаю глубокую благодарность В. В. Горбачевой, которая предоставила мне возможность познакомиться с коллекциями оленьей упряжи и прислала необходимые фотографии.

оленей с оленем-манщиком. В недоуздке с одним костяным гребешком назначение последнего видно из следующего: «Чтобы олень, идущий на поводу за передним, не тянул назад, надевают на него недоуздок с костяным гребешком „keebee" Когда олень начинает тянуть, зубцы гребешка надавливают на затылок и, причиняя боль, заставляют его бежать» [12, с. 189]. При охоте на диких оленей с помощью домашнего на шею важенки домашнего оленя также туго привязывают петлю с двумя костяными гребешками таким образом, чтобы костяные пластинки были обращены зубцами к телу животного. Петля соединяется с очень длинным (~300 м) ремнем, при помощи которого охотник управляет движением важенки-манщика. Сам охотник в это время, скрываясь за другим домашним оленем, постепенно приближается к стаду диких оленей на расстояние выстрела [13, с. 161, рис. 15].

Сопоставление костяных гребней Бельского городища с аналогичными деталями оленных недоуздков из коллекции Государственного музея этнографии народов СССР показало совпадение не только общей формы, но и деталей этих изделий, а также следов сработанности зубьев и отверстий и в ряде случаев размеров всего костяного гребня. Особенно близкими к бельскому целому гребню от недоуздка оказались восточносибирские костяные гребни от долганской упряжи, которая использовалась для управления домашним оленем-манщиком (рис. 3, *3*). Хронологически близки к бельским костяные детали оленьей узды усть-полуйской культуры низовьев Оби. Они относятся к известной и по этнографическим материалам разновидности более изогнутых костяных пластинок и отличаются меньшим количеством зубьев [14, с. 78, 81, табл. IV].

Современная оленья упряжь применяется только для домашних северных оленей. Костные остатки последних известны в Скифии по находкам на лесостепном городище Кузина гора [7, с. 61] и даже в Ольвии [6, с. 72; 15, с. 102], что дало основание исследователям говорить о проникновении в раннем железном веке северных оленей на юг вплоть до Черного моря. Находки деталей оленьей упряжи, которые относятся к концу VI — началу V в. до н. э. (обломки) и к IV в. до н. э. (целый экземпляр), указывают, что в это время у населения, жившего в бассейне Ворсклы, имелись домашние олени.

Пока еще не ясно, как конкретно использовались местным населением сложные недоуздки с костяными гребешками: применялись ли они только для охоты на диких оленей с домашним оленем-манщиком, или олени использовались также для верховой езды и в санной упряжке? Все же надо полагать, что при наличии большого количества лошадей и быков вряд ли в лесостепной Скифии могла получить широкое распространение езда на оленях. Вместе с тем трехкратная находка костяных деталей оленьих недоуздков в закрытых комплексах (ямах) различных раскопов Бельского городища указывает на то, что эти вещи здесь не случайны. Скорее всего в местных условиях сложные недоуздки применялись для охоты с оленем-манщиком.

Следует обратить внимание на совершенную форму сложного недоуздка, прекрасно учитывающего особенности животных и поэтому сохранившегося в неизменном виде до наших дней. Такое изделие могло быть выработано только там, где оленеводство уже давно существовало и являлось одной из основных форм хозяйства. Видимо, сложный недоуздок был создан в более северных областях [16, с. 100], с которыми местные жители поддерживали какие-то культурно-экономические связи. Не исключено и проникновение в бассейн Ворсклы определенной этнической группы северного происхождения, которая принесла сюда и оленью упряжь, и навыки своеобразной охоты на дикого оленя с манщиком. В любом случае бельские находки очень важны, так как благодаря им впервые в археологическом материале скифской эпохи раннего железного века Восточной Европы удалось выявить древнейшие костяные детали оленьей упряжи и, следовательно, получить доказательства существования оленеводства в Скифии в VI—IV вв. до н. э. В пись-

менных источниках древнейшее упоминание об охоте на диких оленей с помощью оленя-манщика относится к саамам и датируется IX в. [16, с. 96]. Археологические находки позволяют удревнить эту дату почти на полтора тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василевич Г. М., Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение//СЭ. 1951. № 1.
2. *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980.
3. *Золотарев А. М., Левин М. Г.* К вопросу о древности происхождения оленеводства// Проблемы происхождения домашних животных. Вып. 1. Л., 1933.
4. *Василевич Г. М., Левин М. Г.* Оленный транспорт//Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
5. *Кызласов Л. Р.* Древнейшее свидетельство об оленеводстве//СЭ. 1952. № 2.
6. *Цалкин В. И.* История скотоводства в Северном Причерноморье//МИА. 1960. № 53.
7. *Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии// МИА. 1966. № 135.
8. *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема//СА. 1975. № 1.
9. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
10. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. 1968. Вып. Е1-55.
11. *Шрамко Б. А.* Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1983.
12. *Попов А. А.* Оленеводство у долган//СЭ. 1935. № 4—5.
13. *Попов А. А.* Охота и рыболовство у долган//Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
14. *Мошинская В. И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя//МИА. 1953. № 35.
15. *Пидопличко И. Г., Топачевский В. А.* Лось и северный олень в доисторическом прошлом//Природа. 1953. № 7
16. *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976.

С. А. КОВАЛЕНКО

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОРНАМЕНТАЦИИ АНТИЧНОЙ РЕЛЬЕФНОЙ КЕРАМИКИ

Среди большого количества находок обломков рельефной художественной керамики эллинистического времени — так называемых мегарских чаш, обнаруженных в 1982 г. при работах в южной части Чайкинского городища на греко-скифской свалке, особое внимание привлекает фрагмент придонной части мегарской чаши с полностью сохранившим-

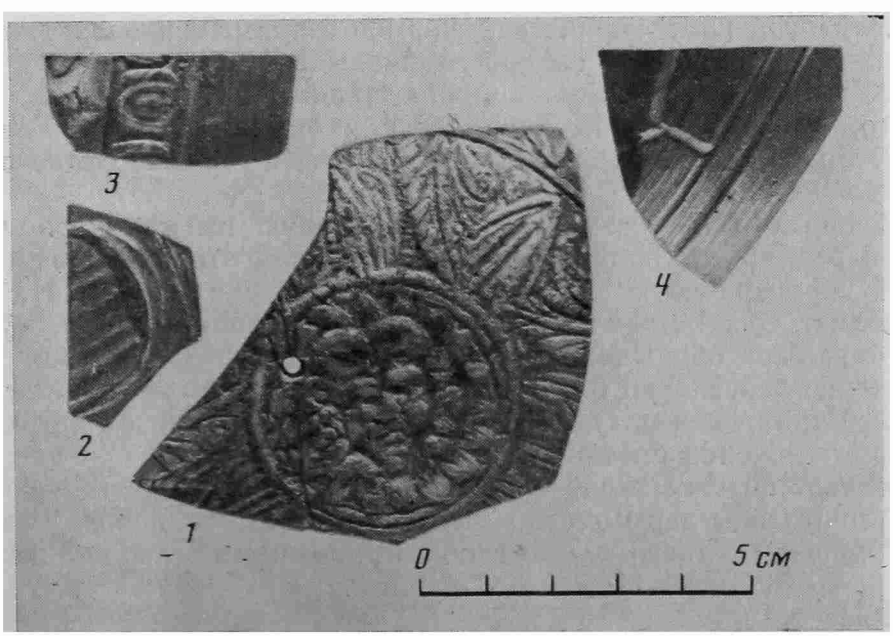


Рис. 1. Фрагменты мегарских чаш с Чайкинского городища. *1*—№ Ч-82-562

ся изображением в медальоне донца[1] (по описи № Ч-82-562). Данный фрагмент состоит из двух обломков неравной величины. Сохранился след древнего ремонта чаши в виде небольшой круглой дырочки, видимо, для крепления свинцовой скобы (рис. 1, *1*). Фрагмент с обеих сторон покрывает коричневый матовый лак. На внутренней поверхности, где лак почти не сохранился, процарапана буква «Х» (рис. 2). Глина, из которой изготовлен сосуд, красная, с множеством блесток. Изображения, покрывавшие чашу, располагались по зонам, отделенным рельефными линиями. Самая нижняя, придонная зона украшена изображениями чередующихся листьев лотоса двух типов (ланцетовидного и ромбовидного) с листьями аканфа, верхушка которых склонена почти до основания листа. Выше находилась еще одна зона, от изображения которой до нас дошел лишь маленький кусочек небольшого листка вправо. Однако по многочисленным аналогиям можно легко установить, что данная зона была занята изображением пучков листиков, сгруппированных по пять и повернутых вправо [1, табл. 32, *901*, *2204*]. Вполне обычны мотивы придонной зоны, аналогии которым встречаются в ряде комплексов, в том числе и достаточно надежно датированных [2, рис. 55].

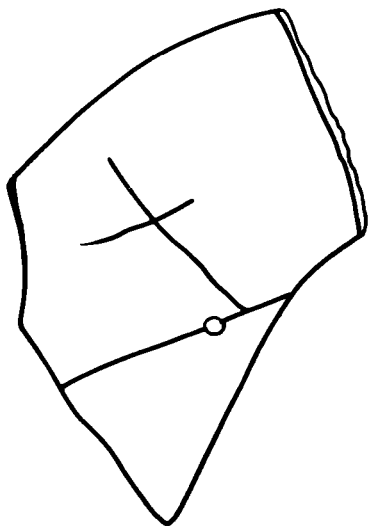


Рис. 2. Прорисовка граффито на внутренней поверхности чаши № Ч-82-562

Гораздо более интересно изображение, помещенное непосредственно в медальоне донца чаши. Это голова молодого мужчины, обрамленная пышной массой вьющихся волос и окруженная со всех сторон небольшими листиками-лучиками (рис. 1, *1*). Изображение резко выделяется из всей массы мотивов, используемых для украшения донц мегарских чаш (обычно разнообразные растительные розетки), как по своему типу, так и по его трактовке и качеству исполнения. Единственная точная аналогия чайкинскому фрагменту имеется в материалах раскопок малоазийского города Лабраунды [3, табл. 9, *114*]. Чаша из Лабраунды как по мотивам изображения, так и по техническим характеристикам (красная глина с множеством блесток и коричневый матовый лак) не отличается от фрагмента с Чайки и, видимо, изготовлена в той же форме (рис. 3). Подобные чаши, характеризующиеся размещением изображений по зонам, неглубокой полусферической формой с прямым или вогнутым венчиком, красно-коричневой глиной различных оттенков, всегда с множеством блесток, редкими белыми включениями, изготовлялись, вероятнее всего, в очень близких друг другу центрах ионийской Греции [1, с. 1—3]. Более конкретно локализовать место их производства пока затруднительно.

Необходимо также отметить происходящую из Кеп чернолаковую пелику с рельефным орнаментом, обычную для второй половины II в. до н. э., украшенную интересным клеймом на дне [4, рис. 4]. Клеймо представляет собой медальон с рельефным изображением мужского лица. Медальон обрамляют лучеобразные линии с точками. Данное изображение безусловно близко чайкинскому, в чем убеждает совпадение общей трактовки полуулыбающегося лица и такой детали, как обилие и форма локонов, его обрамляющих.

Возникает вопрос: какие художественные идеи, образы и изобразительные прототипы легли в основу создания штампов, использовавшихся для украшения такого рода изображениями медальонов мегарских чаш?

---

[1] Работы на городище близ Евпатории ведет Крымская археологическая экспедиция МГУ под руководством И. В. Яценко.

На родосских монетах IV—I вв. до н. э. в качестве изобразительного мотива лицевой стороны использовались фасовые изображения головы Гелиоса, которые, будучи весьма разнообразными в трактовке образа и проработке деталей, близки в главном: изображена голова молодого бога с пышной массой развевающихся волос, обрамляющих все лицо и нередко спускающихся до шеи, иногда голова окаймлена венцом из солнечных лучей (рис. 4). Как правило, голова божества дана в легком повороте вправо или влево, но есть и строго фасовые изображения, встречающиеся на монетах, чеканенных в Карии и имитирующих родосскую чеканку (рис. 5, *1—3*) [5, табл. 26, 27].

Рис. 3. Фрагмент мегарской чаши из Лабраунды

Известно, что в основу популярного в древности изображения Гелиоса на родосских монетах легло изображение головы Аретузы, созданное резчиком Кимоном и использовавшееся при чеканке сиракузских монет. Этому же изобразительному типу обязаны своим возникновением фасовые изображения головы Аполлона, Ларисы, Гермеса на монетах Амфиполя и Клазомен, Лариссы и Эноса [6, с. 67]. Активная монетная чеканка на Родосе начинается с 408 г. до н. э.; в IV в. до н. э. родосская весовая монетная система усваивается городами Карии, Ионии, Мисии, и вплоть до второй половины I в. до н. э. в этом районе Восточного Средиземноморья родосские монеты и монетные типы имеют очень широкое распространение. Уже в конце V — первой половине IV в. до н. э. на родосских монетах появляется изображение головы Гелиоса, которое в качестве ведущего изобразительного типа сохраняется до конца родосской монетной чеканки и вызывает многочисленные подражания и имитации в различных городах Малой Азии. Родос был одним из крупнейших торговых центров Средиземноморья, и для его монетного производства справедливо замечание А. Н. Зографа о том, что в больших городах с широко развитой торговлей, монеты которых имели распространение на многочисленных рынках, стилистическое развитие монетного изображения идет широкими ступенями, задерживаясь иногда на одном уровне на промежутки времени до двух столетий, что связано с существованием устоявшихся представлений о внешнем облике монеты того или иного центра, играющей роль твердой валюты [6, с. 66].

Сравнение приведенных монетных типов Родоса и изображения на чайкинском медальоне показывает, что в основе их лежит изображение одного и того же персонажа — молодого бога Гелиоса. Близко, например, чайкинскому изображение лица Гелиоса на монетах, опубликованных Л. Ансоном [5]: глаза, выпуклые надбровные дуги, крупный нос, губы, прическа, без сомнения, родственны изображению на мегарской чаше, хотя последнее, конечно, более схематично, плоскостно, менее моделировано, не дает такой игры светотени (рис. 4). Наибольшей простоты и обобщенности образ Гелиоса достигает, пожалуй, на карийских монетах, имитирующих родосскую чеканку, для которых характерен округлый овал лица, схематичность в изображении его основных деталей, разделение всей массы волос на две половины, спускающиеся вьющимися правильными локонами симметрично вплоть до подбородка (рис. 5, *1—3*). Все эти черты присутствуют и на медальоне мегарской чаши.

Мегарские чаши были продукцией массового производства, изготовлявшейся, вероятно, во многих греческих городах, поэтому для какой-то ступени развития такого производства можно говорить об определенном нивелировании его художественных идей, отражавшем стремление эллинистических мастеров удовлетворить вкусы среднего массового покупателя и выражавшемся в использовании набора стандартных и распространенных мотивов и штампов. Покупателю, на которого оно было рассчитано, без сомнения, были знакомы все используемые мотивы, заимствованные или из архитектурного орнамента, или с произведений

Рис. 4. Родосские монеты с изображением Гелиоса на лицевой стороне

торевтов и в подавляющем большинстве случаев представляющие самые разнообразные варианты растительного декора (что справедливо и для медальонов на донцах чаш). В случае использования каких-либо персонифицированных изображений последние также должны были быть хорошо известны каждому греку или по мотивам и легендам, или по их частому использованию в виде украшений на предметах повседневного обихода. Возможно поэтому, что интенсивное использование родосских монет и монетных типов в Восточном Средиземноморье, в том числе и в Ионии, где размещались многочисленные центры по производству рельефных чаш, могло способствовать расширению набора изобразительных мотивов мастерами-керамистами и за счет использования широко известных монетных типов. Интересно в этом отношении, что, например, довольно часто встречаемые в медальонах мегарских чаш изображения головы Медузы в самых разнообразных вариантах [7, табл. X, *5*, *6*, *8*] являются также одним из излюбленных мотивов в монетной чеканке многих греческих полисов [5, табл. 10, *602*, *603*, *606*]. Даже поверхностное сравнение медальонов мегарских чаш и лицевой стороны монет с изображениями головы Медузы позволяет сделать вывод о близости этих изображений, хотя окончательное заключение о том, монетные типы каких именно городов послужили основой для создания украшений мегарских чаш, возможно лишь после тщательной обработки и сравнительного анализа всего большого материала (керамического и монетного), который должен привлекаться для решения этого вопроса.

Дополнительным свидетельством в пользу существования связи между изображениями на монетах и на медальонах мегарских чаш является сам прием подобного рода изображений на чашах. Они, как правило, довольно удачно и законченно вписаны в очень небольшую плоскость окружности медальона, за редкими исключениями, несмотря на ограниченность отводимого изобразительного пространства, не условны и схематичны, а достаточно проработаны и художественны.

По всей вероятности, изображение на чайкинском фрагменте было создано под влиянием достаточно поздних монетных типов II в. до н. э. (не обязательно родосской чеканки, возможно, подражаний родосским выпускам), поскольку для него характерна обобщенность трактовки, меньшая живость, бóльшая схематичность по сравнению с ранними типами (рис. 4). Однако в свое время А. Н. Зограф предостерегал от изо-

Рис. 5. Имитации родосских монет с изображением Гелиоса

лированного использования стилического анализа в целях хронологии [6, с. 65], поэтому для подтверждения и уточнения датировки необходимо привлечь все дополнительные данные, имеющиеся в нашем распоряжении. Уже упоминалось о том, что орнамент придонной зоны чайкинской чаши в виде чередующихся листьев лотоса и аканфа со склоненной до основания листа верхушкой имеет аналогии в таком памятнике, как Артюховский курган, датируемый М. И. Максимовой серединой — третьей четвертью II в. до н. э. [2, с. 8]. Интересно указание Б. Хеда на новое оживление в использовании типа «Гелиос в фас» после 167 г. до н. э., когда он заменяет профильное изображение головы божества. В связи с тем, что римляне в 167 г. до н. э. лишили Родос его владений в Малой Азии, объявили Делос порто-франко, Родос, как отмечает Б. Хед, стремится поддержать свой торгово-денежный авторитет выпуском драхм, более тяжелых и близких к первоначальному родосскому стандарту [8, с. 640—641]. Для того чтобы различать драхмы нового и старого веса, и вводится новый монетный тип лицевой стороны — голова Гелиоса в фас, оборотной — вдавленный квадрат вместо цветка граната. Выпуск таких монет продолжался до 88 г. до н. э.

Изучение чайкинского фрагмента ставит еще один вопрос: является ли данное изображение результатом непосредственного оттиска на глине самой не дошедшей до нас монеты родосской чеканки или оно нанесено штампом, изготовленным из другого материала и лишь подражавшим более или менее точно монетному типу или серии? В пользу последнего предположения свидетельствует обрамление головы Гелиоса на чаше листиками-лучиками, составляющими с изображением одно целое. Ничего подобного на родосских монетах не встречается, поэтому данную деталь надо рассматривать как добавление резчика штампа, тем более что использование на мегарских чашах в качестве украшения небольших листиков вполне обычно. Примечательна и такая деталь, как совпадение количества и формы локонов, обрамляющих изображение Гелиоса на чайкинской чаше и на пелике из Кеп [2]. Подобного совпадения в передаче всей массы развевающихся волос божества больше нигде не встречено. Будучи, таким образом, довольно близкими друг другу, эти изображения вместе с тем не изготовлены в одной форме. Штампы, которыми они наносились, были, вероятно, изготовлены разными резчиками, имевшими, однако, один прототип и, естественно, по-разному его трактовавшими.

Проблема использования монетных эмблем для украшения античных глиняных сосудов, несомненно, по мере накопления нового материала получит всеобъемлющее освещение в научной литературе. Уже сегодня примеры такого рода заимствований встречены в различных местах античного мира: италийские килики, украшенные на дне посеребренными глиняными медальонами, имитирующими реверс сиракузской декадрахмы с профилем Аретузы; мегарская чаша из Афинского национального музея, центральный медальон донца которой представляет собой не что иное, как точное воспроизведение серебряной монеты — тетрадрахмы Александра Македонского; обломок мегарской чаши с территории Румынии, украшенный оттисками гето-дакийских монет [9].

---

[2] Интересно, что единственное аналогичное кепскому клеймо, упоминаемое О. Н. Усачевой, имеется на мегарской чаше с Родоса, хранящейся в Берлинском музее [4, с. 105, прим. 16].

Фрагмент мегарской чаши с Чайкинского городища, являясь еще одним интересным дополнением к этому перечню, позволяет, кроме того, составить более точное представление об источниках и путях развития орнаментации такого интересного вида античной керамики, как мегарские чаши.

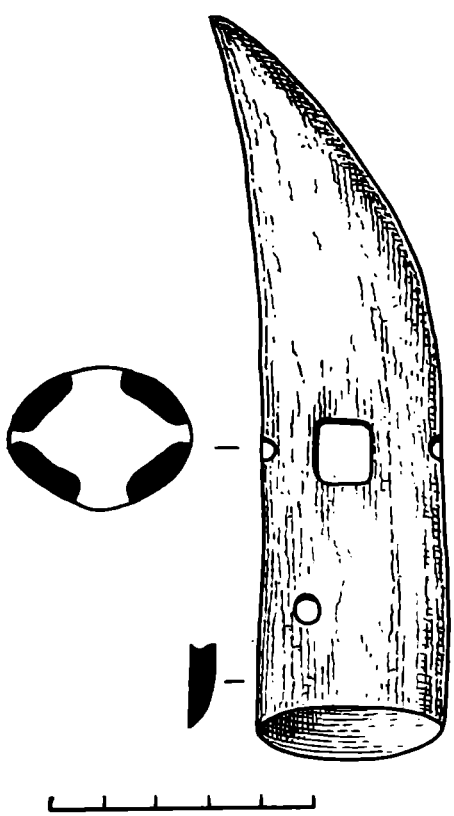
ЛИТЕРАТУРА

1. *Laumonier M. A.* La ceramique hellenistique a reliefs//Exploration archeologique de Delos. 1977. Fasc. 31.
2. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979.
3. *Hellström P.* Labraunda. Pottery of classical and later date, terracotta lamps and glass. Lund, 1971.
4. *Усачева О. Н.* Рельефная керамика из Кеп//КСИА. 1978. Вып. 156.
5. *Anson L.*//Numismata graeca. L., 1911.
6. *Зограф А. Н.* Античные монеты//МИА. 1951. № 16.
7. *Schwabacher W* Hellenistische Reliefkeramik aus Kerameikos//Amer. J. Archaeol. 1941. № 2.
8. *Head L.* Historia nummorum//Annual of Greec numismatics. Oxford, 1911.
9. *Пругло В. И.* Монеты в античной керамике//МАСП. 1962. Вып. 4.

К. А. СМИРНОВ

КОСТЯНОЙ ПСАЛИЙ СО СТАРШЕГО КАШИРСКОГО ГОРОДИЩА

Среди находок со Старшего Каширского городища из раскопок В. А. Городцова имеется массивный костяной предмет (рисунок). Его длина равна 13,7 см. Один конец обрезан и имеет канал, другой заострен и немного изогнут. Примерно на две трети длины предмет внутри полый. По линии среза он имеет овальную форму и поперечники 3,6×
×3 см. Край среза заостренный. Примерно на середине длины имеется четыре отверстия. Два из них, расположенные одно против другого, прямоугольные, размером 1,3×0,9 см; два других круглые, диаметром 0,3 и 0,4 см. Около края имеются круглые отверстия диаметром 0,6 см.



Костяной псалий со Старшего Каширского городища

При публикации В. А. Городцов описал этот предмет не совсем точно: «Крупный костяной рожок тщательной отделки с двумя малыми и двумя крупными отверстиями круглой и четырехугольной формы, назначение которого вполне загадочно» [1, с. 32]. Как явствует из описания, В. А. Городцов неправильно указал количество круглых отверстий, вместо четырех назвав два. На рисунке в книге пропорции предмета сильно искажены, он изображен более массивным, с более короткими пропорциями [1, с. 27]. Если в натуре отношение наибольшей ширины к длине 1 4, то на рисунке — 1 3. Надо отметить, что на рисунке край показан не заостроенным, а плоским.

На протяжении многих лет эта вещь не привлекала к себе внимание исследователей. Впервые после В. А. Городцова ее использовал Ю. А. Краснов при рассмотрении проблемы древнейшего скотоводства в Восточной Европе. Он совершенно правильно отнес вещь к числу древнейших в лесной полосе псалиев [2, с. 117].

Надо отметить, однако, что рисунок, помещенный в книге Ю. А. Краснова, неточен: форма псалия искажена, вместо прямоугольного отвер-

стия изображено круглое, край, так же как и у В. А. Городцова, показан плоским, а не заостренным.

Время предмета, по-видимому, не может вызывать сомнения. Старшее Каширское городище было датировано В. А. Городцовым периодом с VII—VI по IV в. до н. э. Последующие исследования подтвердили правильность даты [3, с. 3]. Рассматриваемая находка должна быть отнесена к началу этого периода [1, с. 45]. Псалии аналогичной формы, относящиеся к тому же времени, известны в степи и лесостепи [4, с. 61, 62]. По мнению К. Ф. Смирнова, они могли применяться с мягкими удилами, сделанными из сухожилий. Поэтому отсутствие металлических удил не может быть аргументом против использования коня для верховой езды [4, с. 46].

Для того чтобы понять, как псалий помещался в уздечке, надо познакомиться с ассирийскими рельефами, на которых изображены предметы, близкие по форме. К. Ф. Смирнов приводит деталь рельефа Ашурбанипала, на которой изображена голова лошади с аналогичными псалиями [4, с. 58]. По-видимому, псалии применялись с мягкими удилами, концы которых пропускались через прямоугольное отверстие и соединялись с поводом. Через круглые отверстия на этом же уровне пропускался ремень, закреплявший конец удил. Нащечный ремень раздваивался, и один его конец крепился к отверстиям у широкого конца псалия. Второй ремень завязывался у тонкого конца псалия. Судя по указанному рельефу, такое расположение ремней встречалось. По-видимому, наносный и подгубный ремни отсутствовали. Псалии располагались выгнутой стороной вперед, острым концом вверх.

Аналогичные псалии известны на поселениях эпохи раннего железа на Верхней Волге. На городище «Графская гора» были найдены богато орнаментированный роговой псалий и один обломок [5, с. 182]. Основываясь на расположении отверстий, автор пришел к выводу, что псалий был повернут вогнутой частью вперед.

Другой близкий по форме псалий был найден при раскопках Ю. Г. Гендуне на Корчевском городище [6, с. 137]. Сохранилась его фотография в архиве ЛОИА.

Псалии с городищ «Графская гора» и Корчевское по времени близки каширскому, о чем можно судить по сопровождающему материалу. Несомненно, они свидетельствуют о том, что во второй четверти I тыс. до н. э. в лесной полосе Восточной Европы коня начинают использовать для верховой езды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище//Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 85.
2. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе восточной Европы. М.: Наука, 1971.
3. *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР//СА. 1958. № 4.
4. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей//СА. 1961. № 1.
5. *Смирнов К. А.* Роговой псалий с городища «Графская гора»//СА. 1972. № 2.
6. *Смирнов К. А.* Находки с Корчевского городища из раскопок Ю. Г. Гендуне//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.

Л. А. БУЛАВА

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ БРАСЛЕТ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

В 1980 г. в фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника поступил предмет, являющийся довольно редким видом украшений — плечевым браслетом [1]. По конструкции он представляет собой спираль в два оборота, свернутую из бронзового,

[1] Браслет передан жителем ст. Старокорсунской Динского р-на Краснодарского края А. И. Алексеенко. По его словам, найден в обрыве берега Краснодарского водохранилища в районе ст. Старокорсунской. Инвентарный номер КМ 5361/1.

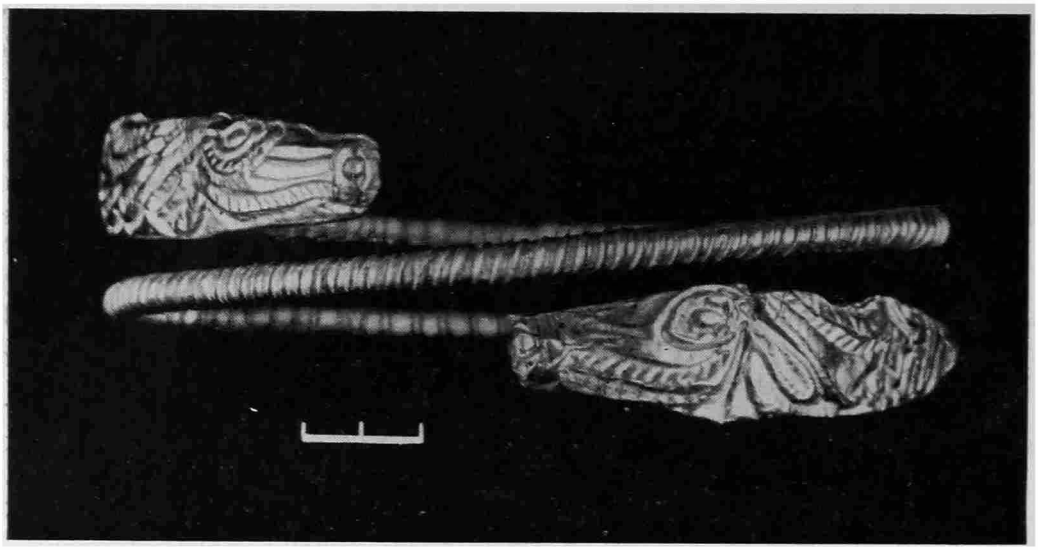


Рис. 1. Браслет, найденный близ ст. Старокорсунская

круглого в сечении дрота диаметром 5 мм, обмотанного узкой полосой довольно плотного золотого листа[2] шириной 7 мм. Основное декоративное оформление браслета — завершающие концы оленьи головки — по художественному принципу исполнения представляют собой объемно-скульптурные произведения, выполненные в технике тиснения с применением фигурных матриц. По виду они ближе к горельефу, так как односторонни, тыльная сторона гладкая. Размеры браслета (в мм): диаметр витка спирали — 120; длина головки оленя — 65; длина втулки — 45, наибольшая высота головки — 19 (рис. 1).

Аргументами, на основании которых предмет определяется как плечевой браслет, были следующие соображения: будь это гривна, ее жесткая структура требовала бы специального устройства (втулки или шарнира), дающего возможность надевать и снимать ее с шеи. Отсутствие этого устройства и диаметр витка спирали (12 см) позволили прийти к выводу, что в данном случае это браслет, и, принимая во внимание размеры, браслет плечевой.

По использованным при его изготовлении металлам изделие является биметаллическим, что само по себе явление частое в практике северочерноморских центров по изготовлению украшений. Но старокорсунский браслет из числа подобных выделяет характер обтяжки дрота. Прежде всего чувствуется стремление мастера придать основе браслета впечатление витого стержня, очевидно, идущее от желания имитировать распространенные в Северном Причерноморье ложновитые браслеты [1, табл. 35, *1*, *2*а, 45, *2*, 46, *1*; 2, с. 142, рис. 1], многие из которых также являются биметаллическими [1, с. 56; 2, с. 141]. С этой целью мастер проделал следующие операции: заготовленную длинную полосу золота толщиной 0,7—0,8 и шириной примерно 9 мм сложил вдвое и проковал по сгибу, затем, развернув, прошелся чеканом по полосе, оставляя полученное ребро. Затем стержень был обмотан этой полосой с ребром, давшей эффект рубчатого рельефа основы.

Головки оленей насажены на дрот с помощью рельефных реберчатых втулок, выполненных в технике чеканки. Рельеф на втулках отчеканен только с лицевой стороны, тыльная сторона гладкая. Втулки, плавно сужаясь, в конце достигают диаметра, близкого толщине дрота. По характеру изгибов головок и втулок видно, что делались они отдельно на прямой основе и при насадке на заготовленную спираль браслета были немного деформированы. Крепление втулок к дроту осуществля-

[2] В некоторых местах обмотки в щелях между полосой золота проступают следы коррозии бронзового дрота.

лось, видимо, с помощью смолистого клейкого вещества, но, кроме этого, концы втулок еще зафиксированы тонкой золотой проволокой.

Венчающие концы рогатые оленьи головки — довольно редкий мотив декоративного завершения украшений. Это достаточно сложный образ для воспроизведения его в технике объемно-скульптурного тиснения, да еще для такой цели, как насадка на концы дрота. Подобные изображения на браслетах среди памятников скифского времени неизвестны. В декоративном оформлении этот мотив известен на гривне из Толстой могилы [3, с. 138, рис. 120] и на гривнах с территории азиатского Боспора (анапская и ахтанизовская) [4, с. 34, 35; 5, табл. 1, *12*; 6, с. 32, рис. 10; 7, с. 46]. Концы золотой гривны из женского погребения Толстой могилы завершают протомы молодых безрогих оленей (ланей?). Они отличаются от старокорсунских головок как общим обликом, так и исполнением: выполнены в технике скульптурного литья с доработкой деталей чеканом. На анапской и ахтанизовской гривнах оленьи головки выполнены в той же технике, что и на браслете, но по своим конструктивным особенностям (гривны с разъемными устройствами) и по общему

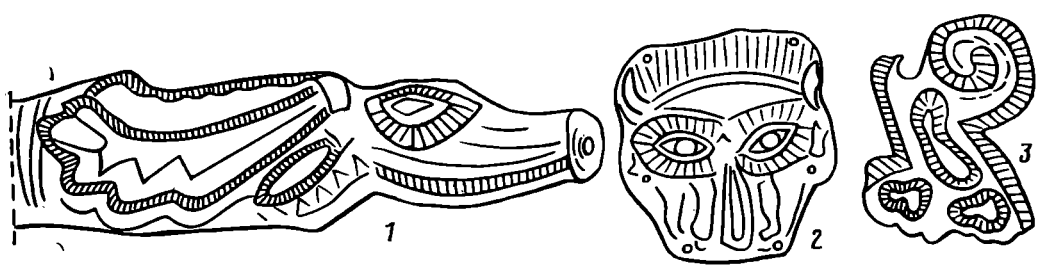


Рис. 2. *1* — прорисовка оленьей головки старокорсунского браслета; *2* — аппликация в виде маски хищника из Толстой могилы; 3 — украшение конской узды из Чмыревой могилы

облику декоративного завершения они принадлежат к иному направлению северопонтийской торевтики и вышли, по мнению исследователей, из античных центров металлообработки [7, с. 47; 8, с. 556]. Браслет же отличают черты, присущие греко-варварскому направлению северопонтийской торевтики [9, с. 72]. В облике оленьих головок нашли сочетание тенденции к реалистическому воспроизведению натуры, характерному для античного искусства, и явно выраженные черты стилизации, проступающие в приемах моделировки, подчеркивающих основные качества животного, свойственные варварскому искусству. Переплетение этих тенденций и определяет стилевую оригинальность греко-варварского направления.

Функциональное назначение вещи и техники исполнения обусловили определенное решение общей иконографической схемы образа оленя, которое вылилось в компоновку головы и рогов на одной плоскости. Данная схема могла родиться совершенно самостоятельно в результате творческого поиска мастера, но вполне вероятно, что у старокорсунских головок могли быть и прототипы. По аналогичной схеме создавался образ оленя и на анапской и ахтанизовской гривнах, но по времени создания они позднее старокорсунского браслета, что мы постараемся доказать ниже, поэтому прототипами быть не могут, скорее можно предположить обратную зависимость. Кроме этого, старокорсунский браслет резко отличается основными приемами моделировки.

Одним из стилеобразующих элементов образа оленя на браслете является четко смоделированный объемный конец морды с резко обозначенным углублением ноздрей. В этой детали можно видеть такой традиционный прием создания зооморфных образов в варварском искусстве, как усиление черт, выражающих основные качества животного. Но самым ярким стилистическим элементом является особый прием моделировки, усиливающий эффект объемности и выделяющий наиболее зна-

чимые иконографические детали, создаваемый посредством нанесения рельефного рубчатого канта. Особенно ярко это выступает в изображении глаза, где овал глазницы обрамлен рельефным рубчатым овалом, повторяющим ее форму. Таким же образом выделены уши, края и лопасти рогов (рис. 1; 2, *1*). В некоторых местах (например, у верхнего края рогов) эффект объемности усиливается надчеканкой специальным чеканом, дающим рельефную полосу, состоящую из треугольников, но основным выделяющим элементом головок остается рубчатый рельефный кант, который в данном случае принимает функцию основного стилистического признака.

Этот признак дает основание поставить старокорсунский браслет в один ряд с такими памятниками торевтики из скифских курганов второй половины IV в. до н. э., как ажурные тисненые золотые украшения конской узды из Чмыревой могилы [10, с. 103, 104, рис. 62] и ажурные тисненые аппликации в виде масок хищников из Толстой могилы [3, с. 64, рис. 45, *5*]. Их объединяет техника исполнения — тиснение и вышеназванный стилистический признак: рельефный рубчатый кант на ножках из Чмыревой могилы и рубчатое рельефное обрамление глаз на масках из Толстой могилы (рис. 2, *2*, *3*). Данная корреляция позволяет датировать браслет второй половиной IV в. до н. э., а точнее, концом IV в. до н. э., так как аргументы Н. А. Онайко в поддержку высказанной И. Б. Брашинским даты Толстой могилы — третья четверть IV в. до н. э. [11, с. 67] — достаточно вески и убедительны [12, с. 258]. Не менее убедителен и предложенный ею корректив — конец третьей — начало четвертой четверти IV в. до н. э. [12, с. 258]. К аналогичному выводу пришел и В. Алексеев, определяя хронологические рамки Толстой могилы 345—320 гг. [13, с. 35].

Для Чмыревой могилы нет столь конкретно высказанных хронологических определений, как для Толстой, но в литературе уже неоднократно отмечалась близость этих памятников и по конструктивным особенностям погребальных сооружений [13, с. 35], и по отдельным категориям вещей в комплексах [3, с. 130—133; 12, с. 251, 257]. В дополнение к уже выявленным параллелям хотелось привести еще одну, также подтверждающую, на наш взгляд, их хронологическую близость. Кроме вышеназванных стилистически единых пластин в материалах этих курганов есть еще два произведения художественной металлообработки с едиными чертами стиля. Это наносник лошади № 3 в форме львиной головки из Чмыревой могилы и гривна из женского погребения Толстой могилы [3, с. 138, рис. 120; 10, с. 107, рис. 47]. По технике исполнения и стилю они резко отличаются от тисненых пластин и являются произведениями совершенно иного направления северопонтийской торевтики. Завершения концов гривны — протомы лани и наносник — выполнены из золота в реалистической манере, в технике скульптурного литья с последующей доработкой деталей надчеканкой. Главным корреляционным признаком является прием имитации шерсти: нанесение на поверхность ретушных штрихов, состоящих из двух коротких параллельных черточек. Аналогичный прием наблюдается и в моделировке поверхности фигуры оленя на пекторали из Толстой могилы [3, с. 81, рис. 63, *б*]. Этот общий технико-стилистический признак, выражающий единство ремесленной традиции, позволяет поставить вопрос о происхождении этих изделий из одного центра и является аргументом в пользу их одновременного или, во всяком случае, довольно близкого по времени появления. Представляется, что хронологические рамки Чмыревой могилы не выходят за пределы третьей — начала четвертой четверти IV в. до н. э. Следовательно, старокорсунский браслет наряду с тиснеными пластинами из Толстой и Чмыревой могил также относится к этому времени.

Выделенный основной стилистический признак головок — рельефный рубчатый кант — не просто ставит старокорсунский браслет в один ряд с изделиями из хорошо датированных скифских памятников Нижнего Поднепровья и, таким образом, позволяет определить его дату, но и дополняет наши представления еще об одной разновидности изделия то-

ревтики греко-варварского направления. На существование этой разновидности указала Н. А. Онайко, касаясь вопросов атрибуции масок хищников из Толстой могилы [12, с. 256]. Прием моделировки в виде рубчатого канта, использованный в этой группе изделий, является редуцированным перенесением в северопонтийскую торевтику одного из основных стилистических элементов фракийской школы художественной обработки металла. Таким образом, к произведениям скифского звериного стиля с чертами фракийского искусства, выделенных А. И. Мелюковой в памятниках Скифии IV в. до н. э. [14, с. 116, 119], добавляется и эта группа греко-варварской торевтики, включившая в свою художественную систему стилистические элементы фракийской. Эта разновидность торевтики могла возникнуть как под непосредственным влиянием фракийских образцов, приток которых особенно заметен в скифских курганах середины — второй половины IV в. до н. э. [14, с. 118], так и опосредованно — через группу скифских памятников звериного стиля, воспринявших стилистические черты фракийского искусства [15, с. 86].

Вопрос определения возможного места производства старокорсунского браслета чрезвычайно сложен, так как он являет собой образец изделия сформировавшегося направления греко-варварского искусства с тесно переплетающимися стилистическими элементами. Определение центров производства таких изделий очень затруднительно, и обычно это чисто гипотетические выводы. Мы можем только предполагать, имеем ли в данном случае произведение местного мастера, знакомого с основными направлениями северопонтийской торевтики этого времени, или это изделие какого-то античного центра, работающего для определенного круга заказчиков и попавшее в Прикубанье в результате экономических или политических взаимодействий местных варварских племен и античных центров. Таким центром скорее всего мог быть один из городов азиатского Боспора, где соединение черт варварской и греческой культуры проявилось особенно ярко и было характерной особенностью всех областей жизни.

Не исключены и иные варианты появления этой вещи в Прикубанье. Браслет могли сделать в походной подвижной мастерской торевта. Широко известна в эпоху эллинизма как практика миграции мастеров, так и передача опыта путем миграции мастеров [16, с. 100]. В пользу походного подвижного характера мастерской могут свидетельствовать общая тенденция применения наиболее простых технических приемов в создании вещи и, если можно так выразиться, отчетливо выраженная монотехника — чеканка, использование только приемов холодной обработки металла. В таком случае примитивность техники изготовления браслета можно частично отнести не только за счет низкого уровня мастерства изготовителя, но и за счет ограниченных возможностей такой походной мастерской. Но любой из предложенных вариантов, конечно, определенного ответа на вопрос о месте производства браслетов не дает. С полной уверенностью можно утверждать только, что мастер, работая в традициях греко-варварского искусства, был хорошо знаком с основными направлениями и тенденциями северопонтийской художественной обработки металла, что в первую очередь выразилось во введении в иконографию образа оленя стилистических черт фракийского искусства.

Таким образом, старокорсунский браслет не только расширяет представления о разновидностях украшений, бытовавших в среде местного населения Прикубанья, и об ассортименте изделий северо-понтийской торевтики второй половины IV в. до н. э., но и отражает еще один аспект этнокультурных взаимовлияний в Северном Причерноморье, раскрывая интересное явление, когда во взаимодействие местной варварской и греческой культуры вливается новая струя, внося черты фракийского искусства металлообработки,— явление, очевидно, обусловленное определенной исторической ситуацией в данном регионе. Место находки браслета расширяет представление об ареале этого процесса. А. И. Мелюкова очертила границы проникновения элементов фракийского художественного творчества областью Нижнего Поднепровья [14, с. 119; 15, с. 94];

вероятно, это явление в металлообработке Северного Причерноморья было гораздо шире, о чем свидетельствует факт находки браслета с чертами стиля фракийского искусства на территории Прикубанья.

ЛИТЕРАТУРА

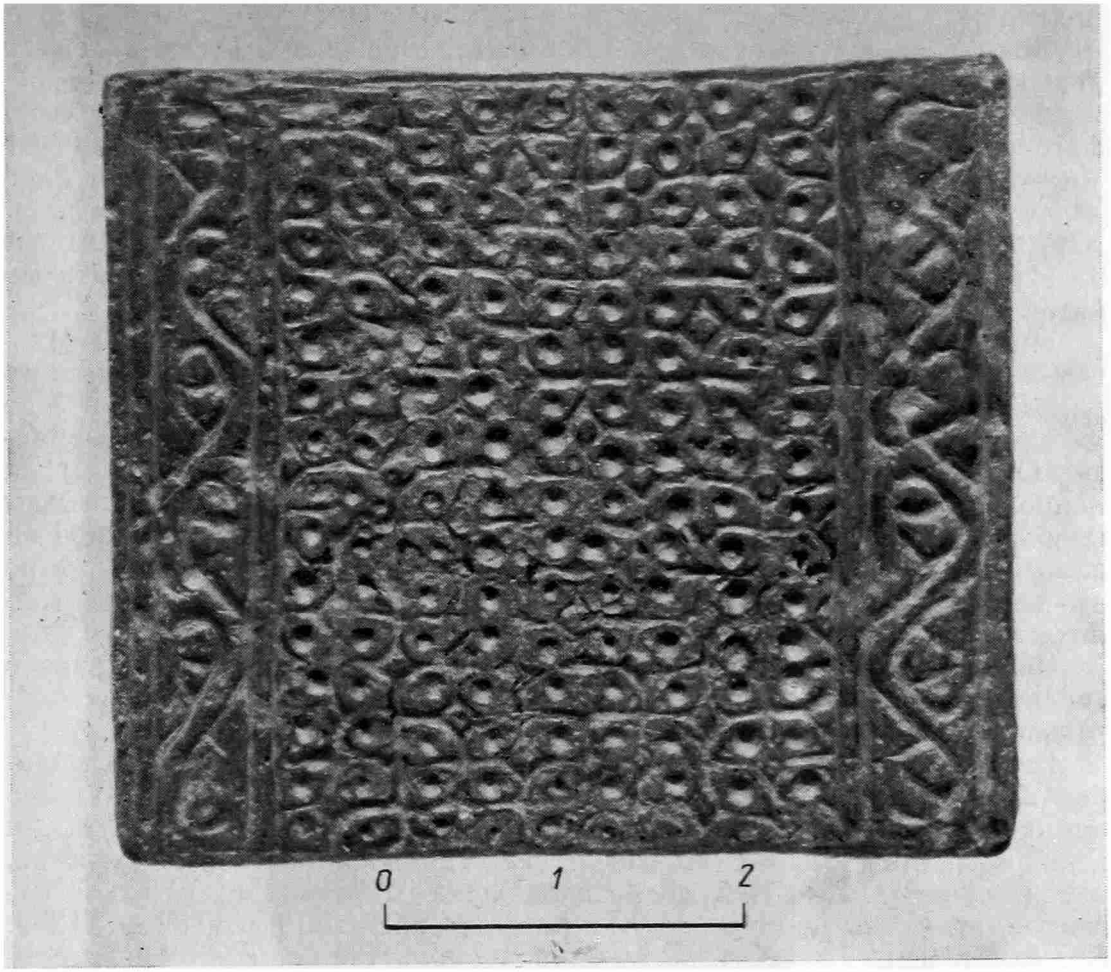
1. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.//САИ. 1978. Вып. Д4-5.
2. *Яковенко Э. В.* Погребение богатой скифянки на Темир-горе//Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
3. *Мозолевський Б. М.* Товста могила. Киев: Наук. думка, 1979.
4. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.
5. Альбом к ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.
6. *Спицын А. А.* Фалары южной России//ИАК. 1909. Вып. 29.
7. *Артамонов М. И.* Вопросы хронологии скифо-сибирского золота//СА. 1971. № 3.
8. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
9. *Онайко Н. А.* Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья VII—IV вв. до н. э.//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
10. *Браун Р. А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.//ИАК. 1906. Вып. 19.
11. *Брашинский И. Б.* К вопросу о датировке кургана Толстая могила//Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тез. докл. XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978.
12. *Онайко Н. А.* О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья//СА. 1982. № 4.
13. *Алексеев В.* Курган Цимбалка и дата его сооружения//СГЭ. 1982. № 47.
14. *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимодействиях скифского и фракийского искусства// Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
15. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М.: Наука, 1981.
16. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979.

Р. А. СИМОНОВ, О. Р. ХРОМОВ

ПЛАСТИНА ИЗ САРКЕЛА

На одной стороне металлической (бронзовой или медной) пластины из Саркела имеется изображение, состоящее из двух полос орнамента в виде вьющегося растения, между которыми расположено прямоугольное каре из кружков диаметром около 3 мм. Размеры пластины 47×54××2,5 мм, расстояние между центрами крайних кружков большой стороны каре 42 мм, малой — 31 мм. Бóльшая сторона имеет 16 кружков, малая — 9, всего в каре содержится 16×9=144 кружка, в его периметре — 46 кружков. Пластинка литая, растительный орнамент нанесен резцом (см. рисунок).

Числа 9 и 16 в истории математики известны в связи с древнейшим приближением числа π. Древнеегипетские вычислители в 1842 г. до н. э. применили $\pi = \frac{16^2}{9} =$ 3,16049... для нахождения площади круга [1, с. 14—23, 153]. Построение различных каре из кружков для математических целей известно с античной древности. Монгольский ученый Б. Батжаргал о каре из кружков («монет») писал следующее: «Интересные результаты были получены нами, когда решение отдельных задач о числе монет, расположенных в виде квадрата, круга, треугольника, было обобщено для различных периметров этих фигур и записано в виде формул. Особо отметим задачи об укладе монет в плоской фигуре (квадрат, круг, треугольник), напоминающие пифагорейские представления. Эти задачи, как и в античности, приводят к вычислениям различного рода сумм и многоугольным числам» [2, с. 9]. В исследовании «Древняя монгольская математика» Б. Батжаргал воспроизводит соответствующие каре и алгебраические формулы. В опубликованном материале отсутствует прямоугольное каре, как на пластине из Саркела, но есть квадратные с 9 кружками по сторонам [3, с. 107, 108]. Развивая прием Б. Батжаргала, найдем отношение числа кружков каре на пластине из Саркела



Бронзовая пластина из Саркела

(144) к числу кружков его периметра (46). Отношение будет равно 3,13043..., что дает бóльшую точность, чем приближение $\pi = \frac{16^2}{9}$.

Если в пластине из Саркела действительно закодировано π, то количество строк и столбцов 9 и 16 выбрано достаточно оптимальным, дающим одно из наилучших его приближений. Численную проверку этого можно произвести следующим образом. Если обозначить через x число кружков по «ширине» пластины, а через y—«по высоте», то $\frac{xy}{2(x+y-2)}$ будет выражать отношение числа кружков любого прямоугольного каре к числу его периметра. Разность $\left[\frac{xy}{2(x+y-2)} - \pi\right]$ представляет собой величину отклонения π-каре от действительного π. Подставляя вместо x и y значения от 1 до 20, можно рассчитать величины отклонений для всевозможных каре, начиная от минимального, т. е. состоящего из одного кружка, и кончая квадратом со стороной из 20 кружков. Каре с $x=16$ и $y=9$ может дать строгий минимум. Это идеальный случай. Но π-каре при $x=16$ и $y=9$ может оказаться и близким к идеалу (строгому минимуму). Это можно считать положительным результатом. Ход мысли древних остается нам неизвестным. Они шли к π «ощупью» и поэтому могли остановиться не на строгом минимуме, а на близком к нему значении. «Точность» задачи, которую они решали, могла им это позволять.

В результате расчета, выполненного сотрудниками ГИВЦ Госкомиздата СССР А. Ф. Коганом и Б. А. Саркизовым на ЭВМ «ROBOTRON-1715», выяснилось, что строгий минимум отклонения π-каре от действительного π достигается при $x=11$ и $y=12$, но следующие значения дает пара $x=16$, $y=9$. Таким образом, гипотеза о том, что пластина из Саркe-

ла представляет собой «зашифровку» числа π, кажется достаточно вероятной.

Возможно, саркельская пластина имеет отношение к неким явлениям невероятностного характера, например гаданиям. Числа 9 и 16, выражающие количество кружков по обеим сторонам каре пластины, у пифагорейцев имели магический смысл, как, впрочем, и другие [4—6]. Число 9 является сакральным у азиатских народов. Так, у тибетцев каждый девятый год (у мужчин с 11 лет, у женщин с 10) считается несчастливым [7, с. 99]. У монголов самым опасным рассматривается 81 год 9×9 [7, с. 177], в их календаре указывалось начало и конец девяти девяток — холодного сезона года [8, с. 101].

Интерес представляет монгольское гадание «мэнгэ голлох». «Мэнгэ» — цикл из девяти лет. Если счет вести обратно порядку монгольского двенадцатилетнего календарного цикла по системе «мэнгэ», т. е. от 1 до 9 и опять от 1 до 9 и т. д., то через 36 лет совпадут номера года и «мэнгэ». Отсюда, в частности, делался вывод, что возраст в 37 лет и 73 года наиболее опасен в жизни человека (к 36 и 72 реально прожитым годам прибавляется год утробной жизни) [7, с. 176—177]. Число кружков на пластине из Саркела 144 является четырехкратным повторением 36, но это не значит, что пластина непременно связана с системой «мэнге голлох».

Число 16 нам не встречалось в магии азиатских народов. Однако в средневековой Европе была распространена геомантика, в ней вычислительное поле имело 16 делений [9, с. 113].

Некоторое внешнее сходство пластина из Саркела имеет с календарем северных народов. Но последние большего размера, содержат 365 или 366 ячеек (отверстий), соответствующих числу дней в году. Каждый день подвижный штырек (колышек) переставлялся в соседнее отверстие, чем и осуществлялся счет дней, прошедших от начала года. Такие календари известны от сравнительно позднего времени, в основном XIX в. Некоторые из них рассчитаны на один год пользования, о чем свидетельствуют отметки подвижных праздников православного календаря при определенных ячейках. Есть свидетельство, что церковные служители развозили их по стойбищам и деревням своих «подопечных» каждый год [10, с. 297—321]. На саркельской пластине нет глубоких отверстий, в которые мог бы вставляться штырек, кроме того, число 144 в календарных периодах не встречается, не соответствуют лунным и солнечным календарным циклам числа 9 и 16 [11, 12]. Поэтому можно заключить, что пластина из Саркела не имеет никакого отношения к календарю.

Скорее всего, саркельская пластина была талисманом, подобно магическим квадратам, которые носили в ладанке у пояса и на груди [5, 13, 14]. Известны китайские (восточные) амулеты благожелательного назначения круглой формы диаметром ~50 мм. На них приводятся изображения двенадцатилетнего календарного цикла и др. [15]. О благожелательности пластины из Саркела может свидетельствовать растительный орнамент, обращенный к жизни (добру), а не к смерти (злу).

Быть может, стоит обратить внимание на то, что кружки на пластине сгруппированы по четыре (144 4=36), всего 36 групп. Известно, что число 4 является одним из основных в пифагорейской числовой мистике. Оно состояло из суммы 1 (символа начала начал) и 3 (символа всего сущего) и означало все известное и неизвестное. Сокровенное значение имело и число 36. Пифагорейцы называли его «великой клятвой», символом вселенной. Вследствие этого можно предположить, что число π, «закодированное» в пластине, имело скрытый магический смысл [4, с. 112, 113, 119—122, 128]. Но не надо думать, что приближение числа π в пластине было закодировано сознательно. Наука еще мало знает, как число π стало достоянием человека. Не потеряли своей актуальности слова, приписываемые Фердинанду фон Линдеману (1852—1939), доказавшему трансцендентность числа π: «К истокам числа π никто еще не проник. Они находятся где-то в дремучих, непроходимых лесах предыстории» [1, с. 152]. Возможно, пластина из Саркела — одно из свидетельств этого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кымпан Ф.* История числа «пи». М.: Наука, 1971.
2. *Батжаргал Б.* К истории математических знаний в Монголии с древнейших времен до начала XX в.: Автореф. дис. докт. физ.-мат. наук. М., 1972.
3. *Батжаргал Б.* Эртний монголын математик. Улаанбаатар, 1976 (на монг. яз., резюме рус.)
4. *Бородин А. И.* Число и мистика. 3-е изд. Донецк: Донбасс, 1975.
5. *Чистяков И. И.* Числовые суеверия. М.; Л., 1927.
6. *Васильев А. В.* Числовые суеверия. Из публичной лекции «О древнейших письменных математических памятниках». Казань, 1886.
7. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. М.: Наука, 1985.
8. *Майдар Д.* Памятники истории культуры Монголии. М.: Мысль, 1981.
9. *Шевеленко А. Я.* Под покровом геомантики//ВИ. 1979. № 11.
10. *Орлова Е. П.* Календари народов Севера Сибири и Дальнего Востока//Сибирский археологический сб.: Материалы по истории Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1966.
11. *Лалош М.* Сравнительный календарь древних и новых народов. 3-е изд. СПб., 1869.
12. *Лебедев О.* К истории времясчисления у евреев, греков и римлян//Журн. Министерства народного просвещения, Нов. сер. СПб., 1914. Ч. 51. № 6. Ч. 52. № 8. Ч. 53. № 9.
13. *Гуревич Е. Я.* Тайны древнего талисмана. М.: Наука, 1969.
14. *Нессельштраус Ц.* Альбрехт Дюрер. 1471—1528. М.; Л.: Искусство, 1961.
15. *Катанов Н. Ф.* Восточная хронология//Изв. Сев.-Восточ. археол. и археогр. ин-та в г. Казани. 1920. Т. 1.

А. Б. ЛУХТАН

КЛАД ИЗ КЯРНАВЕ

Комплекс памятников в Кярнаве (Ширвинтский р-н) — один из интереснейших археологических объектов в Восточной Литве. На правом берегу р. Нярис на краю четвертой надпойменной террасы в непосредственной близости друг от друга находятся четыре городища. Комплекс дополняют расположенные рядом с городищами селища-посады и курганный могильник, находящийся в 1,5 км к северо-западу от Кярнаве.

С 1979 г. археологическая экспедиция Вильнюсского университета проводит исследования в Кярнаве [1]. В 1983 и 1985 гг. на самом крупном городище, занимающем около 2 га,— Замковой Горе («Пилес Калнас») было заложено семь раскопов общей площадью 614 м² (рис. 1). Установлено, что городище было заселено непрерывно начиная с середины I тыс. н. э. Отдельные жилые и хозяйственные постройки стояли на городище до середины XX в. Наибольший интерес представляют лучше сохранившиеся культурные слои XIII—XIV вв. К этому периоду относятся остатки срубных построек, хозяйственные ямы, мощные оборонительные сооружения в виде рва и подковообразного вала, опоясывающего площадку городища с севера и запада. На городище найдена многочисленная гончарная керамика, кости домашних и диких животных, отходы металлообрабатывающего, ювелирного и косторезного производств, предметы импорта, свидетельствующие о существовании здесь в XIII—XIV вв. ремесленно-торгового посада [1, с. 50].

Во время раскопок 1985 г. на городище Замковая гора был открыт клад, состоявший из четырех серебряных палочкообразных литовских слитков — гривен. Это первый клад подобного рода, найденный в Литве при археологических раскопках [2]

Клад обнаружен в юго-восточной части площадки городища в раскопе № 4 на глубине 0,35 м от современной поверхности. Все четыре слитка находились в культурном слое и были расположены кучно в вертикальном положении (рис. 2). Никаких следов ткани, кожи или другого органического материала не обнаружено. По-видимому, слитки не были во

[1] В 1980—1983 гг. исследования проводились совместно с Институтом истории АН ЛитССР.

[2] В настоящее время на территории республики известно 24 места находок литовских палочкообразных слитков [2, с. 110—114; 3, с. 88, 89].

Рис. 1. Городище «Замковая гора» в Кярнаве, вид с юго-востока

Рис. 2. Кярнавский клад in situ

что-либо завернуты, клад был поспешно спрятан в минуту опасности в ямку от выдернутого из земли колышка. Он находился рядом со стеной плохо сохранившейся постройки, которая, судя по обнаруженным на ее территории многочисленным железным шлакам, была связана с кузнечным производством. В 6 и 12 м к юго-востоку находились еще две четырехугольные срубные постройки размерами 5,5×4 и 7×4 м. Все сооружения погибли в результате сильного пожара.

Клад состоит из следующих серебряных слитков. 1. Палочкообразный слиток полукруглого поперечного сечения. Длина 127,44, ширина 12,2, высота 10 мм; вес [3] 101,927 г. Концы слитка тупые, на тыльной (при

[3] Вес всех слитков указан после удаления патины в водном растворе калгона. Потеря веса не превышала 0,3 г.

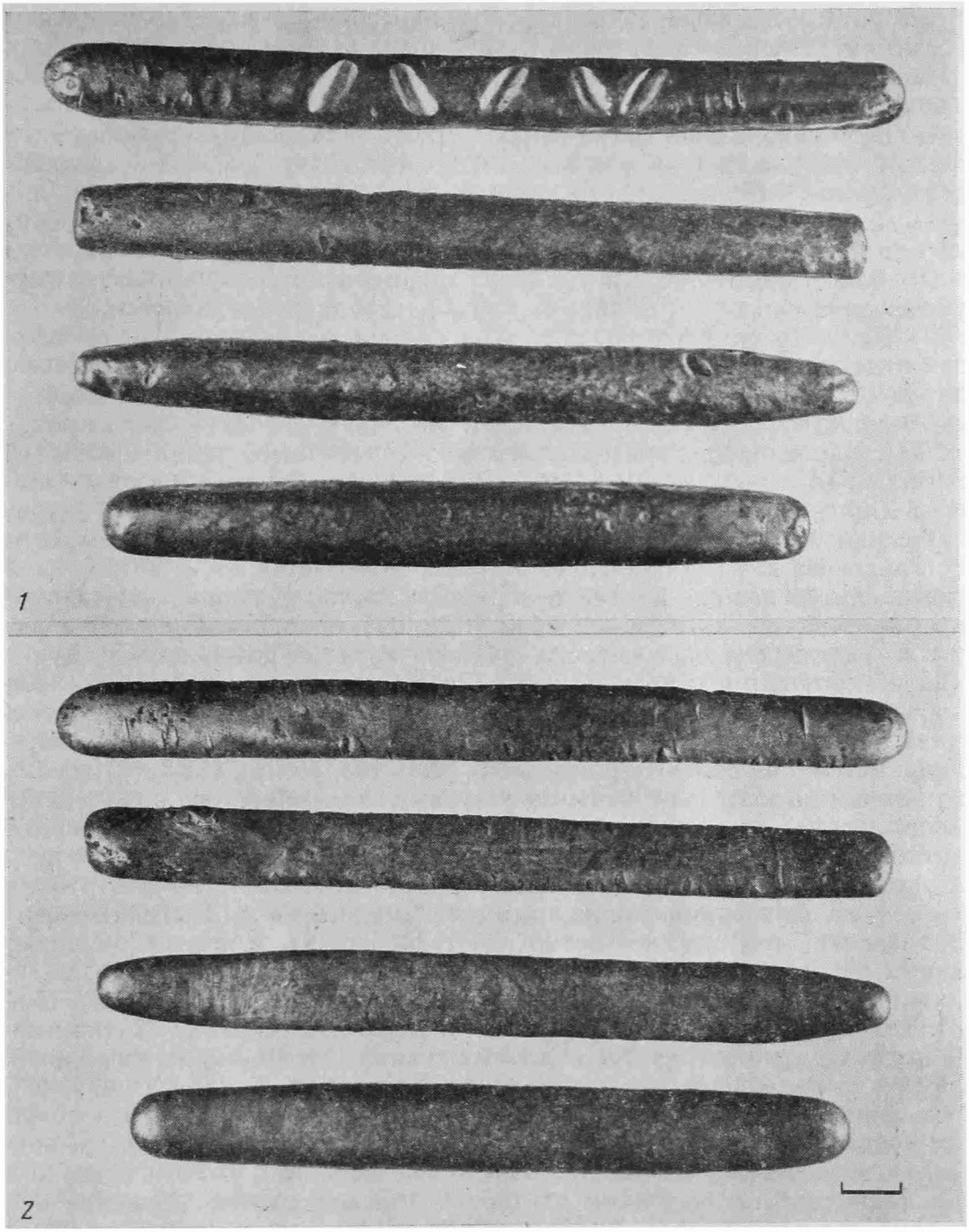


Рис. 3. Серебряные слитки из кярнавского клада: *1* — аверс; *2* — реверс

отливке) поверхности несколько литейных раковин глубиной до 1 мм. Местами слиток покрыт тонкой зеленовато-бурой патиной. Слиток без зарубок. На боковых ребрах, особенно в верхней части, 73 неглубокие насечки (рис. 3).

2. Палочкообразный слиток полукруглого поперечного сечения с едва заметной ребристостью. Длина 114,5, ширина 14, высота 10,2 мм; вес 103,298 г. Концы слитка плавно закругляются, поверхность гладкая, почти без литейных раковин, с незначительной зеленоватой патиной. Слиток без зарубок. На боковых ребрах в верхней части 22 мелкие насечки.

3. Палочкообразный слиток полукруглого поперечного сечения с едва заметной ребристостью Длина 138, ширина 12, высота 10 мм; вес 105,509 г. Концы слитка плавно закругляются, поверхность гладкая, без литейных раковин, местами покрыта зеленовато-бурой патиной. Слиток изогнут при нанесении зарубок, высота дуги 9 мм. На нижней стороне

слитка пять косых поперечных зарубок, нанесенных тупым полукруглым предметом. Глубина зарубок 1,1—1,2, ширина 4—4,3 мм. На ребрах слитка, а также на свободных от зарубок концах около 140 неглубоких насечек.

4. Палочкообразный слиток полукруглого поперечного сечения. Длина 125,4, ширина 12,8, высота 11,2 мм; вес 108,573 г. Концы слитка плавно закругляются, поверхность покрыта довольно многочисленными литейными раковинами, местами имеется тонкая зеленоватая патина. Слиток без зарубок. На боковых ребрах в верхней части 17 мелких насечек.

Подобные палочкообразные слитки-гривны в литературе обычно именуются литовскими [2, с. 105; 4, с. 114], изредка западнорусскими [5, с. 82]. Вес литовских палочкообразных слитков равняется половине веса новгородской гривны. Ряд исследователей считают, что такие весовые единицы были переняты из Скандинавии и равны половине скандинавской марки, весящей 204 г [2, с. 108]. По подсчетам литовского нумизмата П. Каразии, средний вес слитков из крупнейшего клада Рыбишкес (г. Вильнюс) составлял 104,871 г [6, с. 23]. Очень близки по весу и слитки из Кярнавского клада (104,827 г). Характерной особенностью литовских слитков являются зарубки, отсутствующие на гривнах киевского и новгородского типа. Количество зарубок колеблется от 1 до 18, хотя многие слитки вообще не имеют зарубок. Обычно считалось, что зарубками проверялось качество серебра [6, с. 29], однако новые исследования и результаты химического анализа слитков позволили З. Дуксе прийти к выводу, что зарубки скорее всего связаны с отливкой гривен и обозначают пробу серебра и содержание других металлов в слитке. Указывается, что слитки без зарубок содержат меньше серебра и больше примесей, они более темного цвета [2, с. 108, 109]. Следует отметить, что данные выводы построены на результатах химического анализа металла крайне малого числа слитков. Качественный спектральный анализ слитков из Кярнаве показал, что по составу металла они друг от друга не отличаются[4]. Историк Э. Гудавичюс склонен был видеть в зарубках и насечках из проанализированных им Рыбишского и Драгелишского[5] (Зарасайский р-н) кладов метки собственности [8, с. 84—88]. Однако такими метками скорее всего являются личные имена владельцев, нацарапанные на литовских слитках из Рязанского клада XVIII в. [9, с. 15—18]. Такое же значение или указание на место изготовления слитка имели свастики, кресты и другие подобные знаки, отмеченные на нескольких слитках из Рыбишского клада [6, с. 29, 30, рис. XXX, *6*, *9*, XXXI, *4*, *7*, *10*]. Отнесение же всех царапин, неглубоких насечек, а также зарубок к меткам собственности и попытки связать их с крестьянскими метками конца XIX в. нам кажутся ошибочными. Более вероятно, что эти насечки и царапины связаны со счетом слитков и определением их качества при каждой торговой операции. На слитках из Кярнаве имеется от 20 до 140 неглубоких насечек и надрезов, сделанных скорее всего ножом. После нанесения насечки во избежание потери частицы серебра возникшая заусеница заравнивалась. Многочисленные насечки, нанесенные, судя по их форме и глубине, в разное время, являются свидетельством того, что слиток длительное время находился в обращении. Подобные надрезы встречаются, хотя и редко, на слитках из Литвы [6, с. 29] и Латвии [10, рис. 90, *2—5*].

Клад из Кярнаве, в который входило лишь четыре слитка общим весом 419,307 г, имел относительно небольшую покупательную способность. За одну литовскую гривну можно было купить 15 овец, стоимость коня равнялась 1,5 гривнам [2, с. 107]. Контрибуции городов исчислялись значительно более крупными суммами. В Софийской первой лето-

---

[4] Спектральный анализ выполнен в физико-технической лаборатории Института судебной экспертизы (г. Вильнюс) Я. Гутманасом, которому, пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность. Состав металла слитков: Ag — основа, Cu, Sn, Pb — примесь, Zn — примесь/следы, Bi, Mg, Ca, Si, Fe, Au — следы.

[5] Э. Гудавичюс именует этот клад Шяуляйским, по-видимому, в связи с тем, что первоначально он хранился в Шяуляе в музее «Аушра» [7, с. 57].

писи под 1398 г. сообщается: «...царь же Темирь Кутлуй пришед к городу Кыеву и взял с города окуп 3000 рублев литовским серебром» [11, с. 251]. Приписываемые князьям или крупным феодалам такие клады, как Драгелишский или Рыбишский, по количеству слитков в десятки, а то и сотни раз превосходят Кярнавский клад. По-видимому, последний следует считать собственностью купца или ремесленника, тем более что обнаружен он не на территории княжеского детинца, а на ремесленно-торговом посаде.

Большой интерес представляет вопрос датировки клада. Современные исследователи склонны датировать палочкообразные литовские слитки второй половиной XII—XIII в. [2, с. 105]. Находка в Кярнаве несколько поднимает верхнюю хронологическую границу бытования слитков. Гончарная керамика, стеклянная бусина, обломки бронзовых подковообразных фибул и другие находки позволяют отнести культурный слой, в котором обнаружен клад, к XIV в. Судя по общей стратиграфии раскопов, все сооружения погибли одновременно в результате пожара. Аналогичные, еще более яркие разрушения обнаружены и на других исследованных в Кярнаве городищах [12, с. 379]. Есть все основания связывать их с опустошительным походом крестоносцев на Вильнюс в конце лета 1365 г. [13, с. 227]. Хроника Виганда Марбургского (Wigand von Marburg) и Германа Вартберге (Hermann von Wartberge), Иоанна Посилге (Johann von Posilge) фиксируют гибель замков в Кярнаве («...in terram Letwinorum perduxit circa castrum Vilnae et Vilkenberg, omnia vastantem; qui eciam castrum Kernow et Meisegale igne combussit») [14, с. 86, 552—554; 15, с. 84]. Скорее всего именно в это время и был зарыт кярнавский клад. Отметим также, что, по всей вероятности, это не единственный клад из Кярнаве. В археологической литературе XIX в. упоминается найденный на одном из городищ клад серебра, использованный после переплавки для украшения риз иконы св. Марии в Кярнавском костеле [16, с. 241]. В Миткишкес на левом берегу р. Нярис, напротив Кярнаве, в 1933 г. обнаружен клад, состоявший из литовских слитков треугольного сечения, монет и украшений, зарытый в конце XIV — начале XV в. [17, с. 71]. В 15 км от Кярнаве, в местности Русю Рагас, в 1904 г. найден клад, состоявший из 29 литовских палочкообразных слитков и их фрагментов [18, с. 14]. Этот список можно было бы продолжать. Отметим лишь, что клады Восточной Литвы, за исключением найденных в Вильнюсе (Рыбишкес и Тринаполис), в подавляющем большинстве включают небольшое количество слитков, в них встречаются также украшения. Эти клады, зарытые в минуту смертельной опасности и не выкопанные в результате гибели их владельцев, указывают не только на большую экономическую активность этого района, явившегося ядром феодального Литовского государства, но и ярко иллюстрируют происходившие в нем многочисленные феодальные усобицы и внешнюю агрессию крестоносцев. Они перекликаются с данными письменных источников, свидетельствующих, что уже во второй половине XIII в. окрестности Вильнюса, Кярнаве, Укмярге подвергались вражескому нашествию [14, с. 48; 19, с. 191], а в XIV в. большинство путей крестоносцев на Вильнюс пролегало через Кярнаве [14, с. 693—696].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лухтан А. Б.* Кярнаве в свете письменных и археологических источников//Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1985.
2. *Duksa Z.* Pinigai ir jų apyvarta//Lietuvių materialine kultūra IX—XIII amžiuje. T. II. Vilnius; Mokslas, 1981.
3. *Спасский И. Г* Несколько пополнений русских коллекций отдела нумизматики//СГЭ. 1982. Т. 47.
4. *Федоров Г. Б.* Классификация Литовских слитков и монет//КСИИМК. 1949. Вып. XXIX.
5. *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. Минск: Народная асвета, 1977.
6. *Karazija P.* 1930 m. Vilniaus lobis. Vilnius, 1932.
7. Senoves pinigų lobis//Gimtasai kraštas. Šiauliai, 1936, sausis-kovas.

8. *Gudavičius E.* Žymenys ir ženklai Lietuvoje XII—XX a. Vilnius: Mokslas, 1980.
9. *Сотникова М. П.* Рязанский клад литовских серебряных слитков Эрмитажа//СГЭ. 1957 Т. XII.
10. *Urtāns V.* Senākie depozīti Latvijā. Rīga: Zinātne, 1977.
11. Софийская первая летопись//ПСРЛ. 1851. Т. V.
12. *Куликаускас П., Лухтан А.* Исследования в Кернаве//АО — 1979. М., 1980.
13. Lietuvių karas su kryžiuočiais. Vilnius: Mintis, 1964.
14. Scriptores Rerum Prussicarum. T. II/Eds Hirch F., Töppen M., Strehlke E. Leipzig, 1863.
15. *Tyszkiewicz K.* Wilja i jej brzegi. Drezno, 1871.
17. *Tautavičius A.* Papildomi duomenys apie naujus sidabro lydinių ir XIV a. antrosios puses — XV a. pradžios Lietuvos monetų radinius Lietuvos TSR teritorijoje//Тр. АН ЛитССР. Сер. А. 1965. Т. 1(18).
18. *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921.
19. Livländische Reimchronik/Ed. Meyer L. Paderborn, 1876.

Дж. А. ХАЛИЛОВ, Д. Л. МУСАЕВ, Т. С. МЕХТИЕВ

НАХОДКИ КИТАЙСКОГО ФАРФОРА НА ГОРОДИЩЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЯНДЖИ

Одним из основных экономических, административных и культурных центров средневекового Азербайджана являлся город Гянджа, остатки которого сохранились в 5 км южнее Кировабада. Современная площадь средневекового городища составляет 250 га.

Первые раскопки на городище Гянджа были проведены в 1938—1940 гг. и возобновились в 1981 г. В процессе последних археологических раскопок выявлен значительный и разнообразный археологический материал, среди которого обращают на себя внимание фрагменты фарфоровой посуды китайского происхождения с подглазурной росписью кобальтом. Их можно разделить на несколько групп. Первую составляют фрагменты толстостенных фарфоровых сосудов. Черепок в изломе серого цвета, шероховатый, в местах, не покрытых глазурью, красноватого цвета. Глазурь имеет голубоватый оттенок. Орнамент нанесен подглазурной росписью кобальтом. Всего найдено пять таких фрагментов, в том числе три от днища и два от верхней части сосудов. Фрагмент от днища глубокого блюда средних размеров на невысоком, слегка загнутом внутрь поддоне. С наружной стороны днище неглазуровано и при обжиге приобрело красноватый оттенок. Стенки кверху плавно сужаются. С внутренней стороны у дна нанесен орнаментальный пояс со стилизованным растительным изображением (предположительно грибов чжи). Стенки блюда с двух сторон покрыты стилизованными гроздьями винограда (рис. 1, *16*). Фрагмент от днища блюда на высоком кольцевом поддоне, нижняя часть его неглазурована. Глазурь нанесена неаккуратно и не везде покрывает черепок, который в этих местах имеет красный оттенок. С внутренней стороны выделенного двойным контуром днища нанесен растительный орнамент. Фрагмент от днища на высоком кольцевом поддоне; в местах, не покрытых глазурью, черепок красного цвета; с внутренней стороны на выделенном двойным контуром днище нанесен растительный орнамент (рис. 1, *17*). Небольшой фрагмент от верхнего края чаши с ровным венчиком. Под ним по кругу между двумя кобальтовыми линиями стилизованное изображение пейзажа. Фрагмент от верхнего края тарелки с ровным, слегка отогнутым краем. Край украшен чешуйчатым орнаментом, выполненным на синем фоне.

Вторую группу составляют фрагменты тонкостенных фарфоровых сосудов с подглазурной росписью кобальтом. Основная часть их представлена фрагментами небольших чаш вытянуто-сферической формы с фестончатым краем. Две такие чаши удалось склеить. Фарфоровая чаша с фестончатым краем на маленьком кольцевом поддоне, черепок плотный, белого цвета, глазурь блестящая голубоватая. Поверхность чаши покрыта подглазурной росписью кобальтом. Кобальт неровный по цве-

Китайский фарфор с городища средневековой Гянджи (*1—19*)

ту — от серого до темно-синего с черными точечными скоплениями. С внутренней стороны на выделенном контуром днище изображена птица, сидящая на скале. Поверхность чаши украшена стилизованным растительным орнаментом и реалистическими изображениями летящих птиц. Высота чаши 5,5, верхний диаметр 8,5, диаметр поддона 3,5 см (рис. 1, *1*).

Вторая чаша сохранилась несколько хуже. Она имеет фестончатый край, невысокий кольцевой поддон. Черепок плотный, белого цвета, глазурь блестящая голубоватая. Чаша орнаментирована подглазурной росписью кобальтом от серого до синего цвета с черными точечными скоплениями. Как и в первом случае, на выделенном контуром днище изображена сидящая на скале птица. С внешней стороны на чаше изображение сидящей на скале водоплавающей птицы. С обеих сторон на стенках стилизованный растительный орнамент. Высота чаши 5,5, диаметр по венчику 8,5, диаметр поддона 3,5 см (рис. 1, *5*).

Как уже отмечалось выше, фрагментов таких чаш найдено значительное количество, они практически идентичны по форме и орнаментации, представляя различные комбинации изображений стилизованных растений и птиц (рис. 1, *2—4*, *6*). Возможно, это относится и к совершенно миниатюрным сосудам, о наличии которых свидетельствует фрагмент от днища на невысоком кольцевом поддоне.

Другим вариантом сосудов этого типа являлись пиалы с ровным краем. Судя по сохранившимся фрагментам, они орнаментировались только с одной стороны стилизованным растительным либо геометрическим орнаментом (рис. 1, *13*, *15*). Вполне вероятно, что выявленные фрагменты днищ на кольцевых поддонах с растительными мотивами на внутренней стороне дна, выделенного двойным контуром, относятся именно к этому типу чаш.

Наконец, можно выделить несколько фрагментов с отогнутым фестончатым краем. Один такой фрагмент имеет тонкий, белого цвета черепок, покрытый голубоватой блестящей глазурью, орнаментированный синей подглазурной росписью кобальтом различных оттенков синего цвета с черными точечными скоплениями. С внешней и внутренней сторон по краю нанесен растительный орнамент, заключенный между двумя кобальтовыми линиями (рис. 1, *8*). Другой фрагмент имеет более толстый, сероватого цвета черепок, покрытый голубоватой глазурью, край его слегка отогнут наружу. Подглазурной росписью кобальтом с обеих сторон нанесен растительный орнамент (рис. 1, *11*). Третий, небольшой фрагмент поднят с поверхности городища. Сохранился только фестончатый, отогнутый наружу край со стилизованным изображением под ним (рис. 1, *10*).

Описанные нами сосуды обнаружены в слоях, суммарно датируемых XII — XV вв. Ранее, во время археологических раскопок в Гяндже в 1940 г., было найдено дно фарфоровой чаши с подглазурной росписью — изображение цветка пиона с побегами и лепестками с оборотной стороны в двойном кольце. Сохранилась марка императора династии Мин Сюан-Дэ (1426—1436 гг.) (рис. 1, *19*) [1, с. 99]. Как отмечает Б. А. Шелковников, фарфор с маркой Сюан-Дэ редок; кроме того, в большинстве своем он относится ко времени императора Кан-си (1662—1722 гг.), когда на изделиях, подражающих XV в., ставили старую марку. Однако известно, что Гянджа была покинута в конце XVI в., а из 540 определенных монет только одна относится к XVI в. [2, с. 378]. Таким образом, этот фрагмент определенно датируется исследователями XV в. Две фарфоровые чаши с подглазурной росписью кобальтом найдены в Баку, в колодце ханского дворца, вместе с монетой XV в. [2, с. 377]. Многочисленные фрагменты фарфоровых сосудов китайского и иранского производства найдены при раскопках средневековой Шемахи. Они попадали сюда по известному торговому пути Шемаха — Ардебиль — Тебриз. Особо обращают на себя внимание сосуды с изображением летящих птиц, на некоторых фрагментах сохранились китайские иероглифы [3, с. 107].

Появление в Китае фарфора с подглазурной росписью кобальтом относится к XIV в.; особенно его производство усовершенствовалось в XV в. [4, с. 8, 10]. Е. Лубо-Лесниченко, ссылаясь на данные Стамбульской и Ардебильской коллекций, отмечает ряд черт, характерных для фарфора более раннего юаньского периода: это, во-первых, неглазурованные поддоны (появление глазури на них относится к минскому времени XV в.); во-вторых, с внутренней стороны поддон выше, чем с наружной; в-третьих, листья изображались в фас [5, с. 70—73]. Все три выделенные особенности присутствуют на фрагментах первой группы, нашего материала. Приведенные выше аналогии, а также изучение выявленного в Гяндже фарфора с учетом замечаний исследователей позволяют датировать вторую группу (по нашей классификации) XV в., возможно, самым началом XVI в. На этом же основании первую группу можно датировать XV в.

Географическое положение Азербайджана на транзитном пути, связывающем Иран, страны Передней Азии и далее Индию и Китай с южнорусскими степями и бассейном Волги, способствовало развитию интенсивных торговых связей со странами Востока и Запада. Значительное число найденных образцов китайского фарфора с подглазурной росписью кобальтом и их разнообразие свидетельствуют об интенсивных связях Азербайджана с отдаленными странами. Вместе с тем население Азербайджана, и в частности Гянджи, само пользовалось этой высококачественной посудой Дальнего Востока. Об этом говорит сам факт находки фрагментов фарфоровых сосудов. Приведенные нами образцы фарфора являются свидетельством экономических и культурных связей средневекового Азербайджана, и в частности Гянджи, с такими отдаленными странами, как Китай.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джафарзаде И. М.* Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку: Изд-во АН АзССР, 1949.
2. *Шелковников Б. А.* Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья//СА. 1954. Т. XXI.
3. *Джидди Г А.* Средневековый город Шемаха (IX—XVII вв.). Баку: Элм, 1981.
4. *Вестфален Э. Х., Кречетова М. Н.* Китайский фарфор. Л., 1947.
5. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Фарфоровый сосуд расписанный кобальтом, периода Юань (1280—1367)//СГЭ. 1973. Вып. XXXVI.

Критика и библиография

Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с. 146 рис.

Рецензируемая книга акад. Б. А. Рыбакова является прямым продолжением вышедшей в 1981 г. в том же издательстве книги «Язычество древних славян». Обе книги образуют органическое единство и создают целостное и всестороннее представление об языческом мировоззрении славян как о вполне развитой философской системе, отражающей понимание картины мира. Языческие представления не только пронизывали всю жизнь древних славян, но были достаточно прочны и в эпоху Киевской Руси, их следы и пережитки сохраняются до современности. Без исторического анализа язычества нельзя понять идеологию славянских средневековых государств, невозможно изучить народную традиционную культуру и символику прикладного искусства.

Основная ценность исследований Б. А. Рыбакова состоит в выяснении общих закономерностей развития первобытной религии, в выявлении корней и истоков языческих верований, в определении времени появления тех или иных религиозно-мифологических представлений. На широком историческом фоне автор наглядно показал, что многие языческие представления связаны с глубочайшей древностью, сохранились с эпохи палеолита и энеолита, появлявшиеся новые воззрения наслаивались на старые, но не вытесняли их полностью, а сосуществовали с ними. Выявленная эволюция религиозных представлений, обладающих поразительной живучестью и многогранностью, позволила автору предложить свою периодизацию древнего язычества, основанную на изменениях в хозяйственной деятельности, социальном развитии и исторической обстановке. Талант исследователя, энциклопедические знания, комплексный подход и источниковедческий анализ данных, последовательное использование методов ретроспекции и экстраполяции дали возможность автору проникнуть во многие неясные и загадочные явления, осветить всю систему верований славян, сделать множество ценных выводов и наблюдений.

Систематическое изложение материалов в первом томе исследований доведено Б. А. Рыбаковым до рубежа нашей эры, что показало исторические корни элементов позднейшей славянской языческой системы и подготовило фундамент для написания второго тома, посвященного анализу восточнославянского язычества на протяжении I тыс. н. э., вплоть до начала XIII в. Книга «Язычество древней Руси» состоит из трех частей, в каждой из которых рассматривается определенный хронологический период истории славян, характеризующийся своеобразием исторических судеб и социально-экономического развития населения. В первой части книги, посвященной «трояновым векам» (первая половина I тыс. н. э.), автор излагает свои представления о сложной проблеме происхождения и древней истории славян и Руси, исследует языческие верования, нашедшие отражения в погребальных обрядах, приводит все, пока еще отрывочные данные, о культовых сооружениях и священных местах, известных на славянских землях, анализирует календари, которые изображены на сосудах, посвященных молениям, связанным с аграрной магией. Вторая часть — «Апогей язычества» — освещает период VI—X вв., время сложения государственности на Руси, когда появляются крупные культовые центры и первые городища-святилища, усложняются погребальные обряды, развивается жреческое сословие. В последней части книги автор рассматривает период XI—XIII вв., когда после принятия христианства на Руси складывается своеобразное двоеверие, свидетельствующее о стойкости языческих верований.

Книга написана на базе огромного фактического материала, собранного автором на протяжении нескольких десятилетий. Основой исследования явилось комплексное изучение самых разных источников — данных письменных памятников, этнографии,

народного искусства, фольклора, эпоса, лингвистики, археологии. Широкое привлечение археологических материалов, в том числе и новейших, открытых в последние годы, выгодно отличает работу Б. А. Рыбакова от всех предшествующих исследований по славянскому язычеству. При современном уровне развития археологической науки, дающей совершенно новые, наглядные и хорошо датированные сведения об языческих верованиях и обрядах, изучение язычества может стать наиболее плодотворным только в том случае, когда им занимается именно археолог, владеющий новейшими источниками. Археологические реалии во многих случаях позволили автору наметить время появления тех религиозных представлений, которые отражены в этнографических материалах и фольклоре.

Благодаря комплексному подходу к источникам в сложной и многоплановой системе верований восточных славян, отразившейся в этнографических материалах (обрядах, хороводах, песнях, заговорах, заклинаниях, детских играх, волшебных сказках, орнаменте вышивок и резьбы по дереву), автором выделены древнейшие наслоения, корни которых уходят еще в каменный век, им отмечены переплетения и сочетания представлений, присущих индоевропейскому единству и свойственных местному субстратному населению, смешавшемуся со славянами во время их расселения в северных областях Восточной Европы (с. 252). У славян, издавна занимавшихся земледелием, особенно прочно удерживались древние сельскохозяйственные культы, вера в рожаниц и богиню плодородия Макошь, что наиболее наглядно прослежено Б. А. Рыбаковым по народным вышивкам, в которых мотив двух всадниц, стоящих по сторонам богини, дожил до XX в. Большое значение в земледельческих культах отводилось солнцу — источнику жизни на земле. Движение солнца по небосводу являлось излюбленным мотивом в деревянной резьбе, украшавшей избы и прялки. Земледельческие циклы отображены на расшифрованных Б. А. Рыбаковым аграрно-магических календарях, изображенных на священных сосудах. В этих календарях отразились многовековой опыт и наблюдательность земледельцев, выделены наиболее оптимальные сроки сельскохозяйственных работ.

Б. А. Рыбаков подчеркивает, что в рассматриваемый период уже вполне сложились космогонические представления славян. Мир, по этим представлениям, состоит из четырех частей: земли, двух небес — верхнее небо с запасами дождевой воды и небесная твердь — и подземного яруса, представляющего собой океан, куда на ночь уходит солнце. В каждом ярусе господствовали свои боги: Род — повелитель неба и всей Вселенной, Макошь — богиня плодородия, ящер — олицетворение подземного мира, с которым связан и бог земли предков — Волос. Понимание устройства мира нашло отражение в многочисленных культовых предметах, например на Збручском идоле, которого автор расценивает как «высшее достижение языческой теологии» на последней ступени эпохи военной демократии (с. 768). Система микрокосма, отображенная в орнаментике жилища, служила для его защиты от всех враждебных сил, особенно тщательно украшались и требовали защиты вход в жилище и окна. Модель мира, по наблюдениям автора, воспроизводилась и в женской одежде, насыщенной знаковой символикой и призванной охранять человека от внешнего зла.

В книге прослежена историческая эволюция миропонимания и основанных на нем религиозных представлений в древней Руси. Со временем менялись не только значение и функции отдельных божеств, что особенно наглядно восстанавливается Б. А. Рыбаковым в изменении роли Волоса, являвшегося в древности покровителем охотников, затем ставшим «скотьим богом», богом богатства, но в то же время сохранявшим связи с миром мертвых, а также в значении Перуна, возглавившего пантеон славянских богов в Киевской Руси, тогда как архаичный народный бог Род даже не был включен в пантеон Владимира. Происходили изменения в самой сути восприятия мира: первобытно-натуралистическое понимание, связанное с богом Родом, сменилось сначала воинственным культом Перуна, а затем более возвышенным и отвлеченным культом Света, что ознаменовало новый уровень развития язычества. Развитие религиозных представлений меняло и формы погребального обряда. Распространение трупосожжений, по мысли автора, связано с изменениями воззрений о душе, которая устремлялась на небо, тогда как возобновление ингумации было вызвано воздействием христианства.

Славянское язычество достигло наивысшего развития накануне образования Киевской Руси и в IX—X вв. стало государственной религией. К этому времени оно, как доказывает Б. А. Рыбаков, имело уже разработанный космологический эпос, разнообразные ритуалы, разветвленное жреческое сословие, владевшее тайнами тонко про-

думанной символики, знанием славянской письменности. Анализируя летописные своды, автор пришел к выводу, что в это время в Киеве имелось свое летописание, в котором нет каких бы то ни было признаков христианской книжности и которое велось летописцами-язычниками из жреческого сословия (с. 362—381).

Упоминания о жрецах в дошедших до нас источниках очень редки и отрывочны, роль жрецов изучена еще мало, что и служило поводом для утверждения об отсутствии жречества на Руси. Б. А. Рыбаковым приведены письменные и археологические данные о наличии у восточных славян жреческого сословия, руководившего религиозной жизнью и сохранявшего свое влияние и в эпоху Киевской Руси. Жрецы умели вычислять календарные сроки всех магических действий, знали целебные свойства трав, хранили древние традиции, занимались предсказаниями и заклинаниями, приносили жертвы богам. Особенно велика была роль жрецов при организации многолюдных «соборов» и «событий», которыми должны были руководить специалисты, хорошо знающие ритуалы каждого праздника.

До настоящего времени святилища восточных славян были слабо изучены, и лишь в последние годы началось их целенаправленное исследование. Прикарпатская экспедиция Института археологии АН СССР провела раскопки на двух огромных святилищах — городищах Богит и Звенигород на р. Збруч, притоке Днестра (Гусятинский р-н Тернопольской обл.), и обследовала несколько более мелких, рядовых городищ-святилищ в западных областях Руси (Ржавинцы, Кулешовка, Рудники, Илиев и др.). Материалы, выявленные на этих городищах, представляют собой вещественное подтверждение многих положений, высказанных Б. А. Рыбаковым на основании отрывочных сведений письменных источников или в виде гипотез, опирающихся на данные этнографии.

Городища-святилища возникли во время расцвета язычества, в IX—X вв., когда в славянском обществе произошли заметные сдвиги в хозяйственной деятельности и социальном развитии. Создавшимся к этому времени многолюдным общинам было под силу сооружение своих святилищ; кроме того, создавались целые языческие комплексы, объединяющие большую округу. Как правильно заметил Б. А. Рыбаков, почти все славянские святилища находятся на местах древних городищ скифского времени (с. 139). Этот факт пока не находит достаточного объяснения, так как между периодами функционирования городищ существует огромный хронологический разрыв. Возможно, возникновение святилищ на этих местах связано с одинаковыми требованиями к топографическим условиям, к тому же славяне охотно использовали старые земляные сооружения, достраивая их и приспосабливая для своих нужд. Грандиозные городища-святилища на Збруче являлись крупными религиозными центрами, куда стекалась масса народа с дальней округи. В Звенигороде находилось четыре капища — специальные площадки, вымощенные камнями, где стояли идолы, совершались моления и жертвоприношения. Рядом с капищами располагались большие общественные дома и культовые помещения, в которых в специальных печах пекли ритуальные хлеба. На втором городище — Богит на каменном постаменте находился знаменитый Збручский идол. Рядом был расположен жертвенник из камней. Составной частью языческого комплекса на Богите являлся большой могильник, где, вероятно, справлялись религиозные обряды, связанные с культом предков. Оба городища были окружены сложной системой валов и рвов, сооружение которых требовало усилий больших коллективов людей. Нормальное функционирование святилищ с такой сложной структурой могло осуществляться лишь при наличии значительного количества служителей языческого культа — жрецов.

На обоих Збручских городищах, но за пределами наиболее священной и почитаемой их части расположены жилища с очагами и без всяких хозяйственных и подсобных помещений. Можно предположить, что здесь жили служители культа, не занимавшиеся хозяйственной деятельностью.

На Збручских городищах впервые открыты человеческие жертвоприношения, сведения о которых до сих пор черпались только из разрозненных упоминаний в летописях и поучениях, направленных против язычников. На одном из полностью раскопанных капищ городища Звенигород были обнаружены останки более 30 человек, среди которых имелись и младенцы. Трупы жертв расчленяли на части и укладывали в особые жертвенные ямы, куда помещали и кости животных, обломки посуды и многочисленные приношения различных вещей. По-видимому, находит подтверждение и почерпнутый Б. А. Рыбаковым из сказок обычай отрубания у жертв голов (с. 222): очень часто на святилищах находятся черепа, отделенные от туловища. В одном из

жертвенных помещений череп был обсыпан обгоревшим зерном и рядом с ним лежали два перекрещивающихся серпа, что является явным свидетельством земледельческого культа.

Подтверждается культовое значение многих предметов, например замков и ключей — символов сохранности. Б. А. Рыбаков упоминает их среди культовых находок из Черной Могилы. Десятки таких оберегов встречены в жертвенных объектах на Збручских святилищах. Женские украшения, служившие, по мысли автора, также оберегами, многократно найдены на святилищах в полном наборе из четырех височных колец. На святилищах найдено много острых, режущих и колющих предметов (ножи, серпы, иглы, шилья, проколки и т. п.), которые, по языческим верованиям, служили защитой от враждебных человеку сил, для ограждения от колдовства, болезней и смерти.

Яйцо, являвшееся одним из самых распространенных символов жизни, часто фигурирует в сказках, его изображения — писанки, украшенные сложными рисунками, известны среди археологических находок. Два таких ритуальных глиняных яичка с орнаментом происходят из святилища Звенигород. Б. А. Рыбаков считает ковши неотъемлемой частью обрядового пира, и они найдены на святилищах. Перечень вещественных данных, полученных при изучении святилищ и соответствующих наблюдениям автора, можно было бы значительно продолжить.

Очень важно то внимание, которое автор уделил большим общественным домам, изученным им на Благовещенской горе во Вщиже (с. 157—159) и в широком масштабе теперь исследованным на городищах Поднестровья. Эти длинные наземные постройки (иногда имеющие в длину 60—80 м), известные в западнославянских землях под названием контин, имели существенное значение в жизни древнего населения и служили разным целям. В них совершались пиры и братчины, являвшиеся частью языческого ритуала, и во многих длинных домах на святилищах обнаружены скопления битой посуды, остатки ритуальной пищи — кости животных. Обычай битья посуды имел культовое значение еще у народов Двуречья и как символ счастья и удачи сохранился до сих пор. Рядом с такими домами располагались помещения с печами для выпечки хлебов, чему придавалось, по-видимому, исключительное обрядовое значение, так как «хлебные» печи находились и в тех помещениях, где совершались жертвоприношения. В длинных домах происходили многолюдные собрания, вершился суд, хранилось общественное богатство. В двух длинных домах на святилище Звенигород найдено скопление дорогих предметов: серебряные височные кольца, гривны, колты, оружие, остатки деревянных шкатулок.

Выводы Б. А. Рыбакова о том, что язычество не угасало во всех слоях русского общества после официального принятия христианства и что во второй половине XII в. наблюдается возрождение языческих верований в городах и княжеско-боярских кругах, находят достоверные доказательства при раскопках городищ-святилищ. Святилища продолжали существовать до начала XIII в., когда они являлись притягательными центрами большой округи и к ним стекались многочисленные паломники, приходившие даже из больших городов. Об этом свидетельствуют богатство и разнообразие приношений, относящихся к предметам явно городского производства. Теперь не только по деталям богатого женского убора, украшения которого были покрыты символическими узорами, насыщенными аграрной заклинательной тематикой, можно судить об участии знатных женщин XII—XIII вв. в языческих обрядах. Несомненно, представители верхов феодального общества посещали языческие святилища и оставляли там свои приношения: золотые и серебряные височные кольца, колты, гривны, мечи, шпоры и т. д.

Б. А. Рыбаковым на основании многих данных как письменных источников, так и предметов прикладного искусства установлено существование двоеверия в Киевской Руси, охватывавшего не только деревню, наиболее приверженную к традиционно-языческой религиозной жизни, но и город, высокопоставленные круги которого также не забывали языческую мифологию и обряды, совмещая языческие верования с христианскими представлениями. Это положение автора признается не всеми современными исследователями, но находит неопровержимые подтверждения при археологических раскопках. На святилищах XII—XIII вв., где приносили в жертву людей и животных, совершали моления перед идолами, складывали богатые дары, на валах и во рвах жгли «неугасимые» огни, среди ритуальных приношений оказались и предметы христианского культа: кресты, иконки, кадило. На одном из капищ святилища Звенигород найдено шесть крестов, среди которых есть простые и грубо сделанные,

в том числе энколпион с примитивными изображениями, другие же представляют собой подлинные произведения искусства: тонкий перламутровый крестик и большой энколпион с художественными изображениями на обеих створках. Эти символы были принесены языческим богам, вероятно, христианами, сохранившими приверженность языческим верованиям.

Многие выводы, наблюдения, замечания Б. А. Рыбакова наглядно подтверждаются при проведении практических исследований святилищ. Он заставил заговорить археологические материалы, создал стройную концепцию, в которой нашли свое место, казалось бы, разрозненные и непонятные сведения письменых и вещественных источников. Рецензируемая книга Б. А. Рыбакова по широте охватываемых проблем и глубине проникновения в мировоззрение древнего населения представляет собой настоящую энциклопедию по язычеству, без которой невозможны дальнейшая работа и понимание религиозных культов славян. Помимо целостного представления о мировоззрении и верованиях в трудах Б. А. Рыбакова полнокровно и ярко отражена повседневная и праздничная жизнь славянского населения, что является существенным вкладом в историю народа и, несомненно, вызовет интерес самого широкого круга читателей.

И. П. Русанова, Б. А. Тимощук

Korfmann M. Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. B. I. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein. 1983. S. 252; Abb. 374; Pl. 18.

Рецензируемое исследование открывает широко и интересно задуманную серию публикаций материалов многослойного первобытного поселения Демирчиуйюк в Северо-Западной Анатолии, широкомасштабные раскопки которого произведены в 1975—1978 гг. экспедицией Тюбингенского университета (ФРГ) под руководством проф. М. Корфманна. Как результаты этих работ, так и характер их публикации, безусловно, заслуживают пристального внимания специалистов по археологии и древней истории Юго-Восточной Европы и Малой Азии.

Особая роль Северо-Западной Анатолии в разработке коренных вопросов первобытной археологии обоих континентов ныне достаточно хорошо известна. Она стала ясна уже более 100 лет тому назад, после сенсационных (хотя и весьма противоречивых по своим последствиям) раскопок Г. Шлиманном знаменитой Трои. Проведенные позже археологические исследования в различных районах Греции, в Балкано-Дунайском регионе, на островах Эгейского моря неизменно подчеркивали эту роль, открывая все новые ее аспекты. Многие годы Троя оставалась основным (а вначале и единственным) стратифицированным памятником всего Балкано-Анатолийского региона. Ее последовательные слои отражали ход культурного развития на протяжении не менее двух тысячелетий, ее материалы являлись важнейшими эталонами при первых же попытках создания хронологических схем и датировки конкретных комплексов от неолита до финального бронзового века как для Малой Азии и Юго-Восточной Европы, так и для обширных примыкающих к ним (а иногда и для достаточно удаленных) областей: Центральной Европы на северо-западе, Кавказа на востоке, каспийско-черноморских степей на севере. Можно говорить даже о своего рода «троецентризме» при разработке хронологических проблем весьма широкого спектра. И не только хронологических: справедливо подчеркивая расположение Трои в наиболее «горячей точке» евразийского пограничья, на скрещении путей, связывавших наш континент с высокоразвитыми областями Ближнего Востока, в ней видели источник первоначальных импульсов ряда значительных явлений культурного, социально-экономического, этнического характера, широко распространившихся далее, причем прежде всего в западном направлении.

Исследования последних десятилетий значительно обогатили разработку этой проблематики, а в определенных случаях открыли и новые ее направления. Был широко и на должном методическом уровне исследован ряд новых эталонных памятников, представляющих культуры, аналогичные или весьма близкие Трое, прежде всего наиболее ранним ее периодам (Трое I и II). Были документированы глубокие связи между этими культурами и значительное их распространение. Но подавляющее большин-

ство широкомасштабных исследований было проведено в Юго-Восточной Европе и на островах Эгейского моря. Таковы раскопки Аргиссы Магулы, Кастанаса, Дикили Таша и Ситагри в Северной Греции, Эзера в Южной Болгарии, Терми на о-ве Лесбос, Полиохни на о-ве Лемнос, Эмпорио на о-ве Хиос и др. Что же касается самой Северо-Западной Анатолии, то по числу исследований соответствующего масштаба и методического уровня она резко уступала отмеченным регионам. Троя многие годы оставалась в фактическом одиночестве. Проводились отдельные обследования Троады. Фиксировались в ходе разведок и в большинстве случаев весьма ограниченных раскопок близкие Трое I культурные слои, такие, как Ханай-Тепе, Чобан-Тепе, Беджик-Тепе, Хан-Тепе и др. Достаточно скромными по масштабу были и раскопки важнейшего телля Кум-Тепе, материалы которого впервые позволили говорить о дотроянских слоях раннего бронзового века Северо-Западной Анатолии. Наиболее значительные исследования памятников как близких, так и значительно более ранних периодов (Бейджесултан, Хаджилар, Чаталуйюк и др.) проводились за пределами этого региона, в Юго-Западной и Южной Анатолии, в иной экологической и исторической зоне, заметно менее связанной с Балканами.

В силу этого оставался открытым вопрос об историческом соотношении культур Балкан и Северо-Западной Анатолии, о роли каждого из этих регионов в процессе резкой культурной смены, охватившей значительные пространства Юго-Восточной Европы и Малой Азии на грани энеолита и раннего бронзового века.

При этой ситуации раскопки Демирчиуйюка приобретают особое значение: по сути дела они явились первыми после Трои широкомасштабными исследованиями поселения раннего бронзового века в Северо-Западной Анатолии.

Телль Демирчиуйюк расположен в 25 км западнее Эскишехира, примерно в 330 км восточнее Трои, на высоте около 855 м над уровнем моря. Место его расположения — своеобразное топографическое пограничье: наиболее выдвинутая к северо-западу часть анатолийского плоскогорья. В 20 км к западу начинается спуск, ведущий как к Мраморному, так и к Черному морю. Здесь проходил путь к Боспору, тысячелетиями являвшийся основной артерией Северо-Западной Анатолии. Здесь же локализуется и древняя граница между Фригией и Вифинией. Совершенно естественна и заметная концентрация в этом районе многослойных поселений. В 1937 г. К. Биттель провел их широкое обследование, обратив особое внимание на Демирчиуйюк, телль диаметром 67 м, возвышавшийся в то время на 7,61 м над уровнем окружающей равнины. Тогда же были проведены первые пробные раскопки памятника. Узкие стратиграфические зондажи были заложены на западном склоне холма. Как показали уже последующие широкие раскопки, которым и посвящена рецензируемая публикация, эти первые зондажи оказались на месте открытой центральной площадки поселения, на которой располагались лишь легкие вспомогательные постройки. Поэтому регулярных строительных остатков в зондажах не было. Недостаточно документирована была и стратификация культурного слоя. Были выделены три слоя, прослеженные лишь по профилю, все же основные категории находок представлялись единообразными во всех трех слоях. Ни строительные горизонты, ни ступени развития культуры поселения определены не были. Лишь новые исследования позволили объяснить упомянутую нерасчлененность находок, определив два обусловивших ее фактора, не учтенных при интерпретации материалов первых раскопок. Во-первых, многочисленные керамические фрагменты из нижних частей слоя оказались включенными в сырцовые кирпичи и глиняную обмазку стен более поздних построек и после разрушения последних распространились в соответствующих горизонтах. Во-вторых, не была принята во внимание специфика стратиграфии в районе хозяйственных построек, часто несколько углубленных в землю и нарушавших предшествующий горизонт. Именно поэтому исследование материала в хронологическом аспекте развития не получило. В общем же плане К. Биттель правильно синхронизировал основную часть слоя с Троей I, а частично с Троей II и более поздними периодами. Вместе с тем он подчеркнул заметные отличия материалов этих памятников и писал о «группе Демирчиуйюк — Бозийюк, представляющей ранее неизвестную культуру» [1, с. 29].

При всей предварительности этих заключений, исключительный интерес материалов Демирчиуйюка для разработки коренных проблем раннего бронзового века рассматриваемого региона стал очевиден уже в результате первых раскопок. Это и обусловило целесообразность новых широких раскопок памятника, предпринятых М. Корфманном. Раскопки были возобновлены в 1975 г. и продолжались четыре сезона — вплоть до 1978 г. по 3,5 месяца ежегодно. Было вскрыто 1379 м² при макси-

мальной площади телля 3350 м², причем хорошо продуманное расположение раскопов позволило охватить как основные участки холма, так и примыкающие к нему напольные участки.

К 1975 г. высота холма в результате разрушений уменьшилась до 6,5 м. Бурение показало, что перекрытый почвенными водами материк располагался на глубине 7—8 м от современного уровня равнины, на 4 м (и более) ниже уровня подпочвенных вод. Последние на отдельных участках на 1 м перекрывали древнейшие зафиксированные строительные остатки: общая мощность зафиксированного культурного слоя превышала здесь 7 м.

Огромный материал, полученный при вскрытии этого чрезвычайно мощного слоя, подвергнут ныне всестороннему исследованию с применением новейших аналитических методов. Запланировано издание его в семи томах. Отдельные тома будут посвящены естественнонаучным исследованиям материала, основным категориям находок, вопросам социального развития и т. д. В рецензируемом же первом томе рассмотрены основные данные памятника, ход раскопок, их методика и общие результаты, стратиграфия и планиграфия телля и архитектура, включая характеристику строительных материалов, вопросы строительной техники, соотношения и назначения построек, специфики планировки поселка на протяжении раннего бронзового века.

Следует подчеркнуть весьма совершенную методику раскопок сложного памятника, учитывая как его многослойность, так и специфические трудности выявления переслаивающихся глиняных стен сооружений, развалы которых на поверхности соответствующих горизонтов часто практически не поддаются фиксации. В силу этого особое внимание уделялось стратиграфии и максимально точной привязке строительных остатков и всех прочих находок к конкретным поверхностям, определенным благодаря четкой и последовательной системе профилей. Всего был зафиксирован 161 профиль. Квадраты («ареалы») размерами 9×9 м разделялись метровыми бровками, сохранившимися до конца раскопок и достигавшими высоты 7 м. Профили этих «магистральных» бровок фиксировались с обеих сторон. Кроме того, внутри квадратов оставлялись дополнительные бровки. Это заметно уточняло стратиграфические наблюдения в целом, и прежде всего определение строительных горизонтов. (М. Корфманн именует их «фазами») и их поверхностей, а также резко повышало возможности выделения стен, следы которых в профилях прослеживаются значительно четче, чем в планах. Профили фиксировались в масштабе 1 : 20. Не меньшее внимание уделялось планам и соответственно фиксации планиграфических наблюдений: здесь детально и тщательно выполненные чертежи существенно дополняются данными своего рода «микроаэрофотосъемки», при которой камеры крепилась к специально сконструированному коробовому змею, что оказалось особенно рациональным при фотофиксации крупных архитектурных деталей.

Уже отмеченная удачная система раскопов при сочетании и корреляции детальных и точных стратиграфических и планиметрических наблюдений позволила достаточно убедительно реконструировать фактически общую планировку поселка для большинства фаз его развития. Отмечу лишь, что при всей продуманности такой топографии раскопов она не исключает известной информативной неравномерности как между отдельными участками памятника, так и между отдельными строительными горизонтами культурного слоя, поскольку последние вскрывались не на равной площади, а наиболее ранние из них были достигнуты лишь в специальных зондажах. В этом плане описываемая система уступает вскрытию слоя сплошными площадями на полную глубину, хотя, с другой стороны, превосходит последнее по оперативности и возможности охвата всех районов поселения за сравнительно ограниченный период полевых работ.

Еще К. Биттель правильно определил, что фактически вся сохранившаяся часть культурного слоя поселения относится к раннему бронзовому веку. На исследовании последовательных поселков этого периода было сосредоточено внимание экспедиции и в ходе новых раскопок. Но вместе с тем слой содержал значительное число находок (в большинстве своем нестратифицированных) прочих периодов, в том числе более ранних. Кратко остановлюсь на этих материалах.

В сырцовые кирпичи и глиняную обмазку стен построек наряду с уже отмеченными керамическими фрагментами из более ранних горизонтов раннего бронзового века были включены тысячи находок, свидетельствующих о существовании на месте телля или в непосредственной близости от него неолитического поселения. Таковы фрагменты сосудов с темно-красной, вплоть до черно-коричневой окраской обеих поверхностей, с пальчатыми защипами, с резной орнаментацией, а также глиняные статуэт-

ки, костяные и каменные изделия. Аналогии этим находкам известны как среди наиболее ранних культур крашеной керамики Южной Анатолии (верхние горизонты Чаталуйюка, Хаджилар), так и среди ранненеолитических комплексов Фикир-Тепе на Боспоре и, что особенно важно, Балканского региона, прежде всего в культурах Караново I—II — Старчево — Криш — Кереш. Уже первые предварительные отчеты о раскопках Демирчиуйюка[1] привлекли к ранним материалам особое внимание исследователей, подчеркивавших, что эти находки являются первыми реальными свидетельствами контактов между Анатолией, Балканами и Подунавьем в неолите и, главное, двустороннего характера этих контактов [4, с. 96]. Значение этого факта усугубляется тем, что и материалы основного для телля слоя раннего бронзового века позволяют говорить о том, что «в Демирчиуйюке мы находим культуру, явно развившуюся в результате гибридизации юго-восточноевропейских и анатолийских элементов» [4, с. 96; 5, с. 319—320].

Прямых доказательств существования неолитического поселка непосредственно на месте телля пока нет, хотя такая возможность не может быть и полностью исключена. Результаты специального бурения показали, что по крайней мере в центре холма можно предполагать наличие не вскрытой еще части культурного слоя, полностью перекрытой грунтовыми водами.

Однако автор раскопок считает более вероятным происхождение неолитических находок из соседнего, тогда еще находившегося на поверхности равнины телля, где добывался материал и для сырцовых кирпичей, использовавшихся при строительстве домов Демирчиуйюка. Характерно, что примесь неолитических материалов зафиксирована прежде всего в верхних горизонтах раннего бронзового века, причем более всего внутри самих стен. Помимо керамики там же найдены обломки человеческих костей, что может быть связано с наличием на предполагаемом соседнем поселении столь обычных для неолита интрамуральных погребений.

Впоследствии активный эрозионный процесс, в результате которого материк оказался на глубине более 4 м от поверхности грунтовых вод, а уровень равнины заметно поднялся, привел к тому, что находившиеся некогда на поверхности остатки неолитического поселения оказались погребенными.

Основной слой Демирчиуйюка отнесен автором к анатолийскому раннему бронзовому веку I и II согласно хронологической системе, основывающейся на периодизации Тарса [6, с. 101—127]. По этой системе Троя I должна быть отнесена ко второй ступени указанного периода. Внутри слоя выделено 17 строительных фаз, которым предшествуют 3 фазы, выделенные условно, частично перекрытые грунтовыми водами и не дающие регулярных строительных остатков. Фазы обозначены буквами в алфавитном порядке снизу вверх. Между фазами C и D предполагается период некоторого запустения поселка, но начиная с последней и вплоть до конца его существования фиксируется не только непрерывная последовательность строительных горизонтов (фаз), но и поразительная стабильность единой планировки, сохранявшейся на протяжении 16 фаз (автор именует этот феномен «неизменностью концепции поселения»). Разрывы, связанные с большими пожарами, засвидетельствованы для фаз E-1 и E-2, а также для фазы H. Следы внезапной катастрофы иного рода, связанной, возможно, с военными действиями, отмечены в слое фазы L. Все прочие пожары, как подчеркивает М. Корфманн, не сопровождались ни разграблением поселка, ни, судя по отсутствию в их слое человеческих скелетов, массовыми жертвами среди населения.

Предельно детальная и тщательно документированная характеристика строительных остатков каждой из последовательных фаз позволила автору синтезировать все полученные данные и представить весьма убедительную картину истории застройки и планировки чрезвычайно компактного и во многом оригинального поселка.

Как уже отмечалось, первые участки регулярной застройки зафиксированы на фазе D. В основном уже тогда была выработана «концепция» (употребляя термин автора) цельного круглого строительного комплекса диаметром около 70 м, защищенного мощной оборонительной стеной и включавшего жилые и хозяйственные постройки, строго подчиненные единому плану. С южной стороны укрепленный поселок имел пристройку, предназначенную, очевидно, для содержания домашнего скота и огораживавшую площадь до 775 м².

---

[1] Библиографию Демирчиуйюка см. на с. 21—22 рецензируемой книги. Особо см. обобщающие работы [2, 3].

Фортификационная система существовала начиная с фазы D, позже она неоднократно реконструировалась и совершенствовалась, что с наибольшей четкостью документировано для фаз F-1 и M. Основу ее составляла каменная, частично обвалованная стена, достигавшая в высоту, согласно расчетам автора, 7 м. Стена имела четырехугольные бастионы толщиной до 3 м при толщине стены вне бастионов от 1 до 1,5 м, а также выступы в виде зубьев пилы. Подступы к ней имели внешние ограждения, а на одной из поздних фаз было сооружено второе кольцо укреплений, также с каменной обвалованной стеной. При этом первоначальное внутреннее кольцо продолжало функционировать. Были обнаружены двое ворот — с севера и юго-востока, еще столько же реконструировано автором раскопок на юге и северо-западе на основании аналогий и особенностей рельефа, что представляется достаточно убедительным. Весьма характерно оформление ворот длинными, фланкированными, выдвинутыми вперед стенами, «входными коридорами» с замощенной поверхностью. Сравнительно узкие коридоры легко могли быть перегорожены и существенно ограничивали возможность проникновения на территорию поселка.

Четырехугольные трапециевидные дома длинными торцовыми сторонами примыкали к оборонительным стенам, а в ряде случаев частично вписывались в ниши, образовавшиеся с внутренней стороны бастионов. Они составляли единое кольцо, причем длинные продольные стены их были направлены к гипотетическому центру круглого поселка. Кольцо членилось воротами на четыре группы домов. Каждая из них была ограничена парой ворот и составляла единый блок смежных построек с общими продольными стенами, одновременно поддерживавшими крыши двух домов (в некоторых случаях эти стены были двойными). Стены из кольев, глины или сырцового кирпича возводились на основании из дикого камня, что, однако, не относится к древнейшим фазам, где подобные основания имели лишь единичные дома, фланкировавшие ворота и выделенные некоторыми прочими признаками, что будет рассмотрено несколько ниже. В большинстве случаев дома двухкомнатные, средняя площадь их около 50 м², длина до 12 м при средней ширине 3,6 м, ширина дверных проемов в торцовых стенах 0,9—1,2 м. Все постройки одноэтажные, перекрытые плоскими крышами с основой из деревянных балок и глиняной обмазкой. Крыши имеют легкий наклон к центру общей конструкции. Сведения об интерьере весьма ограничены: обычно в одном из углов комнаты, против входа, находилась печь с купольным сводом и ямой для золы, а в центре — открытый очаг, четко выделены «спальные зоны» с деревянными лежанками, других сооружений нет. По мнению автора, это свидетельствует об использовании пространства помещений «согласно индивидуальным нуждам», без закрепления за отдельными участками строго определенных функций.

Раскопками фактически зафиксированы дома половины поселка — к северу и востоку от оси юго-восток — северо-запад. Достаточно убедительное в данном случае применение метода зеркального отражения позволило реконструировать план в целом. При этом два блока объединяют по восемь домов и два по пять, общее число последних достигает 26 (во всяком случае, для наиболее полно реконструированного плана поселка фазы F-1). Основываясь на этнографических параллелях, согласно которым минимальное число жителей каждого дома указанных размеров составляет пять человек, М. Корфманн определяет общую численность населения поселка в 130 человек.

Как уже отмечалось, дома, фланкировавшие ворота (или некоторые из этих домов), выделялись среди других. Каменная основа их стен прослежена начиная с древнейших фаз. Сами дома превышали все прочие размерами и состояли не из двух, а из трех комнат, причем и эти отличия сохранялись во всех фазах. Если обычное отношение длины трапециевидного дома к средней его ширине 3 1, то для большого трехкомнатного дома оно составляет 4 : 1. Автор предполагает здесь функциональную специфику выделенных домов, принадлежность их лицам, имевшим особый социальный статут внутри коллектива поселка и соответственно исполнявшим особые обязанности.

Жилые дома и фортификационные сооружения занимали $^2/_3$ площади поселка. Центр его был свободен от фундаментальных построек и представлял собой круглый двор площадью 1046 м². Лишь часть его была занята легкими прямоугольными или трапециевидными подобно домам зернохранилищами (амбарами) и прочими хозяйственными постройками турлучной конструкции (со стенами из кольев, оплетенными ветвями и обмазанных глиной), реже из сырцового кирпича, с углубленным в землю основанием. Стандартные их размеры — 3×2,4 м при глубине пола до 0,8 м. В древнейших фазах функции этих построек исполняли простые круглые ямы. Прочие участки

двора использовались для различных работ, требующих пространства и достаточного освещения. Подобные работы могли производиться и на крышах домов.

Характерно расположение амбаров на одной продольной оси с домами, иногда перед самыми входами в них, что, по мнению автора, подчеркивает индивидуальный характер хранилищ в каждом хозяйстве. С этим же связывается отсутствие дверей между домами, а также обязательное наличие печей и очагов в каждом из них.

М. Корфманн подчеркивает, что соединение индивидуальных домов в единые блоки придавало четкость и стабильность общей планировке поселка, сокращало затраты сил и материалов при строительстве, способствовало теплоизоляции в зимнее время. Неудобство же такого планирования проявлялось при пожарах и землетрясениях, а также при ремонтных работах, поскольку любая локальная реконструкция нарушала цельность блока в целом. Вместе с тем рассмотренная система планировки и архитектуры доказывает, что несмотря на предполагаемое наличие индивидуальных хозяйств, общинное начало было еще определяющим в социальной структуре обитателей поселка, само существование и характер которого обусловливались кооперированием действий всего коллектива, а также фактически совместным использованием необходимых строительных ресурсов.

Непрерывность строительной традиции с сохранением единой планировки на протяжении не менее 16 фаз является весьма значительным фактором как собственно археологического, так и общеисторического плана. Периодические реконструкции, охватывавшие цельные блоки (т. е. не менее четверти поселения, а возможно, и весь его комплекс единовременно), обусловили поразительно четкую стратиграфию слоя и возможность создания фактически безусловной относительной хронологии. Все остатки домов, предшествовавших реконструкции, оказывались запечатанными как закрытый комплекс под новыми полами и основами стен.

В историческом плане можно согласиться с автором, подчеркивающим, что строительной непрерывности соответствует непрерывность развития прочих элементов культуры и что это, в свою очередь, позволяет предполагать общекультурное и этническое единство населения поселка на протяжении всего периода, отраженного слоем поселения.

С другой стороны, основываясь на той же стабильности развития и постоянной поддержке единой планировки, М. Корфманн возвращается к вопросу об общественной структуре поселка, отмечая на этот раз, что помимо отмеченной свободной кооперации его жителей должна была существовать более сложная и прочная социальная организация. «Представляется мало вероятным, что независимая группа простых земледельцев по собственному внутреннему соглашению упорно придерживалась в период стольких поколений фиксированного плана этого поселка с вовлечением усилий всего коллектива в эти работы, включая создание фортификационных сооружений. Мы можем предполагать здесь форму организованного общества по примеру синхронной модели Месопотамии. Таким образом, мы постулируем наличие определенной правящей силы, дисплоцированной в этом районе и заинтересованной в оборонительной мощи Демирчиуйюка и других поселений в географическом пограничье будущих Фригии и Вифинии» (с. 194). Раскрывая последнее положение, автор подчеркивает особое плодородие почв этого района (чему соответствует большая концентрация зерна на поселении, заметно превышающая потребности его 130 обитателей) и обилие прочих его ресурсов, включая высококачественные глины и олово. В этом он видит значительный фактор «материального базиса правящей власти (возможно, династической)», а также причину особого внимания к укреплению расположенных здесь поселков.

Естественно, эти заключения предварительны и пока весьма дискуссионны, что особо касается династического характера власти и возможности сопоставления социальной структуры Демирчиуйюка с «синхронной социальной моделью Месопотамии». Хорошо известно, что сила простого кооперирования внутри самоуправляющихся общин была достаточной и для проведения регулярных совместных работ, и для создания весьма сложных и долговременных поселений, и для последовательного сохранения в них единых принципов планировки. Древнейшими примерами такого рода на Ближнем Востоке могут служить Телль эс-Султан (Иерихон), Бейда, Телль Магзалия и др., на Балканах — акрополи Сескло и Димини. Их развитие, при всей сложности и стабильности поселков, безусловно, протекало в рамках первобытно-общинной формации и соответствовало ее социальным нормативам (достаточно многообразным для различных периодов). Вполне допустимо, что Демирчиуйюк, как и синхронные и культурно близкие ему поселения, находился на заметно более высокой ступени общест-

венного развития, характерной для периода разложения указанной формации. Это подтверждается и данными ряда других исследований, позволяющими говорить о формирующейся уже иерархии поселений, об определенной их группировке вокруг укрепленных центров [7, с. 483], о выделении внутри последних акрополей как места сосредоточения элитарной части населения [8, с. 495], о характерном для данного периода резком усилении крепостного строительства [9, с. 46—55] в рассматриваемых регионах и т. д. Поэтому М. Корфманн вправе говорить и об «определенной форме организованного общества» и о «наличии правящей силы», однако нет никаких оснований ни для утверждения о династическом характере этой «правящей силы» (скорее всего не выходившей за рамки родо-племенных институтов), ни для сопоставления с Месопотамией, где с Демирчиуйюком хронологически сопоставимы Джемдетнаср и I Раннединастический период с такими четкими показателями сложившегося классового общества и цивилизации, как развитые города, резко выделяющиеся общественные здания-дворцы и храмы, наконец, письменность. В. Анатолии об этой ступени развития можно говорить не ранее II тыс. до н. э.

Большой интерес представляет рассмотрение М. Корфманном архитектурных данных, с беспрецедентной для данного региона четкостью зафиксированных в Демирчиуйюке. Автор справедливо подчеркивает, что общая схема планировки последнего неоднократно отмечалась для поселений ряда районов Малой Азии, но до сего времени не рассматривалась как общий и широко распространенный стереотип памятников этой категории древней Анатолии.

Еще раз повторю, что речь идет здесь об укрепленных (прежде всего каменными стенами) округлых поселках со свободной площадью (двором) в центре и радиально расходящимися от нее жилыми домами, примыкающими к оборонительной стене. Достаточно часто поселки имели расположенные по странам света ворота со сравнительно узкими входными «коридорами» («воротными входами» — Torgasse).

Автор предлагает именовать этот стереотип «анатолийской поселенческой схемой» и подчеркивает, что в основе ее лежит принцип открытого двора с группирующимися по его сторонам помещениями, характерный прежде всего для Ближнего Востока, давно и прочно укоренившийся там. В Анатолии схема получает наибольшее распространение в раннем бронзовом веке, но корнями своими уходит в значительно более ранние периоды. В доказательство этих положений М. Корфманн приводит карту (с. 354), на которой отмечено 15 памятников, с большей или меньшей четкостью отражающих «анатолийскую поселенческую схему». Древнейший из них — Хаджилар (фаза 1) в Юго-Западной Анатолии — датируется началом V тыс. до н. э., следующий — Мерсин (слой XVI) в Киликии — началом IV тыс. до н. э., далее условно (ввиду скудности архитектурных остатков) Бейджесултан, начиная с халколитических слоев IV тыс. до н. э., остальные составляют хронологически довольно компактную группу (конец IV—III тыс. до н. э.), распространенную по всей Анатолии, а также на островах Эгейского моря. На последних указаны Терми на Лесбосе, Полиохни на Лемносе, Герайон на Самосе, в Северо-Западной Анатолии — Троя (I — начало II) и сам Демирчиуйюк, в Юго-Западной Анатолии — Афродисиас и Караташ-Семейюк I—II, в Центральной Анатолии — Машат и Алишаруйюк, в Восточной — Пулур-Сакиол, в Киликии — Тарс (I фаза раннего бронзового века). Кроме того, в тексте отмечена та же схема на второй ступени развития поселения Кусура, на карте не показанного. На Балканах особо выделено поселение Эзеро: оно не отнесено непосредственно к числу памятников «анатолийской поселенческой схемы», но подчеркнуто его тесное культурное взаимодействие с ними.

В целом синтез архитектурных данных этих поселений и постулирование существования «анатолийской поселенческой схемы» представляют безусловный интерес. Они в значительной мере способствуют разработке вопроса о роли анатолийских культур в сложных интеграционных процессах начала раннего бронзового века, приведших к формированию новой системы взаимосвязанных культурных общностей, резко отличных от своих энеолитических предшественниц и охвативших значительные территории как самой Анатолии, так и Балкано-Дунайского региона [10, с. 239]. Вместе с тем автор проявляет правильную осторожность, касаясь вопроса о культурном соотношении этих областей, избегает утверждений исключительности и односторонности анатолийских влияний на Юго-Восточную Европу, неоднократно подчеркивает взаимодействие обоих регионов и двухсторонний характер культурных влияний. Это касается и архитектурного аспекта, являющегося стержневым в рецензируемом исследовании. Здесь заключения М. Корфманна могут быть суммированы следующим образом.

Обусловленная южными традициями «анатолийская поселенческая схема» доминирует на первых ступенях развития раннего бронзового века. В Демирчиуйюке к ним относятся все упомянутые выше 16 фаз, в Трое — периоды I и II-а[2], в Терми — периоды I—III, в Полиохни — II («синий») период. В это время указанная схема активно влияет на Балканы. Далее, в период Трои II-с, структура поселений резко меняется, чему соответствуют и заметные изменения в ряде категорий находок (новые характерные формы сосудов, появление гончарного круга, оловянистые бронзы и пр.). Цельные поселки «анатолийской схемы» сменяются укрепленными акрополями, застроенными особо монументальными зданиями и господствующими над остальным, рядовым поселком. Радиальная планировка сменяется линейно-прямоугольной. Автор исключает местное или южное происхождение последней и ищет ее корни на Балканах, но не в Греции, а севернее, среди энеолитических поселков Болгарии (типа Поляницы, Голяма Делчева, Овчарова). Распространение новой структуры и планировки фиксируется в Трое, как уже отмечалось, в период II-с, в Терми при переходе от III к IV периоду, в Полиохни с III («зеленого») периода. С ней связывается пресечение существования «анатолийской поселенческой схемы», причем автор допускает здесь возможность военного вторжения.

Приведенное построение также достаточно интересно и исходит из правильных представлений о взаимодействии и определенной гибридизации балканских и анатолийских культурных элементов в рассматриваемый период. Но ряд конкретных заключений здесь дискуссионен. Остановлюсь на некоторых из них, имея в виду прежде всего балканские материалы.

Округлые укрепленные поселки, весьма близкие «анатолийской схеме», появляются на Балканах уже при переходе от энеолита к раннему бронзовому веку, в период Трои I и даже ранее [7, с. 316, 501 сл]. Они сменяют абсолютно иную традицию отмеченных выше энеолитических поселений. Хотя на некоторых из них засвидетельствовано линейное расположение жилищ (наряду с радиальным на других), общая их структура резко отлична. И появляется эта новая архитектурная традиция вместе со столь же новыми и не менее резко отличными от балканского энеолита культурными элементами, связанными, однако, не с Анатолией, а с Центральной и Восточной Европой. В этой связи важно отметить, что в энеолите этих регионов, по меньшей мере с IV тыс. до н. э., также известны и округлые укрепленные поселки, и «входные коридоры», и радиальная планировка со свободным от застройки центром. Укажу в этой связи на поселения лендельской культуры [12, с. 27, рис. 1, 2; 13, с. 177—183, рис. 2; 14, рис. 1], культуры моравской расписной керамики [15, рис. 2], трипольской культуры [16, табл. XIX, *1*; LXXIX, *1—3*]. Обращает на себя внимание сочетание на Балканах близких анатолийским каменных фортификаций (Эзеро, Михалич, Караново, Кириллово, Кубрат, Мечкюр и др.) с оборонительными системами, состоявшими из рвов и палисадов и находящими ближайшие аналоги в лендельской и других названных культурах (Юнаците).

Поэтому процесс формирования близких схем укрепленных поселков Юго-Восточной Европы и Анатолии в раннем бронзовом веке мог носить полилинейный характер и интегрировать давние традиции ряда вступивших во взаимодействие культур. О заметной же активизации такого взаимодействия есть основания говорить начиная с самого периода перехода от энеолита к первым ступеням раннего бронзового века обоих регионов. Что же касается весьма интересной мысли М. Корфманна относительно балканского импульса заметных культурных изменений, в том числе и в структуре анатолийских поселений в период Трои II-с, то здесь, как я полагаю, следует иметь в виду не прямые влияния энеолитической традиции (пресеченной за несколько веков до этого), а опосредствованные и обусловленные структурными особенностями балканских поселений раннего бронзового века, знавших, повторяю, как радиальную, так и линейную планировку [7, рис. 54, 55].

Подобные вопросы достаточно важны, и значительно более детальную и обоснованную разработку они смогут получить после полной публикации всех категорий находок из Демирчиуйюка и культурной идентификации поселения.

В заключение отмечу высокий уровень научной документации рецензируемого издания, которое включает специальную папку с основными планами и профилями раскопов.

Н. Я. Мерперт

---

[2] М. Корфманн принимает новую периодизацию Трои, разработанную Х. Подцувайтом на основании анализа троянских керамических коллекций [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bittel K., Otto H.* Demirči-Hüyük, eine vorgeschichtliche Siedlung an der phrigisch-bithynischen Grenze//Bericht über die Ergebnisse der Grabung von 1937. B., 1939.
2. *Korfmann M.* Ausgewählte Aspecte der frühbronzezeitlichen Demirčihüyük-Kultur in Hinblick auf Troja I und II//Transactions of the IV International Colloquium on Aegean Prehistory. Sheffield, 1977.
3. *Korfmann M.* Demirčihüyük//Istambuler Mitteilungen. 1977—1978. V 27—28.
4. *Yakar J.* The Into-Europeans and their Impact on Anatolian Cultural Development//J. Indo-European Studies. 1981. V 9. № 1—2.
5. *Mellink M.* Archaeology in Asia Minor//Amer. J. Archaeol. 1978. № 82.
6. *Mellink M.* Anatolian Chronology//Chronologies in Old World Archaeology/Ed. Ehrich R. Chicago, 1965.
7. *Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Димитров Д. Г.* Езеро. Раннобронзовото селище. София, 1979.
8. *Авилова Л. И., Мерперт Н. Я., Титов В. С.* Раскопки поселения Юнаците в Южной Болгарии//АО — 1984. М., 1986.
9. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие каменные крепости Болгарии//Новое в археологии. М.: Наука, 1972.
10. *Мерперт Н. Я.* Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
11. *Podzuweit Chr.* Trojanische Gefässformen der Frühbronzezeit in Anatolien, der Ägäis und angrenzenden Gebieten. Mainz, 1979.
12. *Bujna J., Romsauer P.* Siedlung und Kreisanlage der Lengyel-Kultur in Bucany//International Symposium über die Lengyel-Kultur. Nitra; Wien, 1986.
13. *Němejkova-Pavúková V.* Siedlung und Kreisgrabenanlagen der Lengyel-Kultur in Svodin (Südslowakei)//International Symposium über die Lengyel-Kultur. Nitra; Wien, 1986.
14. *Marek F., Pleslova-Štikova E.* Geophysical Prospection in Bohemia//Archaeology in Bohemia 1981—1985. Prague, 1986.
15. *Kovárnik J.* Zur Frage der Verbreitung der Kreisgräben in der Kultur mit Märischer Bemalter Ceramik in Kreise Znojmo//International Symposium über die Lengyel-Kultur. Nitra; Wien, 1986.
16. *Черныш Е. К.* Энеолит правобережной Украины и Молдавии//Энеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1982.

О МЕТОДЕ «СТРУКТУРНОЙ АРХЕОЛОГИИ» ПАТРИКА О'МАРЫ

Установление времени, когда происходили рассматриваемые события, является скелетом любого исторического исследования. Современная археология, создавшая надежные схемы относительной хронологии изучаемых культур, сталкивается, однако, с огромными трудностями в хронологии абсолютной. Поэтому синхронизмы с древневосточными цивилизациями, имеющими писаную историю, чрезвычайно важны для археологов, занимающихся эпохой бронзы очень значительной части территории Евразии. Материалы Древнего Египта оказываются одним из богатейших источников таких синхронизмов.

К сожалению, египетская хронология, которая неспециалисту может показаться изученной вполне удовлетворительно, до сих пор еще недостаточно надежна в силу ряда объективных причин. Важнейшие из них — состояние источников, специфика восприятия египтянами своего прошлого и отсутствие единой эры (имеются датировки только по годам правления царей). Из-за этих сложностей неспециалисту для ориентации в проблемах египетской хронологии и в связанной с ними обширной литературе необходима помощь профессионального египтолога. Для этого как раз и предназначена настоящая статья. Недавно появился ряд книг Патрика О'Мары из Калифорнийского университета [1—4], в которых он пытается опрокинуть существующие в наше время реконструкции египетской хронологии и предлагает свою собственную, новую схему. Книги эти, возможно, уже привлекли внимание археологов, а манера изложения могла породить у них иллюзию достоверности выводов автора. Мне хотелось бы предостеречь всех читателей неегиптологов от излишнего доверия к тому, что делает О'Мара.

Главными источниками по египетской хронологии являются списки царей — Палермский камень (V династия), саккарский и абидосский списки, Туринский папирус (Новое царство) и известный по цитатам труд Манефона. Переход от относительной хронологии царских списков к абсолютной основывается прежде всего на привязке

годов правления к датам по Сотису. Египетский год из 365 дней был на $^1/_4$ дня короче солнечного, и за 4 года из-за отсутствия интеркаляций отставал от него на 1 день. За 1460 астрономических лет первый день 365-дневного года — день гелиакального восхождения Сириуса (Сотиса) — проходил через весь астрономический год (период Сотиса). Зная день гелиакального восхождения Сириуса в определенный год какого-либо царя, можно привязать этот год к юлианскому году. К сожалению, списки царей далеко не полны, а сотических дат немного.

О'Мара строит свою хронологию на основе реконструкции царских списков в рамках провозглашенного им метода «структурной археологии», который состоит в промерах памятников с использованием древних мер длины и в последующем математическом анализе результатов. Это должно позволить выявить закономерности в компоновке памятников, в расположении надписей и т. д., которые при использовании наших мер, никак не соотносящихся с древними, не прослеживаются [1, с. VII]. Таким образом, перед нами универсальный метод анализа не только царских списков, но и практически всякого археолого-эпиграфического памятника. Поэтому оставим на совести автора нелепый термин, который заставляет усомниться в том, что он представляет себе сферу применения математических и формальных методов в современной археологии, и постараемся выяснить, имеем ли мы дело с действительно новым и полезным явлением в науке.

Математизация, являющаяся в гуманитарных науках знамением времени, начинает проникать и в египтологию. Последняя, однако, до сих пор остается преимущественно филологической, замкнутой в себе дисциплиной, в вопросах как методики раскопок, так и анализа археологического материала существенно отстающей от современной археологии. Сейчас она находится на том этапе развития, который прошли уже многие гуманитарные дисциплины, когда существует иллюзия того, что любое применение математических методов само по себе гарантирует достоверность полученных выводов. В полной мере это заблуждение сказалось в работах О'Мары.

Метод его сложился при исследовании Палермского камня и был использован прежде всего для разрешения проблем, связанных с этим памятником. Палермский камень представляет собой фрагмент древнейших известных египетских анналов, записанных при V династии. Несмотря на то, что фрагмент этот очень невелик, его глубочайшая древность превращает его в важнейший источник для реконструкции ранней хронологии. На камне сохранились части шести строк, разделенных на клетки, в которых записаны имена додинастических царей, правивших еще необъединенным государством, и важнейшие события каждого года правления царей династического времени. Ширина клеток в разных строках различна. Поэтому практически все прежние реконструкции размеров памятника, по которым можно выяснить сроки правления царей, сводились, по существу, к вычислению того, на каком расстоянии должны совпасть края клеток во всех строках — в этих местах и должны проходить вертикальные границы камня. Разумеется, попытки эти некорректны, так как даже незначительные различия в ширине клеток, неизбежные при работе резчика, могут вести к сильнейшим и непредсказуемым расхождениям. О'Мара убедительно показывает, что подобные реконструкции обречены на провал, и призывает нас пойти иным путем: «...сменить наши академические мантии на передник писца и сесть рядом с древним мастером, уставившимся на только что отполированную черную поверхность (камня.— *А. Б.*) и размышляющим, как разместить на ограниченной площади ежегодные записи за полтысячелетия» [1, с. 22]. Если отрешиться от «красот» стиля, в котором написаны все книги О'Мары, то мысль эта вполне здравая: действительно, всегда полезно приблизиться к психологии создателя изучаемого памятника. Проделать это О'Мара пытается при помощи метода «структурной археологии».

Но, как ни странно, автор принимается за все те же давно скомпрометированные расчеты расстояний, на которых совпадут края клеток; ново здесь только применение египетских мер. Он постоянно подчеркивает, что делает работу, принципиально отличную от той, которой занимались его предшественники, однако это остается лишь словами. Что же касается египетских мер, то учет их, спору нет, дело полезное и даже необходимое, однако сразу же возникает вопрос: насколько точно мы эти меры знаем? Но даже если предположить, что основная мера — локоть, состоящий из 28 пальцев,— известна нам с точностью до миллиметра и действительно равна 523 м, это еще не означает, что размер пальца можно вычислить арифметически, делением 523 на 28, получая неизвестно откуда точность на два порядка большую — 18,68 мм, как делает О'Мара [1, с. 26]. Такая ошибка характерна для лабораторных работ школьников не

самых старших классов — десятиклассники уже знают, что точность результата не может превышать точность исходных данных. Вообще вопросы предельной точности измерений и расчетов, столь важные во всех метрологических исследованиях, очень мало беспокоят автора. Он просто полагает, что знает египетские меры с точностью до сотых миллиметра и с той же точностью проделывает измерения, что и сами египтяне.

Итак, с метрологией у О'Мары дело обстоит плохо, не лучше и положение с методикой. Он лишь сообщает, что она основана на тысячах измерений и вычислений, не приводя их самих. Вместо этого нам предлагаются три образца использования этой методики. Один из них — ложная дверь Ни-анх-сехмет[1], на которой практически все членения и изображения якобы с высокой точностью соответствуют египетским мерам длины или их частям. При этом настораживает, однако [1, с. 26—30], что автор работал не с памятником, а с его публикацией, что в такого рода исследовании недопустимо; к тому же он избрал давно устаревшее неточное издание О. Мариэтта [5, с. 203—205], даже не упомянув гораздо лучшее фотографическое воспроизведение Л. Борхардта [6, табл. XXXIX]. Не лучше обстоит дело и с другим примером — папирусом Ани, где ширина столбцов и групп столбцов иероглифов якобы также кратна египетским мерам. Здесь также допущена серьезная ошибка. Ведь когда писец графил на столбцы папирус, он не был ограничен определенным размером листа (его всегда можно было увеличить путем подклеивания), а поэтому перед ним вообще не стояла задача деления определенного расстояния на заданное число частей, как в случае с камнем,— нужно было лишь выдерживать равную ширину столбцов, так что никакие их группы, естественно, не измерялись.

Неудачной, наконец, оказывается и попытка показать на примере обломка стелы царя Нечри-бауи (Ntrj-b'. w. j), как «структурная археология» позволяет реконструировать размеры разрушенных памятников. Это признает и сам автор, указывая, что материалы стелы недостаточны [1, с. 36—40]. Но зачем тогда выбирать заведомо негодный пример? Остается признать, что методики своей О'Мара не обосновал и верить ему в расчетах с Палермским камнем рискованно. Попытаемся хоть как-нибудь проверить его результаты.

Единственную возможность проделать такую проверку, не будучи связанными с цифрами, которые дает О'Мара, предоставляет пересчет его промеров ложной двери Ни-анх-сехмет по изданию Борхардта. Вычисления О'Мары были проверены мной по обоим изданиям. Даже по изданию Мариэтта расхождения оказались значительными (до 10 мм и более при переводе в реальные размеры), по фотографии же Борхардта они еще больше. Впрочем, даже исходные данные О'Мары оказываются неверными, так как он использует при расчетах указанную Мариэттом высоту ложной двери 280 см, тогда как, согласно измерениям всегда очень точного Борхардта, она равна 317 см. Разумеется, проделанная проверка не претендует на исключительную точность, но, во всяком случае, об ошибочности исходных данных и измерений О'Мары она свидетельствует.

В случае с Палермским камнем автор повторяет все те же ошибки. С памятником он не работал, пользуясь лишь опубликованными воспроизведениями и промерами. При этом он, правда, пытается учитывать даже искажения масштаба отдельных частей снимков из-за неровностей поверхности камня, однако учесть все искажения, возникающие при фотографировании, все равно невозможно, не говоря уж о том, что и сам метод промеров по воспроизведениям порочен в своей основе. Тем не менее автор всецело полагается на свои расчеты, а результаты его подозрительно хорошо укладываются в предложенную схему. Но доверия к его выводам уже не может быть. Впрочем, он и сам однажды проговаривается, замечая по поводу своей схемы: «Не существует доказательства ни одного решения. Единственный критерий успеха — работает ли она» [1, с. 76]. Однако установить, работает ли схема, можно, лишь сравнив ее с тем, как она согласуется с другими источниками, чего мы как раз сделать не можем, не имея равноценных Палермскому камню источников по ранней египетской хронологии.

Семьдесят страниц посвящает О'Мара реконструкциям размеров Палермского камня. Избавлю читателя от изложения и проверки всех расчетов, тем более что это бесполезно, но потребовало бы, по крайней мере, столько же места, сколько расчеты занимают в самой книге. Нужно лишь отметить, что везде повторяется все та же история с пределом точности измерений, а все возникающие расхождения толкуются авто-

[1] О'Мара варварски читает это имя (Nj-ᶜnḫ-shm. t) как Sekhementankh, из чего следует, что он незнаком с элементарными правилами чтения египетских имен и что его познания в этой области находятся на уровне начала века.

ром в свою пользу. Вершиной всего является расчет размеров не только самих надписей, но и всего камня с реконструкцией его вида [1, с. 109—112, рис. 44]. На итоговом рисунке камень изображен стоящим на постаменте изысканных пропорций, явно не имеющем ничего общего с действительностью, так как он слишком низок, и для чтения надписей нужно либо сгибаться, либо вставать на колени. О'Мара сознает это и сообщает, что постамент «совершенно воображаемый и нарисован лишь для того, чтобы создать приятную гармонию» [1, с. 112]. К сожалению, это далеко не единственный пример такой «приятной гармонии» в работах О'Мары.

В целом полученные результаты оказываются крайне незначительными. Реконструированные размеры камня больше минимальных и меньше максимальных, реконструированных предшественниками О'Мары, и чем они лучше, совершенно непонятно. Впрочем, в первой книге есть и некоторые полезные наблюдения. Например, автор устанавливает, что текст на сохранившейся части камня был записан шестью резчиками, почерк которых различен, причем работа шла не в хронологическом порядке [1, с. 23, 24]. Если это действительно так (а вывод требует проверки по оригиналу), Палермский камень представляет собой копию старых анналов, а не совершенно новый памятник, что действительно важно, так как доказывает существование ранней летописной традиции. Однако все удачные наблюдения лежат вне метода «структурной археологии», которая выступает здесь в роли топора в небезызвестном способе приготовления супа.

Видимо, следует присоединиться ко мнению многих исследователей прошлого, что «палермская проблема» полностью не будет решена никогда, если только не появятся новые материалы. Для частичного же ее решения в рамках нынешней обеспеченности источниками новые промеры действительно необходимы, но только по оригиналу и без слепой веры в цифры. Учет мер, которыми пользовались египтяне, при этом полезен, однако он не должен быть доминирующим в исследовании. О'Мара полагает, что египтяне пользовались линейками с соответствующими делениями и добивались при этом огромной точности, немыслимой при черчении по не слишком ровной поверхности камня. К тому же они должны были постоянно заниматься достаточно обширными расчетами, требующими вычисления довольно сложных дробей. Дробные величины, видимо, тоже должны были отмечаться на линейке, так как без этого достигнуть предполагаемой точности было бы невозможно. Картина получается слишком сложной. Между тем безо всякого применения линейки, при помощи одного лишь циркуля или даже простого шнурка без каких-либо делений можно разделить любое расстояние на любое количество частей. При многократных промерах шнурком точность порядка нескольких миллиметров при делимом расстоянии порядка метра вполне достижима, а большего египтяне и не добивались. Разумеется, при таком способе деления кратность получаемых отрезков каким бы то ни было мерам длины необязательна.

Следует коснуться еще одной поднятой в книге проблемы. В 1910 г. Каирский музей приобрел на антикварном рынке обломок камня, сходный с Палермским. Хотя довольно скоро было доказано, что он не является фрагментом того же памятника, Каирский камень играет в реконструкциях ранней истории Египта роль ничуть не меньшую, чем Палермский. Обстоятельства приобретения вызывали иногда сомнения в подлинности Каирского камня, поэтому О'Мара совершенно справедливо в своем анализе Палермского камня не использовал никаких параллелей, чтобы не подменять «палермскую проблему» «каирской проблемой». Затем, сопоставив свою схему с результатами промеров Каирского камня (тоже по воспроизведению), он установил расхождения между двумя памятниками и безапелляционно объявил второй подделкой [1, с. 113—133]. Само по себе это возможно, но доказательство О'Мары недостоверно в силу необоснованности его методики; утверждения же вроде того, что надписи сделаны явно поверх выветренной и поврежденной поверхности, а не были выветрены и повреждены вместе с ней, звучат в устах человека, никогда не видившего оригинала и работавшего лишь с плохим воспроизведением, по меньшей мере странно. Несомненно, что необходима серьезная проверка подлинности Каирского камня. Думается, что хорошие результаты могли бы дать анализы микроследов металла от резца. Обнаружение микроследов железа было бы неопровержимым свидетельством поддельности, микроследы же меди служили бы практически абсолютным доказательством подлинности, так как использование фальсификаторами начала века медных орудий представить себе трудно. Такое или иное исследование методами естественных наук совершенно необходимо, так как без него следует если не полностью отказываться от материалов Каирского камня, как это делает О'Мара, то во всяком случае быть крайне осторожными с ними.

Из всего сказанного следует сделать неутешительный вывод, что ничего нового, кроме неудачного термина О'Мара не создал, а метод его совершенно некорректен и бесполезен. Однако на основании рассмотренного исследования автор переходит непосредственно к проблемам египетской хронологии, которым посвящены заключительная часть первой книги и последующие его работы. Так как они основаны на методе «структурной археологии», доказавшем свою шаткость, мы столкнемся с несметным количеством фантазий, усугубленных зачастую элементарной исторической неграмотностью.

Последняя часть первой книги посвящена установлению списка царей I—III династий. Здесь О'Мара так же некритичен, как и прежде. Все его исследование основано на одном положении, которое поражает наивностью, но кажется автору совершенно неоспоримым. Он исходит из того, что составители царских списков могли знать свою древнейшую историю *только* по тем же источникам, что и мы,— преимущественно по надписям на сосудах и печатях: «Древнейшая сохранившаяся запись анналов несомненно основывается на полученных из первых рук археологических материалах» [1, с. 135]. Однако эти памятники были в основном погребены в царских гробницах как составная часть инвентаря и древним историкам оставались недоступными; следовательно, эти историки знали очень мало: «Мы знаем гораздо больше о многих аспектах I династии, чем египтяне III—V династий, времени древнейшей традиции анналов. Священный характер гробниц препятствовал раскопкам (! — *А. Б.*), и эти древние историографы не обладали критическим чутьем и разработанной техникой для работы с материалами, которые становились доступными благодаря случайным ограблениям гробниц или передаче по наследству царских собраний керамики» [1, с. 138]. Какие бы то ни было комментарии, как говорится, излишни. Ни один здравомыслящий человек не станет сомневаться в том, что до нас дошла лишь ничтожная часть памятников, что египетскому историку их было известно несравненно больше. К тому же отрицать древность летописной традиции невозможно — Египет был культурой прецедентов, что порождало интерес к прошлому и глубокое его понимание. Поэтому царские списки должны восходить к самым началам египетского государства и отражать вполне реальные события. Разумеется, при этом долгое время они могли существовать только в папирусной традиции, без записи на камне, чем и объясняется их полное исчезновение (точно так же в папирусной традиции до конца V династии существовали Тексты пирамид, древнейшие части которых возникли в глубочайшей архаике). Наконец, совершенно невозможно смешивать методы работы современных и древнеегипетских историков — эти последние были не исследователями прошлого, подобно нам, как это представляется О'Маре, а хранителями и продолжателями исторической традиции. Наивность О'Мары достойна студента-первокурсника, но первокурсников по крайней мере не печатают большими тиражами; книги же О'Мары сокрушают все, что было сделано до него несколькими поколениями исследователей.

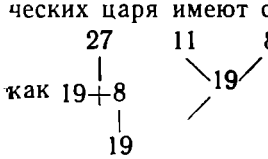
Логика его такова: если египтяне уже в Старом царстве не знали историю первых династий, а у нас есть абсолютно надежная реконструкция Палермского камня, нужно свято верить последней и начисто отметать в древней традиции все то, что этой реконструкции не соответствует. Поэтому все имена царей, упомянутые в списках Нового царства или у Манефона, но не укладывающиеся в его схему, О'Мара легко объявляет ошибками поздних переписчиков и интерпретаторов. Первой жертвой такого подхода стал Менес, которого автор в главе с роскошным названием «Vale Menes, et adieu!» уложил в прокрустово ложе своей реконструкции. Конечно, в египетской исторической традиции не может не быть ошибок, в том числе и возникших по вине интерпретаторов, однако каждый такой факт необходимо специально исследовать, как это проделал недавно О. Д. Берлев, доказавший фиктивность царя Уср-ка-ра [7], у О'Мары же все предположения так и остаются на уровне совершенно бездоказательных спекуляций.

Во второй книге автор провозглашает задачу реконструкции принципов хронографии, существовавших у древних египтян [2, с. 4]. Он полагает, что египтяне, «обладая архитектоничным складом ума, относились ко времени так же, как и к пространству. Иначе говоря, они привносили в него рациональную структуру. Египетская хронология — искусственное построение, а не совершенно реалистическая запись времени». «Египетская хронология была видом искусства и результатом композиционных требований египетского сознания»; для того, чтобы понять ее, нужно понять отношение египтян к числам [2, с. 5]. Если мы будем знать, как египтяне «играли» числами, мы сможем повторить их «игру», расшифровать их систему кодирования и получить возможность датировок с немыслимой точностью в 1—2 года [2, с. 5]. Предлагаемая О'Марой

«игра» со временем оказывается копией того, что он проделывал в первой книге с измерениями Палермского камня.

Исходя из того, что египтяне не знали продолжительность правления своих древних царей, О'Мара приходит к выводу, что все сохранившиеся записи сроков правлений фиктивны и соответствуют не реальным сроком правлений, а тем астрономическим периодам, которые в качестве таковых приписывались тому или иному царю. «К реальной датировке его коронации и смерти относились с безразличием или, вернее, его личная хронология была подчинена космической» [2, с. 9]. То, что года правления не соответствуют календарным годам, а царские списки имеют свою, не всегда понятную нам логику, новым открытием не является, но делать на основании этого вывод о фиктивности всей египетской хронологии никак не возможно. Нужно попытаться эту логику понять, однако своим утверждением о том, что египетская историческая традиция представляет собой продукт искусственных спекуляций, О'Мара развязывает себе руки и переходит к тем «играм», в которых он большой мастер.

О'Мара предполагает, что при отсчете времени у египтян был очень важен 19-летний цикл — период, через который совпадают циклы Луны и звезд (прежде всего Сириуса) — соответственно 235 и 19 циклов. Сделав такое предположение, само по себе вероятное, ибо многие народы, например, вавилоняне, использовали цикл из 19 лет, О'Мара начинает везде искать и находить число 19. У многих царей (согласно его реконструкции Палермского камня) сроки правления оказываются равными или кратными 19; во многих династиях количество царей равно или кратно 19; даже то, что три архаических царя имеют сроки правления соответственно в 27, 11 и 8 лет, интерпретируется



как и т. д. Вершиной всего является утверждение, что XIX династия носит свой номер не случайно — именно при ее царях концепция 19-летнего цикла якобы достигла вершины, и для того, чтобы проиллюстрировать это, были введены фиктивные якобы VII, XIV и XVI династии [2, с. 16—18].

Все это прекрасно характеризует метод О'Мары. Сперва он делает предположение, затем «доказывает» его своей реконструкцией Палермского камня, а затем делает фантастические выводы, которые рассматриваются как подтверждение исходной концепции,— порочный круг замыкается. То же самое проделывается и далее.

Предположение о существовании в архаике 17-летнего цикла — периода совпадения циклов Сириуса с четвертями цикла Луны — выглядит совсем неубедительно. Доказывается его существование на основе насильственных исправлений сроков правления по Палермскому камню [2, с. 27, 28]. Особенно важным оказывается якобы удвоенный 17-летний цикл — через 34 года гелиакальное восхождение Сириуса совпадает с полнолунием. О'Мара предполагает, что именно с этим событием связывался праздник царского юбилея хеб-сед — одновременно на западе умирает царь-Луна, а на востоке рождается царь-Сириус [2, с. 30]. Таким образом, хеб-сед должен был справляться через 34 года, вне связи со сроком правления царя. Хеб-седы играют важную роль во всех хронологических построениях, но положение О'Мары ничего не дает, так как оно остается недоказанным. Далее начинаются абсурдные поиски чисел, кратных на этот раз уже 17. Утверждается, что не случайно второй хеб-сед Рамсеса II справлялся не на 33-ем, как можно было ожидать, а на 34-ом году правления, а два его хеб-седа не случайно приходились не на 1-й день сезона «Выхождение», а на 17-й день [2, с. 29]. Правда, на этот раз о том, что номер XVII династии подогнан искусственно, почему-то не говорится.

Затем рассматривается основной в египетском календаре счет с 365 дневным годом (12 месяцев по 30 дней плюс 5 эпагомен). Введение его традиционно связывают с первым годом одного из периодов Сотиса, который О'Мара относит к 2772 г. до н. э., совпадающему, по его мнению, со смертью Джосера и являющемуся переломным моментом в египетской хронографии. Однако привязывать начало календаря к началу периода Сотиса совершенно необязательно [8, с. 37]. Скорее всего, солнечный календарь возник гораздо раньше, еще в IV тыс. до н. э., ибо для того, чтобы в историческое время он мог иметь столь совершенный вид, необходимы были очень длительные наблюдения. Наличие ж письменности для этого не является необходимым условием — пример строителей Стоунхенджа и других хенджей очень убедителен. Видимо, пора уже отказаться от опоры на период Сотиса при исчислении даты начала египетской календарной тради-

ции — такой даты вообще не может быть, а «календарь — это такая вещь, которую не в силах объяснить ни логика, ни астрономия» [8, с. 37].

Наконец, О'Мара утверждает, что у египтян существовал еще и 144-летний цикл. Основу для этого он находит опять-таки в игре в числа. Правление гиксосов в 108 лет объясняется как 144×3/4, 182 года VI династии как 144+(2×19) и т. д. Астрономически существование такого цикла ничем не обусловлено, и он вводится совершенно искусственно: 4 года (малый период Сотиса — восхождение Сириуса в один и тот же день)×36 (количество 10-дневных недель в 360-дневном году)=144 [2, с. 140]. Таким путем, конечно, можно создать любое количество циклов, нужна лишь фантазия [2].

Теперь, складывая, вычитая и умножая 17, 19, 144, их части и кратные им числа, О'Мара может объяснить все, что угодно. Это он и делает. С удивительной легкостью он создает новую хронологию, ломая старую. Для этого ему приходится реконструировать Туринский папирус — невероятно фрагментированные анналы, записанные при XX династии. Состояние папируса, позволяющее по-разному располагать фрагменты и тем самым создавать разные хронологические схемы, вызывало сильнейшие затруднения у крупнейших египтологов. Но только не у О'Мары — он походя (!) реконструирует папирус, и реконструкция, разумеется, прекрасно укладывается в его схему. Теперь палермский и туринский списки рассматриваются параллельно.

Итак, новая хронологическая схема начинает действовать. Но ведь, согласно ее создателю, она не отражает исторической реальности и представляет собой лишь древнюю игру в числа. Теперь следует каким-то образом перейти к реальной хронологии, которая интересует нас в первую очередь. Как это сделать, мы не знаем, а О'Мара на сей счет ничего не сообщает — он словно забыл о постулированной им самим иллюзорности всех дат, которыми занимался раньше, и принялся сразу же использовать их как реальные в абсолютных датировках, да еще к тому же в сложнейших датировках событий Старого царства. Долгий путь развития науки доказал, что сколько-нибудь точные датировки ранних этапов истории Египта сейчас невозможны. Если бы для времен Старого царства стали надежными датировки с ошибкой в 50 лет, это уже было бы большим достижением. Для более поздних периодов точность увеличивается, но что касается начала Раннего царства, то здесь она едва ли превышает 200 лет. Однако О'Мара начинает выполнять свое обещание о точности в 1—2 года для всех периодов.

Прежде всего, возникает вопрос: если датирование по Сотису началось только при Джосере, каким образом можно было датировать события нескольких первых столетий египетской истории? Отрицательные датировки («до Джосера») были для египтян невозможными, поэтому предполагается, что использовался отсчет от объединения Египта как от фиктивного начала периода Сотиса; эти датировки названы поэтому псевдосотическими. Разумеется, предположение о начале календаря в начале периода Сотиса ведет к новым ошибкам. К тому же непонятно, почему «псевдосотические даты сохраняются и после Джосера. Анализируя одну из таких дат, О'Мара приходит к выводу, что упомянутый в надписи 36 г. Пиопи I — это 2428 г. до н. э. Таким образом, I Переходный период заметно растягивается по сравнению с современными представлениями, но такие расхождения с данными других исследователей О'Мару не тревожат.

Далее разрушение египетской хронологии продолжается в том же духе; ему посвящена заключительная часть второй книги. Однако и этого оказывается недостаточно, и в третьей книге появляются датировки с точностью до одного дня. Проделывается это при помощи надписей, содержащих упоминания новолуний. Для таких датировок необходимо иметь указание месяца, дня и года правления, когда произошло новолуние [3, с. 3], и приблизительные абсолютные датировки, к которым можно новолуния привязать. Их дает предыдущее исследование, однако, как мы убедились, они были сконструированы О'Марой искусственно и подтверждений не имеют. Таким образом, он принимается датировать события с точностью до дня, не зная по-настоящему, к какому десятилетию или даже веку отнести этот день. Точно так же он анализировал памятники с точностью до долей миллиметра, ошибаясь в начале вычислений на полметра. К тому же от Старого царства известны лишь две несомненные даты.

---

[2] Два приложения ко второй книге носят подзаголовки «Histoire fantastiste» и «Histoire fantastiste?». В одном из них устанавливается количество не дошедших до нас царских списков, даются их датировки и иногда даже реконструкции; в другом предполагается существование 357-дневного года, введенного якобы как попытка согласования солнечного и лунного циклов. Поистине, фантазия О'Мары пределов не имеет; хорошо, по крайней мере, что есть предел, хотя бы и очень отдаленный, на котором он сознает, что это всего лишь фантазия.

новолуний, обе в папирусах абусирского архива. Этого, разумеется, недостаточно для реконструкции хронологии целой эпохи. Поэтому О'Маре требуются дополнительные даты, которые могут быть расценены как лунные. Он считает, что если две даты от разных годов правления одного и того же царя, гипотетически рассматриваемые как лунные, позволяют по его методике одинаково вычислить первый год правления этого царя, лунный характер этих дат можно считать доказанным. Однако и этого недостаточно, так как такие даты имеются только для царствования Пиопи II [3, с. 3], и поэтому приходится искать еще более косвенные свидетельства. О'Мара считает, что практически все датированные важные события в ранней истории Египта происходили в новолуние или в полнолуние. Относительно религиозных празднеств или выпуска декретов это вероятно, хотя необходимы доказательства для каждого отдельного случая, в книге отсутствующие, но зачастую О'Мара и здесь доходит до абсурда. Даже знаменитое письмо Пиопи II монарху Ху-ф-хору, оказывается, было написано в день полнолуния [3, с. 10]. Однако письмо это было очень срочным и имело чисто практическую цель; трудно предположить, что и в таких случаях египтяне дожидались благоприятного дня. Наконец, даже если письмо случайно и было написано в полнолуние, из-за своей случайности этот факт теряет доказательную силу и на теорию О'Мары не работает.

Далее около 50 страниц посвящено корректировке по лунным датам событий Старого, Среднего и Нового царства. И снова все даты удивительно хорошо ложатся в схему О'Мары, что служит лучшим доказательством ее искусственности, ибо наши знания настолько неполны и случайны, что ни о какой полной и абсолютно надежной хронологии речи быть не может. Для достижения такой точности автору приходится вводить массу допущений и громоздить друг на друга эти допущения, выводы из них, предположения, сделанные на основе этих выводов, и выводы из новых предположений. Так, например, ему приходится предполагать существование в Старом царстве соправлений, без которых его схема не работает [3, с. 32—38]. Таким путем, конечно, можно доказать все, что угодно.

Выводы, сделанные по лунным датам, подтверждают как реконструкцию Палермского камня [3, табл. XIV], так и хронологические выкладки, сделанные ранее [3, с. 57—61]. Однако удивляться здесь нечему — ведь эти выводы сделаны именно на прежних реконструкциях — мы снова имеем дело с логическим сальто-мортале, которое совершенно очевидно и остается незамеченным одним лишь автором. Впрочем, даже несмотря на это, концы с концами сходятся не всегда. Так, уже упомянутый 36 год Пиопи I во второй книге был отнесен к 2428 г. до н. э. [2, с. 62], но, как явствует из сводной таблицы, помещенной в третьей книге [3. с. 59], этот год может соответствовать либо 2418, либо 2397, но никак не 2428 г. до н. э., причем в тексте это изменение никак не оговаривается.

Наконец, в четвертой книге О'Мара основной темой делает датировку событий Среднего царства примерно по той же самой методике. Основным источником ему служит Туринский папирус, вернее, предпринятая ранее его некорректная реконструкция. Не прибавляя к ней ни слова, автор снова выискивает датировки, которые считает сотическими и лунными, и с их помощью делает привязки с точностью в один день. Все ошибки предыдущих томов повторяются, будучи усугублены огромной сложностью Туринского папируса. Однако едва ли стоит утомлять читателя перечислением этих ошибок.

Так все-таки чего же добился О'Мара? Свои выводы он, наконец, суммировал в виде хронологической таблицы [4, с. 64—67], и они явно не соответствуют его громким декларациям. Пожалуй, основное его достижение — необоснованное растягивание I Переходного периода и вычеркивание ряда царей и династий. Что же касается абсолютной хронологии, то и здесь результаты удивительно мизерны. Практически все даты более или менее близки к привычным, но если серьезные ученые видят в своих датировках лишь *отрезок времени*, на котором могло происходить данное событие, то О'Мара свято убежден, что он устанавливает его *момент*,— опять непонимание того, что такое предел точности измерений.

Следует учесть, что хотя до сих пор мы рассматривали работы О'Мары с точки зрения хронологии и метода ее установления, сам он претендует на большее — на построение новой культурологической концепции, основывающейся на «устойчивой архитектонической структуре египетского мышления» [1, с. VIII]. Отсюда его стремление увидеть рациональное там, где его нет — в ширине строк эпиграфических памятников и в сроках правления царей. В результате он превращает египетскую эпиграфику и хронологию в ряд запутанных, но в основе своей довольно примитивных головоломок,

в решении которых сам допускает массу элементарных арифметических и логических ошибок. Вот и вся «культурология» О'Мары. Воистину, «структура» — это «слово, популярность которого... обратно пропорциональна его содержательности» [9, с. 16].

Впрочем, иначе и быть не может. Любое исследование древнего сознания требует широчайшей эрудиции, учета работ по самым различным отраслям избранной дисциплины и по сопредельным наукам. Без этого за красивыми словами «культурология» и «структура» не стоит ничего, кроме желания быть современным. О'Мара же, вне зависимости от того, какое образование он имеет, пишет совершенно по-дилетантски, так, будто до него египтологии не существовало. Ссылки на литературу у него почти полностью отсутствуют и, как правило, появляются лишь для того, чтобы в самых бестактных выражениях обвинить предшественников в полном непонимании того, что так блестяще понял наш автор.

Египтологи на книги О'Мары не стали обращать внимания и не удостоили их подробного разбора в рецензиях — слишком очевидны ошибочность их исходных положений и беспомощность выводов из них. Такая позиция коллег понятна: египтологии работы О'Мары, несмотря на их скандальный характер, ущерба нанести не могут. Правда, О'Мара — человек весьма остроумный, и вполне возможно, что среди массы сделанных им безосновательных предположений есть и некоторое количество правильных, хотя и частных. Однако разобраться в этом, да и то не без труда, сможет лишь профессионал; неспециалисту же, в том числе и археологу, во избежание путаницы и ошибок я бы порекомендовал вообще не брать эти книги в руки.

К сожалению, предложить сколько-нибудь надежную хронологическую схему современная египтология все еще не может. Обращаясь к любой существующей шкале в поисках синхронизмов, археолог должен помнить об ее условности. Доверять можно лишь датировкам событий I тыс. до н. э., что же касается более ранних периодов, здесь следует основываться на нескольких опорных точках: начало Нового царства — XVI в. до н. э., начало XII династии — около 2000 г до н. э., конец Старого царства и начало I Переходного периода — около 2200 г. до н. э., начало I династии — примерно за 1000 лет до гибели Старого царства, то есть около 3200 г. до н. э. Следует учитывать, что в настоящее время существует тенденция к укорачиванию ранних периодов египетской истории, но с ней невозможно согласиться — она не оставляет достаточного времени для развития государственности и экономики в Раннем царстве и превращает быстрый взлет Старого царства в чудо. Опираясь на приведенные реперные даты, археолог в большинстве случаев сможет получить синхронизмы со вполне приемлемой для его целей точностью, если же она недостаточна, консультация со специалистом совершенно необходима. Что же касается египетского календаря, то желающим ознакомиться с его проблематикой лучше всего обратиться к книге Р. Паркера [10], дающей наиболее достоверную картину. При этом необходимо помнить, что и эта книга, безупречная с точки зрения астрономии, не бесспорна в интерпретации астрономических данных, из-за которой в ряде случаев могут возникать серьезные разночтения.

Моя оценка работ О'Мары и тон моей рецензии могут показаться излишне резкими, но, к сожалению, и содержание рассматриваемых книг, и манеры их автора принуждают именно к такой оценке и к такому тону, смягчить которые не может никакая доброжелательность.

А. О. Большаков

ЛИТЕРАТУРА

1. *O'Mara P. F.* The Palermo Stone and the Archaic Kings of Egypt. La Canada (Calif.), 1979.
2. *O'Mara P. F.* The Chronology of the Palermo and Turin Canons. La Canada (Calif.), 1980.
3. *O'Mara P. F.* Some Lunar Dates from the Old Kingdom in Egypt. La Canada (Calif.), 1984.
4. *O'Mara P. F.* Some Indirect Sothic and Lunar Dates from the Late Middle Kingdom in Egypt. La Canada (Calif.), 1984.
5. *Mariette A.* Les mastabas de l'Ancien Empire. P., 1889.
6. *Borchardt L.* Denkmaler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo. Teil I. B., 1937.
7. *Берлев О. Д.* Новое о царе Усркере (VI династия)//Древний Восток. Вып. 2. М., 1980.
8. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975.
9. *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984.
10. *Parker R. A.* The Calendars of Ancient Egypt. Chicago, 1950.

А. Д. Столяр. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 300 с. 258 илл.

За последние годы пристальное внимание самых широких кругов читателей привлекают поражающие воображение исторические и культурные феномены, казалось бы, не укладывающиеся в представления о медленном, постепенном развитии человеческой культуры. К числу таких феноменов принадлежит культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Подобным же феноменом является замечательное реалистическое искусство, созданное дикими охотниками палеолита. Естествен поэтому интерес, который вызвала посвященная искусству древнего каменного века рецензируемая книга, быстро разошедшаяся, несмотря на большой тираж.

Исследования советских ученых в области палеолитического искусства широко и успешно развернулись в 20—30-е годы XX в. и были связаны в первую очередь с именами П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, А. А. Миллера, А. С. Гущина и Б. Л. Богаевского. 50-е годы отмечены некоторым ослаблением подобных исследований. В известной мере это было связано с получившей тогда распространение практикой навешивания ярлыков марризма, что отпугнуло не одного исследователя от оригинальных творческих разработок. 60—80-е годы — новый взлет советских исследований проблем первобытного искусства, знаменующийся прежде всего работами А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой, С. В. Иванова, А. А. Формозова. В этот ряд имен закономерно становится и имя А. Д. Столяра, чьи многолетние труды, посвященные происхождению искусства палеолита, получили известность и признание.

Основное значение рецензируемой книги заключается, по нашему мнению, в том, что в ней впервые в советской и зарубежной историко-археологической литературе стройно, последовательно, с марксистско-ленинских позиций исследован и освещен весь процесс происхождения палеолитического искусства, создана целостная, хорошо аргументированная и убедительная концепция этого процесса. Автор, будучи археологом-профессионалом, опирается на обширный материал по археологии палеолита, материал, не привлеченный, а заново, тщательно, источниковедчески им исследованный. Когда А. Д. Столяр пишет, скажем, о культурном слое Вильдкирхли, Драхенлох, Регурду, Торральбы, Амброны и других древнепалеолитических памятников, он не пересказывает соответствующие разделы зарубежных публикаций, а критически их переосмысливает подобно тому, как в свое время П. П. Ефименко заново переосмыслил отчеты о раскопках ряда зарубежных исследователей палеолита и установил, что они открыли остатки палеолитических жилищ, но сами не поняли своих открытий.

А. Д. Столяр, сравнительно с другими историками первобытного искусства, избрал темой своей книги самый трудный раздел — возникновение искусства еще в древнем палеолите. От этой ступени памятники зарождающегося искусства или вообще не сохранились, или сохранились в виде таких предметов и скоплений культурных остатков, которые обычно трактуются совсем по-другому. В них видят следы хозяйственной, охотничьей деятельности палеолитических людей или же свидетельства зарождающегося религиозного культа. В рецензируемой книге показано, что уже начиная с раннего и среднего ашеля и далее, на протяжении мустьерской эпохи, скопления и выкладки костей пещерного медведя, слона и других животных представляли собой в действительности зачатки древнейшей изобразительной деятельности. Это выделяемый А. Д. Столяром этап «натурального творчества», суть которого заключалась в том, что люди обозначали особь отдельного зверя характерными частями его туши, обычно головой и конечностями. Такие атрибуты практически становились знаком добычи и сосредотачивались в специальных хранилищах типа «медвежьих пещер» Драхенлох, Вильдкирхли и др., представлявших собой свидетельства этого этапа «натурального творчества», древнейшего, самого первого этапа зарождающегося первобытного искусства. Следующая фаза процесса зарождения искусства — этап «натурального макета». Для него характерно соединение натурального атрибута (головы зверя вместе с куском шкуры) с подсобным объемом, сначала природным, а затем уже преднамеренно создаваемым; головой зверя увенчивалась естественная фигура или даже примитивно вылепленное из глины подобие фигуры животного. И наконец, следующий, заключительный этап генезиса элементарных изобразительных форм, по А. Д. Столяру,— создание уже в начале позднего палеолита настоящей скульптуры из глины («глиняный период»). Мобильное искусство формировалось аналогично монументальному, но, как бы будучи вторичным, с некоторым отставанием.

Таким образом, в результате исследования А. Д. Столяра можно отказаться от широко распространенных и устоявшихся представлений об искусстве позднего палео-

лита как об экстраординарном явлении, никак не опирающемся на генетическую базу финала древнего палеолита. Эта генетическая база, из которой вырастают замечательные реалистические изображения животных, а также женщин эпохи позднего палеолита, в рецензируемой книге убедительно выявлена.

Концепция происхождения искусства, разработанная А. Д. Столяром, подкупает своей стройностью и строгой аргументированностью археологическими фактами. Кроме того, это единственная концепция зарождения изобразительного искусства еще у неандертальцев древнего палеолита, созданная на современном научном уровне. Однако ее, разумеется, нельзя считать истиной в последней инстанции. Как показала развернувшаяся в 1975—1978 гг. на страницах журнала «Советская этнография» оживленная дискуссия, проблемы происхождения искусства палеолита могут трактоваться по-разному, и взгляды А. Д. Столяра подвержены критике. Вместе с тем та же дискуссия выявила, что современные исследователи, критикуя те или иные положения А. Д. Столяра, не могут противопоставить его построениям другую, столь же целостную и хорошо аргументированную концепцию. Это основное, что следует отметить, оценивая рецензируемую книгу.

Переходя к более частным замечаниям, укажу, что А. Д. Столяр несколько недооценивает исследования в области первобытной археологии и истории первобытной культуры французских мелкобуржуазных антиклерикалов 60—70-х годов XIX в. типа Габриеля Мортилье (с. 42—43). В их построениях было, конечно, много упрощенного, исторически ограниченного, а порой и наивного. Но их боевой наступательный дух в борьбе против клерикалов и религии, последовательное стремление использовать все факты археологии палеолита в этой борьбе, упорство и непримиримость и в наши дни, спустя более чем 100 лет, вызывают у нас восхищение. Заметное место в построениях А. Д. Столяра занимает известный мустьерский камень с чашечными углублениями из Ла Феррасси (с. 124, 126, 129 и др.). Полагаю, что А. Д. Столяр несколько преувеличивает стандартность ямок на этом камне и их повторяющееся расположение в виде восьми пар. Я имел возможность в фондах Музея Лез Эйзи (Дордонь) видеть и даже ощупывать этот знаменитый камень. Ямки на нем очень неглубокие, невыразительные, не образующие устойчивой серии и почти сливающиеся с неровной естественной поверхностью камня.

Разумеется, подобные критические замечания при оценке рецензируемой книги имеют частное значение. В целом перед нами оригинальный, талантливый труд, очень живо написанный, читающийся с интересом и представляющий собой крупное явление как в археологии палеолита, так и в истории первобытного искусства.

П. И. Борисковский

Н. А. Сидорова, О. В. Тугушева, В. С. Забелина. Античная расписная керамика. Из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.: Искусство, 1985. 28 с. 78 табл.

Рецензируемая книга, посвященная публикации части расписных ваз из собрания ГМИИ, представляет ценный вклад в научную литературу по истории античного искусства. Авторский коллектив, возглавляемый Н. А. Сидоровой, создал фундаментальный труд, соединяющий глубокое знание греческой вазописи и детальный анализ формы, стиля и иконографических особенностей каждого памятника. Цветные воспроизведения ваз исполнены так тщательно, что с фотографиями их можно работать, не имея перед собою оригиналов[1]. Книга, призванная служить орудием научных исследований, является также полезным пособием для широких кругов читателей, знакомящихся с главными течениями эллинской художественной мысли.

Вступительная статья сначала кратко знакомит с историей формирования всей коллекции расписных ваз (с. 1—7). В основу ее легли вазы из собрания Кабинета изящных искусств Московского университета (дары С. С. Уварова и покупки заведующего кабинетом К. К. Герца). Уже в первые годы существования музей получил ряд расписных ваз из Государственного Эрмитажа. Большое количество предметов было передано

[1] Фотографии выполнены Д. В. Белоусом.

после Великой Октябрьской революции. Таким образом, к середине 1920-х годов составилось обширное собрание ваз, требовавших большой работы по их систематизации и атрибуции. Эта задача была поручена группе молодых тогда сотрудников музея— В. Д. Блаватскому, Н. М. Лосевой, автору этих строк и некоторым другим. Немногочисленный коллектив вел напряженную работу в течение многих лет вплоть до Великой Отечественной войны, позднее в нее включились новые исследователи.

В 1920-х годах развернулась работа и по созданию новой экспозиции античных залов. К этой работе был привлечен заведующий античным отделом Государственного Эрмитажа проф. О. Ф. Вальдгауэр. В первоначальной экспозиции музея были выставлены оригиналы античной скульптуры и гипсовые слепки статуй. Последние были специально заказаны с лучших оригиналов проф. И. В. Цветаевым в крупнейших музеях Европы и Азии. Теперь в экспозицию введено гораздо большее количество расписных ваз и предметов мелкой пластики.

Позволю себе несколько дополнить сведения о работе с новыми поступлениями в музей в те годы. Античные вазы нередко поступали в поврежденном виде. Многие из них оказались склеенными из обломков: у некоторых ваз отдельные части были утрачены и заменены новыми из гипса или же фрагментами других глиняных сосудов; любители-реставраторы, желая придать вазам более привлекательный вид, закрашивали трещины и швы, а потом всю поверхность вазы заново покрывали краской и лаком. Над удалением этих «реставраций» В. Д. Блаватский работал с огромным увлечением в течение многих лет. Он изобрел свой метод расчистки записи, позволявший сохранить нетронутой античную поверхность сосуда: вазу завертывали на некоторое время в мягкую, влажную ткань и затем деревянной палочкой удаляли размягченный гипс. Применяя этот метод, мы расчистили десятки ваз, причем среди них были обнаружены прекрасные античные памятники [1, с. 45], в том числе краснофигурная амфора с подписью вазописца Полигнота второй половины V в. до н. э.

Коллектив сотрудников античного отдела ГМИИ многие годы вел интенсивную работу по точной атрибуции древних сосудов. В послевоенные годы к этой работе приступили и ученики старших сотрудников музея. Среди молодежи особенно выделялась Н. А. Сидорова: уже в первых ее статьях о чернофигурных вазах было видно тонкое понимание композиции и стиля росписей. Напряженный исследовательский поиск антиковедов музея получил отражение в многочисленных работах, опубликованных ими в 1920—1970-х годах [2]. Выводы советских исследователей получили широкое признание не только в отечественной, но и в зарубежной историографии.

Весьма интересно сообщение авторов вводной статьи о том, что собрание музея пополнилось высокохудожественными памятниками античной керамики, поступающими из археологических раскопок в Фанагории, Пантикапее и Гермонассе, которые ведут сотрудники музея с 1930-х годов (В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, И. Б. Зеест, А. К. Коровина и др.). Так, благодаря упорной работе многих антиковедов за последнее столетие в Москве была создана ценная коллекция художественной керамики эллинов, в которую ныне входит около 1300 расписных ваз.

Естественно, что в первый каталог вошла только небольшая часть этого собрания— 78 ваз. Авторы издания с большим научным тактом решили задачу выбора памятников — обстоятельно осветить движение художественной мысли Греции в VIII—III вв. до н. э. Этой же цели служит и специальный раздел книги (с. 7—28), в котором сжато изложено развитие стилей в греческой вазописи от II тыс. до конца IV в. до н. э. Следует упомянуть некоторые вошедшие в альбом памятники, являющиеся гордостью московского собрания. Таков огромный кратер с острова Мелоса (кат. № 1), относящийся к третьей четверти VIII в. до н. э. Сохранившаяся ручка его по форме восходит к греческой керамике эпохи бронзы. Особенно интересны две ионийско-родосские вазы. Одна — первой половины VI в. до н. э. (кат. № 13), обнаруженная в доме Эмпория в Пантикапее [2, с. 74, рис. 28]. Ее роспись оригинальна: на плечиках фриз, разделенный триглифами на пять метоп, в которых изображены амфоры. Выпуклая часть тулова украшена широкой полосой черного лака, нижняя часть сосуда сужается книзу и как

---

[2] Среди этих обстоятельных публикаций особо отметим тонкие атрибуции Н. М. Лосевой. Надлежит назвать и общий труд по истории греческой вазописи (*Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953), в котором автор, исследуя развитие греческой расписной керамики, раскрывает ее значение как исторического источника, глубоко народное содержание ее декора и образное миропонимание эллинов. К сожалению, редакция того времени выбросила почти весь библиографический аппарат этой книги.

бы сжимается кольцами линейного орнамента. Верх горла покрыт полосой черного лака с большими магическими глазами, нанесенными белой краской. Вторая ваза — массивная чернофигурная гидрия из Клазомен (кат. № 14) третьей четверти VI в. до н. э. Роспись ее весьма декоративна: на одной стороне вазы оставлено широкое клеймо, в котором мастер изобразил четырех сирен, ниже — двух готовых к драке петухов.

В собрании ГМИИ находится довольно большая группа коринфских ваз, из которых в каталоге представлено 13 сосудов. Они расписаны темно-коричневым лаком по светлому фону глины, детали исполнены прорезанными линиями и пурпуром. Самым ярким образцом этого вида росписи является алабастр (кат. № 3). Вся поверхность сосуда покрыта росписью. Здесь изображен Борей в коленопреклоненном беге в схеме полета. Фигура крылатого бога ветра заполняет бóльшую часть поверхности вазы, на ее оборотной стороне изображен бык. В этой композиции мастером достигнуто выдающееся единство формы сосуда и декора. К началу VI в. до н. э. относятся коринфские вазы, расписанные фризами, расположенными один над другим, одинаковой высоты, заполненными изображениями животных и птиц, а также орнаментальными мотивами. В росписях этих небольших ваз видна не только любовь к природе с ее домашними животными, но и боязнь диких зверей. Обычно в мифах древних греков человека от них защищал могучий Геракл. Эта идея ярко выражена в росписи арибалла первой четверти VI в. до н. э. (кат. № 8). Наступательное стремительное движение Геракла, нападающего на льва, представлено в архаической схеме, но оно очень выразительно, несмотря на плоскостность изображения.

Наиболее значительную часть собрания ваз ГМИИ составляет аттическая керамика чернофигурного и краснофигурного стилей. Автор данного раздела мастерски показала мировое значение ряда экспонатов московского музея для истории изобразительного искусства Эллады в VI—IV вв. до н. э. Весьма полезны и приведенные данные о предшествующей истории некоторых ваз. Выдающимся памятником является большая амфора из мастерской вазописца Андокида около 530 г. до н. э. (кат. № 21). В росписи этой амфоры, передающей миф о похищении Гераклом пса Кербера, объединены достижения живописи VI в. до н. э. и новые черты, например ракурсы, придающие фигуре Геракла объемность. Четкая роспись сосуда ясно показывает стремление мастера к реалистической передаче человека.

Украшением московского собрания являются произведения выдающихся вазописцев других художественных школ Аттики. Отметим прекрасные, тончайшей работы мелкофигурные килики конца VI в. до н. э. (кат. № 17—19), в том числе и вазу из мастерской вазописца Тлесона [3, с. 83, рис. 30, 31]. Надлежит упомянуть и чернофигурный киаф (кат. № 26) конца VI — начала V в. до н. э. Роспись этой глубокой чашки отражает высокое мастерство аттических вазописцев в передаче движения.

Большое внимание уделено в каталоге краснофигурным вазам. Московское собрание обладает выдающимися памятниками искусства, выполненными в новой технике росписи, при которой художники заливали фон черным лаком и разрабатывали силуэты фигур графически. Отметим краснофигурный килик (кат. № 35), исполненный около 480 г. до н. э. Представленные на нем пляшущие силены свободно и выразительно двигаются в пространстве.

Первоклассным памятником античного искусства является колоколовидный кратер мастера Виллы Джулиа (кат. № 45). Глубокий иконографический и стилистический анализ его росписи в комментарии к вазе ясно показывает те крупные сдвиги, которые происходили в аттической вазописи в 460—450-х годах до н. э.

Расцвет творческой мысли и профессионального мастерства художников Аттики ярко показывает краснофигурная амфора третьей четверти V в. до н. э., расписанная мастером Полигнотом и несущая его сигнатуру (кат. № 48). Это пятая известная ныне подписная работа выдающегося афинского вазописца. В росписи вазы Полигнот проникновенно выразил живое восприятие природы и человека, присущее мировоззрению современной вазописцу Эллады. Изобразив на одной стороне сосуда образ стремительной богини зари Эос, а на другом — грустящего Ахилла, Полигнот вложил в эту композицию глубокий смысл: светлое, полное величия явление природы противопоставлено беспросветной печали героя. В книге воспроизведены обе стороны сосуда. Данное обстоятельство надлежит особо отметить потому, что в экспозиции ГМИИ сосуд выставлен небезупречно — фигуру Ахилла разглядеть невозможно.

Даже немногие приведенные примеры показывают значение собрания ГМИИ для понимания развития художественной мысли Эллады в VIII—V вв. до н. э. Составители каталога дополнили список произведений мастеров материковой Греции (кат. № 1—52)

изделиями из других областей греческого мира. В альбоме хорошо представлена группа ваз из мастерских Южной Италии (кат. № 53—75), датируемых V—IV вв. до н. э. Италийские вазы характерны особенной декоративностью своих росписей, чему способствовало широкое применение накладных красок. Мифологические сюжеты довольно редки в этой керамике. Италийские вазописцы стремились изображать действительные события, сценические представления и культовые действия.

Выделяется апулийская краснофигурная пелика (кат. № 57) с изображением суда Париса, известная как «Московская пелика». Талантливый художник, «мастер Московской пелики», работавший около 380 г. до н. э., не только создал многофигурную стройную композицию, ему удалось передать характеры действующих лиц и связь между ними, создав тем самым целостную картину. Стремление к правдивой передаче человека и различных деталей пейзажа свидетельствует о близости идей эллинистического искусства.

Эта и другие италийские вазы из собрания ГМИИ отличаются тщательным исполнением росписей, причем художники уделяли большое внимание бытовым реалиям. Указанное обстоятельство делает эти вазовые росписи важными источниками по истории быта и культуры италийских греков. Прекрасное воспроизведение в альбоме многих сосудов (отметим особенно апулийскую пелику — кат. № 60 — с ее многофигурной композицией и сложным орнаментом, а также тонко расписанную сицилийскую пиксиду — кат. № 74 — около 330—320 гг. до н. э. с изображением сцены приготовления к свадьбе) позволяет судить о большом мастерстве и таланте расписывавших их вазописцев. Выразительными смелыми линиями они успешно передавали сложные ракурсы, объемность фигур и оттенки взаимоотношений между действующими лицами.

Каталог завершается вазами стиля Гадра из Египта (кат. № 76, 77) и кружкой из Ольвии с рельефным изображением суда Париса (кат. № 78). Следует приветствовать включение этих интересных памятников в рецензируемый альбом. Заметим, что в собрании ГМИИ имеется еще достаточное количество расписных ваз, созданных в различных областях эллинского мира.

Завершая наш обзор, мы хотим принести глубокую благодарность авторам за прекрасно оформленную книгу, ее интересное и ценное содержание: каждая из ваз в каталоге имеет паспорт — где, когда и кем найдена; дается детальное описание вазы, анализ росписи и ее дата. Проделана огромная исследовательская работа: сравнение с другими вазами, поиски аналогий, определение места или его круга. Дан список литературы, а в тексте приведены ссылки на первые публикации вазы и на специальные исследования в русской и иностранной литературе. Следует надеяться, что за первым выпуском последуют другие и мировая наука будет располагать полным сводом собрания ваз ГМИИ.

Однако выскажем и некоторые замечания. Необходимо было более четко указать авторство каждого из составителей каталога, тем более что отсутствие оглавления затрудняет работу с текстом. Совершенно необходимы указатели — именной, мифологический, предметный. Отметим также, что памятники из городов Северного Причерноморья могли бы быть представлены более полно.

М. М. Кобылина

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватский В. Д.* Расчистка античных ваз в ГМИИ//Жизнь Музея. Бюлл. Гос. Музея изящных искусств. 1930. № 4.
2. *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1952 г.//КСИИМК. 1955. Вып. 58.
3. *Лосева Н. М.* Аттический килик с мелкими фигурами из собрания Гос. Музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина//Тр. ГМИИ. 1939. Т 6.

Хроника

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫЧЕСТВУ В ЮГОСЛАВИИ

Второй международный симпозиум по проблеме «Славянская языческая религия (по данным материальной культуры и письменных источников)» состоялся 30 сентября — 4 октября 1986 г. в г. Прилепе в Югославии. Первый симпозиум по этой проблематике, проходивший в 1980 г. в Бельгии, привлек внимание многих исследователей истории и культуры Европы и имел большое значение для активизации междисциплинарных изысканий в области духовной культуры древнего славянства [1, с. 122—125; 2, с. 76—81]. Славянское язычество было не только религией. Вся духовная жизнь древнего славянина, в том числе миропонимание, мифотворчество, искусство и эпос, насквозь была пронизана язычеством. Изучение язычества равнозначно изысканиям в области всех сторон духовной жизни и духовной культуры древнего славянства.

В промежутке между первым и вторым симпозиумами увидели свет три крупные монографии по славянскому язычеству [3—5], в которых рассмотрены коренные вопросы дохристианской религии и мысли древнего славянства.

Симпозиумы по язычеству проводятся в рамках деятельности Международной унии славянской археологии. Организаторами второго симпозиума стали Македонская академия наук и искусств и Институт исследований старославянской культуры в Прилепе. Большую работу по подготовке и проведению симпозиума провел директор этого института Б. Бабич.

В симпозиуме приняли участие археологи, историки, лингвисты и этнологи из 10 европейских стран — Бельгии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Италии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии. Страна — организатор симпозиума была представлена самой большой группой исследователей разных профилей из научных учреждений, университетов и музеев Белграда, Любляны, Загреба, Скопье, Прилепа, Охрида и Битолы.

В первый день работы симпозиума состоялось два пленарных заседания, на которые были вынесены девять докладов, из них два лингвистических, один исторический, остальные археологические. Вступительную речь произнес председатель оргкомитета по проведению симпозиума акад. П. Х. Илиевский, с приветствиями к участникам симпозиума выступили представители Министерства культуры Македонии, университетов Скопье и Битолы, мэрии Прилепа.

Вопросы славянского язычества в целом рассматривались в двух пленарных докладах. О. Н. Трубачев (СССР) в докладе «К реконструкции самосознания и мировоззрения древних славян» предпринял попытку проникнуть в идеологию праславянского мира средствами этимологии. Ключевым словом при этом стала оппозиция 'свой' — 'не свой'. Истоки ее уходят в индоевропейское состояние. Славянское *svojb — архаизм языка и культуры, иллюстрирующий изначальность идеологии рода. Исследование названной оппозиции дает все основания предполагать антропоцентрическую картину мира у древних славян, длительное нахождение их в архаической стадии дотеонимизма. Древний славянин мыслил себя только в связи со своим родом, знания о внешнем мире измерялись собой и своим опытом. Славянская теонимия, согласно О. Н. Трубачеву, является инновацией скифского времени, она не старше VII—V вв. до н. э.

В докладе З. Вани (Чехословакия) «Структура славянского язычества» анализировались особенности славянского духовного развития в связи с неокомпаративистским методом Г. Дюмезиля. Славянские божества, утверждал докладчик, в функциональном отношении были весьма расплывчатыми. В VIII—IX вв. в соответствии с начавшимся членением славянского общества на два социальных слоя — княжеско-дружинное сословие и население, занятое сельским хозяйством и ремесленной деятельностью,— намечаются две категории божеств — воинственное божество с элементами суверенитета (типа Перуна) и божество, связанное с хозяйственной деятельностью с элементами магии (типа Велеса). Подобная двойственность функции богов наблюдается и у германцев. Только среди балтийских славян развивается жреческая каста.

Славянское язычество, утверждал далее докладчик, многослойно, и его развитие обусловлено в сильной степени этногенетическими процессами. В славянской религиозной идеологии выявляется несколько слоев: балто-славянский, с которым связаны культы Перуна и Велеса; сильный иранский компонент (религиозная терминология, огненные и солнечные культы, дуалистические тенденции); славяно-германское взаи-

модействие, проявляющееся в функциональном сходстве некоторых богов. В язычестве эльбо-балтийских славян присутствует еще один слой, рефлексом развития которого является жреческое сословие, храмовое строительство и поликефальность идолов.

С большим интересом были выслушаны доклады археологов, построенные на конкретных материалах материальной структуры и интерпретируемых с помощью иных источников. И. Геррманн (ГДР) в докладе «Происхождение и развитие храмового культа в северо-западном славянском регионе» на основе анализа культовых построек, исследованных в последнее время археологами ГДР, с широким привлечением данных письменных источников восстанавливает языческие храмовые культы балтийских славян и определяет роль жречества в языческих культах и политической жизни. Докладчик подчеркнул, что храмы и связанные с ними культы были свойственны только северо-западной части раннесредневекового славянства и своим происхождением восходят ко времени славяно-кельтских контактов.

В. В. Седов (СССР) прочел доклад «Культ камня в язычестве восточных славян», в котором речь шла об объектах и ритуалах, связанных с Велесом, весьма почитаемым в славянском язычестве лесной зоны Восточной Европы. Древними объектами поклонения этому божеству были культовые камни — чашечные и так называемые «следовики», которым приносились жертвы и вокруг которых в праздничные дни устраивались игрища, песнопения, пляски. Во второй половине I тыс. н. э. появляются антропоморфные изображения Велеса, грубо высеченные из камня. В раннехристианское время отголоском культа Велеса является поклонение каменным крестам, на которых иногда делались чашеобразные углубления, подобные ямкам на культовых камнях. Углубления на камнях предназначались также для жертвенных целей.

В докладе «Археологические свидетельства о южнославянском верховном божестве» П. Георгиев (Болгария) продемонстрировал археологические находки (амулеты, рожки с отверстиями, идольчики и др.), обнаруженные на территории Болгарии и связанные с богом Перуном. Последний, как свидетельствует Прокопий Кесарийский, был верховным божеством славян, расселившихся на Балканском полуострове. Солярные знаки, которые присутствуют на некоторых из рассматриваемых в докладе предметах, связываются исследователем с культом Перуна. Предшественником Перуна у славян был Род. Культ последнего был широко распространен в землях южных славян. Род и Перун имели одни и те же характеристики, оба были громовержцами.

М. Комша (Румыния) в докладе «Славяне, романцы и проторумыны в Карпато-Дунайском регионе в связи с ритуалом трупосожжения» проанализировала в аспекте язычества могильники I тыс. н. э. с захоронениями умерших по обряду кремации, исследованные на территории Румынии. Среди разнотипных погребений выделяются трупосожжения IV—VI вв. с обрядностью, унаследованной от гето-даков или дако-романцев (овальные ямы, урны, накрытые мисками, плоскими камнями или кирпичом и т. д.). Докладчица полагает, что они оставлены проторумынами. В VI—X вв. автохтонное население и расселившиеся в Карпато-Дунайском регионе славяне использовали одни и те же некрополи. Захоронения местного населения продолжают прежние традиции, очень редко встречаются погребения в горшках-урнах без покрытия, а для основной части славянских трупосожжений характерно отсутствие инвентаря. Одним из хорошо исследованных могильников является некрополь Сэрата-Монтеору, в котором раскопано 1536 захоронений. Погребениям автохтонного населения еще свойственно присутствие костей животных — пищи, помещенной с ритуальными целями. Совместное проживание романоязычного и славянского населения на одной территории привело в дальнейшем к ассимиляции славян.

О большой роли археологических источников в изучении и реконструкциях всех сторон славянского язычества говорилось в докладе Б. Гедиги (Польша) «Проблема археологических исследований по религии древних славян». Источниками в изучении дохристианской религии славянства являются и исторические свидетельства, и материалы археологии, и данные этнографии, фольклора, этимологии. При этом докладчик особо выделяет археологические источники, так как число их постоянно возрастает благодаря экспедиционным работам. В результате раскопок последних десятилетий науке стали известны языческие святилища в разных регионах славянского мира, языческие храмы в его северо-западной части, скульптурные изображения богов, самые различные амулеты, зафиксированы многочисленные виды обрядности и мн. др. Иногда возникают трудности в интерпретации археологических материалов, но они в конце концов преодолимы. Докладчик не соглашается с Г. Ловмянским, который дифференцировал источники по славянскому язычеству на «говорящие» (памятники письменности, данные этнографии и фольклора) и «немые» (археологические). Материалы археологии в познании дохристианской религии славян, утверждал в заключение Б. Гедига, нужно относить к «говорящим» источникам.

В докладе П. Х. Илиевскго (Югославия) «К вопросу о параллелях между микенской и славянской религиями (методологический аспект)» выявлялись и исследовались отдельные схождения в славянском язычестве с крито-микенской религией. Источником для сопоставлений послужили микенские тексты (линеарное письмо Б). В частности, докладчик идентифицировал крито-микенское божество Ма-ri-пе-we со славянским «скотьим богом» Велесом.

Языческие элементы в двух письменных памятниках христианского времени стали объектом рассмотрения в докладе Ю. М. Веселы (Италия) «Из дохристианской религии (энциклика «Egregiae virtutis» и «Slavorum apostoli»).

Дальнейшая работа симпозиума продолжалась в двух секциях. В первой секции читались исключительно археологические доклады, во второй — доклады, в основе ко-

торых лежат исторические, лингвистические, топонимические, этнографические и фольклорные материалы, а также археологические доклады, не вошедшие в перегруженную программу первой секции. Всего на секционных заседаниях было заслушано 28 докладов.

Наибольший интерес вызвали доклады, в которых анализировалось язычество отдельных регионов славянского мира на основе разнотипных источников и на новейших археологических открытиях.

Ж. Выжарова (Болгария) в докладе «Язычество южных славян (по археологическим, этнографическим, языковым и иным данным)» сделала обзор всего, чем располагает современная наука по изучению дохристианской религии славянского населения Западного Причерноморья. Основой исследования стали новейшие данные археологии. Два языческих святилища были открыты в последние годы болгарскими археологами. Одно — в местности Монастырчето близ Горановцы — представляло собой круг из обожженной глины. Святилище было посвящено Перуну и датируется IX—X вв. Интересно, что в этой местности следы язычества сохранялись до начала XX в. Другое святилище было сложено из камня. Оба круга-святилища имели «отростки», ориентированные по сторонам света. На поселении Гарван в слоях IX—X вв. найден каменный идол, по-видимому, изображение бога огня Сварога. Отголосками языческого огнепоклонства, как предполагает исследовательница, являются современные обычаи, в том числе ритуал обожжения могил на 40-й день после смерти погребенного. Среди интереснейших находок, связанных с язычеством, были названы сосуд XIII—XIV вв., обнаруженный в местности Царевец (Велико Тырново), на котором написано имя Сварога, и олений рог из Переяслава.

В насыщенном фактическим материалом докладе В. Филиповяка (Польша) «Славянские языческие верования в устье Одры» рассказывалось об археологических материалах, открывающих новые страницы в изучении дохристианской религии славянства. Раскопками в Волине открыты остатки языческого храма — срубной постройки размерами 5×5 м, располагавшейся на возвышении. Здесь же найдено бронзовое изображение коня. Как известно, конь играл важную роль во время языческих празднеств и при гаданиях. Из Волина происходит также деревянное резное изображение Святовита. Ряд находок из региона нижней Одры говорит о распространении в западнославянском мире культов Святовита, Триглава и Яровита.

Результаты всестороннего изучения реликтов язычества среди славянских племен, заселявших в раннем средневековье междуречье Эльбы и Заале, изложены Г.-Ю. Брахманном (ГДР) в докладе «Мир религиозных представлений сорбских племен». Анализ письменных свидетельств и археологических материалов дал возможность исследователю выявить некоторые конкретные элементы язычества — жертвенное приношение пищевых продуктов к печам и очагам, жертвоприношения в рощах или на озерах, поклонения изображениям богов, а также свидетельства сопротивления распространению христианства. В захоронениях, совершаемых в христианское время при церквах, длительный период сохранялись языческие элементы.

Темой интереснейшего выступления Л. Лециевича (Польша) было «Место языческих культов в политической системе западных славян в племенной период». Исследователь продемонстрировал существенную роль язычества в это время. Названия культовых мест в ряде случаев перешли на этнонимы, что свидетельствует о связи всей племенной жизни с языческим мировоззрением. Вопросы войны и мира решались в культовых местах. Хозяйственная жизнь теснейшим образом была связана с язычеством. Первые торговые центры, как и первые раннефеодальные города, возникли поблизости от языческих культовых мест.

Р. Петрович (Югославия) в докладе «Некоторые языческие следы в Македонии и Албании в VII—VIII вв.» анализировал материалы двух славянских некрополей около Эразмо в окрестностях Охрида и Мати в Албании. Одна группа находок из этих могильников отражает влияние религиозного круга, шедшее из стран Средиземноморья, другая связана с шамано-сасанидской религиозной ситуацией, обусловленной воздействием Аварского каганата. Материалы могильников, таким образом показывают значительную неоднородность в развитии духовной культуры в различных регионах раннесредневекового славянского мира.

В докладе «Проблема славянского патриархального культа и культовые места в Македонии» Н. Чаусидис (Югославия) на основе фольклорных и этнографических данных выявил и описал языческие культовые обряды южного славянства. В частности, характеристику получили аграрно-магические ритуалы, христианские шествия, восходящие к язычеству. Докладчик показал, что богиня Мокош была особо почитаемой в рассматриваемом регионе и в христианское время ее место заняла в народном представлении богородица.

З. Кланица (Чехословакия) в докладе «Традиционные и новые формы в идеологии Великой Моравии» показал духовную жизнь славян Великоморавского государства, в которой сочетались и переплетались языческие и христианские элементы.

Безусловный интерес представляют выступления, в которых в научный оборот вводились новые материалы по славянскому язычеству, полученные в результате археологических раскопок последних лет. С интересным докладом выступили Б. Бабич (Югославия), И. Домбровская (Польша) — «Славянское языческое святилище в местности Гайк при с. Радиково на территории Польши». Исследованное святилище по своему устройству сопоставимо с раскопанным в Перыне под Новгородом, которое было основным культовым местом словен ильменских. Святилище в Гайке, очевидно, было святилищем одного из ляшских племен.

В докладе И. П. Русановой (СССР) «Збручский идол и городища-святилища на р. Збруч» содержалась информация о раскопках культового городища, расположенного при р. Збруч на горе Богит и его ближайших окрестностей. Раскопками выявлены капище и постройки, предназначенные для жертвоприношений, которые датируются X—XII вв. Предполагается, что на городище стоял знаменитый Збручский идол, найденный в прошлом столетии в р. Збруч и находящийся ныне в Краковском археологическом музее.

В нескольких докладах исследовалась погребальная обрядность славян в связи с язычеством Ш. Ольтеану (Румыния) в докладе «Характеристика погребальной обрядности румын и славян в Карпато-Дунайском регионе в VI—X вв.» всесторонне исследовал биритуальные могильники населения междуречья Дуная и Прута. Исследователь утверждает, что романское население региона с IV в. хоронило умерших по обрядам сожжения и трупоположения, при этом последний обусловлен христианским воздействием. Славянское население на территории Румынии погребало умерших по обряду трупосожжения. Начиная с VIII в. среди славян распространяется и христианский обряд захоронения, но до XI в. практиковалась и кремация умерших. Вместе с тем докладчик показал, что далеко не всякое захоронение по обряду ингумации является христианским, среди язычников в силу каких-то причин тоже практиковался обряд трупоположения.

Выступление З. Чилинской (Чехословакия) называлось «Погребальный обряд раннесредневекового общества в Словакии». В нем получила характеристику историческая ситуация в Словацком Подунавье в период заселения его славянами и аварами и образования аваро-славянского симбиоза. Славянам, расселившимся в Словакии, первоначально было свойственно трупосожжение, аварам — трупоположение. Под влиянием господствующего этноса славяне изменяют обрядность. Анализ аваро-славянских могильников позволил исследовать ряд элементов, характеризующих язычество VI—VIII вв. (вампиризм, веру в непреодолимую силу и т. п.).

Элементы погребальной обрядности и инвентаря, непосредственно связанные с языческим мировоззрением славянского населения Словении анализировались П. Корошец (Югославия) в докладе «Некоторые данные об языческих верованиях в раннеславянских погребениях Птуйского некрополя».

В выступлении А. Милошевича (Югославия) «Керамическая посуда в далматинских погребениях раннего средневековья и проблема языческого обряда захоронений» речь шла о погребениях Далмации и соседних районов Юго-Западной Боснии, в которых присутствовала обрядовая глиняная посуда. Учитывались и погребения совершенные на позднеантичных некрополях. Докладчик утверждал, что это славянские захоронения и наличие посуды в них связано с языческой обрядностью.

В ряде докладов рассматривались отдельные вопросы или элементы славянского язычества. Г. Марьянович-Буйович (Югославия) свой доклад «Некоторые виды суеверия, связанные с язычеством» посвятила элементам язычества, выявляемым при раскопках славянских средневековых слоев на античном поселении Ключ при с. Костел в Сербском Подунавье. Исследованы были остатки жертвоприношений — скопления птичьих костей, иногда обставленные камнями. Заклание птицы — ритуал, связанный с языческими традициями и совершаемый с определенным смыслом. Этот обряд бытовал у славян Подунавья, но известен и среди иноэтничного населения, поэтому не исключено, что в Сербии он является античной традицией.

В докладе В. Шрибара (Югославия) «Языческие символы в декоративном искусстве альпийских славян в период карантанско-кетлашской культуры» анализировались металлические украшения — амулеты, связанные с языческими представлениями о небесных светилах и характеризующие духовный мир славянства в целом.

Д. Бялекова (Чехословакия) в докладе «Антиязыческие санкции в церковно-правовых кодексах Великой Моравии» рассмотрела письменные документы времени прибытия византийской христианской миссии в Моравию, в которых содержатся мероприятия против язычества.

В выступлении Л. Дончевой-Петковой (Болгария) «Языческие элементы в памятниках раннего средневековья Болгарии» анализировались вещевые находки, дополняющие представления о сущности славянского язычества. В докладе С. Зоговича (Югославия) были сопоставлены в функциональном отношении славянский Перун с индоиранским Индрой, а Велес с Рудой, известными по ведийской религии. Обнаруживаемые схождения исследователь объясняла единством их происхождения.

В рамках симпозиума была проведена экскурсия в Охрид, где его участники ознакомились с памятниками раннехристианской архитектуры, Музеем старославянской письменности и с новейшими археологическми находками.

Работа симпозиума проходила в доброжелательной атмосфере, дискуссии по докладам велись по-деловому. Симпозиум — важная веха в изучении духовной жизни и идеологических представлений языческих славян. На нем были подведены итоги всему, чем располагает современная наука, в научный оборот введены новейшие материалы. Симпозиум был хорошо организован и, несомненно, станет импульсом в дальнейших изысканиях в области славянского язычества.

В. В. Седов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Первый Международный симпозиум по славянскому язычеству//КСИА. 1981. Вып. 164.

2. *Седов В. В., Чернецов А. В.* Славянское язычество как проблема междисциплинарного изучения//Вестн. АН СССР. 1981. № 12.
3. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
4. *Gieysztor A.* Mithologia Slowian. Warszawa, 1982.
5. *Lowmiański H.* Religia slowian i jej upadek (w. VI-XII). Warszawa, 1986.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС»

Всесоюзная конференция «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС» проходила 6—9 апреля 1987 г. в Суздале. В работе конференции участвовало более 300 археологов из 55 городов.

Открывая конференцию, академик Б. А. Рыбаков подчеркнул, что XXVII съезд КПСС призвал советских ученых к полному и правдивому анализу исторического процесса, из которого нельзя исключить период первобытности и начальной стадии докапиталистических формаций, изучаемых археологией. Он отметил, что марксизм как философская система сформировался на основе анализа истории человечества на всех ее этапах. Археология изучает древнейшую историю всех без исключения народов нашего отечества, тогда как история, базирующаяся только на письменных источниках, поневоле часто бывает ограничена ближайшим к нам периодом. Б. А. Рыбаков далее отметил, что для решения задач, поставленных партией советским археологам как части общеисторического фронта, необходимо обсуждение многих больших исторических проблем.

На трех пленарных заседаниях было заслушано восемь докладов, посвященных важнейшим проблемам. М. В. Седова в докладе «Исследование Суздаля и его округи» познакомила слушателей с результатами работ, проводившихся в продолжение 12 лет. Раскопки показали, что Суздаль возник значительно раньше первого упоминания в летописи (1024 г.). Были найдены укрепления рубежа IX—X вв., у въездных ворот раскопаны две усадьбы XI в., принадлежавшие, судя по находкам, дружинникам. Исследование посада открыло древнюю улицу, огражденную частоколом усадеб, включавших помимо дома хозяина жилища челяди и зависимых ремесленников. Были изучены укрепления первой половины XII в. Проблему возникновения города нельзя решить без изучения его ближайшей округи. С этой целью были исследованы поселения X—XI вв., расположенные поблизости. Полученный материал позволяет реконструировать протекавший в X—XII вв. процесс освоения славянами Суздальского ополья, смешения славянских и мерянских племен.

Б. Н. Мозолевский и С. В. Полин в докладе «Скифский курган Бабина могила» рассказали об исследовании курганов скифской знати на курганном поле у с. Каменка Днепропетровской обл., содержащем курганы эпохи бронзы и скифского времени. Особый интерес представляет курган Бабина могила, под которым были погребены двое мужчин и две женщины. Было установлено, что насыпь кургана сооружалась в несколько приемов и до вершины облицована камнем. Все гробницы ограблены. Судя по деталям погребального обряда и инвентарю, курган был усыпальницей аристократической семьи, связанной с выполнением жреческих функций. По предварительным данным, погребения датируются второй половиной IV в. до н. э.

Подведению итогов многолетних исследований был посвящен доклад Д. А. Крайнова «Некоторые спорные вопросы неолита северной половины европейской части СССР». Докладчик сообщил, что исследование памятников различных эпох от палеолита до энеолита и более позднего времени с применением методов естественных и точных наук привели к пересмотру многих узловых вопросов древней истории северной части европейской территории СССР. На основе изучения многослойных поселений Верхнего Поволжья и однослойных стоянок с чистыми комплексами была установлена хронологическая последовательность в смене культур для центра Русской равнины. Новый материал позволяет предположить, что культуры с ямочно-гребенчатой керамикой сформировались в северной зоне европейской части СССР на основе местного мезолита и быстро распространились к западу, востоку и югу. По-видимому, племена ямочно-гребенчатой керамики были субстратом при формировании протофиннов, а культура раннего неолита с накольчато-гребенчатой керамикой должна быть связана с индоевропейцами.

Результатам исследований последних лет был посвящен доклад А. М. Беленицкого, Б. И. Маршака, В. И. Распоповой «Основные результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1985—1986 гг.», где продолжалось изучение двух храмов и жилых построек. Надо отметить, что при исследовании парадного зала VIII в. с росписью на стенах впервые в Пенджикенте была обнаружена композиция с изображением Будды.

Х. А. Амирханов в докладе «Древнейшие памятники Южной Аравии. Открытия и исследования археологического отряда советско-йеменской экспедиции в 1983—1985 гг.» сообщил о работах отряда Института археологии АН СССР, входившего в состав экспедиции. Исследования велись по двум направлениям: каменный век Южной Аравии и древняя история и культура южноаравийской цивилизации. Первое направление дало интересные результаты. Было выявлено 40 памятников каменного ве-

ка, включая пещерные многослойные стоянки и местонахождения с разрушенным культурным слоем. Хронологически южноаравийский материал охватывает все эпохи каменного века. Пять памятников, включая 3 многослойные пещерные стоянки, определяются как доашельские; 12 местонахождений характеризуются суммарно — ранняя и поздняя стадии ашеля; 10 — средний, 19 — поздний палеолит и 2 — неолит. Наиболее ранние памятники расположены в ущелье Аль-Гуза в провинции Хадрамаут. Самая интересная пещерная стоянка имела 13 геологических слоев, из которых 12 содержали археологический материал, относящийся к олдувайским индустриям. На основании геологических и палеомагнитных данных возраст стоянки определен древнее 730 тыс. лет. Материалы стоянок ущелья Аль-Гуза особенно важны для решения проблем направления и времени расселения древнейших людей из первоначальной прародины.

Л. П. Хлобыстин в докладе «Новые открытия на северо-востоке Европы» сообщил об исследованиях, проведенных в 1984—1986 гг. на о-ве Вайгач и на Югорском полуострове. Впервые были найдены памятники морских зверобоев, древнейшие из которых относятся к позднему неолиту — ранней бронзе. Расцвета зверобойный промысел достиг в I тыс. н. э. На о-ве Вайгач были исследованы остатки святилищ, среди которых самым почитаемым было капище на Болванском носу на юге острова. Оно известно с XVI в., в 1897 г. при христианизации ненцев официально было уничтожено, но функционировало до XX в. В напластованиях кроме костей животных были найдены различные предметы. Надо отметить вещи X—XIII в., попавшие сюда из Западной Сибири, Великой Перми и древнерусских городов. Среди них изображения Перуна и предметы христианского культа.

Е. А. Рябинин в докладе «Этнокультурные процессы на северо-западе Новгородской земли» рассказал о новых исследованиях в Ленинградской обл. Комиссия по составлению археологической карты завершила цикл работ по сплошному обследованию западных и юго-западных районов. Зафиксированы сотни новых археологических памятников. Исследование курганно-жальничных могильников на Ижорском плато позволило проследить линию развития сельского населения на протяжении XI—XVII вв. Интересные результаты были получены при исследовании городища у д. Кайболово на р. Суме. Это построенное новгородцами во второй половине XII в. укрепленное поселение одновременно являлось центром кузнечного и ювелирного производства. Были исследованы могильники летописного племени «водь». Заслушано сообщение Е. И. Беспалого об открытии богатого сарматского захоронения I в. н. э. в Ростовской области.

На секционных заседаниях заслушано и обсуждено более 150 докладов. Работало восемь секций: 1) археологии палеолита и мезолита, 2) археологии неолита и бронзы, 3) археологии раннего железного века, 4) античной археологии, 5) археологии Средней Азии и Закавказья, 6) славяно-русской археологии, 7) средневековой археологии, 8) теории и методики.

На секции палеолита, работавшей под руководством В. П. Любина, среди 16 заслушанных докладов был ряд сообщений обобщающего характера, а также информация о новейших исследованиях в различных регионах страны. З. А. Абрамова сообщила о раскопках Юдиновской палеолитической стоянки, на которой обнаружены два жилища из костей мамонта. Над ними был построен музейный павильон.

У. И. Исламов информировал о раскопках первой в азиатской части Союза пещерной стоянки с ашельскими культурными слоями.

В. П. Любин доложил о законченном исследовании Баракаевской мустьерской стоянки на Кавказе, где найдена челюсть неандертальского человека и большое количество орудий.

Г. В. Григорьева рассказала об исследовании верхнепалеолитического поселения Анетовка II в Побужье — одного из опорных памятников для палеолита юго-запада Русской равнины. С. Н. Алексеев сообщил о результатах разведок в 1985—1986 гг. палеолитических памятников на Среднерусской возвышенности. Г. О. Тортладзе доложил об исследовании верхнепалеолитической стоянки Сабеласури.

Среди докладов обобщающего характера надо отметить сообщение В. Е. Щелинского о трасологических признаках функций на нижнепалеолитических каменных орудиях. А. К. Филиппов представил проблему формирования выразительных средств в палеолитическом искусстве. В докладе проанализирован материал с памятников как Западной, так и Восточной Европы. А. Н. Сорокин рассмотрел бутовскую мезолитическую культуру, классифицировал типы памятников, остановился на вопросах ее датировки и генезиса. П. Ю. Павлов доложил новые материалы о весьма раннем заселении человеком северо-востока европейской части СССР. М. Г. Ниорадзе обобщила результаты многолетних раскопок многослойных палеолитических стоянок в ущелье Цхалцителa в Западной Грузии.

Оживленное обсуждение вызвал доклад Г. П. Григорьева, который, говоря о мустье Русской равнины, пришел к выводу, что все его разновидности не имеют территориальной привязки. Оппоненты высказались против концепции Г. П. Григорьева, указав на необходимость выявления в мустье Русской равнины, как и других регионов, локальных образований, своеобразных местных культур.

Большой интерес вызвал доклад Ю. А. Мочанова о многолетних исследованиях палеолитического местонахождения Дирвинг-Юрях, которое он, исходя из архаики каменных орудий, из условий залегания находок и палеомагнитных датировок, относит к самому раннему (олдувайскому) этапу развития человеческой культуры и допускает постановку вопроса о внетропической зоне становления человечества. В прениях была отмечена специфика состава орудий Дирвинг-Юряха, которая отличает его от подлинного олдувая Восточной Африки. Было также указано, что требуется широкое

привлечение представителей естественных наук при решении вопроса о геологическом возрасте этого безусловно необычайно интересного памятника.

В заключение секция палеолита и мезолита рассмотрела вопрос о состоянии уникального палеолитического памятника Сунгирь. Было отмечено, что необходимо завершить строительство музейного павильона и организовать его охрану.

На заседаниях секции неолита и бронзы, работавшей под председательством Н. Я. Мерперта, было заслушано 39 докладов, посвященных как информации о полевых исследованиях, так и рассмотрению общих проблем. Большое внимание уделялось вопросам хронологии и периодизации культур, их экономике, культурным и экономическим контактам, мировоззрению.

Особого внимания заслуживает доклад А. Гирининкаса, посвященный строительному делу на территории Литвы в эпоху неолита. На значительном материале автор показал, как при изменении социальной структуры и экономики первобытного общества изменялись основные черты неолитических поселений: планировка поселения, конструкция жилищ. В позднем неолите, когда возникает производящее хозяйство, на некоторых поселениях появляются укрепления.

Большой интерес вызвал доклад В. А. Круц, посвященный крупным трипольским поселениям. По его мнению, создание крупных поселков было вызвано необходимостью сконцентрировать большое количество людей на границе со степью. Их нельзя рассматривать как ступень на пути к созданию протогородов. Сооружение больших поселений было нерентабельно с экономической точки зрения. Примерно раз в 50 лет поселение переносилось на новое место, что было вызвано уничтожением лесов в его окрестностях.

А. К. Микляев, А. Н. Мазуркевич, П. М. Долуханов, Г. И. Зайцева посвятили свой коллективный доклад раннему неолиту севера Смоленской и юга Псковской областей. При исследовании нижних слоев торфяника в Велижском р-не Смоленской обл. и на дне озера Сенница был найден неолитический материал VI—V тыс. до н. э.

С большим интересом был выслушан доклад В. И. Молодина об исследовании Денисовой пещеры в Усть-Канском р-не Горно-Алтайской автономной области. Отложения пещеры содержали находки разных эпох, начиная с афанасьевской.

Огромный интерес вызвал доклад Р. К. Римантене, посвященный древнейшему земледелию в Прибалтике. Найденные на поселении нарвской культуры Швянтойи 6 части деревянных рал позволили снизить дату возникновения пашенного земледелия в Прибалтике до второй половины III тыс. до н. э. При раскопках поселения были найдены зерна проса и полбы.

А. Т. Синюк рассказал о находке в бассейне Дона у хут. Мастище Острогожского р-на Воронежской обл. каменных сооружений в виде концентрических кругов. Судя по находкам, сооружение должно быть отнесено к рубежу III—II тыс. до н. э. По мнению автора, это святилище, связанное с культом небесных светил. Как он отметил, в средней полосе России это пока уникальная находка.

Подведению итогов многолетних исследований был посвящен доклад Д. Я. Телегина «Этнокультурные области в неолите юга европейской части СССР и их хронология». Он выделил три культурные группы: прикарпатскую, азово-каспийскую и днепро-волжскую.

Надо отметить доклад И. Н. Шарафутдиновой, посвященный проблеме экономики племен сабатиновской культуры. Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод, что хозяйство было комплексное с производящей экономикой, дополненное рыболовством и охотой, с развитой металлообработкой и широкими торговыми связями.

На секции археологии железного века, работавшей под руководством В. В. Кропоткина, было заслушано 23 доклада, посвященных проблемам скифо-сарматской археологии и культурам этого времени в лесной полосе. Среди сообщений, в которых были поставлены общие вопросы археологии железного века, надо отметить доклад С. И. Лукьяшко и В. Е. Максименко «Некоторые аспекты этнополитической и социальной истории ранних кочевников Причерноморья». Авторы рассматривают различные случаи политических и этнических формирований. По-видимому, среди возможных причин, способствовавших этим процессам, могут быть экологические и социальные явления, политические конфликты.

Большой интерес вызвал доклад Б. Н. Мозолевского «Скифия как этнополитическая общность», в котором автор попытался сопоставить данные археологии и письменных источников.

В. Е. Максименко в докладе «Названия у Птоломея (к постановке вопроса о возможности установления древних названий некоторых античных городищ на Дону)» сделал попытку сопоставить данные археологии и письменных источников.

Оживленное обсуждение вызвал доклад А. С. Скрипкина, который предложил передатировку сарматских памятников в междуречье Урала и Волги. По его мнению, прохоровские памятники на этой территории доживают до I в. до н. э., а памятники среднесарматской культуры следует датировать I в. н. э.— первой половины II в. н. э. С критикой доклада выступили М. Г. Мошкова и В. Е. Максименко, которые не согласились с предложенной хронологией. М. П. Абрамова поддержала основные положения А. С. Скрипкина.

В докладах Г. И. Матвеевой и Н. П. Салугиной были рассмотрены материалы из памятников именьковской культуры Среднего Поволжья IV—VI вв. н. э. Доклад Я. Я. Граудониса был посвящен вопросу о границах финских и балтийских племен в Восточной Прибалтике. В докладе О. М. Приходнюка рассмотрен вопрос о генетической преемственности памятников позднезарубинецкого типа, киев-

ской, пеньковской и колочинской культур. Доклад вызвал возражения со стороны В. В. Кропоткина и Н. А. Тихомирова.

Среди сообщений о полевых исследованиях большой интерес вызвал доклад В. Ю. Мурзина «Итоги доследования кургана Чертомлык». Было установлено, что насыпь кургана представляла сложное архитектурное сооружение, возведенное из дерна. Были найдены два ранее неизвестных захоронения.

Большой интерес вызвало сообщение Е. И. Беспалого об открытии богатого скифского захоронения I в. н. э. в Ростовской обл. В. Е. Медведев сообщил об исследовании жилых сооружений X—XIII вв. ряда городищ на Амуре и Уссури. А. Д. Максимов рассказал об исследовании селища Суходол II в 1985—1986 гг. Докладчик датирует его IV—V вв. н. э. и связывает с балтским населением, которое переселилось в малозаселенный район Верхней Волги, спасаясь от экспансии готов. С результатами полевых исследований в Мордовии познакомил В. И. Вихляев в докладе «Новые раскопки Теньгушевского городища». Это многослойный памятник, и наибольший интерес представляет здесь материал городецкой культуры.

С интересом были заслушаны сообщения А. В. Захарова, Г. А. Романовой, Н. А. Тихомирова, В. Н. Цыгылака, В. Н. Калинского.

В докладах, зачитанных на секции античной археологии (руководил А. А. Масленников, заслушано 15 докладов), рассматривались вопросы экономики античных государств Северного Причерноморья, религии, этноса, архитектурных реконструкций и охраны памятников. Оживленную дискуссию вызвали проблемы датировок позднеантичных комплексов. С большим интересом были выслушаны доклады А. Н. Щеглова и Я. М. Паромова. Оба исследователя использовали материалы аэрофотосъемок, и это дало значительные результаты. Е. Я. Рогов в докладе «Новые раскопки могильника Панское I в Северо-Западном Крыму» рассказал об исследовании некрополя IV—III вв. до н. э., где удалось выявить древнейшую часть могильника.

Э. Я. Николаева познакомила с результатами многолетних раскопок крепости I—VI вв. н. э. у пос. Ильич на Таманском полуострове. Исследован ряд сооружений, включая казармы и «дом начальника». Особо была отмечена находка мастерской стеклодува.

С большим интересом выслушано сообщение Л. М. Казаковой о работах, связанных с консервацией и музеефикацией Танаиса. Интересные результаты, как сообщил В. М. Зубарь, получены при исследовании западного некрополя Херсонеса. Материал позволяет судить о широких культурных и экономических связях города. Как положительное было отмечено возобновление исследований на некрополе Илурата, в Тиритаке, на Маячном полуострове (Страбонов Херсонес), в окрестностях Ольвии и Тиры. Участниками секции был поставлен вопрос о необходимости проведения научно-практических семинаров по наиболее актуальным проблемам, как, например, «Вопросы хронологии позднеантичного времени». Было признано целесообразным поставить вопрос о работе над коллективным исследованием, которое дополнило бы известную монографию И. Б. Зеест «Керамическая тара Боспора».

На заседаниях секции славяно-русской археологии, работавшей под руководством М. В. Седовой и Б. А. Тимощука, заслушано 42 доклада, посвященных проблемам истории, культуры, экономики таких древнерусских городов, как Киев, Новгород, Старая Руса, Москва, Чернигов, Ладога, Суздаль, Звенигород, Минск, Муром и ряд других. Широко были представлены исследования сельских поселений, прежде всего Северо-Восточной Руси (доклады В. А. Лапшина, А. Е. Леонтьева, И. Л. Станкевич). Начальным этапам освоения водного пути из Белозерья в Подвинье в XI—XIII вв. по материалам Волока Славенского был посвящен доклад Н. А. Макарова. Особое внимание было уделено древностям Владимиро-Суздальской Руси, что, несомненно, будет способствовать развитию исследований в этой земле (доклад А. А. Медынцевой о Суздальском змеевике, Л. С. Розановой о железообработке в г. Суздале, М. А. Сабуровой, об одежде по материалам курганов и ряд других). С материалами, свидетельствующими об экономических и культурных контактах Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии, познакомила М. Д. Полубояринова.

О контактах Северной Руси и Югры на памятниках Нижнего Обь-Иртышья в домонгольский период шла речь в докладе В. А. Могильникова. О первом древнерусском поселении XII—XIII вв. (Пожегском городище) в землях Перми Вычегодской говорилось в докладе Э. А. Савельевой. Ряд докладов был посвящен археологии новгородской земли. Особо следует упомянуть доклад Е. Н. Носова об исследовании резиденции новгородских князей на Городище. В 1985—1986 гг. раскапывалась территория собственно княжеского двора и была выявлена постройка, входившая в комплекс его строений. Интерес представляет сообщение В. Г. Мироновой о серии берестяных грамот XII в., найденных при раскопках в Старой Русе, а также доклад Е. А. Рыбиной, посвященный типологии шахматных фигур с древнерусских памятников. О роли Ладоги в составе Новгородской земли в XII—XIV вв. по данным письменных и археологических источников говорилось в докладе А. Н. Кирпичникова.

Среди докладов, посвященных проблемам южнорусской археологии, надо особо отметить доклад В. П. Коваленко, который рассказал о раскопках Черниговского детинца в 1985—1986 гг., при которых был исследован ряд построек, и в их числе парадные ворота княжеского двора с надвратной церковью, датируемые концом XII в., и остатки ранее неизвестного четырехстолпного трехапсидного храма последней четверти XI в. М. А. Сагайдак познакомил с результатами раскопок, проводимых на Киевском Подоле. Успешно решается проблема изучения исторической топографии, массовой жилой застройки и планировки городских кварталов. Получен богатый материал, позволяющий судить о ремесленном производстве в этом районе в X—XIII вв. Яркий

и богатый материал из раскопок в Звенигороде продемонстрировал в своем выступлении И. К. Свешников. Это — многочисленные изделия прикладного искусства (кресты-энколпионы, печати, медальоны, скульптурки, украшения, бусы и пр.). В докладе Б. А. Тимощука освещались вопросы социально-территориальной структуры княжеской крепости X—XI вв. в Теребовле.

Секция отметила, что в будущем при проведении конференций больше внимания надо уделять проблеме славянского этногенеза, вопросам происхождения древнерусских городов, проблеме социально-экономической структуры древних поселений.

На заседаниях секции археологии Средней Азии и Закавказья, работавшей под руководством В. М. Массона, было заслушано 23 доклада, посвященных открытиям двух последних лет и попыткам определить их значение для развития науки. Секция отметила, что было сделано несколько выдающихся открытий. К их числу должна быть отнесена находка каменной скульптуры эпохи энеолита (IV тыс. до н. э.) на городище Илгынлы-Депе, открытой Каракумской экспедицией в Южной Туркмении. Этому открытию был посвящен доклад Г. Ф. Коробковой, которая установила, что найденные рядом со статуями инструменты использовались при их изготовлении.

Было отмечено, что накопление массового материала по культуре городов средневекового Азербайджана позволило перейти от изучения конкретных городских организмов к исследованию системы расселения и культурных связей внутри крупных регионов. Этой проблеме были посвящены доклады Г. М. Ахмедова, Р. Б. Георшева, Р. Д. Ахмедова, Ф. Л. Османова.

Очень интересна находка раннекочевнических материалов на осушке дна оз. Иссык-Куль, свидетельствующих о существовании здесь крупного ремесленного центра с развитой металлургией и керамическим производством. Этому открытию был посвящен доклад В. П. Мокрынина.

Трудно переоценить значение находки хозяйственных документов IV—II вв. до н. э. в Хорезме на Калалы-Гыр 2 в крепости, где помещался храмовый комплекс. Этому открытию был посвящен доклад Б. И. Вайнберг. Среди других, посвященных конкретным исследованиям и подведению итогов многолетних работ можно отметить сообщения Л. Б. Кирчо, Н. М. Виноградовой, Н. Г. Горбуновой, Е. А. Асатрян, Ю. Ф. Бурякова, Б. Я. Стависского. Секция отметила повышение методического уровня полевых исследований и целенаправленность крупных многолетних систематических работ в Хорезме, Чаче, Фергане, Южном Туркменистане и Таджикистане. Было признано целесообразным проведение регионально-хронологических конференций по итогам полевых исследований, а также в рамках всесоюзных совещаний проведение совместных заседаний секций по общим проблемам.

На заседаниях секции средневековой археологии, работавшей под руководством Г. А. Федорова-Давыдова, было заслушано и обсуждено 16 докладов, посвященных различным проблемам: раннесредневековой и средневековой археологии алан; исследованию Дербента, раннесредневековых памятников в Дагестане, курганов средневековой эпохи у Новороссийска; исследованиям Биляра, средневековых древностей мордвы; джурдженей на Дальнем Востоке, раскопкам позднесредневекового замка в Латвии. Оживленная дискуссия развернулась по докладу А. Х. Халикова «Буртасы и их историко-археологическое определение».

На секции было высказано опасение за судьбу ряда археологических памятников Северного Кавказа и поставлен вопрос о более эффективной их охране.

Особое место в работе конференции занимала секция теории и методики, работавшая под руководством В. И. Гуляева. Тематика 16 заслушанных на ней докладов может быть подразделена на три группы: 1) философско-методологические (М. В. Аникович, В. Н. Боряз, Е. М. Колпаков, А. Д. Столяр, Э. В. Сайко, Е. П. Бунятин); 2) методические аспекты археологического источниковедения (Ю. Л. Щапова, М. А. Дэвлет, Н. А. Чмыхов, Б. Ф. Железчиков, Д. В. Деопик, Л. И. Бородкин, И. С. Каменецкий, В. Б. Ковалевская, А. Н. Кулемзин); 3) историографические: доклад М. А. Колесникова.

Работа секции теории и методики на всесоюзной археологической конференции, возобновленная после перерыва, показала прежде всего различный уровень подготовки ее участников. Отсутствие общего центра теоретической мысли в археологии привело к тому, что у исследователей нет единой терминологии и согласованного плана теоретико-методологических разработок. В настоящее время в нашей науке уделяется недостаточно внимания таким важным направлениям теоретической мысли, как проблемы реконструкции и интерпретации археологических данных и проблемы историографии.

В целях усиления теоретических и методических исследований в области археологии секция считает необходимым: 1) организовывать секции теории и методики на каждой всесоюзной археологической конференции; 2) для конференции 1989 г. в целях концентрации усилий предлагаются для рассмотрения две стержневые проблемы; а) социальные реконструкции в археологии; б) археологическая классификация: теоретические и методические аспекты; 3) усилить разработку гносеологических и логико-теоретических направлений в археологии, категориального (понятийного) ее аппарата.

Помимо работ по секциям по инициативе Отдела полевых исследований ИА АН СССР было проведено совещание, посвященное проблемам контроля за качеством полевых исследований и улучшения отчетности. В нем приняли участие представители академий наук Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Белорусской ССР, Грузинской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР, Украинской ССР, которые одобрили инициативу Института археологии по созыву совещания и сочли необходимым провести в ближайшее время следующие мероприятия: 1) практиковать в дальнейшем проведение совещаний по организации

и методике полевых исследований на всесоюзных археологических конференциях; 2) создать Всесоюзный совет по методике полевых археологических исследований из представителей отделов полевых исследований и других аналогичных организаций союзных республик; 3) усилить работу по унификации требований к методике полевых археологических исследований и отчетности по ним; 4) подготовить к 1989 г. новую, расширенную и дополненную редакцию Инструкции по ведению полевых археологических исследований, рассчитанную на применение во всех союзных республиках; 5) усилить разработку методики полевых исследований, публикуя такие разработки в археологических изданиях; 6) с целью обмена опытом, координации и унификации требований практиковать взаимные поездки членов отделов полевых исследований и аналогичных учреждений академий наук союзных республик и проведение семинаров по методике исследований на месте раскопок; 7) отделам полевых исследований и аналогичным учреждениям академий наук союзных республик при выдаче открытых листов и контроле за проведением полевых исследований обращать особое внимание на соблюдение исследователями максимально бережного отношения к памятникам археологии и окружающей их среде.

При подготовке к конференции были опубликованы тезисы докладов в сборнике «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС» (М.: Наука, 1987).

Во время работы конференции была открыта выставка из фондов Владимиро-Суздальского музея-заповедника «Археология Владимиро-Суздальской земли». Участники конференции осмотрели памятники и музейные экспозиции в Суздале, Владимире, Боголюбове.

К. А. Смирнов

ПЛЕНУМ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР «МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ»

22—26 мая 1986 г. в Новгороде состоялся пленум Научно-методического совета (НМС) по охране памятников культуры Министерства культуры СССР на тему «Методические основы охраны и использования памятников археологии». Он проходил на базе Новгородского государственного объединенного музея-заповедника под руководством чл.-кор. АН СССР В. Л. Янина.

В пленуме приняли участие около 120 человек — представители всех союзных республик страны, в том числе работники государственных органов охраны памятников, специалисты-археологи из ИА АН СССР и родственных ему институтов в академиях наук союзных республик, государственных университетов и пединститутов, музеев, реставрационных организаций, сотрудники института «Гипроводхоз», представители республиканских обществ охраны памятников истории и культуры, отдельные специалисты.

Участники пленума проявили большую заинтересованность в поставленной проблеме. Было подано около 100 заявок на доклады, из них отобрано 28, а по остальным подготовлен обобщающий доклад от оргкомитета пленума, с которым выступил А. М. Лесков. В процессе работы пленума было заслушано 26 докладов, 5 содокладов и 22 выступления в прениях.

С докладом «Охрана и использование памятников археологии в СССР» выступил В. Л. Янин. Он отметил, что XXVII съездом КПСС дана принципиальная установка на максимальное использование подлинных ценностей культуры и искусства в коммунистическом воспитании народа. Большое значение в решении этой задачи имеет охрана и использование памятников истории и культуры, в том числе и археологии. В связи с этим необходимо поставить дело охраны памятников археологии на должную высоту, чтобы сохранить их и использовать в целях развития науки, образования, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания, формирования чувства советского патриотизма. Докладчик обратил внимание на вопросы нарушения законодательств СССР и союзных республик об охране и использовании памятников истории и культуры в стране, на недостаточность мер, применяемых к лицам, разрушающим памятники. В этой связи особое значение приобретают условия защиты памятников археологии от влияния окружающей среды и хозяйственной деятельности в зонах их расположения и охраны.

С каждым годом растет число археологических экспедиций в районах народнохозяйственных строек. Наука пытается успеть исследовать то, что неизбежно должно погибнуть. Однако научных сил явно недостаточно. Дефицит квалифицированных кадров археологов испытывают не только археологические экспедиции в полевых условиях, но и государственные органы охраны памятников истории и культуры, где работают часто неспециалисты, а значит, охране памятников наносится непоправимый урон. Поэтому необходимо увеличить подготовку археологов во всех университетах страны, а со специалистами, занятыми в органах охраны памятников, систематически проводить работу по повышению их квалификации. Поднят вопрос и о трудоустройстве археологов, которые нередко используются не по специальности.

Большую роль в деле сохранения памятников археологии должна сыграть их популяризация средствами массовой информации — газетами, журналами, радио, телевидением, лекциями. Ставится вопрос создания общесоюзного популярного журнала о памятниках истории и культуры, где бы освещались и разносторонние вопросы о памятниках археологии, и организации специальной телепередачи о памятниках археологии.

Вопросам сохранности памятников археологии в процессе полевых археологических исследований был посвящен доклад Д. Б. Шелова. Он обратил внимание на все возрастающее количество выдаваемых «открытых листов» на изучение памятников, попадающих в зоны народнохозяйственных строек, которым грозит разрушение или уничтожение. Несмотря на все усилия, прилагаемые археологами, спасти удается далеко не все. Причин тому много. Это и нехватка специалистов-археологов, и сжатые сроки, которые устанавливают для исследования хозяйственные организации, ведущие строительство, и недостаточная координация между планами исследовательских учреждений и планами строительств, и слабый контроль со стороны государственных органов охраны памятников.

Эти же вопросы, но относящиеся к конкретным регионам страны, затрагивались в докладах Г. Е. Афанасьева (зачитанного М. В. Александровой) по РСФСР, О. П. Куликовой по Краснодарскому краю, Л. М. Казаковой и М. М. Уразовой по Ростовской области, П. А. Горишнего и В. Н. Погорелого по УССР, чл.-корр. АН Узбекской ССР, директора института археологии АН Узбекской ССР А. А. Аскарова по среднеазиатскому региону, Ю. Уртанса и Я. Сиатковскиса по Латвийской ССР, Б. Даканиса по Литовской ССР, В. А. Лыугаса и А. А. Краута по Эстонской ССР.

Определенный опыт по сохранению памятников в зонах новостроек накоплен в Украинской ССР. С докладом об этом выступили, как уже указывалось, П. А. Горишний и В. Н. Погорелый. Совместными усилиями Института археологии АН УССР и Министерства культуры республики в каждой области, в отделах охраны памятников при областных исторических и краеведческих музеях, создаются секторы охраны памятников археологии. Уже работают 14 таких секторов. Для оперативного проведения охранных археологических работ решением финотделов облисполкомов секторам археологии в банке открыты счета, на которые поступают средства, выделяемые строительными организациями. На эти средства сектор имеет право содержать внештатных сотрудников, оплачивать расходы на исследование памятника. Секторы имеют списки памятников археологии области. Такие списки направлены во все крупные проектные и хозяйственные организации, и без согласования с секторами землеотвод не разрешен. Благодаря активной работе секторов удалось спасти или изучить многие памятники, давшие огромный научный материал по многовековой истории юга нашей страны, а коллекции музеев пополнились многочисленными находками, включая шедевры скифо-античного искусства.

Методическим вопросам градостроительной защиты памятников археологии был посвящен доклад И. И. Кроленко. Докладчик изложил принципы градостроительной охраны памятников археологии, организации зон охраны, а также указал на меры, необходимые для сохранения памятников в процессе полевых исследований, а именно: предзарительная консервация, активные раскопки и организация экспозиции по завершении исследовательских работ.

Р. М. Булатов и Г. А. Федоров-Давыдов рассмотрели проблемы и перспективы организации, эксплуатации, научной деятельности археологических музеев-заповедников. Чаще всего такие заповедники возникают на базе раскопанных полностью или частично древних городищ или поселений. Посетителю предстоит познакомиться с жилыми и общественными зданиями, производственными комплексами, оборонительными сооружениями и многими предметами, найденными на территории того или иного древнего города и его округи. Поэтому экспозиция города, как правило, продолжается в музее. Так организованы музеи-заповедники в Мецаморе и Эребуни (Ереван), Херсонесе-Таврическом (Севастополь), Танаисе (Ростовская обл.), Ольвии (Николаевская обл.), Волжских Болгарах (Тат. АССР), Берестье (Брестская обл.) и многих других местах. Комплекс проблем, возникающих при организации археологических музеев-заповедников, должен решаться совместными усилиями археологов, архитекторов, реставраторов, строителей и других специалистов, привлекаемых по мере надобности.

Директор института «Казпроектреставрация» Б. Т. Туякбаева остановилась на вопросах охраны архитектурно-археологических памятников в развивающихся городах. Проблема эта связана с реконструкцией, благоустройством и новым строительством в городах и других населенных пунктах, которые так или иначе затрагивают их сложившееся историческое ядро и вторгаются в его культурный слой. Все это необходимо учитывать при разработке генеральных планов развития городов и вносить в эти планы коррективы, если того требуют исследования. Показательным в этом отношении в Казахстане могут быть регионы Семиречья и юга республики. Так, существовавшие в средние века города и поселения на трассах караванных путей со временем пришли в упадок и в настоящее время разрушаются. Такая участь постигла города Туркестан (б. Яссы) и Джамбул (б. Тараз). Исследования в них позволили выделить древнюю часть, объявив ее заповедной, а прилегающие сельскохозяйственные и другие территории — зонами охраны. Для исторического ядра этих городов, а также для зон охраны институтом «Казпроектреставрация» разработаны режимы функционирования и застройки с возрождением древних традиций. Большая исследовательская работа проведена и на территории Алма-Аты. Выявленные этапы развития города найдут отражение в технико-экономическом обосновании и генеральном плане развития города, что обеспечит сохранность памятников.

Ряд выступивших затрагивали вопросы учета и составления учетных документов на уже известные памятники и вновь выявленные археологические объекты. В этом отношении интересен опыт бурятских археологов, о котором сообщили П. Я. Эйдельман и Л. В. Лбова. В республике уделяется внимание историческим заповедным территориям, особенно археологическим объектам. Так, проектом создаваемого национального парка оз. Байкал, на территории которого локализуются археологические па-

мятники разных эпох, расположенные по берегам озера, предусмотрено сохранение резервных территорий с археологическими памятниками, как давно известными, так и недавно выявленными. Создание национального парка дает возможность сохранить на его территории археологические объекты как резервные.

Большое внимание уделяется составлению археологических карт-схем, которые обязательны не только для археологов, но и для землепользователей и государственных органов охраны памятников истории и культуры. Несмотря на некоторые успехи в деле охраны памятников археологии в Бурятской АССР, имеются еще и многие нерешенные проблемы, ощущается нехватка кадров археологов, что иногда приводит к разрушению памятника до его полного исследования.

Способы сохранения архитектурно-археологических объектов, выполненных в камне, рассматривались в докладе Б. Л. Альтшуллера и О. Н. Постниковой. Оборонительные сооружения, общественные, культовые, жилые и хозяйственные постройки, производственные комплексы, как правило, сохраняются на месте под открытым небом. В зависимости от сохранности они консервируются или воссоздаются методом анастилоза с возможными дополнениями недостающих элементов, необходимыми по конструктивным или эстетическим соображениям. К целостным реконструкциям прибегают крайне редко, и то после тщательного исследования архитектурных остатков с привлечением аналогий и обязательного всестороннего обсуждения. На территории многослойных городищ показ массовому зрителю архитектурных остатков, относящихся к разным строительным периодам, всегда сложен. В этих случаях выбирают строительный период или лучшей сохранности, или наиболее важный в научном отношении. Но иногда требуется сохранить два, три и больше строительных напластований. Тогда все необходимо законсервировать, строительные остатки маркировать, а рядом дать план участка с четкими их обозначениями в цвете.

Целесообразно также давать обоснованные графические реконструкции построек. Иногда для сохранности остатков прибегают к сооружению навесов или разного рода павильонов над отдельными памятниками. Они должны гармонировать с окружающей обстановкой и не портить общего впечатления от памятника. Большая сложность возникает с сохранением архитектурно-археологических объектов в городах, при этом опыт болгарских специалистов, к сожалению, используется чрезвычайно редко. Сохранение и музеефикация древних построек в подземных переходах, на станциях метро, в подвалах зданий и сооружений чрезвычайно важны. Это имеет большое воспитательное значение. Авторы рассмотрели этапы проведения консервационных работ, способы и методы, которыми необходимо при этом пользоваться. Приводились примеры отечественного и зарубежного опыта.

Доклад главного архитектора объединения «Росреставрация» В. Д. Недовича касался вопросов консервации и музеефикации памятников археологии, разрабатываемых объединением. На примере древних городищ Горгиппии, Нижнего Архыза, Волжских Болгар вскрываются положительные и отрицательные приемы консервации и музеефикации объектов. Достичь оптимального решения проблемы можно только общими усилиями археологов, архитекторов, реставраторов и других специалистов, используя все известные способы, но всегда применительно к конкретному памятнику.

В фойе зала заседаний демонстрировался проект музеефикации городища Старая Рязань, выполненный коллективом института «Спецпроектреставрация». Участники пленума проявили интерес к проекту и организовали стендовое обсуждение.

Серия докладов была посвящена проблемам исследования, реставрации и музеефикации памятников Крыма. С ними выступили: О. И. Домбровский, Ю. И. Кравченко, Ю. Г Лосицкий, О. И. Сергеева — украинские специалисты, а также Э. Л. Базарова, В. Г Новгородов и Г А. Разумов из Москвы. Консервация архитектурно-археологических объектов в Крыму проводится давно, с конца XIX в., однако особенно много сделано в послевоенные годы. За это время накоплен большой опыт, который имеет и положительные, и отрицательные результаты. Вряд ли можно считать, что работы по реставрации на том или ином памятнике были только удачными или только плохими, ясно одно, что всякой реставрации должны предшествовать исследовательские работы. Исключительно интересен опыт реставрации памятников Херсонеса, раскопки которого проводятся с 1827 г. Открыта большая часть античного и средневекового города, и содержать его в экспозиционном виде нелегко. Консервация каменных кладок, восстановление колоннад базилик и возвращение им закрепленных мозаичных полов, борьба с сорняками и многое другое сохраняют городище, которое притягивает к себе многочисленных исследователей и посетителей. О. И. Домбровский подверг критике реставрацию руин Судакской крепости, где многое достроено без достаточного научного обоснования. Здесь нарушен главный принцип всякой реставрации — тесный контакт реставраторов с археологами. В результате памятник представлен в сильно искаженном виде.

Доклад Э. Л. Базаровой, В. Г Новгородова и Г А. Разумова касался инженерных вопросов сохранения памятников археологии, попадающих в зоны подтопления. Большую тревогу авторы высказали по поводу состояния уникального памятника античного искусства — склепа Деметры. Из-за нарушения режима эксплуатации зон охраны памятника и изменения в связи с этим уровня грунтовых вод склеп оказался в зоне активного подтопления. Состояние памятника аварийное, меры по его спасению недостаточны. Комиссия НМС рекомендовала разработать проект вертикального дренирования территории зон охраны памятника с целью отвода вод. Пока проект не разработан. В связи с гидромелиоративными работами в зоны подтопления попадают многие памятники археологии, проекты этих работ должны предусматривать их исследование.

С уникальным опытом консервации деградированной древесины на городище древнего Берестья, произведенной специалистами из Белорусского технологического инсти-

тута им. С. М. Кирова, и последующей музеефикацией строительных остатков познакомил П. Ф. Лысенко. Впервые в отечественной практике удалось законсервировать часть деревянного города, не нарушая его сложившейся градостроительной структуры. Над сохранившимися остатками построен павильон, где предусмотрена экспозиция и вещевого материала, найденного в домах.

Об организации работы по выявлению, фиксации, учету и принятию под государственную охрану памятников археологии рассказали специалисты из Латвийской ССР Ю. В. Уртанс и Я. И. Сиатковскис. В республике ведется планомерная работа по обследованию известных памятников с уточнением данных о них и выявлению новых, а также оперативная работа по охране памятников археологии в зонах строительной деятельности. Эту работу выполняет отдел памятников археологии, образованный в системе Министерства культуры, что позволяет ему осуществлять инспекторские функции, сочетая их с охраной и исследованием памятников археологии. Уделяется внимание изучению культурного слоя средневековых городов. В 10 городах Латвии культурный слой взят под государственную охрану.

О. П. Куликова доложила о работе по выявлению и учету памятников археологии в Краснодарском крае. Этим же вопросам было посвящено выступление Я. М. Паромова, который рассказал также о работе аэроразведки в этом регионе.

С докладом о мероприятиях по обеспечению сохранности памятников археологии в составе проектов крупномасштабного водохозяйственного строительства на севере европейской части страны и в регионе Сибирь — Средняя Азия выступили сотрудники института «Союзгипроводхоз» Е. П. Евсеев и Ю. А. Мовчан. Этот доклад вызвал оживленную полемику, ибо планируемые работы по перераспределению водных ресурсов на севере европейской части страны приведут к неминуемой потере не только памятников археологии, но и памятников архитектуры, истории, этнографии.

Заключительное заседание пленума было посвящено обсуждению поставленных проблем и принятию решения. В обсуждении приняли участие: В. Я. Конецкий (Новгород), С. М. Чернов (Ленинградская обл.), З. Д. Бессарабова и Б. Г. Васильев (Старая Ладога), Т. С. Старцева (Воронеж), Л. А. Михайлова (Владимир), И. К. Лабутина (Псков), Л. В. Марченко (Севастополь), О. И. Домбровский (Симферополь), О. А. Трусов (Минск), Ю. Г Лосицкий (Киев), В. Б. Букарский (Кишинев), А. А. Краут (Таллин), Л. М. Казакова (Ростов-на-Дону), В. Д. Белецкий (Ленинград), П. П. Тебельшкис (Вильнюс), Б. Т. Туякбаева (Алма-Ата), В. П. Евсеев, И. И. Кроленко, Я. М. Паромов, А. Ф. Панкин, В. Г Новгородов (Москва).

Доклады и выступления выявили методические и организационные успехи в деле охраны и использования памятников, вскрыли недостатки, наметили пути дальнейшего совершенствования работы по охране памятников археологии.

Принятое решение наметило пути дальнейшего совершенствования дела учета, охраны и использования памятников археологии.

В. В. Борисова

ПРИЛОЖЕНИЕ

Решение пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР

г. Новгород **26 мая 1986 г.**

Методические основы охраны и использования памятников археологии

XXVII съездом КПСС дана принципиальная установка на максимальное использование подлинных ценностей культуры и искусства в коммунистическом воспитании народа. В решении этой задачи большое значение имеет охрана и использование памятников истории и культуры, в том числе — памятников археологии, обеспечении их сохранности для нынешнего и будущих поколений в целях развития науки, народного образования, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания.

В целях дальнейшего улучшения государственного учета, охраны и использования памятников археологии и преодоления в этой работе имеющихся серьезных недостатков необходимо:

I. **В области государственного учета:**

государственным органам охраны памятников совместно с научно-исследовательскими учреждениями обеспечить планомерное комплексное исследование всех территорий страны с целью выявления памятников археологии, необходимое также и для составления «Свода памятников истории и культуры народов СССР»;

осуществлять контроль и координацию исследовательских работ на территориях городов и крупных строек страны, поддерживать контакт со строительными организациями с целью планомерного исследования этих территорий;

активизировать работу по составлению учетных документов на вновь выявленные памятники археологии и обеспечить оперативное принятие их под государственную охрану;

совместно с республиканскими обществами охраны памятников истории и культуры усилить контроль за состоянием археологических памятников, расположенных на территории каждой административной единицы, с периодическим визуальным ознакомлением с их состоянием, с занесением обнаруженных повреждений или изменений в учетные документы;

исследовательским учреждениям, проводящим выявление и исследование памятников археологии, представлять местным государственным органам охраны памятников краткую информацию о проделанной работе за полевой сезон: снабжать эту информацию картами установленного масштаба и списками вновь выявленных памятников.

II. **В области охраны памятников археологии рекомендовать:**

учреждениям, ведущим археологические исследования, направить усилия в первую очередь на изучение разрушающихся памятников, расположенных в зонах новостроек, если им грозит уничтожение, и корректировать планы научно-исследовательских работ в соответствии с необходимостью решения этой важной государственной проблемы;

Институту археологии АН СССР и родственным ему институтам в академиях наук союзных республик ограничить выдачу «Открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок» памятников, которым не грозит повреждение или уничтожение;

государственным органам охраны памятников совместно с исследовательскими учреждениями создать в стране «резервные зоны» для археологических памятников, которым не угрожает разрушение и уничтожение; разработать правовой статус «резервных зон», для их утверждения войти в Советы Министров союзных республик, ограничить их археологические исследования; предусмотреть создание таких зон в природных национальных парках, заповедниках и заказниках (в том числе в зоне оз. Байкал);

считать археологические объекты, расположенные на дне водоемов, памятниками, равноценными всем другим видам археологических памятников, и распространить на них действие законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры;

активизировать контроль за координацией работ между научно-исследовательскими учреждениями, строительными и реставрационными организациями при создании археологических музеев-заповедников;

министерствам культуры союзных республик создать при краеведческих музеях специальные службы «спасательной археологии» для исследования памятников археологии в зонах строительной деятельности;

исполкомам местных Советов народных депутатов активизировать работу по утверждению зон охраны археологических памятников, заключению охранных договоров, обеспечить постоянное уточнение списков и карт (схем) расположения археологических памятников;

Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР и Министерству энергетики СССР предусмотреть финансирование археологических исследований памятников, разрушающихся на берегах искусственных водоемов, за счет средств пользователей этих сооружений;

Министерству культуры СССР создать во всех союзных республиках экспертные комиссии по оценке археологических находок, поступающих в фонды музеев, а также по оценке материального ущерба, нанесенного памятникам археологии в результате незаконной хозяйственной деятельности отдельных учреждений и организаций;

Научно-методическому совету по охране памятников культуры Министерства культуры СССР активизировать работу по осуществлению контроля за состоянием и использованием памятников археологии во всех союзных республиках.

III. **В целях сохранения археологических памятников на территориях народнохозяйственных строек просить:**

Государственный строительный комитет СССР обратить серьезное внимание всех строительных организаций на необходимость согласования с органами охраны памятников планируемых работ на всех стадиях от ТЭО (технико-экономического обоснования) до начала строительства, а также всех, изменений, возникающих в ходе проектирования строительства и в процессе строительных работ;

Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР пересмотреть проект перераспределения водных ресурсов Северной части страны в связи с тем, что существующий проект наносит непоправимый урон памятникам истории и культуры, и в частности памятникам археологии;

проектные и строительные организации при изменениях проектов и сооружении объектов, не запланированных проектом, предусмотреть финансирование работ по исследованию памятников археологии на территориях строек в соответствии со статьей 24 Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»;

планирующие органы выделять соответствующие лимиты по труду на предпроектной и проектной стадиях работ для проведения археологических исследований.

IV **В области подготовки археологических кадров необходимо:**

просить Министерство высшего и среднего специального образования СССР о создании во всех университетах страны кафедр археологии;

просить Министерство просвещения СССР решить вопрос о целевом направлении студентов периферийных пединститутов на кафедры археологии университетов;

усилить внимание Министерства культуры СССР и министерств культуры союзных республик на необходимость организации систематического повышения квалификации сотрудников госорганов охраны памятников и музеев, ведущих работу по охране памятников археологии.

V. **В области пропаганды памятников археологии необходимо:**

просить Гостелерадио СССР и Госкомиздат СССР шире пропагандировать вопросы учета и охраны памятников археологии средствами массовой информации;

просить Госкомиздат СССР об издании периодического научно-популярного журнала о памятниках истории и культуры, в котором освещались бы и вопросы охраны памятников археологии, и новейшие открытия советских археологов;

просить ВЦСПС решить вопрос о расширении сети туристических маршрутов, включающих осмотр археологических объектов, комплексов археологических памятников, археологических музеев-заповедников наряду с другими памятниками культуры.

Участники пленума считают, что поднятию на новую качественную ступень всего дела охраны и использования культурного наследия нашей страны, в том числе памятников археологии, способствовало бы:

создание единой государственной системы охраны и использования памятников с образованием Государственного комитета по охране памятников истории и культуры СССР;

наличие во всех краеведческих музеях и других музеях, ведущих археологические исследования, а также в госорганах охраны памятников истории и культуры специалистов-археологов;

усиление требовательности к должностным лицам за неукоснительное выполнение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры, ужесточение санкций за его нарушение.

Участники пленума выражают глубокую признательность партийным и советским органам Новгородской области и г. Новгорода и Новгородскому государственному объединенному музею-заповеднику за предоставленную возможность проведения пленума по вопросам охраны и использования памятников археологии, за возможность ознакомиться с выдающимися памятниками древнего Новгорода, его современной жизнью и культурой, за четкую организацию, внимание и заботу, которыми были окружены участники пленума.

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРАБОЛГАРЫ В ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В VI—X ВВ.». Шумен, 21—25.X.1986 г.

В 1976 г. в г. Шумене (НРБ), в преддверии 1300-летия Болгарского государства, состоялась первая научная конференция, посвященная археологии праболгар. Конференция была двухсторонней — болгаро-советской [1]. Плодотворность этого опыта сотрудничества в области болгарской археологии [2] показала необходимость сделать международные встречи археологов-болгароведов систематическими. Международное сотрудничество в исследовании культуры праболгар успешно продолжилось и после завершения конференции, что нашло, в частности, отражение в совместных работах болгарских и советских ученых в Плиске в 1977—1980 гг. [3—6] и в широкомасштабных раскопках Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцких городище, селище и могильнике в 1975, 1977—1982 гг. [7], в исследовании древнеболгарской письменности [8].

По инициативе Археологического института и музея Болгарской академии наук и его Шуменского филиала 21—25 октября 1986 г. в г. Шумене прошла вторая международная встреча, в которой помимо археологов НРБ и СССР участвовали специалисты из Венгрии, ГДР, Западного Берлина. Расширился не только состав участников, но и тематика, что нашло отражение почти в 40 докладах.

На открытии конференции с обзорным докладом «Начало, развитие и проблемы изучения праболгар» выступил чл.-кор. БАН В. Бешевлиев. Большой интерес вызвал доклад Д. Димитрова (НРБ) «Праболгарские племена в Центральной и Восточной Европе». Отметив единообразие культуры праболгар в Приазовье-Предкавказье, Д. Димитров выделил особенности погребального обряда уногундур (утигур) и котрагов (кутигур). Для первых характерны северная ориентация погребенных и искусственная деформация черепов, для вторых — западная ориентация, трепанация черепов. С нашествием хазар судьба болгарских племен складывалась по-разному. Уногундуры Аспаруха уходят на Нижний Дунай, а котраги передвигаются из Предкавказья в Приазовье, где интенсивно развивался процесс оседания; при этом группировки не теряли связей. Вторая волна болгарского расселения связывается Д. Димитровым с восстанием кабаров и нашествием печенегов, в результате чего на Дунай приходит вторая группа болгар; одновременно часть болгар уходит из Приазовья на Среднюю Волгу, куда приносит черты салтово-маяцкой культуры. Основной вывод Д. Димитрова сводится к признанию непрекращающихся контактов всех группировок болгарских племен в Восточной Европе на протяжении VIII—X вв. А. Х. Халиков (СССР) в докладе «Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье» предпринял попытку выделить три этапа проникновения их в указанные районы в течение I тыс. н. э. Начало этого процесса (II—III вв.) он связывает с памятниками типа Андреевских и Писеральских курганов, оставленных, по его мнению, тюркоязычными выходцами из Южного Приуралья и Западной Сибири. Предполагается, что одновременные бахмутинские и мазунинские памятники оставлены угроязычным населением. Вторая волна тюрко-угорского проникновения связана с гуннским нашествием (памятники типа Тураевских курганов). Наконец, вторая волна, как

и первая, перекрывается в V—VII вв. именьковско-романовскими племенами, по А. Х. Халикову — балтами. Третья волна угров соотносится автором (вслед за Е. А. Халиковой) с куншнаренковской культурой, юго-западнее которой в середине VIII в. появляются болгары (барсилы) Большетарханского и Кайбельского могильников, которые не позднее второй четверти IX в. вытесняют протомадьяр. Такова рабочая гипотеза А. Х. Халикова. Проблемы соотношения древних и средневековых этносов в Дагестане освещены в докладе М. Г Магомедова (СССР) «Болгары и страна Берсилия». Б. Сёке (ВНР) рассмотрел сложный вопрос о пребывании болгар на Венгерской низменности в IX в. и их взаимоотношениях с аварами в сообщении «О северной границе болгарского государства в IX в.». Выразив сомнение в присутствии здесь болгар, он полагает, что в IX в. этот район был занят позднеаварским населением, археологические материалы которого представляют вариант салтово-маяцкой культуры.

В серии докладов были освещены последние исследования праболгарских могильников. Ст. Ангелова и Л. Дончева-Петкова (НРБ) представили доклад «Праболгарский некрополь у с. Топола», изложив в нем результаты раскопок погребений с трупосожжениями и трупоположениями. Трупосожжения представлены урновыми (в горшках и других сосудах) и безурновыми захоронениями. Над урнами встречаются каменные перекрытия. Трупосожжения могут сопровождаться костями животных, представляющими остатки заупокойных трапез. Трупоположения — в простых ямах, ямах с двумя-тремя камнями и в ямах, обложенных по всему периметру камнями. Встречаются и кирпичные обкладки ям. Преобладающее положение погребенных — вытянутое на спине. В могилах находят кости овец, птиц. Могильник определяется как двуэтничный — славяно-болгарский. «Двухобрядный могильник у с. Ножарево Силистренского округа» — тема доклада Р. Рашева и Ст. Станилова (НРБ) Наряду с ямными погребениями здесь изредка встречались подбойные. Все трупоположения — без гробов, в ногах погребенных — сосуды, 60% погребений содержали кости животных, а одно мужское сопровождалось захоронением коня. Ряд скелетов носит следы преднамеренного разрушения в целях обезвреживания умерших: разрушались грудная клетка, ноги. Примечательная черта могильника — тризны, представленные целыми и преднамеренно разбитыми сосудами. Трупоположения из могильника у Ножарево авторы с полным основанием считают праболгарскими; что касается трупосожжений, то для их этнической атрибуции, по мнению докладчиков, необходимы дальнейшие исследования.

Значительный интерес вызвали доклады И. Василчина — «Праболгарский некрополь у с. Черна Толбухинского округа» и В. Йотова (НРБ) «Праболгарский некрополь у с. Хитово Толбухинского округа». Трупоположения некрополя Черна, как и ряда других в Северо-Восточной Болгарии, заключены в простые ямы и ямы с каменными конструкциями — «саркофагами». Среди находок — редкие для подобных некрополей находки серег, зеркал, золотых бляшек. В Хитово среди погребений типа сожжений в горшках примечательна находка железного серпа. Значительно бо́льшим разнообразием отличаются погребения с обрядом трупоположения, среди которых наряду с простыми грунтовыми ямами представлены погребения под насыпями из камня и с каменными обкладами по всему периметру ямы. Не ограничиваясь формальной типологией погребальных сооружений, докладчик предпринимает этническую интерпретацию погребений с трупоположением. Так, погребения в простых ямах с ориентацией погребенных на запад В. Йотов считает кутригурскими, а погребения с каменными конструкциями типа ящиков отнесены им к христианским.

Сложной проблеме локализации памятников аспаруховых болгар был посвящен доклад М. Димитрова (НРБ) «К вопросу о этнической принадлежности населения Северо-Западного Причерноморья в конце VII — середине IX в. (865 г.)». Автор справедливо замечает, что, несмотря на широкие археологические исследования в указанном районе, все еще не объяснено «противоречие» между данными письменных источников о появлении здесь в VII в. праболгар Аспаруха и отсутствием памятников этого времени. М. Димитров полагает, что одним из поселений аспаруховых болгар было большое укрепление в районе г. Балчика, воздвигнутое на развалинах ранневизантийского Дионисополя. В укреплении находились большой гарнизон и гражданское население. Возникновение этой крепости, по М. Димитрову, относится к концу VII в., что он обосновывает материалами расположенного у крепости биритуального могильника № 3, где вскрыто 7 трупосожжений и 35 трупоположений в простых ямах с северной и южной ориентацией. В большой части погребений найдены керамика, пряжки поясов и другой инвентарь. Погребения содержали и кости животных: коровы, лошади, овцы, свиньи, собаки, а так же птиц. Основываясь на результатах исследования, докладчик считает, что самые ранние болгарские поселения на Нижнем Дунае возникали на местах восточно-римских городов (Истрос, Томис, Дионисополис, Бизоне и др.). Ряд проблем интерпретации и распространения праболгарских памятников рассмотрен в докладе У. Фидлера (Западный Берлин) «Праболгарские некрополи Нижнего Дуная». К числу древнейших праболгарских погребений на Нижнем Дунае он отнес погр. № 5 из кург. 3 Мадары. Докладчик считает, что пояс из погребения, датируемый серединой VII в., был принесен его владельцем непосредственно из южно-русских степей. Курганы же у Плиски и у Аула Хан Омуртаг при Чаталаре являются, по мнению У. Фидлера, кенотафами языческих древнеболгарских ханов; хронология их должна быть уточнена. Главное внимание в докладе уделено вопросу о северо-восточной границе древнего Болгарского государства, в связи с чем рассмотрены могильники севернее Дуная, с территории румынской Добруджи. Несмотря на некоторые отличия в способе погребений, в инвентаре, для них также характерны

биритуальность с преобладанием безурновых погребений, керамические наборы из маленьких горшочков и кувшинов, наличие костей рыб и пр. Присутствует здесь и такой характерный признак протоболгарских некрополей, как подбои, на что ранее не обращалось внимания. Вместе с тем, учитывая малочисленность болгарских погребений в румынской Добрудже, докладчик в отличие от некоторых болгарских археологов не считает, что Болгарское царство распространялось и на эту территорию. У. Фидлер полагает, что наиболее объективным показателем границ Первого Болгарского царства должны служить длинные земляные валы. Одна, но присущая всем без исключения праболгарским племенам Восточной Европы, особенность погребального обряда проанализирована в докладе В. С. Флёрова (СССР) «Обряд „обезвреживания" погребенных у праболгар Восточной Европы». В нем впервые дан обзор обряда обезвреживания погребенных в болгарских могильниках от Волги до Нижнего Дуная. В докладе подчеркивалось, что выявление преднамеренного разрушения скелетов погребенных требует совершенствования методики раскопок. В. С. Флёров полагает, что существование этого обряда определялось бытованием у праболгар шаманистического мировосприятия.

Следующая группа докладов связана с изучением предметов материальной культуры, преимущественно изделий из металлов: амулетов, украшений, деталей конской упряжи. Среди них выделяется доклад М. Ваклиновой (НРБ) «Памятники периода Великого переселения народов из района Плевена», а также доклад Т. Тотева (НРБ) «Праболгарские металлические амулеты из Преслава». Приведя широкий круг аналогий преславским амулетам с антропоморфными сюжетами, докладчик указал на их отношение к культу Тенгри и шаманистическим обрядам. Анализ украшений конской сбруи из Преслава лёг в основу сообщения С. Витлянова (НРБ) «Об украшениях раннесредневековой конской сбруи». Речь идет о позолоченном серебряном медальоне и бронзовой листовидной аппликации IX—X вв. На основе ряда сравнений С. Витлянов пришел к выводу о восточно-азиатском происхождении этих вещей из среды тюркских кочевых народов. Большой интерес вызвал доклад Е. Симоновой (ВНР) «Уникальные металлические предметы в прогребальном инвентаре позднеаварского могильника Топонар (Юго-Западная Венгрия)». Докладчица, в частности, дает стилистический анализ бронзовых накладок ремня из погребения знатного воина и украшения сбруи двух коней. Все предметы, за исключением трех фаларов, украшенных змеиными головками, оказались уникальными. Единственная аналогия фаларам происходит из погр. 27 могильника Хортобадь-Аркуш. Антропоморфно-растительно-геометрический декор (стилизованные змеиные головки, растительный и чешуйчатый орнамент, покрывающий накладки) и техника исполнения позволяют, по мнению Е. Симоновой, связать эти находки с памятниками позднеаварского художественного ремесла. Могильник может быть отнесен к горизонту Блатница — Микульчице — Надьсентмиклош — Престовац. Генетически же изображения Топонара Е. Н. Симонова относит к скифскому звериному стилю, искусству Византии и Сасанидского Ирана.

В докладе «О позднеаварских и раннеболгарских связях» И. Сентпетери (ВНР) рассмотрел вопрос о военной организации авар и вооружении периода ослабления Аварской державы и военных столкновений с болгарскими ханами (рубеж VIII—IX вв.). В новом аспекте рассмотрен вопрос о взаимовлиянии традиций земледельцев Европы и кочевников Востока в докладе И. Хеннинга (ГДР) «Оружие и снаряжение всадника восточного происхождения в кладах сельскохозяйственных орудий на Нижнем Дунае в VIII—X вв.». Предметом исследования явились клады, содержащие помимо сельскохозяйственных орудий некоторые предметы снаряжения («аварские» стремена, легкие удила с прямыми или S-видными псалиями) и оружие. Эти комплексы, по мнению И. Хеннинга, отражают связи местных позднеримских аграрных традиций с восточными кочевническими. С другой стороны, автор отметил проникновение некоторых развивающихся форм сельскохозяйственных орудий в противоположном направлении вплоть до Дона и Волги.

Исследование поселений непосредственно отражено на конференции лишь в докладе Т. Балабанова и Г. Атанасова (НРБ) «Раннеболгарские поселения в районе Плиски». Докладчики в обзорной форме осветили топографию, характер возникновения и сопряженность болгарских поселений с ранее существовавшими античными.

Большой интерес вызвали доклады о языческой архитектуре Болгарии. П. Георгиев (НРБ) в докладе «Большой языческий храм в Плиске» изложил убедительную схему трансформации этого известного храма. В соответствии с ней первоначально функционировала только внутренняя часть храма, связанная с подземным ходом. Позднее возводится внешняя стена. Одно время здесь функционировала церковь. П. Георгиев полагает, что рассматриваемое строение было собственно не храмом, а своеобразным мемориалом, рядом с которым располагалась громадная юрта для поминальных обрядов. В двух докладах предложены реконструкции группы языческих храмов Плиски, Мадары, Преслава. Ст. Бояджиев (НРБ) реконструирует их в виде массивных строений с двумя линиями стен и купольными перекрытиями. В основе реконструкций Ст. Бояджиева лежат зороастрийские храмы огня. Более убедительно, по нашему мнению, выглядели построения Ст. Бонева (НРБ), полагающего, что внешний прямоугольник храмов образовывался не сплошной стеной, а открытой колоннадой. Особое место среди докладов о языческой архитектуре занял доклад археолога Р. Рашева и архитектора В. Дочевой (НРБ) «Юртообразная постройка в Плиске». На основе строгого и обоснованного анализа остатков постройки в виде десятков ямок опорных столбов, расположенных в круге диаметром около

14 м, они реконструировали внушительное деревянное двухъярусное сооружение общественного (обрядового) назначения: на платформе, опирающейся на деревянные сваи, располагалась большая деревянная юрта с конической крышей; с юга на платформу вела широкая деревянная лестница. Как реконструкция, так и ее методика получили единодушное одобрение конференции. Серию докладов архитектурного направления завершил К. Ботов (НРБ) сообщением «Праболгарские храмы и капища Северо-Восточной Болгарии».

Продолжение темы язычества отражено в докладах болгарских специалистов Н. Овчарова, И. Алексиева, Й. Мороза, Б. Симеонова. Положительно отвечая на вынесенный в название доклада вопрос «Существовала ли богиня Умай в религии праболгар?» Н. Овчаров видит в ней символ плодородия, материнской утробы. Культ Умай, по Н. Овчарову, издревле присутствует в языческом пантеоне тюрок, где ее образ сливается с чертами богини Анахиты. Аналогию образа Анахиты-Умай он видит в изображении на золотом кувшине № 2 из Надьсентмиклоша. Болгарские археологи располагают многочисленными находками изображений-граффити шаманов. Одно из интереснейших среди них представлено в сообщении И. Алексиева (НРБ) «Изображение шамана на сосуде из Царевеца». Это двухфигурная сцена на сосуде середины XIII в. из Царевеца близ Велико Тырнова. Справа — поясное изображение фигуры с бородатой личиной, с бубном в левой руке. Аналогична и вторая фигура — в трехконечной шапке. Согласно трактовке И. Алексиева, здесь запечатлена сцена новопосвящения шамана с бубном, призывающим духа-покровителя. На дне сосуда — клеймо с солярным символом. Автор справедливо рассматривает эту сцену как один из позднейших пережитков язычества, сохранившихся вплоть до эпохи Второго Болгарского царства. Й. Мороз (НРБ) выступил с сообщением «К вопросу о семантике лука и стрелы у древних болгар». Доказательству тотемистического характера праболгарских племенных названий посвящалось исследование Б. Симеонова (НРБ) «Тотемизм у праболгар». Используя хуно-тюрко-болгарскую лексику, он предлагает, в частности, следующие прочтения: кутургур-ы — род, племя маралов; курт-ар-гур-ы — племена волков; хуно-гундур-ы — бобры. На большой серии аналогичных примеров прочтения не только племенных (родовых), но и личных имен исследователь показал возможности лингвистики в изучении пережитков тотемизма в эпоху Великой Болгарии.

Проблемы искусства освещались на конференции только в докладе Д. Овчарова (НРБ) «Изобразительно-композиционные проблемы на древнеболгарских рисунках-граффити». Новый методический подход к этим широко известным изображениям позволил по-новому оценить художественное видение в древнеболгарских граффити. На серии примеров автор показал существование у праболгар представления о перспективе и пространстве. Границами композиции служили контуры самой вещи, на которую она нанесена. Наряду с линеарными выделены «объемные» рисунки — свидетельство сферического видения. Автор указал на ряд граффити с изображением всадника в круге, аналогичных в композиционном отношении сент-миклошскому.

О новых исследованиях рунической письменности сообщили К. Попконстантинов, Ж. Аладжов (НРБ) и И. Эрдели (ВНР). К. Попконстантинов показал, что руническая письменность существовала в Болгарии по крайней мере до XI в. и отражала в основном не литературную, а народную разговорную речь. Опыт хронологической и структурной дифференциации праболгарских знаков предпринят Ж. Аладжовым. Новый подход к интерпретации хорошо сохранившейся рунической надписи на игольнике из одного женского погребения Сервашского аварского могильника предложен в докладе И. Эрдели. Он отверг мнение Г. Векони о расшифровке надписи на основе старовенгерского языка и внес небольшие поправки в чтение аварского (тюркского) языка А. Рона-Таша. Докладчик считает, что до середины IX в. для территории Карпато-Дунайского бассейна не может идти речи об угроязычных венграх. Авары же говорили на языке болгаро-тюркского типа, но в их среде не исключено присутствие и ираноязычных или монголоязычных элементов.

В докладе В. Б. Перхавко (СССР) высказано предположение о возникновении русско-болгарских торговых связей еще в период антов, котрагов и утигур, в VI—VII вв. Во второй половине IX в. созревают, по его мнению, предпосылки торговли между Болгарским царством и уличами-тиверцами, причем в этот период Болгария могла выступать торговым посредником между Русью и Византией. Предполагается, что торговля могла идти не только сухопутным, но и морским путем — через устья Дуная и других рек. В качестве крупного перевалочного пункта мог выступать Великий Преслав.

Сфрагистика была представлена на конференции докладом И. Йорданова (НРБ) «Еще раз о моливдовулах Иоанна Багатура». Критикуя ранее предлагавшиеся прочтения на них, он предлагает следующее: «ГОСПОДИ ПОМОГАЙ ИОАННУ БАГАТУРУ И КАНАРТИКИНУ». По мнению И. Йорданова, моливдовул относится к эпохе после принятия христианства (866 г.) и мог принадлежать третьему сыну Симеона, которого объявили канартикином в 927 г. На троне в это время находился Петр, а канартикином был объявлен следующий по старшинству брат Иван.

Вторая шуменская встреча не имела заранее определенной тематики, проблематика докладов образовала довольно пеструю мозаику, но именно такой характер конференции позволил ее участникам получить достаточное, хотя и не полное представление о последних полевых и кабинетных исследованиях археологов-болгаристов пяти стран, преимущественно Народной Республики Болгарии, что вполне естественно. Приходится сожалеть о малочисленности делегации СССР; было высказано сожаление (И. Эрдели) по поводу отсутствия на конференции ученых Румынии. И тем не

менее успех конференции не вызывает сомнений: выявились достижения и необходимые направления дальнейшей работы. Подведем лишь некоторые итоги.

В центре внимания по-прежнему остаются этногенез и этнокарта древних болгар. Попытки выявить древнейший пласт болгарских памятников Восточной Европы (А. Х. Халиков, М. Г Магомедов) остаются пока рабочими гипотезами, не подтвержденными достаточно убедительным конкретным археологическим материалом. Успешнее решается вопрос этнической атрибуции праболгарских памятников VII—X вв. (Д. Димитров, Р. Рашев, И. Василчин). При значительно расширившихся исследованиях биритуальных могильников Болгарии (Ст. Ангелова, Л. Дончева-Петкова, Р. Рашев, Ст. Станилов, И. Василчин, В. Йотов и др.) все еще остается проблемой как объяснение наличия самой биритуальности, так и этническое определение трупосожжений. Не нашло пока должного объяснения и единообразие керамического набора при трупоположениях и сожжениях.

Насущной задачей, как показала конференция, стало проведение широких сравнений погребального обряда Нижнего Подунавья, Подонья и Северного Кавказа, что поведет не только к уточнению этносов биритуальных могильников Болгарии, но и могильников типа Новопокровское, Сухая Гомольша, Абрау-Дюрсо, Казазово.

Вопросы хронологии праболгарских памятников так или иначе затрагивались в большинстве докладов, хотя разработка общепринятой шкалы для праболгарских памятников все еще далека от завершения. В этом плане представляется плодотворной попытка М. Димитрова выявить пласт памятников времен Аспаруха, а также выделение У. Фидлером древнейших болгарских комплексов (VII в.) из района Мадары — Плиски. На мой взгляд, разработка хронологии памятников праболгар в значительной мере тормозится как отсутствием типохронологических колонок инвентаря могильников, так и единой стратиграфической колонки поселений и городищ Северо-Восточной Болгарии.

В заключение несколько слов о верованиях и связанных с ними обрядностью и постройках. Эта тема занимала существенное место в работе конференции (Н. Овчаров, И. Алексиев, И. Мороз, В. Симеонов, Ст. Бояджиев, П. Георгиев, Ст. Бонев, Р. Рашев, К. Ботов). В религии праболгар все отчетливее выделяется две ветви. Одна из них связана с шаманизмом, что отражено в многочисленных граффити и своеобразном отношении к умершим (Д. Димитров, Р. Рашев, В. С. Флёров), внешним выражением второй стали известные храмы типа «прямоугольник в прямоугольнике». Полагаю, что они отражают две ступени-этапа развития религиозного мировоззрения, второй из которых наступает с возникновением устойчивой оседлости, городских центров, государственности. Связывать последний с влиянием зороастризма (Ст. Бояджиев) нет оснований. Праболгарский «пантеон», как в период переселений и кочеваний, так и в период сложения ранних государств возглавляли Тенгри и Умай.

Участники II Международной конференции по археологии праболгар единодушно признали ее чрезвычайную плодотворность и выразили пожелание провести очередную встречу в Шумене не через 10 лет, как намечалось ранее, а уже в 1990 г.

В. С. Флёров

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Конференция по археологии праболгар (Болгария, г. Шумен)//СА. 1977 № 2.
2. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976// Плиска — Преслав. Т. 2. София, 1981.
3. *Плетнева С. А., Макарова Т. И., Афанасьев Г Е.* Болгаро-Советская экспедиция// АО — 1977. М., 1978.
4. *Плетнева С. А., Титов В. С.* Совместные советско-болгаро-венгерские археологические исследования//Вестн. АН СССР. 1982. № 9.
5. *Плетнева С. А.* Работа Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в СССР и Болгарии (1975—1982 гг.)//КСИА. 1984. Вып. 180.
6. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски//Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.
7. Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984.
8. *Медынцева А. А., Поликонстантинов К. К.* Надписи из Круглой церкви в Переславе. София, 1985.

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 18.01.88 Подписано к печати 23.03.88 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 100,8 тыс. Уч.-изд. л. 31,4 Бум. л. 9,5
Тираж 3763 экз. Зак. 4445

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва. К-62. Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6